RX1P
T530

ОТДЕЛЕНО

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Просятъ съ книгою обращаться БЕРЕЖНО.

п 34 г.

ПЕРЕПИСКА

Л. Н. ТОЛСТОГО

съ

Н. Н. СТРАХОВЫМЪ

Библіотека чиновъ ... почтамта Б 1024

49 л.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ Московск. Обл. Библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Сувор. пр.).

1913.

128

Sept-189

Просятъ съ книгою обращаться БЕРЕЖНО.

Предисловіе.

Переписка Л. Н. Толстого съ извѣстнымъ въ свое время (1860—1890-е гг.), но еще мало оцѣненнымъ критикомъ и мыслителемъ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ (родился 16-го октября 1828 г. въ г. Бѣлгородѣ Курской губерніи, умеръ 24-го января 1896 г. въ Петербургѣ) печатается по подлинникамъ, принадлежащимъ Обществу Толстовскаго Музея (письма Толстого) и семейному архиву Л. Н. Толстого (письма Страхова), откуда матеріалъ сообщенъ графиней С. А. Толстой.

Въ переписку эту входитъ свыше 70 писемъ и записокъ Толстого за 1870—1892 гг. и около 200 писемъ Страхова за 1881—1894 гг., причемъ не перепечатываются тѣ письма Толстого, которыя были опубликованы во второмъ томѣ извѣстнаго труда П. И. Бирюкова: «Л. Н. Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ (воспоминанія и письма Л. Н. Толстого)», а оттуда перепечатаны въ сборникѣ П. А. Сергѣенка: «Письма Л. Н. Толстого», т. I и II. На эти письма сдѣланы лишь соотвѣтственныя ссылки и указанія [1]).

Переписка Толстого со Страховымъ дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ, какъ это можно видѣть изъ писемъ обоихъ корреспондентовъ, упоминающихъ о письмахъ, намъ пока неизвѣстныхъ. Слѣдуетъ надѣяться, что письма эти не только сохранились, но и находятся въ вѣрныхъ рукахъ [2]) и будутъ современемъ опубликованы. Каждая строка Толстого для насъ дорога, особенно же дороги его письма къ такимъ лицамъ, съ которыми, какъ со Страховымъ, онъ былъ въ давнихъ дружескихъ отношеніяхъ, располагавшихъ его къ полной откровенности; этимъ письмамъ самъ Толстой склоненъ былъ придавать особенное значеніе и, отвѣчая на запросъ П. А. Сергѣенка, писалъ ему 6-го февраля 1906 г.: «У меня было два (кромѣ А. А. Толстой—это третье) лица, къ которымъ я много написалъ

---

[1]) При изданіи писемъ Толстого и Страхова соблюдена орѳографія подлинниковъ, съ буквальною точностью, безъ какихъ бы то ни было сокращеній, и съ сохраненіемъ въ письмахъ Толстого словъ зачеркнутыхъ, но поддававшихся все же разбору: такія слова заключены нами въ прямыя скобки [ ]; въ такія же скобки поставлены и предположительныя даты писемъ или мѣста ихъ написанія; знаки препинанія также сохранены по мѣрѣ возможности и прибавлены только въ случаяхъ необходимости. За помощь въ разборѣ нѣкоторыхъ неясно написанныхъ Толстымъ словъ и вообще въ снятіи копій съ писемъ приношу свою благодарность Е. А. и Н. А. Успенскимъ.

[2]) Въ 1893 г. А. М. Хирьяковъ переписывалъ у Страхова письма къ нему Толстого, по порученію В. Г. Черткова; по этимъ-то к о п і я м ъ, сохраняющимся въ архивѣ послѣдняго, П. И. Бирюковъ напечаталъ нѣкоторыя письма Толстого и отрывки изъ нихъ въ своей біографіи Льва Николаевича.

писемъ и, сколько я вспоминаю, интересныхъ для тѣхъ, кому можетъ быть интересна моя личность. Это Страховъ и Кн. Серг. Сем. Урусовъ»[1]).

И дѣйствительно, уже по тѣмъ отрывкамъ, которые были опубликованы П. И. Бирюковымъ и П. А. Сергѣенкомъ, письма Толстого къ Страхову могли быть оцѣнены по достоинству; несомнѣнно, поэтому, что печатаемыя ниже, съ письмами Страхова, ихъ вызвавшими или ими вызванными, они явятся драгоцѣннымъ матеріаломъ для біографіи обоихъ писателей. Ихъ связывала 25-лѣтняя дружба, которая со стороны Страхова была болѣе, чѣмъ 30-лѣтнимъ поклоненіемъ генію Толстого и его великимъ душевнымъ и духовнымъ качествамъ. Это поклоненіе доходило до степени обожанія и вызывалось тѣмъ, что Страховъ считалъ художественное творчество Толстого «вполнѣ своеобразнымъ», представляющимъ «сліяніе самой яркой объективности съ самой глубокой субъективностью», — находилъ въ основѣ всей художественной дѣятельности Толстого то стремленіе къ «духу чистоты», которое онъ считалъ высшимъ совершенствомъ бытія. «Всѣмъ теперь очевидно», писалъ онъ въ предисловіи къ сборнику своихъ «Критическихъ статей объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ», «что, отъ самаго начала, сочувствія Толстого устремлялись къ простому и доброму, что эта освобожденная душа, умѣющая видѣть жизнь не въ отвлеченныхъ формахъ и не съ частныхъ точекъ зрѣнія, а во всей ея полнотѣ и цѣльности, упорно доискивается истинной жизни среди всякаго рода фальшивыхъ явленій, и что она находитъ ее только въ томъ, что представляетъ самую чистую нравственную красоту, что бываетъ просто и смиренно до самоуничиженія и въ то же время твердо и спокойно до степени величайшаго великодушія. Пусть это называютъ пантеизмомъ или фатализмомъ, или буддизмомъ, но во всякомъ случаѣ пусть признаютъ, что это путь, ведущій къ Богу, и что Толстой, вышедши на него, до сихъ поръ идетъ прямо, а не въ обратномъ направленіи» [2]).

Страховъ считалъ Толстого «писателемъ несравненнымъ и единственнымъ, стоящимъ на высотѣ, которую теперь намъ даже трудно и опредѣлить; одно уже и теперь [3]) ясно: не только намъ онъ кровно дорогъ, но, по величайшей цѣнности своего качества и по высокой степени, въ которой онъ проявилъ его, онъ долженъ занять мѣсто въ первыхъ рядахъ всемірной литературы» [4]), въ другомъ мѣстѣ («Толки объ Л. Н. Толстомъ. Психологическій этюдъ») [5]), утверждая, что извѣстность Толстого уже «стала истинно все-

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого, т. II, стр. 227.
[2]) Изд. 2-е, С.-Пб. 1887, стр. XVI.
[3]) Писано въ 1885 г.
[4]) Тамъ-же, стр. XVII.
[5]) „Вопросы философіи и психологіи“ 1891 г., кн. 9, стр. 99, и „Воспоминанія и отрывки“ Н. Страхова, С.-Пб. 1892, стр. 132.

мірною», что о немъ «пишутъ и слѣдятъ во всѣхъ образованныхъ странахъ», онъ высказывалъ мнѣніе, что «можетъ быть со временъ Вольтера не было писателя, который производилъ бы такое сильное дѣйствіе на своихъ современниковъ». При этомъ Страховъ не безъ основанія гордился тѣмъ, что онъ былъ первымъ критикомъ, угадавшимъ и оцѣнившимъ въ Толстомъ геніальнаго писателя и мыслителя еще при появленіи въ печати первыхъ частей «Войны и Мира» [1]), и, вспоминая о насмѣшкахъ, которымъ онъ за это тогда подвергался, онъ считалъ «лучшимъ своимъ дѣломъ» свою «критическую поэму въ четырехъ пѣсняхъ»—критическій разборъ «Войны и Мира» [2]).

Съ каждымъ вновь выходившимъ произведеніемъ Толстого восторгъ Страхова возрасталъ; «Анна Каренина» вызываетъ съ его стороны восхищеніе, котораго онъ и выразить уже не умѣетъ, не находя словъ, чтобъ передать свое изумленіе передъ красотами великаго созданія.

Таково было отношеніе Страхова къ Толстому, какъ мыслителю и писателю-художнику; но не менѣе, если не болѣе велико было увлеченіе, преклоненіе Страхова передъ личными качествами Льва Николаевича; свиданіе съ нимъ доставляетъ ему «минуты удивительнаго восторга» (см. ниже, письмо № 3); «скоро-ли и гдѣ Вы найдете человѣка, который бы такъ любилъ и понималъ Васъ, какъ я»,—спрашиваетъ онъ Толстого (письмо № 9); «какая Вы для меня радость въ жизни»,—восклицаетъ онъ (тамъ-же); «Я Васъ ставлю выше всѣхъ»,—признается онъ далѣе (письмо № 11); «безцѣнный», «несравненный», «безконечноуважаемый», «поклоняемый и завидуемый»,—вотъ эпитеты, которые Страховъ даетъ Толстому, всячески желая показать ему всю силу, глубину и горячность своихъ къ нему чувствъ. Эту преданность, это «безмѣрное» уваженіе, это преклоненіе предъ Толстымъ отмѣчаетъ и біографъ Толстого—П. И. Бирюковъ, и біографы Страхова, между прочимъ, В. В. Розановъ, Б. В. Никольскій, Н. К. Михайловскій. Послѣдній, говоря о Страховѣ, замѣчаетъ, что онъ не можетъ себѣ вообразить Страхова рядомъ съ Толстымъ иначе, какъ колѣнопреклоненнымъ. «И дѣйствительно, замѣчаетъ по этому случаю П. И. Бирюковъ, Страховъ безмѣрно уважалъ и искренно любилъ Льва Николаевича» [3]). Г. Никольскій называетъ нѣжную любовь Страхова къ Толстому главною привязанностью въ его жизни,—наряду съ любовью къ Аполлону Григорьеву, Достоевскому, Фету и Н. Я. Данилевскому [4]) (въ письмахъ Страхова къ послѣднему разсѣяно много любопытныхъ разсказовъ о Толстомъ и о Ясной Полянѣ) [5]), а В. В. Розановъ въ своей статьѣ, посвященной

---

[1]) „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, стр. XII.
[2]) Письмо къ Толстому отъ 26 ноября 1873 г.
[3]) П. Бирюковъ, т. II, стр. 141.
[4]) Б. Никольскій, Н. Н. Страховъ, С.-Пб. 1896, стр. 40.
[5]) „Русскій Вѣстн.“ 1901, № 1, 2 и 3.

посмертному воспоминанію о Страховѣ [1]), говоритъ, что «вообще чрезвычайна была любовь его къ этому человѣку; къ Данилевскому (Николаю Яковлевичу) онъ былъ привязанъ, какъ къ типично собравшему въ себѣ свѣтлыя народныя черты: ясный умъ и твердый, опытный характеръ; къ Григорьеву (Аполлону Александровичу)—какъ къ иниціатору правильныхъ пріемовъ въ любимѣйшемъ его дѣлѣ—критикѣ; къ Толстому привязанность его была болѣе глубокая и мистическая: онъ любилъ его, какъ олицетвореніе лучшихъ и глубочайшихъ стремленій души человѣческой, какъ особливый нервъ въ огромномъ тѣлѣ человѣчества, въ коемъ мы, остальные, составляемъ менѣе понимающія и значущія части; онъ любилъ его именно въ его неясности, неоконченности... Любилъ въ немъ темную бездну, дна которой никто не видѣлъ, изъ глубины которой еще поднимается множество сокровищъ; и, нѣтъ сомнѣнія, лучшаго друга Толстой никогда не терялъ».

Къ сожалѣнію, Страховъ не написалъ очерка своего знакомства съ Толстымъ и унесъ съ собою въ могилу много цѣннѣйшихъ разсказовъ о немъ, и только въ краткой автобіографической запискѣ своей сухо сообщилъ, что знакомство его съ Л. Н. Толстымъ «случилось въ 1871 году. Послѣ статей о «Войнѣ и Мирѣ», разсказываетъ онъ: «я рѣшился написать ему письмо, въ которомъ просилъ дать что-нибудь для напечатанія въ «Зарѣ». Онъ отвѣчалъ, что у него ничего нѣтъ, и прибавилъ настоятельную просьбу заѣхать къ нему въ Ясную Поляну, если представится возможность. Въ 1871 г. я получилъ изъ «Зари» 400 р., которые долго задерживались, и въ іюнѣ поѣхалъ погостить у своихъ родныхъ въ Полтавѣ. Возвращаясь въ Петербургъ, я остановился въ Тулѣ, переночевалъ, взялъ извозчика и поѣхалъ въ Ясную. Съ тѣхъ поръ мы видаемся каждый годъ, т. е. обыкновенно я лѣтомъ гощу у него мѣсяцъ, полтора. Мы иногда спорили, охладѣвали другъ къ другу, но добрыя чувства скоро брали верхъ; семья его полюбила меня, и теперь во мнѣ видятъ стараго, неизмѣннаго друга, каковъ я и есть на самомъ дѣлѣ» [2]).

Такъ вспоминаетъ Страховъ, незадолго до своей смерти, о своемъ знакомствѣ съ Толстымъ,—вспоминаетъ холодно и сухо,—а вотъ какъ писалъ онъ Толстому въ 1876 г., вернувшись изъ Ясной Поляны: «Не счастье-ли, не величайшее-ли счастье знать такого человѣка, какъ Вы, и побывать въ такомъ уголкѣ земли, какъ Ясная Поляна? Вы создали вокругъ себя этотъ чудесный міръ, такой цѣльный и стройный, и въ немъ господствуетъ Вашъ духъ: простой, высокій и чистый. Напряженіе Вашей духовной жизни постоянно меня изумляетъ, съ перваго нашего знакомства (до знакомства я думалъ о Васъ ниже, а теперь старательно внушаю всѣмъ, и дура-

[1]) „Русское Обозр.“ 1896, кн. 10, стр. 635—636, 649, 651.
[2]) Б. В. Никольскій, назв. соч., стр. 50.

камъ, и умникамъ, что не встрѣчалъ никого, кто бы такъ работалъ головою, какъ Вы). Въ Ясной Полянѣ возможны всякія человѣческія бѣдствія, кромѣ одного—невозможна скука, потому что центръ этого міра—человѣкъ, непрерывно растущій душою. И смыслъ этой жизни я не могу иначе назвать, какъ святостью; это культъ чистоты, простоты, добросовѣстнѣйшее и непринужденнѣйшее стремленіе къ высшимъ цѣлямъ человѣка. Нѣтъ! это нѣчто удивительное! У Васъ могутъ быть недостатки и слабости, но они не имѣютъ значенія въ Вашей жизни; то, чѣмъ эта жизнь опредѣляется, высоко и безукоризненно. Все время у Васъ я чувствовалъ себя, какъ влюбленный».

Со своей стороны и Толстой платилъ Страхову за его чувства чувствами уваженія и серьезнаго, прочнаго расположенія. Въ письмѣ къ графинѣ А. А. Толстой, называя его своимъ пріятелемъ, Толстой говоритъ, что Страховъ—«одинъ изъ лучшихъ людей», которыхъ онъ знаетъ [1]). Писемъ Страхова Толстой ждалъ всегда съ нетерпѣніемъ, говорилъ, что съ особенно пріятнымъ чувствомъ распечатываетъ письма съ почеркомъ Страхова на адресѣ (см. письмо 26-го апрѣля 1892 г.) и любилъ бесѣдовать съ нимъ на волновавшія обоихъ темы. «Когда проснусь, то первое, что представляется,—это мое желаніе общенія съ Вами», писалъ онъ ему однажды (см. письмо 23-го ноября 1878 г.). «У меня», писалъ Толстой А. А. Фету 21-го іюля 1876 г.: «недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которымъ, безпрестанно поминая Васъ, я нафилософствовался до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицмейстеромъ Петю, чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи, ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ» [2])... «Знаете-ли», писалъ ему Толстой въ началѣ личнаго знакомства своего со Страховымъ: «что меня въ васъ поразило болѣе всего? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе, чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ (разумѣется, съ помощью того, что вы писали и говорили). Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю «чисто» въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это—при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими, сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится,

[1]) Толстовскій Музей, т. I, С.-Пб. 1911, стр. 279, въ письмѣ отъ февраля 1877 г.

[2]) Письма Л. Н. Толстого, собр. П. А. Сергѣенко, т. II, стр. 48—49.

если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но, пожалуйста, сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я тогда, когда жилъ, какъ вы (въ суетѣ), что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и тишины, во время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ ненарушаемая своя собственная атмосфера, и въ этой атмосферѣ всѣ жизненныя явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы, какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти-то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это-то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка перерываетъ это состояніе. Вотъ этого то я бы желалъ вамъ»[1]).

Толстой любилъ въ Страховѣ вѣчную работу его мысли, его постоянныя исканія: «мы съ нимъ очень похожи другъ на друга нашими религіозными взглядами»,—писалъ онъ графинѣ А. А. Толстой по поводу ея словъ объ отношеніи Толстого къ вопросамъ религіи; «мы оба убѣждены, что философія ничего не даетъ, что безъ религіи жить нельзя, а вѣрить не можемъ» [2]). Свое высокое довѣріе къ Страхову Толстой засвидѣтельствовалъ еще и тѣмъ, что въ своемъ первомъ по времени завѣщательномъ распоряженіи (1895 г.) онъ поручилъ Страхову, вмѣстѣ съ графиней С. А. Толстой и В. Г. Чертковымъ разборъ и пересмотръ своихъ бумагъ [3]). Лучше всего, однако, взаимныя отношенія Страхова и Толстого выясняются, конечно, изъ ихъ переписки, изъ самаго тона писемъ обоихъ корреспондентовъ,—и къ изученію ея мы отсылаемъ читателей. Мы вполнѣ увѣрены, что переписка эта обратитъ на себя такое-же вниманіе, какое вызвали къ себѣ переписка Толстого съ графиней А. А. Толстой, опубликованная въ 1911 году Обществомъ Толстовскаго Музея, и сборники писемъ его, изданные П. А. Сергѣенкомъ и А. Е. Грузинскимъ [4]). Мы не сомнѣваемся также, что чтеніе это будетъ поучительно для всѣхъ почитателей великаго писателя земли Русской и во многомъ уяснитъ для нихъ его высокій духовный образъ. **Б. Модзалевскій.**

---

[1]) Письмо это приведено по копіи изъ архива В. Г. Черткова, въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II стр. 241—242 и перепечатано у П. А. Сергѣенка, т. I, стр. 94—95.

[2]) Тамъ-же.

[3]) „Толстовскій Ежегодникъ 1912 года“, М. 1912. стр. 9 и 11.

[4]) По поводу сборниковъ П. А. Сергѣенка см. прекрасный этюдъ И. И. Замотина: „Л. Н. Толстой въ его письмахъ“, Варшава, 1912. Подъ редакціей А.Е. Грузинскаго въ Москвѣ изданъ въ 1912г. „Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого“, собранныхъ также П. А. Сергѣенкомъ. Характеристику переписки Толстого со Страховымъ см. въ статьѣ В. П. Кранихфельда въ „Современномъ Мірѣ“ 1912, № 12, стр. 327—342.

Просятъ съ книгою
обращаться БЕРЕЖНО.

1. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

19 Марта 1870. [Ясная Поляна].

Милостивый Государь!

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу статью о женщинахъ [1]) и обѣими руками подписываюсь подъ ея выводы; но одна уступка, кот. вы дѣлаете о женщинахъ безполыхъ, мнѣ кажется портитъ все дѣло. Такихъ женщинъ нѣтъ, какъ нѣтъ четвероногихъ людей. Отрожавшаяся женщина и ненашедшая мужа женщина все таки женщина, и если мы будемъ имѣть въ виду не то людское общество, кот. обѣщаютъ намъ устроить Милли и пр., а то, которое существуетъ и всегда существовало по винѣ непризнаваемаго ими к о г о т о, мы увидимъ, что никакой надобности нѣтъ придумывать исходъ для отрожавшихся и не нашедшихъ мужа женщинъ: на этихъ женщинъ безъ конторъ, каѳедръ и телеграфовъ всегда есть и было требованіе [всегда], превышающее предложеніе. — Повивальныя бабки, няньки, экономки, распутныя женщины. Никто не сомнѣвается въ необходимости и недостаткѣ пов. бабокъ, и всякая несемейная женщина, нехотящая распутничать тѣломъ и душою, не будетъ искать каѳедры, а пойдетъ, насколько умѣетъ, помогать родильницамъ. Н я н ь к и—въ самомъ обширномъ народномъ смыслѣ. Тетки, бабки, сестры это няньки, находящія себѣ въ семьѣ въ высшей степени цѣнимое призваніе. Гдѣ семья,

---

[1]) Статья Страхова „Женскій вопросъ“ („Заря“ 1870 г., № 2, стр. 107—149), написанная по поводу выхода въ свѣтъ книги Джона Стюарта Милля въ двухъ переводахъ: „Подчиненность женщины“, въ переводѣ съ англійскаго языка, съ предисловіемъ Н. К. Михайловскаго и съ приложеніемъ писемъ О. Конта къ Миллю по женскому вопросу (С.-Пб. 1869) и „О подчиненіи женщины“. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова, С.-Пб. 1869. Статья Страхова вошла въ сборникъ его статей „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ Историческіе и критическіе очерки“, С.-Пб. 1882, изд. 2-е, С.-Пб. 1887.

въ кот. бы не было такой няньки, кромѣ нанятой? И счастлива та семья и тѣ дѣти, гдѣ она есть. И женщина, не хотящая распутничать душой и тѣломъ, вмѣсто телеграфной конторы всегда выберетъ это призваніе,—даже не выберетъ, а сама собой нечаянно впадетъ въ эту колею и съ сознаніемъ пользы и любви пойдетъ по ней до смерти. Не говорю о наемныхъ нянькахъ, кот. мы выписывали изъ Швейцаріи, Англіи, Германіи.

Подъ экономками, кромѣ наемныхъ, опять я разумѣю [ж] тещъ, матерей, сестеръ, тетокъ, бездѣтныхъ женъ. Опять призваніе женственное, въ высшей степени полезное и достойное. Не знаю, почему для достоинства женщины—человѣка вообще выше передавать [депеши] чужія депеши или писать рапорты, чѣмъ соблюдать состояніе семьи и здоровье [и бла] ея членовъ.

Вы можетъ быть удивитесь, что въ число этихъ почетныхъ званій я включаю и несчастныхъ б....й Это я обязанъ сдѣлать потому, что мои доводы строятся не на томъ, что бы мнѣ желательно было, а на томъ, что есть и всегда было. Эти несчастныя всегда были и есть и по моему было бы безбожіемъ и безсмысліемъ допускать, что Богъ ошибся, устроивъ это такъ, и еще больше ошибся Христосъ, объявивъ прощеніе одной изъ нихъ. Я только смотрю на то, что есть, стараюсь понять, для чего оно есть. То, что этотъ родъ женщинъ нуженъ, намъ доказываетъ то, что мы выписали ихъ изъ Европы; то же, для чего онѣ необходимы, нетрудно понять, если мы только допустимъ то, что всегда было, что родъ человѣческій развивается только въ семьѣ. Семья только въ самомъ первобытномъ и простомъ быту можетъ держаться безъ помощи магдалинъ, какъ это мы видимъ въ глуши въ мелкихъ деревняхъ; но чуть только является большое скопленіе въ центрахъ — большія села, маленькіе города, большіе города — столицы, такъ являются онѣ и всегда соразмѣрно величинѣ центра. Только земледѣлецъ, никогда не отлучающійся отъ дома, можетъ, женившись молодымъ, оставаться вѣрнымъ своей женѣ и она ему, но въ [при] усложненныхъ формахъ жизни мнѣ кажется очевиднымъ, что это невозможно (въ массѣ, разумѣется). Что же было дѣлать тѣмъ законамъ, кот. управляютъ міромъ? Остановить скопленіе центровъ и развитіе? Это противорѣчитъ другимъ цѣлямъ. Допустить свободную перемѣну женъ и мужей (какъ этого хотятъ пустобрехи либералы)—это тоже не входитъ въ цѣли провидѣнія по причинамъ яснымъ для насъ — это разрушало семью. И потому по закону экономіи силъ явилось среднее — появленіе магдалинъ соразмѣрное усложненію жизни. Представьте себѣ Лондонъ безъ своихъ 70 т. магдалинъ. Что бы сталось съ семьями? [Удержал] Много ли бы удержалось [мужей] женъ, дочерей чистыми? Что бы сталось съ [нр] законами нравственности, кот. такъ любятъ блюсти люди. Мнѣ кажется, что этотъ классъ женщинъ необ-

ходимъ для семьи, при теперешнихъ усложненныхъ формахъ жизни.—Такъ что, если мы только не будемъ думать, что общественное устройство произошло по волѣ какихъ то дураковъ и злыхъ людей, какъ это думаютъ Милли, а по волѣ непостижимой намъ, то намъ будетъ ясно мѣсто, занимаемое въ немъ несемейной женщиной.—Они смотрятъ съ точки зрѣнія гордости, т. е. желанія показать, что они устроятъ міръ лучше, чѣмъ онъ устроенъ, и потому ничего не видятъ; но стоитъ только посмотрѣть съ точки зрѣнія существующаго, и все станетъ ясно. Они говорятъ о женщинѣ хорошо. Призваніе женщины все таки главное—рожденіе, воспитаніе, кормленіе дѣтей. [Только ж] Мишеле прекрасно говоритъ, что есть только женщина, а что [человѣкъ] мущина есть le mâle de la femme [1]). Посмотрите же на эту женщину, исполняющую свой прямой долгъ. Тотъ, кто жилъ съ женщиной и любилъ ее, тотъ знаетъ, что у этой женщины, рожающей въ продолженіи 10, 15 лѣтъ, бываетъ періодъ [такого напряженія и труда], въ которомъ она бываетъ подавлена трудомъ. Она носитъ или кормитъ; старшихъ надо учить, одѣвать, кормить [одинъ боленъ, другой]; болѣзни, воспитаніе, мужъ и вмѣстѣ съ тѣмъ темпераментъ, кот. долженъ дѣйствовать, ибо она должна рожать. Въ этомъ періодѣ женщина бываетъ, какъ въ туманѣ напряженія, она должна выказать упругость энергіи непостижимую, если бы мы не видали ее. Это въ родѣ того, какъ наши севѣрн. мужики въ 3 мѣс. лѣта убираютъ поля. Въ этомъ то періодѣ представьте себѣ женщину, подлежащую искушеніямъ всей толпы неженатыхъ кобелей, у к. нѣтъ магдалинъ, и главное — представьте себѣ женщину безъ помощи другихъ несемейныхъ женщинъ—сестеръ, матерей, тетокъ, нянекъ. И гдѣ есть женщина, управившаяся [сама] одна въ этомъ періодѣ?—Такъ какое же нужно еще назначеніе несемейнымъ женщинамъ? онѣ всѣ разойдутся въ помощницы рожающимъ, и все ихъ будетъ мало, и все будутъ мереть дѣти отъ недосмотра и будутъ отъ недосмотра дурно накормлены и воспитаны.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова карандашомъ «не посланное. 19 марта 1870».

2. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

12-го сентября 1871 г. [Петербургъ].

Поиски мои кончены, высокоуважаемый Левъ Николаевичъ, но ничего хорошаго не могу сообщить Вамъ.

1. Глазуновъ [2]) отказался.

---

[1]) Самецъ женщины.

[2]) Извѣстный книгопродавецъ Иванъ Ильичъ Глазуновъ (род. 1826, ум. 1889), издатель сочиненій Кантемира, Фонвизина, Лермонтова, Жу-

2. Вольфъ [1]), увидавъ меня, вдругъ объявилъ, что больше четырехъ тысячъ онъ не даетъ.

3. Исаковъ [2]), или лучше его прикащикъ Мартыновъ [3]), ведущій всѣ его дѣла, толковалъ, что полное собраніе не пойдетъ, такъ какъ есть Стелловскаго [4]), а хорошо бы издать Войну и Миръ, тысячи три экземпляровъ, и пустить рубля по три.

4. Самое выгодное предложеніе сдѣлалъ Д. Ѳ. Ѳедоровъ [5]), тотъ, на чьи деньги разсчитывалъ Кожанчиковъ [6]). Принимая Ваши условія (т. е. 4 тома, 36.000 экземпляровъ, цѣна 10 рублей), онъ предлагаетъ Вамъ шесть тысячъ рублей, деньги сейчасъ и сполна. Расчетъ его вотъ какой:

Вамъ	6.000 р.	
Изданіе будетъ стоить. . . .	8.000	
Уступка книгопродавц. . . .	7.200	по 20% съ 36.000
Всего	21.200	
Ему останется.	14.800	

Эти деньги онъ думаетъ выручить въ 3 года. То есть на 14 тысячъ затраты (Вамъ 6 и за изданіе 8), онъ думаетъ въ три года нажить рубль на рубль. «Можетъ быть, прибавилъ онъ, кто-нибудь для славы издастъ на лучшихъ условіяхъ, но покупечески дать больше невыгодно». Тургеневъ, сказалъ мнѣ Ѳедоровъ, самъ печатаетъ свои изданія и потомъ продаетъ гуртомъ за полцѣны, то есть какъ разъ даетъ книгопродавцу выручить столько, сколько желаетъ выручить съ Васъ Ѳедоровъ.

Очень бы я былъ доволенъ, если бы мои справки послужили Вамъ къ чему-нибудь, — напримѣръ, пригодились бы для соображеній о самомъ выгодномъ способѣ сдѣлать дѣло. Но я заранѣе не надѣялся на здѣшнихъ издателей, и думаю, что въ Москвѣ Вы найдете людей болѣе денежныхъ и болѣе смѣлыхъ [7]).

ковскаго, Гончарова, Островскаго, Тургенева и др.; былъ въ 1881—1885 С.-Петербургскимъ городскимъ головою.

[1]) Маврикій Осиповичъ Вольфъ, тоже книгопродавецъ и издатель (род. 1825, ум. 1883).

[2]) Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ (род. 1810, ум. 1881), владѣлецъ книжнаго магазина, издатель сочиненій Пушкина и др.

[3]) Николай Гавриловичъ Мартыновъ, впослѣдствіи самъ владѣлецъ книготорговли и издатель.

[4]) Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Стелловскій (ум. 1875), владѣлецъ типографіи, литографіи и нотнаго магазина, издатель соч. Писемскаго, Достоевскаго и др. авторовъ; его изданіе сочиненій Толстого вышло въ 1864 г., въ 2 томахъ.

[5]) Дмитрій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, книготорговецъ въ Апраксиномъ Дворѣ.

[6]) Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, книгопродавецъ (ум. 1877).

[7]) Собраніе сочиненій Толстого было издано лишь въ 1873 г., въ Москвѣ, въ 8 томахъ, со включеніемъ въ него „Войны и Мира“.

Хочу поправить то, что я писалъ Вамъ о Достоевскомъ. Повидавшись съ нимъ нѣсколько разъ, я увидѣлъ, что онъ вовсе не ослабѣлъ, и что перемѣна, которая мнѣ показалась страшною, въ сущности имѣетъ какой-то очень хорошій характеръ. Теперь у него прекрасная семья [1]), двое маленькихъ дѣтей; есть при томъ надежда, что онъ можетъ быть избавится отъ житья заработкомъ. Словомъ—будущее очень свѣтло, и я, вмѣсто того чтобы жалѣть о немъ, сталъ радоваться [2]).

Бѣсы [3]) очевидно представляютъ всѣ его достоинства и всѣ его недостатки, возведенные въ квадратъ, если не въ кубъ. Онъ работаетъ надъ этимъ романомъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ; а выйдетъ, кажется, чудище, котораго никто не пойметъ [4]).

Графинѣ разскажите слѣдующую исторію: Была тутъ дѣвушка, на которой меня все толкали жениться. Но такъ какъ она была богата и криворота и по другимъ высшимъ причинамъ, я ничуть не подавался на подталкиваніе. Долженъ сознаться, что я находилъ дѣвушку все-таки симпатичною. Нынѣшней весной вдругъ объявляютъ, что она выходитъ замужъ за молодого человѣка, котораго мы всѣ знали и который давно за ней ухаживалъ. Женихъ сіяетъ, пьютъ шампанское и пр. По службѣ онъ долженъ былъ уѣхать мѣсяца на два или на три. Случайно я его встрѣтилъ въ Кіевѣ. Онъ объявилъ мнѣ, что Петербургъ—Европа, а Кіевъ все-таки Азія, и что онъ въ эту же ночь ѣдетъ въ Петербургъ.—«Играть свадьбу»?—Не знаю... — «Какъ?..» Да вы тамъ лучше узнаете. — Пріѣзжаю въ Петербургъ и узнаю: женихъ пріѣхалъ какъ разъ на канунѣ того дня, когда его невѣста должна была вѣнчаться съ другимъ! Говорятъ, они видѣлись въ тотъ же день; женихъ упрекалъ, она плакала и на колѣняхъ просила прощенія... Впрочемъ подробности еще узнаю хорошенько. Свадьба однако же совершилась на слѣдующій день съ новымъ женихомъ. Отставной уѣхалъ назадъ въ Кіевъ.

---

[1]) Достоевскій женился въ 1867 г.; его жена, Анна Григорьевна, рожд. Сниткина, здравствуетъ понынѣ.

[2]) Незадолго до этого Достоевскій вернулся изъ-за-границы, гдѣ прожилъ около 4-хъ лѣтъ.

[3]) „Бѣсы“ написаны были въ 1870 г., печатались въ теченіе всего 1871 г. и конца 1872 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ 1873 г. были изданы отдѣльно.

[4]) Воспоминанія свои о Достоевскомъ Страховъ помѣстилъ въ „Семейныхъ Вечерахъ“ 1881 г., т. I, февр., стр. 235—248, и въ Собраніи сочиненій Достоевскаго, изд. 1882 — 1883 г., т. I; 20 писемъ Достоевскаго къ Страхову (1862 — 1871) хранятся въ Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Имп. Академіи Наукъ; большинство ихъ было напечатано въ Полномъ собраніи сочиненій Достоевскаго (С.-Пб. 1883, т. I, стр. 259 — 314) съ примѣчаніями Страхова и по большей части полностію.

Вотъ вамъ и женитесь! А графиня говоритъ, что это вовсе не трудно.

Недавно слышалъ сужденія о «Войнѣ и Мирѣ» съ новой точки зрѣнія. Строгія маменьки не даютъ этой книги дочкамъ, находя ее соблазнительною. Особенно возмущаются двумя сценами: когда Анатоль видитъ въ первый разъ Наташу и входитъ къ ней въ ложу, и 2) когда Наташа ночью прокрадывается къ раненному князю Андрею.

Отъ всей души желаю вамъ всего хорошаго.

Вамъ преданнѣйшій

1871 г. 12 сент. [1]) Н. Страховъ.

3. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1872 г. 10 Марта [Петербургъ] [1]).

О, какія радостныя вѣсти, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Такъ Вы опять пишете, опять работаете—увидимъ—я даже предчувствую немножко, что дѣло идетъ о сліяніи съ народною поэзіею, и хочу поговорить объ Вашихъ волнахъ. Но—сперва о томъ, что называется дѣлами. Какъ бы ни желалъ, но не могу помочь Вамъ; Вы должны покориться горькой участи и чѣмъ-нибудь отдѣлаться отъ «Зари». Во первыхъ Кашпиревъ [3]) питаетъ ко мнѣ величайшую ревность по отношенію къ журналу. Сколько я ни старался показать, что не посягаю ни на малѣйшую частицу его власти, что имѣю въ виду не свое самолюбіе, а только пользу дѣла, онъ не повѣрилъ до сихъ поръ и съ предъубѣжденіемъ встрѣчаетъ всѣ мои совѣты, а настоянія вызываютъ въ немъ даже упорное противодѣйствіе. Но это бы еще ничего—я сталъ бы дѣйствовать черезъ другихъ. Главное—Вы не повѣрите, въ какихъ безпрерывныхъ фантазіяхъ живетъ чета Кашпиревыхъ; они только мечтами и питаются и услаждаются. Ваше имя въ журналѣ для нихъ такой удобный предлогъ для всякихъ радужныхъ надеждъ, розовыхъ разговоровъ и размышленій, что они отъ него не откажутся ни за какія дѣйствительныя блага. Если же Вы не исполните Вашего обѣщанія, то жалобамъ и нареканіямъ не скоро будетъ конецъ. Такъ все и идетъ:

---

[1]) Писано послѣ перваго посѣщенія Страховымъ Ясной Поляны и личнаго знакомства съ Толстымъ.

[2]) Отвѣтъ на письмо Толстого отъ 3-го марта 1872 г. (см. Бирюковъ, т. II, стр. 114—115).

[3]) Василій Владиміровичъ Кашпиревъ (род. 1836, ум. 1875) издавалъ подъ своею редакціею въ Петербургѣ съ 1869 до начала 1872 г. ежемѣсячный журналъ „Заря“, который прекратился вслѣдствіе полной непрактичности самого издателя и несмотря на успѣхъ среди читателей. Н. Н. Страховъ написалъ прочувствованный некрологъ Кашпирева въ „Гражданинѣ“ 1875 г., № 50.

подозрѣваютъ, мечтаютъ, злословятъ, жалуются, а дѣла только не дѣлаютъ, и хотя время проводятъ не безъ занимательности, но съ большими издержками и не только безъ пользы для другихъ, а со вредомъ.

Такъ и быть—поскорѣе пришлите два-три разсказа и свалите съ себя эту обузу. Я впрочемъ сегодня еще потолкую въ Редакціи и завтра напишу Вамъ результатъ.

11 марта. Не смотря на мои разговоры, Кашпиревъ стоитъ на напечатаніи Вашего разсказа. Одна причина довольно уважительна: будетъ исполнено обѣщаніе редакціи, а въ числѣ безчисленныхъ упрековъ «Зарѣ» не разъ было повторено, что она фальшиво обѣщаетъ Васъ. Въ послѣдній разъ этотъ упрекъ очень взбѣсилъ Кашпирева, такъ какъ сдѣланъ былъ (печатно) Авсѣенкою [1]), бывшимъ сотрудникомъ и пріятелемъ, который участвовалъ даже въ составленіи объявленія, даже настаивалъ, чтобы Васъ обѣщали какъ можно положительнѣе. Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, покоритесь судьбѣ и пришлите Вашъ разсказъ объ охотѣ. Поручите мнѣ держать корректуру — и дѣло сдѣлается скорехонько, и всей исторіи будетъ конецъ [2]).

«Заря» идетъ вотъ какъ. Первую книжку типографія кончила 8-го или 10-го февраля. Затѣмъ до первыхъ чиселъ марта не было послано въ типографію ни одной рукописи. Теперь набирается февральская книжка и выйдетъ на Святой. Почему такъ дѣлается, я еще не разгадалъ; но думая объ этомъ, я каждый день благодарю небеса, что сложилъ съ себя заботы о Зарѣ и отложилъ всякую надежду на нее.

Пріѣзжалъ я къ Вамъ, что называется, разбитый на голову. Въ 1870, я изъ кожи лѣзъ, чтобы поставить Зарю на ноги. Хлопоталъ, самъ писалъ столько, какъ никогда, добился величайшаго чуда—что весь годъ «Заря» выходила въ тотъ мѣсяцъ, который на оберткѣ, самъ раздобылъ денегъ Кашпиреву на послѣднія книжки. Я ждалъ большого усиленія подписки—ничуть не бывало; вѣроятно доля неуспѣха заключается въ неисправной разсылкѣ и перепискѣ съ подписчиками. Но какъ бы то ни было, я увидѣлъ, что дѣло не можетъ идти, а Кашпиревъ въ половинѣ января 1871 объявилъ мнѣ отставку,—то есть увольненіе отъ редакторскихъ за-

---

[1]) Василій Григорьевичъ Авсѣенко (род. 1842, здравствуетъ понынѣ), извѣстный беллетристъ, публицистъ и критикъ; принималъ дѣятельное участіе въ „Зарѣ“, въ которой въ 1869 г. помѣстилъ нѣсколько повѣстей, романовъ и критическихъ статей.

[2]) Въ „Зарѣ“, въ послѣдней ея книжкѣ (№ 2-й 1872 года) былъ напечатанъ разсказъ графа Л. Н. Толстого „Кавказскій Пленникъ“ (стр. 7—33)—изъ 4-й книги „Азбуки“ Толстого (см. П. И. Бирюковъ, Біографія Толстого, т. II, стр. 114—115).

нятій и отъ 100 р. въ мѣсяцъ. Меня, конечно, не это поразило, а то, что я потерпѣлъ фіаско какъ журналистъ, что меня не читаютъ и что я не могу содѣйствовать ходу журнала ни своими статьями, ни группированіемъ вокругъ себя другихъ пишущихъ. Да; и въ сотрудникахъ я очень обманулся,—я, собиравшій вокругъ себя когда-то множество молодежи, не нашелъ ни единаго человѣка, который бы поусердствовалъ мнѣ въ журналѣ. Очень я заносился высоко, оттого и много у меня оказалось несбывшихся возможностей и обманувшихъ надеждъ.

Тосковалъ я все лѣто. Свиданіе съ Вами оживило меня и доставило мнѣ минуты удивительнаго восторга, о которомъ Вы могли судить по моимъ письмамъ и за который еще разъ благодарю Васъ. Но пріѣхавши въ Петербургъ неизвѣстно зачѣмъ, ни къ чему и ни къ кому, пустившись отыскивать работу для денегъ на житье и занятіе для того, чтобы чѣмъ-нибудь кормить умъ и душу, я потерпѣлъ неудачи, остановки, и до сихъ поръ у меня ничего не склеилось. Я хотѣлъ добыть переводовъ и ими жить, а другую половину времени употреблять на книгу, какъ Вы мнѣ совѣтовали. Перевожу я теперь вотъ что: статьи Ренана по исторіи религій (гдѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго для христіанства) и Шопенгауэра Grundprobleme der Ethik; но издатели плохи — задерживаютъ плату — потому и переводы мало подвигаются. Изъ нужды сталъ писать въ Зарю, о коммунѣ, о Дарвинѣ [1]); писалъ бы и больше, да приходится чуть не клещами вытягивать гонорарій—мочи нѣтъ. Сталъ наконецъ писать въ новый прескверный журналъ Гражданинъ [2]), гдѣ скоро плотятъ, но—душа не лежитъ къ этому изданію, къ редактору и его кружку. Съ первымъ номеромъ вышла исторія, которая меня повеселила. Черезъ Ап. Н. Майкова [3]) я отдалъ туда статейку, но самъ не показывался въ кружокъ, такъ что сотрудники ничего обо мнѣ не подозрѣвали. Выходитъ номеръ и вдругъ они находятъ тамъ меня [4]). На первой же середѣ Мещер-

---

[1]) Въ „Зарѣ“ 1869—1870 г. Страховъ, между прочимъ, помѣстилъ свой критическій разборъ „Войны и Мира“.

[2]) „Гражданинъ“, въ 1872 г. началъ издаваться (еженедѣльно) княземъ В. П. Мещерскимъ, подъ отвѣтственной редакціей Г. К. Градовскаго, а съ 1873 г.—В. Ѳ. Пуцыковича и Достоевскаго, помѣщавшаго въ „Гражданинѣ“ свой „Дневникъ Писателя“. Объ основаніи „Гражданина“ и о первыхъ его годахъ см. „Мои воспоминанія“ князя В. П. Мещерскаго ч. II, С.-Пб. 1898, стр. 157 и слѣд.

[3]) Аполлона Николаевича Майкова, наряду съ Побѣдоносцевымъ, Достоевскимъ, Тютчевымъ, Страховымъ и др. князь Мещерскій называетъ „воспріемниками“ своего „Гражданина“ (тамъ же, стр. 164).

[4]) Н. Н. Страховъ помѣстилъ въ сборникѣ „Гражданина“ статью свою „Ренанъ и его послѣдняя книга“ (по поводу книги „La réforme intellectuelle et morale“ Paris. 1872)—въ кн. I, стр. 87—138.

Б 1024 Проситъ съ книгою обращаться БЕРЕЖНО. 235709

скаго[1]), они гурьбой наступаютъ на него, и открыто, цѣлымъ хоромъ пускаются ругать меня. А Майковъ и самъ Мещерскій стали за меня и побили ихъ торжественно. Послушайте, какое обвиненіе было высказано—они находили и кричали, что въ моихъ статьяхъ—одна вода. Что скажете? А спросите—откуда злоба? Очень ужъ они паршивы, и я ихъ пугаю своею честностію (я не хвалюсь, — вѣдь это качество отрицательное), да не любезенъ имъ потому, что объ нихъ ничего не пишу, мало, видите, даю имъ вѣсу и не изучаю ихъ.

А книга о происхожденіи вещей[2]) пріостановилась вотъ почему. Я все таки улучилъ время и сталъ читать, прочелъ Дарвина, [Хри] Каспара Вольфа[3]), принялся было за Спенсера[4]) и за Бутлерова[5]); да вдругъ пріѣхалъ Н. Я. Данилевскій[6]) и говоритъ, что онъ будетъ писать о Дарвинѣ. Я ему и рѣшился было уступить, и книги свои подарилъ, да вижу, что онъ лѣнивецъ и что это дѣло кажется все таки прійдется взять на себя. Теперь я задумалъ написать пока для Бесѣды[7]) общую статью о природѣ организмовъ, или въ этомъ родѣ.

Вы видите, я по немножку все таки борюсь со страстью къ журнальному писанію, но борюсь не безъ усилія: привыкъ къ извѣстной формѣ, и къ легкой работѣ. Не могу также удержаться отъ чтенія журналовъ.

Вотъ пока отвѣтъ на Вашъ вопросъ: что я дѣлаю. Простите, что прежде всего занялъ Васъ собою: я тороплюсь и, по испорченности моей натуры, это мнѣ было легче, чѣмъ написать о народности; откладываю ее до слѣдующаго письма, которое напишу, не дожидаясь Вашего. При всѣхъ моихъ горестяхъ, я толстѣю; желудокъ мой и расположеніе духа явно поправились. Изъ того, что Вы

---

[1]) О „средахъ“ князя В. П. Мещерскаго см. въ его „Воспоминаніяхъ“, ч. II, стр. 164.

[2]) Книга Н. Н. Страхова „Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ“ вышла въ томъ-же 1872 году.

[3]) Каспаръ-Фридрихъ Вольфъ (род. 1733, ум. 1794), съ 1767 г. профессоръ анатоміи и физіологіи въ Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ; своимъ сочиненіемъ „Theoria generationis“ положилъ начало современной эмбріологіи.

[4]) Знаменитый философъ (род. 1820, ум. 1903), соціологъ, психологъ, педагогъ и біологъ.

[5]) Академикъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ (род. 1828, ум. 1886), извѣстный химикъ.

[6]) Другъ Н. Н. Страхова, о немъ см. ниже.

[7]) Ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ Москвѣ въ 1871 и 1872 гг. подъ редакціей С. А. Юрьева; статей Страхова въ немъ не появлялось.

Центральное ... Московск. Сбл. Библ.

молчите о Вашемъ здоровьѣ, заключаю, что все благополучно; по крайней мѣрѣ желаю этого отъ всей души

Вашъ Н. Страховъ [1]).

4. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

4 декабря 1872 г. Мшатка [2]).

Конечно, безцѣнный Левъ Николаевичъ, я долженъ быть доволенъ тѣмъ состояніемъ души, въ которое пришелъ, поселившись здѣсь: жизнь такъ складывается, что нельзя ни работать, ни скучать,—полный отдыхъ. Мы встаемъ передъ восходомъ солнца, то есть въ началѣ восьмого, [Въ 9 часовъ всѣ] и сходимся пить чай и кофе. Въ 9 часовъ всѣ готовы. Данилевскій [3]) съ невообразимою страстью принимается садить, копать, обрѣзывать; жена [4]) распоряжается по хозяйству, которое все въ ея рукахъ, а потомъ учитъ старшую дочь. Я иду гулять, непремѣнно гулять, потому что до сихъ поръ еще не сытъ видомъ моря, горъ и южнаго неба. Право, сегодня первый день, когда я безъ труда удержался отъ этого удовольствія. Дубы и орѣхи уже облетѣли, но трава зелена, цвѣтутъ

---

[1]) Въ теченіе 1872 г. у Толстого со Страховымъ шла оживленная переписка; письма Страхова за это время не сохранились въ архивѣ Л. Н. Толстого или еще не разысканы, а письма Толстого напечатаны, цѣликомъ или въ отрывкахъ, въ книгѣ П. И. Бирюкова „Л. Н. Толстой“, т. I, стр. 133—135 (мартъ), 135—136 (мартъ—апрѣль); 115 (15-го апрѣля); 115—116 (конецъ апр.); 116—117 (19-го мая), 117 (іюнь — іюль), 117—118 (7-го августа). 118 (августъ — сентябрь), 239 (15-го сентября), 239 — 240 (23-го сентября), 118—119 (30-го сентября), 119 и 242—246 (12-го ноября), 199—200 (12-го декабря); они перепечатаны также и въ сборникахъ П. А. Сергѣенко (т. I и II),—нѣкоторыя полнѣе, чѣмъ у П. И. Бирюкова.

[2]) Имѣніе друга Страхова — Николая Яковлевича Данилевскаго на южномъ берегу Крыма. Письма Страхова къ Данилевскому напечатаны И. П. Матченко въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., № 1, стр. 127—142, № 2, стр. 453—469, № 3, стр. 125—141 (30 писемъ за 1873—1885 гг.).

[3]) Н. Я. Данилевскій (род. 1822, ум. 1885), воспитанникъ Имп. Александровскаго Лицея (выпуска 1842 г.) и кандидатъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго Университета (1846 г.), привлекавшійся по дѣлу Петрашевскаго, съ 1850 г. служилъ по М-ву Внутр. Дѣлъ, участвовалъ въ экспедиціи акад. Бэра для изслѣдованія рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ, потомъ членъ ученаго комитета и членъ Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ; авторъ ряда статей научнаго и публицистическаго содержанія и книгъ „Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому“ (первоначально — въ журналѣ „Заря“ 1869 г., отд. изданіе 1871 г. и, посмертныя, подъ наблюденіемъ Страхова—въ 1888 и 1889 гг.) и „Дарвинизмъ“ (2 ч., С.-Пб. 1885 г.).

[4]) Жена Н. Я. Данилевскаго—Ольга Александровна.

розы, пеларгоніи, и кромѣ лавровъ, кипарисовъ и миндалей, есть много другихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ; температура, когда я пріѣхалъ, была 12 — 15 Реомюра; теперь 10 — 12. Беру съ собой книгу, но читаю очень немного. Это—самое быстрое время дня. Въ 1-мъ часу собираемся обѣдать и сидимъ вмѣстѣ часовъ до двухъ. Затѣмъ новыя прогулки вплоть по сумерекъ и даже до луны. Вмѣстѣ со свѣчами подается чай и ужинъ, а затѣмъ приходитъ самое длинное время дня. Тутъ я ухожу къ себѣ и даю часа полтора или два урокъ крестьянскому мальчику Алешѣ, 16-ти лѣтъ, удивительно красивому и способному. Его привезли изъ Вологды и хотѣли сдѣлать изъ него живописца, потому что и теперь уже онъ мастерски рисуетъ. Потомъ мы трое,—я, Данилевскій и его жена,—сидимъ и чаще всего молча читаемъ, — я романы «Русскаго Вѣстника» или сказки Гоффмана, Ольга Александровна тоже что-нибудь въ этомъ родѣ, а Николай Яковлевичъ — книги по садоводству. Иногда подымается безконечный споръ — объ атомахъ, о жителяхъ планетъ [1]), о началахъ нравственности. День проходитъ удивительно скоро; въ 11 часовъ расходимся спать. Между тѣмъ кажется, что я здѣсь ужъ Богъ знаетъ какъ давно, и что 5 ноября, когда я выѣхалъ изъ Петербурга, было чуть ли не годъ тому назадъ.

Чувствую однако же, что апатія, которая схватила меня въ Петербургѣ и въ которой я былъ и у Васъ, все еще меня держитъ. Сколько разъ случалось мнѣ прежде вздыхать о спокойствіи и думать, что ничего не можетъ быть завиднѣе жизни, какую я теперь веду, а теперь меня тянетъ—забыться въ какой-нибудь работѣ или отдаться печальнѣйшимъ мыслямъ, которыя у меня всегда на готовѣ. Признаться, я мало приписываю важности тому, какъ я себя чувствую, и самое досадное для меня то, что въ дурномъ расположеніи я не могу доставить другимъ столько удовольствія, сколько хотѣлъ бы. Напримѣръ, не съумѣю сказать Вамъ что-нибудь хорошее о себѣ, и не съумѣю выразить, какъ мнѣ пріятно было опять увидѣть Васъ и вообще ближе узнать Васъ по поводу Азбуки [2]). Очень бы мнѣ

---

[1]) Статьи Страхова о жителяхъ планетъ, вошедшія въ его трактатъ „Міръ, какъ цѣлое“ (С.-Пб. 1872 г.), вызвали насмѣшки надъ нимъ въ современной журналистикѣ.

[2]) Первая „Азбука графа Л. Н. Толстого“ вышла въ 4 книгахъ въ Петербургѣ въ концѣ 1872 года. Сообщая графинѣ А. А. Толстой о своихъ работахъ надъ „Азбукой“, Толстой сообщалъ ей 12-го января 1872 г.: „Пишу я эти послѣдніе года азбуку и теперь печатаю. Разсказать, что такое для меня этотъ трудъ многихъ лѣтъ — азбука, очень трудно. Нынѣшней зимой надѣюсь прислать Вамъ, и тогда вы, по дружбѣ ко мнѣ, можетъ быть, прочтете. Гордыя мечты мои объ этой азбукѣ вотъ какія: по этой азбукѣ только будутъ учиться два поколѣнія русскихъ всѣхъ дѣтей отъ царскихъ до мужицкихъ и первыя впечатлѣнія поэтическія

хотѣлось имѣть Вашу карточку, чтобы живѣе вспомнить минуты, когда Вы живой стояли передо мною. Оказалось, что я Васъ очень забылъ съ прошлаго свиданія. Какимъ-то свѣтлымъ духомъ вѣетъ отъ Васъ, какъ и отъ всѣхъ Вашихъ произведеній, и я часто укрѣпляюсь этимъ духомъ, вспоминаю о немъ, какъ о томъ образцѣ, котораго слѣдуетъ держаться [1]).

Право, я ничего столько не желаю, какъ того, чтобы Вамъ жилось хорошенько и чтобы Вы писали какъ можно охотнѣе. Это самый большой мой интересъ, потому что къ себѣ я очень равнодушенъ, и не жду отъ себя большого толку. Однако же я принялся за чтеніе и размышленіе по предмету, о которомъ говорилъ Вамъ; началъ съ теоріи зрѣнія, какъ самаго совершеннаго чувства, въ которомъ должна раскрыться вся тайна познанія внѣшняго міра. Васъ очень прошу—если не читали еще моей книги [2]),—прочтите и скажите мнѣ Ваше сужденіе. Увѣряю Васъ, оно будетъ мнѣ однимъ изъ главнѣйшихъ указаній, какъ идти впередъ. Вы превосходно почувствуете нравственное впечатлѣніе, которое производитъ книга; а оно-то и есть самое важное.

Вы видите, что я Васъ слушаюсь—занимаюсь философіею, Вы какъ разъ угадали меня. Хотя меня въ литературѣ зовутъ обыкновенно философомъ, но такіе пріятели, какъ Достоевскій, Майковъ [3])—все тянули меня на критику. Лучшую критику я написалъ объ Васъ [4]), а Вы все-таки не пожелали, чтобы я упражнялся въ этомъ родѣ писаній. Теперь я такъ хорошо понимаю, что Вы правы, что Вы угадали мою лучшую способность, то, что съ дѣтства составляло главный интересъ моего ума.

Авось что-нибудь и выйдетъ. Не тороплюсь [5]) . . . . Крыму

получатъ изъ нея, и что, написавъ эту Азбуку, мнѣ можно будетъ спокойно умереть". („Толстовскій Музей", т. I, С.-Пб. 1911, стр. 229—230; ср. далѣе стр. 233).

[1]) Слѣдующая далѣе вторая часть письма сохранилась на оторванной половинѣ почтоваго листа; нижняя часть этой половины оборвана, такъ что пропало около десяти строкъ текста.

[2]) „Міръ, какъ цѣлое" (С.-Пб. 1872),—лучшее, по мнѣнію К. Н. Бестужева-Рюмина, сочиненіе Страхова, „стройный, изящный и цѣльный трактатъ о философіи природы", заключающій въ себѣ много оригинальнаго, но мало извѣстный, несмотря на то, что вышелъ и 2-мъ изданіемъ („Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.", 1896 г. ч. CCCIII, № 2, отд. 4, стр. 116).

[3]) Поэтъ Аполлонъ Николаевичъ (о немъ ср. въ книгѣ Страхова „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ", С.-Пб. 1888 и изд. 2-е, Кіевъ. 1897).

[4]) О Толстомъ Страховъ началъ писать въ половинѣ 1860-хъ годовъ; его статьи были собраны имъ въ сборникѣ „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ", СПб. 1885 (изд. 4-е—1901 г.).

[5]) Здѣсь нижняя часть письма оторвана, какъ указано выше.

не больше двухъ мѣсяцевъ, но судя по началу, я готовъ здѣсь прожить цѣлый годъ и тронусь не иначе, какъ если вызовутъ.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыхъ здѣсь никто не читаетъ, не исключая и меня, я до сихъ поръ не нахожу объявленій о Вашей Азбукѣ, и это меня безпокоитъ. Если будете писать, то скажите слова два, какъ идетъ дѣло. Мой адресъ: Таврической губерніи, Ялтинскаго уѣзда, станція Байдары, въ имѣніе Н. Я. Данилевскаго.

За исправленіе Азбуки я еще не принимался; ее жадно читаютъ дѣти Данилевскаго—находятъ ее понятнѣе и занимательнѣе всѣхъ другихъ книгъ.

Чувствую, что много еще есть мыслей, которыя нужно передать Вамъ; запасъ ихъ начался еще въ Петербургѣ—и надѣюсь, не все же пропадетъ. Утѣшьте меня—напишите мнѣ; это оживитъ меня больше всего.

Вашъ всею душою
1872 г. 4 Дек. Мшатка. Н. Страховъ.

5. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

8-го января 1873 г. [Мшатка].

Письмо Ваше, безцѣнный Левъ Николаевичъ, такъ меня обрадовало и заняло, что и сказать не могу [1]). Огромное спасибо Вамъ за него; и вотъ былъ бы величайшій грѣхъ съ Вашей стороны, если бы Вы его не послали. Если у Васъ есть или будутъ какіе-нибудь листки, обращенные ко мнѣ, умоляю Васъ, не колеблитесь и присылайте—для меня все, что Вы пишете, относится къ высшему роду писанія, именно: Вы вовсе неспособны что-нибудь сочинить; все будутъ настоящія Ваши мысли и чувства, и слѣдовательно все интересно и будетъ мною прочитано съ любовью и уваженіемъ безпредѣльнымъ.

Похвалы Ваши доставили мнѣ огромную радость, а Ваша критика (въ обыкновенномъ смыслѣ) и огорчила и заставила много думать. Огорченіе заключается вотъ въ чемъ: Вамъ не нравится, когда я принимаюсь шутить (напр. Жители планетъ [2])); я и

---

[1]) Письмо отъ 12-го ноября 1872 г. по поводу книги Страхова „Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ“, С.-Пб. 1872 г.; оно напечатано въ біографіи Толстого, составленной П. И. Бирюковымъ, т. II, стр. 242—246 и въ изданіи П. А. Сергѣенко „Письма Л. Н. Толстого“, т. II, стр. 30—33. Подлинникъ хранится въ архивѣ В. Г. Черткова.

[2]) Такъ озаглавлена и о нихъ трактуетъ 2-я часть книги Н. Н. Страхова „Міръ, какъ цѣлое“.

прежде догадывался, что какъ только я оставлю сухія, холодныя разсужденія (такъ отозвался одинъ пріятель вообще о моемъ писаніи), такъ у меня выходитъ что-то странное. Изъ этого для меня слѣдуетъ тотъ выводъ, что я не могу дать живого, теплаго тона тому, что пишу. Нечего дѣлать; прійдется впередъ оставить попытки на глубокомысленную и тонкую шутливость. IX Письмо и Птицы [1]) не понравились Вамъ по этой причинѣ; но есть тутъ и другая, болѣе важная.

Изъ всѣхъ Вашихъ замѣчаній видно, что Васъ непріятно задѣло—прямое выраженіе пантеизма. Вы положили палецъ на рану, написавши мнѣ, что я унизилъ человѣческую жизнь, поставившея цѣлью совершенствованіе (того, что заключается въ организмахъ). Отсутствіе нравственнаго смысла въ книгѣ (указанія на идею добра) для Васъ тотчасъ стало ясно. О, какъ бы я хотѣлъ имѣть точныя формулы для Вашего взгляда, для мысли о нравственной цѣли міра, и какъ бы хотѣлъ видѣть отношеніе этой мысли ко всему, что есть въ моей книгѣ и отъ чего я не могу никакъ отказаться!

Книга писана давно; тогда я былъ ревностнымъ пантеистомъ, такъ что потомъ былъ за то даже наказанъ жизнью и совѣстью. Вы сейчасъ замѣтили, что я слишкомъ легко трактую о недовольствѣ жизнью и не упоминаю объ религіи. Я ее тогда не понималъ и научился понимать только потомъ, отъ Шопенгауэра. Я тогда приписывалъ великую важность умственному прогрессу, литературѣ и подобнымъ глупостямъ, и вотъ почему поэты были (да еще какая дрянь!) для меня важнѣе пережитаго момента христіанства.

До сихъ поръ однако же я приписываю пантеизму величайшую важность, какъ прямо противо-христіанскому движенію, которымъ воодушевлено все умственное [движеніе] развитіе Запада, которое составляетъ душу нѣмецкой литературы, которое дало нѣмцамъ силу, недавно ими обнаруженную, и произведетъ еще огромныя послѣдствія. Корень пантеизма глубокъ неизмѣримо. Намъ неизвѣстна другая наука, кромѣ науки пантеистической. Всѣ привычки нашего ума сложились въ этомъ направленіи, и я не вижу выхода,—вотъ моя бѣда.

Печатая свою книгу, я иногда задумывался надъ вопросомъ—не дурную ли, не безнравственную ли книгу я печатаю? Прошу Васъ, отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ. Передѣлать ее я не могъ—не было ни времени, ни ясной мысли. Отказаться отъ нея—никакъ не могъ; такъ ясны были почти всѣ положенія; почти сплошь все было дважды два четыре. Какъ я радъ, что Вы ее прочитали! Не правда ли,

---

[1]) Отдѣлы того-же сочиненія.

что жаль было отказаться отъ этой массы соображеній, которою въ корректурѣ я самъ любовался? Вотъ я и порѣшилъ—напечатать и тогда, закончивъ одинъ періодъ мыслей, искать выхода, сознательно пойти противъ самого себя, начать новую мысль, опираясь на старую.

Новый взглядъ долженъ быть не ниже стараго и слѣдовательно удержать всю долю истины, которая есть въ старомъ.

Мнѣ было бы очень трудно, если бы я вздумалъ Вамъ разсказывать разные зачатки мыслей, которыя у меня бродятъ и которыя, я думалъ, начнутъ распускаться въ Мшаткѣ.[1]) Въ статьѣ о Дарвинѣ и о Парижской Коммунѣ[2]) я уже отрекся отъ Гегеля[3]), уже отрицаю тотъ непремѣнный, строго-законный прогрессъ, который онъ находилъ въ умственномъ движеніи человѣчества, отрицаю и то, что умъ руководитъ исторіею, что она есть развитіе идей. Мнѣ хотѣлось бы однако же спуститься до корня и взяться за теорію познанія, въ которой, мнѣ кажется, уже заключена вся сущность дѣла.

Отвѣчу теперь на отдѣльные пункты. За духъ Вы меня напрасно упрекаете; я употребилъ это слово только какъ извѣстное названіе того, о чемъ хочу говорить, а не въ смыслѣ признанія особой сущности. По смыслу всей книги міръ есть нѣчто цѣльное, то есть всѣ его явленія вытекаютъ изъ одной сущности. Все существующее я одинаково признаю проявленіемъ духа.

Какая чудесная мысль у Васъ, что сущность настоящей жизни есть нравственно-религіозное сознаніе, понятіе добра. Если Вы можете пояснить мнѣ это, то умоляю Васъ, напишите мнѣ еще объ этомъ хоть страничку. У Васъ сказано: понятіе добра таково, что нельзя про него сказать, что оно есть у человѣка, но его нѣтъ у животнаго. Если тутъ нѣтъ описки, то я не понимаю.

Да и вообще—это мысль не Шопенгауэровская, такъ какъ она отрадна и свѣтла, и беретъ положительную сторону дѣла, а не его процессъ, не одну теорію явленій. Я боюсь сказать Вамъ, какой страшный смыслъ имѣетъ въ моихъ глазахъ философія Шопенгауэра; это новый ударъ и послѣдній, сокрушающій всѣ надежды человѣка; какъ Гегель приводитъ къ [безо] отрицанію всего твердаго въ существующемъ и познаваемомъ, такъ Шопенгауэръ приводитъ къ отрицанію всего твердаго въ нравственности. Но лучше не буду говорить. Поймите послѣ этого, какъ радостна была для меня мысль, что Вы, самый милосердный изъ всѣхъ поэтовъ, исповѣдуете

---

[1]) Имѣніе Н. Я. Данилевскаго на Южномъ берегу Крыма.

[2]) Эти статьи вошли въ сборникъ Н. Н. Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. I и II.

[3]) Толстой упрекалъ Страхова за выписки изъ Гегеля, встрѣченыя имъ въ книгѣ „Міръ какъ цѣлое“.

вѣру въ добро, какъ въ сущность человѣческой жизни. Воображаю, что для Васъ эта мысль имѣетъ теплоту и свѣтъ, совершенно непонятный такимъ слѣпцамъ, какъ я.

Вы пишете, что изъ моей книги поняли меня; что это значитъ? Если не очень обидно, напишите.

У Васъ сказано: На стр. 76, отличая круговоротъ отъ жизни, авторъ опровергаетъ смѣшеніе этихъ двухъ понятій не духомъ, а сознаніемъ жизни, и это мѣсто прекрасно. Я не нахожу этого мѣста, и хотѣлъ бы знать, на что Вы указываете, и за что меня хвалите.

Вообще Ваши похвалы очень мѣтки; мѣста о кристаллахъ, объ инфузоріяхъ, чѣмъ отличается человѣкъ, и вся вторая часть книги дѣйствительно потребовали отъ меня самого большого напряженія мысли,—и я дождался справедливой награды. Ваша идіосинкразія къ Гегелю — необыкновенно характерна, но я понимаю только вообще ея возможность, а объяснить ее себѣ не могу. Почти зависть беретъ меня, когда подумаю, что есть же такіе характерные люди, какъ Вы.—А мнѣ—ничего не претитъ, все проглочу и произвожу—чуть-ли не одинъ навозъ.

Судьба Вашей Азбуки [1]) изумляетъ меня. Одинъ мой пріятель, нынѣ знаменитый драматургъ Аверкіевъ [2]), серьезно увѣрялъ меня, что у меня тяжелая рука, и что потому ни одно дѣло въ моихъ рукахъ не удается. Печатая Вашу Азбуку, я думаю, что невозможно, чтобы моя тяжелая рука ей повредила. А вышло такъ, что чуть-ли не правъ Аверкіевъ. Замѣчу однакоже, что объявленій въ Моск. Вѣд. было мало.

Вчера получилъ письмо изъ Петербурга, отъ Майкова [3]). Они тамъ ругаются и торопятъ меня, чтобы я ѣхалъ назадъ. Судя по свѣдѣніямъ письма, прійдется мнѣ черезъ мѣсяцъ двинуться, и теперь на меня напало непріятное чувство ожиданія, что вотъ-вотъ позовутъ. Еще новость, которую я узналъ уже прежде изъ Московскихъ Вѣдомостей — Достоевскій сталъ редакторомъ Гражданина [4]). Живо воображаю, какъ въ немъ разгорѣлась страсть жур-

---

[1]) Азбука графа Л. Н. Толстого, въ 4 книгахъ, издана была въ С.-Пб. въ 1872 г. Она допечатывалась въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ Страхова (П. И. Бирюковъ, Біографія Толстого, т. II, стр. 113—120).

[2]) Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ (род. 1836, ум. 1905), сотрудничавшій въ „Зарѣ“ Каширева, авторъ „Каширской старины“ (1871) и мн. др. пьесъ. Въ 1871 г. Аверкіевъ поселился въ Москвѣ и дѣятельно сотрудничалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова.

[3]) Вѣроятно—Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, поэтъ.

[4]) О томъ, какъ Достоевскій сталъ редакторомъ „Гражданина“. см. „Мои воспоминанія“ князя В. П. Мещерскаго, т. II, С.-Пб. 1898, стр. 175—182.

налиста и не знаю, не пожалѣть ли объ этомъ. А впрочемъ человѣку не нужно мѣшать дѣлать, что онъ любитъ дѣлать. Одна бѣда: онъ меня теперь запряжетъ; отъ него ничѣмъ не отговоришься, и у меня въ перспективѣ—работать всякія статейки для Гражданина.

Еще разъ—тысячу Вамъ благодарностей за Ваше письмо, и тысячу извиненій, что поздно отвѣчаю. Вѣроятно Вы не разъ попрекнули меня. Но кромѣ того, что почта здѣсь ходитъ страшно медленно, виновата и здѣшняя жизнь: такъ людно (пріѣхали еще родные Данилевскихъ), такъ шумно и даже тѣсно, что только и можно—ничего не дѣлая, не замѣчать, какъ проходятъ дни за днями. Я же собирался написать Вамъ хорошенько. А тутъ праздники, Новый Годъ, Татарскія Свадьбы и пр. и пр.

До слѣдующаго письма, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Если пришлете деньги, то присылайте скорѣе, довольно будетъ и ста рублей, а то я боюсь, что меня позовутъ и я затрудню Данилевскихъ, пустившихся нынче въ большіе расходы по своему саду. Графинѣ мой усердный поклонъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1873 г. 8 Янв.

6. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

15-го марта 1873 г. Петербургъ.

Опишу Вамъ подробно, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что со мною случилось. Уѣхалъ я отъ Васъ 19-го; признаться, я колебался; но такъ какъ Сергѣй сказалъ мнѣ: «лошади готовы, сейчасъ поданотъ», то отступать назадъ мнѣ ужъ показалось поздно и странно, и я уѣхалъ. День былъ удивительный: солнце, сугробы снѣга, деревья въ серебрѣ—я любовался всю дорогу. Поѣздъ, какъ Вы знаете, опоздалъ; однако онъ пришелъ гораздо раньше, чѣмъ было объявлено; какимъ-то чудомъ Кн. Оболенскій [1]) догадался и во время явился на станцію — и мы покатили. Въ Москвѣ я, по совѣту начальника станціи, взялъ извощика, гналъ сколько можно и поспѣлъ за 2 или за 3 минуты до отправленія курьерскаго поѣзда въ Петербургъ. Я былъ ужасно радъ, какъ будто мнѣ дѣйствительно

---

[1]) Князь Леонидъ Дмитріевичъ Оболенскій (род. 1844, ум. 1888), въ 1871 г. женившійся на племянницѣ Л. Н. Толстого—графинѣ Елизаветѣ Валеріановнѣ Толстой. Ихъ сынъ, князь Николай Леонидовичъ, женатъ на дочери Л. Н. Толстого — графинѣ Маріи Львовнѣ. Въ 1883 г. князь Л. Д. Оболенскій съ П. А. Берсъ издалъ сборникъ „ Разсказы для дѣтей И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстого“ съ рисунками Васнецова, Рѣпина, Маковскаго и Сурикова; 2-е изданіе ихъ вышло въ 1886 г.

нужно было за чѣмъ-нибудь такъ торопиться. Такимъ образомъ 20-го, часу въ 12-мъ, я былъ въ Петербургѣ. На прежней квартирѣ комната моя оказалась свободною, я напился чаю, поговорилъ съ моимъ сожителемъ, умылся, прибрался и — въ Библіотеку. «Прекрасно, что Вы пріѣхали, дѣлать Вамъ нечего, но непремѣнно нужно, чтобы Вы здѣсь были», и пр. Изъ Библіотеки [1]) я покатилъ къ Петру Андреевичу—не засталъ его дома; потомъ къ Майкову [2]) (и тотъ и другой конецъ очень длинные). У Майкова почувствовалъ, что озябъ; однако обѣдалъ весело и съ аппетитомъ. Но послѣ обѣда меня разломило и пріѣхавши домой, я ужъ очень дурно себя чувствовалъ. Легъ пораньше спать, думалъ отоспаться — всталъ и не могъ пить кофе. Послалъ за докторомъ, онъ взглянулъ на мою ногу (гдѣ у меня была ссадина, которую помните я перевязывалъ) и объявилъ, что у меня рожа. Въ ожиданіи лекарствъ въ сумерки я всталъ съ постели, чтобы зажечь свѣчу. Но со мной сдѣлался обморокъ, я грохнулся и разбилъ зеркало. Сбѣжались, подняли меня, положили въ постель, и съ тѣхъ поръ я лежу въ ней до настоящей минуты, и въ ней пишу къ Вамъ это письмо. Вотъ чѣмъ кончилось веселое путешествіе! Я застудилъ свою ранку и прикинулась рожа, которая здѣсь очень ходитъ. Съ недѣлю я ничего не ѣлъ и испытывалъ не боль, но мучительное разстройство во всемъ тѣлѣ, тошноту, зелень въ глазахъ, шумъ въ ушахъ и т. п. Теперь все уже прошло; есть только послѣдствія рожи, самой ея уже нѣтъ; но встать все еще не могу.

Услышавши о моей бѣдѣ, сошлись ко мнѣ мои знакомые и пріятели, и право я увидѣлъ искреннее участіе, которое меня очень тронуло. Часто было тѣсно въ моей комнатѣ (она, правда, не велика), и съ утра до вечера кто-нибудь сидитъ, такъ что не давали мнѣ и писать къ Вамъ, чего мнѣ давно хочется. Письмо Ваше [3]) было мнѣ истинною отрадою. Почему Вы думаете, что мы не увидимся? Послѣ нынѣшней поѣздки на меня напало очень сильное чувство усталости, и думается мнѣ: полно разъѣзжать; сиди лучше въ своемъ уголку въ Петербургѣ. Куда еще рваться и чего еще искать? Но лѣтомъ, во время каникулъ (въ Библіотекѣ іюль мѣсяцъ не работаютъ) проѣхать на нѣсколько дней въ мою Мекку—Ясную Поляну,—это такъ легко, что я готовъ дѣлать это каждый годъ—для освѣженія, для обновленія. Одни сутки ѣзды—вовсе не ѣзда.

Я давно уже не помню такого веселаго дня, какъ Ваши имянины; чѣмъ чаще я вижу Васъ, тѣмъ милѣе Васъ нахожу (позвольте такъ

---

[1]) Страховъ уже служилъ тогда въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ штатъ который зачисленъ былъ 1-го августа 1873 г.

[2]) Аполлонъ Николаевичъ.

[3]) Оно неизвѣстно.

выразиться). Всею душою желаю, чтобы пошла наконецъ Ваша работа, которая такъ глубоко и серьезно Васъ занимаетъ (какъ я люблю эти Ваши волненія, и какъ они меня самого волнуютъ!). Но помните, Левъ Николаевичъ, что если Вы и ничего не напишете, Вы все таки останетесь творцомъ самаго оригинальнаго и самаго глубокаго произведенія русской литературы. Когда русскаго царства не будетъ, новые народы будутъ по «Войнѣ и миру» изучать, что за народъ были русскіе.

Лежа на своей постели, я узналъ всѣ литературныя новости, всѣ сплетни, и снова вполнѣ вошелъ въ петербургскую жизнь, къ которой питаю тайное равнодушіе и даже отвращеніе. Ничего не случилось, Левъ Николаевичъ. Майкова «Два міра» и новое изданіе его сочиненій были встрѣчены глухимъ молчаніемъ, полнымъ холодомъ. Только Никитенко [1]), который такъ недоволенъ Вами, пришелъ въ восторгъ и написалъ большой хвалебный разборъ; собирается (чуть ли не сегодня) читать его у В. П. Безобразова [2]), на вечернемъ сборищѣ; гдѣ напечатаетъ, не знаю. О реторика! тебя ничѣмъ и никогда не выжить. Всегда только какъ рѣдкое исключеніе будутъ нѣкоторые писать, остальные же будутъ сочинять. — Достоевскимъ я очень недоволенъ: онъ старѣетъ видимо съ каждымъ днемъ. Гражданинъ, въ которомъ онъ редакторствуетъ, очень его волнуетъ, тревожитъ, раздражаетъ. Пишетъ онъ вещи не глупыя, но странныя, недоконченныя, неясныя; самъ это чувствуетъ и не можетъ вырваться изъ положенія, въ которое себя поставилъ [3]).

О книгѣ своей я до сихъ поръ ничего вѣрнаго не знаю; но есть слухъ; будто она пошла порядочно, къ великому изумленію Базунова [4]) (т. е. можетъ быть распродано 400—500 экземпляровъ). Къ несчастію слухъ идетъ отъ Софіи Сергѣевны Кашпиревой, большой сочинительницы. Бѣдный Кашпиревъ [5]) былъ у меня раза три — его

---

[1]) Александръ Васильевичъ, академикъ, бывшій профессоръ Петербургскаго Университета и цензоръ, умершій въ 1877 г. Его статья о драмѣ Майкова „Два міра“ напечатана была въ „Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1874 г., апр., стр. 384—409. См. Дневникъ Никитенко. т. II, стр. 470 и 501.

[2]) Владиміръ Павловичъ, съ 1864 г. академикъ; умеръ въ 1885 г.

[3]) „Мещерскій уѣхалъ къ моему удовольствію“, писалъ Страховъ Н. Я. Данилевскому весной 1873 г.; „Достоевскій одинъ заправляетъ дѣломъ, и, кажется, много ему выпадаетъ на долю непріятностей. Охота была соваться въ такое дѣло! Судя по разсказамъ, онъ принялъ на себя редакторство впопыхахъ, не подумавши, а мысль объ этомъ подалъ Майковъ. Ну, счастье Мещерскому! („Русск. Вѣсти.“ 1901 г., № 1, стр. 130).

[4]) Книгопродавецъ-издатель Александръ Ѳедоровичъ Базуновъ (ум. въ 1899 г.).

[5]) Бывшій издатель журнала „Заря“ (см. выше).

точно что-то подкосило: сѣдѣетъ, брюзгнетъ. Онъ былъ впрочемъ боленъ—едва ли не отъ водки.

Разумѣется я пробовалъ читать, и многое пробѣжалъ, хотя безъ настоящаго вкуса; теперь однако же и мозгъ и желудокъ дѣйствуютъ уже довольно хорошо. Скажу Вамъ о двухъ книгахъ: Записки о всеобщей Исторіи Хомякова [1]) и Geschichte der deutschen Philosophie v. Zeller [2]). Целлеръ привелъ меня въ ужасную досаду. Книга написана легко, очень точно, очень полно, но безъ всякой мысли, безъ всякой цѣли. Въ концѣ оказывается, что философіи теперь не существуетъ; авторъ надѣется, что она снова явится, но будетъ не идеализмомъ, какъ до сихъ поръ, а чѣмъ-то болѣе реалистическимъ. Шопенгауэръ въ видѣ исключенія подвергается жестокой критикѣ; Целлеръ находитъ въ немъ противорѣчія и непослѣдовательности. Помѣшались они на логикѣ! Не содержаніе имъ важно, а силлогистическая форма, и имъ и въ голову не приходитъ, что эта бѣдная форма не можетъ вмѣстить и сотой доли истины! Гартманъ [3]) тоже въ сильнѣйшей степени старается все систематизировать. Холодныя, безсмысленныя и наконецъ ужасно-грубыя и логически-то построенія!

Хомяковъ мнѣ очень нравится, хотя я еще мало читалъ его, чтобы произнести сужденіе. Какое живое пониманіе жизни народовъ! Какъ выставлены Славяне! Но книга загромождена сомнительною ученостію и безконечными отрывочными гипотезами.

Вотъ пока все, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Утѣшьте меня, напишите. Отъ Петра Андреевича я получилъ 250 р., за которые покорно благодарю. Получилъ сегодня и подушку и зонтикъ и палку.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

Графинѣ мое усердное почтеніе. Адресъ мой тотъ же: домъ Калугина у Пѣвческаго моста.

1873 г. 15 Марта. Спб.

---

[1]) Записки о „Всемірной исторіи“ Алексѣя Степановича Хомякова входятъ нынѣ въ собраніе его сочиненій.

[2]) Эдуардъ Целлеръ, нѣмецкій богословъ философъ; его „Geschichte der deutsshen Philosophie seit Leibnitz“ вышла въ 1873 году.

[3]) Карлъ-Робертъ-Эдуардъ Гартманнъ (род. 1842), нѣмецкій философъ, авторъ „Philosophie der Unbewusssten“ (изд. 1869) и многихъ другихъ сочиненій по философіи, метафизикѣ, по вопросамъ политическимъ, богословскимъ, соціальнымъ и др.

7. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

15 Апр. 1873 г. [Петербургъ].

Нахожусь въ такомъ дурномъ расположеніи духа, безцѣнный Левъ Николаевичь, что не слѣдовало бы писать къ Вамъ; но такъ какъ я пропустилъ болѣе удобныя минуты, и уже запоздалъ отвѣтомъ, то напишу Вамъ по крайней мѣрѣ факты, о которыхъ Вы спрашиваете, а думая о Васъ, можетъ быть и повеселѣю. Сегодня я дѣлалъ первые визиты (дня три какъ выхожу); мнѣ объявили, что нѣмецъ, котораго мѣсто я займу, на этой недѣлѣ подаетъ въ отставку—и я тотчасъ же буду принятъ на службу [1]). Это очень устраиваетъ мои дѣла, потому что въ послѣдніе дни писаніе статей до того мнѣ опротивѣло, что я съ ужасомъ думаю о томъ возможномъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось жить этимъ писаніемъ. Написалъ я двѣ статейки для Гражданина, одну—Замѣтки о текущей литературѣ, другую—рецензію на книгу Анненкова Ал. Серг. Пушкинъ, которая есть ничто иное, какъ перепечатка перваго тома его изданія Сочиненій Пушкина [2]); да еще я написалъ больше половины статьи о развитіи организмовъ для московскаго журнала Природа [3]), издаваемаго Усовымъ и Сабанѣевымъ. Сабанѣевъ почему-то меня знаетъ, прислалъ мнѣ первую книжку—чудесный томъ съ картинками; всѣхъ томовъ въ годъ будетъ четыре. Я написалъ ему, приметъ ли онъ статью, въ которой отвергается Дарвинъ; онъ отвѣчалъ, что очень охотно, и я принялся усердно писать.

Вѣроятно я еще не окрѣпъ послѣ болѣзни,—но только никогда еще не чувствовалъ я такого отвращенія къ своимъ статьямъ, какъ то, которое во мнѣ возбудили мои статейки для Гражданина; или ужъ такъ противно показалось мнѣ выступать на арену журналистики: но во всякомъ случаѣ я представился себѣ болтуномъ, въ которомъ уже простылъ всякій жаръ. А вѣдь писалось какъ будто съ увлеченіемъ.

---

[1]) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ Страховъ занялъ мѣсто вышедшаго въ отставку М. Ѳ. Посселъта, будучи назначенъ завѣдующимъ Отдѣленіемъ юридическихъ и соціальныхъ наукъ (Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1873 г. стр. 4).

[2]) Книга Павла Васильевича Анненкова „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“, С.-Пб. 1873, значительно переработана по сравненію съ 1-мъ ея изданіямъ 1855 года. Отзывъ о ней былъ помѣщенъ въ „Гражданинѣ“ 1873 г., № 17, стр. 523—524.

[3]) Популярный естественно-историческій журналъ, выходившій съ 1873 по 1877 годъ въ Москвѣ. Редакторами были профессоръ Московскаго Университета Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ (род. 1827, ум. 1886 г.) и Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ (род. 1844, ум. 1898 г.).

Со статьею о развитіи другая исторія. Время болѣзни было для меня счастливымъ временемъ, Левъ Николаевичъ. Я чувствовалъ, что былъ тогда лучше, добрѣе, спокойнѣе и умнѣе. Въ эти два мѣсяца (изъ которыхъ недѣль шесть я пролежалъ) я много читалъ и думалъ; и заходили у меня такіе мечты и планы, что мнѣ страшно въ нихъ и признаваться. Чтеніе и размышленіе были продолженіемъ того, чѣмъ я занимался въ Крыму [1]) и о чемъ немножко говорилъ Вамъ, когда ѣхалъ туда. Но и у Васъ и въ Крыму я все унывалъ, а тутъ явилась такая надежда на свои силы, что досадно вспомнить, когда подумаешь теперь объ ихъ дѣйствительномъ размѣрѣ. Явились и зачатки мыслей, повидимому способныхъ къ большой разработкѣ. Вотъ одну-то изъ нихъ я и вздумалъ изложить въ статьѣ о развитіи. По мѣрѣ писанія я однако почувствовалъ, что предметъ расширяется, и что для такой статьи нужно годъ или два занятій. А между тѣмъ статья обѣщана къ 1-му Мая, и конечно я ее допишу и пошлю. Потянуло меня читать книги по этому предмету, побывалъ я въ своей библіотекѣ, сталъ выходить,— и совсѣмъ наконецъ сбился съ того настроенія, въ которомъ начата статья. Теперь ужъ кажется, что это воодушевленіе никогда не воротится.

А какое странное и противное впечатлѣніе произвелъ на меня Пэтербургъ! Апрѣль есть время самой блестящей уличной жизни. И вотъ меня поразило это всеобщее напряженіе, написанное на всѣхъ лицахъ, отражающееся и въ походкѣ, и въ платьѣ, и во всемъ рѣшительно. Тщеславіе конечно на первомъ мѣстѣ; каждый, выходя на улицу, какъ будто покрываетъ себя лакомъ, или сперва вытюжитъ себя, а потомъ только выйдетъ. Старики съ удивительно причесанными волосами, вылощенные, выхоленные, носящіе иногда сѣдую бороду, но съ такимъ тщеславіемъ, какъ женщина новую шляпку; женщины имѣютъ всѣ престранный видъ, какъ будто у нихъ что-то нехорошее на умѣ... Но не буду Вамъ описывать: и долго и не умно, и Вы поймете съ одного слова. Скажу только, что съ большой отрадой я встрѣчалъ добродушныхъ извощиковъ и дворниковъ, на которыхъ не было никакого лоску и которые глазѣли на весь этотъ Вавилонъ, очевидно не принимая въ свою душу ни единой черты изъ жизни, въ немъ совершающейся. А юноши! Самолюбіе, озабоченность и какой-то позывъ къ дерзости—написаны на каждомъ лицѣ. Знаете, здѣсь, мнѣ кажется, становится понятна и здѣшняя литература. Какую жизнь видятъ предъ собой тѣ, кто пишетъ? Такую, которая не внушаетъ никакого уваженія, никакой любви, гдѣ эгоизмъ, жажда наслажденій и самолюбіе дѣйствуютъ на голо, гдѣ деньги—все.

---

[1]) Въ имѣніи Н. Я. Данилевскаго.

Кстати о деньгахъ. До сихъ поръ не знаю, какъ идетъ моя книга [1]); до сихъ поръ то надѣюсь, что у меня будетъ маленькій доходъ, то опасаюсь, что пожалуй вмѣсто дохода прійдется приплачивать. Никто изъ здѣшнихъ моихъ пріятелей моей книги не читалъ. Статью еще можно прочесть; но книгу—кто же читаетъ книги въ Петербургѣ? А я встрѣтилъ очень отрадныя подтвержденія своимъ мыслямъ. Во время болѣзни я читалъ Основы Химіи Менделѣева [2]); онъ принялъ (мы давно знакомы и споривали до ссоръ) существенные пункты: въ принципѣ отрицаетъ атомы и простыя тѣла; это очень мнѣ польстило. Кромѣ того вышла брошюрка Дюбуа-Реймона «О границахъ естествознанія»; въ ней не только отрицаются атомы и простыя тѣла (притомъ глубже, чѣмъ у Менделѣева), но и ощущеніе признается нематеріальнымъ. Боже мой! Чему приходится радоваться! Кстати: однимъ изъ моихъ гордыхъ мечтаній было—точное и строгое ниспроверженіе механическаго взгляда и замѣна его другимъ.

Статьи я принялся писать главнымъ образомъ потому, что стали выходить Ваши 250 р.—я уже видѣлъ впереди ихъ конецъ. Посудите сами, однако же, какъ я долженъ быть Вамъ благодаренъ: съ Сентября прошлаго года по Май нынѣшняго я живу почти на одни Ваши деньги [3]); на нихъ и въ Крымъ съѣздилъ, на нихъ и прожилъ два мѣсяца; Вы мнѣ дали почти полгода свободныхъ для чтенія и отдыха и размышленія.—Чуть не забылъ! Попросите Петра Андреевича почаще публиковать о Вашей Азбукѣ; я увѣренъ, что мало было публикацій. Мой книгопродавецъ публикуетъ до сихъ поръ о моей книгѣ раза три или четыре въ мѣсяцъ. Когда узнаю у него, для чего онъ это дѣлаетъ и какова польза отъ этого, напишу Вамъ въ точности. Поклонитесь отъ меня низко Софьѣ Андреевнѣ, и еще одному человѣку—Сережѣ [4]), о которомъ вспоминаю съ самымъ пріятнымъ чувствомъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

Грѣхъ Вамъ оставлять у себя письма, которыя ко мнѣ пишете; какъ безмѣрно я Вамъ былъ благодаренъ за большое письмо о моей книгѣ! Повѣрьте, что моей любви и уваженія достало бы, чтобы оцѣнить все, какъ слѣдуетъ.

---

[1]) „Міръ какъ цѣлое“, изд. 1872.

[2]) Знаменитый курсъ Д. И. Менделѣева былъ во 2-мъ изданіи выпущенъ въ свѣтъ въ 2 частяхъ въ 1872—1873 г.

[3]) За наблюденіе за печатаніемъ и корректуру „Азбуки“ Толстого,

[4]) Старшій сынъ Л. Н. Толстого—Сергѣй Львовичъ, родившійся 28 іюня 1863 года.

Я еще не теряю надежды! что Вы получите мое крымское письмо; если же нѣтъ, я реставрирую его и съ дополненіями.

Пропустилъ главное: въ моихъ мечтахъ и замыслахъ я все благодарилъ Васъ за то, что Вы меня направили на философію. Теперь это дѣло рѣшенное: поступлю на службу и буду постепенно читать и работать по выбраннымъ мною вопросамъ,—о цвѣтахъ, о познаніи, и пр.

Дайте еще немножко созрѣть моимъ замысламъ, и тогда я напишу Вамъ о нихъ подробнѣе. А теперь мнѣ трудно излагать незрѣлыя мысли. А что задачу я взялъ страшно-крупную, Вы конечно, догадываетесь.

8. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

17-го мая 1873 г. Петербургъ.

Какое чудесное письмо [1]), безцѣнный Левъ Николаевичь! Почему-то я все думалъ, что Вамъ пишется, но такой радостной вѣсти, что у Васъ въ чернѣ готовъ цѣлый романъ, не ожидалъ [2]). Буду теперь ждать, буду заранѣе утѣшаться мыслью, что навѣрное

опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь... [3])

То, что Вы пишете о добрѣ и красотѣ, для меня понятно: не даромъ же я изучалъ Ваши созданія и восхищался ими. Но Вы написали мнѣ Вашу мысль въ такой точной формѣ, до которой я не могъ самъ дойти, и мнѣ вдругъ объяснилось многое. Я понялъ то Ваше милосердіе, которымъ такъ восторгался. Это настоящая религія художника, поэта, и опять повторяю, тутъ нѣтъ ничего Шопенгауэровскаго; у Шопенгауэра красота подчинена нравственности. А Вы становитесь на такую точку, на которой Вы неуязвимы, съ которой Васъ нельзя сдвинуть. Красота для Васъ высшее и вмѣстѣ совершенно таинственное, т. е. безконечно глубокое. Это мнѣ по душѣ удивительно.

Вы спрашиваете, можно ли прислать мнѣ на просмотръ Войну и Миръ, когда исправите. Не только можно, но я Васъ прошу объ этомъ, я наконецъ требую во имя всѣхъ правъ, какія только Вы согласны признать за мною. Это будетъ большое наслажденіе. На лѣто я остаюсь въ Петербургѣ; поступивши въ Библіотеку, я буду

---

[1]) Оно неизвѣстно въ печати.

[2]) „Анна Каренина“; онъ началъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 года, съ № 1-го.

[3]) Изъ „Элегіи“ Пушкина „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“.

имѣть множество свободнаго времени,—чего же лучше? Да притомъ я Вамъ недовѣряю въ высочайшей степени; Вы непремѣнно надѣлаете недосмотровъ; я гораздо аккуратнѣе Васъ. Если не боитесь того, что у меня тяжелая рука, то присылайте — Вы меня утѣшите.

Въ Библіотеку я поступаю въ первыхъ числахъ Іюня. Книги моей разошлось только 400 экземпляровъ, такъ что книгопродавецъ только выручилъ свои деньги, а барышъ получилъ далеко не весь. Я и тому радъ. Здоровье мое поправляется вмѣстѣ съ погодою, и я веселѣе съ каждымъ днемъ—слишкомъ я тогда набросился на книги, не успѣвши окрѣпнуть. Статьи мои въ Гражданинѣ имѣютъ большой успѣхъ, но какъ всегда—не въ публикѣ, а въ литературѣ, которая хвалитъ ихъ на словахъ, а въ печати, разумѣется, только ругаетъ.

А что же непосланное письмо? Грѣхъ Вамъ будетъ, если ы мнѣ не пришлете всего, что Вы писали ко мнѣ, но не послали. Ну скоро ли и гдѣ Вы найдете человѣка, который бы такъ любилъ и понималъ Васъ, какъ я? А для меня это великое счастіе, какъ Вы, конечно, понимаете и увѣрены.

Въ Самару Вамъ напишу, но какой адресъ? Довольно ли просто въ Самару? Теперь тороплюсь отправить письмо, чтобы оно застало Васъ до 20-го. Откладываю все, что хотѣлось бы написать.

Графинѣ мой усердный поклонъ, и — счастливый путь! — если тронетесь въ Самару.

Вашъ всею душою

1873 г. 17 мая, Спб. Н. Страховъ.

P. S. Нетерпѣливо буду ждать Войны и Мира. Будете писать, скажите мнѣ, когда надѣетесь кончить пересмотръ и когда я получу пересмотрѣнное. За все, за все — спасибо Вамъ, большое спасибо! Какая Вы для меня радость въ жизни!

9. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Лѣто—осень 1873 г., Петербургъ].

Ну что жъ, безцѣнный Левъ Николаевичь! Я вѣдь опять спасовалъ. Сколько я ни думалъ и ни перечитывалъ, я не рѣшился почти ничего вычеркнуть. Даже напротивъ, мысли о поправкахъ, блеснувшія мнѣ при первомъ перечитываніи, исчезали по мѣрѣ вчитыванія и въ то же время мнѣ яснѣе и яснѣе становился ходъ Вашихъ мыслей, такъ что, сдѣлавши множество мелкихъ исправленій, въ которыхъ эти двѣ статьи особенно нуждались, я вычеркнулъ всего въ двухъ мѣстахъ по двѣ по три строчки,—тамъ, гдѣ надобность была совершенно очевидна. Вамъ, слѣдовательно, пересматривать еще разъ

эти страницы не нужно, и я отослалъ поэтому весь четвертый томъ въ Москву. На Ваше рѣшеніе я отдаю только слѣдующее: въ послѣдней статьѣ, Вопросы исторіи, я предлагаю Вамъ выкинуть послѣдній параграфъ, XII-й, гдѣ находится сравненіе переворота въ исторіи съ переворотомъ въ астрономіи, произведеннымъ системою Коперника. Сравненіе это неточно и не поясняетъ дѣла, — говорю это прямо, потому что предъидущія страницы удивительны по точности и ясности, вплоть до самаго этого XII-го, совершенно лишняго параграфа. Если Вы согласны со мною, то напишите въ Москву, чтобы его выпустили, это значитъ послѣднія четыре страницы, отъ словъ Съ тѣхъ поръ до словъ нами зависимость. Хотя мнѣ очень нравится все, что̀ Вы пишете, все таки рѣшусь сказать, что первая часть Вопросовъ исторіи, именно разсужденіе о власти чрезвычайно растянуто и не совсѣмъ точно. Неточность происходитъ оттого, что Вы не опредѣляете, что́ собственно Вы называете дѣломъ, событіемъ, настоящимъ происшествіемъ въ исторіи. Убивать, умирать—это событія; сердиться, приказывать—не событія. Я говорю примѣрно. Такимъ образомъ Вашу мысль, мнѣ кажется, можно еще развить, повести дальше. Но при этомъ я былъ очень удивленъ; я увидѣлъ, что оборотъ мысли въ моей статьѣ о Дарвинѣ, Переворотъ въ наукѣ [1]), очень похожъ на оборотъ Вашего разсужденія о власти. Очень возможно, что я безсознательно подражалъ Вамъ и только теперь замѣтилъ это. Вообще Ваша Война и Миръ еще долго будетъ удивлять другихъ оригинальностію мыслей, но на себѣ я замѣтилъ, что освоился съ ними совершенно. Значитъ онѣ глубоко вошли въ меня, спасибо Вамъ!

Теперь приступлю къ предмету, который мнѣ очень не по душѣ: хочу просить у Васъ денегъ. Прошу именно сто рублей. Я все хотѣлъ сдѣлать эту работу для Васъ даромъ; она мнѣ была очень пріятна, и Вы повѣрите, что я имѣлъ бы большую радость оказать Вамъ хоть маленькую услугу; но пять мѣсяцевъ въ ожиданіи мѣста, моя болѣзнь и положеніе брата, оставшагося безъ жалованія, подрѣзали меня, и какъ я ни вертѣлся, но не вывернулся. И въ Библіотекѣ [2]) первые три мѣсяца жалованья даютъ только двѣ трети. Вотъ отчасти причина и того, что я пишу въ Гражданинѣ. Говорю отчасти, потому что я бы и не могъ иначе поступить. Достоевскій видитъ во мнѣ стараго уже товарища по литературѣ, очень

---

[1]) Статья Страхова, написанная по поводу вышедшаго въ 1871 г., въ переводѣ съ англійскаго языка, сочиненія Дарвина: „Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу“. Этотъ этюдъ вошелъ, въ видѣ 1-й части, въ работу Страхова, озаглавленную „Дарвинъ“ и вошедшую въ его сборникъ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2-я.

[2]) Съ 1-го августа 1873 г. Страховъ былъ зачисленъ на службу библіотекаремъ Имп. Публичной Библіотеки, службу гдѣ оставилъ въ 1885 г.

любитъ мои статьи, и считалъ бы просто измѣною, если бы я не участвовалъ въ журналѣ, на который онъ кладетъ всю душу — совершенно по напрасну. Я и лавирую—отъ времени до времени пишу и стараюсь сдѣлать что можно,—подъискиваю сотрудниковъ, смотрю рукописи и пр. Но все же я и теперь уже могу удѣлить немножко времени серьезному чтенію, которое постоянно меня къ себѣ тянетъ. А къ новому году я надѣюсь я буду уже вполнѣ свободенъ: долги будутъ уплочены, и съ Гражданиномъ, когда обнаружится состояніе подписки, можно совершенно раскланяться, т. е. объявить, что на будущій годъ дамъ только двѣ-три статейки. Достоевскій едва ли останется редакторомъ; онъ очень боленъ, раздраженъ, и доктора его шлютъ въ Италію.

Недавно я только кончилъ свою статью о развитіи организмовъ надѣюсь, послѣднюю большую статью, въ которой мысль высказана поспѣшно, недостаточно разработана — а между тѣмъ я считаю ее достойною самой лучшей обработки. И вотъ бѣда— не знаю, гдѣ ее печатать. Я послалъ въ Москву, въ Природу [1]), но этотъ журналъ очень не надеженъ и право боюсь—прекратится, не успѣвъ напечатать моей статьи.

Такъ до сихъ поръ почти стоитъ затѣянная мною работа—относительно механическаго взгляда на природу. Но мысль не покидаетъ меня, нѣтъ-нѣтъ да и приходятъ соображенія, по которымъ чувствую, что она зрѣетъ понемножку.

Противорѣчіе, которое я нашелъ въ Вашихъ письмахъ, состоитъ въ томъ, что Вы сперва писали, что отдались роману [2]) всею душою, а потомъ, что онъ въ легкомъ родѣ. Все это и другое (Вашъ радостный тонъ и то, что ни за что не прочитали бы мнѣ романа) возбуждаетъ во мнѣ ожиданіе чего-то удивительнаго, столь живаго и искренняго, какъ только Вы умѣете писать. О формѣ (какъ Вы сами говорили) заботиться нечего: сама прійдетъ. Развѣ Война и Миръ не представляетъ въ этомъ отношеніи полнѣйшей оригинальности? Нашъ первый словесникъ, Никитенко, не даромъ разгнѣвался на то, что В. и М. не подходитъ ни подъ одинъ родъ словесныхъ произведеній.

Дописываю письмо къ Вамъ въ Библіотекѣ, которую люблю съ съ каждымъ днемъ больше. Здѣсь я спокойнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было; мои двѣ залы—крайнія, такъ что никто черезъ нихъ не проходитъ. Кромѣ того мнѣ принадлежитъ въ нихъ единственное окно Библіотеки, выходящее на югъ. Сегодня чудесный день, и мнѣ весело думать, что Вы можетъ быть охотитесь и въ свѣтломъ настроеніи духа. Все, что Вы пишете о себѣ, о Вашей семьѣ, о графинѣ,

---

[1]) См. выше.

[2]) „Анна Каренина“.

меня радуетъ необыкновенно. Но—грѣшный человѣкъ!—радуетъ ужасно и то, что вспоминаете обо мнѣ, о моихъ мысляхъ.

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ,
И сохраненная молвой
Быть можетъ въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной [1]).

Какіе стихи! Я не совсѣмъ кстати привелъ ихъ, но захотѣлось поэзіи.

Пожалуста, поскорѣе Вашъ романъ! А если не скоро еще, то скажите, въ какомъ положеніи дѣло.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

Мнѣ все кажется, что Вы плохо цѣните «Войну и Миръ»; тамъ вѣдь есть множество вещей безподобныхъ, никѣмъ до Васъ не сказанныхъ, да и Вы сами уже этого самаго не напишете. Что это произведеніе безсмертное — дамъ голову на отсѣченіе.

10. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

26-го ноября 1873 г. Петербургъ.

Какъ я радъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что такъ скоро представился случай поработать для Васъ. Если Вы не боитесь, что у меня рука тяжелая (чего самъ я немножко боюсь), то предлагаю Вамъ отдать мнѣ корректуру и все, что только пожелаете, на слѣдующихъ условіяхъ: Вы мнѣ дадите 1) два экземпляра Вашего новаго романа [2]) 2) два экземпляра собранія Вашихъ сочиненій [3]) 3) два экземпляра Азбуки [4]). Теперь дѣла мои уже такъ поправились, что я уже не буду брать съ Васъ денегъ за удовольствіе первому прочитать Вашъ романъ и вникнуть въ каждую его строчку,— что, увѣряю Васъ, немалое наслажденіе. Одно меня сокрушаетъ—мнѣ говорили, что я плохой корректоръ, что Азбука кишитъ опечатками, несмотря на мои усердныя усилія. Хоть я и знаю, что сдѣлаю корректуру лучше Васъ, но все-таки предупреждаю Васъ и заранѣе прошу быть снисходительнымъ.

Что касается того, что я человѣкъ замѣчательный, то я право начинаю по немножку въ это вѣрить. Не имѣя почти вовсе твор-

---

[1]) Изъ послѣдней (XL) строфы 2-й главы „Евгенія Онѣгина“.

[2]) „Анна Каренина“; онъ началъ печататься съ января 1875 года.

[3]) Это было 3-е изданіе „Сочиненій“ Толстого, въ 8-ми частяхъ (М. 1873).

[4]) Изданіе въ 4-хъ книгахъ, С.-Пб. 1872 г.

чества, я имѣю очень большую способность пониманія. Этою способностью очень восхищается Данилевскій [1]), человѣкъ, съ которымъ мы расходимся во множествѣ вещей и недавно чуть было не побранились въ письмахъ изъ за моей книги [2]). Онъ написалъ мнѣ, что она хуже, чѣмъ нигилизмъ и матеріализмъ. Но объ этомъ послѣ. Когда я написалъ маленькую статью объ Россіи и Европѣ [3]), онъ былъ ужасно изумленъ необыкновенною точностію, съ которою я понялъ его мысль, оцѣнилъ всѣ ея особенности. Точно такъ онъ былъ въ восторгѣ отъ моего разбора Милля, о подчиненіи женщинъ [4]), книжки, которую мы вмѣстѣ съ нимъ читали, плывя по Днѣпру по дорогѣ въ Крымъ. Троицкій [5]), философъ, сказалъ мнѣ лично, что только отъ меня онъ и могъ ожидать такого вѣрнаго разбора его книги: Нѣмецкая Психологія. Статьи о Герценѣ удивляли своею вѣрностію пониманія тѣхъ, кто лично зналъ Герцена и любилъ его [6]). Михайловскій [7]) въ Отеч. Зап. заявилъ, что ни въ одной литературѣ онъ не встрѣчалъ такой вѣрной оцѣнки Ренана, какую сдѣлалъ я [8]). Кромѣ того, я писалъ о Дарвинѣ (еще не напечатано) и увѣренъ, что одинъ понимаю его, какъ слѣдуетъ; я писалъ о Польскомъ вопросѣ—статья подняла ужасный гвалтъ; писалъ о коммунѣ [9]), и наши политики—Градовскій [10]), Данилевскій [11]),

---

[1]) Николай Яковлевичъ, пріятель Страхова.

[2]) Одно письмо Страхова къ Данилевскому съ возраженіями по поводу замѣчаній Данилевскаго см. въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1901 г., № 1, стр. 127—129.

[3]) Сочиненіе Данилевскаго, печатавшееся въ „Зарѣ“ 1869 г. и вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ въ С.-Пб. въ 1871 г.

[4]) См. выше, въ письмѣ Л. Н. Толстого къ Страхову отъ 19-го марта 1870 г.

[5]) Матвѣй Михайловичъ Троицкій, профессоръ философіи въ Московскомъ Университетѣ, докторъ философіи. Его книга „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое изслѣдованіе. Съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка“ издана была въ Москвѣ въ 1867 г. Подробный разборъ ея, принадлежащій перу Страхова, былъ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867 г., № 17 и 24.

[6]) Статьи о Герценѣ Страховъ помѣстилъ въ „Зарѣ“ 1870 г., кн. 3, 4 и 12; перепечатаны въ сборникѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ т. I.

[7]) Николай Константиновичъ Михайловскій.

[8]) Статья Страхова „Ренанъ и его послѣдняя книга“ помѣщена была въ сборникѣ „Гражданина“ 1872 г., ч. I, стр. 87—138; въ ней разсмотрѣно сочиненіе Ренана „La réforme intellectuelle et morale“ 1872 г.

[9]) Въ „Зарѣ“ 1871 г., № 10—11, стр. 1—37.

[10]) Александръ Дмитріевичъ, профессоръ С.-Пб. Университета (ум. 1889), публицистъ.

[11]) О немъ см. выше.

Григорьевъ [1]) — не знали, куда меня посадить и какими словами похвалить.

Не смѣйтесь, пожалуста, надъ моею похвальбою; въ ней есть и нѣкоторая горечь. Конечно, по моему мнѣнію, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сказать: въ нашей литературѣ о Данилевскомъ, Троицкомъ, объ Миллѣ [2]), Ренанѣ, Дарвинѣ, Герценѣ, объ Коммунѣ [3])—писалъ одинъ Страховъ; все, что писали другіе, не имѣетъ никакой цѣны и не заслуживаетъ вниманія; но все писанное Страховымъ прошло безслѣдно, такъ какъ это была только критика, только анализъ, а положительнаго тутъ ничего не было, не было—проповѣди.

Какъ бы то ни было, Вы видите, что, хотя я Васъ ставлю выше всѣхъ и никого такъ не хвалилъ, какъ Васъ, но моей критикѣ я подвергалъ и многихъ другихъ, и подвергалъ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и Васъ, достигалъ очень точнаго пониманія. И такъ Вы можете на меня положиться. Лучшимъ своимъ дѣломъ я считаю все-таки мою критическую поэму въ четырехъ пѣсняхъ — Критическій разборъ «Войны и Мира» [4]).

О Вашихъ механическихъ соображеніяхъ я хотѣлъ писать Вамъ много, но отложу до слѣдующаго письма. Я самъ теперь занятъ очень близкими къ этому вопросами. Послѣднія двѣ недѣли я съ такою сластью отдался серьезному чтенію, какой давно не испытывалъ. Я очень радъ, что такимъ образомъ дѣло все больше идетъ на ладъ, и что удовольствіе, которымъ я такъ дорожу, мнѣ не измѣняетъ.

Теперь же напишу Вамъ только вотъ что: если выбросить изъ окна кошку, то она полетитъ по параболѣ, то есть такъ полетитъ ея центръ тяжести. Эта парабола есть произведеніе силы тяжести и никакія движенія кошки измѣнить этой линіи не могутъ. Однако движенія возможны и хотя ни на іоту не измѣнятъ линіи, описываемой центромъ, могутъ привести къ тому, что кошка упадетъ на ноги. И такъ движенія возможны независимо отъ дѣйствія тяжести (тяжестію производится только парабола и больше ничего).

До слѣдующаго письма, несравненный Левъ Николаевичь! Гра-

---

[1]) Василій Васильевичъ Григорьевъ, профессоръ Петербургскаго Университета (ум. 1881), бывшій въ 1869 — 1870 г. редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“.

[2]) Въ „Зарѣ“ 1870 г., № 2, стр. 107—149; вошла въ сборникъ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ т. I.

[3]) Всѣ эти статьи вошли въ сборники „Борьба съ Западомъ“ т. I и II.

[4]) Помѣщено было въ „Зарѣ“ 1869 и 1870 гг. и вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ 1871 г.

финѣ засвидѣтельствуйте мое усердное почтеніе и глубокое сожалѣніе о Вашемъ недавнемъ горѣ [1]). Не думайте, что затрудните меня работою.

Вашъ всею душою

1873 г. 26 Ноября Спб. Н. Страховъ.

11. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

7-го декабря 1873 г. [Петербургъ].

Мнѣ кажется, я понимаю Вашу мысль, безцѣнный Левъ Николаевичь, и даже готовъ согласиться, что она справедлива, но прибавивъ, что она недоказана и что̀ ее очень трудно доказать. Вы называете тяжестію то, что̀ обыкновенно называется массою; можетъ быть это дѣйствительно одно и то же, но это тожество еще не выведено [2]).

Попробую отвѣчать на Ваши примѣры:

1. Брошенная кошка. Центръ тяжести не есть для нея точка опоры. Этотъ центръ есть только математическая точка, указывающая распредѣленіе массы всѣхъ частей ея тѣла. А эта масса есть дѣйствительно точка опоры для дѣйствія мускуловъ, такъ что центръ тяжести есть центръ всѣхъ опоръ.

Вообще точка опоры для дѣйствія силы есть масса того тѣла, на которое сила дѣйствуетъ. Сила = масса × ускореніе. Если масса = 0, то и сила равна нулю, т. е. движенія не будетъ.

2. «Если резинка сокращается при тяготѣніи, то она сокращается къ своему центру тяжести». Это Ваши слова, совершенно справедливыя. Но точно также справедливо будетъ сказать: внѣ тяготѣнія при одной упругости, растянутая резинка сократится къ своему центру инерціи. «Центромъ инерціи» въ механикѣ именно называется центръ массъ, разсматриваемыхъ независимо отъ всякихъ силъ. При тяжести эта самая точка образуетъ центръ тяжести.

Я готовъ согласиться, что разсматривать вещество независимо отъ всякихъ силъ есть очевидное отступленіе отъ дѣйствительности, голое отвлеченіе, математическій пріемъ. Но мнѣ еще совершенно неясно, какъ можно отдѣлаться отъ этого отвлеченія.

Вмѣсто этихъ понятій, на которыя Вы желаете свести дѣло, механики употребляютъ слѣдующія, болѣе отвлеченныя.

---

[1]) Смерть маленькаго сына Толстыхъ — Пети, умершаго отъ крупа 9-го ноября 1873 г. (См. П. Бирюковъ, т. II, стр. 248 — 249. Толстовскій Музей, т. I, стр. 244 и 249).

[2]) Письмо Толстого, на которое отвѣчаетъ Страховъ, не извѣстно.

Вмѣсто:
Притяженіе (тяготѣніе) — Сила инерціи
Тяжесть (вѣсъ) — Масса
Центръ тяжести — Центръ инерціи.

Ваши понятія относятся только къ явленіямъ опредѣленной силы, тяжести, а понятія механики ко всѣмъ силамъ, какія есть и возможны. Предполагается, что каждое тѣло сопротивляется силѣ, на него дѣйствующей (это будетъ Ваша точка опоры), или имѣетъ постоянную неотъемлемую отъ него силу инерціи. Количество этой силы пропорціонально массѣ тѣла, или лучше — масса есть ничто иное, какъ мѣра этого количества. Центръ инерціи есть точка, отъ которой массы удалены соразмѣрно, т. е. чѣмъ больше масса, тѣмъ она ближе. Поэтому и дѣйствіе всякихъ силъ соотвѣтствуетъ положенію центра инерціи.

Выпишу Вамъ изъ Ньютона:

«Матерія имѣетъ силу сопротивленія, вслѣдствіе которой всякое тѣло стремится сохранить свое состояніе покоя или равномѣрнаго движенія по прямой линіи. Эта сила всегда пропорціональна своему тѣлу и отличается отъ инерціи Массы только способомъ, которымъ мы ее понимаемъ. Вслѣдствіе инерціи [массъ] матеріи происходитъ, что всякое тѣло съ трудомъ можетъ быть выведено изъ своего состоянія покоя или движенія. Поэтому и силу матеріи можно назвать весьма выразительно силою инерціи. Обнаруживаетъ же эту силу тѣло только при измѣненіи [своего] его состоянія другою силою, на него дѣйствующею, и обнаруженіе ея бываетъ то Сопротивленіемъ, то Напоромъ, смотря по отношенію: Сопротивленіемъ, когда тѣло ради сохраненія своего состоянія борется съ дѣйствующею на него силою; Напоромъ, когда тѣло, не поддаваясь силѣ какого-нибудь препятствія, стремится измѣнить состояніе этого препятствія. Обыкновенно Сопротивленіе приписывается покоющимся тѣламъ, а Напоръ движущимся; но движеніе и покой, какъ они обыкновенно понимаются, различаются между собою только относительно, и не всегда [то, что] покоится то, что считается покоющимся».

(Principia mathem. Philos Nat.)

Ученіе объ инерціи есть важнѣйшій пунктъ механики, но до сихъ поръ составляетъ предметъ споровъ. Многіе полагаютъ, что понятіе инерціи не подходитъ подъ понятіе силы. Какъ бы то ни было, если мы изъ понятія инерціи вздумаемъ выводить понятіе тяготѣнія или наоборотъ (такъ какъ и инерція и тяготѣніе принадлежатъ всѣмъ тѣламъ), то намъ прійдется вѣроятно измѣнить оба понятія, перестроить ихъ. Словомъ я ничего не знаю, и если вдобавокъ дурно изложилъ Вамъ и то, что̀ понимаю, то останется мнѣ только просить у Васъ извиненія.

Я все собирался уяснить себѣ начала механики и въ Крыму, а потомъ во время болѣзни много думалъ; но кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній у меня нѣтъ еще никакого готоваго взгляда. Съ мѣсяцъ назадъ—споткнулся объ одну книгу, Дюринга «Исторія началъ механики»; какъ я ни усиливался, не могъ понять, чего ему хочется, и думаю, что виноватъ онъ, а не я. Но предмета этого я не брошу.

Спасибо Вамъ и за похвалы, и за униженіе (говорю о критической способности). Если что-нибудь сдѣлаю, то тутъ будетъ часть и Вашего ободренія. Продолжаю по немножку читать и кажется не даромъ.

До слѣдующаго письма, безцѣнный Левъ Николаевичь! Тороплюсь къ почтовому ящику.

Вашъ всею душою

1873 г. 7 Дек. Н. Страховъ.

12. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

22-го февраля 1874 г. [Петербургъ].

Какія чудесныя извѣстія, безцѣнный Левъ Николаевичь! Дѣло, которое совершается въ Ясной Полянѣ, до того важно и для меня драгоцѣнно, что я все боюсь чего-то, какъ бывало боишься и не вѣришь, что женщина тебя любитъ. Но Вы пишете, что все готово; ради Бога берегите же рукопись и сдавайте ее въ типографію.

Не повѣрю своему счастью, пока не увижу печатныхъ строкъ [1]).

Январь и Февраль совсѣмъ выбили меня изъ прежней колеи. Я написалъ для Складчины [2]) «Замѣтки о Пушкинѣ» страницъ 20 [3]); Гончарову [4]), который тамъ въ сущности редакторъ, они понрави-

---

[1]) Страховъ радовался тому, что Толстой въ это время заканчивалъ начало „Анны Карениной“; раннею весною 1874 г. онъ уже начало романа повезъ въ Москву, для печатанія на страницахъ „Русскаго Вѣстника“, но оно увидѣло свѣтъ лишь въ № 1-мъ за 1875 г.: такъ много Толстой передѣлывалъ его въ корректурѣ.

[2]) „Складчина. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи“, Спб. 1874. Толстой не принялъ участія въ этомъ сборникѣ, который, однако, возникъ именно вслѣдствіе того участія, которое приняло Русское общество въ борьбѣ съ голодомъ, по почину Толстого, еще въ августѣ 1873 г. обратившагося къ обществу съ воззваніемъ о помощи въ № 207 „Моск. Вѣдом.“ (См. П. Бирюковъ, т. II, стр. 180—189).

[3]) „Замѣтки о Пушкинѣ“ занимаютъ въ „Складчинѣ“ стр. 561—587; онѣ помѣчены 29-мъ января 1874 г.; перепечатаны въ сборникѣ Страхова „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, Спб. 1888; изд. 2-е. Кіевъ. 1897.

[4]) Иванъ Александровичъ Гончаровъ помѣстилъ въ „Складчинѣ“ статью „Изъ воспоминаній и разсказовъ о морскомъ плаваніи“ (стр. 525—560).

лись. А я очень благодаренъ этой статьѣ; по ея милости я перечиталъ Пушкина, и освѣжился, и запасся для своей критики новыми мыслями. Контрастъ съ нынѣшнею литературой, съ Некрасовымъ и Щедринымъ, которые нынче имѣютъ самый большой успѣхъ, успѣхъ возрастающій (увѣряю Васъ, это такъ)—вышелъ поразительный [1]). Кромѣ того, я написалъ предисловіе къ «Славянскому Сборнику» [2]), а еще важнѣе—читалъ его въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Комитета 14 Февраля. Кромѣ того я написалъ рецензію на одно изданіе, какъ членъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. [3]), и засѣдалъ въ этомъ Комитетѣ и читалъ эту рецензію. Наконецъ открою Вамъ самое позорное изъ своихъ занятій, я читалъ современные романы, Смирновой «Попечитель учебнаго округа» [4]), Боборыкина «Полжизни», Данилевскаго« Девятый Валъ», Сальяса «Пугачевцы», Аверкіева «Исторія блѣднаго молодого человѣка» и дочитался до того, что теперь тошно глядѣть на нихъ, что иные я бросилъ на серединѣ и дочитывать не стану. Я это дѣлалъ по настояніямъ Достоевскаго, убѣждавшаго меня писать критику; но ничего не написалъ, а пишу теперь объ оперѣ «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго, чудищѣ невообразимомъ [5]).

Кстати о критикѣ. Что же мнѣ дѣлать, Левъ Николаевичъ, когда

---

[1]) Н. Н. Страховъ, вступившій въ члены возникшаго въ 1868 г. Славянскаго Благотворительнаго Общества 21-го октября 1873 г. былъ избранъ редакторомъ „Славянскаго Сборника“, предпринятаго Обществомъ съ цѣлью спеціальнаго изученія славянства; впослѣдствіи былъ членомъ Совѣта Общества; предисловіе Страхова, читанное имъ 14 февраля 1874 г., см. въ книгѣ В. Аристова „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, Спб. 1883, стр. 260. 1-й томъ „Сборника“ вышелъ въ 1875 году; о немъ см. въ письмѣ Страхова къ Н. Я. Данилевскому отъ 6-го января 1874 г. („Русск. Вѣстн.“, 1901 г., № 1, стр. 132).

[2]) Членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Страховъ только что былъ назначенъ; цѣлью его привлеченія въ Комитетъ былъ разборъ поступающихъ въ него для разсмотрѣнія учебниковъ по естественнымъ наукамъ (см. тамъ-же, стр. 132).

[3]) Романъ въ 3-хъ частяхъ С. И. Смирновой печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1873 г., № 10—12 и былъ изданъ отдѣльно въ 1874 г.

[4]) См. слова Страхова въ письмѣ къ Н. Я. Данилевскому отъ начала 1874 г. („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 1, стр. 133—134).

[5]) „Борисъ Годуновъ на сценѣ“—статьи Страхова въ видѣ писемъ къ редактору (Ѳ. М. Достоевскому) напечатаны были въ „Гражданинѣ‘ 1874 г.; перепечатаны въ сборникѣ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, Спб. 1888, стр. 79—104. Послѣ недавняго возобновленія оперы Мусоргскаго на Маріинской сценѣ, Русская публика и музыкальная критика отнеслись къ этому великому произведенію съ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ 1874 г.

меня къ ней тянетъ? А я понимаю, что успѣхъ можетъ имѣть только положительное, только проповѣдь или искусство. Но до проповѣди можетъ быть я никогда не дойду, хотя буду стараться. Теперь я богатъ; съ моихъ двухъ мѣстъ [1]) я буду получать 2.500 р. Когда Достоевскій откажется отъ Гражданина (чуръ-секретъ! Это будетъ въ половинѣ Марта), перестану вовсе писать въ журналы. Мои два мѣста—не преувеличивая—самыя легкія, какія есть на свѣтѣ.

Я объ нихъ зналъ; я объ нихъ—объ этихъ самыхъ мѣстахъ мечталъ десять лѣтъ назадъ. Увы! тогда, когда хотѣлось, они были недоступны; а теперь пришли сами, разомъ оба,—когда уже не будетъ отъ нихъ той пользы, которую они мнѣ тогда доставили бы. А впрочемъ я кажется разсуждаю о вещахъ, о которыхъ нельзя разсуждать. Какъ бы то ни было, я радъ. Мнѣ теперь очень совѣстно, что я взялъ съ Васъ 100 рублей [2]); за то не присылайте мнѣ ничего,—я самъ куплю всѣ Ваши книги, какія мнѣ надобно. Работа, однако же, за мною; прошу Васъ, располагайте мною; я Вашъ должникъ.

И такъ служба меня не будетъ обременять; эти два мѣста даются почти для отдыха. И я буду работать. Это не самообманываніе, а твердое, ясное намѣреніе. Черезъ три мѣсяца у меня не будетъ ни копейки долгу, будетъ своя квартира и мебель, и никакихъ заботъ, кромѣ моихъ спокойныхъ должностей. Послѣ 15-лѣтнихъ заработковъ литературою—я просто оживаю.

Ужъ простите, что я такъ неприлично радуюсь. Лучше не буду говорить о себѣ. Новости въ Петербургѣ не прекращаются и какъ-то скользятъ по душамъ. Или мнѣ это такъ кажется? Застрѣлился сынъ Писемскаго [3]). Какая знаменательная исторія! Онъ, говорятъ, начитался Спинозы и Гартмана, очень распутничалъ и уже года три носился съ мыслью о самоубійствѣ. Печально то, что этому юношѣ была открыта вся совокупность нашего образованія, нашей науки, искусства. Онъ отлично учился и былъ веселаго нрава. Сильныхъ поводовъ—никакихъ. Другія новости: журналъ Дѣло закрывается, или передается [4]). Говорятъ, онъ читался (не выписывался,

---

[1]) Т. е. изъ Публичной библіотеки и Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) За труды по печатанію „Азбуки“ Толстого.

[3]) Любимый сынъ извѣстнаго писателя Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго и его жены Екатерины Павловны, рожд. Свиньиной (дочери писателя)—Николай Алексѣевичъ, только-что передъ тѣмъ окончившій курсъ Московскаго Университета и пріѣхавшій служить въ Петербургъ. Причины его самоубійства остались невыясненными.

[4]) Слухъ былъ невѣрный: „Дѣло“, основанное Г. Е. Благосвѣтловымъ, выходило, съ нѣкоторыми перерывами, до 1888 г. Въ 1866—1879 гг. его редакторомъ-издателемъ былъ Н. И. Шульгинъ.

а читался) больше всѣхъ нашихъ журналовъ. Полонскій [1]) написалъ поэму, въ которой содержится глупѣйшая клевета на святую гору Аѳонъ. Майковъ написалъ для Складчины два хорошія стихотворенія [2]); но не можетъ онъ отдѣлаться отъ реторики! Мы съ нимъ большіе пріятели; но я все яснѣе и яснѣе вижу, что вся его поэзія заимствованіе, подражаніе, и—что всего хуже—что онъ другой и не понимаетъ, что его вдохновляетъ не предметъ, а только образъ, который онъ находитъ у другихъ.

Нынѣшняя зима была очень богата свадьбами: точно повѣтріе какое.

Пока прощайте! Пишите, печатайте, будьте счастливы и благополучны во всемъ, во всемъ. Для меня это будетъ тоже счастіемъ.

Вашъ всею душою

1874. 22 февр. Спб. Н. Страховъ.

13. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

[Май—Іюнь 1874 г. Петербургъ].

Какъ же это можно, безцѣнный Левъ Николаевичь! Значитъ я очень дурно пишу, если Вы у меня нашли что-то ироническое [3]). Нѣтъ, я въ этомъ не виноватъ. Можетъ быть я шутливо говорилъ объ Академіи, но не объ Васъ. Мнѣ такъ живо представились Срезневскій [4]), Никитенко [5]) и другіе подобные академики, и досадно стало, что Вы должны будете сказать что-нибудь имъ въ похвалу. А впрочемъ я самъ не знаю, объ чемъ толкую; но въ какомъ бы мѣстѣ или словѣ Вы ни нашли иронію, увѣряю Васъ, Вы ошиблись. Я виноватъ передъ Вами въ другомъ: я меньше объ Васъ думаю и рѣже Васъ вспоминаю; и занятія меня тормашатъ, и нападаетъ на меня какой-то душевный сонъ,—чувствую впрочемъ—здоровый и спокойный. Съ большой радостью думаю о свиданіи съ Вами; по соглашенію съ товарищами [6]) я могу выѣхать 1-го Іюля, и прямо къ Вамъ.

Тогда наконецъ познакомлюсь и съ Вашимъ новымъ романомъ [7]). Какъ я его жду! Сказать Вамъ не могу, какъ скучна мнѣ нынѣшняя

---

[1]) Яковъ Петровичъ, поэтъ.

[2]) Въ „Складчинѣ“ помѣщены 4 стихотворенія Аполлона Николаевича Майкова.

[3]) Письмо Толстого, на которое отвѣчаетъ здѣсь Страховъ, не извѣстно, равно какъ неизвѣстно и письмо Страхова, вызвавшее его, въ которомъ Толстой усмотрѣлъ иронію.

[4]) Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, знаменитый филологъ, академикъ 1849—1880.

[5]) Академикъ; см. выше.

[6]) По службѣ въ Публичной Библіотекѣ.

[7]) „Анной Карениной“.

литература. «Пугачевцы» [1]), когда я ихъ дочиталъ, оставили впечатлѣніе ужасной пустоты, то чувство, которое испытываешь, прослушавши пять водевилей сряду. У насъ тутъ много говорили о романѣ Бульвера Кенелмъ Чиллингла [2]); Авсѣенко (новый критикъ) [3]) даже поставилъ его въ примѣръ нашей литературѣ. Но тамъ много умныхъ мыслей и никакого творчества. Эти умныя мысли тоже удивили меня способомъ, которымъ онѣ высказаны. Помните Гамлета, когда онъ говоритъ объ актерѣ: «если бы онъ чувствовалъ то, что я, то весь театръ заливался бы слезами»! Такъ и тутъ; если бы Бульверъ чувствовалъ всю силу тѣхъ мыслей, которыя онъ выражаетъ, то онъ поразилъ бы читателей до глубины сердца. А онъ ихъ высказываетъ очень спокойно и шутя; дѣйствующія лица въ тысячу разъ менѣе серьезны, чѣмъ ихъ рѣчи.

Но перейду къ главному предмету. То, что Вы пишете о педагогахъ, глубоко вѣрно. Вы попали въ міръ [4]), съ которымъ я знакомъ достаточно, хотя всегда отъ него устранялся, видя въ немъ одно пустомельство и не имѣя твердыхъ точекъ опоры для сужденія объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ очень нравилась Ваша Ясная Поляна [5]) и педагогическія статьи. Я объ этомъ тогда писалъ во Времени [6]). Я былъ знакомъ съ самымъ блестящимъ нашимъ педагогомъ—Ушинскимъ [7]), и не находилъ у него ничего твердаго и яснаго. Я видѣлъ раза два, но по разсказамъ хорошо знаю покойнаго Цейдлера [8]). Это былъ удивительный человѣкъ, но онъ отвергалъ всякую систему въ педагогіи, онъ дѣйствовалъ своею личностію, неотразимо привлекая и покоряя учащихся; его главная мысль была та, что школа должна приближаться къ семьѣ, имѣть характеръ семьи во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ. Вотъ главное, а остальное сдѣлается само собою. Вообще, кромѣ сильнѣйшаго отвра-

---

[1]) Романъ графа Е. А. Саліаса-де-Турнемиръ.

[2]) Романъ „Kenelm Chillingly“ вышелъ въ 1873 г.

[3]) См. выше.

[4]) Говорится объ участіи Толстого въ засѣданіяхъ Московскаго Комитета Грамотности зимою и весною 1874 г., въ которыхъ Толстой защищалъ буквослагательный методъ обученія грамотѣ и опровергалъ звуковой. Вскорѣ Толстой помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статью о народномъ образованіи въ видѣ письма къ Предсѣдателю Комитета І. Н. Шатилову. По поводу этой статьи Страховъ написалъ статью „Обученіе народа“ въ „Гражданинѣ“ 1874 г., № 48, ст. 1213—1216 и № 50, ст. 1272—1275.

[5]) Журналъ Толстого, издававшійся имъ въ Москвѣ въ 1862 г.; вышло 12 №№ съ 12 книжками для дѣтскаго чтенія.

[6]) „Время“ 1863 г., № 1, стр. 150—169.

[7]) К. Д. Ушинскій, авторъ „Родного Слова“.

[8]) Петръ Михайловичъ Цейдлеръ (род. 1821, ум. 1873), первый директоръ Гимназіи Имп. Человѣколюбиваго Общества, устроитель Московской Земской Учительской Семинаріи.

щенія къ нѣмецкой искусственной педагогикѣ, я ничего тутъ не знаю, и мнѣ глубоко противны всѣ эти люди, которые съ непонятнымъ жаромъ толкуютъ о томъ, чего не понимаютъ.

И вотъ Вы затѣваете бороться съ этою гадостью. Я прямо скажу, что мнѣ за Васъ непріятно. Сочувствую Вамъ вполнѣ, буду слѣдить съ живѣйшимъ интересомъ [1]) и увѣренъ, что Вы успѣете высказать чудесныя вещи. Но подумайте, Левъ Николаевичь—вѣдь ихъ несмѣтное полчище; вѣдь они тупы и рьяны; вѣдь за нихъ станетъ вся наша прогрессивная печать. Мнѣ грустно будетъ, если Ваши силы и Ваще время будетъ тратиться на разборъ и отраженіе всякой грязи, если какой-нибудь вздоръ будетъ Васъ занимать и будетъ на Васъ дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ онъ того стоитъ.

Впрочемъ—простите мнѣ все, что я сейчасъ сказалъ; я вѣдь не знаю, что именно Вы хотите дѣлать и какъ Вы будете дѣлать. Только мнѣ представляется дѣло большою битвою, на которую можно потратить силъ столько, сколько угодно. Если Вы будете сражаться и до конца Вашей жизни, то все таки очень мало уменьшите число и силу Вашихъ противниковъ. Я согласенъ съ Н. Я. Данилевскимъ, что насъ можетъ отрезвить одно—война съ Европою.

Какъ бы то ни было, повѣрьте, что я всею душею желаю Вамъ успѣховъ во всемъ, что Вы начинаете. Писать объ Васъ или за Васъ мнѣ будетъ наслажденіемъ. Жаль, что Гражданинъ портится; Достоевскій отказался отъ редакторства и кажется вся газета обратится въ органъ петербургскихъ духовныхъ споровъ. Тутъ есть общество «Любителей духовнаго просвѣщенія» подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича; [2]) оно нынче стало мѣстомъ горячей полемики о раскольникахъ...

Пишу и думаю: ни о чемъ-то этомъ Левъ Николаевичь не знаетъ,—и какъ хорошо дѣлаетъ!

Но кромѣ Гражданина есть вѣдь и другія мѣста.

Не читали ли Вы моей статейки о Пушкинѣ? [3]) И что вообще скажете о «Складчинѣ»?

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

P. S. Можетъ быть я перемѣню квартиру; мой адресъ неизмѣнный: въ Публичную Библіотеку.

---

[1]) Страховъ написалъ вскорѣ обстоятельный разборъ статьи Толстого о народномъ образованіи, напечатанной въ „Отечественныхъ запискахъ“ („Гражданинъ“ 1874 г., № 48 и 50).

[2]) Великаго Князя.

[3]) „Замѣтки о Пушкинѣ“, помѣщенныя въ сборникѣ въ пользу голодающихъ „Складчина“, 1874, стр. 561—587 (см. выше).

На этомъ письмѣ—далѣе рукою Толстого написано:

Простое предложенье.

Слова соединяются согласуясь 1) по роду, числу и лицу 2) по роду и числу и [3) не согласуясь по падежамъ.

1. мужикъ (великъ) спалъ, мужики (велики) спали, баба (велика) спала.

2)—мужикъ великъ, мужики велики, баба велика.

[3] и не согласуясь 1) по падежамъ, 2) по [неопредѣленному наклоненію] предлогамъ, [3) по нарѣчію съ глаголомъ] 3. неопредѣленному наклоненію, 4) нарѣчія.

1) дать [палк] булку, кусокъ хлѣба, мнѣ родной.

2) Городъ въ табакеркѣ Одинъ изъ многихъ.

3) хочетъ спать, желанье играть. 4) хорошо живетъ, скучно говоритъ.

Сложное предложеніе.

1) одно слово соединяетъ два другихъ, не согласуя ихъ

мужикъ купилъ овса, черное прочнѣе бѣлаго, вѣкъ лежать мертвымъ.

2) [одно согласованное соединеніе соединяется не согласуя два другихъ] [1]).

14. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го іюня 1874 г. (Петербургъ).

3-го Іюля я буду въ Москвѣ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Рѣшено, что мнѣ нельзя прогулять больше мѣсяца и къ 29 Іюля я долженъ быть опять въ Петербургѣ. Предлагаю теперь себя къ Вашимъ услугамъ; не могу ли я Вамъ помочь въ изданіи романа? [2])

Я съ ужасомъ прочиталъ, что Вы остановили печатаніе—Вы насъ замучите ожиданіемъ. То, что Вы пишете [3]) о значеніи Вашей педагогической дѣятельности, показываетъ только, какъ горячо Вы увлечены ею. Когда-то, въ 1862 году, я первый встрѣтилъ Вашу Ясную Поляну восторженными похвалами (это было во Времени); [4]) слѣдовательно Вы не можете сомнѣваться въ моемъ искреннемъ сочувствіи къ Вашей педагогикѣ; но Вы преувеличиваете, ставя ее выше Вашего художества.

Обо всемъ этомъ ужасно хочется переговорить съ Вами, и не

---

[1]) Далѣе нѣсколько словъ совсѣмъ не разборчивыхъ.

[2]) „Анны Карениной“, которая начала появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ 1-го № 1875 года.

[3]) Это письмо Толстого къ Страхову неизвѣстно.

[4]) См. выше.

хочется даже писать, потому что чувствуешь, что всего не напишешь. Скоро—скоро я увижу Васъ,—а теперь только хотѣлъ спросить, не будетъ ли какого наказа для Москвы?

Я такъ боюсь вмѣшиваться въ Ваши работы,—а все тянетъ.

Письмо Буняковскаго [1]) (какъ я нахожу, очень хорошее) передано Бѣляеву, [2]) и если въ Понедѣльникъ, 24-го, будетъ что-нибудь,—я сейчасъ Вамъ напишу.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1874 г. 20 Іюня Спб.

15. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

23-го Іюля 1874 г. Полтава. [3]).

Двѣ недѣли совершенно счастливыхъ,—что Вы скажете на это, безцѣнный Левъ Николаевичъ? Вы, можетъ быть, посмѣялись бы, если бы я описалъ Вамъ нѣкоторые элементы моего счастья,—мужа моей покойной сестры, [4]) моихъ двухъ племянницъ, одной родной, другой троюродной и т. п. Но что несомнѣнно хорошо—это здѣшнее солнце, воздухъ, темныя ночи, тополи и акаціи, луна и т. д. Все это до того пріятно, что я часто самъ смѣюсь надъ собою, и захотѣлъ протянуть это удовольствіе. Мнѣ удалось выпросить у Ученаго Комитета еще засѣданіе и я остаюсь здѣсь еще недѣли на полторы. Кажется дѣлаю глупость, потому что эти недѣли, пожалуй, уничтожатъ все прежнее впечатлѣніе. И такъ я буду у Васъ 8-го Августа непремѣнно, а можетъ быть и 7-го, и даже 6-го.

Вашъ романъ не выходитъ у меня изъ головы. Каждый разъ, что бы Вы ни написали, меня поражаетъ удивительная свѣжесть, совершенная оригинальность, какъ будто изъ одного періода литературы я вдругъ перескочилъ въ другой. Вы справедливо замѣтили, что въ иныхъ мѣстахъ Вашъ романъ напоминаетъ «Войну и Миръ»; но это только тамъ, гдѣ сходны предметы; какъ только предметъ другой, то онъ является въ новомъ свѣтѣ, еще невиданномъ, небываломъ въ литературѣ. Развитіе страсти Карениной—диво дивное. Не такъ полно, мнѣ кажется, у Васъ изображено (да многія части и не написаны) отношеніе свѣта къ этому событію. Свѣтъ

---

[1]) Вѣроятно-академика Виктора Яковлевича Буняковскаго, извѣстнаго математика (ум. 1889).

[2]) См. письмо № 16.

[3]) Писано послѣ поѣздки къ Толстому въ Самарское имѣніе его, на кумысъ; здѣсь Страховъ познакомился въ рукописи или въ корректурахъ съ „Анной Карениной".

[4]) Д. И. Самуся [см. въ концѣ этого письма].

радуется (какая удивительная черта!), соблазнъ соблазняетъ его; но является реакція, отчасти фальшивая, лицемѣрная, отчасти искреняя, глубокая. Я не знаю хорошенько, что у Васъ тутъ будетъ, не смѣю и думать—самому развивать тему; но тутъ должно быть что-нибудь очень интересное, очень глубокое; на эту точку всѣ обратятъ вниманіе и будутъ требовать отъ Васъ рѣшенія, приговора.

Что касается до меня, то внутренняя исторія страсти—главное дѣло и все объясняетъ. Анна убиваетъ себя съ эгоистическою мыслью, служа все той же своей страсти; это неизбѣжный исходъ, логическій выводъ изъ того направленія, которое взято съ самаго начала. Ахъ, какъ это сильно, какъ неотразимо ясно!

Все взято у Васъ съ очень высокой точки зрѣнія—это чувствуется въ каждомъ словѣ, въ каждой подробности, и этого Вы вѣроятно не цѣните, какъ должно, и можетъ быть не замѣчаете. Ужасно противно читать у Тургенева подобныя свѣтскія исторіи, напр. въ Дымѣ. Такъ и чувствуешь, что у него нѣтъ точки опоры, что онъ осуждаетъ что-то второстепенное, а не главное, что напр. страсть осуждается потому, что она недостаточно сильна и послѣдовательна, а не потому, что это страсть. Онъ съ омерзѣніемъ смотритъ на своихъ генераловъ потому, что они фальшивятъ, когда поютъ, что недостаточно хорошо говорятъ по-французски, что кривляются недостаточно граціозно и т. д. Простой и истинной человѣческой мѣрки у него вовсе нѣтъ. Вы въ полномъ смыслѣ слова о б я з а н ы напечатать Вашъ романъ, чтобы разомъ истребить всю эту и подобную фальшь. Какъ Тургеневъ долженъ обозлиться!

Онъ—спеціалистъ по части любви и женщинъ! Ваша Каренина разомъ убьетъ всѣхъ его Иринъ, и подобныхъ героинь (какъ зовутъ въ «Вешнихъ Водахъ»?). А для Боборыкиныхъ, Крестовскихъ и иныхъ подобныхъ романистовъ это будетъ полезнѣйшимъ и можетъ быть плодотворнымъ урокомъ. А читать Васъ будутъ съ жадностію непомѣрною,—помилуйте, какой предметъ!

Всею душою желаю Вамъ бодрости и силы. Для меня теперь очень ясна исторія Вашего романа. Вы съ горяча написали его, потомъ развлеклись, и онъ сталъ Вамъ скученъ.

Вамъ Ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно простыло—и тогда
П о с т ы л о Вамъ и с о ч и н е н ь е [1]).

По нѣкоторымъ изъ Вашихъ словъ я вижу, что Вы размышляете

---

[1]) Слова книгопродавца въ стихотвореніи Пушкина „Книгопродавецъ и поэтъ“ (1824 г.).

о разныхъ вещахъ, въ сравненіи съ которыми предметъ Вашего романа Вамъ кажется иногда незначительнымъ (самъ по себѣ онъ имѣетъ существенную, первостепенную важность!). Тутъ одно средство—взяться за дѣло и не отрываться отъ него, пока не кончите. Если Вы не допишете Вашего романа, я обвиню Васъ просто въ лѣности, въ нежеланіи немножко себя приневолить.

Что до меня, я и здѣсь слѣдую Вашему совѣту—занимаюсь философіей, и по прежнему отъ времени до времени благодарю Васъ. Если изъ этихъ занятій не выйдетъ ничего оригинальнаго, то все таки выйдетъ польза. Я чувствую, что занятъ сроднымъ мнѣ дѣломъ, что обогащаюсь ясными понятіями и познаніями вполнѣ опредѣленными. Недавно сталъ читать одну нѣмецкую книгу,—сейчасъ же вижу насквозь, что глупость. Это очень пріятно.

Всею душою Вашъ

1874 г. 23 Іюля, Полтава. Н. Страховъ.

Мой адресъ на всякій случай: Н. Н. С—ву у Данила Ивановича Самуся, Инспектора Полтавской Гимназіи.

16. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

22-го сентября 1874 г., Петербургъ.

Ученый Комитетъ [1]) еще не поставилъ рѣшенія объ Вашей Азбукѣ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Ее разсматривали трое: Сентъ-Илеръ [2]) — обученіе чтенію и всѣ статьи для учителя; Бѣляевъ [3])—Ариѳметику, и Майковъ [4])—всѣ статьи для чтенія. И Майковъ и Сентъ-Илеръ одинаково отозвались о статьяхъ для чтенія, какъ объ мастерскихъ и образцовыхъ. За тѣмъ Сентъ-Илеръ пишетъ вотъ что: Вашъ способъ обученія чтенію почти таковъ, какъ у Столпянскаго [5]) и Корфа [6]). Вы отвергаете звуковой методъ, о кото-

---

[1]) Министерства Народнаго Просвѣщенія, членомъ коего состоялъ Страховъ съ февраля 1874 г.

[2]) Карлъ Карловичъ Сентъ-Илеръ, директоръ Петербургскаго Учительскаго Института и членъ Особаго Отдѣла Ученаго Комитета по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

[3]) Вѣроятно — Алексѣй Михайловичъ Бѣляевъ, редакторъ „Артиллерійскаго Журнала“ (1872—1885), умершій въ 1885 году.

[4]) Поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, служившій цензоромъ Петербургскаго Комитета Цензуры Иностранной и членомъ Особаго Отдѣла Ученаго Комитета по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

[5]) Николай Петровичъ Столпянскій, редакторъ журнала „Школьная Жизнь“ (1872 — 1874), авторъ различныхъ азбукъ и букварей и другихъ школьныхъ книгъ; ум. 1908.

[6]) Извѣстный дѣятель по народному образованію баронъ Николай Александровичъ Корфъ (ум. 1883).

ромъ много и хорошо написано, а сами не излагаете подробно вашихъ возраженій и доказательствъ. Для учителя все хорошо, но извѣстно, отрывочно и не мотивировано. Склады — вовсе не объяснены. Курсивъ и надстрочныя буквы Сентъ-Илеръ не одобряетъ, такъ какъ при начальномъ обученіи будутъ развлекать вниманіе учениковъ, для которыхъ еще труденъ самый механизмъ чтенія. Общее заключеніе — по краткости и малой обработкѣ какъ Азбуки, такъ и статей для учителя, Ваша книга ниже многихъ другихъ азбукъ, а цѣна непомѣрно высока. Рекомендовать для библіотекъ, а не какъ учебникъ [1]).

Бѣляевъ совсѣмъ не одобрилъ ариѳметики. Главное 1) у Васъ нѣтъ именованныхъ чиселъ; 2) нѣтъ опредѣленій и правилъ; 3) нѣтъ объясненія принятой терминологіи; 4) есть своя непринятая терминологія; 5) нѣтъ объясненій (!), а все сводится къ механическимъ выкладкамъ; 6) есть ошибки, неясности, неполнота; 7) есть лишнее— изображеніе счетовъ, которые не нужны при дѣйствительныхъ счетахъ; разныя счисленія; славянскій и римскій счетъ, который нужно показать не въ началѣ, а уже потомъ.

Выводъ для меня ясенъ. Все, что бы Вы ни предложили, будетъ отвергаться потому, что противорѣчитъ принятому и доказанному, и каждый пунктъ Вамъ уступятъ только съ бою, то есть если Вы напишете столько же, какъ Бунаковъ [2]), Евтушевскій [3]) и т. п. Я видѣлъ недавно книгу: Руководство по преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ. Вышло 2 тома; составляютъ эту книгу—цвѣтъ нашихъ педагоговъ. Въ концѣ 2-го тома есть систематическое изложеніе способовъ обученія чтенію, г. Миропольскаго [4]). Этотъ Миропольскій очень бойкій болтунъ (сужу по одной его статьѣ, которую пришлось прочесть), но болтунъ и составляетъ красу и наслажденіе здѣшней педагогіи. Хотите, я Вамъ пришлю книгу? Самъ я этого никакъ не хочу, ибо мое желаніе—чтобы Вы не отвлекались отъ романа. Я продержалъ корректуру 5-го листа и

---

[1]) Рѣчь идетъ объ „Азбукѣ“ Толстого, вышедшей въ 1872 г. въ 4 книгахъ, стоимостью за всѣ — 2 р. Въ 1875 г. была издана „Новая Азбука“ Толстого, стоимостью въ 14 коп., которая была одобрена и рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Извѣстный педагогъ Николай Ѳедоровичъ Бунаковъ (род. 1837, ум. 1905), авторъ цѣнныхъ „Записокъ“, изд. Спб. 1909. Онъ разбранилъ статью Л. Н. Толстого о народномъ образованіи (въ „Семьѣ и Школѣ“ 1874 г., № 10).

[3]) Авторъ многочисленныхъ учебниковъ ариѳметики Василій Адріановичъ Евтушевскій (род. 1836, ум. 1888).

[4]) Сергѣй Иринеевичъ Миропольскій; его характеристику см. въ „Запискахъ“ Н. Ѳ. Бунакова, стр. 103.

съ большою радостію буду держать всѣ остальные. Мнѣ пріятно изучать Васъ, а при бѣгломъ чтеніи я всегда не замѣчу тысячи вещей. Повѣрьте, Левъ Николаевичь, что для меня составляетъ истинную радость услужить Вамъ, особенно послѣ того, какъ я продалъ Вамъ свои прежнія услуги безъ всякой уступки противъ обыкновенной рыночной цѣны. Вознагражденія я попрошу,—именно по окончаніи печатанія пять экземпляровъ романа.

Теперь же у меня такія просьбы: 1) прикажите выслать мнѣ первые четыре листа романа [1]); 2) Скажите мнѣ, какъ зовутъ управляющаго типографіей [2]) — Михаилъ Николаевичъ Лавровъ или иначе? Я забылъ его имя и не знаю, вѣрно ли припомнилъ.

Пишите, пишите, безцѣнный Левъ Николаевичь! Вотъ моя главная просьба.

Вотъ еще. Увидѣвъ изъ бумагъ Комитета, что ему неизвѣстна Ваша Азбука въ 12 книгахъ [3]), я взялъ такой экземпляръ у Надѣина и отправилъ въ Комитетъ. Слѣдствіемъ этого будетъ вѣроятно то, что одобрятъ отдѣльно Ваши книги для чтенія и онѣ вдругъ разойдутся. Можетъ быть Комитетъ предложитъ сбавить цѣну; я объявилъ секретарю, что готовъ списаться съ Вами объ этомъ и что конечно Вы не откажетесь.

Кажется все.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1874 г. 22 Сент., Спб.

17. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

8-го ноября 1874 г. Петербургъ.

Очень виноватъ передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичь; всѣ послѣдніе дни я твердилъ себѣ, что нужно, нужно писать къ Вамъ, и не могъ собраться.

Вотъ съ мѣсяцъ, или съ полтора, какъ мнѣ очень не по себѣ; не разберу, что это такое—нездоровье или скука, скука оттого, что нѣтъ у меня настоящаго дѣла, что я усиленно ищу его и не на-

---

[1]) „Анны Карениной“.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ помѣщена „Анна Каренина“, печатался въ Москвѣ.

[3]) Эта Азбука, вышедшая въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1874 г., состояла изъ 12 отдѣльныхъ выпусковъ, изъ которыхъ II—IX заключали русскія и славянскія хрестоматіи, X и XI—Ариѳметику, а XII—Руководство для учителя; всѣ вмѣстѣ стоили 2 р. 20 к.

хожу. Какъ бы то ни было, я виноватъ. Мнѣ слѣдовало извѣстить Васъ, что злодѣй Некрасовъ [1]) не приготовилъ оттисковъ; я положился на него, а слѣдовало самому похлопотать. Онъ обѣщалъ мнѣ наконецъ 10 оттисковъ, но и тѣхъ не присылаетъ. Былъ онъ у меня въ Библіотекѣ [2]) и очень старательно заявлялъ, какой онъ благонамѣренный и какъ мало сочувствуетъ всему революціонному; былъ и я у него и чуть не согласился остаться обѣдать съ нимъ и—какъ онъ выразился—съ его хозяйкою. Но оттисковъ все таки нѣтъ.

Ваше намѣреніе продать романъ въ «Р. В.» очень смущаетъ меня; я предчувствую, что Вы не сойдетесь. Р. В. [3]) имѣетъ слишкомъ мало подписчиковъ, и по дѣлу съ Достоевскимъ я знаю, какъ онъ жмется. А не заводилъ ли съ Вами переговоровъ Некрасовъ? Онъ просилъ меня сдѣлать Вамъ предложеніе и даже содѣйствовать съ своей стороны, «такъ какъ Толстой-де человѣкъ своеобычный; пожалуй заупрямится». Я не торопился писать къ Вамъ объ этомъ, зная, что Некрасовъ самъ съ Вами въ перепискѣ; что же касается до того, чтобы уговаривать Васъ въ его пользу,—не хочу. Никакъ не могу желать усиливать то направленіе, которому онъ служитъ отчасти по личному настроенію, но большею частью по лукавству и невѣжеству.

Вѣроятно Вы слышали о здѣшнихъ возмущеніяхъ въ Мед. Академіи, Технол. Институтѣ, Университетѣ, Горномъ корпусѣ. Ужасная жалость беретъ при мысли объ этой нашей молодежи. Они истинныя дѣти по пониманію людей и дѣйствительности; и эти то дѣти заражены самыми извращенными понятіями,—имъ внушенъ фанатизмъ и энтузіазмъ—нелѣпѣйшій. Можетъ быть французскіе юноши еще имѣютъ право ставить себя наряду со своими взрослыми людьми; но наши, какъ давно замѣчено, зрѣютъ очень медленно и долго остаются мальчиками.

Причина волненія—учебныя строгости, которыя усиливаются съ каждымъ годомъ во всѣхъ вѣдомствахъ,—чего нельзя не одобрить, если только это дѣлается какъ слѣдуетъ, безъ обидъ и ненужныхъ тычковъ. Недовольство молодежи сорвалось на человѣкѣ, который (нужно отдать ей справедливость) вполнѣ стоитъ антипатіи. Это

---

[1]) Поэтъ Некрасовъ, редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ сентябрьской книжкѣ которыхъ за 1874 г. была помѣщена статья Толстого о народномъ образованіи, въ видѣ письма къ І. Н. Шатилову. Письмо Некрасова къ Толстому по поводу этой статьи (отъ 12-го октября 1874 г.) см. въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 157.

[2]) Въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ служилъ Страховъ.

[3]) „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, гдѣ „Анна Каренина“ дѣйствительно и начала появляться съ № 1-го 1875 г.

Ціонъ, [1]) проф. Физіологіи, жидъ, хвастливый, нахальный, безсердечный. Онъ въ Мед. Академіи, отличающейся глубокимъ невѣжествомъ и чисто школьническими нравами, сталъ носиться со своею наукою и давить и студентовъ, и профессоровъ. Невѣжды ополчились противъ нахала, который знаетъ на вершокъ больше; полтора года тянулась политика, сводившаяся на одинъ мудрый вопросъ: к т о б о л ь ш е з н а е т ъ?—Наконецъ, когда Ціонъ принесъ на свою первую лекцію (кажется въ половинѣ Октября) свою послѣднюю полемическую брошюру и сталъ раздавать ее студентамъ, прибавляя разныя объясненія и величанія, студенты разразились свистомъ и шиканьемъ и пошвыряли въ Профессора полученныя отъ него брошюрки.

Пожаръ распространился по другимъ заведеніямъ, и теперь много молодыхъ людей исключены и разсылаются на мѣста жительства. Нѣкоторые изъ нихъ очень довольны: интеллигенція нужна-де не въ Петербургѣ, а въ глухихъ мѣстахъ. Между тѣмъ общество—не шелохнется. Никто не боится этихъ волненій, никто не опасается за порядокъ, и даже мало говорятъ о событіи; жалѣть—никто не жалѣетъ. Какъ глупы тѣ революціонеры, которые т е п е р ь воображаютъ, что могутъ в о з б у д и т ь общество, вооружить его противъ правительства! Больше, чѣмъ когда-нибудь, они теперь на воздухѣ. Народъ ихъ не знаетъ и общество знать не хочетъ.

Возвращаюсь къ Вашему роману. По своему обыкновенію, я сталъ любить его и понимать тѣмъ больше, чѣмъ больше читалъ. Какая прелесть—сцена объясненія въ любви Левина! Ученый разговоръ брата Левина—тоже безподобно! Какъ все это свѣжо, ново и безконечно правдиво и тонко! Разговоръ въ трактирѣ мнѣ показался нѣсколько длиннымъ. Разумѣется, это не помѣшаетъ, такъ какъ онъ все-таки имѣетъ всѣ Ваши достоинства.

Азбука Ваша наконецъ одобрена, [2]) то есть одобрены всѣ книжки для чтенія; первая же и наставленія для учителя одобрены только для учительскихъ библіотекъ; а Ариѳметика вовсе неодобрена.

Шумъ изъ за Вашей статьи [3]) идетъ страшный; Евтушевскаго, [4])

---

[1]) Ціонъ, Илья Ѳадеевичъ, воспитанникъ Медико-Хирургической Академіи, докторъ медицины, профессоръ физіологіи въ Петербургскомъ Университетѣ (съ 1870) и Медицинской Академіи (съ 1872 г.), въ 1875 г. уволенный изъ нея и переселившійся заграницу; оставивъ научную дѣятельность, онъ занялся вопросами финансовыми, одно время состоялъ агентомъ Министерства Финансовъ; нападки его на Вышнеградскаго и Витте послужили поводомъ къ вызову его въ Петербургъ для объясненій (1897), но Ціонъ не явился и приговоренъ къ изгнанію изъ Россіи.

[2]) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) О народномъ образованіи, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

[4]) См. предыдущее письмо.

который непочтительно отозвался объ Васъ въ Педагогическомъ Обществѣ, осмѣяли всѣ газеты. Я говорилъ съ Сентъ-Илеромъ, [1]) моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который тутъ главный столбъ педагогіи. Онъ очень несогласенъ съ Вами; сказалъ, что именно Евтушевскій и Бунаковъ [2]) не подражаютъ нѣмцамъ и вступили на самостоятельный путь, который близокъ къ Вашимъ мнѣніямъ; Вы напали будто бы на отживающее направленіе, на тѣ слѣды его, которые еще остались у Евт. и Бун. Я хотѣлъ писать статью, но такъ не писалось, какъ еще никогда. Да въ «Гражданинѣ» почти и не стоитъ. Однако къ Середѣ изготовлю. [3])

Пока, прощайте!

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1874 г. 8 Нояб. Спб.

18. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1-го января 1875 г. Петербургъ.

Кажется все идетъ очень благополучно, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Въ Вашемъ письмѣ [4]) хорошія вѣсти, и объ Васъ самихъ и объ романѣ [5]). Пріятно думать, что Вамъ хорошо заплатили; 20 тысячъ еще небывалая цѣна за романъ. Слухи о немъ здѣсь ходятъ все сильнѣе и сильнѣе; одни говорятъ, что онъ явится въ Отеч. Запискахъ [6]), другіе увѣряютъ, что Стасюлевичъ [7]) далъ Вамъ 30.000. Я слышалъ наконецъ и сужденія; Н. Н. Воскобойниковъ [8]), очень восторженный человѣкъ, который меня за что-то не любитъ, но нашелъ для своей преданности исходъ въ ревностномъ служеніи Каткову, читалъ начало Вашего романа въ гранкахъ, и говорилъ мнѣ, что онъ выше Войны и Мира. Онъ очень неглупый человѣкъ, и его сужденіе показываетъ, съ какою жадностію Васъ примутся читать и хвалить.

А я видѣлъ здѣсь нѣчто въ родѣ Вашего Левина. Пріѣзжалъ сюда

---

[1]) тоже.

[2]) тоже.

[3]) Статья Страхова напечатана въ №№ 48 и 50 „Гражданина“ за 1874 г.

[4]) Оно неизвѣстно въ печати.

[5]) „Аннѣ Карениной“.

[6]) „Анна Каренина“ печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

[7]) Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, редакторъ-издатель „Вѣстника Европы“.

[8]) Николай Николаевичъ Воскобойниковъ (ум. 1882), сперва постоянный сотрудникъ, а съ 1875 г.—помощникъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткова.

Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ [1]) и удивительно мнѣ понравился. Два вечера онъ просидѣлъ у меня, объясняя свою теорію русскаго стиха—теорію безподобную, въ которую я крѣпко увѣровалъ. Какое въ немъ чувство языка, стиха! Въ первый разъ я услышалъ настоящее чтеніе былинъ. А его патріотизмъ, его дерзкія мысли объ Европѣ—все вмѣстѣ дало мнѣ понятіе о томъ, какія силы и чувства растутъ у насъ тамъ, вдали отъ Петербурга и независимо отъ нашей литературы. Вы конечно знаете, что онъ Вашъ большой поклонникъ; онъ говорилъ, что Вы еще не сказали Вашего главнаго слова, что онъ ждетъ еще отъ Васъ величайшаго произведенія.

Былъ здѣсь также Катковъ [2]), и былъ очень ласковъ со мною, и навѣщалъ, и позвалъ къ себѣ на именины дочери, и усердно приглашалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и въ «Московскія Вѣдомости». Ахъ, если бы это было года два назадъ! А теперь я не могу просиживать все утро надъ бумагой, и нѣтъ у меня прежняго задора удивлять публику. Я написалъ впрочемъ 4 статейки, двѣ объ Васъ (въ «Гражданинѣ») [3])—гораздо хуже, чѣмъ предполагалъ, и двѣ объ Соловьевѣ (одна въ «Гражданинѣ», [4]) другая въ «Моск. Вѣдомостяхъ») [5])—довольно сухія и легкія. Ваше мнѣніе о Соловьевѣ я раздѣляю; хоть онъ явно и отрицается отъ Гегеля, но втайнѣ ему слѣдуетъ. Вся критика Шопенгауэра основана на этомъ. Но дѣло, кажется, еще хуже. Обрадовавшись, что нашелъ метафизическую сущность, Соловьевъ уже готовъ видѣть ее повсюду лицомъ къ лицу и расположенъ къ вѣрѣ въ спиритизмъ. Притомъ онъ страшно болѣзненъ, какъ будто истощенъ—за него можно очень опасаться,—не добромъ кончитъ. А книжка его, чѣмъ больше читаю, тѣмъ больше кажется мнѣ талантливою [6]). Какое мастерство въ языкѣ, какая связь

---

[1]) П. Д. Голохвастовъ (род. 1838, ум. 1892), воспитанникъ Пажескаго Корпуса и вольнослушатель Петербургскаго Университета, впослѣдствіи управляющій Ташинскимъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ; его піеса въ 5 д. „Алеша Поповичъ“, составленная по старинным русскимъ былинамъ, издана въ Москвѣ въ 1869 г. Его изслѣдованіе „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго“ напечатано въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1881, кн. 12 и перепечатано, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, въ „Памятникахъ Общества Древней Письменности“, С.-Пб. 1883 г. Письма Толстого къ Голохвастову за 1872—1877 гг. напечатаны въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1904 г., кн. II, стр. 196—215.

[2]) Михаилъ Никифоровичъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и основатель „Русскаго Вѣстника“.

[3]) По поводу статьи Толстого о народномъ образованіи.

[4]) О диспутѣ Владиміра Сергѣевича Соловьева—въ „Гражданинѣ“ 1874 г., № 48, стр. 1211—1213.

[5]) Тоже о диспутѣ Соловьева—„Московскія Вѣдомости“ 1874 г., № 308, съ подписью *Н. С.*

[6]) „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ; по поводу философіи безсознательнаго, Гартмана“, М., 1874 г.

и сила! Непремѣнно напишу объ ней [1]). Но чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше расширяется предметъ. Собственно мое желаніе—написать по этому поводу объ Шопенгауэрѣ, объявить читателямъ объ этомъ философѣ и восхвалить его какъ можно громче. Но вѣдь это много значитъ. И вотъ я принялся за чтеніе, за Шопенгауэра и за Гегеля. Вѣдь я до сихъ поръ не читалъ Memorabilien Фрауэнштедта и множество другого. Вообще, получивши въ Публ. Библіотекѣ доступъ ко всякимъ книгамъ, я сталъ жадно читать, и въ этомъ проходитъ теперь моя жизнь. И чѣмъ больше читаю, тѣмъ меньше пишется. Мнѣ противна надобность писать, когда мысль не готова (а таково было многое въ моемъ писаніи), и не знаю, когда Катковъ дождется моей статьи.

Но лучше обо всемъ этомъ не продолжать. Съ нынѣшняго года литература получаетъ нѣсколько новый видъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» отняты у Корша [2]) и отданы Саліасу [3]). Что онъ будетъ дѣлать и зачѣмъ ихъ взялъ, право не понимаю. Меня и туда звали. Вотъ не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Я почувствовалъ, вспомнивъ старое, какой задоръ долженъ былъ бы во мнѣ пробудиться, если бы я былъ тотъ же, какъ года четыре назадъ! Къ моимъ услугамъ двѣ газеты и толстый журналъ—о «Гражданинѣ» я уже и не говорю. Но старость умудряетъ.

Ничего я такъ не желаю, какъ того, чтобы Вамъ работалось надъ Вашимъ романомъ. Это изображеніе страсти во всей ея прелести и во всемъ ничтожествѣ не выходитъ у меня изъ головы. Вы мнѣ не говорили и не писали, вѣрно ли я понимаю Вашъ романъ; но я его понимаю такъ. Каренина такъ чутка и хороша душою, что первое разоблаченіе, первые признаки ждущей ее судьбы уже не переносятся ею. Отдавшись всею душою одному желанію—она отдалась дьяволу, и выхода сей нѣтъ. У Васъ безконечно оригинальна самая постановка страсти.—Вы ее не идеализируете и не унижаете, Вы единый справедливый человѣкъ, такъ что Ваша Анна Каренина возбудитъ безконечную жалость къ себѣ, и всякому однако

---

[1]) Свое намѣреніе Страховъ привелъ въ исполненіе гораздо позднѣе: въ 1881 г., по поводу этой книги Соловьева и другой его же „Критика отвлеченныхъ началъ“, онъ помѣстилъ статью „Исторія и критика философіи“—въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ч. 213, январь, отд. II, стр. 79—115.

[2]) Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ, извѣстный публицистъ (ум. 1883), бывшій помощникъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, съ 1863 г. арендовавшій „С.-Петербургскія Вѣдомости“, изъ которыхъ сдѣлалъ органъ либеральный. Онъ былъ отстраненъ отъ редакторства съ переходомъ этой газеты изъ вѣдѣнія Академіи Наукъ въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[3]) Извѣстный романистъ графъ Евгеній Александровичъ Саліасъ-де-Турнемиръ; онъ пробылъ редакторомъ недолго.

же будетъ ясно, что она виновата. Если я не такъ понимаю пожалуста напишите мнѣ.

Всего выгоднѣе для романа будетъ, если онъ будетъ появляться непрерывно,—какъ бы это было хорошо!

Еще забылъ Вамъ написать, что я тутъ упиваюсь музыкой: «Русланъ», «Жизнь за Царя», «Лоэнгринъ», «Тангейзеръ», «Юдиѳь» и пр. и пр. Это моя единственная и очень большая отрада. Но объ этомъ ужъ въ другой разъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1 Янв. 1875 г. Спб.

19. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

13-го февраля 1875 г. [Петербургъ].

Напишу Вамъ нѣсколько строкъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, чтобы извѣстить о впечатлѣніи, производимомъ «Анною Карениной». Какое-то очарованіе! Я видѣлъ ученыхъ людей, которые чуть не прыгали отъ восторга. «Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо! Можно же такъ хорошо писать!»

И въ самомъ дѣлѣ этотъ чистый, ясный, какъ кристалъ, разсказъ, въ которомъ все видишь какъ на картинѣ, гдѣ все и вѣрно и ново, производитъ вполнѣ все то неотразимое дѣйствіе, какое свойственно художеству.

За то находятся скептики и серьезные люди, которые недоумѣваютъ и угрюмо допрашиваютъ: «да что же тутъ важнаго, особеннаго? Все самое обыкновенное. Тутъ описывается любовь, балъ—то, что тысячу разъ описано. И никакой идеи!» и пр. и пр.

Но публику вы поймали—дѣло кончено. Я, признаюсь, самъ не думалъ, что эти первыя главы такъ хороши; только перечитывая ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», я понялъ, какъ это безподобно. Сегодня у насъ въ Публичной Библіотекѣ разбиралось дѣло одного читателя, который поссорился изъ за книжки Русскаго Вѣстника съ дежурнымъ по залѣ и записалъ въ жалобную книгу, что тотъ вѣрно самъ читаетъ и отъ того не выдаетъ ему Русскаго Вѣстника, что Библіотека — для публики, а не для служащихъ, что таковы принципы нынѣшняго царствованія, и т. д.

Хорошихъ замѣчаній я не слыхалъ; слышалъ очень странныя; напр. одинъ злющій писатель говорилъ, что Левинъ, когда увидѣлъ Вронскаго, не могъ наблюдать его иначе, какъ съ ненавистью и слѣд. не любилъ, если могъ разбирать хорошія качества соперника. Я возразилъ, что тутъ еще не страсть, что тутъ любовь еще святая. «А! такъ тѣмъ больше ненависти онъ долженъ былъ чув-

ствовать. Эта любовь еще сильнѣе напр. я люблю своихъ дѣтей: да я голову сорву тому, кто ихъ обидитъ» и пр. и пр.

Будетъ. Прощайте и умоляю Васъ объ одномъ—не дѣлайте остановокъ, пусть романъ непрерывно появляется въ каждой книжкѣ. Тогда сбудется мое предсказаніе—успѣхъ неслыханный, безпримѣрный!

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1875 г. 13 февр.

20. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

21-го марта 1875 г., Петербургъ.

Прежде о дѣлѣ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Берсъ [1]) сказалъ мнѣ (ровно недѣлю назадъ), что онъ съ удовольствіемъ все передастъ мнѣ, что у него все записано, (онъ показалъ мнѣ книгу) и доходы и расходы, что Надѣинымъ онъ очень доволенъ, но что есть еще маленькіе счеты, которые онъ сведетъ и пришлетъ мнѣ въ Понедѣльникъ, т. е. 18 Марта. Я ждалъ Вторникъ и Среду, но въ Среду вечеромъ заѣхалъ къ нему, не засталъ его дома и написалъ ему записку, что молъ остался (я то есть) еще на два дни, а больше ждать не могу, уѣду. Сегодня Пятница—ничего нѣтъ. Поэтому я далъ магазину «Русская Книжная Торговля», который хорошо знаю и за которымъ смотритъ мой пріятель, писатель Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ [2]), — далъ записку принять отъ Берса Ваши книги и извѣстить Васъ о томъ, сколько ихъ принято, а квитанцію выдать Стахѣеву. По личному условію съ Берсомъ — онъ обѣщалъ передать книги по востребованію.

Вотъ все по этому дѣлу. Тутъ есть подробность, требующая объясненія. Я завтра ѣду за границу на два мѣсяца; случилось это совершенно неожиданно, но теперь все устроено. Одинъ знакомый, однокашникъ, Вышнеградскій [3]) вздумалъ ѣхать въ Италію съ женою и двумя дѣвочками дочерьми,—сдѣлать прогулку, пока не наступили

---

[1]) Шуринъ Толстого, Степанъ Андреевичъ Берсъ, авторъ „Воспоминаній о гр. Л. Н. Толстомъ“, изданныхъ въ Смоленскѣ въ 1894 г.

[2]) Д. И. Стахѣевъ, авторъ многочисленныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, а также стихотвореній и драматическихъ произведеній. Въ 1875 — 1877 гг. онъ редактировалъ „Ниву“. Страховъ съ 1875 г. жилъ вмѣстѣ съ Стахѣевымъ на одной квартирѣ.

[3]) Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій (род. 1831, ум. 1895), товарищъ Страхова по выпуску изъ Главнаго Педагогическаго Института (1851), впослѣдствіи, съ 1887 по 1892 г., министръ финансовъ, въ 1875 г. былъ профессоромъ и директоромъ Технологическаго Института. Его старшій братъ Николай Алексѣевичъ, питомецъ Института выпуска 1845 г., былъ впослѣдствіи профессоромъ психологіи и логики въ Педагогическомъ Институтѣ; дѣятель по женскому образованію.

жары—въ Венецію, Неаполь, Римъ, Миланъ и т. д. Онъ сталъ подзывать меня, и я, не имѣя никакихъ плановъ на лѣто, согласился. Теперь я богатъ, и пока проѣзжу 700 р., которые у меня есть, на моихъ двухъ мѣстахъ выростетъ безъ меня 400 р. Какъ бы то ни было, дѣло слажено. Если хотите порадовать меня письмомъ, пишите въ Римъ poste restante; я буду тамъ черезъ двѣ недѣли и пробуду дней пятнадцать. Скажу Вамъ откровенно — ѣду смотрѣть природу. Учиться—увы!—уже поздно; такъ что прямая цѣль—увидать чудеса искусства будетъ съ моей стороны претензіею. Люди меня не интересуютъ, развѣ монахи,—я все-таки думаю, что тамъ есть настоящіе, хорошіе. Но взглянуть на заливъ Неаполя, на Везувій, очень хочется. Николай Яковлевичъ Данилевскій сейчасъ только пожелалъ мнѣ—изверженія. Да, это было бы недурно.

Теперь прямой переходъ къ Вашему роману. Волненіе не уменьшается; сначала я думалъ, что второй выпускъ имѣетъ меньшій успѣхъ, но теперь думаю, что даже большій. Толки такіе разнообразные, что всего не перескажешь. Упрекаютъ Васъ въ цинизмѣ, за осмотръ Китти, за сцену паденія; но тѣ, кто поумнѣе (напр., Н. Я. Данилевскій), приходятъ въ восторгъ (настоящій восторгъ) отъ Вашей цѣломудренности: выпущены всѣ подробности соблазна и разсказъ начинается съ той минуты, когда уже чувствуется стыдъ и раскаяніе. О слабыхъ мѣстахъ, которыя Вы указываете, никто и не говоритъ. Сегодня же вечеромъ я слышалъ очень умное сужденіе: объективность такъ велика у Васъ, что становится страшно за нравственный судъ Вашъ надъ лицами; въ этомъ отношеніи Война и Миръ понятнѣе, проще—такъ это конечно и есть. Прогрессисты — Стасовъ [1]), Полонскій [2]) удивляются, что Анна чувствуетъ угрызеніе стыда и полагаютъ, что Вы поэтому защитникъ старой морали. Эти старые, сѣдые дураки и разсердили меня и разжалобили собою. Что же дѣлается въ этихъ головахъ, и что они вынесли изъ жизни, если полагаютъ, что нормальная женщина при паденіи ничего не должна чувствовать, кромѣ удовольствія? Эти именно слова мнѣ сказалъ Стасовъ.

Продолжайте, Левъ Николаевичъ. Вы очевидно не можете себѣ представить впечатлѣнія, которое производите. То, что для Васъ просто и ясно, такъ что Вы боитесь наскучить, для другихъ и ново и поразительно. Тотъ взглядъ на вещи, съ которымъ Вы сжились, который сталъ Вашею натурою, есть уже большая мудрость и откровеніе. И самое то, что Вы высокомѣрно смотрите на свое произведеніе, придаетъ ему удивительную строгость и глубину.

---

[1]) Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, библіотекарь Публичной Библіотеки, художественный и музыкальный критикъ. Въ 1893 г., по поводу юбилея Стасова, Толстой привѣтствовалъ его письмомъ.

[2]) Поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій.

Есть за мною еще другое дѣло: Мещерскій [1]) 24 Марта выпустилъ номеръ съ продолженіемъ Вашей статьи, вѣроятно половины. Онъ обѣщаетъ 600 оттисковъ, которые и пришлетъ Вамъ. Я просилъ его переверстать и сдѣлать брошюру маленькаго формата; онъ обѣщалъ сдѣлать это, если цензура ничего не выброситъ, такъ какъ для переверстки нужно непремѣнно посылать въ цензуру, а въ форматѣ Гражданина не нужно—это журналъ безцензурный.

Простите теперь надолго, безцѣнный Левъ Николаевичь; когда вернусь, можетъ быть соберусь къ Вамъ на день на два; а то меня и теперь беретъ тоска при мысли просидѣть все лѣто въ Петербургѣ. Желаю Вамъ всего, всего хорошаго.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1875 г. 21 Марта, Спб.

21. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

Roma, Via Felice, 143. $\frac{\text{4 мая}}{\text{22 апр.}}$ 1875.

Какой Вы милый, какой Вы добрый, Левъ Николаевичь! Не могу выразить, какъ мнѣ пріятно было Ваше письмо [2]); я получилъ его въ первый же день, какъ пріѣхалъ въ Римъ, и меня такъ и обдало тепломъ. Видно Вы очень счастливы, должно быть Вамъ хорошо работается и живется. Я крошечку позавидовалъ и очень порадовался. Ваши двѣ новыя главы [3]) интересуютъ меня въ высшей степени, но прочитать ихъ прійдется развѣ во Флоренціи. Здѣсь маленькій кружокъ русскихъ, въ который я попалъ, получаетъ только Голосъ. Если Вы надъ этими главами очень бились, какъ Вы пишете, то онѣ непремѣнно—большое чудо, и я заранѣе радуюсь, что прійдется ихъ читать.

Теперь обо мнѣ. Вы задаете мнѣ нѣсколько вопросовъ и даже упрекаете меня въ той (будто бы моей) мысли, что Вы объ одномъ себѣ думаете. Нѣтъ, Левъ Николаевичь, этой мысли у меня нѣтъ; я знаю, какъ вы добры и чувствую вашу любовь. Но я писалъ Вамъ все объ Васъ, да объ Васъ потому, что искренно вхожу въ Ваши интересы и мысли. Я поступаю такъ почти со всѣми, даже иногда съ пустѣйшими людьми; съ Вами же считаю это и за долгъ, и за радость. Но что правда, то правда; я отъ Васъ скрывался, я

---

[1]) Князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, издатель „Гражданина“, въ которомъ, въ видѣ особаго приложенія, была выпущена статья Толстого о народномъ образованіи.

[2]) Оно не извѣстно.

[3]) Изъ „Анны Карениной“.

не былъ откровененъ, говоря о самомъ себѣ. Отчего же? Скажу прямо — мнѣ было стыдно открывать Вамъ то уныніе, тотъ упадокъ духа, которые овладѣваютъ мною.

Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ! [1]).

Можетъ быть я переживу этотъ періодъ и обновится моя юность яко орля, но теперь я не вижу выхода. Вотъ два года, какъ я ищу дѣла и не нахожу его. Все меня слабо интересуетъ, все не доростаетъ до огня, который бы согрѣлъ всю душу. На эту тему я могъ бы писать безъ конца, но мнѣ это стыдно,—да притомъ это совершенно безполезно и никому не интересно. Въ концѣ письма Вы высказываете очень хорошее пожеланіе: будьте сильны, Вы пишете. Да, именно этого мнѣ слѣдуетъ пожелать.

Въ такомъ расположеніи духа я очень охотно согласился на поѣздку въ Италію; южное небо и солнце я люблю нелицемѣрно. Но я увижу и людей и города; что же я тамъ буду смотрѣть? — подумалъ я. Современная жизнь и современные люди нисколько не интересны. Настоящая жизнь человѣка — религія, искусство, какая-нибудь идея. Увижу древнее искуство, и увижу католичество;—одно отжило, а другое можетъ быть еще живо? Католичество великая религія; Нѣмцы потому и не понимаютъ христіанства, что они протестанты; всего лучше понимаетъ его (изъ невѣрующихъ) Ренанъ, именно потому, что онъ католикъ. И вотъ мнѣ хотѣлось повидать монаховъ, увидѣть живущую въ людяхъ религію. (Я непремѣнно посѣщу Оптину пустынь и какіе-нибудь русскіе монастыри). Что аскетизмъ есть послѣдовательное выраженіе религіи — для меня несомнѣнно; я до семнадцати лѣтъ (даже первый годъ университета) жилъ въ средѣ духовныхъ и монаховъ, и знаю, въ чемъ дѣло.

5 мая.

И въ томъ и въ другомъ отношеніи поѣздка была сначала неудачна. Хорошій, теплый день былъ въ Вѣнѣ (25 Марта—6 Апр.), но потомъ въ Венеціи былъ дождь и холодъ. Мы поторопились въ Неаполь—тамъ тоже. Такъ какъ у Итальянцевъ термометры не въ употребленіи, то точныхъ чиселъ, къ сожалѣнію, не знаю. Мои спутники (двѣ дамы, двѣ дѣвочки и ихъ отецъ) такъ и уѣхали, не дождавшись хорошей погоды; я рѣшился дожидаться и дождался очень

---

[1]) Я все забываю первый стихъ: Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ, — стихъ не хорошъ, но смыслъ идетъ ко мнѣ вполнѣ. [Примѣчаніе Страхова.—Стихи изъ „Письма Онѣгина къ Татьянѣ“ въ главѣ VIII романа].

хорошихъ дней. Прогулки въ Villa reale, но особенно восхожденіе въ монастырь Сан-Мартино и поѣздка утромъ въ Сорренто были великолѣпны. Я испыталъ нѣсколько минутъ истиннаго восторга, точно также, какъ невольное восхищеніе чувствовалъ и прежде — при въѣздѣ въ Венецію, когда вышелъ на площадь Св. Марка, или когда вошелъ въ Св. Стефана въ Вѣнѣ. Но общее впечатлѣніе Венеціи очень грустное—вымирающій городъ; пустые и запущенные церкви и дома — точно пустые соты вымирающаго улья. Но я рѣшилъ еще разъ побывать въ Венеціи передъ отъѣздомъ. Неаполь—живой и радостно живущій городъ. Я былъ удивленъ спокойствіемъ и ясностію этихъ лицъ. Но вотъ я въ Римѣ — и опять впечатлѣніе смерти, и еще съ большею силою. Римъ величавъ, грандіозенъ, очень красивъ, и все таки онъ ничтоженъ и мертвъ сравнительно съ тѣми развалинами и съ тѣми воспоминаніями, на которыхъ стоитъ. Я пріѣхалъ изъ Неаполя вечеромъ, и первое, что̀ меня поразило — двадцать или тридцать омнибусовъ отъ отелей. Они уѣхали почти пустые, такъ какъ сезонъ Рима уже кончился. Потомъ я на всѣхъ улицахъ встрѣчалъ множество этихъ отелей, огромныхъ домовъ, съ иголочки, и подражающихъ palazzo. Потомъ каждый день я вижу, что жители Рима ходятъ пѣшкомъ, а разъѣзжаютъ по городу иностранцы съ красными книжками Бедекера. Что же бываетъ во время сезона? И теперь это какъ пятно, закрывающее Римъ. Но мнѣ говорятъ (я нашелъ здѣсь знакомаго скульптора, Антокольскаго [1]), очень умнаго человѣка), что Римъ весь и живетъ иностранцами, что самъ онъ мертвъ и въ художественномъ и въ умственномъ отношеніи, а иностранцы (5000 однихъ художниковъ!) разумѣется не образуютъ ничего цѣлаго и каждый живетъ душою внѣ Рима.

Теперь погода стоитъ прелестная; я нанялъ себѣ при помощи Антокольскаго меблированную комнату и живу очень благополучно. Кругомъ столько интереснаго, и прогулка на Monte Pincio одна можетъ составить удовольствіе дня. Лѣниво таскаюсь по музеямъ, брожу по улицамъ, разъ пять въ день пью кофе въ одномъ изъ безчисленныхъ кафе. Я не собирался ничего изучать и не питаю никакой жадности къ произведеніямъ искусства; но есть неотразимыя вещи—Пантеонъ, Венера Капитолійская, Аполлонъ Бельведерскій (только вчера видѣлъ), — еще лучше по моему тамъ же — Меркурій Бельведерскій; Мадонны Рафаэля, Форумъ, Колизей, бани Каракаллы и пр. и пр. Св. Петръ больше изумляетъ, чѣмъ даетъ наслажденіе; первое же впечатлѣніе было этой страшной громадности, и привыкнуть къ нему невозможно.

---

[1]) Извѣстный скульпторъ Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій (умеръ въ 1902 г.).

Между тѣмъ прочиталъ «Ante-Christ» [1]) Ренана и теперь читаю Voyage en Italie Тэна, что̀ очень помогаетъ мнѣ отдавать себѣ отчетъ во впечатлѣніяхъ. Хочу даже писать корреспонденцію въ «Гражданинъ», такъ какъ ничѣмъ инымъ заняться невозможно.

А монахи такъ мнѣ и не даются. Въ Неаполѣ они меня удивляли своею серьезностью сравнительно съ ясностію лицъ остального населенія. Здѣсь онн просто отвратительны. Нашихъ монаховъ я ставлю въ тысячу разъ выше; тутъ ихъ лица грубы, скучны и больше ничего. Впрочемъ еще попытаюсь.

Нужно мнѣ отвѣчать еще на Ваши вопросы. Я Вамъ писалъ, что нужно бы что-то Вамъ сообщить. Вы меня спрашиваете — что?—не помню, рѣшительно не помню, о чемъ дѣло; столько впечатлѣній прошло черезъ голову.

Насчетъ статьи въ Иллюстраціи [2]) Вы ошиблись; не я ее писалъ, и до сихъ поръ не знаю кто. Должно быть поэтъ Случевскій [3]), заправляющій Иллюстраціею уже нѣсколько лѣтъ. Мнѣ очень пріятно было встрѣтить чужое мнѣніе, которое близко къ моему (я теперь смутно его помню). Вчера я прочиталъ въ Голосѣ (здѣсь получается одинъ экземпляръ) фельетонъ объ «Аннѣ Карениной», который меня порадовалъ. Думаю, что его писалъ Загуляевъ. [4]) Престранная вещь! Васъ обвиняютъ (не онъ, онъ защищаетъ) въ безнравственности, въ сальности! Каково недоразумѣніе! Какая путаница въ головахъ, какая страшная тупость! Повторяю—ихъ нужно бить обухомъ по лбу, чтобы они остановили вниманіе на томъ, на чемъ слѣдуетъ. Но толки объ Васъ своимъ тономъ, своимъ характеромъ по моему ясно показываютъ, что Вашъ авторитетъ утвердился незыблемо, что объ Васъ считаютъ нужнымъ подумать, прежде чѣмъ писать. Объ Войнѣ и Мирѣ далеко не такъ много писали, какъ объ Аннѣ Карениной.

Не напишете ли мнѣ нѣсколько строкъ во Флоренцію? Я пробуду въ Римѣ до 4 Мая по нашему стилю, и сюда письмо едва ли поспѣетъ. Утѣшьте меня, хоть Вы и заняты, хоть Вы и за большимъ и важнымъ дѣломъ. Но вѣдь тогда-то и легко пишется.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

---

[1]) Сочиненіе Ренана (ум. 1892) „L'Antéchrist“ было издано въ Парижѣ въ 1873 году.

[2]) „Всемірная Иллюстрація“—журналъ выходившій въ 1869—1899 гг.

[3]) Константинъ Константиновичъ Случевскій, впослѣдствіи редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ (ум. 1904 г.).

[4]) Михаилъ Андреевичъ Загуляевъ (ум. 1900), сотрудникъ „Голоса“, съ 1871 г. редакторъ „Journal de St.-Petersbourg“.

22. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Сентябрь—октябрь 1875 г. Пстербургъ].

Не даромъ мнѣ хотѣлось видѣть Васъ и недаромъ я къ Вамъ ѣздилъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ; я вынесъ отъ Васъ возбужденіе, которое, надѣюсь, не погаснетъ. У меня зароились планы разныхъ писаній; мнѣ захотѣлось имѣть тотъ же жаръ и ту же преданность высшимъ цѣлямъ, какіе есть у Васъ. Но объ этомъ буду писать послѣ, и подумавши. Теперь же я долженъ писать Вамъ о дѣлахъ прямо Васъ касающихся. Вечеромъ въ ту субботу, когда я отъ Васъ уѣхалъ, я видѣлъ Каткова. Я хотѣлъ говорить съ нимъ о своихъ статьяхъ, а онъ говорилъ все объ Васъ. Онъ встревоженъ тѣмъ, что не знаетъ, какъ и когда кончится Анна Каренина, и какъ ему распорядиться съ журналомъ. Самое лучшее и удобное было бы по его мнѣнію, если бы Вы въ нынѣшнемъ году закончили вторую часть, а остальную половину романа напечатали въ слѣдующемъ году, что это было бы и удобнѣе для Васъ, такъ какъ Вы запоздали, и легче для журнала, которому трудно понести въ одинъ годъ 20 тысячъ расхода. Я увѣрялъ его, что Вы хотите кончить романъ еще въ нынѣшнемъ году и что я даже ожидалъ увидѣть конецъ въ 4 послѣднихъ книжкахъ Р. Вѣстника. На это онъ мнѣ сталъ говорить о какихъ то слухахъ, что Вы не хотите печатать у него вторую половину романа. Я увѣрялъ, что ничего подобнаго отъ Васъ не слышалъ. Тогда онъ пустился доказывать, что дѣлаетъ и расположенъ дѣлать Вамъ всевозможныя льготы и уступки, и что Вамъ нѣтъ возможности извлечь изъ Вашего романа больше выгоды, чѣмъ теперь, когда Вы, взявши съ журнала 20 тысячъ, потомъ издадите романъ отдѣльно.

Его подозрительность меня нѣсколько удивила; я обѣщался написать къ Вамъ объ этомъ, именно просить Васъ, вывести его изъ неизвѣстности. Относительно меня онъ тоже выразилъ подозрѣніе. Онъ до сихъ поръ не читалъ моей статьи о Соловьевѣ [1]), а только просмотрѣлъ, но подумалъ, что я очень жестоко отношусь къ нему, что хочу совсѣмъ его раздавить; я увѣрялъ, что и мысли подобной у меня не было.

Признаюсь, вообще я почувствовалъ въ этотъ разъ къ Каткову нѣкоторое сожалѣніе, смѣшанное съ уваженіемъ. Его исхудавшее лицо, сѣдые волосы, тонкіе какъ паутина, тяжелая манера разговора и самая форма черепа, чѣмъ-то бросившаяся мнѣ въ глаза, производили тяжелое впечатлѣніе; этотъ человѣкъ ни минуты не спокоенъ— въ немъ непрерывно и напряженно совершается какая то внутрен-

---

[1]) Философъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ; см. выше.

няя работа. Онъ разъ засмѣялся—мнѣ показалось страннымъ, что онъ можетъ смѣяться.

Въ Понедѣльникъ я былъ здѣсь, а во Вторникъ вечеромъ опять шло дѣло объ Васъ. Литераторы, примыкающіе къ Славянскому Комитету, затѣяли литературный Сборникъ въ пользу Герцоговинцевъ [1]) и собирались, чтобы столковаться. Поручили мнѣ просить Васъ, а можетъ быть еще напишутъ къ Вамъ соборное посланіе—дайте что-нибудь въ Сборникъ. Такъ какъ я самъ неизбѣжно появлюсь въ этомъ Сборникѣ, то конечно мнѣ лестно бы было, чтобы и Вы тамъ были. Я, разумѣется, въ Комитетѣ ничего не сказалъ о томъ, что Вы сомнѣваетесь въ самомъ существованіи Герцоговинцевъ, и вообще не мѣшалъ членамъ предполагать, что Вы сочувствуете славянофиламъ и что напримѣръ передъ коллективною просьбою Комитета непремѣнно уступите. Простите за это лукавство.

На минуту видѣлъ Надѣина,—нужно будетъ еще повидать. Онъ увѣряетъ, что человѣкъ 150 спрашивали Вашу двухрублевую Азбуку [2]). Я переведу въ его магазинъ экземпляровъ 200.

Пока прощайте. Скоро буду опять писать къ Вамъ. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ меня такъ и завертѣло. Сегодня Аверкіевъ [3]) будетъ читать у меня свою драму Разрушенная Невѣста [4]) (т. е. невѣста Петра II). Онъ пріѣхалъ, чтобы хлопотать о постановкѣ, которая встрѣтила затрудненіе. Вотъ Вамъ одна новость, по которой можетъ судить о моихъ занятіяхъ и удовольствіяхъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

Графинѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

23. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

4-го ноября 1875 г. [Петербургъ].

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Я долго не отвѣчалъ Вамъ потому отчасти, что собрался отвѣчать слишкомъ осно-

---

[1]) При Петербургскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ въ 1875 г. была образована Коммиссія для сбора пожертвованій въ пользу славянскихъ семействъ, пострадавшихъ отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, съ тою же цѣлію изданъ былъ и сборникъ „Братская Помочь“ (вышелъ въ концѣ февраля 1876 г.). Сборъ въ пользу Герцеговинцевъ открытъ былъ 25-го августа 1875 г., а предложеніе объ изданіи сборника въ ихъ пользу, на подобіе „Складчины“, сдѣлано было въ засѣданіи Общества 21-го сентября 1875 г.—Толстой ничего въ „Братской Помочи“ не помѣстилъ.

[2]) Изданіе 1871 г.

[3]) См. о немъ выше стр. 24.

[4]) Драма эта напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 г., № 1.

вательно [1]). Я купилъ копировальную книжку и задумалъ писать къ Вамъ длинныя философскія письма, копіи которыхъ будутъ оставаться въ этой книжкѣ. Я задумалъ это еще дорогой, когда возвращался отъ Васъ. Вашъ примѣръ и Ваши письма сильно возбуждаютъ меня. Разница здѣсь между нами та, что Вы воодушевлены, работаете мыслью и сердцемъ, чтобы добыть рѣшеніе или поясненіе высшихъ вопросовъ, я же, какъ будто усталый или безсильный, только вѣчно смотрю на эти вопросы, только безпрестанно обращаюсь къ нимъ своею мыслію, почти не ожидая разрѣшенія. Но это дѣйствительно такъ. Мысль о смерти есть самая обыкновенная моя мысль, такъ что я уже пересталъ ее поворачивать и разсматривать. Меня уже просто занимаетъ то, что Вы назвали (письмо во Флоренцію) смысломъ жизни [1]). Я прислушиваюсь, вглядываюсь, но не стремлюсь, какъ Вы, не борюсь съ задачею.— Я ей вѣренъ, но что же больше дѣлать, если чувствуешь слабость силъ?

А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, и иногда кружитъ меня очень сильно. Попробую пересчитать, что поглощаетъ мое время. Устройство квартиры почти кончено. Затѣмъ

1. Опера

2. Изданіе сочиненій Ап. Григорьева; печатаніе начнется на этой недѣлѣ [2])

3. Служба въ Библіотекѣ

4. Ученый Комитетъ

5. Славянскій Комитетъ

6. Комитетъ для сборника въ пользу Герцоговинцевъ.

7. Литературныя знакомства: Майковъ, Полонскій, Достоевскій, Случевскій, Ѳ. Бергъ, Аверкіевъ.

Кстати — онъ прожилъ здѣсь недѣли три и много читалъ свою новую драму Разрушенная Невѣста [3]); въ ней есть точно такое же мѣсто объ исторіи, какое привело Васъ въ негодованіе въ Ульянѣ Вяземской [4])—впрочемъ такія мѣста есть во множествѣ у В. Гюго.—Имѣлъ удовольствіе слушать драму два раза.

8. Связи, которыя такъ или иначе завязались, но которыхъ развязать нельзя: В. В. Григорьевъ [5]), И. П. Корниловъ [6]), Н. П. Се-

---

[1]) Письмо Толстого неизвѣстно.

[2]) I (и послѣдній) томъ сочиненій умершаго въ 1864 г. критика Аполлона Александровича Григорьева вышелъ въ изданіи Н. Н. Страхова въ 1876 г. въ Пб.

[3]) См. предыдущее письмо.

[4]) Драма въ 4 дѣйствіяхъ Д. В. Аверкіева „Княгиня Ульяна Вяземская“ помѣщена была въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 г., № 2.

[5]) Профессоръ С.-Петербургскаго Университета (см. выше стр. 38).

[6]) Членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, почетный опекунъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, почетный членъ Славянскаго Благотворительнаго Общества (род. 1811, ум. 1901).

меновъ [1]), К. А. Коссовичъ [2]), Кашпиревы [3]), Звѣревы, другіе Майковы [4]) и т. д.

И многое другое. Я бы жаловался на эту суету, если бы чувствовалъ, что могу лучше употребить время; но теперь я иногда думаю, что она здорова, что она не даетъ мнѣ отдаваться усиліямъ можетъ быть совершенно напраснымъ.

Здоровье мое дѣйствительно почти безъукоризненно.

И такъ за мною начало писемъ, послѣдую Вашему совѣту: сдѣлаю, что могу и скажу, что знаю.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1875 г. 4 Ноября.

24. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому [5]).

16-го—23-го ноября 1875 г. [Петербургъ].

Начну, безцѣнный Левъ Николаевичъ, съ маленькаго событія, которое меня теперь занимаетъ. Въ Р. Вѣстникѣ явился романъ «Млечный Путь», — явное подражаніе Вашей Аннѣ Карениной. Изъ него Вы можете видѣть, какъ понимаетъ Васъ Авсѣенко [6]). Рѣдко я читалъ что-нибудь съ такимъ негодованіемъ и отвращеніемъ. Я даже никогда не думалъ, что онъ такъ г . . ., какъ оказалось. Онъ сочиняетъ — не описываетъ, а сочиняетъ большой свѣтъ съ такою сластью, съ такимъ животнымъ смакомъ разсказываетъ любовныя похожденія, что очевидно понялъ Васъ совершенно навыворотъ. И вотъ, что онъ разумѣлъ подъ культурою и культурными интересами!

Я заговорилъ объ этомъ потому, что мнѣ хочется сказать, какъ я понимаю Васъ, какое высокое значеніе имѣетъ для меня тотъ

---

[1]) Извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ, сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ (род. 1823, ум. 1904).

[2]) Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ (род. 1815, ум. 1883), санскритологъ, Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

[3]) См. о нихъ выше стр. 14.

[4]) Вѣроятно Леонидъ Николаевичъ Майковъ, въ то время членъ Археографической Коммиссіи и старшій редакторъ Центр. Статист. Комитета, впослѣдствіи академикъ и вице-президентъ Имп. Академіи Наукъ (ум. 1900).

[5]) Письмо это случайно найдено было въ библіотечномъ шкапу въ Ясной Полянѣ и доставлено „Современному Міру“ графиней С. А. Толстой, которую редакція проситъ принять выраженіе искренней за то благодарности. Б. Модзалевскій.

[6]) См. выше, стр. 15.

нравственный духъ, которымъ все у Васъ проникнуто. Вы не моралистъ, Вы истинный художникъ; но нравственное міросозерцаніе всегда отзывается въ художественныхъ произведеніяхъ, и я съ изумленіемъ и радостью вникаю въ Ваши образы, слѣдя за этимъ міросозерцаніемъ. Можетъ быть я скажу Вамъ то, что Вы сами не сознаете. Отвлеченныя, нравственныя правила всегда узки и односторонни, и въ Вашихъ созданіяхъ выражается гораздо больше, чѣмъ кто-нибудь (даже Вы сами) можетъ формулировать отвлеченнымъ языкомъ. Искусство часто упрекали въ безнравственности, и справедливо упрекали. Искусство воспѣваетъ страсти, красоту жизни, и потому-то оно всегда есть спутникъ наслажденій, какъ музыка есть непремѣнная принадлежность публичныхъ домовъ. Но когда Вы начинаете создавать образы, то у Васъ является безконечная, несравненная чуткость относительно ихъ нравственнаго смысла; Вы судья,—въ одно время и безпощадно проницательный, и совершенно милостивый, умѣющій все оцѣнить въ надлежащую мѣру...

Такъ я Васъ понимаю и дорожу въ Васъ этимъ безконечно. Строгихъ судей, напряженныхъ идеалистовъ очень много на свѣтѣ. Еще больше людей, понимающихъ жизнь, какъ Авсѣенко, то есть ищущихъ и находящихъ только то, что благочестивые люди иронически назвали *благами жизни*. Но люди съ Вашимъ взглядомъ—величайшая рѣдкость. Вы для меня похожи на благодушнѣйшаго христіанскаго монаха, у котораго прощенія и снисхожденія столько же, сколько и самыхъ высокихъ и строгихъ требованій. И вотъ черта, на которой я хочу остановиться. Нравственныя правила не должны быть жестоки: они должны быть милосердны. Это слѣдуетъ ужъ изъ того, что нравственность должна существовать *для всѣхъ*, а люди большею частью очень слабы и ограничены.

Изъ трехъ главныхъ вопросовъ, которые указываетъ Кантъ въ *Критикѣ Чистаго Разума*: 1, что я могу знать? 2, что я долженъ дѣлать? 3, чего мнѣ слѣдуетъ надѣяться? — я считаю самымъ важнымъ второй. Какъ бы ни были рѣшены первый и третій, и хотя бы я совсе не умѣлъ ихъ рѣшить, на второй я долженъ отвѣчать сейчасъ же, онъ одинъ неотложенъ и существенно необходимъ. Скажу Вамъ прямо, что таково именно мое душевное настроеніе, то есть, что я сталъ очень равнодушенъ къ познанію и къ вопросу о будущности души. Я, кажется, легко бы отказался отъ желанія ясныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, если бы только мнѣ было твердо указано, что̀ дѣлать, — въ переводѣ на христіанскій языкъ: какъ спасти свою душу.

Но посмотрите, какой это страшный вопросъ. Кто и когда можетъ имѣть на него полный отвѣтъ? Я разумѣю при этомъ отвѣтъ, который бы опредѣлялъ и *дѣятельное* отношеніе къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, для *пассивнаго* отношенія къ жизни, мы еще имѣемъ

отвѣты; но не для дѣятельнаго. Если я подчиняюсь своей натурѣ и обстоятельствамъ, то можетъ быть мнѣ достаточно правила: избѣгай зла, будь добръ и честенъ. Но если я считаю своей обязанностью не только воздерживаться, но и дѣйствовать, то есть работать надъ собственною натурою и вмѣшиваться въ дѣла другихъ, въ ходъ обстоятельствъ, то передо мной возникаютъ задачи безконечныя, неодолимыя. Отшельникъ, ежеминутно думающій о подвигахъ, политикъ, безъ устали работающій для прогресса и своей партіи, — вотъ люди дѣятельнаго долга, которые знаютъ, что они должны дѣлать. Но вѣдь это фанатическая борьба съ самимъ собою, или съ ходомъ всемірной исторіи; это задача отрицательная, возстаніе противъ какихъ-то силъ, не отъ насъ зависящихъ. Что это за силы? Какъ съ ними бороться? И могу ли я ихъ побѣдить? Вообще говоря, конечно, не могу. Если же такъ, то мнѣ остается какъ-нибудь принять ихъ. Мнѣ нужно научиться не дѣлать свою жизнь, а какъ-нибудь принимать ту, которая мнѣ дается. Я долженъ покориться невѣдомому мнѣ творчеству.

Буду продолжать въ слѣдующемъ письмѣ.

Вашъ всей душой

1875 г. 16 Ноября. Н. Страховъ.

P. S. Вотъ начало, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Я имъ не совсѣмъ доволенъ, также какъ и своею копировальною книжкою. Но буду продолжать, хотя я въ очень дурномъ расположеніи духа и меня постоянно тянетъ къ жалобамъ и сомнѣнію. Я проведу дальше различіе между дѣятельнымъ и пассивнымъ отношеніемъ. Во мнѣ самомъ такъ мало дѣятельнаго начала, что я часто дивлюсь на самого себя, какъ на урода. А для того, чтобы проповѣдывать, убѣждать, настаивать, нужно непремѣнно какой-нибудь принципъ дѣятельности. Когда же я перебираю всякіе принципы, которые теперь выставляются, я не нахожу ни одного достойнымъ понятія, — такого принципа. Вотъ мое положеніе. Въ немъ лучше всего молчать, а не говорить.

Буду ждать Вашего письма. Прошу Вашей критики, Вашихъ вопросовъ—они оживятъ меня.

Графинѣ мое усердное почтеніе и желаніе всего лучшаго. Душевно сожалѣю о ея болѣзни.

Простите меня за все и помните больше всего мое глубокое уваженіе и любовь къ Вамъ.

Вашъ Н. Страховъ.

1875 г. 23 Ноября [1]).

---

[1]) Письмо переписано и провѣрено графиней Софіей Андреевной Толстой 25 Декабря 1912 г.

25. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1875 г. 25 Дек. [Петербургъ].

Читалъ и перечитывалъ, могу сказать изучилъ Ваше длинное и удивительное письмо [1]), безцѣнный Левъ Николаевичъ. Переписанный отрывокъ есть совершенство въ своемъ родѣ по искренности, силѣ и простотѣ. И все остальное содержитъ въ себѣ мысли, съ которыми не могу не согласиться, притомъ часто выраженныя съ художественной мѣткостью. Если бы я писалъ, я сказалъ бы, кажется то же самое, но въ общемъ изложеніи я употребилъ бы другіе термины. Общій методъ наукъ, о которомъ Вы говорите, есть анализъ, разложеніе явленій на части и разсматриваніе каждой части отвлеченно. Каждая наука при этомъ претендуетъ, что она ищетъ и синтеза и что старается дойти до него. Но синтеза на дѣлѣ не происходитъ и все ограничивается безъ конца продолжаемымъ анализомъ. Отсюда то странное явленіе, что изслѣдованія наполняются, науки разростаются, а истиннаго познанія у человѣчества также мало, какъ и прежде. Философія же неизбѣжно требуетъ синтеза. То, что Вы говорите о различіи матеріалистовъ, Платона, Гегеля, Шопенгауэра, очень мнѣ по душѣ. Ваши мысли для меня вообще очень питательны; но не берусь Вамъ отвѣчать сейчасъ же—я очень медленно думаю.

Въ настоящую минуту я рѣшился на одно дѣло, которое не уведетъ, однако же, меня далеко отъ предмета нашей переписки. Я приготовился и хочу писать о спиритизмѣ [2]). Чувствую, что беру опять отрицательную задачу, буду спорить противъ сложившихся мнѣній, а не развивать свои мысли; но что дѣлать?—видно это моя судьба. Но я имѣю при этомъ цѣль самую общую; я предполагаю, что спиритизмъ основанъ на нашемъ стремленіи къ ирраціональному (предисловіе къ Міру какъ цѣлое) [3]), но что онъ ищетъ этого ирраціональнаго не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Развѣ не хороша задача: указать и опредѣлить всю ту область, гдѣ его не слѣдуетъ искать? Меня собственно увлекла мысль—показать настоящій характеръ нашихъ познаній, физики, химіи, астрономіи и пр. То есть доказать, что тутъ нѣтъ познанія сущности, что всѣ эти

---

[1]) Быть можетъ то, которое напечатано, въ видѣ отрывка въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 216) и перепечатано въ сборникѣ Сергѣенко, т. II, стр, 44—45.

[2]) „Три письма о спиритизмѣ" были помѣщены Страховымъ лишь въ концѣ 1876 г.—въ №№ 41—42, 43 и 44 „Гражданина".

[3]) Сочиненіе Страхова, изданное въ 1872 г.

познанія одностороннія, отвлеченныя и потому совершенно вѣрныя. Такъ «дважды два четыре» потому и вѣрно, что никакого свѣдѣнія въ себѣ не заключаетъ. Вотъ отчего нельзя искать чудесъ, откровеній, ирраціональнаго, въ математикѣ или въ механикѣ — ни въ исполненіи ихъ законовъ, ни въ нарушеніи. Эту скудость всѣхъ научныхъ результатовъ мнѣ очень бы пріятно было выяснить, хотя я ничего взамѣнъ ихъ предложить не могу. Такъ и всегда было со мною. Во время моей журнальной дѣятельности я всегда чувствовалъ, что мнѣ некуда вести своихъ читателей. По немногу я понялъ, гдѣ нужно искать источника силы нашихъ нигилистовъ и революціонеровъ. Въ нихъ жива жажда дѣятельности, и они съ радостію хватаются за указываемыя имъ цѣли. А мы, консерваторы, славянофилы и т. п.—мы только знаемъ, чего не дѣлать. По моему русскій народъ рѣзко раздѣляется на два класса, людей пассивныхъ и дѣятельныхъ. Въ пассивныхъ, которыхъ большинство,—хранятся наши лучшія качества, простота, правда, всякая душевная красота. Дѣятельные—почти безъ исключенія дурны; это или безтолковые молодые люди, какъ нигилисты, или люди безъ стыда и совѣсти, жестокіе, своенравные, сильные, но отталкивающіе. Эти дѣятельные все у насъ дѣлаютъ, а мы и вся пассивная масса только переносимъ и отрицаемъ ихъ глупости. Припоминаю разговоръ, который былъ у меня съ Н. Я. Данилевскимъ. Онъ вполнѣ соглашался съ Вашею статьею «О народномъ образованіи», но находилъ, что предметъ недостоинъ Вашего вниманія и пера. Я возразилъ, что статья идетъ противъ всей дѣйствующей педагогіи, которая одна у насъ проповѣдуетъ извѣстное ученіе о воспитаніи. Другіе не знаютъ, какъ и чему учить.— «Да и не нужно знать», отвѣчалъ онъ. Какъ же учить? — спросилъ я. «Какъ попало; такъ, какъ мы сами учились». Это его буквальный отвѣтъ. Такъ и въ другихъ дѣлахъ мы, люди пассивные, не имѣемъ цѣлей и правилъ.

Не знаю, понятно ли я высказался; но простите меня, что я опять, какъ за соломенку, хватаюсь за отрицательную работу. Я посвящу ей два-три мѣсяца, и все думаю, что она не безполезна для главной цѣли. Напечатаю рядъ маленькихъ статей въ газетѣ Русскій Міръ; буду присылать къ Вамъ по мѣрѣ печатанія.

На Вашъ вопросъ о книгахъ, укажу Вамъ двѣ: Büchner, Kraft u. Stoff (вѣроятно читали, я хотѣлъ только сказать, что по наивности эта книжка очень стоитъ вниманія) и Милль, «Ог. Контъ и позитивизмъ» (есть на русскомъ съ незначительными выпусками) [1]— очень поучительна. Впрочемъ, хорошаго изложенія позитивизма я

---

[1]) Г. Г. Льюисъ и Дж. Ст. Милль. „Огюстъ Контъ и положительная философія“, переводъ Н. Неклюдова и Н. Тиблена, С.-Пб. 1867 г.

не знаю; думалъ я даже самъ заняться этимъ ученіемъ, и свое-то изложеніе я ужъ считалъ бы хорошимъ.

Еще разъ прощайте. Что К а р е н и н а? Кончайте это чудесное произведеніе. По глубокому непониманію, которое обнаруживается во всѣхъ отзывахъ, Вы видите, какъ оно можетъ быть полезно; въ немъ больше поученія и важности, чѣмъ Вы предполагаете. Я перечитываю К а р е н и н у и люблю ее сердечно.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

26. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[Январь—Февраль 1876 г. Ясная Поляна] [1].

Письмо ваше, дорогой Николай Николаичъ, уже дней 5 лежитъ у меня. Нынче я перечелъ его 3-й разъ и хочу отвѣчать [2]. Я въ духѣ думать, но слабъ, и боюсь что не съумѣю сказать какъ хочу; но вы избаловали меня вниманіемъ и потому надѣюсь, что вы поймете и дурно выраженное.

«Ибо мы желали—скажу прямо—чего нибудь отъ насъ совершенно отличнаго и для насъ н е п о с т и ж и м а г о, и т о л ь к о с о п р и к а с а ю щ а г о с я съ нами»... «Путемъ субъективизма мы никогда... онъ само живое изъ всего живущаго». Я не согласенъ съ этимъ. Я опредѣляю жизнь—объединеніемъ части любящей себя отъ остальнаго. Можетъ быть это не ясно; но это необходимо [для]. Безъ этаго опредѣленія жизни неизбѣжно повторился бы кругъ по кот. [жизнь] человѣкъ былъ бы [...] центръ всего.—Жизнь есть объединеніе части отъ остальнаго. Человѣкъ знаетъ только живое. Поэтому для живущаго доступно только живое, подобное ему [жизни]; все же представляющееся ему мертвымъ есть живое, недоступное ему. Оно то и есть н е п о с т и ж и м о е и не только с о п р и к а с а ю щ е е с я, но о б н и м а ю щ е е его. Выражу вамъ можетъ быть наивно но зато ясно мою мысль. Клѣточка есть объединенное—живое, клѣточка любитъ себя и знаетъ другую клѣточку и ей подобныя,—т. е. и чувствуетъ, не зная [человѣка], и остальная жизнь ея составляется изъ отношеній къ себѣ подобнымъ и неподобнымъ. Неподобные ей представляются ей мертвыми. Человѣкъ знаетъ и

---

[1]) Это письмо Толстой переслалъ Страхову при письмѣ отъ середины февраля (см. ниже, № 27).

[2]) Письмо Страхова не извѣстно.

любитъ себя и всѣ включенныя въ него клѣточки, чувствуя ихъ собою, и [точно также] относится [къ организмамъ и] къ мірамъ, представляющихся (sic) ему неорганическими, также, какъ клѣточка къ цѣлымъ организмамъ. [Но тутъ является вопросъ:] Изъ безчисленнаго количества людей [сост] и другихъ существъ, составляется, вѣроятно, одно цѣлое живое, жизнь котораго намъ недоступна, какъ недоступна жизнь всего организма клѣточкѣ [ ]. (Этотъ высшій организмъ не есть общество, государство, какъ метафорически говорятъ соціологи, а что то всегда недоступное человѣку на низкой степени его объединенія).

Но тутъ является вопросъ: гдѣ же кончается эти яичкѣ (sic) въ яичкѣ вверхъ и внизъ?

[По свойству человѣческаго ума]. По Канту вслѣдствіе свойствъ [его] разума не можетъ быть конца пространству, времени и причинамъ; по моему же [точно также не] не можетъ быть конца [жизн] объединенія жизни, включающихъ въ себѣ одна другое, потому что человѣкъ можетъ понимать только жизнь. Но если человѣкъ можетъ понимать только жизнь и не можетъ понимать [объединенія] конца объединеніемъ, то [онъ] у него необходимо является понятіе безконечнаго живаго [и необъединеннаго, которое есть неизбѣжно противорѣчіе, но которое есть Богъ живой и Богъ любовь. То что онъ есть любовь вытекаетъ изъ другаго опредѣленія и] объединяющаго въ себѣ **все**. Объединеніе же **всего** есть [без] явное противурѣчіе. [Но] Противурѣчіе [это неизбѣжно и это противорѣчіе] есть Богъ живой и Богъ любовь—[такъ какъ ист. объединеніе есть любовь.—]

Богъ—живой—любовь есть необходимый выводъ разума и вмѣстѣ съ тѣмъ безсмыслица противная разуму.—

Я [не могу] знаю безконечность существующаго, и такъ какъ знаю только живое, то знаю, что не это безконечно существующее—есть живое, не имѣющее себѣ предѣловъ, т. е. объединяющее, любящее **все**, какъ самаго себя. Разумъ же мнѣ говоритъ, что объединеніе всего не имѣетъ смысла и противно его законамъ [разума]. Здѣсь то нужно, чтобы вопросъ о томъ, что̀ есть сущность [моей жизни] познанія, былъ бы ясно рѣшенъ: логическая ли способность разума составляетъ ее или сознаніе своей жизни. Если сознаніе своей жизни, то несогласіе послѣдняго вывода съ логическими требованіями моего разума только можетъ заставить меня понять [недостаточность орудія разума для разрѣшенія вопроса о жизни и о любви] неправильность приложенія логической способности разума къ предлежащему вопросу. [Но] Любовь въ самыхъ низкихъ, извѣстныхъ намъ проявленіяхъ не подлежитъ законамъ разума, какимъ же образомъ безконечное объединеніе и слѣдовательно любовь могла бы подлежать имъ? Встрѣтившись съ этими противорѣчіями, я только

могу пожалѣть о недостаточности моего разума, показывающую (sic) ту низкую ступень, на которой я нахожусь, но никакъ не усумниться въ своемъ выводѣ. Оно показываетъ мнѣ то, что я не могу понять Бога, къ которому я пришелъ отъискивая смыслъ своей жизни; но невольно самымъ устройствомъ [своего] моего разума побуждаетъ меня къ тому, чтобы стремиться понимать его; [и] она показываетъ только, что всякій разъ, когда я хочу вполнѣ понять его, [назвавъ] опредѣливъ его о б ъ е д и н я ю щ и м ъ в с е, я прихожу къ безсмыслицѣ и чувствую свое безсиліе, но никакъ не показываетъ ошибочность вывода. Оно показываетъ, что [границъ и] предѣловъ его я не могу понять, но сущность его мнѣ несомнѣнно извѣстна, потому что она есть то самое, что составляетъ мою жизнь—[объедин] любовь (во мнѣ ко всему тому, что объединено мною) въ немъ къ т о м у, что объединено имъ [то] ко в с е м у. И каждый человѣкъ и не зная этого невольно чувствуетъ (какъ бы ни нападали на теологію), что онъ любимъ, что онъ есть средство, часть и вмѣстѣ цѣль.

Боюсь, что вы, покачавъ головой, пожалѣете, что я тронутъ разсудкомъ. Можетъ быть, но очень пріятно тронутъ. Пожалуйста, пишите мнѣ откровенно и не съ осторожностью и участіемъ, какъ вы дѣлаете, а вообразите себѣ, что вамъ это пишетъ Суворинъ и ловите меня на каждомъ словѣ.

Многое можетъ быть неясно, но лишняго чего я не могу объяснить, ничего не пишу.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ позднѣйшая помѣтка Страхова: 1876 г.?

27. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

5-го Февраля 1876 г. [Петербургъ.]

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь; я виноватъ передъ Вами своимъ молчаніемъ, своею лѣнью, своею апатіею. Какой-то сонъ напалъ на меня. Все интересное, важное, нужное я вижу, какъ слѣдуетъ, съ настоящими красками и очертаніями. Но все это не имѣетъ силы надъ душею, я вижу—и не просыпаюсь, и мнѣ все хочется спать. Объ Васъ я безпрестанно думаю. Въ первомъ томѣ «Сочиненій Ап. Григорьева» (я теперь держу корректуру) [1]) рѣчь часто идетъ объ Васъ, и я удивляюсь его проницательности. Къ Вамъ онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ, но видитъ въ Васъ самаго крайняго представителя началъ, съ которыми борется,

[1]) Этотъ томъ (второй не вышелъ) появился въ свѣтѣ въ 1876 г.

отъ которыхъ старается отстоять свое «тревожное начало», «романтическое вѣяніе». Книга при всемъ безобразіи изложенія будетъ очень содержательна, очень поучительна; не было человѣка, который бы въ такой степени жилъ литературой. Я сталъ вспоминать, по этому случаю, Вашихъ подражателей; ихъ вѣдь ужъ много: 1) Чаевъ (Богатыри) [1]), 2) Сальясъ (Пугачевцы), 3) Крестовскій (Дѣды) [2]), 4) Авсѣенко (Млечный Путь) [3]). Какая разница, однако, между Вашимъ вліяніемъ, и вліяніемъ Гоголя! Гоголь очень легко принялся; его поняли быстро съ извѣстныхъ сторонъ и стали писать въ духѣ этихъ сторонъ. Вамъ подражаютъ, не понимая Васъ; взглядъ слишкомъ высокъ, мысль почти недоступна для большинства—и Вамъ подражаютъ только съ внѣшней стороны—и очень меня сердятъ. У Авсѣенка есть уже описаніе прелюбодѣянія—посмотрите, какъ онъ Васъ поправилъ!

Григорьевъ издалека чувствовалъ Ваше пришествіе, но онъ не вѣрилъ, что это будетъ пришествіе въ славѣ, и упорно отстаивалъ то тревожное вѣяніе, среди котораго выросъ. Мнѣ прійдется написать хоть небольшое предисловіе, и книгу я думаю выпустить на Святой; я и рѣшилъ пока отдать все свое время этой работѣ. О спиритизмѣ, или лучше противъ спиритизма я тѣмъ больше думаю, что не пишу. Можно многое прочитать, а главная тема—«тщета» естественныхъ наукъ, и даже вообще того, что называется познаніемъ—очень обширна. Читаю теперь Бэна (Bain) и Уэвеля (Whewell), и думаю о своей давнишней темѣ—о пространствѣ и времени.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ Вашего переписаннаго письма—отчего Вы остановились? Посылаю Вамъ свою статью изъ Братской Помочи. [4]) Что-то Вы скажете?

Съ книгами, которыя я Вамъ прежде послалъ и теперь посылаю, Вы можете поступить, какъ угодно. Хотите—оставьте ихъ у себя, хотите—пришлите назадъ. Юмъ французскій стоитъ 1 р. 50 к.; Юмъ англійскій—1 р.; Баконъ—3 р. Изъ прежнихъ книгъ, если Вамъ не нуженъ Григорьевъ (со всѣми непристойностями, которыя я, помню, вписалъ), то пришлите при случаѣ. Флобера Education sentimentale не стоитъ пересылки; я очень разочаровался въ этомъ

---

[1]) «Богатыри. Романъ изъ временъ Императора Павла», въ 3 ч., М. 1873, соч. Николая Александровича Чаева.

[2]) „Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ Имп. Павла“, Всеволода Владиміровича Крестовскаго („Русскій Міръ“ 1875 г. и отд. изд. Спб. 1876).

[3]) Печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875—1876 гг.

[4]) „Изъ поѣздки въ Италію. Очеркъ“ (стр. 75—92),—чрезвычайно живо написанные очерки путешествія Страхова; подписаны они: 29-го ноября 1875 года. Отзывъ о ней Толстого см. въ слѣдующемъ письмѣ.

писателѣ, прочитавши его Tentation de S. Antoine; это — совершенное безпутство воображенія, безъ всякой мысли, безъ пониманія религіи,—религію понимаетъ сколько-нибудь одинъ Ренанъ, изъ всѣхъ свѣтскихъ Французовъ и Нѣмцевъ.

Денегъ я собралъ Вамъ только 27 рублей, и посылаю ихъ. 1) Отъ Надѣина—4 р. 62 к. Онъ сказалъ, что совсѣмъ расплатился съ Вами; я спросилъ, сколько продано О народн. образованіи; оказалось 25 экз. (что и составитъ 4 р. 62 к.), да 100 экземпляровъ послано въ Московскій магазинъ, которые, будто бы, не проданы. 2) Отъ Русской Кн. Торговли—22 р. 50 к. за 15 экземпляровъ Азбуки. Магазинъ этотъ переданъ, и я надѣюсь еще прислать къ Вамъ, когда будетъ принимать книги новый хозяинъ. Богъ знаетъ, что теперь дѣлается съ книгопродавцами: всѣ они повѣсили носы, а Базуновъ бѣжалъ за границу, не расплатившись и захвативъ деньги.

Простите меня еще разъ; не забудьте о моей преданности.

Вашъ Н. Страховъ.

1876 г. 5 Февр.

28. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[15-го Февраля 1876 г. Ясная Поляна.]

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку книгъ, денегъ, статьи и за письмо. Юма Франц. я пришлю назадъ, если вамъ не неудобно. Деньги и 27 р.—прекрасно. Статья ваша, какъ и всѣ ваши статьи, интересна, нова и мала [1]).

Григорьева посылаю.

Посылаю тоже письмо о многомъ [2]), какъ вы увидите,—преимущественно же о томъ, почему не можетъ быть матерьялистической философіи, и что я признаю источникомъ всякаго познанія. Я расхожусь со всѣми философами и говорю то, что я не разъ пытался и не умѣлъ на словахъ вамъ высказать. Высказано еще далеко неясно и неполно; но если вы дадите себѣ трудъ прочесть, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, то надѣюсь, что вы поймете то, что я хочу сказать. И тогда пожалуйста напишите мнѣ подробно свое мнѣніе. Очень прошу васъ объ этомъ.

---

[1]) Статья Страхова изъ сборника „Братская Помочь“: „Изъ поѣздки въ Италію. Очеркъ“.

[2]) Это письмо, помѣщенное у насъ выше, подъ № 26.

Какъ вы увидите, это очень простое воззрѣніе на міръ и, какъ мнѣ кажется, новое и включающее въ себя другія воззрѣнія.

Сущность моей мысли есть та, что апріорная истина или знаніе (какъ называетъ Контъ) есть одно, включающее въ себя все другое. Это апріорное знаніе заключается только въ одномъ: я живу=есть міръ, есть существующее, объединенное мною и необъединенное мною. [Этаго] Все это знаніе обыкновенно раздѣляютъ на понятія жизни, организма, силы, единицы, множества, времени, пространства, но все это заключено въ одномъ я живу и все, что составляетъ [понятіе] это знаніе 1) не можетъ быть познано разумомъ и 2) безъ этаго знанія не можетъ существовать ни однаго разумнаго понятія.

Письмо написано кое какъ, и мнѣ некогда теперь заняться имъ, но вы хотите его имѣть и мнѣ очень хочется знать ваше мнѣніе и потому посылаю. Только все-таки не будьте снисходительны, а будьте строги.

Я очень занятъ Карениной. Первая книга суха да и кажется плоха [1]), но нынче же посылаю корректуры 2-й книги и это я знаю, что хорошо. Жду отъ васъ длиннаго письма.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 15 Февр. 1876 г.

29. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

5-го марта 1876 г., Петербургъ.

Каждый день мнѣ не даетъ покоя мысль, что я не отвѣчалъ Вамъ, безконечно уважаемый Левъ Николаевичь,—и не знаю, что съ собою сдѣлать. Ваше письмо оживомъ и неживомъ поразило меня необыкновенною ясностію и какъ бы теплотою мыслей очень отвлеченныхъ и глубокихъ. Я собирался и собираюсь отвѣчать Вамъ длиннымъ письмомъ.

Но тутъ настала кутерьма, которая кружитъ меня до сихъ поръ. Грустныя, смѣшныя, всякія дѣла. Одному моему старинному пріятелю измѣнила жена, и онъ ищетъ у меня утѣшенія и совѣта. Я былъ очень удивленъ: онъ двумя годами старше меня и разсуждаетъ такъ: «всего лучше развестись — я имѣю доказательства. И тогда я могу жениться на другой. Правда, я теперь все буду бояться обмана; но за то — можетъ быть отъ новой жены у меня будетъ сынъ-наслѣд-

---

[1]) Въ 1-й книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1876 г. были помѣщены главы XI—XXVIII 3-й части „Анны Карениной“.

никъ. Это очень важно. Теперь у меня только дочь, и моя жена ни отъ меня, ни отъ любовника не родитъ — она очевидно безплодна».

Я былъ такъ изумленъ, что не зналъ, что сказать. Правда, мой пріятель всегда отличался грубостію понятій. Но — всему же есть мѣра. Какова жажда жизни! Ему даже нуженъ наслѣдникъ! О, мы какіе-то сумасшедшіе, угорѣлые! Мы дѣлаемъ сами не знаемъ что, сами не знаемъ зачѣмъ. Другой случай — бездѣтные супруги лѣтъ пятидесяти взяли на воспитаніе ребенка, дѣвочку 4-хъ лѣтъ. Она капризна и глуповата отъ природы; они ее избаловали до невозможности, обкормили—она заболѣла. Начинаются мученія, которыя тянутся вотъ уже два мѣсяца. Созываются консиліумы, ночи проводятся безъ сна, мужъ съ женой ссорятся, жена ссорится съ докторомъ и т. д. Но мужу нужно уѣхать изъ Петербурга. — Вдали отъ названной дочки онъ не пьетъ не ѣстъ, телеграммы, письма, упреки и пр. и пр. Пригласили какъ-то родную мать дѣвочки, молодую женщину — та преспокойно заснула и названные родители убѣдились, что никакого материнскаго чувства въ ней нѣтъ.

Всѣ эти интересы и страданія мнѣ кажутся до очевидности нелѣпыми. Не потому ли, что сердце у меня сухо, что я холостякъ и не женатъ?

Но я не могу найти въ нихъ смысла. Жизнь всесильный обманъ, отъ котораго не могутъ освободить самыя очевидныя доказательства.

А тутъ — я кончаю изданіе перваго тома Ап. Григорьева. Тороплюсь—уже поздно. Нужно писать предисловіе, а у меня не вяжутся мысли. Весна что ли виновата? Я говорю весна, потому что у насъ сошелъ снѣгъ и давно нѣтъ морозовъ. Грязь, солнце, стукъ—все это дурманитъ. Февральская часть Анны Карениной приводитъ всѣхъ въ неистовый восторгъ. А Январская возбудила-было маленькое неудовольствіе. Въ ней дѣйствительно есть вялость, тотъ недостатокъ, который у Васъ является по временамъ, когда Вы пишете безъ особенной охоты. Но теперь — просто крикъ удовольствія. Вы точно кормите голодныхъ и давно голодающихъ. Меня насмѣшилъ Суворинъ; онъ въ своемъ фельетонѣ очень бранитъ публику, что она до сихъ поръ не охладѣла къ Карениной и не разсердилась на Васъ за остановку романа.

Объ Карениной нужно много писать. И все время я обдумываю отвѣтъ на Ваше большое письмо, на Вашъ субъективизмъ и на то, какъ Вы ищете выхода изъ этого субъективизма. Какъ хорошо многое сказано! Я теперь понимаю Ваши разговоры въ Сентябрѣ—и хочу сдѣлать вотъ что—я перескажу своими словами все, съ чѣмъ я согласенъ.

И такъ простите, простите и простите меня! Черезъ недѣлю будетъ готовъ Григорьевъ, и я примусь писать къ Вамъ.

Всею душою Вашъ
1876 г. 5 Марта, Спб. Н. Страховъ.

30. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

20-го марта 1876 г. [Петербургъ].

Не могу къ Вамъ писать, безцѣнный Левъ Николаевичь, о философіи. Сегодня мой первый свободный день; вчера подписалъ послѣднюю корректуру Ап. Григорьева. А изъ-за него запущены и Библіотека, и Ученый Комитетъ. Въ добавокъ мнѣ нездоровится. Съ предисловіемъ къ Ап. Григорьеву я такъ возился, что пришелъ на самого себя въ большое раздраженіе. Эти мои «въ духѣ» и «не въ духѣ» такъ меня бѣсятъ! Впрочемъ, вѣроятно я усталъ. Теперь недѣлю нужно на Комитетъ и Библіотеку, а потомъ двѣ недѣли свободныхъ отъ службы. Обѣщаю Вамъ по длинному письму на Страстной и на Святой. Когда я подумаю о слабости своихъ силъ, то мнѣ становится досадно, что Вы ко мнѣ обращаетесь. Такой ли Вамъ нуженъ собесѣдникъ? Могу ли я быть Вамъ полезнымъ? Своимъ расположеніемъ къ скептицизму и тоскѣ не навожу ли я и на Васъ подобныхъ настроеній?

Но сдѣлаю все, что Вы желаете; постараюсь написать точно и опредѣленно, по крайнему моему разумѣнію.

Простите и простите! На слѣдующей недѣлѣ получите Григорьева.

Вашъ всею душою
1876 г. 20 Марта. Н. Страховъ.

31. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому [1]).

[Вторая половина Апрѣля 1876 г. Петербургъ].

У всякаго свое горе; у Васъ, поклоняемый и завидуемый Левъ Николаевичь,—между прочимъ—муки рожденія [2]). Вы теряете Ваше

---

[1]) Это письмо—отвѣтъ Страхова на письмо Толстого отъ 9-го апрѣля 1876 г., напечатанное у П. И. Бирюкова (т. II, стр. 213). Толстой отвѣчалъ на настоящее письмо письмомъ отъ 26-го апрѣля 1876 г., напечатаннымъ у П. И. Бирюкова (т. II, стр. 214—216) и въ сборникѣ П. А. Сергѣенко (т. I, стр. 117—119).

[2]) 9-го апрѣля Толстой писалъ Страхову по поводу своего романа:

обыкновенное хладнокровіе, и кажется желаете отъ меня совѣта—прекратить печатанье Анны Карениной и оставить въ самомъ жестокомъ недоумѣніи тысячи читателей, которые все ждутъ и все спрашиваютъ, чѣмъ же это кончится. Ужъ не потому ли Вы пришли въ уныніе, что сдѣлали нѣсколько ошибокъ въ описаніи свадьбы? Но вѣдь это вздоръ—эти ошибки,—что невѣста должна пріѣзжать послѣ жениха, что послѣ вѣнчанія должны прикладываться къ образамъ, и еще что-то. Все таки описаніе вѣнчанья со всѣмъ его воздухомъ и цвѣтомъ является въ нашей литературѣ въ первый разъ. Ну хорошо,—я буду Вамъ критиковать Вашъ романъ. Главный недостатокъ—холодность писанія, такъ сказать холодный тонъ разсказа. Того, что собственно называется тономъ, у Васъ не полагается, но въ цѣломъ во всемъ теченіи разсказа мнѣ слышна холодность. Но вѣдь это только мнѣ, человѣку, который читая почти слышитъ Вашъ голосъ. Затѣмъ—или вслѣдствіе того—описаніе сильныхъ сценъ нѣсколько сухо. Послѣ нихъ невольно просятся на языкъ нѣсколько поясните льныхъ или размышляющихъ словъ, а Вы обрываете, не давая тѣхъ понижающихся и затихающихъ звуковъ, которыми обыкновенно оканчивается финалъ въ музыкѣ. Далѣе—мѣста смѣшныя не довольно веселы, но за то если разсмѣшатъ, то разсмѣшатъ ужасно.

Я за Вами слѣжу и вижу всю неохоту, всю борьбу, съ которою Вы, великій мастеръ, дѣлаете эту работу; и все таки выходитъ то, что должно выйти отъ великаго мастера: все вѣрно, все живо, все глубоко. Вронскій для Васъ всего труднѣе, Облонскій всего легче, а фигура Вронскаго все-таки безъукоризненна. Прочитавши послѣднюю часть (Мартъ), я принялся опять читать ее съ начала. Самоубійство Вронскаго, его свиданіе съ Карениной—какъ хорошо и сильно! Одинъ Вашъ иностранный принцъ (Февраль) надѣлалъ здѣсь фурору и эти двѣ страницы годились бы на цѣлую повѣсть.

Я писалъ къ Вамъ, какъ я понимаю идею Вашего романа, и спрашивалъ, вѣрно ли; но Вы мнѣ ни разу ничего не сказали объ этой идеѣ (или я не понялъ?). Но я твердо держусь за свое. Здѣсь безъ конца разсуждаютъ дамы и мужчины о любви—по поводу Вашей Карениной, и всѣ и восхищающіеся, и враждующіе говорятъ такой вздоръ (а Авсѣенко и пишетъ), что Вашъ романъ поражаетъ своею недоступною для массы правдою и глубиною. Чувства Левина послѣ объясненія—это чудо изъ чудесъ. А описанія любви какъ страсти я тоже не знаю ни у кого, кромѣ развѣ Мюссе, немножко Жоржъ Занда, и немножко Тургенева. Почти непонятно, какимъ образомъ Достоевскій, столько волочившійся и дважды женатый, не

„Мнѣ противно то, что я написалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую книжку и боюсь, что не буду въ силахъ поправить ихъ. Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать и бросить, и отречься и сказать: виноватъ, впередъ не буду“...

можетъ выразить ни единой черты страсти къ женщинѣ, хотя и описываетъ невѣроятныя сплетенія и увлеченія такихъ страстей. Мюссе одинъ изъ мужчинъ коснулся настоящихъ струнъ (Confessions d'un enfant de siècle). Но я давно читалъ, и нужно перечесть. Тургеневъ все разсказываетъ, какъ ему не удалось жениться, но есть большая тонкость въ изображеніи перваго интереса, возникающаго между мужчиною и женщиною. Въ Жоржъ Зандѣ похоть и холодность слышны въ смѣси. Но вы, какъ настоящій богатырь, схватились прямо съ чудовищемъ, вы взяли предметъ вполнѣ, во всемъ размѣрѣ. Какъ безподобны тѣ минуты, когда Анна и Вронскій на одинъ волосъ отъ сознанія, отъ покаянія, но не могутъ переступить этого волоса! Какой чудесный и яркій контрастъ нечистой страсти и чистыхъ чувствъ!

Ну вотъ я сказалъ все, что умѣлъ, сказалъ прямо, ни въ чемъ не таясь и ничего не преувеличивая. «Война и Миръ» въ моихъ глазахъ (я увѣренъ и въ Вашихъ) растетъ съ каждымъ годомъ; я увѣренъ, что то же случится и съ Анной Карениной, и что долго-долго потомъ читатели будутъ вспоминать о времени, когда они такъ нетерпѣливо ждали книжекъ Русскаго Вѣстника, какъ я не могу забыть времени появленія «Войны и Мира».

Прошу Васъ, напишите мнѣ, какъ Вы находите мои сужденія. Я все обдумываю Каренину, все боюсь ошибиться въ смыслѣ частностей, да и въ пониманіи техники я всегда слабъ. Оттого я Вамъ писалъ только общія мѣста. А вѣдь Вы—я увѣренъ—приходите въ уныніе оттого, что боретесь съ техникой и устали.

Ну, будь что будетъ! Радъ бы Вамъ помочь, да не знаю, чѣмъ? Скажу только, что Вы меня привели въ волненіе, какъ будто мнѣ самому приходится писать конецъ романа. Что у Васъ будто бы падаетъ сила—этого-то я не боюсь; но что Вы оттянете конецъ романа—это, пожалуй отъ Васъ станется.

Вашъ всею душою Н. Страховъ.

Искусство—все, Вы пишете [1]); да такъ именно и думалъ Ап. Григорьевъ, и онъ одинъ такъ думалъ. Можно сказать, что его книга написана противъ критики.

32. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

8-го Мая 1876 г. Петербургъ.

Не знаю, какъ и благодарить Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, за то письмо, котораго Вы не хотѣли посылать [2]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1876 г. (П. И. Бирюковъ, т. II, стр. 213).

[2]) Письмо отъ 26-го апрѣля, напечатанное у П. И. Бирюкова въ т. II, на стр. 214—216.

Такія письма—конечно самыя лучшія, такъ что Вашимъ знакомымъ и друзьямъ, если Вы остаетесь тверды въ своемъ рѣшеніи, достается несомнѣнно только то, что похуже. То, что Вы говорите о критикѣ,—безподобно; то, что объ искусствѣ—удивительно. Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ не понималъ ясно Вашего отвращенія къ критикѣ [1]) и даже приписывалъ Вашему творчеству [неправильный] несвойственный ему характеръ, именно примѣсь къ нему отвлеченной мысли, хотя вполнѣ покоряемой творчествомъ. Помилуйте! Когда я вдумываюсь, то выходитъ у Васъ такая стройность, такъ ясно все расчленяется, противополагается, оттѣняетъ другъ друга, продолжаетъ одно другое! Теперь я долженъ понять, что эти чудеса ни мало не происходятъ тѣмъ способомъ, которому я ихъ отчасти приписывалъ, что вообще этимъ способомъ ничто художественное произойти не можетъ. Простите за ошибку. Ваше письмо для меня драгоцѣннѣйшее откровеніе въ этомъ отношеніи. Это рѣчь истиннаго художника, формула творчества во всей его силѣ и чистотѣ.

Послѣднюю, апрѣльскую часть [2]) я по обыкновенію прочиталъ два раза сряду. Мнѣ кажется, что вообще въ послѣднихъ трехъ книжкахъ Вы вошли въ полную Вашу силу. Какая оригинальность! Описаніе свадьбы, исповѣди, смерти, посѣщенія художника, первой ревности—всѣ эти и множество другихъ вещей, до того обыкновенныхъ, что высокоумные романисты пренебрегаютъ ими и все ищутъ чего-нибудь почуднѣе и поважнѣе,—эти предметы очевидно описаны Вами въ первый разъ и до Вашихъ описаній существовали только въ разсказахъ какихъ-нибудь очень простыхъ и очень добрыхъ людей, и вотъ теперь озарено полнымъ свѣтомъ художества.

Есть у меня сослуживецъ по Библіотекѣ, Вл. Вас. Стасовъ [3]). Онъ прогрессистъ, не знающій предѣловъ, и считается у насъ первымъ знатокомъ и критикомъ по искусствамъ. Покойный Сѣровъ [4]), правда, любилъ повторять, что только скульпторы считаютъ Стасова знатокомъ живописи, а живописцы, напротивъ, знатокомъ скульптуры и т. д. Этотъ Стасовъ пришелъ на Васъ въ большое негодованіе за изображеніе художника Михайлова, но промаха никакого, даже мнимаго, не замѣтилъ, какъ онъ ни любитъ бросаться на малѣйшія неточности. Мы съ нимъ споримъ объ Васъ чуть не каждый день, споримъ до крика, до обиды. Другіе библіотекари, и наши началь-

---

[1]) Толстой писалъ о своемъ взглядѣ на критику и критиковъ, по поводу полученія отъ Страхова I-го тома изданныхъ имъ Сочиненій Аполлона Григорьева.

[2]) „Анны Карениной".

[3]) В. В. Стасовъ ум. въ 1906 году. Онъ уже упоминался выше.

[4]) Александръ Николаевичъ, извѣстный композиторъ.

ники, Бычковъ [1]) и Дѣляновъ [2]), подсмѣиваются надъ нашею горячностію, и это значительно оживляетъ наши засѣданія и ежедневныя встрѣчи. Споръ начался съ Января прошлаго года, а кончится конечно только со смертью одного изъ насъ. Стасовъ человѣкъ большого роста, съ генеральскимъ чиномъ и съ сѣдою бородою, очень добрый и деликатный, но напускающій на себя свирѣпость и рьяность неизмѣримую. Въ Библіотекѣ у меня съ нимъ однимъ много темъ для разговора; я очень люблю его за доброту и искренность. Но болѣе безтолковаго и сбитаго съ толку человѣка я еще не встрѣчалъ.

Пока, простите, несравненный Левъ Николаевичь. Къ этому письму присоединяю неконченное философское письмо, писанное уже недѣли три назадъ [3]). Примите его, какъ оно есть. Только теперь я понялъ Вашу мысль о любви, какъ принципѣ цѣлаго взгляда. И теперь же только я понялъ, почему Вы мнѣ отсовѣтовали заниматься критикой. Я самъ впрочемъ всегда чувствовалъ, что это занятіе меня не удовлетворяетъ, и признавалъ себя къ нему неспособнымъ. Но объ Васъ я непремѣнно буду писать, потому что Вы меня увлекаете вполнѣ, и очень хочется говорить. Пусть это и будутъ статьи, о которыхъ одинъ короткій пріятель все меня спрашивалъ: «для кого Вы ихъ пишете? И что Вы хотите сказать?» Онъ прибавлялъ, что онъ въ нихъ ничего не понимаетъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1876 г. 8 Мая. Спб.

P. S. Въ эту минуту у насъ 4 градуса холода. Третій день идетъ снѣгъ, и теперь ужъ лежитъ по мѣстамъ [4]).

33. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

12 Сентября 1876 г. Петербургъ. [5]).

Къ Вамъ первому пишу изъ Петербурга, безцѣнный Левъ Николаевичь, откладывая такъ называемыя дѣла. Объ Васъ я конечно больше всего думалъ и къ Вамъ мысленно обращался безпрерывно,—

---

[1]) Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, впослѣдствіи директоръ Имп. Публичной Библіотеки (ум. въ 1899 году).

[2]) Иванъ Давыдовичъ, впослѣдствіи графъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія (ум. въ 1897 году).

[3]) Его не сохранилось.

[4]) На это письмо Толстой отвѣчалъ Страхову 18-го мая; письмо это напечатано у П. И. Бирюкова (т. II, стр. 301) и, немного полнѣе, у П. А. Сергѣенко (т. II, стр. 47—48).

[5]) Писано по возвращеніи Страхова изъ Ясной Поляны.

но не съумѣю такъ хорошо и много написать, какъ я думалъ. Не счастье ли, не величайшее ли счастье знать такого человѣка, какъ Вы, и побывать въ такомъ уголкѣ земли, какъ Ясная Поляна? Вы создали вокругъ себя этотъ чудесный міръ, такой цѣльный и стройный, и въ немъ господствуетъ Вашъ духъ; простой, высокій и чистый. Напряженіе Вашей духовной жизни постоянно меня изумляетъ, съ перваго нашего знакомства (до знакомства я думалъ о Васъ ниже, а теперь старательно внушаю всѣмъ, и дуракамъ, и умникамъ, что не встрѣчалъ никого, кто бы такъ работалъ головою, какъ Вы). Въ Ясной Полянѣ возможны всякія человѣческія бѣдствія, кромѣ одного—невозможна скука, потому что центръ этого міра—человѣкъ непрерывно растущій душою. И смыслъ этой жизни я не могу иначе назвать, какъ святостью; это культъ чистоты, простоты, добросовѣстнѣйшее и непринужденнѣйшее служеніе высшимъ цѣлямъ человѣка. Нѣтъ, это нѣчто удивительное! У Васъ могутъ быть недостатки и слабости, но они не имѣютъ значенія въ Вашей жизни; то, чѣмъ эта жизнь опредѣляется, высоко и безъукоризненно. Все время у Васъ я чувствовалъ себя, какъ влюбленный, и зато какъ же я заскучалъ потомъ, особенно въ Петербургѣ!

Въ Москвѣ я прожилъ цѣлую недѣлю; я видѣлъ Аксакова [1]), Каткова, Воскобойникова [2]), Антропова [3]), Боборыкина, Чаева [4]), Писемскихъ, Соловьева Сергѣя [5]) и Соловьева Владиміра, Троицкаго (философа) [6]) и пр. Много было разговоровъ объ Васъ, т. е. не я говорилъ, а мнѣ говорили; я только иногда спрашивалъ. Психологъ Троицкій говорилъ, что онъ по Вашему роману повѣряетъ психологическіе законы, но одного онъ совсѣмъ не понималъ, страсти Вронскаго и Карениной; онъ не находилъ для этой страсти психологическихъ основаній. Я сказалъ ему, что это дѣло таинственное, и сталъ разсматривать его жену, дочь Полунина [7]). . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . она перевела мужа въ Московскій Университетъ — и онъ очень доволенъ. Хвалился, что студенты его очень любятъ.

Вл. Соловьевъ очень меня порадовалъ. Онъ гораздо крѣпче здо-

---

[1]) Ивана Сергѣевича (ум. 1886).

[2]) См. выше.

[3]) Лука Николаевичъ Антроповъ (ум. 1881), драматургъ и критикъ, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

[4]) См. выше.

[5]) Профессоръ, авторъ „Исторіи Россіи“.

[6]) См. выше.

[7]) Алексѣй Ивановичъ Полунинъ (род. 1820, ум. 1888), докторъ медицины, профессоръ Московскаго Университета.

ровьемъ, не ѣстъ мясного и не пьетъ вина. Авось выправится—очень этого желаю. «Съ кѣмъ познакомились? Кого слушали?»—Ни съ кѣмъ и никого. «Что же Вы дѣлали?»—Писалъ свою книгу Начала положительной метафизики, и даже въ Парижѣ не былъ ни въ одномъ театрѣ. Познакомился впрочемъ съ Ренаномъ, который очень не понравился какъ человѣкъ, и съ Уоллесомъ (Wallace) [1]), котораго нашелъ очень ограниченнымъ. Спириты—такая шваль, что мочи нѣтъ; я совершенно излечился; зато могу Васъ порадовать—Уоллесъ говорилъ, что Дарвинъ понемногу дѣлается спиритомъ: его жена оказалась медіумомъ (какъ у Бутлерова) [2]).

Книга уже готова у Вл. Соловьева; будетъ заключать 400 страницъ, онъ готовъ ее печатать и къ Рождеству пріѣдетъ въ Петербургъ за степенью доктора [3]).

Чаевъ читалъ мнѣ поэму въ шестистопныхъ ямбахъ, написанную въ подражаніе Дѣтству и Отрочеству (какъ онъ самъ же говоритъ). Стихи не дурны, хотя онъ не имѣетъ точнаго понятія о цезурѣ и о риѳмѣ; всего больше мнѣ понравились вставочныя разсужденія, патріотическія и нравственныя.

Войны, говорятъ, не будетъ [4]). Такъ говорилъ Катковъ, Аксаковъ и Ѳаддѣевъ [5]), съ которыми я ѣхалъ изъ Москвы. Ѳаддѣевъ (очень плюгавый и наглый генералъ) говорилъ, что если будетъ, то не раньше Мая. Здѣсь всѣ ждали манифеста на 8 Сентября (день Куликовской битвы); весь городъ говорилъ, и всѣ обманулись.

Всѣ въ Петербургѣ мнѣ показались скучными. И очень печально было увидѣть Майкова [6]); онъ вернулся изъ Карлсбада не поправившись, усердно лечится и очевидно не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ своей болѣзни. Дрожь, которую я почувствовалъ въ его худой рукѣ, такъ и показалась мнѣ страхомъ смерти. Онъ былъ лихорадочно оживленъ и хотѣлъ казаться здоровымъ. Прожить такую счастливую жизнь и теперь видѣть впереди одно горе!

Буду писать Вамъ еще, а отъ Васъ прошу только двухъ трехъ строкъ. У меня много времени, а Ваше такъ полно. Графинѣ мое

---

[1]) Альфредъ Рёссель Уоллесъ, извѣстный англійскій естествоиспытатель, предшественникъ Дарвина, публицистъ.

[2]) Александръ Михайловичъ Бутлеровъ (род. 1828, ум. 1886), академикъ, химикъ, занимался вопросами спиритизма и писалъ о нихъ.

[3]) Степень доктора философіи Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ получилъ лишь въ 1880 году, по защитѣ диссертаціи „Критика отвлеченныхъ началъ“, М. 1880.

[4]) Война съ Турціей была объявлена 13-го апрѣля 1877 г.

[5]) Ростиславъ Андреевичъ Ѳадѣевъ, генералъ, публицистъ, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ изданій; умеръ въ 1883 г.

[6]) Поэта Аполлона Николаевича Майкова; онъ умеръ въ 1897 г.

усердное почтеніе. Все, что хорошее съ Вами случится, будетъ и для меня радостью.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1876 г. 12 Сентября.

34. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

[Сентябрь 1876 г. Петербургъ] [1]).

Какая прелесть Ваше послѣднее письмо, Левъ Николаевичь! [2]) Какъ справедливо, что чѣмъ выше и благороднѣе душа, тѣмъ свѣтлѣе ея взглядъ на міръ, тѣмъ яснѣе она видитъ добро и красоту. Меня растрогали Ваши мысли. Вмѣсто того ужаса передъ жизнью, который такъ хорошо выражаетъ Шопенгауэръ, вмѣсто той возможности страданія и гибели, которою мы окружены со всѣхъ сторонъ и каждую минуту, Вы видите въ мірѣ Бога живого и чувствуете его любовь. Теперь мнѣ ясна Ваша мысль, и сказать Вамъ прямо, я чувствую, что ее можно развить логически въ такія же строгія формы, какія имѣютъ другія философскія системы. Это будетъ пантеизмъ, основнымъ понятіемъ котораго будетъ л ю б о в ь, какъ у Шопенгауэра воля, какъ у Гегеля мышленіе.

Напишите мнѣ теперь одно,—какъ же Вы понимаете з л о? Въ чемъ его сущность и источникъ? Вопросъ, какъ Вы знаете, важнѣйшій.

Я не пишу Вамъ критики на Ваши мнѣнія—для настоящей критики нужно имѣть свой взглядъ, а у меня его нѣтъ. Я скажу только, что въ Вашихъ мысляхъ должно быть много правды,—такъ онѣ красивы, такъ желательны. Но по этому же самому онѣ и подозрительны. Высшее благо—я давно это знаю—есть душевная красота, то есть благо совершенно субъективное. Что бы со мной ни случилось, какія бы силы ни существовали вокругъ меня,—одного я могу желать и однимъ могу удовлетвориться—избѣжать зла во мнѣ самомъ, въ моей душѣ; а если достигну добра—это будетъ счастіе. Но увы! вѣдь это значитъ отречься отъ исканія всякаго блага внѣ меня, признать, что нѣтъ такого блага.

---

[1]) На это письмо (конецъ котораго не сохранился) и на слѣдующее (отъ 12-го октября) Толстой отвѣчалъ лишь 13-го ноября 1876 г. На вопросъ Страхова, какъ онъ понимаетъ зло, Толстой отвѣчалъ: „Зло есть то, что разумно съ мірской точки зрѣнія. Убійство, грабежъ, наказаніе, все разумно—основано на логическихъ выводахъ. Самопожертвованіе, любовь—безсмыслица“. (Сборникъ П. А. Сергѣенко, т. I, стр. 120—121 П. И. Бирюкова, т. II, стр. 302—303).

[2]) Оно не извѣстно.

35. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

12-го Октября 1876 г. Петербургъ.

Простите, простите, Левъ Николаевичь! Давно слѣдовало бы отвѣчать на Ваше милое коротенькое письмо [1]). Но я увлекся—не водоворотомъ городской жизни,—а ушелъ въ свою особенную жизнь, въ оперу, въ покупку книгъ, въ чтеніе; двѣ-три недѣли дѣло идетъ очень хорошо, какъ никогда не бывало. Конечно оттого хорошо, что я затѣялъ работу, и что меня тянетъ каждый день подвинуться хоть на шагъ впередъ. Но мнѣ очень хочется заинтересовать Васъ своею работою, и въ головѣ я уже давно пишу къ Вамъ, давно придумываю, какъ это сказать кратко и полно. Послушайте.

Науки дѣлаютъ огромные успѣхи; но чѣмъ быстрѣе онѣ движутся, тѣмъ яснѣе видно, что онѣ не приближаютъ насъ къ рѣшенію вопросовъ, наиболѣе для насъ интересныхъ. Очевидно, ихъ движеніе косвенное, а не прямое. То, что называется знаніемъ, не есть знаніе существеннаго, и чѣмъ научное знаніе тверже и яснѣе, тѣмъ менѣе въ немъ существеннаго. Это зависитъ отъ самой природы познанія. Наше познаніе есть нѣкоторое измѣреніе нашихъ отношеній къ вещамъ. Вещи со всею своею сущностію окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, прикасаются къ намъ и стоятъ передъ нашими глазами; но когда мы ихъ познаемъ, мы какъ будто выбираемъ произвольно точки, проводимъ произвольныя линіи, составляемъ произвольныя фигуры и только такъ можемъ что нибудь узнать. Возьмемъ самое простое. Я считаю людей, съ которыми живу; ихъ оказалось пять. Чтобы получить это свѣденіе, я мысленно ставлю ихъ въ извѣстный порядокъ, одного дѣлаю первымъ, другого вторымъ и т. д.; наконецъ прекращаю счетъ произвольно, тѣмъ предѣломъ, который самъ себѣ назначилъ. Получилось число пять, которое имѣетъ для меня нѣкоторый смыслъ, содержитъ знаніе, но не имѣетъ никакого отношенія къ сущности вещей, нигдѣ не существуетъ кромѣ моей головы.

Этотъ пунктъ очень трудный; я не съумѣю теперь вполнѣ его объяснить, но надѣюсь, что чѣмъ дальше буду работать, тѣмъ онъ будетъ для меня яснѣе. Скажу такъ: при всякомъ познаніи мы дѣлаемъ нѣкоторое построеніе, безъ такого построенія познаніе невозможно.

Теперь, такъ какъ мы ищемъ всегда сущности вещей, то мы, по жадности такъ-сказать, принимаемъ это наше построеніе за нѣчто существующее. Это главная и постоянная ошибка нашего ума. Мы

---

[1]) Оно не извѣстно.

принимаемъ за сущности—пространство, время, числа, общія понятія, законы природы, небесный сводъ, горизонтъ, сохраненіе вещества, сохраненіе силы и т. д. Во всемъ этомъ главную часть составляетъ нами сдѣланное построеніе, то есть нѣчто апріорное и къ сущности вещей не относящееся. Мы же это самое принимаемъ за нѣчто данное, слѣдовательно апостеріорное, эмпирическое, за открытіе, за свойство самихъ вещей.

Такъ, чтобы получить число, нужно считать, чтобы получить пространство, нужно смотрѣть. По индійскому миѳу сперва пространства не было, но былъ созданъ глазъ и стали смотрѣть и тогда явилось пространство (смотрѣть я понимаю въ самомъ общемъ смыслѣ, не какъ одно зрѣніе). Между тѣмъ числа и пространство принимаются за эмпирическія данныя, за нѣчто существующее въ самихъ вещахъ независимо отъ считанія и смотрѣнія. Тогда выходитъ, что дважды два четыре только въ нашемъ мірѣ, или въ той части міра, въ которой мы находимся (такъ это стоитъ буквально у Милля), а въ другихъ частяхъ можетъ быть дважды два пять, пространство имѣетъ четыре измѣренія, сумма угловъ треугольника меньше двухъ прямыхъ и т. д.

Относительно чиселъ задача очень простая; очевидно, если мы будемъ такъ считать, какъ теперь считаемъ, то дважды два всегда будетъ четыре; и житель Сиріуса, или Самъ Богъ, если будетъ такъ же считать, не въ силахъ получить другого результата. Задача относительно пространства сложнѣе, но не очень трудна, и мнѣ показалось, что на ней разъяснить вопросъ всего удобнѣе. А тутъ кстати съ 1868 года ученіе объ эмпиричности нашего пространства стало сильно распространяться и принято первыми авторитетами. Родоначальникомъ его былъ дѣйствительно Лобачевскій [1]) у насъ, но силу ему дали Гауссъ [2]) и Риманнъ [3]) въ Германіи. Я принялся все это разбирать, и оказалась цѣлая литература по этому предмету. Буняковскій [4]) не зналъ и десятой доли того, что мнѣ теперь извѣстно,—это меня не мало удивило. При помощи Публичной Библіотеки все у меня оказалось подъ руками, и предметъ втягиваетъ меня все больше и больше.

Вся загадка состоитъ въ томъ, что математики успѣли обобщить представленіе пространства. По видимому мы всегда имѣемъ

---

[1]) Николай Ивановичъ Лобачевскій, знаменитый геометръ, профессоръ Казанскаго Университета (ум. въ 1856 г.).

[2]) Карлъ-Фридрихъ Гауссъ (ум. 1885 г.), знаменитый математикъ и астрономъ.

[3]) Бернгардъ Риманнъ, математикъ, писалъ по теоріи функцій (умеръ въ 1886 г.).

[4]) Викторъ Яковлевичъ Буняковскій, знаменитый математикъ, академикъ (ум. въ 1889 г.).

право считать предметъ частнымъ и особеннымъ, когда нашли для него общее понятіе. Напр., если человѣкъ есть животное, то это значитъ одно изъ животныхъ, отличающееся особыми признаками. Такъ и математики говорятъ: пространство есть одинъ изъ способовъ опредѣлять отношенія между вещами, и слѣдовательно въ другихъ мірахъ можетъ существовать другой способъ. Мое опроверженіе будетъ состоять въ слѣдующемъ: я покажу неправильность обобщенія и невозможность его, когда оно дѣлается правильно. Обобщеніе математиковъ подобно такому: всѣ люди крадутъ. Если кто ничего не укралъ, то это лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ, именно когда величина кражи равна нулю; если кто свое отдалъ, то это значитъ только онъ укралъ отрицательную величину.

Для кражи нелѣпость этого ясна, но для пространства неуловима. Мнѣ она однакоже живо представляется и хотѣлось бы показать ее вполнѣ, на многихъ сторонахъ дѣла.

Математики съ торжествомъ выводятъ слѣдствіе, что значитъ пространство познается эмпирически, что оно есть частный фактъ. Если я докажу противное, то этимъ докажется апріорность пространства, т. е., что мы его сами создаемъ, слѣдуя извѣстному правилу, именно безразличному соотношенію вещей. Сюда войдетъ и опроверженіе Канта, принимавшаго пространство за готовую форму хотя и a priori. Точно такъ я надѣюсь разъяснить и всѣ (или нѣкоторые) общіе вопросы, относящіеся къ знанію. Мнѣ ужасно пріятно, что представился такой наглядный и удобный случай, обнаруживающій природу познанія.

Познаніе пространства не есть познаніе какой-либо сущности, какого-либо дѣйствительнаго предмета. И таковы всѣ наши познанія. Но оно не содержитъ въ себѣ и никакой лжи; напротивъ оно незыблемо вѣрно. И такой вѣрности достигаютъ всѣ наши познанія, когда они достаточно развиты. Мы съ великимъ трудомъ узнаемъ только то, что могли бы узнать простымъ развитіемъ нашихъ мыслей. Но намъ мѣшаетъ то, что нашимъ построеніямъ мы безпрестанно придаемъ существенность; мы не въ силахъ правильно развивать наши мысли, потому что ошибаемся въ ихъ значеніи, признаемъ знаніе сущности тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Такимъ образомъ путь этихъ построеній никогда не приведетъ насъ къ тому, чего одного мы желаемъ, то есть къ познанію сущности. Сущность открывается иначе, и вопервыхъ слѣдуетъ сбросить все то, что я назвалъ построеніями. Тогда получится можетъ быть другое знаніе, которое мнѣ хотѣлось бы назвать живымъ, но о которомъ пока ничего не умѣю сказать.

По крайней мѣрѣ я надѣюсь такимъ образомъ сбросить иго есте-

ственныхъ наукъ, тяготѣющее надъ нынѣшнею философіей; я дамъ отчетъ въ томъ, почему всѣ ихъ изслѣдованія такъ мертвенны, такъ мало намъ даютъ, и въ то же время почему они несомнѣнны и успѣшны. Одно съ другимъ связано.

Вотъ мои планы, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Мнѣ мерещатся цѣлые ряды статей; первую я назвалъ о свойствахъ пространства и буду доказывать, что пространство не имѣетъ никакихъ свойствъ (Eigenschaften), и что въ этомъ его натура.

Что еще скажу Вамъ? Я здоровъ, лучше обыкновеннаго. Майковъ [1]) усиленно и заботливо лечится, но поправляется медленно. Я чаще прежняго сижу дома. Восточнымъ Вопросомъ почти не занимаюсь, но ежедневно, ежечасно слышу объ немъ и знаю положеніе дѣлъ. Война не минуема, повсюду идутъ усиленныя приготовленія.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ появился Котъ Стахѣева [2]). Если Вы что-нибудь прочли, то не забудьте написать, какъ Вы его находите. Неужели я такъ-таки вполнѣ обманулся?

Я отправилъ Нагорнову [3]) 1200 книжекъ Вашей Азбуки въ 12 частяхъ. Здѣсь еще не бывалъ въ книжныхъ магазинахъ. Разсказывали, что Надѣинъ [3]) прекратилъ платежи—навѣрно не знаю.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Какъ пріятно мнѣ было узнать, что у Васъ все здорово и хорошо. Пусть такъ и будетъ долго, долго! Графинѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1876 г. 12 Октября СПБ,

36. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

4-го ноября 1876 г. [Петербургъ].

Все думаю объ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и наконецъ рѣшился урвать отъ своей суеты нѣсколько времени и написать Вамъ. Я воображаю, что Вы теперь заняты концомъ Анны Карениной, или еще чѣмъ-нибудь другимъ, какъ всегда серьезнымъ и очень важнымъ.

На цѣлый день оторвалъ меня отъ письма Голохвастовъ, Павелъ Дмитричъ [4]). Онъ попрежнему мнѣ очень нравится лично, но онъ привезъ драму своей жены «Двѣ невѣсты» въ стихахъ въ пяти

---

[1]) См. въ письмѣ № 33.

[2]) Повѣсть Дмитрія Ивановича Стахѣева „Котъ“ напечатана въ № 9 „Русскаго Вѣстника“ 1876 г.

[3]) Книгопродавцы.

[4]) О немъ см. выше, въ письмѣ № 19.

дѣйствіяхъ [1]). Слушая его чтеніе, я часто вспоминалъ Ваше отвращеніе отъ подобныхъ вещей и согласился съ Вами. На словахъ онъ такъ любитъ простоту и естественность; какъ же онъ можетъ, думалъ я, не видѣть, что тутъ нѣтъ слова натуральнаго? Что все искусственно отъ начала до конца? При всемъ вниманіи я не могъ ничемъ заинтересоваться и огорчилъ его, высказавши ему это, хотя и очень мягко. Вотъ пятый день онъ отнимаетъ у меня все время,—а все таки онъ милый человѣкъ, и его парадоксы иногда очень любопытны.

Объ Аннѣ Карениной разговоры здѣсь не прекращаются. Всѣ ждутъ и бранятъ Васъ. Я, признаться, твердо надѣялся, что она явится въ Окт. книжкѣ [2]); вчера узналъ, что нѣтъ ея. Что это значитъ? Ужъ не хитритъ ли Катковъ? Онъ мнѣ выражалъ мнѣніе, что теперь ему нѣтъ расчета оканчивать романа въ этомъ году [3]), что лучше помѣстить конецъ въ слѣдующемъ.

Когда я только-что пріѣхалъ въ Петербургъ, то имѣлъ тутъ разговоръ съ однимъ отставнымъ поэтомъ, Пл. Кусковымъ [4]) (онъ попалъ, впрочемъ, въ хрестоматію Гербеля) [5]). Этотъ любопытный разговоръ я давно собираюсь передать Вамъ. Кусковъ образованный и сильно работавшій головою человѣкъ; не читавши, онъ былъ предубѣжденъ противъ Вашего романа—боялся соблазна. Мы крупно поспорили, еще весной. Прочитавши (что для него всегда очень трудно), онъ больше восхищался, чѣмъ Войною и Миромъ. Онъ говорилъ, что до Анны Карениной не было русскаго романа, что тутъ въ первый разъ всѣ лица дѣйствуютъ вполнѣ по русски. «Какъ хорошо! Вронскій, напримѣръ, готовъ ко всему, но одного не предвидитъ и къ одному не готовъ,—къ прощенію. Его прощаютъ, и эта неожиданная развязка дѣйствуетъ на него мучительнѣе, чѣмъ всякія оскорбленія или угрозы». Такія и подобныя рѣчи меня очень порадовали. Разумѣется цѣломудріе Вашего романа онъ понялъ въ совершенствѣ.

Я продолжаю читать и работать по предмету, о которомъ писалъ Вамъ въ длинномъ письмѣ. Являются трудности—не хотѣлось бы явиться невѣждою передъ математиками, а они написали ужъ слиш-

---

[1]) Историческая драма Ольги Андреевны Голохвастовой (ум. 1897 г.) „Двѣ невѣсты“ напечатана была въ 1877 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 10) и тогда же вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) „Русскаго Вѣстника“.

[3]) „Анна Каренина“ печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ 1877 г. (№ 1—4).

[4]) Платонъ Александровичъ Кусковъ (род. 1834 г., ум. 1909 г.), сотрудничавшій въ „Современникѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Свѣточѣ“, „Голосѣ“ и др. изданіяхъ; переводчикъ Шекспира.

[5]) „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“.

комъ много, и я отыскиваю ту границу, на которой нужно остановить чтеніе. Стараюсь жить уединенно, но чувствую, что Декабрь, по обыкновенію, завертитъ такимъ водоворотомъ, что и меня утянетъ. Одинъ знакомый, Павелъ Александровичъ Матвѣевъ [1]), молодой юристъ, очень милый, все разговариваетъ со мной о вѣрѣ—онъ самъ вѣрующій, къ великому изумленію всѣхъ окружающихъ. Онъ бывалъ въ Оптиной пустыни, мнѣ совѣтуетъ побывать, но увѣряетъ, что это трудно, именно, что непремѣнно мнѣ встрѣтятся всякаго рода препятствія и задержки, что это испытали на себѣ многія лица—какая-то сила мѣшаетъ. Попробуемъ же въ слѣдующее лѣто—я очень желаю, и не имѣю другихъ плановъ [2]).

Прошу у Васъ опять хоть нѣсколькихъ строкъ. Порадуйте меня хоть извѣстіемъ, что все у Васъ благополучно,—на что я твердо надѣюсь. Проведенные у Васъ 10 дней мнѣ часто мерещатся—какая прелесть!

Здоровье мое недурно, и мнѣ все кажется, что возвращаются мои силы—можетъ быть, мнѣ и выпадетъ еще на долю нѣсколько лѣтъ здоровыхъ и спокойныхъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1876 г. 4 Ноября.

37. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

9-го ноября 1876 г. [Петербургъ].

Полонскій [3]) просилъ меня отправить къ Вамъ это письмо [4]). Я выспросилъ у него, кто такая таинственная дама. Это—Паскевичъ-Ериванская, княгиня Варшавская, урожденная Воронцова-Дашкова [5]). Онъ обѣщалъ не говорить Вамъ ея имени. Больше ничего не знаю,—разговоръ былъ въ торопяхъ.

---

[1]) Авторъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1893 г. о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголя, въ которыхъ онъ старался защитить Гоголя отъ тѣхъ нападокъ, которыя вызвала его книга при появленіи въ свѣтъ.

[2]) Въ Оптиной пустыни (близъ г. Козельска, Калужской губерніи), славной пребываніемъ въ ней Гоголя, Кирѣевскихъ, К. Леонтьева и другихъ, Страховъ былъ съ Толстымъ лѣтомъ 1879 года.

[3]) Яковъ Петровичъ, поэтъ.

[4]) Письмо это не извѣстно.

[5]) Свѣтлѣйшая княгиня Ирина Ивановна Варшавская графиня Паскевичъ-Эриванская (род. въ 1855 г.), рожд. графиня Воронцова-Дашкова, нынѣ вдова генералъ-лейтенанта князя Ѳедора Ивановича Варшавскаго, сестра теперешняго Намѣстника Кавказскаго.

Вчера былъ въ театрѣ, смотрѣлъ драму Голохвастовой [1]) Чья правда [2]) вмѣстѣ съ ея мужемъ [3]), съ Лопухинымъ и Карамзинымъ [4]). Я все задавалъ себѣ вопросъ: чего ей нужно? что ее занимаетъ въ жизни и что ей хочется сказать въ этихъ драмахъ? Кажется одно: женское самоотверженіе, пожертвованіе собою для любимаго человѣка. Этотъ человѣкъ выходитъ въ ея драмахъ совершенно пустымъ дуракомъ, но порывы женскаго чувства несомнѣнно истинны, живы. Затѣмъ драма сочиняется по извѣстнымъ образцамъ, наполняется подготовительными сценами, подробностями, лицами. Все это ужасно скучно, потому что все дѣланное и придѣланное.

Я рѣшился печатать въ Гражданинѣ Три письма о спиритизмѣ [5]), которыя почти готовы; я собирался читать ихъ Вамъ въ Ясной; можетъ быть прочтете печатныя.

Очень возмутила меня статья Авсѣенко объ Аполлонѣ Григорьевѣ [6]). Просто изумляешься и теряешь всякую охоту писать. Для кого? Кому нужно и кто пойметъ—не говорю какія-нибудь высокія мысли, которыхъ можетъ быть у меня и нѣтъ, а просто предметъ, о которомъ я заговорилъ, вопросъ, который разсматриваю.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Всегда Васъ помнящій, всегда Вамъ добра желающій, неизмѣнно Вамъ благодарный и преданный

Н. Страховъ.

1876 г. 9 Ноября.

38. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому [7]).

28-го ноября 1876 г. Петербургъ.

Конечно я пріѣду, безцѣнный Левъ Николаевичъ, пріѣду непремѣнно, если только не заболѣю, или не случится чего-нибудь. Здѣсь

---

[1]) См. выше письмо № 36.

[2]) Драма въ 5 дѣйствіяхъ „Чья правда“ была напечатана въ 1871 г. въ журналѣ „Бесѣда“ (№ 4); была поставлена на сценѣ Александринскаго театра, но успѣха не имѣла (А. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. II, стр. 58—59); отзывы критики см. въ „Голосѣ“ (1876 г. № 262) и „Петерб. Листкѣ“ (1876 г., № 186 и 187).

[3]) См. о немъ выше, въ письмѣ № 36.

[4]) Сынъ исторіографа Александръ Николаевичъ Карамзинъ, сенаторъ умершій въ 1879 г.

[5]) Напечатаны въ „Гражданинѣ“ 1876 г., № 41—42, 43 и 44.

[6]) Рецензія на изданный Страховымъ 1-й томъ сочиненій А. А. Григорьева, помѣщенная В. Г. Авсѣенко, подъ псевдонимомъ А. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 г., № 10, стр. 871—894, подъ заглавіемъ „Блужданія русской мысли“.

[7]) Отвѣтъ на письмо Толстого отъ 18-го ноября 1876 г. (см. его у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 302—303 и въ сборникѣ П. А. Сергѣенко, т. I, стр. 120—121),

мнѣ дѣлать нечего, какъ я вижу. Отъ Васъ я выношу такія дорогія вещи! Сидя въ Бѣлой Церкви, я понялъ, чему научилась Кити за границей, а потомъ въ Ясной Полянѣ услышалъ и конецъ,—что нужно добросовѣстно дѣлать дѣло, когда оно есть, и не выдумывать его, когда его нѣтъ.

Первое Ваше письмо [1]) меня опечалило, а второе не совсѣмъ утѣшило. Какое въ Васъ волненіе! Съ отвлеченной точки зрѣнія я долженъ бы радоваться, потому что это волненіе силы и обѣщаетъ пышные плоды. Но, зная Вашу нѣжную организацію, я понимаю, чего Вамъ стоятъ минуты унынія, и меня мучитъ это представленіе. Ужели, пока человѣкъ живъ, онъ не можетъ быть спокоенъ? Вы, прославленный, независимый, окруженный прелестною семьею и уже совершившій дѣла, которыя навсегда останутся великими,—какъ Вы можете говорить о минутахъ, когда Ваша жизнь не стоитъ уваженія? Такихъ минутъ не можетъ быть, не должно быть. И въ хорошія минуты Вы сами конечно чувствуете, какъ мало основанія имѣетъ тоска Вашихъ дурныхъ минутъ.

Очень меня интересуетъ Ваше отношеніе къ политическимъ дѣламъ [2]). Какъ странно! Я живо раздѣляю только одно желаніе,—желаніе войны; но въ ея мотивахъ и поводахъ мнѣ все мерещится что-то искусственное. Не съумѣлъ бы я такъ хорошо выразить, какъ Вы, впечатлѣніе отъ газетъ, но чувствую, какая правда Ваши слова! Литература есть мерзость, потому что вѣчно прикидывается серьезною и правдивою, и вѣчно легкомысленничаетъ и фальшивитъ.

Разсказывалъ мнѣ Стасовъ (Вашъ великій поклонникъ, ставящій Васъ выше всѣхъ, но понимающій Васъ такъ, какъ разбитое зеркало отражаетъ предметы) содержаніе романа Тургенева. Это—молодые люди, идущіе въ народъ, но встрѣчающіе тамъ неудачу. Народъ ихъ не понимаетъ; между прочимъ разсказывается, что слово участіе непонятно мужикамъ. Какъ изображено непониманіе, какой ему приданъ смыслъ,—неизвѣстно. «Если дурной для народа», говоритъ Стасовъ (полнѣйшій космополитъ), «то будутъ же ему (Тургеневу) кнуты!» Такъ мило нынче выражаются литераторы [3]).

Благодарю Васъ за отзывъ объ Авсѣенкѣ [4]). Мое негодованіе все растетъ, и кажется, я разражусь статейкой въ Гражданинѣ. Что

---

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) Въ письмѣ отъ 13-го ноября Толстой писалъ Страхову: „Былъ я на дняхъ въ Москвѣ—только за тѣмъ, чтобы узнать новости о войнѣ. Все это очень волнуетъ меня. Теперь вся ерунда Сербскаго движенія, ставшая исторіей прошедшаго, получила значеніе. Та сила, которая производитъ войну, выразилась преждевременно и указала направленіе“, Война Турціи была объявлена Россіей лишь въ апрѣлѣ 1877 года.

[3]) Рѣчь идетъ о „Нови“ Тургенева, помѣщенной въ № 1 и 2 „Вѣстника Европы“ 1877 года.

[4]) См. предыдущее письмо.

дѣлать! Какъ Вы чудесно его [1]) характеризовали; но вѣдь другого журнала у меня нѣтъ, то есть нѣтъ такого, который бы печаталъ в с е, что я ни напишу, да и упрашивалъ бы меня писать. Знаете ли? Я когда нибудь скажу Мещерскому [2]), чтобы онъ не писалъ о религіи—это его главное пятно. А что онъ пишетъ и дѣйствуетъ по-ребячески,—нужно ему простить.

Мое первое письмо о спиритизмѣ [3]) конечно никто бы не напечаталъ, кромѣ Гражданина. Послѣ измѣны Р у с с к а г о В ѣ с т н и к а я сталъ снисходительнѣе къ Г р а ж д а н и н у. Тамъ есть интересные люди: Достоевскій, Филипповъ (знаменитый Тертій) [4]), Порѣцкій (пишетъ нынѣ подъ псевдонимовъ Б ы л и н к и н а) [5]).

Голохвастовъ [6]) пишетъ мнѣ: «Мы сбираемся на Рождество къ сестрѣ моей въ Орелъ, а на Новый годъ къ Толстымъ. Вотъ бы и Вамъ туда пріѣхать, право!»

Какъ же мнѣ пріѣхать? Я могу пріѣхать или наканунѣ Рождества и пробыть у Васъ три дня, или наканунѣ Новаго Года—на такой же срокъ. Рѣшите сами, и прошу Васъ, будьте совершеннымъ эгоистомъ—я буду тогда очень спокоенъ и доволенъ.

Буду еще къ Вамъ писать, и во всякомъ случаѣ надѣюсь на двѣ строчки отъ Васъ.

Всею душою вашъ
Н. Страховъ.

1876 г. 28 Ноября.

P. S. Я запоздалъ письмомъ изъ-за с п и р и т и з м а [7]). Если Вы не получаете Г р а ж д а н и н а, я Вамъ пришлю.

---

[1]) Т. е. „Гражданинъ“.

[2]) Князь В. П. Мещерскій, издатель „Гражданина“.

[3]) Ср. предыдущее письмо.

[4]) Тертій Ивановичъ Филипповъ, одинъ изъ основателей „Русской Бесѣды“, впослѣдствіи Государственный Контролеръ, членъ Государственнаго Совѣта (ум. 1899 г.), сотрудникъ „Москвитянина“, „Русскаго Вѣстника“ и многихъ другихъ журналовъ, публицистъ, славянофилъ.

[5]) Александръ Устиновичъ Порѣцкій (ум. 1879 г), педагогъ, основатель народнаго журнала „Воскресный Досугъ“, сотрудникъ „Эпохи“, „Времени“ и др. журналовъ. Между прочимъ подъ псевд. „Е. Былинкинъ“ помѣстилъ въ „Гражданинѣ“ (1876 г., № 48) статью „Неожиданное“—по поводу статьи В. Г. Авсѣенко о Сочиненіяхъ Ап. Григорьева. Въ 1877 г. въ „Гражданинѣ“ (№ 15) онъ напечаталъ статью объ „Аннѣ Карениной“.

[6]) См. выше, письмо № 36.

[7]) Т. е., изъ-за статей своихъ о спиритизмѣ для „Гражданина“.

39. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

3-го января 1877 г., Петербургъ.

Пріѣхалъ какъ нельзя лучше, и всю дорогу, какъ обыкновенно, мысленно разговаривалъ съ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичь [1]). Все дѣло портила только мысль, что Голохвастовы [2]) еще на сутки пожалуй остались въ Ясной. А что, утѣшалъ я себя, если они застряли въ Тулѣ? Тогда было бы превосходно. Воображаю ихъ мученье; какъ бы они метались, испытывая величайшее зло своей жизни,— одиночество, да еще вдвоемъ!

За день до отъѣзда Голохвастовъ вечеромъ говоритъ мнѣ: «Я не знаю навѣрное, принесутъ ли мнѣ завтра чистую рубашку; отъ этой мысли я пожалуй не усну всю ночь!» Бѣдные люди, не знающіе, куда дѣвать свое время и свои деньги! Я имѣю нѣкоторое понятіе о томъ, какую работу они задали Вашимъ прачкамъ, и даже о строгости, съ которою наперсница героини обращается съ ея мужемъ. А сама героиня въ сущности все-таки русская, и потому манеры французскихъ шлюхъ не совсѣмъ клеятся съ ея натурой. Въ ней меньше живости, чѣмъ она хочетъ показать. И показалось мнѣ также, что она немножко осѣклась и угасла въ Вашемъ обществѣ.

Но Богъ съ ними! Все это было до Москвы. А въ Москвѣ я рѣшился самъ завезти письма Константина Александровича, и былъ награжденъ за услугу ближнему: мнѣ подарилъ Воскобойниковъ [3]) книжку Р. Вѣстника съ Анной Карениной. Я такъ и впился, но большую часть пришлось прочитать только сегодня, когда разсвѣло. И кажется я прямо почувствовалъ каждое слово — съ такой ясностію и живостію веденъ разсказъ. Рѣдко я испытывалъ такое наслажденіе, такъ хорошо смѣялся и плакалъ. Свиданіе Карениной съ сыномъ—что за диво! И затѣмъ наплывъ страсти и пробужденіе дурныхъ инстинктовъ—все удивительно. Лидія Ивановна—какъ это знакомо и какъ это совершенно ново! Были строчки, которыя заставляли меня вздрагивать и поворачиваться—такъ поражала ихъ правда и глубина. Но описаніе Большого Театра невѣрно; Вы смѣшали тутъ и Михайловскій, и Александринскій.

Нѣтъ, Левъ Николаевичь, побѣда за Вами! Тургеневу такъ не написать и одной страницы [4]).

---

[1]) Писано по возвращеніи изъ поѣздки въ Ясную Поляну.

[2]) П. Д. Голохвастовъ и его жена О. А. Голохвастова, писательница (о нихъ см. выше стр. 56, 92).

[3]) Николай Николаевичъ, публицистъ (см. выше).

[4]) Впечатлѣнія отъ „Анны Карениной“ и отъ появившагося въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ начала „Нови“ см. въ письмѣ къ Толстому графини А. Л. Толстой отъ 13 января 1877 г. (см. „Толстовскій Музей“, т. I, Спб., 1911, стр. 273).

Дайте подумать, и я Вамъ напишу еще. Сейчасъ какъ отнесу это письмо, примусь опять за Каренину, перечту опять этотъ выпускъ, хотя, повторяю, мнѣ не осталось ни одного темнаго мѣста, какъ это бывало прежде.

Петербургская тоска еще не беретъ меня,—я все еще въ Ясной Полянѣ. Если чѣмъ надоѣлъ или не угодилъ, — простите; но самъ я такъ отдохнулъ, такъ освѣжился, такъ былъ здоровъ и оживленъ, какъ и не ожидалъ отъ себя, когда собирался къ Вамъ, отчего и боялся пробыть у Васъ цѣлую недѣлю.

Странно сказать, но вѣрьте—лучшія мои пожеланія уже давно—не за себя, не за своихъ родныхъ, а за Ясную Поляну.

Буду Вамъ писать еще и скоро, а отъ Васъ опять прошу лишь двѣ-три строчки, когда будете отправлять письма въ Тулу или въ Козловку.

Всею душою, всѣмъ сочувствіемъ, къ какому способенъ,—

Вашъ Н. Страховъ.

Графинѣ усерднѣйшее почтеніе, котораго я никогда въ такой мѣрѣ ясно не понималъ, какъ глядя на нее, утомленную и оживленную, рядомъ съ Голохвастовой.

3-го января, 1877 г., Спб.

40. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

16-го января 1877 г. [Петербургъ.]

Боткинъ [1]) приготовленъ; вотъ его отвѣтъ, написанный на карточкѣ Графини [2]):

Если Графиня выѣзжаетъ, то я буду къ ея услугамъ въ понедѣльникъ, среду, пятницу отъ 8-ми часовъ вечера. Если же Графиня желаетъ, чтобы я ее навѣстилъ дома, то прошу дать адресъ и тогда я назначу часъ и день пріѣзда. Готовый къ услугамъ

Боткинъ.

$\frac{14}{I}$77.

Карточка будетъ пропускомъ, и я вручу ее Графинѣ, когда она пріѣдетъ. Я хотѣлъ телеграфировать Вамъ, но предпочелъ написать,

---

[1]) Знаменитый врачъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ, профессоръ Военно-Медицинской Академіи (род. 1832 г., ум. 1889 г.).

[2]) Софья Андреевна Толстая; она хворала тогда послѣ смерти двухъ младшихъ маленькихъ дѣтей (см. „Толстовскій музей“, т. I, Спб. 1911, стр. 271, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 279).

для ясности, и въ томъ расчетѣ, что Графинѣ трудно подниматься, и она еще промедлитъ.

Трудно мнѣ сказать, до какой степени меня радуетъ расположеніе Ваше и Вашей семьи, безцѣнный и несравненный Левъ Николаевичъ. Самъ я себя очень мало люблю, и хоть знаю, что во мнѣ есть кой-что хорошее, но передъ такимъ проницательнымъ и впечатлительнымъ человѣкомъ, какъ Вы, я былъ исполненъ страха—не въ томъ, что провинюсь, а въ томъ, что непонравлюсь — по какимъ-нибудь глубочайшимъ основаніямъ, которыя Вы не съумѣли бы и сказать иначе, какъ Вашимъ всевыражающимъ языкомъ—образами. Но Ваша любовь ободряетъ меня, дѣлаетъ меня лучше, даетъ новыя силы — это великая радость моей жизни. Графиня и Ваши дѣти были для меня всегда нераздѣльны съ Вами; я на нихъ распространялъ то уваженіе и сердечную преданность, которыя чувствовалъ къ Вамъ. Но Графиня была для меня еще страшнѣе: она была совершенно чужая, тогда какъ Васъ я зналъ заочно. Если бы я оказался въ ея глазахъ узкимъ, сѣрымъ или что-нибудь подобное,—было бы горе. Мнѣ безмѣрно отрадно, что и она нашла во мнѣ хорошее. Въ этотъ пріѣздъ мнѣ было такъ тепло отъ Вашего расположенія, что я немножко развернулся, какъ улитка, и конечно эти дни принадлежатъ къ лучшимъ и завиднымъ днямъ моей жизни. Тысячу разъ благодарю Васъ!

Что касается до Анны Карениной, то долженъ сообщить Вамъ, что здѣсь—общій восторгъ. Я все раздумывалъ, не подкупленъ ли я своимъ хорошимъ расположеніемъ духа и любовью къ Вамъ; но слышу со всѣхъ сторонъ, что мое впечатлѣніе—необычайной свѣжести и силы этого отрывка — повторяется у всѣхъ. Стасовъ говоритъ, что неодобряетъ содержанія романа, но что тутъ сила изображенія, скульптурность, какъ онъ выражается, такова, что Тургеневъ въ подметки не годится. Н. Я. Данилевскій расплакался, читая,—и потомъ взялъ назадъ свои порицанія, любуется фигурою Алексѣя Александровича и говоритъ, что дѣтей Вы изображаете лучше Диккенса. В. В. Григорьевъ [1]) въ восхищеніи. Даже передовые педагоги находятъ, что въ изображеніи Сережи заключаются важныя указанія для теоріи воспитанія и обученія.

Наоборотъ Новь шлепнулась самымъ жестокимъ образомъ. Такъ бранятъ, что даже Достоевскій защищаетъ, а не подбавляетъ брани [2]). Предметъ тотъ же, что въ Бѣсахъ—Нечаевское дѣло. Исполненіе ниже всякой критики — насильственный разсказъ, не оживленный

---

[1]) Профессоръ Петербургскаго Университета, упоминавшійся выше, въ письмѣ № 10.

[2]) Начало „Нови“ Тургенева появилось тогда въ № 1 „Вѣстника Европы“ 1877 г.

интересомъ къ тому, ради чего писанъ, т. е. къ революціонерамъ. Длинно, вяло—какъ никогда не писывалъ Тургеневъ.

Сейчасъ былъ Степанъ Андреичъ [1]), извѣстилъ меня о пріѣздѣ Графини, получилъ карточку и всякія свѣденія. Все идетъ прекрасно. Катковъ [2]) ѣхалъ въ томъ же поѣздѣ и навѣщалъ Графиню. Я далъ совѣтъ, что лучше Графинѣ пригласить къ себѣ Боткина, потому что назначенные имъ часы п р і е м н ы е; когда у него много больныхъ и когда графиня не будетъ, конечно, ждать, но заставитъ ждать другихъ, а самаго Боткина торопиться.

Очень радъ, что хоть чѣмъ-нибудь могъ услужить Вамъ.

Всею душею Вашъ

Н. С т р а х о в ъ.

1877
16 Янв.

41. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

29-го января 1877 г. Петербургъ.

Получилъ Ваше письмо [3]), безцѣнный Левъ Николаевичъ, и прежде чѣмъ отвѣчать посылаю Вамъ П и с ь м а о с п и р и т и з м ѣ [4]). До сихъ поръ я еще не принимался за работу—совѣстно признаться Вамъ и передъ собою. Здѣсь теперь Н. Я. Данилевскій, и онъ отчасти въ этомъ виноватъ—онъ готовъ по цѣлымъ днямъ разговаривать со мною. Онъ необыкновенно милый и умный человѣкъ, но очень далекъ отъ настроенія мыслей, въ которомъ я нахожусь. Я съ нимъ натуралистъ и математикъ.

Ваши слова о п р а в д ѣ, какъ существенномъ требованіи искусства—выражаютъ Вашу натуру. Вы такъ строги въ этомъ отношеніи, какъ никто, и потому Ваши слова, какъ стрѣлы, вонзаются въ души людей. Я Васъ очень люблю за это—какъ никого.

Въ Голосѣ были двѣ статьи объ Васъ, одна объ А н н ѣ К а р е н и н о й, другая вообще (Е. Маркова) [5]). Мнѣ очень понравился т о н ъ

---

[1]) Берсъ, братъ графини С. А. Толстой.

[2]) Издатель „Русскаго Вѣстника", въ коемъ тогда печаталась „Анна Каренина".

[3]) Оно не извѣстно.

[4]) Изъ „Гражданина"(см. выше).

[5]) Евгеній Львовичъ Марковъ посвятилъ Толстому цѣлый рядъ статей въ „Голосѣ" 1876 и 1877 г.: „Критическія бесѣды, Вопросы искусства: гг. Тургеневъ и Толстой въ основныхъ мотивахъ своего творчества".

и той и другой; если и ошибаются въ смыслѣ Вашихъ произведенiй, то хорошо, однакоже, что не ошибаются въ ихъ великомъ достоинствѣ и не боятся говорить, что подобнаго Вамъ писателя нѣтъ въ цѣлой Европѣ.

Результатъ Боткинскаго обслѣдованiя очень меня порадовалъ и за графиню, и за Васъ [1]). О, какъ страшно жить на свѣтѣ! А вѣдь я угадывалъ, что все одни нервы; теперь же скажу и буду надѣюсь говорить въ лицо графинѣ, что она сама виновата, если не начнетъ полнѣть, сладко спать и ѣсть. Для этого нужно выучиться только одному—лѣниться. Конечно, для нея это трудно, но нужно стараться.

До слѣдующаго письма

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1877 29 Янв. Спб.

42. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Начало февраля 1877 г. Петербургъ].

Давно чувствую, что слѣдуетъ писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь; во первыхъ объ Аннѣ Карениной, во вторыхъ объ Азбукѣ. Но простите: сперва я долго не могъ добиться книжки Русскаго Вѣстника, а потомъ чувствовалъ себя не хорошо и наконецъ совсѣмъ заболѣлъ; сегодня пятый день, какъ сижу дома и не знаю, удастся ли завтра выйти. А эта часть романа доставила мнѣ живѣйшее наслажденiе, не только при чтенiи, а и потомъ, въ тѣхъ спорахъ и разговорахъ, которые поднимались каждый день.—Мнѣ живо представлялась Ясная Поляна, и я опять чувствовалъ благотворное впечатлѣнiе этого удивительнаго мiра и проникался лучшими моими чувствами къ Вамъ.

А знаете ли—ни одна часть Карениной не имѣла такого успѣха, какъ эта [2]). Ваши поклонники тутъ не плакали и не восторгались, но и не находили словъ, чтобы выразить всю тонкую прелесть и мастерство этихъ идиллическихъ сценъ. Н. Я. Данилевскiй впрочемъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ изгнанiя Весловскаго. Но за то Авсѣенко и Буренинъ (въ фельетонахъ) поняли дѣло трагически, и сильно вступились за обиженнаго. И нужно сказать правду—Вы сдѣлали все возможное, чтобы увеличить вину Левина; Весловскiй нарисованъ съ самою нѣжною снисходительностiю—

---

[1]) См. предыдущее письмо.

[2]) Рѣчь идетъ объ Январьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1877 г., въ которой напечатаны были главы I—XII 6-й части „Анны Карениной“

какая мастерская фигура! И вотъ наши суровые критики попались на удочку, они какъ-то почувствовали, что прогнавши Весловскаго, Левинъ и ихъ обидѣлъ [1]). Авсѣенко ужъ навѣрное такъ. И вотъ опять загадка для меня; человѣкъ женатый, очевидно кромѣ того волокита, пишетъ романы, въ которыхъ герой то и дѣло отъ одной женщины бросается къ другой; слѣдовательно долженъ же хоть чуточку понимать любовь и ревность,—а оказалось изъ его фельетона, что онъ объ ревности понятія не имѣетъ, и онъ написалъ, что Левинъ человѣкъ обидчивый и .разсердился за мнимое нарушеніе приличій! Право, это люди изъ бумажки, какъ говоритъ Достоевскій.

Досталось Вамъ также колкостей за охоту, за собакъ, за дупелей. Все это низкіе предметы по понятіямъ современной реторики. Эти люди такъ углублены въ себя, въ [свои] интересы своихъ мыслей, что для нихъ едва ли существуютъ даже солнце и небо. Вѣдь увѣрялъ же меня Стасовъ, что жаркій Петербургскій день ничѣмъ не отличается отъ Итальянскаго! И при всемъ томъ, въ тѣхъ же фельетонахъ видно, что романъ Вашъ занимаетъ всѣхъ и читается невообразимо. Когда случается спорить, я часто дразню противниковъ этимъ успѣхомъ. Успѣхъ дѣйствительно невѣроятный, сумасшедшій. Такъ читали только Пушкина и Гоголя, набрасываясь на каждую ихъ страницу и принебрегая все, что писано другими.

Другое радостное для меня событіе—это расходъ Вашей большой Азбуки. Я уже отказалъ одному книгопродавцу, и такъ какъ требованія несомнѣнно будутъ продолжаться, то слѣдуетъ печатать новое изданіе—Вы впрочемъ уже говорили объ этомъ. Четыре года расходилась книга! На дняхъ я пришлю Вамъ еще рублей 50 или больше. Большая часть экземпляровъ, которые у меня были, пересланы мною, какъ Вы знаете Нагорнову [2]), именно книгъ отъ 2-й до 9-й по 450 и по 350 экземпляровъ (разно, смотря по книгамъ) каждой. За тѣмъ часть продана на деньги, которыя я выслалъ и еще имѣю выслать; немного, нѣсколько десятковъ, два, три еще есть въ магазинахъ; и наконецъ у меня на рукахъ остатки въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) На слова графини А. А. Толстой о томъ, что „Васеньку Весловскаго не слѣдовало высылать такъ безцеремонно“, Толстой отвѣчалъ: „Вы говорите: В. Весловскаго не надо высылать. А если во время обѣдни придетъ къ вамъ въ церковь англичанинъ въ шляпѣ и будетъ смотрѣть образа, вы вѣрно найдете очень справедливымъ, что камеръ-лакеи выведутъ его“ (Толстовскій Музей, т. I, Спб. 1911, стр. 282].

[2]) Николай Михайловичъ Нагорновъ, за котораго въ 1872. г. вышла за-мужъ родная и любимая племянница Толстого (дочь его сестры графини Маріи Николаевны)—графиня Варвара Валеріановна Толстая.

I-й книги	343	VII-й книги	137
II-й »	2	VIII-й »	30
III-й »	123	IX-й »	411
IV-й »	118	X-й »	601
V-й »	110	XI-й »	607
VI-й »	23	XII-й »	590

Послѣднія три книги вовсе не требовались отдѣльно и продавались только съ другими, какъ часть полнаго экземпляра. Впрочемъ и первая также. Раньше же всѣхъ разошлись Русскія книги для чтенія.

43. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

8-го февраля 1877 г. Петербургъ.

Похвала похвалѣ рознь. Не могу Вамъ выразить, безцѣнный Левъ Николаевичь, до чего мнѣ было пріятно Ваше письмо [1]). Все совершенно такъ, какъ Вы пишете; Вы насквозь видите ходъ моихъ мыслей, и даете имъ ту же цѣну, какъ и я. Я въ восторгѣ. Представьте, что Н. Я. Данилевскій, Бутлеровъ [2]), Вагнеръ [3]), остались равнодушны, а два послѣдніе говорили мнѣ величайшій вздоръ, вздоръ, который нужно записать на память потомству. А дѣло было такъ: первыя два письма [4]) были написаны уже годъ тому назадъ и третье только начато. Я рѣшился ихъ напечатать, и чтобы не вышло сухо и мало, я въ третьемъ скомкалъ все, что хотѣлъ сказать въ десяти слѣдующихъ. И какъ мнѣ было жалко бѣгло излагать свои мысли, безъ полнаго развитія, и какъ я б о я л с я, что эти драгоцѣнныя для меня мысли подхватятъ и разовьютъ прежде меня. —А они, натуралисты, двигатели науки—ровно ничего не поняли, не нашли ничего новаго и интереснаго! И поняли Вы одни. Все это соотвѣтствуетъ самымъ пылкимъ моимъ ожиданьямъ, укрѣпляетъ и ободряетъ меня вполнѣ въ моихъ планахъ. Не пишу же я отъ разныхъ причинъ. Первое—отъ слабости силъ. Всякое такое писанье дорого мнѣ стоитъ; я становлюсь гордымъ, такъ что мой сосѣдъ въ Библіотекѣ, Нѣмецъ, обижается моимъ вѣжливымъ поклономъ, и самъ становлюсь раздражительнымъ, мнительнымъ и падаю духомъ. Всѣ эти явленія про-

---

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) См. выше, въ письмѣ № 3,33.

[3]) Николай Петровичъ Вагнеръ, извѣстный профессоръ, зоологъ, авторъ „Сказокъ Кота-Мурлыки“ (ум. 1907), членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ.

[4]) Рѣчь идетъ о „Трехъ письмахъ о спиритизмѣ“, напечатанныхъ Страховымъ въ „Гражданинѣ“.

исходятъ не въ большихъ размѣрахъ, но я все-таки ихъ избѣгаю и предпочитаю ѣздить въ гости или хлопотать о какихъ-нибудь пустякахъ. Признакъ, что работающій мозгъ слишкомъ переполнился кровью, такъ сказать надрывается въ работѣ. Но понемножку я все-таки подвигаюсь впередъ, читаю, думаю—и накопилось уже много вещей, которыя вотъ уже нѣсколько лѣтъ нанизываются на одну нитку.

Вторая причина—не могу кончить чтенія, жду нѣкоторыхъ книгъ, между прочимъ второй статьи Tannery.

Третья—жалобное письмо къ Каткову [1]), которое давно меня мучило и которое я, наконецъ, написалъ и послалъ.

Четвертая—Н. Я. Данилевскій, Штакеншнейдеръ [2]), Григорьевы [3]), Коссовичи [4]) и пр.

А писать все-таки пора, и Великій Постъ всего лучше для начала. Но очень хочется сказать кое-что объ Н о в и или скорѣе по поводу Н о в и. Доктора говорили мнѣ, что вести разомъ двѣ работы—полезно. Н о в ь во второй части не лучше чѣмъ въ первой, хотя читается легче [5]). Какое сочиненіе! Слабость силъ Тургенева тутъ обнаружилась поразительно. Но знаете ли что любопытно? Теперь многіе вздумали перечесть его прежнія вещи и вдругъ нашли, что тамъ та же скудость, то же отсутствіе глубины. Въ сущности Вы, Левъ Николаевичь, подняли безмѣрно наше пониманіе и наши требованія [6]). Кстати—хотите—я Вамъ пришлю статьи объ Васъ изъ Г о л о с а? Не спросившись боюсь посылать — вѣдь Вы не охотникъ до газетныхъ статей; но тутъ кой-что мнѣ понравилось. Мнѣ далъ ихъ Стасовъ [7]), который совсѣмъ живетъ газетами, и совѣтовалъ послать къ Вамъ. Совѣсти у него однакоже хватило, чтобы не принести статьи

---

[1]) Два письма Страхова къ М. Н. Каткову напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., кн. 6, стр. 469—462.

[2]) Семья извѣстнаго архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера (род. 1802, ум. 1865); его дочь Елена Андреевна оставила интересные дневники, напечатанные частію въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г. Съ 1850-хъ годовъ въ салонѣ Штакеншнейдеровъ, въ ихъ великолѣпномъ домѣ на Милліонной, бывали многолюдныя собранія, на которыхъ выступали выдающіеся писатели со своими еще не изданными произведеніями, напр. Полонскій, Майковъ, Гончаровъ, Бенедиктовъ и др.

[3]) Семья профессора В. В. Григорьева.

[4]) Семья санскритолога, профессора Петербургскаго Университета и библіотекаря Публичной Библіотеки Каетана Андреевича Коссовича.

[5]) Вторая часть „Нови“ появилась въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1877 г.

[6]) О „Нови“ Страховъ не писалъ; его статьи о Тургеневѣ собраны въ сборникѣ „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, Спб. 1885, изд. 2-е, Спб. 1887.

[7]) Библіотекарь Публичной Библіотеки Владиміръ Васильевичъ Стасовъ (уже упоминавшійся выше).

своего друга Буренина [1]), почитаемой имъ самою умною, а въ сущности пустѣйшей, такъ какъ она не заключаетъ ни искры мысли или чувства, а одно казенное либеральничанье, нахально выдаваемое за сердечное убѣжденіе. Тутъ Вамъ великія похвалы за искусство, и упрекъ за то, что Вы [об] описываете великосвѣтскіе балы, рауты, будуары и пр. Умно! Понялъ!

Съ великою радостью посылаю Вамъ восемьдесятъ рублей по такому счету:

Отъ Стасюлевича . . .	7 р. 50 к.
Отъ Глазунова	71 р. 25 к.
	78 р. 75 к.

Это за Азбуку, за 10 полныхъ экземпляровъ и за 100 экземпляровъ 4-хъ Русскихъ книгъ для чтенія.

Скоро вѣроятно пришлю Вамъ и еще. Теперь тороплюсь; прощайте, отъ всего сердца благодарю Васъ

Вашъ Н. Страховъ.

8-го февр., 1877 г., Спб.

44. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1-го марта 1877 г. Петербургъ.

Живо представляю, что Вы теперь работаете съ увлеченіемъ надъ концомъ Карениной, а можетъ быть еще надъ чѣмъ-нибудь. Но потомъ слѣдовало бы выпустить новое изданіе Азбуки. Предлагаю Вамъ опять свои услуги, если это удобно и нужно. Съ большою радостью исполню для Васъ все,—я считаю себя Вашимъ должникомъ. Изъ Петербурга я отлучусь только на два мѣсяца, какъ всегда.

А мои работы? Очень плохо. Случайнымъ образомъ этотъ Январь и Февраль были у меня очень свободные мѣсяцы, но я даже не началъ писать. Очень пристрастился къ чтенію, хотя нельзя сказать, чтобы очень разбрасывался. Все, что мнѣ нужно, однакоже, теперь есть, но многое нужно дочитать и перечитать, напр. Канта. Получилъ наконецъ двѣ жданныя книги Tobias, Ueber die Grenzen der Philosophie, и Zöllner, Principien [der] einer electrodynamischen Theorie der Materie. Обѣ, какъ большею частью случается, обманули. Но Тобіасъ по крайней мѣрѣ понимаетъ философію, и есть очень умная мысль. А Целлнеръ—вообразите!—нашелъ четвертое измѣреніе въ пространствѣ и даже написалъ мѣсяцъ и число этого блистательнаго открытія. Это четвертое измѣреніе, конечно, представлять себѣ невозможно, но онъ думаетъ, что нашелъ основанія, по

[1]) Викторъ Петровичъ, критикъ изъ „Новаго Времени“.

которымъ необходимо предполагать его и даже—постойте, я приведу его собственныя слова:

Die Platonische Idee und das Kantische Ding an sich lassen sich als Objecte von mehr als drei Dimensionen auffassen, welche nicht weniger und nicht mehr Realität wie die Dinge dieser Welt besitzen; mit diesen stehen sie durch eine dem Projectionsprocess analoge Beziehung in einem Causalverhältniss.

Словомъ—та сторона видимыхъ нами предметовъ, которая простирается въ четвертое, недоступное для нашего представленія измѣреніе,—она то и есть Ding an sich Канта.

Это грубѣйшее смѣшеніе физики и метафизики, или лучше превращеніе метафизики въ физику очень меня насмѣшило. Тобіасъ совершенно правъ и хорошо доказываетъ, что современные философствующіе натуралисты, Гельмгольцъ, Целльнеръ, Дюбуа-Реймонъ и другіе—ничего не понимаютъ въ философіи.

Но чувствую, что съ завтрашняго дня привалитъ много работы и по Ученому Комитету, и по Библіотекѣ—придется отложить все до Страстной. А тутъ дернуло меня еще по старой привычкѣ приняться писать разборъ Нови; и хочется написать, и пропалъ у меня весь писательскій задоръ—такъ что я уже пугаюсь—не все ли кончено [1])?

Мнѣ все кажется, что я, вообще говоря, здоровѣю, и вмѣстѣ теряю ту возбужденность, которая такъ много значила въ моемъ писаніи.

Но—будетъ Вамъ наскучать всѣми своими печалями! Отъ всей души желаю, чтобы то великолѣпное вдохновеніе, подъ которымъ писалась послѣдняя часть Карениной, не покидало Васъ.

Вспоминайте иногда

Вашего неизмѣннаго

Н. Страхова.

1-го марта, 1877 г., Спб.

45. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

10-го марта 1877 г. Петербургъ.

Спѣшу отвѣчать, [2]) безцѣнный Левъ Николаевичь, на дѣловой

---

[1]) Разбора „Нови“ Страховъ такъ и не написалъ.

[2]) Страховъ отвѣчаетъ на письмо Толстого отъ 6-го марта 1877 г., напечатанное въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 168): „Николай Александровичъ Соколовъ“, писалъ Толстой: „кончившій курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ и имѣвшій частную гимназію въ Петербургѣ, теперь поступилъ въ Тульскую семинарію профессоромъ физики и математики и предлагаетъ себя въ директоры моей предполагаемой семинаріи. Что онъ за человѣкъ? какъ характеръ. Если его знаютъ ваши знакомые, то разузнайте, пожалуйста, и напишите мнѣ“. Толстой собирался тогда устроить народную учительскую семинарію.

Вашъ вопросъ. По справкамъ — Соколовъ человѣкъ очень неблагонадежный. Я самъ его помню и помню безчисленныя исторіи, которыя про него разсказывали. Онъ очень предпріимчивъ и боекъ, но безпрестанно обрывался вслѣдствіе недобросовѣстности. Всѣ отзываются о немъ дурно. Очень буду радъ, если успѣю предостеречь Васъ, да впрочемъ видно Вы и безъ того почему-то недовѣряете.

Пишите, пишите, несравненный Левъ Николаевичъ; лучше ничѣмъ Вы не могли меня обрадовать, а ушибъ головы, этой драгоцѣнной головы я охотно принялъ бы на себя, и въ десятокъ разъ больше. Когда подумаю о томъ, что вышло изъ Анны Карениной, то не могу надивиться. Да это великое произведеніе, романъ во вкусѣ Диккенса и Бальзака, далеко превосходящій всѣ ихъ романы. Ту часть, которая въ февралѣ [1]), я уже прочиталъ, и она меня защемила невыразимо. Она поразила и всѣхъ тѣхъ, которые жалуются на пустоту сюжета—чувствуютъ (напр., Стасовъ), что близится трагедія, неотвратимая, роковая. Я расхохотался и расплакался съ первыхъ страницъ,—когда Долли мечтаетъ о возможности измѣнить мужу. Какой нѣжный юморъ! Такъ можно писать только о людяхъ, которыхъ любишь самою чистою и свѣтлою любовью, о родныхъ, о сестрѣ, о матери. Жизнь и бытъ у Вронскаго освѣщены электрическимъ свѣтомъ (при помощи Долли, разумѣется), такъ что становится холодно и жутко. При этомъ страсть во всей ея силѣ, съ ея всепобѣждающими радостями и съ той бездной, которая подъ ними... Боже мой! Да отчего же этого никто и никогда еще не писалъ? Вѣдь все это правда, и самая простая, вѣчная правда.

Но нашлись и мудрецы, которые все винятъ Васъ въ безнравственности. Срезневскій [2]), свѣтило учености здѣшняго университета, съ негодованіемъ сказалъ, что единственное чистое лицо въ Вашемъ романѣ—Долли, но что теперь Вы и ее замарали грязью.

Простите, что оборву письмо—тороплюсь посылать. Еще я Вамъ долженъ послать:

1) Деньги.
2) Фельетоны Голоса.
3) Индійскія сказки И. П. Минаева [3])

---

[1]) Т. е., въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“.

[2]) Академикъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (см. выше, письмо № 13\.

[3]) Иванъ Павловичъ Минаевъ, профессоръ Петербургскаго Университета; „Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ“, были изданы имъ въ 1877 г. въ „Запискахъ Историко-Филологическаго Факультета Имп. С.-Петербургскаго Университета“.

И много еще слѣдуетъ писать. Прощайте! Да хранитъ Васъ Богъ!

Всей душою Вашъ
Н. Страховъ.

1877 СПБ. 10 Марта

PS. Вл. Соловьевъ здѣсь [1]); его сдѣлали членомъ Ученаго Комитета [2]); появилась первая глава его Начала цѣльнаго знанія [3]); я его не вижу—сержусь и осуждаю.

46. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

16-го марта 1877 г. [Петербургъ].

Посылаю Вамъ деньги, безцѣнный Левъ Николаевичь, по слѣдующему счету

Отъ бывшаго Надѣина	10 р. —
Отъ Мамонтова	25 р. 61 к.
Отъ коммисс. Николаева .	43 р. 17 к.
Итого	78 р. 78 к.

Я вычелъ отсюда 1 р. 78 к., такъ какъ въ прошлый разъ прислалъ Вамъ для круглоты счета лишнее.

Книжки отъ II-й до VIII включительно выбраны почти дочиста и у меня, и въ магазинахъ. На досугѣ подумайте, какъ сдѣлать новое изданіе [4]).

Я читалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (Мартъ) статью Вл. Соловьева Философскія начала цѣльнаго знанія. Вступленіе. [5])—и признаюсь остался очень недоволенъ; съ авторомъ видѣлся всего разъ, вчера,—и имъ остался недоволенъ. Дурная полоса нашла на меня.

Посылаю Вамъ стихотвореніе, которое посвятилъ мнѣ Полон-

---

[1]) Сорокъ писемъ Владиміра Сергѣевича Соловьева къ Страхову за 1877-1890 гг. напечатаны въ сборникахъ „Писемъ В. С. Соловьева", подъ ред. Э. Л. Радлова, т. I, С.-пб. 1908, стр. 1-60.

[2]) Соловьевъ былъ назначенъ Членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (гдѣ служилъ и Страховъ) 4-го марта 1877 г.

[3]) Статьи Соловьева: „Философскія начала цѣльнаго знанія" печатались въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1877 г., мартъ, апрѣль, іюнь, октябрь, и ноябрь.

[4]) Рѣчь идетъ объ „Азбукѣ" Толстого въ 12 книгахъ, вышедшей въ 1874 г.; въ 1877 г. въ Москвѣ были переизданы 2-мъ изданіемъ книги III, V, VII и IX (славянскія книги для чтенія).

[5]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

скій [1]); оно напечатано въ Нивѣ [2]) и вѣроятно не попадетъ Вамъ на глаза, а мнѣ очень нравится. Какъ Вы находите? Полонскому скоро 60 лѣтъ, и когда онъ писалъ это, онъ былъ боленъ скарлатиной и дефтеритомъ. Но ему свойственны минуты совершенно младенческой ясности духа.

Но онъ не умѣетъ трудиться; онъ теперь пишетъ множество и стихами, и прозой,—и все плохо, хотя на всемъ—слѣды его милаго таланта. Я вспоминаю Вашъ трудъ, тотъ трудъ, о размѣрахъ котораго не могутъ и понятія имѣть петербургскіе писатели. Меня беретъ ужасная досада, когда они, даже разсыпаясь въ похвалахъ, приписываютъ Вамъ—безсвязность, капризность, эпизодичность и другія подобныя легкія свойства. Вѣтренность и легковѣсность этихъ солидныхъ цѣнителей выступаетъ при этомъ для меня съ ужасною силою. Кстати—Вамъ досталось за выборы [3]); какъ они чутки и обидчивы—удивительно!

Вѣчная ткань.

Ткань природы міровая—
Риза Божья, можетъ быть.
Въ этой ризѣ я —живая,
Я—непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется
И ужъ если оборвется,
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы:
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать.
Нити рвутся безпрестанно—
Скоро, скоро мой чередъ!—
Ткачъ же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ,
И выводитъ онъ узоры,
Голубыя волны, горы,
Рѣки, пажити, лѣса,
Облака и небеса.

---

[1]) Яковъ Петровичъ, извѣстный поэтъ.

[2]) Стихотвореніе „Вѣчная ткань“ напечатано было, съ рисункомъ Шарлери, въ № 10 „Нивы“, на стр. 151.

[3]) Т. е. за описаніе дворянскихъ выборовъ въ „Аннѣ Карениной“.

И мудрецъ куда ни взглянетъ,—
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ;
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Простите меня сегодня; я не въ духѣ, вѣроятно, по нездоровью.

Наступаетъ свободное время—двѣ недѣли и два дня; мнѣ страшно: долженъ бы дѣлать ту важную работу, которая у меня на душѣ, а чувствую, что ничего не сдѣлаю; все еще незрѣло, неясно, не просится наружу.

Будетъ однако ныть; будьте здоровы,—пусть Вамъ бодро живется и пишется—и я буду радоваться.

Вашъ неизмѣнно преданный
и любящій
Н. Страховъ.

1877 г. 16 Марта.

47. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

4-го и 5-го апрѣля 1877 г. [Петербургъ].

4 апр. Только вчера прочиталъ мартовскую Анну Каренину, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и опять не только съ обыкновенной жадностью, со слезами и со вскакиваніями съ мѣста, но и съ какимъ-то новымъ впечатлѣніемъ. Роды—я ихъ ждалъ и предчувствовалъ—такая же картина, какъ ночь передъ предложеніемъ, свадьба, смерть Николая, одна изъ тѣхъ простыхъ и безсмертныхъ вещей, послѣ которыхъ невольно спрашиваешь себя, какъ же этого никто до сихъ поръ не написалъ? Вѣроятно такъ удивляли читателей новыя главы Евгенія Онѣгина, въ которыхъ читатели находили не то, что привыкли находить въ стихахъ, а величайшую новость—свою собственную жизнь, Москву, деревню, зиму и т. п. И кажется, что Вы не только берете новые сюжеты, но и исчерпываете ихъ. Каждый романистъ долженъ подумать: какъ же это я упустилъ такой интересный предметъ, какъ роды? и въ то же время почувствовать, что послѣ Васъ уже нельзя браться за описаніе родовъ.

Но чего я не предчувствовалъ и что мнѣ показалось еще болѣе новымъ—это пьяный Левинъ. Что за невообразимая тонкость! Я напился вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ отрезвѣлъ, и потомъ на улицѣ и въ гостяхъ меня все схватывалъ хохотъ при воспоминаніи.

Что же это такое? наконецъ, сталъ думать я. Вѣдь это не только смѣшно, но и страшно, и жалко.

Яркое освѣщеніе предметовъ начинаетъ мелькать въ моихъ гла-

захъ быстро и странно измѣняясь; прекрасное и милое вдругъ кажется отвратительнымъ, смѣшное, нелѣпое вдругъ кажется трогательнымъ и ужаснымъ. И чувствуешь, какъ будто вотъ-вотъ обнаружится глубочайшая тайна жизни, какая-то догадка, отъ которой все это зависитъ.

Вотъ Вы видите, дорогой Левъ Николаевичъ, какъ я медленно соображаю. Только съ выхода двухъ послѣднихъ частей я началъ понимать, что Вы пишете великое произведеніе, которое дастъ Вамъ новую славу и останется однимъ изъ памятниковъ нашей литературы. Для меня это новый предметъ восторга и изученія, Вы и Ваши романы—давно уже лучшая доля моей жизни.

Простите меня, что не такъ часто и не такъ много пишу, какъ хотѣлъ бы. У меня набирается много предметовъ, о которыхъ я все готовлюсь говорить съ Вами,—напр. актеръ Росси [1]), картина Семирадскаго [2]), здѣшніе толки объ Васъ, Владиміръ Соловьевъ и первыя главы его сочиненія [3]). Но когда же все это сдѣлать? На праздникахъ, удерживаясь сколько могъ, я все-таки завертѣлся какъ Вашъ Левинъ. Работу свою я вовсе оставилъ пока и даже простываю къ ней. Вы, Левъ Николаевичъ, не только геніально пишете, но и геніально живете.

Вчера, т. е. 4-го, приходилъ ко мнѣ Вл. Соловьевъ, и, кажется, мы заведемъ съ нимъ дружбу. Бѣда была въ томъ, что тутъ до послѣдняго времени жила графиня Толстая, вдова Алексѣя Толстого [4]). Она, да еще другая дама, ея пріятельница,—большія охотницы до философіи, много читаютъ и даже ходили для этого въ Публичную Библіотеку. И вотъ Соловьевъ безвыходно сидѣлъ у этой Толстой, а съ нимъ еще и другой молодой философъ, князь Цертелевъ [5]), пріятель Соловьева, москвичъ, красивый юноша. Эта компанія очень возбудила мое любопытство. Графиня, съ которой я познакомился еще во Флоренціи, встрѣтившись со мной въ Библіотекѣ, звала меня къ себѣ, но посѣщеніе какъ-то не устроилось, а теперь она уѣхала въ деревню, въ Черниговскую губернію [6]). Графиня очень учена, даже знаетъ по-санскритски нѣсколько; ее училъ де-Губерна-

---

[1]) Знаменитый итальянскій трагикъ, пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ, Эрнесто Росси (ум. 1896).

[2]) Тогда была выставлена картина Генриха Ипполитовича Семирадскаго (род. 1843, ум. 1902).

[3]) См. предыдущія 2 письма.

[4]) Графиня Софья Андреевна Толстая, рожд. Бахметева, въ первомъ бракѣ бывшая за Л. Ѳ. Миллеръ, вдова поэта графа Алексѣя Константиновича Толстого. Соловьевъ неоднократно гостилъ въ ея имѣніи „Пустынькѣ“ подъ Петербургомъ (см. сборникъ „Писемъ В. С. Соловьева“, подъ ред. Э. Л. Радлова).

[5]) Князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (род. 1852), поэтъ.

[6]) Въ извѣстный „Золотой Рогъ“—имѣніе графа А. К. Толстого.

тисъ, флорентійскій профессоръ, женатый на русской [1]). На женскую ученость я смотрю, какъ Вы; но тутъ все имѣетъ такіе большіе размѣры, что если это одна фальшь,—то грустное и странное явленіе. Графиня не похожа на Вашу Лидію Ивановну (лицо, надъ которымъ я не могу нахохотаться); она очень проста и мила; умъ ей приписываютъ необыкновенный.

Пока, прощайте! Лучше напишу Вамъ еще разъ, а теперь тороплюсь. Война, война!—вотъ о чемъ у насъ теперь говорятъ съ утра до ночи. Все рѣшено; Государь уѣзжаетъ въ четвергъ въ Кишиневъ, а 17 будетъ назадъ. Манифеста ждутъ на дняхъ [2]).

Всей душою желаю Вамъ сохраненія той бодрости, ясности, силы, которая такъ и дышетъ въ Аннѣ Карениной.

Любящій Васъ и преклоняющійся передъ Вами

Н. Страховъ.

1877, 5 Апр.

48. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

21-го апрѣля 1877 г. Петербургъ.

Я долженъ отдать Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, отчетъ о своихъ занятіяхъ. Ваше письмо [3]) о моей мысли очень меня обрадовало, а потомъ опечалило, когда я подумалъ, какъ дѣло далеко до конца. Но, припоминая и обозрѣвая свою зиму, я началъ понемногу утѣшаться. Прочитано очень много, и хоть я все хватаюсь за нечитанныя еще книги, но чувствую, что предварительныя приготовленія кончены. Недавно я перечиталъ Критику Чистаго Разума, и вообще уже начинаю повтореніе и перечитываніе. Мистеръ Ферріэръ, который мнѣ такъ понравился у Васъ, самъ явился въ библіотеку, въ видѣ трехъ небольшихъ красивыхъ томовъ. Я съ жадностію схватился за него, но нашелъ, что Revue philosophique почти исчерпалъ его въ своей мастерской статьѣ. Теперь остается одно—пополнить свои математическія свѣдѣнія, чтобы овладѣть нѣкоторыми пунктами воображаемой геометріи, а тамъ можно приняться и за работу. Такъ какъ я всю зиму готовился, то у меня странное чувство—все кажется, что я недавно пріѣхалъ; я еще не насидѣлся въ Петербургѣ.

---

[1]) Авторъ извѣстнаго словаря писателей (на итальянскомъ языкѣ), оріенталистъ, поэтъ и историкъ литературы Анжело де Губернатисъ (род. 1840, ум. 1913), профессоръ Римскаго университета; онъ былъ женатъ на Софьѣ Павловнѣ Безобразовой (сестрѣ академика В. П. Безобразова).

[2]) Манифестъ о войнѣ съ Турціей вышелъ 13-го апрѣля.

[3]) Оно неизвѣстно.

Н. Я. Данилевскій уѣхалъ и оставилъ по себѣ очень милое, но и досадное впечатлѣніе. Я Вамъ писалъ о нашихъ бесѣдахъ; каждую недѣлю мы шесть часовъ сряду съ глазу на глазъ толковали о философіи, и онъ уѣхалъ, купивши себѣ философскую книжку (Фихте младшаго Теизмъ) и собираясь читать мой переводъ Куно Фишера [1]). Тутъ я могъ вполнѣ измѣрить и умственныя силы и степень серьезности своего пріятеля, и признаюсь очень разочаровался. Не мало значитъ, конечно, десять или пятнадцать лѣтъ, проведенные въ занятіяхъ однимъ садоводствомъ. Очевидно, его самолюбіе было затронуто тѣмъ, что оказалась область мысли, ему недоступная; но онъ самымъ ребяческимъ образомъ упирается и собрался читать философовъ, чтобы убѣдиться, что философія пустяки. При этомъ онъ милъ, какъ дитя, но и настолько же серьезенъ. Такіе опыты научили меня новому взгляду; сюда я присоединяю спиритизмъ, нигилизмъ, Тургенева съ его Новью [2]), Мещерскаго съ Гражданиномъ, Достоевскаго съ Дневникомъ, наконецъ Вл. Соловьева. Я убѣждаюсь все больше и больше, что умственное развитіе не имѣетъ никакого логическаго хода, что оно управляется какими-то таинственными, или скорѣе очень грубыми и явными причинами—только не развитіемъ идей. Тургеневъ въ моихъ глазахъ сократился до ужасной малости. Да у него мысль не можетъ вырости на полстраницы; всѣ его соображенія и всѣ лица, которыя онъ рисуетъ, чуть-чуть схвачены, безъ глубины и цѣлости. Тутъ нашлось, однако, довольно поклонниковъ Нови, которые нашли въ ней величайшую художественность — какое множество слѣпыхъ людей, выдающихъ себя за зрячихъ и—что всего нелѣпѣе— вполнѣ увѣренныхъ, что они видятъ въ дѣйствительности то, что сами выдумали! Толки объ Аннѣ Карениной также даютъ мнѣ не мало пищи и радости. Нападенія ужасно яры, особенно потому, что нападающіе сами не понимаютъ, что̀ ихъ раздражаетъ, а только чувствуютъ, что что-то ихъ хлещетъ и обижаетъ. Большинство читаетъ съ удовольствіемъ и признаетъ въ Васъ большой талантъ. Но безпрестанно попадаются настоящіе читатели, которые себя не помнятъ отъ восторга и только охаютъ. Одна старая дѣва, Коптева, бывшая красавица и нигилистка, начитаннѣйшая и передовѣйшая, говорила мнѣ, что это первый романъ въ свѣтѣ—что, конечно, справедливо. Ник. В. Гербель (имѣете ли объ немъ понятіе?) говорилъ: «А Анна

---

[1]) Н. Н. Страховъ перевелъ „Исторію новой философіи“ К. Фишера, а также его монографію „Реальная философія и ея вѣкъ—Францискъ Бакопъ Веруламскій“.

[2]) „Новь“ Тургенева напечатана была въ № 1 и 2 „Вѣстника Европы“ за 1877 г.

Каренина—блаженство! [1]) Я плачу—я обыкновенно никогда не плачу; но тутъ не могу выдержать!» Гербель тоже водится только съ передовыми и сильно заражент ихъ предразсудками. Достоевскій, Порѣцкій, Ал. Ал. Майкова [2]), О. Ковалевская, и пр. и пр.—каждый разъ обращаются ко мнѣ съ восторгами, имѣющими настоящій тонъ.

Очень мнѣ понравилось, что вы сожгли фельетонъ Маркова [3]) и другого, неизвѣстнаго мнѣ фельетониста—IV. (такъ онъ подписывается) [4]). Не такъ дѣлаютъ Тургеневъ, Достоевскій, Стасовъ, которые читаютъ каждую строчку, къ нимъ относящуюся, и даже вступаются за себя—недавно Тургеневъ защищался противъ упрека въ неправильности языка [5])

Война всѣхъ оживила [6]). Я давно былъ увѣренъ, что она будетъ, но не меньше другихъ радовался. Возбужденіе величайшее. Въ Петербургѣ, какъ Вы знаете, мало патріотизма и воинственности; но меня удивили разные слухи и разсужденія, изъ которыхъ видно, что во флотѣ и въ арміи питаются очень широкіе планы и смѣлыя надежды. Неизбѣжно должно обнаружиться состояніе всѣхъ вѣдомствъ, и пойти перетасовка. Я увѣренъ, что выдвинутся талантливые и энергическіе люди.

Съ Вл. Соловьевымъ мы видаемся, чуть не каждый день, въ Библіотекѣ, и я надѣюсь, что мы очень сойдемся. Онъ, дѣйстви-

---

[1]) Н. В. Гербель (род. 1827, ум. 1883), поэтъ, переводчикъ, издатель сочиненій Байрона, Гете, Шиллера и Шекспира въ переводахъ русскихъ писателей, а также сборника „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ и другихъ историко-литературныхъ изданій.

[2])Александра Алексѣевна Майкова, рожд. Трескина, нынѣ вдова академика и Вице-Президента Академіи Наукъ Леонида Николаевича Майкова.

[3]) Фельетоны Евгенія Львовича Маркова (род. 1844, ум. 1903) въ „Голосѣ“ 1877 г. (№ 26, 28, 33, 40, 45): „Критическія бесѣды. Вопросы искусства. Тургеневъ и Толстой въ основныхъ мотивахъ своего творчества“.

[4]) Фельетонистъ IV. въ 1877 г. писалъ о Толстомъ и „Аннѣ Карениной“ въ „Русскомъ Мірѣ“ и „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

[5]) Страховъ имѣетъ въ виду письмо Тургенева (изъ Парижа, отъ 11—23 апрѣля 1877 г.) къ редактору газеты „Нашъ Вѣкъ“, помѣщенное въ этой газетѣ въ № 48, отъ 19-го апрѣля 1877 г.; въ этомъ письмѣ Тургеневъ возражаетъ на замѣчанія Тора (В. П. Буренина) въ „Новомъ Времени“, указывавшаго на ошибки Тургенева противъ русскаго языка въ переводѣ легенды Флобера: „Св. Юліанъ Милостивый“. „Хотя г. Торъ“, пишетъ Тургеневъ: „конечно, въ видахъ иронiи, и величаетъ меня авторитетомъ, но я имъ себя не признаю и охотно готовъ склониться передъ настоящими авторитетами, знатоками языка, если имъ угодно будетъ доказать мнѣ мою ошибку; причислить же къ нимъ г. Тора я, при всей доброй волѣ, не могу“.

[6]) Война съ Турціей была объявлена 13-го апрѣля 1877 г.

тельно, хорошій, какъ Вы пишете, но я такъ медленно понимаю людей!

Цѣлую недѣлю меня мучатъ коммиссіями и засѣданіями. Я къ Вамъ пишу урывками въ Библіотекѣ. Простите

Всей душою Вамъ преданнаго

Н. Страхова.

1877 г., 21 апр., Спб.

49. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

7 Мая 1877 г. Спб.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ по случаю проклятой петербургской погоды голова у меня не свѣжа, безцѣнный Левъ Николаевичь, и я запоздалъ письмомъ—Анну Каренину я прочиталъ еще третьяго дни. Петербургская половина была для меня новостью—и очень поразила. Какъ смѣшно и какъ ужасно! Облонскій—представитель раціонализма, а Каренинъ съ Лидіей Ивановной—мистики! Это удивительно и хватаетъ за сердце; такая бездна лжи, такая мелкость умовъ и сердецъ. Сегодня я вспомнилъ про графиню Зубову,—знаете ли Вы этотъ недавній анекдотъ? Домъ Зубовыхъ—неслыханнаго и поразительнаго великолѣпія стоитъ на площади противъ Исакіевскаго Собора..... Мужъ, не дождавшійся возвращенія жены, бросился къ оберъ-полицеймейстеру рано утромъ—и тамъ дѣло объяснилось.

Это я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Но если послушать менѣе достовѣрныхъ, напр., Вл. Ив. Ламанскаго [1]), то подобныя и худшія исторіи безпрерывны. Онъ говоритъ: «Развѣ Каренинъ похожъ на Валуева [2])? Валуевъ не такъ сдѣлалъ; онъ продалъ ..... и старый Вяземскій не хотѣлъ за это знать его».

Но только прочитавши Васъ, можно понять, что это за міръ; Вы не разказываете никакихъ ужасовъ, а все невинныя и даже смѣшныя вещи, но конечно обличаете больше, чѣмъ Тургеневъ, Некрасовъ и Салтыковъ, напрягающіеся для этого изъ всѣхъ силъ. А Некрасовъ умираетъ [3]),—Вы знаете? Меня это очень волнуетъ.

---

[1]) Академикъ нынѣ здравствующій.

[2]) Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ (род. 1815, ум. 1890) бывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ и Государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта; въ 1-мъ бракѣ онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Вяземской (ум. 1847), дочери извѣстнаго поэта и писателя князя Петра Андреевича Вяземскаго (род. 1792, ум. 1878).

[3]) Н. А. Некрасовъ умеръ 27-го декабря 1877 г. См. ниже отзывъ о Некрасовѣ Толстого.

Когда онъ звалъ къ себѣ обѣдать, я не пошелъ; но на похороны пойду. Его стихи стали для меня иначе звучать—какая сила, погибшая отъ невѣжества и дурныхъ страстей!

Вторая половина разсказа—Московская—навела на меня недоумѣніе. Вы развили съ невѣроятною простотою и ясностію—отношенія Анны и Вронскаго. До такого реализма далеко Флоберу (я его немножко перечитываю), Золя и подобнымъ. Напр., отставленный мизинецъ, возбуждающій ненависть во Вронскомъ, и Анна, понимающая его чувство.—

Но Вы у меня отняли то умиленіе, которое я испыталъ три года тому назадъ въ Вашемъ кабинетѣ и котораго я ждалъ теперь. Вы безжалостны; Вы не простили Анны въ самую минуту ея смерти; ея ожесточеніе и злоба растутъ до послѣдняго мгновенія, и Вы вычеркнули, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыя мѣста, выражающія смягченіе души и жалость къ самой себѣ. Такимъ образомъ я не расплакался, а очень тяжко задумался. Да, это вѣрнѣе, чѣмъ то, что мнѣ представлялось. Это очень вѣрно,—и тѣмъ ужаснѣе.

Ея размышленія и впечатлѣнія такъ просты и такъ поразительны! Кто же правъ? спрашиваешь себя. Она ли, увидавшая наконецъ смыслъ жизни, или этотъ крестящійся купецъ и этотъ молодой шелопай, заглядывающій ей подъ шляпку? Но въ ея душѣ такъ ужасно, такой адъ, что выходитъ, будто эта грубая, глупая, легкомысленная жизнь права́, правѣе ея отчаянія.

О выходѣ каждой части Карениной въ газетахъ извѣщаютъ также поспѣшно и толкуютъ также усердно, какъ о новой битвѣ или новомъ изрѣченіи Бисмарка. И такъ же врутъ. Такъ я уже читалъ вчера, что Каренина рѣшается на самоубійство, у б ѣ д и в ш и с ь, ч т о В р о н с к і й л ю б и т ъ д р у г у ю. Вы видите, они иначе не могутъ понять да и то вѣроятно, по преданію, по французскимъ романамъ, а не по чувству своего собственнаго сердца.

Что же касается до моихъ похвалъ, то я думаю онѣ Васъ веселятъ только потому, что искренни, что я не пишу того, чего не думаю. И я очень стараюсь объ этомъ; меня восхищаетъ, что Вы даете такую цѣну моимъ словамъ, но я знаю, что это пріобрѣтается только правдою. Вы намекаете, что я пишу правду, но н е в с ю п р а в д у. На это скажу вотъ что. Я пишу Вамъ самое ясное, что у меня есть въ душѣ. Я никакъ не успѣваю объективировать Васъ, какъ писателя. Съ большимъ любопытствомъ я слушаю, если на Васъ нападаютъ; даже иногда забываю возражать. Но толку не выходитъ. Напримѣръ, Васъ упрекаютъ въ с у б ъ е к т и в н о с т и, въ а р и с т о к р а т и з м ѣ, въ дурномъ я з ы к ѣ,—все это вздоръ очевиднѣйшій. Вас. Вас. Григорьевъ, начальникъ печати [1])

[1]) Т. е. Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

и большая умница, сердится на мелкость Вашихъ лицъ, то есть сердится на то, что Вы заставляете его имъ сочувствовать противъ его желанія,—словомъ за Ваше пристрастіе къ смирному типу. Это самое умное, что я слышалъ; но вѣдь это тотъ самый вопросъ, рѣшеніе котораго въ Вашихъ рукахъ. Затѣмъ—есть неровности въ отдѣлкѣ и въ обрисовкѣ лицъ, но что же онѣ значатъ въ цѣломъ романѣ?

Я знаю одно: совершилось великое событіе въ Р. Литературѣ, явилось новое великое произведеніе; дайте мнѣ годъ, два—я можетъ быть разсмотрю частныя черты этого явленія.

Всю прошлую недѣлю я чувствовалъ себя очень бодро и усердно занимался своимъ вопросомъ; по временамъ такъ разгараюсь, что хочется остаться въ Петербургѣ на лѣто и работать. А что Вы скажете о войнѣ? Нѣкоторые пункты мнѣ уяснились, и я готовъ радоваться этому страшному дѣлу. Но теперь минута недоумѣнія, и мы здѣсь въ большой неизвѣстности и въ ожиданіи.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

50. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

18-го мая 1877 г. [Петербургъ].

Все поджидаю отъ Васъ письма, безцѣнный Левъ Николаевичь. Вы меня избаловали въ эту зиму, и Ваши письма составляли настоящую и лучшую мою радость. На Свѣтлый Праздникъ я прежде всего заглянулъ въ Библіотеку, нашелъ Ваше письмо [1]) и праздникъ сталъ дѣйствительно праздникомъ. Я давно собирался благодарить Васъ за все это.

А теперь я жду отъ Васъ двухъ вещей. 1) Что Вы скажете на мое послѣднее письмо [2]); 2) что скажете насчетъ лѣта. Послѣдняя часть Анны Карениной произвела особенно сильное впечатлѣніе, настоящій взрывъ. Достоевскій машетъ руками и называетъ Васъ богомъ искусства. Это меня удивило и порадовало—онъ такъ упрямо возставленъ противъ Васъ. Стасовъ написалъ подъ псевдонимомъ статью въ Новомъ Времени, въ которой провозглашаетъ Васъ великимъ писателемъ, наравнѣ съ Гоголемъ и Шекспиромъ, и

---

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) Около этого времени Толстой писалъ графинѣ А. А. Толстой: Какъ мало занимало меня сербское сумашествіе и какъ я былъ равнодушенъ къ нему, такъ много занимаетъ меня теперь настоящая война и сильно трогаетъ меня“ („Толстовскій Музей“, т. I, стр. 283).

пророчитъ Вамъ вѣчную славу. Ник. Петр. Семеновъ [1]) очень добродушно сказалъ, что послѣ этого Вамъ слѣдуетъ приняться за драму, что Вы къ ней совершенно способны. Зная Ваши мысли, я очень посмѣялся такому предложенію перейти къ высшему роду искусства.

Выходитъ, что другіе хвалятъ Васъ не меньше моего. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду послѣдней части, той, которой я уже совершенно не знаю, даже и по наброскамъ. Я увѣренъ, что Вы поднялись тамъ до Вашей полной высоты, да сверхъ того меня мучитъ любопытство.

Съ Вл. Соловьевымъ я наконецъ подружился и надѣюсь, что прочно. Онъ очень милъ, и кажется я ему понравился. Онъ задумалъ теперь ѣхать на лѣто корреспондентомъ въ нашу армію на Кавказъ. Онъ списался съ Катковымъ, и тотъ его отправитъ на счетъ редакціи. Завидно, право! А я располагаю числа 10 Іюня уѣхать въ Рязанскую губернію къ Н. П. Семенову; оттуда пріѣду къ Вамъ, когда назначите, когда найдете удобнѣе. Въ Оптину пустынь также поѣду съ удовольствіемъ, если Вы поѣдете [2]). Но она перестала меня притягивать съ нѣкотораго времени; я пробовалъ читать тѣ книги, которыя тамъ въ славѣ—и разочаровался.

Многое хотѣлось бы переговорить съ Вами, если бы разговоръ только удался такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы. Мнѣ все кажется, что силы мои становятся крѣпче, и что я со временемъ буду гораздо больше стоить Вашего расположенія, чѣмъ теперь.

Вашъ неизмѣнный и искренній

Н. Страховъ.

1877 18 Мая

51. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

26-го мая 1877 г. Петербургъ.

Самый прямой выходъ такой: печатать конецъ безъ цензуры [3]);

---

[1]) Извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ и его историкъ, съ 1868 г. сенаторъ, умершій въ 1905 году.

[2]) Поѣздка (первая) Л. Н. Толстого въ Оптину пустынь ссстоялась лѣтомъ 1877 г.; о ней см. въ книгѣ П. И. Бирюкова о Толстомъ т. I, стр. 260—261, а также въ письмѣ Толстого къ графинѣ А. А. Толстой отъ февраля 1877 г. (Толстовскій Музей, т. I, стр. 279).

[3]) Страховъ отвѣчаетъ на письмо Толстого отъ 22-го мая (напечатано уеП. И.Бирюкова, т. II, стр. 208—209; перепечатано у П. А. Сергѣенко, т. II, стр. 51—52), въ которомъ Толстой спрашивалъ у Страхова совѣта, какъ лучше поступить съ напечатаніемъ окончанія „Анны Карениной“ послѣ того, какъ Толстой рѣшилъ не печатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ окончанія своего романа изъ-за просьбъ Каткова внести нѣкоторыя измѣненія въ послѣднюю часть сочиненія.

для этого нужно, чтобы книжка содержала въ себѣ 10 печатныхъ листовъ, то есть 160 страницъ. Для величины страницъ опредѣленъ minimum, очень льготный, на страницѣ должно помѣщаться около 1400 буквъ, т. е. она должна составлять $^2/_3$ страницы Русск. В., на которой помѣщается 2100 и больше. Въ каждой типографіи minimum этотъ извѣстенъ очень хорошо. И такъ, если Вы велите набрать въ этомъ форматѣ Вашъ конецъ, и, если нужно, спереди прихватите часть того, что уже напечатано, то можете выпустить Вашу книжку безъ цензуры. Пустите ее по рублю—и пойдетъ отлично. Если Вамъ угодно, я пріѣду въ Москву, или тутъ напечатаю мигомъ.

Мнѣ только что сію минуту пришла эта мысль, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и я самъ ей ужасно обрадовался—вчера получилъ Ваше письмо и вотъ до сихъ поръ не могъ догадаться, какъ это сдѣлать. Съ журналами связываться—гораздо дольше и не стоитъ мараться [1]).

И такъ все въ Вашемъ распоряженіи. Дѣло меня очень интересуетъ, и я надѣюсь, что какъ бы оно ни кончилось, Вы мнѣ дадите прочесть то, что будетъ выпущено. Каждая строчка Ваша для меня поучительна, потому что всѣ Ваши строчки проникнуты тѣмъ же духомъ, и я умѣю видѣть эту связь, ту связь, которую часто отвергаютъ съ такимъ задоромъ и легкомысліемъ.

Вы опять пишете, что у Васъ есть важный вопросъ. Мнѣ такъ живо представилось, что среди цѣлаго недумающаго царства Вы одни думаете, что Ваша одна голова работаетъ; всѣ другіе твердятъ старое или просто спятъ. Въ томъ числѣ и я; только я имѣю благоразуміе не принимать на себя вида дѣятельности и не пускаться въ краснорѣчіе, когда нечего сказать.

Очень хочется поговорить съ Вами; можетъ быть съ 1-го числа я буду свободенъ; не лучше ли мнѣ тогда прямо двинуться къ Вамъ?

Тутъ затѣвается новый журналъ и я далъ почти клятвенное обѣщаніе участвовать.

Вл. Соловьевъ уѣхалъ въ Москву, и теперь можетъ быть уже на Кавказѣ. Мы простились съ нимъ очень хорошо. А знаете-ли Вы начало его сочиненія, вышедшее въ Журналѣ Министерства Н. Пр.? [2]) Если нѣтъ, то я привезу его къ Вамъ; дѣло стоитъ

---

[1]) Толстой послѣдовалъ совѣту Страхова и выпустилъ 8-ю часть „Анны Карениной“ отдѣльно, напечатавъ ее въ типографіи Риса въ Москвѣ, въ томъ же 1877 г. Книга заняла 127 страницъ.

[2]) „Философскія начала цѣльнаго знанія“ появились въ мартовской, апрѣльской, іюньской, октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

вниманія, и я увѣренъ, что Вы будете заинтересованы. Его главныхъ мыслей я впрочемъ не знаю; онъ ихъ скрываетъ отъ меня, надѣясь, разумѣется, лучше выразить и отстоять на бумагѣ.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

1877 г., 26 Мая, Спб.

52. Проектъ письма Толстого по поводу замѣтки Каткова объ окончаніи «Анны Карениной» [1].

[Іюнь—іюль, 1877 г.].

М. Г.

Въ *[дальнемъ уголку]* Майской книжкѣ Русскаго Вѣстника *совершенно незамѣтно въ видѣ выноски* [есть] *[я прочелъ] находится* [маленькая] замѣтка, [скромно скрывающаяся въ странномъ мѣстѣ] [дальнемъ уголку] *относительно непоявленія въ этой книжкѣ ром. А. К.* [какъ будто] [скромно, какъ фіалка, прячущаяся отъ глазъ читателя] *[Но замѣтка такъ замѣчательна]* [Понятно, что я отыскалъ ее, но она блистаетъ такими достоинствами] [я готовъ сравнить ее съ душистою фіалкою, скрывающеюся] [что я желалъ бы] [рѣшаюсь обратить на нее общее вниманіе. Вотъ она]

---

[1]) Этотъ черновикъ, сохранившійся среди писемъ Страхова къ Толстому, писанъ весь рукою Страхова; Толстой проредактировалъ его и внесъ различныя измѣненія въ текстъ Страхова; всѣ поправки и передѣлки Толстого набраны здѣсь курсивомъ, а зачеркнутыя имъ или Страховымъ слова поставлены въ прямыя скобки [ ]. — Письмо написано было по поводу заявленія отъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, которая, по словамъ П. И. Бирюкова, „вмѣсто откровеннаго заявленія о томъ, что. вслѣдствіе разницы ея взглядовъ и взглядовъ автора, выраженныхъ въ 8-й части „Анны Карениной“, эта часть не можетъ появиться въ журналѣ напечатала слѣдующую краткую замѣтку, воспользовавшись тѣмъ, что рукопись побывала въ редакціи,—и этою замѣткою постаралась удовлетворить своихъ недоумѣвавшихъ подписчиковъ“; вотъ это заявленіе: „Отъ редакціи. Въ предыдущей книжкѣ, подъ романомъ „Анна Каренина“ выставлено: „окончаніе слѣдуетъ“. Но со смертью героини, собственно, романъ кончился. По плану автора слѣдовалъ-бы еще небольшой эпилогъ, листа въ два, изъ коего читатели могли-бы узнать, что Вронскій, въ смущеніи и горѣ послѣ смерти Анны, отправляется добровольцемъ въ Сербію и что всѣ прочіе живы и здоровы, а Левинъ остается въ своей деревнѣ и сердится на славянскіе комитеты и на добровольцевъ. Авторъ, быть можетъ, разовьетъ эти главы къ особому изданію своего романа“ (П. И. Бирюковъ. Біографія Л. Н. Толстого, т. II, стр. 209).— Письмо—возраженіе Толстого, проектированное Страховымъ, въ печати не появилось, хотя, какъ видно по поправкамъ его, онъ соглашался одно время на его опубликованіе.

Замѣтка эта *такъ* поразительна [тремя высокими качествами: во-первыхъ] *своей* добросовѣстностію въ отношеніи къ подписчикамъ Р. Вѣстника, [во-вторыхъ] *своей* деликатностію въ отношеніи къ автору романа [Анны Карениной] [о которомъ идетъ дѣло] и [въ третьихъ] [наконецъ граціозной лаконичностію) мастерствомъ изложенія, *что я считаю [рѣшаюсь обра] не лишнимъ обратить на нее общее вниманіе. Вотъ она.*

Добросовѣстность къ подписчикамъ выразилась тѣмъ, что, отказавшись печатать окончаніе романа, редакція [позаботилась] *въ заботливости своей* объ удовлетвореніи любопытства своихъ читателей, разсказала имъ содержаніе ненапечатанной части и старалась ихъ увѣрить, что романъ собственно конченъ, что дальше нѣтъ ничего важнаго.

Деликатность относительно автора выразилась тѣмъ, что ему не только не дали высказать вредныхъ мыслей, но указали, гдѣ ему слѣдуетъ кончить романъ, и, не напечатавши конца, имъ написаннаго, искусной рукою извлекли и показали и ему, и другимъ сущность [написаннаго] этого конца.

Это мастерское изложеніе послѣдней, ненапечатанной части Анны Карениной заставляетъ пожалѣть, зачѣмъ Редакція Р. В. [занял] въ продолженіи трехъ лѣтъ занимала такъ много мѣста *въ своемъ журналѣ* [и такъ долго томила своихъ читателей] этимъ романомъ. Она могла бы съ такою же граціозностію и лаконичностію разсказать и весь романъ [такъ:] *не болѣе какъ въ 10 строчкахъ* [Была-де одна дама и она] [бросила] [ушла-де отъ мужа и т. д. Но, полюбивъ другаго, она стала все на него сердиться и бросилась подъ вагонъ. Кромѣ того былъ Левинъ, который женился на одной дѣвицѣ и прижилъ сына. Онъ съ своимъ семействомъ все время былъ здоровъ].

Но есть [однако же] [только] *одинъ* недостатокъ въ [превосходной] *этой* замѣткѣ [Р. Вѣстника]. Въ ней пропущено, что послѣдняя часть романа былауже набрана и готовилась къ печати въ Майской книжкѣ, но ненапечатана только потому, что авторъ не согласился исключить изъ нея, по желанію редакціи, нѣкоторыя мѣста. *Редакція же со своей стороны не соглашалась печатать безъ выпуска, хотя Авторъ [предоставилъ ей право] [предоставлялъ ей полную свободу] предлагалъ редакціи сдѣлать [какія буду] всякія оговорки, какія [Редакція] бы она нашла [бы] нужными.*

Эти послѣднія главы «Анны Карениной» печатаются теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

53. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

6-го августа 1877 г. Петербуръ.

Первое дѣло, за которое принимаюсь усѣвшись въ кресло Публичной Библіотеки,—письмо къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ [1]). Есть и дѣла, есть и сильныя ощущенія. Дорогою до Москвы я прочиталъ въ Моск. Вѣд., что въ Русскомъ Вѣстникѣ помѣщена статья: «Что случилось по смерти Анны Карениной» [2]). Это меня ужасно кольнуло. Катковъ очевидно считаетъ нужнымъ оправдываться и навѣрное взведетъ на Васъ что-нибудь ядовитое. На станціи Курской дороги я расхаживалъ въ большомъ недоумѣніи: какъ я узнаю Риса? [3]) Я не распросилъ Васъ и не зналъ ни одного его признака. Вдругъ вижу прекраснѣйшій экземпляръ Нѣмца, который тоже чего-то смотритъ. Это былъ онъ, и мы сейчасъ же принялись уговариваться. Зная нѣкоторыя Ваши слабости, онъ былъ ужасно доволенъ, что Вы не будете держать корректуры; мы принялись увѣрять другъ друга въ нашей точности и исправности, и вообще почувствовали большое расположеніе другъ къ другу. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ въ его колескѣ на Петербургскую станцію, тамъ мы принялись за чай, и онъ сталъ хвалиться своею типографіею и разсказывать разныя интересныя типографскія дѣла. Я умолчу объ этихъ дѣлахъ, и даже о подробностяхъ печатанія Анны Карениной, которыя довольно тщательно были выяснены. Но вотъ что хорошо: 8-я часть идетъ прекрасно; Рисъ уже получилъ сливки, какъ онъ говоритъ, триста рублей отъ Соловьева. Отдѣльнаго изданія Карениной ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ, присылаютъ требованія и дѣлаютъ справки.

И вдругъ бѣда! Не оказалось моихъ вещей, которыя, какъ я предполагалъ, сами собою должны были передвинуться съ одной станціи на другую. Заговорившись съ Рисомъ, я сдѣлалъ на Курской станціи не довольно ясное распоряженіе, и теперь бѣгалъ по залѣ и по платформѣ, стараясь дознать, что случилось. Наконецъ Рисъ вызвался съѣздить на Курскую Станцію и спросить тамъ. Подошелъ газетчикъ и сталъ предлагать мнѣ Анну Каренину. Я сказалъ, что читалъ, и спросилъ, какъ идетъ книга. «Прежде бывало 25, 30 продавалъ въ день; теперь тише: понаѣлись».

---

[1]) Писано по возвращеніи Страхова отъ Толстого, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Оптину пустынь.

[2]) Пересказъ отдѣльно изданной 8-й части „Анны Карениной“ былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1877 г., № 7, стр. 448—462.

[3] Владѣлецъ типографіи, въ которой была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ 8-я часть „Анны Карениной“. У него же Толстой хотѣлъ начать новое изданіе всей „Анны Карениной“, которое и было выпущено въ 4-томахъ.

Въ нетерпѣніи я вышелъ на встрѣчу Рису и стою возлѣ подъѣзда. Новая бѣда! Вижу, ѣдетъ Катковъ съ кѣмъ-то на станцію. Только-что я его замѣтилъ, какъ онъ вышелъ изъ экипажа. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его. Онъ прошелъ, какъ будто нарочно поближе ко мнѣ, но тоже не призналъ меня. Теперь я соображаю, что они должно быть провожали нашего министра [1]), какъ оказалось, пріѣхавшаго съ этимъ поѣздомъ. Но министра я не узналъ—я видѣлъ его всего разъ—въ креслахъ, безъ шляпы. Признаюсь, эта встрѣча очень была мнѣ непріятна. Глупо прикидываться неузнающимъ, но задача—разговаривать съ нимъ показалась мнѣ такою трудною, что я до сихъ поръ радуюсь быстротѣ, съ которою я принялъ рѣшеніе не видѣть.

Но вотъ ѣдетъ Рисъ съ вещами; я очень благодарю его, мы проходимъ мимо Каткова, и я усаживаюсь въ вагонъ. Рисъ прощается черезъ окно и уходитъ, и я радостно вздыхаю, какъ человѣкъ, вдругъ избавившійся отъ большихъ опасностей и хлопотъ.

Спать устроился не дурно, и спалъ порядочно, и встрѣтилъ интересныхъ знакомыхъ. Но всего интереснѣе, что я засталъ у себя на квартирѣ Его Пр-во Шестакова [2]), моего больного, лѣчившагося за границей; мало того—на моей постели, оказалось, уже четыре дня спитъ его жена съ дочкой-пріемышемъ. Очень было пріятно. Больной значительно поправился и въ такомъ веселомъ духѣ, какъ я его давно не помню.

Мы съ нимъ стали припоминать старое, и онъ мнѣ сказалъ странную вещь,—что во мнѣ теперь нѣтъ ничего похожаго на то, чѣмъ я былъ двадцать лѣтъ назадъ. Я не вѣрилъ, но онъ сталъ настойчиво припоминать мнѣ, что я былъ тогда ужасно добрый, ласковый и веселый, до такой степени неистощимо веселый, что бывало гдѣ я, тамъ и весело. Другіе общіе пріятели по замѣчанію Шестакова, мало измѣнились; но во мнѣ прежній Страховъ пропалъ безъ слѣда.

И я вспомнилъ, что это дѣйствительно такъ.

Вотъ кажется все, что мнѣ хотѣлось разсказать Вамъ. Въ Петербургѣ я засталъ теплые, сыроватые дни—чувство приморскаго болота сейчасъ же зашевелилось во мнѣ. Я долженъ отъ всей

---

[1]) Т. е. Министра Народнаго Просвѣщенія, коимъ былъ тогда (съ 1866 по 1880 г.) знаменитый графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой; въ Катковѣ онъ имѣлъ всегда своего сторонника и защитника вводившейся имъ учебной системы

[2]) Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ, бывшій Предсѣдателемъ Олонецкой Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда и Попечительнаго Совѣта Петрозаводской Маріинской Гимназіи. См. въ письмѣ Страхова отъ 8 сентября 1877 г. отзывъ Шестакова объ „Аннѣ Карениной“. Шестаковъ умеръ въ ноябрѣ 1877 г. (см. ниже въ письмѣ 11-го ноября 1877 г.).

души благодарить Васъ за прекрасное лѣто, которое Вы мнѣ устроили. Не говорю объ умственныхъ и нравственныхъ моихъ пріобрѣтеніяхъ,— просто физически Ваше нынѣшнее лѣто было удивительно красиво и здорово. Желаю Вамъ такой же осени!

Мое усердное почтеніе Графинѣ, и желаніе всякаго добра Вашей дорогой семьѣ. Не забывайте

Вашего Н. Страхова.

1877 г. 6 Авг. СПБ.

54. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

11-го августа 1877 г. [Петербургъ].

Гдѣ-то я читалъ что по мнѣнію іезуитовъ, наглостію можно много выиграть у Самаго Бога. Но ужъ у публики навѣрное можно; по крайней мѣрѣ Катковъ твердо въ это вѣритъ и этому слѣдуетъ. О чемъ только онъ хлопочетъ?—объясните мнѣ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Этакая грязь! Замѣтьте:

1) Онъ разсказалъ все, кромѣ сценъ съ ребенкомъ.

2) Онъ упираетъ на то, что главный предметъ романа—Анна.

3) Онъ недобросовѣстнѣйшимъ образомъ комкаетъ и осмѣиваетъ размышленія Левина.

Зачѣмъ же?

Чтобы доказать, что читатели Р. Вѣстника ничего не потеряли, что онъ былъ правъ, отказавшись печатать. Qui s' excuse s' accuse! Прилично ли это ему говорить? Возмутительная мелочность и злоба! [1])

А здѣсь я уже слышалъ похвалы. Стасовъ, приходящій въ неистовство отъ мнѣній Левина, восхищается другими сценами и все твердитъ: я только двухъ признаю: Гоголя и Толстого. Пушкина Вашего я въ грошъ не ставлю. Толстой ниже Гоголя, но ихъ только двухъ я признаю. Очень мило хвалила Васъ Ковалевская, докторъ Математики [2]). Левинъ, говоритъ она, потому заслуживаетъ предпочтенія, что онъ живетъ просто, ничего изъ себя не строитъ, не поддается никакой фальши.

О войнѣ я слышалъ жестокія вещи. Одинъ журналистъ разсказывалъ мнѣ, что Турція оказалась такою сильною—вслѣдствіе своей

---

[1]) Рѣчь идетъ о пересказѣ содержанія 8-й части „Анны Карениной“, помѣщенномъ Катковымъ въ № 7-мъ „Русскаго Вѣстника“ (см. выше въ предыдущемъ письмѣ).

[2]) Софія Васильевна Ковалевская (род. 1850 г. ум. 1891), въ 1874 г. получившая степень доктора математики въ Геттингенскомъ Университетѣ, съ 1884 г. профессоръ математики въ Стокгольмѣ, съ 1889 г.—членъ корреспондентъ Имп. Академіи Наукъ.

журналистики, возбудившей общественное мнѣніе, заставившей перемѣнить весь персоналъ. А у насъ-де сказать ничего нельзя, и самое смѣлое сказано, говорятъ, въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, органѣ Стасюлевича.

Самое жестокое—что мы оставляемъ населенія на жертву Туркамъ. Турки, говорятъ, послѣдовательны, и увозятъ Абхазцевъ.

Еще страшная подробность: у Русскихъ и у Румынъ вошло въ обычай брать съ собой ядъ, чтобы, попавшись къ Туркамъ, избѣжать мученій.

Я начинаю заражаться здѣшнею лихорадкою обличенія и невѣрья.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1877 Авг. 11

PS. До сихъ поръ нѣтъ ничего отъ Риса [1])

55. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

1877 г, 16 Авг. Публичная Библіотека.

Ваше милое письмо [2]) такъ живо напомнило мнѣ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Въ эти два мѣсяца я конечно лучше узналъ Васъ, чѣмъ во всѣ прежнія посѣщенія, и все сильнѣе и сильнѣе во мнѣ нѣжность къ Вамъ и страхъ за Васъ. Я видѣлъ, что вы каждый день проживаете то, чего другому достало-бы на годъ, что Вы мыслите и чувствуете съ удесятеренною силою сравнительно съ другими. Понятно, что Вы ищете и не находите спокойствія, что мрачныя и раздражающія мысли иногда разростаются у Васъ черезъ мѣру. Но средство у Васъ подъ руками: живите потише, не отдавайтесь съ такимъ пыломъ ни музыкѣ, ни писанію, ни даже Вашей охотѣ, которая Васъ опьяняетъ и на которой Вы гоняетесь не за дупелями и утками, а за мыслями. Переполненіе мозга кровью дѣлаетъ человѣка слишкомъ впечатлительнымъ, черезъ мѣру раздражительнымъ; и такъ не работайте мозгомъ.

Пишу Вамъ это, а самъ думаю, что люблю Васъ именно за эту безконечную отзывчивость и за ту неустанную работу, которой Вы отдаетесь.

17 Авг. Но Вы это лучше моего знаете и понимаете.—Простите, очень много хочется сказать, и не успѣваю. Я видѣлъ, какъ Вы

---

[1]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

[2]) Письмо, посвященное войнѣ, напечатанное въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 259—260, и перепечатанное у П. А. Сергѣенко, т. I стр. 124—125.

приняли первую выходку Каткова, какъ взволновались и потомъ прогнали отъ себя дурное чувство. Очень мнѣ это понравилось. Надѣюсь и теперь Васъ лишь на минуту затронутъ глупости, которыя онъ написалъ.

Сейчасъ былъ у меня Павелъ Александровичъ Матвѣевъ [1]); онъ навѣщалъ Оптину Пустынь послѣ насъ и привезъ мнѣ цѣлую кучу разговоровъ объ Васъ и даже обо мнѣ. Отцы хвалятъ Васъ необыкновенно, находятъ въ Васъ прекрасную душу. Они приравниваютъ Васъ къ Гоголю [2]), и вспоминаютъ, что тотъ былъ ужасно гордъ своимъ умомъ, а у Васъ вовсе нѣтъ этой гордости. Боятся, какъ-бы литература не набросилась на Васъ за 8-ю часть [3]), и не причинила Вамъ горестей. Меня о. Амвросій [4]) назвалъ молчуномъ, и вообще считаютъ, что я закоснѣлъ въ невѣріи, а Вы гораздо ближе меня къ вѣрѣ. И о. Пименъ [5]) хвалитъ насъ (онъ-то говорилъ о Вашей прекрасной душѣ)—очень было и мнѣ пріятно услышать это. Отцы ждутъ отъ Васъ и отъ меня обѣщанныхъ книгъ и надѣются, что мы еще пріѣдемъ. Объ Оболенскихъ [6]) старцы молчатъ, а Матвѣевъ узналъ стороною, что Оболенскій ничего не платитъ за за свой прожитокъ въ Пустыни, и безпокоитъ своими требованіями, шумомъ, музыкой. Я удивился, переспросилъ и получилъ подтвержденіе.

Объ войнѣ я слышалъ такъ: Непокойчицкій [7]) и Милютинъ [8]) хотѣли вести не менѣе 600 тыс. Но тутъ есть партія молодыхъ генераловъ, во главѣ которой Ник. Ник. [9]). Она рвалась въ дѣло и увѣряла, что побѣдитъ съ маленькими силами. Переходъ черезъ Дунай и занятіе Шипкинскаго прохода были дѣломъ Ник. Ник.; но тѣмъ и кончились всѣ успѣхи. Здѣсь очень негодовали на отсутствіе

---

[1]) См. о немъ выше.

[2]) Какъ извѣстно, также посѣщавшему Оптину Пустынь; см. статью Ив. Щеглова „Гоголь въ Оптиной пустыни“ въ его книгѣ „Подвижникъ слова“; Спб., 1909, стр. 54—66.

[3]) „Анны Карениной“.

[4]) Знаменитый Оптинскій старецъ—іеромонахъ; въ мірѣ А. М. Гренковъ; пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ у всѣхъ, кто зналъ его; умеръ въ 1891 году на 80 году жизни.

[5]) Тоже старецъ Оптиной пустыни (см. у П. И. Бирюкова, т. II. стр. 261).

[6]) Князь Леонидъ Дмитріевичъ Оболенскій, съ 1871 г. женатый на племянницѣ Толстого—графинѣ Елизаветѣ Валеріановнѣ Толстой. См выше стр. 25.

[7]) Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій (ум. 1881), генералъ-адъютантъ Начальникъ Штаба дѣйствующей арміи во время турецкой войны.

[8]) Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (съ 1878 г. графъ), военный министръ (съ 1861 по 1881 г.); умеръ 25-го января 1912 г.

[9]) Великій Князь.

извѣстій, теперь телеграммы получаются дважды въ день, и всѣ приписываютъ Голосу, что этого добились.

А мнѣ, при мысли объ этихъ ужасахъ, приходитъ на память то радостное чувство, съ которымъ началась война, и которое, каюсь, я раздѣлялъ. Очевидно насъ соблазнилъ примѣръ Германіи; почему-то распространилось мнѣніе, что войну дѣлать легко и весело. За это мы и платимся какъ всегда люди платились за веселые порывы. Турки освирѣпѣли, рѣжутъ плѣнныхъ на куски; мы отдаемъ имъ въ жертву Болгаръ и запасаемся ядомъ.

Кстати; въ Голосѣ, отъ 14 Августа, фельетонистъ пишетъ: „а самоубійства не прекращаются, и все чаще бросаются на рельсы, какъ Анна Каренина; ужъ нѣтъ-ли тутъ вліянія этого романа?»—это странно! Я именно думалъ, что во время войны самоубійствъ не будетъ.

Петербургъ понемногу давитъ меня старою обстановкою. Расчеты мои не удались. Праховъ не пріѣхалъ; Ковалевскую я засталъ, по обычаю, въ какомъ-то хаосѣ и какихъ-то сборахъ. Теперь она должно быть уѣхала недѣли на двѣ въ деревню [1]). Библіотека открыта 15-го, какъ обѣщали, и все вошло въ прежнюю колею. Я прежде всего бросился приводить въ порядокъ книги у себя на квартирѣ,—и это заняло нѣсколько дней. Въ тоже время я надумалъ планъ первой статьи; она будетъ называться: Мысли объ исторіи физическихъ наукъ. Я буду стараться на фактахъ указать начало, отъ котораго зависитъ движеніе этихъ наукъ, и слѣдовательно характеризовать самую ихъ сущность.

Но я до сихъ поръ подъ впечатлѣніемъ Ясной Поляны, и не могу Вамъ выразить, какъ это радовало меня самого. Я какъ будто другой, какъ будто нашелъ ту норму бодрости и серьозности, которой мнѣ слѣдуетъ всегда держаться. Если бы я могъ навсегда укрѣпить за собою эту доброту и ясность, это стремленіе быть простымъ и чистымъ, которое Вы вызываете во мнѣ Вашимъ присутствіемъ!

Буду Вамъ искать книгъ и пособій для изученія нынѣшняго царствованія. Есть книга Головачева [2]), «Десять лѣтъ реформъ». Ее хвалили, какъ очень дѣльную; если ее не сожгла цензура, я непремѣнно пришлю. Можно подобрать и другія—прошу Васъ только дать мнѣ время—поговорить и навести справки.

Пока простите! Мое усердное почтеніе графинѣ и поклонъ Сте-

---

[1]) Въ 1878 г. С. В. Ковалевская (см. выше) переселилась въ Парижъ.

[2]) Изслѣдованіе Алексѣя Адріановича Головачева (род. 1819, ум. 1903) подъ такимъ заглавіемъ было издано „Вѣстникомъ Европы“ въ 1872 году.

пану Андреевичу [1]), и Фету [2]), когда будете писать. А Вамъ—ахъ, какъ-бы я желалъ Вамъ—не новыхъ свойствъ, а того, чтобы ни на минуту не измѣнялъ Вамъ Вашъ свѣтлый духъ, Ваше чистое, великодушное настроеніе.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1877 г., 17 Авг., Спб.

56. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

25-го августа 1877 г. [Петербургъ].

и больше ничего не нужно.

Такъ нужно бы кончить мое прошлое письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь.

Если Васъ сколько-нибудь облегчаетъ, что вы не читаете корректуръ Анны Карениной, то я очень радъ, потому что мнѣ, повѣрьте, эта работа особенно пріятна. Я очень любуюсь тѣмъ, что наконецъ все будетъ напечатано просторно и ясно, такъ что читать вдвое будетъ легче; очень много приписываю своей пунктуаціи—и воображаю, какое восхищеніе будетъ читателямъ, которые будутъ читать въ первый разъ.

Стихи Фета я понимаю, то есть почувствовалъ ихъ чудесный мотивъ. Но мнѣ показалось немножко длинно и недостаточно ловко. То ли дѣло

Давно-ль подъ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Теплы были звѣзды очей.
и пр. [3]).

Сегодня въ Нов. Вр. появилось извѣстіе, что началась большая битва подъ Плевно. Очень много разсказываютъ о Скобелевѣ. Что онъ въ Ташкентѣ грабилъ и посылалъ донесенія о сраженіяхъ, которыхъ не было. Что его выгнали изъ службы, какъ нечестнаго и

---

[1]) Берсу, брату графини С. А. Толстой.

[2]) Н. Н. Страхову принадлежитъ біографическій очеркъ А. А. Фета-Шеншина (ум. въ 1892 г.), помѣщенный при изданіи его „Лирическихъ стихотвореній“ (Спб. 1894, 2 ч.), а также нѣсколько замѣтокъ о его стихотвореніяхъ; онѣ перепечатаны въ изданіи стихотвореній Фета, выпущенномъ въ 1912 г. фирмою А. Ф. Маркса. Переписка Фета со Страховымъ (1877—1879 г.) напечатана въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1901 г., вып. I стр. 71—101.

[3]) Это стихотвореніе Фета (безъ заглавія) входитъ въ серію „У камина“; въ 4-мъ стихѣ принятъ варіантъ: „Свѣтлы были звѣзды очей“.

труса. Но что онъ захотѣлъ поправить свою репутацію и теперь отчаянно бросается на опасности. Говорятъ вообще молодечество есть духъ Николая Николаевича [1]).

На Кавказъ послали поправлять дѣла Обручева [2]), человѣка отличившагося дѣятельностію и честностію въ Военномъ Министерствѣ, т. е. кабинетнаго, какъ Кауфманнъ [3]).

Мнѣ все нездоровится: катарръ желудка, а оттого и голова не свѣжа. Но нравственно я чувствую себя недурно. Простите, однако, если и въ письмахъ замѣтно, что мнѣ не по себѣ.

Соловьевъ [4]) и меня очень огорчилъ. Я шелъ по Невскому и купилъ попавшуюся мнѣ на глаза у букиниста книгу Eliphas Levi, вспомнивъ, что Соловьевъ указывалъ мнѣ на это имя, и самъ изучалъ этого автора. Цѣлый вечеръ я сидѣлъ надъ книгой, и убѣдился, что это очень ловкая и совершенно невинная мистификація. Авторъ играетъ роль магика, очень хорошо зная, что никакой магіи нѣтъ. Ахъ, какъ это все скучно и жалко!

Простите, пока. Сегодня я такъ и хотѣлъ написать Вамъ коротенькое письмо.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1877 г., 25 Авг.

57. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому

8-го сентября 1877 г. [Петербургъ].

Давно пора писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Прежде всего благодарить за Ваше доброе письмо [5]). Вы читаете между строкъ мое уныніе, и Ваше участіе ко мнѣ согрѣваетъ и поддерживаетъ меня удивительно. И вы даете мнѣ прекрасные совѣты—сидѣть дома, работать и не гоняться за людьми. Буду слушаться—я чувствую, какъ это вѣрно. Впрочемъ я уже началъ—

---

[1]) Великаго князя, Главнокомандующаго дѣйствующею противъ турокъ арміею.

[2]) Николай Николаевичъ Обручевъ (род. 1830, ум. 1904), профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Управляющій дѣлами Военно-Ученаго Комитета, генералъ-лейтенантъ, участникъ пораженія арміи Мухтара-паши, съ 1878 г. генералъ-адъютантъ, съ 1893 г.—членъ Государственнаго Совѣта.

[3]) Михаилъ Петровичъ фонъ Кауфманъ (род. 1822, ум. 1902), генералъ-адъютантъ, Начальникъ Главнаго Интендантскаго Управленія, съ 1879 г.—товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части, съ 1882 г. членъ Государственнаго Совѣта.

[4]) Владиміръ Сергѣевичъ.

[5]) Оно не извѣстно.

много вечеровъ я просидѣлъ дома, и такъ буду продолжать. Кстати—и здоровье мое поправилось.

Я тутъ много читалъ объ Васъ. Появились, наконецъ, отзывы объ 3-й части. 1) Въ Новомъ Времени статья Ор. Миллера, очень глупая,—упрекаетъ Васъ въ барской изнѣженности и любви къ покою [1]). 2) Въ Голосѣ какого-то IV.—безъ гнѣва и съ эстетической точки зрѣнія. Критикъ изумляется, что Вы все размазываете (въ цѣломъ романѣ) о какомъ-то Левинѣ, тогда какъ слѣдуетъ говорить объ одномъ лишь прелестномъ созданіи, Аннѣ Карениной. 3) Въ Русскомъ мірѣ—тамъ обидѣлись за полководцевъ безъ арміи, и тоже говорятъ о Вашемъ пристрастіи къ сибаритству. 4) Въ Отеч. Зап. указываютъ на то, что Левинъ (по ихъ мнѣнію самое интересное лицо) сначала, повидимому, признавалъ свой долгъ народу, но потомъ спокойно примирился съ своимъ положеніемъ эксплоататора.

Но самый лучшій отзывъ я получилъ въ письмѣ отъ моего пріятеля Шестакова [2]), изъ Петрозаводска, и приведу его вполнѣ: «Анну Каренину прочиталъ и пришелъ въ неописанный восторгъ; не подумайте однакожъ, что собственно романическая сторона привела меня въ такое состояніе, нѣтъ,—это философія Л. Н. Онъ мнѣ открылъ свѣтъ, разрѣшилъ вопросы, которые тяготили меня. Но объ этомъ послѣ, теперь же просилъ бы Васъ, когда будете писать графу, напишите ему и пожалуйста напишите, что въ Петрозаводскѣ есть человѣкъ, который благоговѣетъ передъ нимъ! Знаете ли, мнѣ кажется, что даже М. В. Богдановъ сдѣлалъ поворотъ въ своихъ мысляхъ, прочитавъ философствованіе Левина, а это не маловажная вещь». Не маловажная потому (прибавлю въ объясненіе), что Богдановъ — молодой человѣкъ самый крайній, упрямый и нелѣпый, хотя добрый.

И такъ Вы видите, что слова Ваши неотразимы по прежнему. И не одинъ же Шестаковъ такъ чувствуетъ ихъ силу; можете быть увѣрены, что такихъ—тысячи.

Въ упрекахъ, которые Вамъ дѣлаютъ, только одинъ имѣетъ смыслъ. Всѣ замѣтили, что Вы не хотите останавливаться на смерти Карениной. И Вы мнѣ говорили, что Вамъ противно возиться съ тою жалостью, которая тутъ возбуждается. Я до сихъ поръ не понимаю того чувства, которое Вами руководитъ. Можетъ быть додумаюсь, но помогите мнѣ. Послѣдняя редакція самой сцены

---

[1]) Статья профессора Ореста Ѳедоровича Миллера „Геніальная Маниловщина“ появилась въ „Новомъ Времени“ 1877 г., № 539.

[2]) См. выше, въ письмѣ 6-го августа 1877 г.

[3]) Михаилъ Васильевичъ Богдановъ въ это время служилъ членомъ Палаты Уголовнаго Гражданскаго Суда въ Петрозаводскѣ, гдѣ И. А. Шестаковъ.

смерти такъ суха, что страхъ. Я, впрочемъ, думаю, что едва ли удобно предлагать читателямъ новую редакцію, когда всѣ черты до единой уже врѣзались въ ихъ памяти. Я пришлю Вамъ обѣ редакціи—переписанныя, и, какъ мнѣ ни совѣстно тревожить Васъ, отрывая отъ Вашей новой работы,—прошу Васъ, посмотрите еще, не оставить ли вторую?

Печатаніе идетъ недурно, хотя типографія не дѣлаетъ того, что можетъ. Я, впрочемъ, спишусь съ Рисомъ [1]).

Предлагаю Вамъ еще двѣ книги, недавно вышедшія: Мордовцева: Десятилѣтіе Русскаго Земства [2]), и Янсона, изслѣдованіе крестьянскихъ надѣловъ [3]). Если Вы ихъ не купили,—черкните мнѣ, я сейчасъ же пришлю. Не посылаю потому, что боюсь прислать то, что у Васъ уже есть. Янсонъ—здѣшній профессоръ. Книга его изображаетъ экономическое положеніе крестьянъ, и говорятъ, наводитъ ужасъ.

Cournot—я рѣшилъ читать, еще бывши у Васъ, но до сихъ поръ не успѣлъ, а прочту непремѣнно. Теперь читаю Les évangiles Ренана, но вообще только привелъ все въ порядокъ и за настоящее чтеніе еще не принимался. Слова Цингера [4]), которыя Вы приводите, очень умны и если онъ сдѣлаетъ что-нибудь для ихъ доказательства—хорошо будетъ. Я все собирался читать его рѣчь противъ Конта, и до сихъ поръ не успѣлъ.

Очень пріятно мнѣ думать, что Вы за работою. Вы пишете, что каждый долженъ быть работникомъ—прекрасное исповѣданіе вѣры, и къ Вамъ очень идетъ! Жизни и бодрости у Васъ безконечно много, и отъ этого зависитъ тотъ мужественный характеръ, который имѣютъ всѣ Ваши произведенія.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

1877 г. 8 Сент.

P.S. Мой долгъ Вамъ возросъ до 38 р. 25 коп., потому что лѣтомъ безъ меня было продано Вашей Азбуки на 3 р. 25 коп.

---

[1]) Владѣлецъ типографіи въ Москвѣ.

[2]) Изслѣдованіе извѣстнаго романиста Даніила Лукича Мордовцева „Десятилѣтіе русскаго земства. 1864—1875“. вышло въ Пб. въ 1877 г.

[3]) Изслѣдованіе профессора С.-Петербургскаго Университета Юлія Эдуардовича Янсона: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, С.-Пб. 1877.

[4]) Василій Яковлевичъ Цингеръ, профессоръ математики Московскаго Университета, ботаникъ, авторъ рѣчи „Точныя науки и позитивизмъ“, произнесенной на актѣ Московскаго Университета 12 января 1874 г.

58. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

17-го октября 1877 г. Петербургъ.

Немножко былъ занятъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, и потому не отвѣчалъ Вамъ на Ваше милое послѣднее письмо [1]). Отъ физики я перескочилъ на психологію по поводу одной книжки (французскаго перевода Lotze) [2]), попавшейся мнѣ въ Библіотекѣ. Да нужно было держать корректуру Пропедевтики Румпеля [3]); да прислалъ статьи Данилевскій [4]),—тоже нужно было корректировать. И теперь пишу въ торопяхъ, въ Библіотекѣ; но нужно послать Вамъ самоубійство [5]) со вставкой, которую я предлагаю (этотъ листокъ, прошу Васъ пришлите мнѣ назадъ—я отошлю его въ Москву), да нужно бы много написать о войнѣ. Существенное вотъ что я слышалъ: за Дунаемъ уже не распоряжается ни Левицкій [6]), ни Николай Николаевичь [7]). Государь устроилъ военный совѣтъ, въ которомъ Тотлебенъ [8]), Милютинъ и другіе, и дѣйствуетъ этотъ совѣтъ. За Кавказомъ дѣйствуетъ Обручевъ [9]). Онъ братъ жены моего добрѣйшаго начальника А. Ѳ. Бычкова [10]), и вотъ подробности: три года назадъ онъ ѣздилъ въ Турцію и написалъ объ ней книгу въ военномъ отношеніи [11]). Онъ давалъ мысль о переходѣ при Систово и о занятіи Шипкинскаго прохода. Мысль эту исполнили, но его къ дѣлу не пригласили. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ сталъ

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) „Основанія психологіи“ Германа Лотце; въ переводѣ съ нѣмецкаго языка это сочиненіе было издано К. Н. Модзалевскимъ въ 1884 г. при издававшемся имъ журналѣ „Семья и Школа“.

[3]) „Философская пропедевтика, или основанія логики и психологіи“ Румпеля; книга была издана въ С.-пб. въ 1878 г. въ переводѣ умершаго въ 1873 г. пріятеля Страхова Петра Михайловича Цейдлера.

[4]) Николай Яковлевичъ, пріятель Страхова.

[5]) Анны Карениной (см. предыдущее письмо).

[6]) Казиміръ Васильевичъ Левицкій (род. 1835, ум. 1890), профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, свиты Е. В. генералъ-маіоръ, помощникъ Начальника Штаба дѣйствующей арміи.

[7]) Великій Князь.

[8]) Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ (род. 1818, ум. 1884), герой Севастопольской обороны, инженеръ-генералъ, помощникъ Начальника Западнаго отряда, образованнаго для обложенія Плевны, а съ апр. 1878 г.—главнокомандующій дѣйствующей арміей.

[9]) См. выше стр. 129.

[10]) Директора Имп. Публичной Библіотеки; его жена—Анна Николаевна, рожд. Обручева, скончалась вдовою 30-го августа 1903 года.

[11]) Въ изданномъ имъ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“.

работать съ Лорисъ-Меликовымъ [1]) и уже дважды собирался разбить Мухтаръ-Пашу, но не могъ этого сдѣлать, потому что Тергукасовъ [2]) и другіе начальники не исполняли приказаній. И такъ это—торжество военной науки. Говорятъ, Обручевъ очень скромный и милый человѣкъ. А. Ѳ. Бычковъ много дней сіялъ какъ побѣдитель.

Уныніе здѣсь продолжается. Ходятъ эпиграммы, очень глупыя и невеселыя. Майковъ [3]) держитъ себя преудивительно: чтобы не огорчаться, онъ рѣшилъ, что все идетъ прекрасно, и упрямо перетолковываетъ всѣ факты въ этомъ духѣ.

Не прислать ли Вамъ статьи Данилевскаго? Онѣ очень хороши, ясны, сильны [4]). Вчера явилась та, въ которой онъ доказываетъ враждебность Европы—это-то несомнѣнно.

Можетъ быть Вамъ понравится то, что я напишу о психологіи. Меня подбило то, что нѣкоторые пункты, давно для меня ясные, до сихъ поръ выставляются такъ путано и шатко. Какъ нарочно, я передъ этимъ прочиталъ Th. Reid Inquiry into the human mind,—превосходную книгу—ее рекомендуетъ и Шопенгауэръ. Давно уже я не испытывалъ такого удовольствія, какъ отъ этой книги.

Я послалъ Вамъ въ подарокъ Sartor resartus. Это—главное сочиненіе Карлейля [5]); смѣло предлагаю его Вамъ, хоть знаю его только по частямъ.

Пословицы—оказываются дѣломъ не легкимъ. Даль продается по 15 р., такъ какъ все изданіе разошлось [6]). Оказывается, что это однѣ изъ самыхъ любимыхъ русскими читателями книгъ, и за безцѣнокъ ихъ не купишь. Изданіе Заикина считается хорошею книгою; я заплатилъ въ магазинѣ 1 р. 50.

Завтра пошлю Вамъ одну свою статью, которой вѣроятно Вы не читали—предисловіе къ Славянскому Сборнику [7]). Это все, что я писалъ по этому вопросу.

---

[1]) Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, впослѣдствіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и графъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ (ум. 1881), начальникъ Ахалтекскаго отряда.

[3]) Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ.

[4]) Въ 1890 г. Н. Н. Страховъ выпустилъ отдѣльною книгою „Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей“ Данилевскаго (678 стр.), напечатанныхъ въ „Русскомъ Мірѣ“ и др. изданіяхъ.

[5]) „Sartor resartus, or Life and opinions of Herr Teufelsdroeckh“—сочиненіе Томаса Карлейля (род. 1795. ум. 1881), появившееся впервые въ 1830 году и потомъ не разъ переиздававшееся.

[6]) „Пословицы русскаго народа“, сборникъ В. И. Даля, изданъ былъ въ Москвѣ въ 1862 году; переизданъ въ 2-хъ частяхъ М. О. Вольфомъ въ 1879 году.

[7]) Изданъ былъ С.-Петербургскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Комитета, въ коемъ Страховъ былъ членомъ (см. выше, стр. 42).

И такъ извините, что тороплюсь. Анны Карениной до сихъ поръ напечатано 36 листовъ—что очень мало, но зависитъ вполнѣ отъ типографіи.

Всею душою Вамъ преданный, всѣмъ
сердцемъ желающій Вамъ добра
1877 17 Окт. Спб. Н. Страховъ.

59. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

11-го ноября 1877 г. [Петербургъ.]

Все собираюсь писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и все боюсь, что вдамся въ какія-нибудь жалобы, тоску и тому подобное, — что все можно очень удобно оставить при себѣ.

Смерть Шестакова [1]) еще очень давитъ меня, и давитъ меня какая-то скука — не нахожу вкуса въ своихъ знакомыхъ. Но стараюсь держаться за свою статью — Объ основныхъ понятіяхъ психологіи [2]) и твердо рѣшилъ продолжать ее и кончить. Да еще дѣйствительную отраду доставляютъ мнѣ корректуры [3]) Анны Карениной, въ которую я продолжаю влюбляться все больше и больше. Я очень усердный корректоръ и надѣюсь, что большая часть листовъ выйдутъ хороши; но я подверженъ страшной слѣпотѣ, такъ что проскальзываютъ опечатки, сильно меня огорчающія. Огорчаетъ меня отчасти и то, что типографія такъ тянетъ— не понимаю почему. Вѣдь прошло уже $3^1/_2$ мѣсяца — и дѣло только на половинѣ. Рисъ мнѣ не отвѣчаетъ на мои упреки. Я уже исправлялъ поправленную Вами свадьбу—и полюбовался, какъ все вышло хорошо. Иногда мнѣ приходитъ на мысль величественный вопросъ Русскаго Вѣстника: «Зачѣмъ разсказана судьба несчастной женщины?» — и я удивляюсь, какъ это глупо. Хоть бы они вспомнили пѣтуха, который нашелъ жемчужное зерно и спрашиваетъ «къ чему оно?»

До сихъ поръ у насъ стоитъ мокрая, противная осень — темно по цѣлымъ днямъ и грязно.

Утѣшьте меня нѣсколькими строчками. Что у Васъ дѣлается? Не принялись ли за работу? Что графиня? Передайте мое усердное почтеніе и желаніе здоровья.

Вашъ всею душою
1877 11 ноября. Спб. Н. Страховъ.

---

[1]) См. выше, въ письмѣ 6-го августа 1877 г.

[2]) Статья Страхова съ такимъ заглавіемъ была напечатана имъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1878 г., № 5 и 6, стр. 29—51 и 133—164 и въ томъ же году выпущена отдѣльно.

[3]) Отдѣльнаго изданія романа.

P. S. Я все собираюсь писать отцу Клименту [1]) — и такъ мнѣ совѣстно, что до сихъ поръ не успѣлъ. Книга Исаака Сирина оказалась совершенно невозможною для чтенія, и я хочу достать другой переводъ. Соловьевъ прекращаетъ свои Начала цѣльнаго знанія [2]) — не смѣю думать, что въ слѣдствіе моихъ нападокъ, и начинаетъ новую статью въ Русскомъ Вѣстникѣ, которую и представитъ какъ диссертацію [3]).

60. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

12-го декабря 1877 г. Петербургъ.

У насъ въ домѣ случилось большое горе, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Старшій мальчикъ Стахѣевыхъ [4]) умеръ почти скоропостижно. Онъ слегъ въ день моихъ именинъ, а 9-го утромъ умеръ. По словамъ доктора у него были вмѣстѣ скарлатина, тифъ и жаба. Отецъ и особенно мать поражены ужасно. Это была ихъ надежда, центръ всей семьи. А докторъ говорилъ, что мальчикъ былъ такъ худосоченъ, что всякая зараза должна была сломить его. Вотъ начинаются тѣ несчастія, которыхъ я боялся...

Послѣдними двумя посылками книгъ я самъ очень доволенъ. Лукьяновичъ [5]) мнѣ достался за 4 р. — очень дешево. Теперь у Васъ есть все главное о войнѣ 1828 г. [6]). Ренана, Штрауса и Прудона я купилъ для Васъ въ П. Библіотекѣ, изъ дублетовъ, — для чего просилъ Ив. Дав. Делянова [7]). Взяли какъ можно дороже: за пять книгъ 9 р. 20 к. — но это пустяки, такъ какъ книги цѣнныя, запрещенныя, и добыть ихъ иначе стоило бы большой возни,

---

[1]) Секретарь-келейникъ Оптинскаго старца Амвросія, о которомъ у Толстого осталось „наиболѣе чистое, пріятное впечатлѣніе“ (П. И. Бирюковъ, т. II, стр. 261).

[2]) Статья Владиміра Соловьева, напечатавшаяся въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

[3]) Докторская диссертація В. С. Соловьева, которую онъ защитилъ въ С.-Петербургекомъ Университетѣ въ 1880 г., носила названіе: „Критика отвлеченныхъ началъ“ (М. 1880).

[4]) Сынъ писателя Дмитрія Ивановича Стахѣева, жившаго со Страховымъ.

[5]) Сочиненіе Н. Лукьяновича „Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 гг.“, въ 4 частяхъ, изд. Спб. 1844 г.

[6]) Толстой изучалъ тогда эпоху 1820-хъ годовъ и исторію движенія декабристовъ. Ср. „Толстовскій Музей“, т. I, стр. 290 и слѣд. и у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 266—267.

[7]) Тогдашній Директоръ Имп. Публичной Библіотеки, впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія и графъ.

и втрое больше денегъ. Я очень доволенъ своею выдумкою. Черезъ недѣлю я Вамъ пришлю четвертую книгу Ренана L'Antéchrist [1]). Какъ добыть пятую, Les évangiles [2]), не знаю; впрочемъ въ ней мало существеннаго.

Вопросы о религіи, которые Вы задали мнѣ, давно уже занимаютъ меня. Я самъ искалъ книгъ, излагающихъ это дѣло философски и исторически — и признаюсь, до сихъ поръ мало нашелъ. Гегеля и Шеллинга (у нихъ есть по тому и по два о религіи) я не читалъ, чувствуя нѣкоторое отвращеніе къ этимъ умозрѣніямъ, послѣ того, какъ Шопенгауэръ мнѣ, гегельянцу, вдругъ показалъ дѣло въ новомъ свѣтѣ. Лучше Шопенгауэра я, разумѣется, ничего не знаю въ этой области. А потомъ Ренанъ. Штраусъ, какъ протестантъ, не понимаетъ почти ничего въ религіи. Ренанъ же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ чрезвычайную ширину и многосторонность взгляда и, какъ католикъ и семинаристъ, посвященъ вполнѣ въ религіозныя чувства. Больше всего мнѣ нравятся нѣкоторыя главы Les Apôtres. Очень хороши также Etudes d'histoire religieuse. Если хотите, я Вамъ пришлю.

Сочиненіе Emile Burnouf (не Eugène Burnouf, который разрабатывалъ Буддизмъ) La science des religions — очень жидкая, мало поучительная книга, которую почти не стоитъ читать.

Я бы былъ въ восторгѣ, если бы Вамъ понравился Ренанъ; но въ тоже время боюсь Вашей неумолимой строгости, — что Вы не простите ему того, что ему слѣдуетъ прощать, чтобы найти удовольствіе въ остальномъ [3]).

Макса Миллера есть два сочиненія—одно—первый томъ его сборника статей Chips from a german workship (T. I. 1867), а другое Introduction to the science of religion (или Lectures), 1873. И то, и другое представляетъ только очерки, намеки, ничего цѣльнаго. Въ послѣднемъ онъ ссылается на Шеллинга, въ подтвержденіе той мысли, что душа всякаго народа, то, что дѣлаетъ народъ народомъ, есть его религія; почему Миллеръ и принимаетъ, что религіи нужно раздѣлить на арійскія, семитическія и туранскія — по племенамъ.

Я спрашивалъ Вл. Соловьева,—и онъ мнѣ не могъ ничего указать. Указалъ, впрочемъ, Арх. Х р и с а н ѳ а Р е л и г і и д р е в н я г о м і р а, 2 тома, уже 1873—75, и хвалилъ. Но я уже принимался за эту книгу, и теперь опять заглянулъ въ нее — нѣтъ, не нра-

---

[1]) См. выше, стр. 64.

[2]) См. выше.

[3]) Отзывъ Толстого о Ренанѣ см. въ письмѣ его къ Страхову отъ 18-го апрѣля 1878 г., въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 317—319, и у П. А. Сергѣенко, т. I, стр. 127—128.

вится; слишкомъ краснорѣчиво, а дѣла и точности мало [1]). Я пробовалъ затѣмъ заглядывать и въ Веды и въ Трипитаку— и былъ пораженъ этимъ океаномъ словъ и образовъ, въ которомъ трудно двигаться безъ руководителя.

Не могу выразить, какъ мнѣ отрадно было, что Вы такъ носились съ моимъ портретомъ; не думалъ я, что онъ того стоитъ и заслужитъ такую честь. Всякая Ваша ласка для меня безцѣнно дорога, и я оживаю отъ нея. Статья моя на Рождествѣ непремѣнно будетъ написана. Очень желаю и прошу извѣстій отъ Васъ. Что здоровье графини? Что Ваше и дѣтей?

Фетъ прислалъ мнѣ чудесное приглашеніе на лѣто; въ этомъ письмѣ онъ сравниваетъ меня съ кускомъ душистаго мыла. Я очень радъ и сравненію, и приглашенію [2]).

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1877 г. 12 дек. Спб.

61. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[24]-27-го марта 1877 г. Петербургъ.

Отъ всей души поздравляю Графиню и Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Ну не правда ли, что Вы очень счастливый человѣкъ? У Васъ въ одно время родился сынъ [3]) и выходитъ изъ печати Анна Каренина. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что Вы иногда чувствуете всю удивительную роскошь своего существованія. Мнѣ пріятно это думать. Область уязвимости у Васъ огромная, но вѣдь это оттого, что Вы растянулись умомъ и сердцемъ во всю ширину земной жизни. Я всею душою призываю на Васъ продолженіе этого благополучія. Пусть минуетъ Ясную Поляну всякая безтолковая бѣда и всякое несвоевременное горе!

Можетъ быть Вы найдете страннымъ сопоставленіе Карениной съ Вашимъ новорожденнымъ. Но для меня такъ вышло. Дня три тому назадъ я отослалъ послѣдній листъ корректуры—и до сихъ

---

[1]) Сочиненіе архимандрита Хрисанѳа (Ретивцева): „Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Историческое изслѣдованіе“ вышло въ 3-хъ томахъ: т. I—„Религіи Востока“, т. II—„Религіи Египта“ и т. III—„Религіи Семитическихъ народовъ, Греціи и Рима“; издано въ 1873, 1875 и, т. III, въ 1878 г.

[2]) Это письмо Фета къ Страхову, отъ ноября 1877 г., напечатано въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1901 г., вып. I, стр. 71—72; отвѣтъ Страхова, отъ 24-го ноября, напечатанъ тамъ же, на стр. 72—73. Съ этого началась ихъ переписка.

[3]) Графъ Андрей Львовичъ Толстой, родившійся 6-го декабря 1877 г.

поръ я весь еще переполненъ Карениной; подъ конецъ чтеніе корректуръ сопровождалось волненіемъ восторга и чуть не слезами. Я влюбился въ Вашъ романъ ужасно. Когда я слышу разсужденія о немъ, которыя продолжаются (въ Голосѣ три статьи Маркова [1])—еще не читалъ), мнѣ все приходитъ на мысль отзывъ старой Княгини объ Левинѣ: «Онъ легкомысленъ очень!» Совершенно такъ понимаютъ Вашъ романъ всѣ цѣнители, судя о Вашемъ легкомысліи по собственному.

Скажу одно: серьезность Вашего тона просто страшна; такого серьезнаго романа еще не было на свѣтѣ.

Чтобы не заговориться, обращаюсь къ Соловьеву. Я сейчасъ только прочиталъ еще его статью, явившуюся въ Гражданинѣ: «Вѣра, разумъ и опытъ», первая статья—и я готовъ просто браниться. Это все болтовня, въ которой маленькая искра философской работы потоплена въ безпорядочной массѣ словъ. Вы никогда не разберете, откуда оно идетъ, что у него свое, что чужое, что взято готовое, что прибавлено, что доказано, что вопросъ. Въ сущности его первая работа — Кризисъ [2])—самая серьезная; а теперь онъ пустился безъ оглядки писать. Вы знаете, онъ диктуетъ свои статьи стенографкѣ?

Вы совершенно правы въ Вашихъ замѣчаніяхъ: утилитаріанизмъ не только не опровергнутъ, а даже толкомъ не изложенъ; а Шопенгауэръ опровергается посредствомъ прежалкаго софизма. Къ такимъ софизмамъ онъ очень расположенъ; ихъ множество въ Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія [3]), я ловилъ его на нихъ и въ разговорахъ, и они причиной, что его мысли не достигаютъ опредѣленности, а всѣ сбиваются на тавтологіи.

То, что Вы пишете объ необъяснимыхъ основахъ, божественныхъ, держащихъ насъ въ своей власти, безъ которыхъ не было бы никакого знанія и существованія,—я конечно признаю вполнѣ. Несказанное, немыслимое есть одно истинно сущее, какъ признаютъ буддисты и китайскій Лаоцзы [4]).

27 Декабря. Вотъ уже четвертый день, какъ я пишу къ Вамъ это письмо. Мѣшаетъ мнѣ немножко здоровье, немножко праздники и много—моя статья, за которую я взялся въ тотъ же день, какъ отослалъ послѣднюю корректуру, и которая то надуваетъ меня гордостью, то приводитъ въ отчаяніе. Но будетъ недурно, я увѣренъ [5]).

---

[1]) Евгенія Львовича; см. выше.

[2]) Диссертація В. С. Соловьева: „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“, М. 1874.

[3]) Статья Соловьева въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1877 г. (см. выше).

[4]) Китайскій мудрецъ, жившій въ VI вѣкѣ до Р. Х. и оставившій философское сочиненіе „Даотехъ-кингъ“.

[5]) Статья Страхова „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи“.

Объ корректурѣ Карениной скажу тоже, что Вы должны простить мнѣ много ошибокъ, очень для меня горькихъ, но все-же большею частью буквенныхъ. За то моя пунктуація должна непремѣнно помочь пониманію читателей, и на множество страницъ я просто любуюсь,—такъ мнѣ это кажется теперь красивѣе и яснѣе. Въ награду прошу Васъ прикажите мнѣ выслать два экземпляра романа—одинъ для меня, другой чтобы давать въ чтеніе.

Вотъ начинаются несчастія. Я уже давно сообразилъ, что Стахѣевы люди несчастные, больные, для которыхъ нѣтъ впереди хорошаго будущаго, и я даже хотѣлъ эгоистически уйти отъ нихъ, чтобы не нести своей доли тяжести; но видно ужъ поздно—мнѣ ихъ ужасно жалко. Стахѣевъ говоритъ, что онъ не можетъ молиться, что въ молитвѣ ему невольно видится безсмысленное дѣло...

И такъ—съ Новымъ Годомъ, со старымъ счастьемъ! Помните, мы сидѣли тринадцать за столомъ? Я торжествую надъ предразсудками Константина Александровича. Поздравляю Графиню и всѣхъ Вашихъ.

Лѣта я никому не обѣщалъ и ничего не желалъ бы лучше, какъ повторить прошлогоднее.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1877. 27 Дек. Спб.

62. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову [1]).

3-го января 1878 г. [Ясная Поляна] [2]).

Письмо ваше дорогой Николай Николаевичъ пришло въ то время какъ я былъ въ Москвѣ и по возвращеніи моемъ жена мнѣ сообщила какъ одну изъ радостныхъ новостей, что есть длинное письмо отъ васъ «и такое милое». И я благодарю васъ за это. За ужасный и огромный трудъ (что бы вы ни говорили) корректуръ моего романа [3]) я не благодарю потому что слишкомъ не соотвѣтствуетъ тому что вы для меня этимъ сдѣлали, всякія слова благодарности.—Постараюсь только не забывать этого. У насъ все слава Богу хорошо; малень-

---

[1]) Кромѣ писемъ Толстого къ Страхову, относящихся къ 1877 году и указанныхъ выше, было еще одно письмо, относящееся къ 1877 году и напечатанное въ книгѣ П. И. Бирюкова, въ т. II, стр. 304, и у П. А. Сергѣенко, т. I, стр. 123.

[2]) Это письмо, въ видѣ отрывка (со словъ: „Встрѣтился въ Москвѣ съ Бакунинымъ“ (sic! вм.: Чичеринымъ) напечатано у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 327, и у П. А. Сергѣенко, т. II, стр. 52-53; здѣсь печатается по подлиннику и въ полномъ видѣ.

[3]) Страховъ корректировалъ отдѣльное изданіе „Анны Карениной“.

каго [1]) окрестили Степа [2]) съ моей Таней [3]) и на праздникахъ кромѣ своихъ никого не было. Здоровье мое которое все было дурно, теперь какъ будто поправляется, и начатая работа перебита праздниками, но не остановлена.—

Вчера былъ у насъ Фетъ и нѣсколько разъ принимался дѣлать планы, о томъ какъ онъ увезетъ васъ отъ насъ и какъ я за вами пріѣду. Вы и не думаете о насъ, а мы уже дѣлимъ ваше время [4]).

Критику чистаго практическаго разума [5]) я пріобрѣлъ. Нынче посылаю для полученія по немъ [ваше] объявленій отъ васъ. Впрочемъ теперь у меня книгъ и матеріаловъ по двумъ разнороднымъ предметамъ такъ много, что я въ нихъ теряюсь.

Соловьева статью въ Гражданинѣ [6]) пришлите пожалуйста. Заглавіе очень для меня заманчиво, Вѣра, знаніе и опытъ. Встрѣтился въ Москвѣ съ Чичеринымъ [7]). Онъ пишетъ сочиненіе о знаніи и вѣрѣ. У меня живетъ [кан] учителемъ математики кандидатъ Петерб. Университета, прожившій два года въ Канзасѣ въ Америкѣ въ русской колоніи коммунистовъ. Благодаря ему я познакомился съ [лу] тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ тѣхъ самыхъ которые судятся теперь [8]). Ну и эти люди пришли къ необходимости [отъ и] остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозной основы.—Со всѣхъ сторонъ (не вспомню теперь кто) всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя.

Съ нетерпѣніемъ жду вашей статьи. Одна фраза вашего письма мнѣ сдѣлала больно. Вы пишете отослалъ послѣднія корректуры и взялся за свою статью. Вы нечаянно признались что эта пустая работа мѣшала вашей.

Смерть Некрасова [9]) поразила меня. Мнѣ жалко было его не какъ поэта, тѣмъ менѣе какъ руководителя общественнаго мнѣнія, но какъ характеръ, который и не попытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю не [то что] любовью а любованьемъ.

---

[1]) Графа Андрея Львовича Толстого (род. 6-го декабря 1877).

[2]) С. А. Берсъ.

[3]) Графиня Татьяна Львовна Толстая, по мужу Сухотина.

[4]) Разсказъ Фета о пребываніи у него Страхова и Толстого въ іюнѣ 1878 г. см. въ „Воспоминаніяхъ“ Фета, т. II, стр. 350.

[5]) Канта.

[6]) См. выше.

[7]) А не „съ Бакунинымъ“, какъ напечатано въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 327). Борисъ Николаевичъ Чичеринъ (род. 1828, ум. 1904), бывшій профессоръ Московскаго Университета, извѣстный ученый и общественный дѣятель.

[8]) Процессъ 193-хъ, завершившійся приговоромъ 23-го января 1878 г.

[9]) Онъ умеръ 27-го декабря 1877 г.

Нынче пережилъ тяжелую минуту—долженъ былъ отказать нашему Швейцарцу — онъ сдѣлался невыносимъ своею грубостью и дурнымъ характеромъ.

Есть ли [что] въ Монгольской древней религіи, что нибудь настолько же разработанное какъ Веды Трипитака и Зендъ-Авеста, и дошли ли и въ этой религіи до настоящаго т. е. высокаго?

Откуда вы мнѣ приводили слова Лаотцы [1])?—

Обнимаю васъ отъ всей души, дорогой другъ и желаю вамъ въ этомъ году того, о чемъ молюсь каждый день спокойствія въ трудѣ,

Вашъ Л. Толстой.

О 2-хъ экз. [2]) пишу съ этой почтой.

3-го Генваря 1878.

На письмѣ помѣтка Страхова: 3 янв. 1878. Ясн.

63. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го января 1878 г. [Петербургъ].

Вы забываете, безцѣнный Левъ Николаевичь, что Вы очень замѣчательный писатель нашего времени, и что я — критикъ. Это званіе критика, Вами очень пренебрегаемое, навязано было мнѣ отчасти противъ моей воли, но, какъ я теперь вижу, не безъ причины, и я его признаю за собою, и цѣню больше, чѣмъ Вы. Между прочимъ ему я обязанъ большимъ благополучіемъ — знакомствомъ съ Вами. Какъ бы то ни было, чтеніе корректуры Анны Карениной было для меня дѣломъ, а не потерею времени и не помѣхою настоящей работѣ. Такъ какъ я медленно понимаю, то мнѣ нужно долго вникать въ читаемое, — и я дѣлалъ это съ великимъ наслажденіемъ, такъ какъ чувствовалъ, что тутъ у меня подъ ногами твердая почва. Еслибъ не неисправности типографіи, которая оказалась такою же, какъ всѣ типографіи, то кромѣ чувства самой полезной и привлекательной работы я ничѣмъ бы не могъ помянуть корректуры Анны Карениной.

Но мы еще поговоримъ объ этомъ романѣ, а теперь займемтесь текущими дѣлами. Гдѣ Фетъ? И гдѣ Голохвастовъ? [3]). Нужно написать и тому и другому. Голохвастовъ прислалъ мнѣ оттискъ драмы своей жены [4]) съ ея подписью, а Фетъ спрашиваетъ, не

---

[1]) См. выше, стр. 138 и ниже въ письмѣ № 63.

[2]) Новаго изданія „Анны Карениной“, которымъ завѣдывалъ Страховъ.

[3]) См. выше, стр. 56.

[4]) См. выше, стр. 97.

переводить ли ему Критику Чистаго Разума Канта. Конечно не переводить—она уже переведена [1]), да и не подходитъ подъ мысль Фета, подъ его мечту о работѣ. Но я до сихъ поръ ничего не придумалъ.

Моя работа идетъ не дурно—я уже на концѣ статьи [2]). Съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашего отзыва, и часто думаю объ Васъ, когда пишу. Это можетъ быть начало длинныхъ работъ.

Чтобы писать сталъ сидѣть дома. Теперь очень привыкъ, и на вечерахъ (или такъ называемыхъ днях ъ) мнѣ скучно. Даже ералашъ не веселитъ.

Но разумѣется былъ на похоронахъ Некрасова. Я не пошелъ къ нему, когда онъ звалъ меня обѣдать, но на похоронахъ былъ не изъ одного любопытства [3]). Зрѣлище было странное. Хотѣли раздуть какъ можно больше, но удалась развѣ десятая доля того, что ждали и хотѣли. Было не очень много: большею частію студенты, маленькая кучка литераторовъ—и никого больше, такъ что экипажей было до странности мало, и вся толпа имѣла мизерный видъ. Несли на рукахъ очень тихо. Священникъ, профессоръ Университета Горчаковъ [4]) сказалъ надгробное слово, которое своею фальшью до боли раздражило меня. Онъ восхвалялъ въ покойномъ вѣру, надежду и любовь, не говоря, какія, и прочиталъ въ церкви длинное стихотвореніе. На могилѣ я выслушалъ одну рѣчь, въ которой Некрасова ставили выше Пушкина и Лермонтова. Толпа кричала браво!

Очень хотѣлось бы поговорить съ Вами объ Некрасовѣ. Меня онъ привлекалъ просто какъ человѣкъ съ волею, съ страстями, который умѣлъ желать и добиваться, чего хотѣлъ. Не мало нужно было практическаго ума, чтобы создать себѣ такую репутацію; а потомъ онъ уже былъ рабомъ своей репутаціи, уже жалко и невозможно было не стараться о ея сохраненіи. Но эта фальшь, и эти фальшивыя похороны—сдѣлали на меня тяжелое, почти гадкое впечатлѣніе. Клянусь Вамъ, Левъ Николаевичъ, по правдѣ, мнѣ было бы стыдно, если бы это были мои похороны. Ни одного человѣка, сочувствующаго искренно, а всѣ сочувствія—фальшивыя,—вѣдь это ужасъ! И тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше фальшивыхъ слезъ и чѣмъ громче фальшивые крики!

Ваши мысли объ исканіи вѣры, которое такъ часто встрѣ-

---

[1]) Въ 1867 г. былъ изданъ переводъ М. И. Владиславлева, а въ 1879 г. вышелъ переводъ Н. Смирнова.

[2]) „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи“; напечатана въ майской и іюньской книжкахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

[3]) Ср. выше, стр. 140.

[4]) Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Горчаковъ (ум. 1910).

чается, очень меня занимаетъ. Сегодня еще я просматривалъ 4 тома Шеллинга Philosophie der Mythologie и Philosophie der Offenbarung — конечно послѣдняя грандіозная попытка этого рода; эти томы изданы послѣ его смерти и кажется не произвели никакого вліянія. Иногда я поддаюсь этого рода настроенію, но за то потомъ мною овладѣваетъ просто ярость — такъ мнѣ становятся противны всякія сдѣлки съ своею мыслью. Въ Оптиной Пустыни О. Амвросій далъ мнѣ Исаака Сирина. Я принялся читать, — представьте, что книга переведена на несуществующій языкъ, подобіе славянскаго. Я бросилъ, такъ какъ не могъ добраться смысла. Досталъ другой переводъ, на русскій языкъ. Читаю и чувствую, что переводчикъ не понималъ половины того, что переводилъ, а очень старался о пышности выраженій. Досада меня беретъ ужасная. Все вѣдь это сдѣлки;—для вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы пахло благочестіемъ. Они въ безсмыслицахъ плаваютъ, какъ рыба въ водѣ, и скорѣе имъ противно все ясное и опредѣленное.

Но я постоянно продолжаю свое чтеніе по предметамъ религіи. Читаю M-me Guyon [1]), на которую ссылается Шопенгауэръ, Кöррен о Буддизмѣ и т. д. Лаоцзы я привелъ изъ книги St. Julien: Le livre de la voie et de la vertue, par Lao-Tseu. По нѣкоторымъ выраженіямъ книга показалась мнѣ очень глубокою; но я еще не занимался ею какъ слѣдуетъ.

Я получилъ 2 экземпляра Карениной, и очень Васъ благодарю; но уже успѣлъ открыть нѣкоторыя опечатки, и они меня мучатъ.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь; отъ всей души желаю Вамъ здоровья и успѣха въ той работѣ, которая обѣщаетъ намъ опять что-нибудь гигантское [2]). Графинѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

Стасову ужасно хочется, чтобы Вы знали, что онъ признаетъ Васъ геніальнымъ. Посылаю Вамъ его статью; Вы увидите, какая это горячка и какая безтолковщина.

1878. 20 янв.

---

[1]) Jeanne-Maria Bouvières de la Mothe Guyon (ум. въ 1717), религіозно-нравственныя сочиненія которой довольно усердно переводились въ Россіи въ первой четверти XIX столѣтія, въ эпоху расцвѣта мистицизма.

[2]) Какъ извѣстно, начатый Толстымъ романъ изъ эпохи 1820-хъ годовъ остался неоконченнымъ.

64. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

28-го января 1878 г. Ясная Поляна [1]).

Не получая долго отъ васъ писемъ, дорогой Николай Николаевичъ, я все время радовался мыслью, что вы вѣрно работаете (и такъ оно и вышло) и скучалъ. Такъ скучалъ даже, что писалъ Степѣ [2]), чтобы онъ зашелъ къ вамъ и узналъ о васъ и мнѣ написалъ.

Буду отвѣчать по пунктамъ. Голохвастовъ [3]) вѣроятно въ деревнѣ писать ему, Новый Іерусалимъ — городъ не знаю какъ зовутъ [4]).

Фетъ въ новомъ своемъ имѣньи — московско-курс. дорога, станція Будановка. Въ послѣднемъ письмѣ онъ прислалъ мнѣ стихотвореніе прекрасное.

Вотъ вамъ двѣ пары стиховъ [5])

. . . . . .
... Та трава что вдали на могилѣ твоей
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣ она, тѣмъ свѣжѣй
. . . . . .
У любви есть слова, тѣ слова не умрутъ
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ.
. . . . . .

Похороны Некрасова. Ужаснѣе подобныхъ зрѣлищъ для меня ничего нѣтъ.—

Наглая жизнь у васъ въ вертепахъ какъ Петербургъ, такъ разгуливается, что и на не подлежащія ей явленія смерти хочетъ наложить свою руку. И что смѣшнѣе всего хочетъ отнестись къ тайнѣ смерти со всѣмъ свойственнымъ ей умѣніемъ приличія, торжественно по чину; и тутъ то вся ничтожность мерзость ея тычетъ въ глаза тѣмъ у кого есть глаза. — Какъ будто не только Некрасов. слава, но слава всѣхъ великихъ людей, собранная на одну голову, могла бы быть прилично упомянута надъ трупомъ.—

---

[1]) Часть этого письма, служащаго отвѣтомъ на письмо Страхова отъ 20-го января 1878 г., начиная отъ словъ: „Объ исканіи вѣры"..., напечатана въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 314—317, откуда перепечатана у П. А. Сергѣенко (т. I, стр. 102—105), но съ невѣрной датой: 1873 вмѣсто 1878.

[2]) С. А. Берсъ.

[3]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

[4]) Другою рукою приписано: (Зовутъ Воскресенскъ).

[5]) Это стихотвореніе—„Alter ego".

О Некрасовѣ я недавно думалъ. [Знае] По моему его мѣсто въ литературѣ будетъ мѣсто Крылова. Тоже фальшивое простонародничанье и таже счастливая карьера — потрафилъ по вкусу времени — и тоже невыработанное и не могущее быть выработаннымъ настоящее присутствіе золота, хотя и въ малой пропорціи и въ неподлежащей очищенію смѣси.

Объ исканіи вѣры. Вы пишете, что «всякія сдѣлки съ мыслью вамъ противны», [что для вѣ] Мнѣ тоже. Еще пишете, что для «вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы пахло благочестіемъ (я бы замѣнилъ: лишь бы проникнуто было [дѣ] вѣрою, надеждою и любовью) [1]). Они въ безсмыслицахъ какъ рыба въ водѣ и имъ противно ясное и опредѣленное». [Съ этимъ] И я то-же. — Я объ этомъ началъ писать и написалъ довольно много, но теперь оставилъ увлекшись другими занятіями. Но, расчитывая на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ же письмѣ сказать почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ вовсе не странно.

Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, к. легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое-то чувство. Тѣ отвѣты, кот. мнѣ даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудіемъ мысли).

Но я не одинъ искалъ и ищу отвѣтовъ на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначущихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти — религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по тому одному, что они выражены словомъ, но они всетаки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но какъ содержаніе они [ист] одни истинны. Смотрю [на] всѣми глазами на форму, — содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе, — мнѣ дѣла нѣтъ до формы. Я ищу отвѣта на вопросы, по существу своему высшія разума, и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потомъ удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разуму. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этаго, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть, все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замер-

---

[1]) Вѣра—что я могу знать, любовь—что я долженъ дѣлать, надежда—чего я могу надѣяться.

зать, потому что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны, тоже, что сказать, что я чего то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ, кажется вотъ что: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе: я называю ихъ вопросами сердца. На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій, отвѣчаютъ люди не словомъ, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всею жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть. Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю и вы и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизней людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одна на другую, начиная съ жизней . . . . отцевъ [и] ихъ [пріемовъ] жизней [по нравственному содержанію], но внѣшними даже дѣйствіями — колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней, [одеждами] и т. п. Во всей массѣ безчисленной дѣйствій этихъ людей, почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлялись и составляли одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи [нѣ] нетолько нѣтъ ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать провѣрку смысленнаго и безсмысленнаго. Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти преданія, это [вопросъ] то, согласны ли даваемые отвѣты съ смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертаннымъ у меня въ глубинѣ сознанія (о которомъ я говорилъ прежде). И потому [если] когда мнѣ это преданье говоритъ, что я долженъ хоть разъ въ годъ пить вино [и говоритъ], которое называется . . . . . я, понимая по своему или вовсе не понимая этого акта [исполн. остаюсь къ нему индифферент], исполняю его. Въ немъ нѣтъ ничего такого, чтобы противорѣчило смутному сознанію. Также я въ извѣстные дни ѣмъ капусту, а въ другіе мясо, но когда мнѣ [мнимое] преданіе (изуродованное борьбой разумной съ различными толкователями) говоритъ [что] будемте всѣ молиться, чтобы побить побольше турокъ, или даже говоритъ, что тотъ, кто не вѣритъ, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не съ разумомъ, но съ хотя и смутнымъ но несомнѣннымъ голосомъ сердца, — я говорю: это преданіе ложное. Такъ что я вполнѣ плаваю, какъ рыба въ водѣ, въ безсмыслицахъ и только не покоряюсь тогда, когда преданіе мнѣ передаетъ осмысленныя имъ дѣйствія, несо [гласныя] впадающія съ той основной безсмыслицей смутнаго сознанія, лежащаго въ моемъ сердцѣ. Если вы поймете, несмотря на неточность моихъ выраженій, мою мысль, напишите мнѣ, пожалуйста, согласны ли вы съ ней или нѣтъ, и тогда почему. Совѣстно мнѣ это говорить, но говорю, что чувствую: я такъ убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и убѣжденіе это такъ для меня отрадно, что я не для себя желаю

вашего сужденія, но для васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы испытывали тоже спокойствіе и туже свободу душевную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновенія даже формальныхъ математическихъ истинъ для каждаго ума — свои, тѣмъ болѣе они должны быть свои особенныя для постигновенія метафизическихъ истинъ, но мнѣ такъ ясно (какъ фокусъ, который вамъ показанъ), что не могу понять, въ чемъ для другихъ можетъ еще быть непонятенъ этотъ фокусъ. Знаю тоже, что если мнѣ въ Москву надо ѣхать на сѣверъ и сѣсть на машину въ Тулѣ, то это никакъ не можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ людей, находящихся на разныхъ концахъ свѣта, желающихъ пріѣхать въ Москву, — тѣмъ болѣе для васъ, потому что знаю, что у васъ съ собой много поклажи (ваше знаніе и прошедшіе труды), а я налегкѣ; но я могу васъ увѣрить, что я въ Москвѣ, больше никуда не могу желать ѣхать, и что въ Москвѣ очень хорошо. Я вамъ написалъ, какъ я пріѣхалъ, и не знаю хорошенько, гдѣ Вы находитесь; прошу васъ [испы] провѣрить мой маршрутъ — не годится ли онъ вамъ? Пожалуйста, когда вамъ будетъ время, напишите мнѣ, въ чемъ окажется разница предлагаемаго маршрута, и гдѣ онъ на вашъ взглядъ невѣренъ. Да пожалуйста погрубѣе пишите мнѣ и критикуйте мнѣ, чтобы короче и можно бы больше сказать.

У меня явилась дерзкая мысль. Что если бы вамъ было свободно и расходъ поѣздки для васъ незначителенъ и вы любите насъ по старому, что если бы вы пріѣхали къ намъ на блины на нѣсколько деньковъ?

Простите, если это приглашеніе слишкомъ смѣло. Я пускаю его, надѣясь, что вы не разсердитесь, а если изъ 100 есть 1 шансъ, что возможно, то отчего не рискнуть тѣмъ, что было бы такою радостью. О религіи мы бы не говорили. Можетъ быть я буду въ Петербургѣ [1]). Но въ Петерб. я васъ не увижу.

Вашъ Л. Толстой.

Я всю эту зиму хвораю и не выхожу изъ дома, а раза два лежалъ въ постели по нѣскольку дней.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 28 янв. 1878. Ясн.

---

[1]) Въ Петербургъ очень звала Толстого графиня А. А. Толстая (См. Толстовскій музей, т. I, стр. 289 и др.).

65. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Спб. 1878. 3 февр.

Конечно я къ Вамъ пріѣду, безцѣнный Левъ Николаевичь.

На что намъ деньги? На веселье
Кому ихъ жаль?

Простите, что шучу; но въ самомъ дѣлѣ—у меня и деньги есть, и посѣщеніе къ Вамъ—сущая радость. Въ середу на масленой вечеромъ я буду у Васъ. И лошадей не высылайте—все будетъ легко и безъ хлопотъ.

Вы мнѣ написали чудесныя мысли, которыя очень поразили меня и съ которыми не могу не согласиться. Въ одномъ только буду противорѣчить. Вы пишете, что отвѣты религіи на вопросы нашего сердца сложились, выработались нѣкоторымъ взаимодѣйствіемъ человѣческихъ жизней. Но тогда они представляли бы прогрессивное движеніе—правильное, повышающееся. Между тѣмъ этого допустить нельзя. Въ религіи сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ — консерватизмъ и синкретизмъ. Вѣрованіе, имѣющее опредѣленный смыслъ, сохраняется не смотря на то, что смыслъ утраченъ, или совершенно измѣнился. И различныя вѣрованія, даже противорѣчащія, срастаются вмѣстѣ и примиряются какимъ-то страннымъ образомъ. Поэтому ростъ религіи есть совершенно неправильное усложненіе, которое дѣлаетъ ее все страннѣе и неправильнѣе—съ точки зрѣнія ума.

Христіанство все въ себѣ совмѣстило—и буддизмъ, и іудейство, и язычество; оно отозвалось на всѣ вопросы сердца,—за то понимать его уже вовсе невозможно. Какъ мнѣ горько иногда, что вопитанный на евангеліи, я теперь не могу читать его съ ясной мыслію. Буддизмъ или магометанство понятнѣе—Вы сами это знаете.

Когда я писалъ свою статью о психологіи, мнѣ пришло на мысль, что сонъ есть настоящая картина того, какъ живетъ человѣчество. Оно въ цѣлой своей массѣ конечно мыслитъ, желаетъ и чувствуетъ; но такъ, какъ мы это дѣлаемъ во снѣ. Самыя странныя сочетанія представленій кажутся ему полными смысла (Вы это описывали столько разъ); чувства и желанія вызываютъ сейчасъ же образы — и мы имъ вѣримъ. И все это конечно имѣетъ смыслъ, все это—живое; но чѣмъ дольше спитъ человѣчество, тѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе выходятъ его сновидѣнія. Старые сны не исчезаютъ, а приплетаются къ новымъ, и путаница растетъ безъ конца. Въ глубинѣ конечно совершается ростъ жизни, и постепенно свѣтлѣетъ сознаніе; но рядомъ съ этимъ, на поверхности, продолжается безпорядочный вихорь образовъ.

Въ настоящую минуту я обремененъ тяжелымъ дѣломъ—я счи-

таю себя обязаннымъ ѣздить на лекціи Соловьева [1]) о религіи. 29 Янв. была первая, сегодня вторая. Если желаете скоро имѣть о нихъ понятіе, достаньте Голосъ; да не прислать ли Вамъ? А когда пріѣду, я разскажу Вамъ подробно свои впечатлѣнія. Мнѣ такъ странно бываетъ, что я готовъ спрашивать себя: не во снѣ ли это? Соловьевъ нашелъ себѣ покровителей въ Константинѣ Николаевичѣ [2]), Евгеніи Максимиліановнѣ [3]) и пр. Макарій, (Архіеп.) Литовскій [4]), его слушаетъ. Сегодня постараюсь пересмотрѣть великосвѣтскую публику. Но кажется напрасно я буду искать тамъ серьезнаго человѣка, который любитъ настоящее и умѣетъ отличать его, который знаетъ, что такое искренность и правда. Не повѣрите, какъ это все тяготитъ меня. На бѣду же́ я знакомъ съ Соловьевымъ. Я чувствую, что мнѣ слѣдовало бы говорить ему, сказать ему свое мнѣніе и объ его разсужденіяхъ и объ той обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствуетъ. Но я пока молчу и собираюсь съ мыслями, а дѣло идетъ все шире и дальше, какъ сновидѣніе, котораго не можешь остановить, хотя и чувствуешь, что спишь.

Вчера былъ у меня милѣйшій Степанъ Андреевичъ [5]) и доставилъ мнѣ большую радость. Все объ Васъ говорили и договорился онъ до того, что слезы нѣжности выступили на глаза.

Вы пишете, что Вамъ нездоровится эту зиму—какъ это грустно! И все Ваше настроеніе за послѣднее время не разъ наводило на меня грусть. Та непрерывная духовная работа, которая въ Васъ совершается, имѣетъ нѣсколько мрачный характеръ. Вы не даете себѣ отдыха. И не могу я сказать Вамъ ничего, что бы Вамъ помогло. Только любовь моя и уваженіе къ Вамъ возрастаютъ.

Моя работа запнулась на самомъ концѣ и никакъ не хочетъ кончиться.

Вдругъ измѣнилось настроеніе духа, пропала увѣренность и ясность мысли.

Стасовъ пристаетъ ко мнѣ, чтобы я Васъ упросилъ

1) Дать свой портретъ для Публичной Библіотеки.

2) Позволить Третьякову послать Вашъ портретъ на Парижскую Выставку.

Простите пока.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

---

[1]) Владиміра Сергѣевича.

[2]) Великій князь.

[3]) Супруга принца Александра Петровича Ольденбургскаго, нынѣ здравствующая.

[4]) Макарій Булгаковъ (ум. 1882), съ 1868 г. архіепископъ Литовскій, съ 1879 г.—митрополитъ Московскій.

[5]) Берсъ.

Объ Некрасовѣ какъ вѣрно! Сравненіе его судьбы съ судьбой Крылова—поразительно; а между тѣмъ, по содержанію, по тону—повидимому никакого сходства.

Говорятъ, что въ Аннѣ Карениной много опечатокъ; я знаю, что Вы мнѣ это простите; но самому мнѣ очень досадно.

66. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[8-го февраля 1878 г. Ясная Поляна.]

Пишу только нѣсколько словъ, дорогой Николай Николаевичъ, только чтобы выразить вамъ свою радость и благодарность за то, что вы такъ готовно отнеслись на мое робкое предложеніе. Вѣрьте, что всѣ домашніе обрадовались, когда я торжествуя объявилъ имъ это извѣстіе, а о себѣ и говорить нечего. Нѣтъ пожалуйста телеграфируйте на Козловку. Для васъ и лишній расходъ и хлопоты, а для насъ веселое катанье. Мы, если погода хороша, съ дѣтьми пріѣдемъ за вами. Дали бабѣ холстъ, говоритъ толстъ, дали тонѣ, она говоритъ дай болѣ: такъ и я уже думаю: нельзя ли вамъ побольше дать намъ времени. Именины мои [два дня] день до масляницы. Вотъ еслибы съ 17-го до конца масляницы и ефимоновъ!

Ваше противорѣчіе не признаю. Какъ отвѣтъ на вопросъ сердца даетъ религія христіанская съ эвхаристіей и т. п., такъ отвѣтъ на вопросъ геометрической даетъ наука.—Она говоритъ: отношеніе окружности къ діаметру = π.

π есть тоже усложненіе. [Мужикъ м] и тоже неправильно съ точки зрѣнія разума. Первое объясненіе мужика, что діаметръ въ трое меньше окружности, проще. А по сущности своей π неправильно, ибо [выражается] несоизмѣримо. И сколь ни много различныхъ выраженій π, смотря по степени приближенія, они всѣ и неправильны съ точки зрѣнія разума, и вѣрны съ точки зрѣнія другой. Но я вижу, что мой путь—не вашъ путь.

Я ѣду завтра въ Москву за книгами. Кругъ нужныхъ мнѣ книгъ теперь очень опредѣлился, и чего я не найду въ Москвѣ, я имѣю дерзость разчитывать на васъ, о чемъ мы переговоримъ.

Я дома буду 11, если Богъ дастъ, и къ этому времени буду ждать вашего отвѣта, когда выслать лошадей и начинать радоваться.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 8 февр. 1878. Ясная.

67. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

11-го февраля 1878 г. Петербургъ.

Я самъ думалъ о Вашихъ именинахъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Но по одному расчету, можетъ быть глупому, я рѣшился пожертвовать настоящимъ будущему. Нынѣшнее лѣто я уже заранѣе рѣшилъ прогулять всѣ три мѣсяца, и мнѣ не хотѣлось бы дѣлать замѣтной прогулки среди года. Но кромѣ того, на меня напалъ какой-то дурной стихъ: Ваше милое письмо заставило меня подумать, что я не стою этой радости и этого расположенія. Что я привезу Вамъ? Нѣтъ во мнѣ ничего хорошаго.

Но для меня будетъ большая радость увидѣть Васъ. Пишу Вамъ наскоро, чтобы только подтвердить, что пріѣду къ Вамъ въ Середу на масленной. Нарочно поѣду съ пассажирскимъ поѣздомъ и высажусь на Козловкѣ — которая для меня стала уже милою, родною.

Я еще напишу Вамъ.

А отчего бы не пріѣхать къ Вамъ во Вторникъ? Вотъ это можно, потому что въ Понедѣльникъ — Ученый Комитетъ [1]), а чистый Понедѣльникъ можно манкировать.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1878 Февр. 11. Спб.

68. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[1-го Марта 1878 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы договорить вамъ то, что я хотѣлъ сказать внизу и сконфузился, не съумѣлъ сказать. А именно, что мнѣ не хотѣлось благодарить васъ за вашъ пріѣздъ, потому что эта благодарность слишкомъ отзывается условностью и пошлостью, а наши отношенія такъ мнѣ дороги съ одной стороны, а съ другой стороны такъ тверды и серьезны, что не хочется ихъ портить условными и лестными рѣчами другъ другу. Надѣюсь, что вы благополучно доѣхали и принялись за работу.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 1 марта 1878. Ясн.

---

[1]) Т. е., засѣданіе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, членомъ котораго былъ Страховъ.

69. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

2-го марта 1878 г. Петербургъ.

Какъ Вы милы, безцѣнный Левъ Николаевичь! Не успѣлъ я начать письмо къ Вамъ, какъ получилъ Ваше, съ такими дорогими, сердечными словами! А я все время думалъ объ Васъ и о томъ, что напишу Вамъ. Я пріѣхалъ благополучно, и кажется наконецъ оживаю. Но готовъ сердиться на тѣ свѣтлыя минуты, которыя на меня находятъ. Скажите, зачѣмъ все это волненіе? Дурное расположеніе духа, отъ этого — боязнь произвести на Васъ дурное впечатлѣніе, отъ этого — досада на самаго себя, отъ этого еще хуже расположеніе, еще больше боязнь, еще сильнѣе досада, и на себя, и даже какъ будто на Васъ!.. Ахъ, какъ это глупо, глупо! — А теперь два дни отдыха, свѣтлая тихая погода — и безъ причины налетаютъ хорошія минуты. Въ заключеніе все-таки скажу, что, несмотря ни на что, у насъ были очень хорошіе разговоры, и я вернулся отъ Васъ чрезвычайно сытый. Разговоры объ логикѣ, объ волѣ, — Ваша мысль объ религіи, какъ о вопросахъ сердца — я думаю, что тутъ мы съ Вами не празднословили; мнѣ чувствуется что-то твердое подъ ногами. За работу еще не принимался, но думаю о предметѣ все усерднѣе и успѣшнѣе. Ничего бы мнѣ такъ не хотѣлось, какъ заслужить Вашу похвалу и Ваше согласіе.

Меня одолѣлъ тутъ одинъ пріѣзжій, мой бывшій товарищъ по Институту [1]), съ которымъ у насъ есть нѣсколько очень сладкихъ общихъ воспоминаній. Ему только 45, но это уже почти сѣдой старичекъ (онъ маленькій), сухой до невозможности, плохо видящій и плохо владѣющій ногами. Говорили мы съ нимъ, вспоминали старое и наконецъ — о чемъ, Вы думаете, онъ сталъ просить меня чуть не со слезами? Чтобы я посвятилъ ему хоть одну страницу и напечаталъ бы съ полнымъ обозначеніемъ его имени! Мнѣ стало и смѣшно, и жалко — а вѣдь этотъ червякъ, подумалъ я, сидитъ и во мнѣ самомъ!

Узналъ я кой-какія новости. Въ Москвѣ столкнулся съ Г. Градовскимъ (Гамма) [2]), который прямо пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано. Онъ разсказывалъ такъ: главный нашъ подвигъ — переходъ черезъ Балканы. За Балканами мы нашли разоренную страну, усыпанную трупами; сперва тамъ турки рѣзали болгаръ, а потомъ — болгары

---

[1]) Т. е. Главному Педагогическому Институту, гдѣ воспитывался Страховъ.

[2]) Григорій Константиновичъ Градовскій, извѣстный публицистъ, сотрудникъ „Голоса“ и др. изданій; въ 1876—1878 г. издавалъ газету „Русское Обозрѣніе“; здравствуетъ понынѣ. См. выше, стр. 16.

турокъ. Но по счастію огромные съѣстные запасы не были уничтожены. Ими мы питались, и только это позволило намъ дойти до Константинополя, куда наши войска пришли оборванныя, какъ нищіе. Военное начальство не умѣло снабжать и не снабжало ничѣмъ. Только то и получали войска, что доставлялъ Красный Крестъ, вездѣ дѣйствовавшій съ большою пользою. Признаюсь — неутѣшительно! — Болгарія, говоритъ Градовскій, должна быстро обрусѣть — такъ похожъ языкъ, и таковъ естественный путь.

Много худаго я слышалъ о плѣнныхъ туркахъ. Разсказывала Кашпирева [1]), ѣздившая въ деревню по дѣлу. «У насъ турка дохнетъ; ее гонятъ большими толпами безъ платья и обуви; мертвыхъ и больныхъ сваливаютъ въ одну повозку, — лишь бы доставить до мѣста въ томъ числѣ, въ какомъ сказано; десятки замерзаютъ на каждой станціи. Одна барыня пожертвовала для нихъ — туфли! На станціяхъ турка забивается въ углы, за печку, — и тогда ее штыками выгоняютъ въ дорогу». Ужасно слушать, и добрая Софья Сергѣевна не рѣшилась взглянуть, когда ее приглашали посмотрѣть на эту картину. — Все забываю Вамъ сказать, что Кашнирева твердо помнитъ свой долгъ Вамъ, и непремѣнно съ Вами расквитается.

Пока простите, безцѣнный Левъ Николаевичь. Всей душой желаю, чтобы хворость нападала на Васъ рѣже и совсѣмъ Васъ оставила, и чтобы созрѣли и перешли въ исполненіе Ваши великолѣпные планы. Графинѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ неизмѣнный
Н. Страховъ.

1878 г. 2 марта. Спб.

70. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[14-го марта 1878 г. Ясная Поляна[.

Написалъ 10 писемъ и пишу два слова. Маликовъ, другъ моего учителя, съ которымъ я хотѣлъ васъ свести, теперь въ Петербургѣ и желаетъ очень познакомиться съ вами. Онъ человѣкъ очень хорошій. Зовутъ его Александръ Капитонычъ Маликовъ [2]). Онъ придетъ къ вамъ въ публичную библіотеку.

---

[1]) См. выше, стр. 14.

[2]) А. К. Маликовъ (род. 1866), сперва каракозовецъ (1866 г.), а затѣмъ основатель „богочеловѣческой“ религіи, впослѣдствіи, съ Н. В. Чайковскимъ, устроившій въ Америкѣ коммуну, но вскорѣ вернувшійся въ Россію. О немъ см. „Былое“ 1906 г., кн. XI, стр. 56—58, „Минувшіе Годы“ 1908, № 7, стр. 96—99, а также у П. И. Бирюкова, Л. Н. Толстой, т. II, стр. 373, и др.

Хоть я и не видалъ васъ въ Петерб., я доволенъ своей поѣздкой. И дома весь ушелъ въ свою работу и чувствую приливы радости и восторга. Отъ души обнимаю васъ и люблю. Дай Богъ вамъ работать. Письмо ваше прочелъ и радовался. Я очень понимаю то, что вы пишете, потому что подобное же испытываю относительно васъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 14 марта 1878.

71. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

15-го марта 1878 Спб.

Третьяго дня пошла отъ меня, безцѣнный Левъ Николаевичь, посылка къ Вамъ. Семевскій [1]) разсыпался въ сожалѣніяхъ, что Вы не могли лично выбрать изъ его запаса, и увѣрялъ, что посылаемый томъ будетъ для Васъ всего любопытнѣе. Онъ готовъ переслать Вамъ и все, что у него есть, но не иначе, какъ по одному тому, то есть когда возвратите ему одинъ, онъ пошлетъ Вамъ другой. При этомъ онъ заставилъ меня написать въ особой книгѣ нѣчто въ родѣ некролога,—когда я родился, гдѣ учился и пр. [2]) — и предлагалъ сотрудничество. У него оказалось большое собраніе напечатанныхъ стиховъ и прозы Кюхельбеккера, и его дневникъ [3]). Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатлѣніе; но я побоялся труда и времени, которыхъ будетъ стоить чтеніе и обдумываніе этихъ рукописей. А Вы вѣдь хвалили Кюхельбеккера?

Семевскій живетъ близехонько отъ меня, такъ что мнѣ очень удобно быть посредникомъ между имъ и Вами. Но Вы удостоите его конечно и письмами, въ которыхъ выскажете свои желанія.

О себѣ скажу, что у меня пока вернулся аппетитъ, а за работу я не успѣлъ еще приняться. Ученіе о софіи по справкамъ оказалось гностическимъ, также какъ и о божественномъ Христѣ,

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Семевскій (ум. 1892 г.), основатель и издатель „Русской Старины“. Страховъ обращался къ нему за матеріалами для предполагавшагося романа Толстого изъ эпохи 1820-хъ годовъ.

[2]) Это автобіографическое показаніе вошло въ изданный М. И. Семевскимъ альбомъ „Знакомые“, Спб. 1888, стр. 80. Тамъ же, на стр. 396, напечатанъ отрывокъ изъ письма Толстого къ Семевскому изъ Москвы, отъ января 1888 г.

[3]) Дневникъ декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (род. 1797, ум. 1846) Семевскій напечаталъ (въ выдержкахъ) въ „Русской Старинѣ“ 1875, 1883 и 1884 гг.; тамъ же (1878 г.) опубликована его поэма въ стихахъ „Вѣчный Жидъ“.

отличномъ отъ человѣка Іисуса. Но я слишкомъ мало знаю, чтобы говорить объ этомъ. Да и всѣ лекціи Соловьева представляютъ амальгаму уже существующихъ ученій, — вѣрнѣе существовавшихъ. Онъ a priori выводитъ то, что узналъ a posteriori.

Ужасно жаль, что Вы не посмотрѣли выставки передвижниковъ. Это рядъ этюдовъ въ реалистическомъ духѣ. Нѣкоторые удивительны по красотѣ, напр. ржаное поле Шишкина, другіе по безобразію, напр. кочегаръ Ярошенко и протодьяконъ Рѣпина. Есть и удивительный техническій фокусъ — просвѣтъ въ сосновомъ лѣсѣ — Куинджи. Портреты — безподобные — лучшій Крамскаго — кн. Дм. Ал. Оболенскій; его же Некрасовъ не такъ хорошъ. Словомъ — русская школа (Стасовъ напечаталъ, что она зародилась въ 1862 году) со всѣми достоинствами и недостатками.

Есть нѣсколько дурныхъ новостей объ знакомыхъ, но лучше промолчу.

Меня очень трогаетъ и занимаетъ Ваше желаніе познакомить меня съ графиней Ал. Андр. Толстой [1]). За себя я, разумѣется, очень боюсь; но если есть въ Петербургѣ такой свѣтлый уголокъ, то какъ же не попытаться въ него проникнуть!

Вы очень добры ко мнѣ; смотрите же, не будьте взыскательны: вѣрьте, что усердія во мнѣ гораздо больше, чѣмъ силъ и умѣнья.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

72. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

16-го марта [1878 г. Ясная Поляна].

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку тетради Семевскаго [2]). Я ее прочелъ и отослалъ и прошу другую — именно записки Бестужева [3]).

Еще просьба: Путешествіе инока Пареенія и попа раскольника Авакума и раскольничьяго что есть, но не обработаннаго, а сыраго матеріала. Если что есть или вы узнаете, пришлите мнѣ пожалуйста. Стасова, какъ члена Комитета и т. д. Николая I [4]), я

---

[1]) Ея переписку съ Толстымъ и воспоминанія о немъ см. въ I т. „Толстовскаго Музея“, Спб. 1911.

[2]) См. предыдущее письмо.

[3]) Записки декабриста Михаила Александровича Бестужева были напечатаны Семевскимъ въ „Русской Старинѣ“ 1870 и 1881 гг.

[4]) В. В. Стасовъ состоялъ членомъ особаго Комитета, образованнаго для собиранія матеріаловъ для исторіи царствованія имп. Николая; Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа М. А. Корфа; нѣкоторые матеріалы этого Комитета напечатаны въ „Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества“.

очень прошу, не можетъ ли онъ найти, указать, — какъ [кто] рѣшено было дѣло повѣшенія 5-хъ [1]): кто настаивалъ, были ли колебанія и переговоры Николая съ его приближенными?

Кюхельбеккеръ трогателенъ, какъ и всѣ и люди его типа — не поэты, но убѣжденные, что они поэты, и страстно преданные этому мнимому призванію. Кромѣ того 15 лѣтъ заточенія.

Я отсюда слѣжу мысленно за вашей работой и боюсь, чтобы Степа [2]) не мѣшалъ вамъ, и боюсь уговаривать васъ побывать у Г. Толстой [3]) только поэтому. Хочется же мнѣ, чтобы вы познакомились съ ней, чтобы узнать взаимное впечатлѣніе мнѣ близкихъ людей.

Какъ мнѣ ни досаденъ Соловьевъ [4]), я не желаю, чтобы вы писали о немъ. Рѣшительно не стоитъ того. Ваше сужденіе, что онъ выводитъ a priori то, что узналъ a posteriori, совершенно вѣрно. Я тоже наводилъ справки о Софіи. Она изображалась въ древней русской иконописи женщиной, воздѣвающей руки къ небу, моляющейся.

Вашъ всей душой
Л. Толстой.

16-го марта.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 16-го марта 1878 Ясн.

73. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

1878, Марта 28, Спб.

Пишу къ Вамъ наскоро, безцѣнный Левъ Николаевичъ, чтобы только извѣстить объ исполненіи порученій. Стасову передалъ Вашу просьбу и онъ изъявилъ величайшую готовность и черезъ нѣсколько дней пришлетъ Вамъ. Затѣмъ справился у Бычкова [5]) и принялся отыскивать по магазинамъ и лавочкамъ книги по расколу, списокъ которыхъ на второмъ листочкѣ. Но ни одной книги я не нашелъ. Все это Московскія изданія, и мнѣ предлагали выписать. Я съ удовольствіемъ узналъ, что и Парѳенія можно еще получать изъ Москвы. Но вмѣсто того, чтобы выписывать сюда, а потомъ посылать къ Вамъ, гораздо короче будетъ, если Вы оторвете листочекъ и пошлете къ [Григорьеву] Соловьеву. Очень мнѣ досадно, что не могъ услужить Вамъ лучше.

Вы спрашиваете меня о работѣ, и я чувствую, не безъ стро-

---

[1]) Декабристовъ.
[2]) С. А. Берсъ.
[3]) Графини Александры Андреевны.
[4]) Владиміръ Сергѣевичъ.
[5]) Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова.

гости. Я кончилъ свою статью [1]), она уже въ типографіи и я жду корректуръ. Все еще думаю, что она можетъ Вамъ понравиться, и увѣренъ, что самыя превосходныя статьи по психологіи должны быть писаны именно въ этомъ родѣ.

Потомъ — я дважды собиралъ свою комиссію по присужденію премій Петра Вел. [2]) и обработалъ докладъ. Дважды былъ на лекціи Соловьева, слушалъ Руслана, и смотрѣлъ Росси [3]) и т. д. Но—началъ чтеніе для новой статьи—Объ основныхъ понятіяхъ логики.

Соловьева осталось дослушать только двѣ лекціи. Мнѣ приходило въ голову, что это объ мертвомъ предметѣ мертвымъ языкомъ говоритъ мертвый человѣкъ. Такой холодъ!

Изъ нѣмецкаго идеализма онъ взялъ всѣ пріемы и всѣ недостатки — общія формулы, рѣшеніе дѣла нахрапомъ, отвлеченность. Между тѣмъ, нѣмецкій идеализмъ отжилъ, и вотъ является въ подобныхъ воскрешеніяхъ, какъ Шопенгауэръ въ видѣ Гартмана.

Скоро буду опять писать къ Вамъ. И именно по поводу новаго изданія Вашихъ сочиненій. Оно не выходитъ у меня изъ головы. Прошу Васъ, не забывайте моей любви къ Вамъ.

Вашъ Н. Страховъ.

74. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

2-го апрѣля 1878 г. [Петербургъ].

Простите, простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Я веду себя дурно, таскаюсь по знакомымъ, по театрамъ, даже просидѣлъ цѣлое утро на судѣ, когда судили Засуличь [4]). Эта комедія человѣческаго правосудія очень взволновала меня. Судьи очевидно не

---

[1]) „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи“, вскорѣ появившаяся въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

[2]) Премія при Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Премія была присуждена Я. К. Герду за рукописный „Краткій курсъ естествовѣдѣнія“ для гимназій. Отчетъ Комиссіи, разсматривавшей трудъ Герда, напечатанъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1878 г., іюнь, стр. 48—57.

[3]) Знаменитый итальянскій трагикъ, пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ.

[4]) Судъ (съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей) надъ Вѣрой Ивановной Засуличъ, судившейся за покушеніе на жизнь С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера Ѳ. Ѳ. Трепова (24-го января 1878 г.), состоялся 31-го марта 1878 г. и окончился ея оправданіемъ; несмотря на это, Засуличъ опять пытались арестовать, но она скрылась. Оправданіе Засуличъ послужило поводомъ къ изъятію изъ компетенціи суда присяжныхъ преступленій противъ должностныхъ лицъ.

имѣли въ себѣ никакихъ качествъ, по которымъ заслуживали бы званія судей, и не имѣли въ своихъ умахъ ни малѣйшаго принципа, по которому могли бы совершать судъ. Засуличь — дурнушка, чернѣпькая, стройная, съ мелкими чертами лица и нѣжнымъ дѣвичьимъ голосомъ. Съ нею обращались почтительно, все дѣло вели къ ея оправданію и оправдали съ восторгомъ невообразимымъ. Все это мнѣ показалось кощунствомъ надъ самыми святыми вещами. Я очень раздумался и пришелъ все къ тому же заключенію: если бы я и имѣлъ силу говорить, мнѣ слѣдуетъ молчать, потому что я вѣдь не вижу настоящей дороги — вижу только, что они заблудились.

Сегодня Соловьевъ кончаетъ свои лекціи. Изъ нихъ вышло нѣчто очень невинное — если онъ сегодня чего-нибудь особаго не скажетъ. Завтра концертъ Лавровской [1]), послѣ завтра лекція Цертелева [2]), на которой непремѣнно нужно быть—это послѣдняя, а я не былъ ни на одной.

Но вотъ передо мною двѣ недѣли свободныхъ—страстная и святая. Я долженъ выбрать себѣ трудъ и сдѣлать его. А мнѣ все приходитъ въ голову: не напрасныя ли затѣи, и не пора ли перестать напрягаться?

Какъ на Васъ дѣйствуетъ весна? Дни удивительные, и у насъ въ городѣ все стало сухо.

Прощайте, мой несравненный Левъ Николаевичь. Пожалуйста, не браните меня.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1878 г. 2 Апр.

75. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[9-го апрѣля 1878 г. Ясная Поляна] [3]).

Я очень бы гордъ былъ тѣмъ, что вы передо мной конфузитесь за то, что [вы] мало работаете, если бы я самъ работалъ. Но празднѣе меня невозможно проводить время. Я читаю — и то немного — глаза начинаютъ болѣть и ничего не пишу.

---

[1]) Знаменитая пѣвица Елизавета Андреевна Лавровская (род. въ 1849 г.) по мужу княгиня Цертелева. Съ 1888 г.—профессоръ пѣнія въ Московской Консерваторіи.

[2]) Поэтъ князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (род. 1852, ум. 1911 г.), въ 1877 г. получившій степень доктора философіи Лейпцигскаго Университета; въ 1877—1880 г. служилъ предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей Спасскаго уѣзда Тамбовской губ., а затѣмъ—тамъ же предводителемъ дворянства; нѣкоторое время былъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“ и „Русскаго Обозрѣнія“. См. въ письмѣ Страхова отъ 9-го апрѣля 1878 г. отзывъ его о лекціи князя Цертелева.

[3]) Страховъ отвѣчалъ на это письмо 11-го апрѣля (см. ниже, № 77).

Отчего напрягаться? Отчего вы сказали такое слово? Я очень хорошо знаю это чувство — даже теперь послѣднее время его испытываю: все какъ будто готово для того, чтобы писать — исполнять свою земную обязанность, а недостаетъ толчка вѣры въ себя, въ важность дѣла, недостаетъ энергіи заблужденія [ ], земной стихійной энергіи, которую выдумать нельзя. И нельзя начинать. Если станешь напрягаться, то будешь не естественъ, не правдивъ. А этаго намъ съ вами нельзя.

Однако по правдѣ вамъ сказать — вы правы, говоря, что вамъ слѣдуетъ молчать, потому что вы не видите настоящей дороги. Но я удивляюсь, какъ вы ее не видите. Когда я думаю о васъ, взвѣшиваю васъ по вашимъ писаньямъ и разговорамъ, я по извѣстному мнѣ вашему направленію и скорости и силѣ всегда предполагаю, что вы уже очень далеко ушли туда, куда вы идете; но почти всегда при свиданіяхъ съ вами и по письмамъ (нѣкоторымъ) къ удивленію нахожу васъ на томъ же мѣстѣ. Тутъ есть какая-нибудь ошибка. И я жду и надѣюсь, что вы исправите ее и я потеряю васъ изъ вида — такъ далеко вы уйдете. Съ другой стороны тоже самое: въ молодости мы видимъ людей притворяющихся, что они знаютъ. И мы начинаемъ притворяться, что мы знаемъ, и какъ будто находимся въ согласіи съ людьми [но] и не замѣчаемъ того большаго и большаго несогласія съ самими собою, которое при этомъ испытываемъ. Приходитъ время — и оно для васъ уже пришло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ зазналъ — что дороже всего согласіе съ самимъ собою. Ежели вы установите, откинувъ смѣло все людское притворство знанія, изъ котораго злѣйшее — наука, это согласіе съ самимъ собой, вы будете знать дорогу. И я удивляюсь, что вы можете не знать ее.

Засуличевское дѣло не шутка [1]). Это безсмыслица, дурь, нашедшая на людей не даромъ. Это первые [ряды] члены изъ ряда, еще намъ непонятнаго; но это дѣло важное. Славянская дурь была предвозвѣстница войны, это похоже на предвозв. революціи.

Когда начинаются ваши вакаціи? Мы поѣдемъ въ Самару поздно въ Іюнѣ 15-го, и вернемся къ 1-му августа. Не пріѣдете ли къ намъ до и послѣ Самары? [2]).

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 9 апр. 1878. Ясная.

---

[1]) См. въ началѣ предыдущаго письма.

[2]) Страховъ воспользовался приглашеніемъ Толстого, былъ у него и съ нимъ ѣздилъ къ Фету.

76. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

9-го апрѣля 1878 г. [Петербургъ].

Сейчасъ только добылъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, Странствіе Пареенія: въ одной лавочкѣ купилъ первые два тома, а въ другой два послѣдніе. Если Вы еще не получили, то черкните мнѣ,— я сейчасъ же вышлю. Стоитъ это 3 р. 50 к.

Дѣло Засуличъ [1]) — до сихъ поръ еще волнующая всѣхъ новость. Наконецъ я уяснилъ себѣ ту безтолковую радость, которая овладѣла всѣмъ городомъ: юристы и газетчики въ восторгѣ потому, что Засуличь для нихъ героиня, и что по всѣмъ ихъ понятіямъ это не преступленіе, а подвигъ. Большая же часть простыхъ людей просто радуются, что жестокому начальству сдѣланъ такой ударъ. Политическая сторона дѣла для однихъ главное, а для другихъ вовсе не существуетъ. Только иностранцы, французы, нѣмцы смотрятъ по своему и видятъ тутъ революціонныя начала.

Ужасныя извѣстія изъ Москвы, Кіева, Одессы, Варшавы — показываютъ, что броженіе въ душахъ молодежи жестокое. Когда я потомъ припомню, на чемъ всѣ они воспитаны, какъ эту несчастную молодежь дразнятъ, гоняютъ, тѣснятъ, ничего не дѣлая для внушенія ей иныхъ понятій и иныхъ нравовъ (такихъ понятій и нравовъ нѣтъ ни у воспитателей, ни у начальства), то мнѣ становится жалко и противно. Какое безотрадное время!

Былъ у меня Маликовъ [2]) и произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе; у него видъ настоящаго фанатика, твердо держащагося своихъ мыслей — такъ мнѣ показалось. Но я видѣлъ его всего разъ, а потомъ мелькомъ на послѣдней лекціи Соловьева. Эта лекція была очень эффектна. Съ большимъ жаромъ онъ сказалъ нѣсколько словъ противъ. . . . . догмата о вѣчныхъ мученіяхъ. Конечно онъ готовъ былъ проповѣдывать многія другія ереси, но очевидно не смѣлъ, и выбралъ этотъ догматъ для того, чтобы вполнѣ ясно высказаться. Соображая теперь всѣ его лекціи, я вижу, что онъ хотѣлъ произвести синтезъ востока и запада, слить въ одну систему атомизмъ, дарвинизмъ, пантеизмъ, христіанство и т. д. Дать всему свое мѣсто — задача хоть куда, но, во-первыхъ, она не исполнена, а во-вторыхъ, не видишь и тѣни того оригинальнаго пріема, который бы давалъ надежду, что ее можно исполнить. Божество, первоосновное начало, достигаетъ своего полнаго осуществленія въ человѣкѣ. Теперь мы находимся въ процессѣ этого осуществленія; люди отошли отъ первоосновы, но должны современемъ

---

[1]) См. выше, стр. 157.

[2]) Котораго рекомендовалъ Страхову Толстой; см. выше, стр. 153.

вернуться къ ней, примириться съ Богомъ, то есть стать его полнымъ осуществленіемъ — и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (Ап. Павелъ). Грѣхъ и матерія — необходимыя условія этого процесса. Выходитъ пантеизмъ совершенно похожій на Гегелевскій, только съ вторымъ пришествіемъ впереди. Каббала, гностицизмъ и мистицизмъ — внесли тутъ свою долю. Но все это разлетѣлось какъ дымъ, и ни одной мысли не осталось у меня отъ всѣхъ лекцій.

Былъ я и на лекціи кн. Дм. Н. Цертелева [1]), очень милаго юноши, пріятеля Соловьева. Этотъ мнѣ показался просто недоучившимся гимназистомъ, который не умѣетъ еще и правильно строить фразы. Онъ читалъ очень самоувѣренно и пріятно; очень быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому, ничего не заканчивая, пилъ воду, какъ Соловьевъ, и точно такъ же кончилъ нѣсколькими стихами, всталъ и поклонился. Мнѣ было не мало совѣстно. Публика была небольшая, но избранная — свѣтскія дамы, Ив. Ал. Гончаровъ [2]), и въ заднемъ ряду рядомъ Соловьевъ и Страховъ.

Не имѣя отъ Васъ извѣстій, я стараюсь вообразить, что Вы дѣлаете. Предполагаю, что все идетъ хорошо, что Вы увлеклись совершенно работой, да кромѣ того наслаждаетесь и весной. Если Вы недовольны мною, то побраните меня хорошенько.

Опять чуть не забылъ! Я хочу приготовить экземпляръ Вашихъ сочиненій, съ котораго нужно набирать новое изданіе. У меня есть I, II, III, IV, V, VIII томы; я попробую сличить ихъ съ первоначальнымъ текстомъ (въ Современникѣ, От. Запискахъ и пр.) и нанести поправки. Нужно также выставить года подъ каждымъ произведеніемъ. Что Вы на это скажете? И вообще — въ какомъ положеніи дѣло?

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

1878. 9 апр.

77. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

11-го апрѣля 1878 г. Петербургъ [3]).

Я не понимаю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, не понимаю частной Вашей мысли относительно меня. Какъ я ни старался вникнуть въ Ваши слова, ничего не вышло. Но общее Ваше впечатлѣніе для меня понятно; Вы ждали отъ меня чего-то, Вы думали, что эти зачатки мыслей и стремленій разовьются и куда-то двинутся — и ничего не дождались. Это вѣрно; я ничего Вамъ не

---

[1]) См. выше, стр. 158.

[2]) Знаменитый романистъ.

[3]) Отвѣтъ на письмо Толстого отъ 9-го апрѣля (см. выше, № 75).

принесъ и ни въ чемъ Вамъ не пособилъ; я все тотъ же колеблющійся, отрицательный, неспособный къ твердой вѣрѣ и сильному увлеченію какою-нибудь мыслью. Да, таковъ я. Съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые, съ упорнымъ вниманіемъ ищу, на чемъ бы можно остановиться, — и ничего не нахожу.

Я могъ бы насказать о себѣ много и очень печальныхъ вещей; мысли мои о себѣ — самыя горькія. Но все-таки я не могу понять Вашего упрека въ какомъ-то притворствѣ и въ несогласіи съ самимъ собою. Такъ какъ дѣло идетъ о моей драгоцѣнной особѣ, то оно очень меня, очень заинтересовало, и я прошу Васъ, какъ большаго одолженія, объяснить мнѣ Вашу мысль. Не бойтесь меня уколоть. Вы же видите какой-то выходъ, тогда какъ я выхода не вижу.

Лукавить съ собою я не лукавлю, — въ этомъ я увѣренъ. Если бы я видѣлъ дорогу, я пошелъ бы по ней. Да нѣтъ, — лучше не говорить о той странной гадости, которую представляетъ мое положеніе.

Вы упоминаете о наукѣ, какъ о злѣйшемъ притворствѣ (не понимаю, въ какомъ это смыслѣ). Но въ этомъ отношеніи я считаю себя чистымъ совершенно. Я совершенно свободенъ отъ какого бы то ни было суевѣрнаго поклоненія наукѣ, совершенно чуждъ расположенія дорожить своими знаніями, давать имъ особую цѣну. Я дорожу однимъ — я настолько знакомъ съ наукою, что свободенъ отъ нея. И это было бы великое дѣло, если бы къ этому присоединить мысли и чувства, которымъ нужна была бы эта свобода.

Но я запутаюсь, если буду Вамъ возражать, не зная Вашей мысли. Прошу Васъ, скажите мнѣ ее. А я со своей стороны готовъ Вамъ отвѣчать на всякій вопросъ, какой Вы мнѣ поставите.

Пока, простите

Вашего всею душою

Н. Страхова.

1878 г. 11 апр. Спб.

78. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[18-го апрѣля 1878 г. Ясная Поляна] [1]).

Нѣтъ человѣка котораго я больше уважалъ чѣмъ васъ и которому бы желалъ быть болѣе пріятнымъ, и вдругъ я огорчилъ васъ. — Я не знаю какъ это случилось. Я говорилъ о себѣ, говоря о томъ что когда я пересталъ притворяться что я понимаю

---

[1]) Отвѣтъ на напечатанное выше, подъ № 77, письмо Страхова. Часть этого отвѣта была напечатана (со словъ: „Другое это то, что я нынче говѣлъ“) въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 317—319), откуда перепечатана у П. А. Сергѣенко (т. I, стр. 127—128), но съ ошибкою въ датѣ.

и знаю того [1]), чего нельзя знать, я обрѣлъ согласіе съ самимъ собою и вдругъ соединилъ эту мысль съ ожиданіемъ отъ васъ очень большаго и очень важнаго (это ожиданіе отъ васъ общее всѣмъ тѣмъ которые васъ любя понимаютъ) поренесъ ее на васъ и вѣроятно ошибся и главное неясно и рѣзко выразился.—

Вы пишете: «съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые съ упорнымъ вниманіемъ ищу и ничего не нахожу» потомъ: «не могу понять вашего упрека въ притворствѣ (знанія) и въ несогласіи съ самимъ собою».

Вотъ это-то перебираніе чужихъ взглядовъ и исканіе въ нихъ, я называю (неточно) притворствомъ знанія т. е. я хочу сказать, что, поддѣлываясь подъ чужіе взгляды притворяешься что знаешь и лишаешься согласія съ самимъ собою. Вы прожили $^2/_3$ жизни. Чѣмъ вы руководились, почему знали что хорошо, что дурно. Ну вотъ это-то, не спрашивая о томъ какъ и что говорили другіе, скажите сами себѣ и скажите намъ.—

Вы говорите что вы свободны отъ науки; и это правда. И потомъ говорите, что какъ будто у васъ нѣтъ мыслей и чувствъ, которымъ бы нужна была эта свобода. Это не правда. Чтобы сдѣлать всю эту работу освобожденія которую вы сдѣлали, нужно было много силъ чувства и мысли и силы эти цѣлы но, удивленныя своимъ освобожденіемъ, не нашли еще приложенія. Или остается изъ привычки покорности [2]) формамъ чужой мысли. И это я скорѣе предполагаю. Недавно я нашелъ въ этомъ два подтвержденія. Первое это ваше прекрасное въ предпослѣднемъ письмѣ изложеніе мыслей Соловьева [3]). Но меня за васъ оскорбило то что вы унизились до того что разсматриваете [так] внимательно такой соръ. Развѣ для васъ неясно съ разу было что это все дѣтскій вздоръ. Такъ какже вамъ объ этомъ думать.—

Другое это то что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана Vie de Jésus и всю прочелъ; [и] все время читая удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды когда читали его. Если у Ренана есть какія-нибудь свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ, l'évolution et le progrès и въ этомъ отношеніи Рен. старается поправлять его и съ [этой] высоты этой мысли критикуетъ его (стр. 314, 315, 316). Это ужасно! Для меня по крайней мѣрѣ прогрессъ по мнѣ есть логарифмъ времени, т. е. ничего констатація факта, что мы живемъ во времени и вдругъ это-то становится судьей высшей истины, которую мы знаемъ. Легкомыслен-

---

[1]) Слѣдуетъ читать: то.
[2]) Слѣдуетъ читать: покорность.
[3]) Владиміра Сергѣевича.

ность или недобросовѣстность этого воззрѣнія — удивительны. Христіанская истина — т. е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра есть выраженіе самой сущности — внѣ формъ времени и др. — Ренаны же [сводятъ ее] смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютное съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глуб ока то только потому что она субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она наравнѣ съ Code Napoléon [1]) и т. п.

Другая новая у Ренана мысль это то что если есть ученіе Христа, то былъ какой нибудь человѣкъ и этотъ человѣкъ непремѣнно потѣлъ и ходилъ на часъ. — Для насъ изъ христіанства всѣ человѣческія унижающія реалистическія подробности изчезли по тому-же почему изчезли всѣ подробности обо всѣхъ жившихъ когда нибудь жидахъ и др. по тому почему все изчезаетъ что не вѣчно; осталось же вѣчное. Т. е. песокъ который не нуженъ промытъ осталось золото по неизмѣнному закону. Кажется что же дѣлать людямъ, какъ ни брать это золото. Нѣтъ Ренанъ говоритъ если есть золото, то былъ песокъ, и онъ старается найти какой былъ песокъ. И все это съ глубокомысленнѣйшимъ видомъ. Но что еще болѣе забавно бы было если бы не было такъ ужасно глупо, это то что и песку этаго онъ не находитъ никакого и только утверждаетъ что онъ долженъ былъ быть. Я прочелъ все и долго искалъ спрашивалъ себя «ну что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго?» — И вспомните и признайтесь что ничего, ровно ничего. Я предлагаю дополнить Ренана, сдѣлать соображеніе о томъ какія и какъ были физическія отправленія? Все прогрессъ все évolution. Можетъ быть что для того чтобы узнать растеніе, надо знать среду и даже чтобы узнать человѣка какъ государственное животное, надо изучать среду и движеніе развитіе но чтобы понять красоту истину и добро никакое изученіе среды не поможетъ да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ, Тамъ идетъ по плоскости а тутъ совсѣмъ другое направленіе вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь какъ и ведутъ его люди религіозные а это дѣтская пошлая и подлая шалость.

Очень бы желалъ чтобы вы были согласны со мной. И увѣренъ что вы не будете сердиться на меня. Вся моя вина въ томъ что я слишкомъ люблю вашъ умъ, вашу душу жду отъ нея слишкомъ многаго и слишкомъ поспѣшно рѣшилъ причину, по которой вы не

---

[1]) Сводъ французскихъ законовъ, изданный по приказанію Наполеона.

удовлетворяете моимъ требованіямъ отъ васъ. Напишите же мнѣ поскорѣй. Увидимся ли мы? Вы не отвѣчаете на нашу просьбу въ томъ письмѣ. Парѳенія [1]) я жду отъ васъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 18 апр. 1878. Ясн.

79. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

1878. 25-го апр. Спб.

Вы очень ошиблись, безцѣнный Левъ Николаевичь, думая, что огорчили меня, считая за собою какую-то вину и предполагая, что я могу сердиться на Васъ. Нѣтъ, это невозможно. Тонъ моего письма былъ не такой какъ слѣдуетъ, если Вамъ могли прійти такія мысли. При той глубочайшей серьезности, которую я въ Васъ знаю и люблю всѣмъ сердцемъ, я бы не нашелъ въ Васъ никакой вины, если бы Вы мнѣ наговорили самыхъ жестокихъ осужденій— я сталъ бы только искать въ себѣ поводовъ къ этимъ осужденіямъ. А теперь пока — Вы мнѣ сказали только загадку, и я могу обвинить Васъ только въ избыткѣ деликатности.

Конечно, главный мой недостатокъ — отсутствіе самостоятельности, а главное несчастіе въ томъ, что ища постоянно, чему бы подчиниться, я не умѣю ничего найти и потому думаю, что нынче нѣтъ вовсе на свѣтѣ такихъ властей, которыя имѣютъ право на подчиненіе себѣ душъ человѣческихъ. Вы спрашиваете меня: какъ же я прожилъ до сихъ поръ? А вотъ какъ: я никогда не жилъ какъ слѣдуетъ. Въ эпоху наибольшаго развитія силъ (1857—1867) я—не то-что жилъ, а поддался жизни, подчинился искушеніямъ; но я такъ измучился, что потомъ навсегда отказался отъ жизни. Что же я дѣлалъ собственно, и тогда и потомъ, и что дѣлаю теперь? То, что дѣлаютъ люди отжившіе, старики. Я берегся, я старался ничего не искать, а только избѣжать тѣхъ золъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ человѣка. И особенно я берегся нравственно — совѣсть у меня слабая, безпокойная; сдѣлать подлость или несправедливость для меня несносно.

А затѣмъ — я служилъ, работалъ, писалъ — все лишь на столько, чтобы не зависѣть отъ другихъ, чтобы не было стыдно передъ товарищами и знакомыми. Во время литераторства я помню, какъ я сейчасъ же останавливался, какъ только видѣлъ, что денегъ наработано довольно. Составить себѣ положеніе, имущество — я никогда объ этомъ не заботился.

---

[1]) Т. е., Путешествіе инока Пароепія; см. выше, въ письмахъ №№ 72, 73 и 76.

Такъ что все время я не жилъ, а только п р и н и м а л ъ жизнь, какъ она приходила, старался съ наименьшими издержками силъ удовлетворить ея требованіямъ, и сколько можно уйти отъ ея невзгодъ и неудобствъ.

За это, какъ Вы знаете, я и наказанъ вполнѣ. У меня нѣтъ ни семьи, ни имущества, ни положенія, ни кружка — ничего нѣтъ, никакихъ связей, которыя бы соединяли меня съ жизнью. И сверхъ того, или пожалуй вслѣдствіе того, я не знаю, что́ мнѣ думать.

Вотъ Вамъ моя исповѣдь, которую я могъ бы сдѣлать несравненно болѣе горькою. Теперь я чувствую себя довольно спокойнымъ, и все попрежнему ищу подчиненія: подчиняюсь хорошимъ чувствамъ своего сердца, если нахожу ихъ въ себѣ, занимаюсь науками, художественными произведеніями. — Вы видите, почему я такъ внимательно выслушалъ 11 лекцій Соловьева. Мнѣ очень любопытно, и конечно я не сталъ бы слушать, если бы самъ былъ полонъ желаніемъ [слуша] читать лекціи.

Простите, что я немножко замедлилъ отвѣтомъ. Я былъ нездоровъ всю Святую, и теперь еще не совсѣмъ оправился. Въ болѣзни, какъ это часто бываетъ, я былъ лучше, и потому почти вовсе не противенъ себѣ. Теперь опять что-то порчусь.

Хотѣлъ много писать Вамъ о Ренанѣ, но увлекся, какъ видите, своею собственною особою. Ренанъ не художникъ, и потому никогда не дастъ полной фигуры, а только отдѣльныя черты, иногда фальшивыя и противорѣчащія. Фигура Христа особенно много имѣетъ недостатковъ, напр. ей придана чисто французская сантиментальность и что-то жеманное. Но несмотря на то есть черты и ясныя и вѣрныя. Напр. идиллическій характеръ всей проповѣди въ Галилеѣ, чувство Христа къ Богу, какъ къ Отцу, и подобное. Отдѣльныя черты въ изображеніи религіознаго настроенія поразительны тонкостію и вѣрностію, хотя цѣлое испорчено — съ одной стороны католичествомъ, съ другой—французскимъ с в ѣ т с к и м ъ тономъ, который Ренанъ, какъ семинаристъ, пересаливаетъ. Слышна все таки дѣйствительная любовь къ предмету и большія способности къ его пониманію

Вы спрашиваете, когда я пріѣду къ Вамъ? Какъ только можно будетъ. Мы еще не дѣлали распредѣленія нашихъ каникулъ, но я надѣюсь, что съ 1-го іюня я буду свободенъ и слѣдовательно черезъ нѣсколько дней буду у Васъ. Вы напишите мнѣ только Ваши планы [1]), а я уже буду съ ними сообразоваться, и пожалуй навѣщу Васъ и въ Вашемъ Самарскомъ имѣніи. А что же Вы скажете о новомъ изданіи С о ч и н е н і й? Парѳенія [2]) я послалъ.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

---

[1]) О нихъ см. въ слѣдующемъ письмѣ Толстого.

[2]) См. выше, въ концѣ письма № 78.

80. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[6-го мая 1878 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Долго не отвѣчалъ вамъ потому что былъ въ Москвѣ. О предметѣ нашей переписки надѣюсь что переговоримъ. Коротко сказать что мнѣ странно почему вы невѣрующій. И это самое я говорилъ, но вѣрно неясно и нескладно. Благодарю васъ за Парѳенія [1]). Наши планы слѣдующіе. Въ началѣ іюня мы ѣдемъ въ Самару до начала августа. Жена говоритъ что она боится принять васъ въ Самарѣ гдѣ кромѣ сѣнника-постели и сальной баранины-обѣда и кумыса ничего нѣтъ. Это ея слова. И зоветъ васъ въ августѣ въ Ясную. Я же думаю что Самара вамъ будетъ интересна а о радости нашей общей васъ видѣть всегда и вездѣ, мнѣ говорить, надѣюсь, что не нужно.

Въ Москвѣ я былъ для свиданія съ декабристами [2]) и еще для рѣшенія дѣла о новомъ изданіи. Дѣло это я не рѣшилъ, потому что печатаніе стоитъ ужасно дорого около 20 тысячъ; и сумма эта меня напугала. Въ два года не выручишь этаго и потому и хочу попытаться продать право изданія и предложилъ въ Москвѣ Салаеву [3]) и Вольфу [4]) и хочется мнѣ предложить петербургскимъ издателямъ; о чемъ и прошу васъ.

Я предлагаю право изданія 5000 экз. полн. сочин. въ 11 томахъ, стоющее 16 руб. 50. что составляетъ 82,500 руб. 20 т. стоитъ изданіе. Остается 62,500. Я прошу за право 30,000 и уступлю. Полн. соч. остается 800 экз. и Ан. Кар. 2700. По расчету Соловьева въ годъ, то самое время, которое нужно для напечатанія новаго изданія, эти экз. должны продаться.

Мнѣ говорили въ Петерб. про Фену [5]), Глазунова [6]) и еще кого-то. Если вамъ не непріятно и нетрудно, предложите имъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 6 мая 1878. Ясн.

---

[1]) См. въ концѣ предыдущаго письма.

[2]) См. объ интересѣ Толстого къ исторіи декабристовъ въ перепискѣ его съ графиней А. А. Толстой за это время („Толстовскій Музей“, т. I, стр. 301 и слѣд.).

[3]) Въ изданіи наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ вышло въ Москвѣ въ 1880 г. 4-е собраніе сочиненій Толстого.

[4]) Книгопродавцы-издатели.

[5]) Николай Осиповичъ Фену (ум. въ 1903 г.), учредитель издательской фирмы и общества книгопродавцевъ и издателей; издатель „Книжнаго Вѣстника“.

[6]) Извѣстный книгопродавецъ-издатель (см. о немъ выше, въ письмѣ № 2).

81. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1878, 14 Мая Спб.

Ничего я въ моей тоскѣ лучше не выдумаю, безцѣнный Левъ Николаевичь, какъ писать къ Вамъ. Вы не хотите продолжать разговора, который начали, но который я завелъ совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Мнѣ стыдно, что я не понялъ, и свелъ вопросъ на себя лично; я все забываю, что мое горе такое, которое нужно перенести, никогда никому не говоря. Жизнь положительно имѣетъ двѣ стороны.

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безъимянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею бѣговъ.

Нужно жить на этомъ покровѣ; заглядывать въ бездну безполезно, ни къ чему не ведетъ, кромѣ страха. Жизнь на покровѣ, дневная жизнь, царство логоса, Христа (какъ толковалъ Соловьевъ на лекціяхъ) есть таже настоящая жизнь. Тутъ и благородство души, и красота, и подвигъ, всякая радость и всякое человѣческое достоинство. Несмотря на то, что покровъ полупрозраченъ и черезъ него вездѣ больше или меньше синѣетъ бездна, мы по годамъ можемъ жить не думая о безднѣ, не чувствуя ея присутствія. Такъ этому и слѣдуетъ быть. Я все пытался показать Вамъ, какъ въ моей душѣ зіяетъ часто эта бездна. Къ чему это? Никакого добра отъ этого быть не можетъ.

Ну, простите, я больше не буду.

По Вашимъ дѣламъ [1]) я сейчасъ же принялся хлопотать, но до сихъ поръ ничего рѣшительнаго. Фену, какъ я и предполагалъ, отказался—онъ издаетъ одни учебники. Предложено Глазунову и Суворину — самымъ сильнымъ людямъ въ книжномъ мірѣ; просили дать время на соображеніе. Думаю на всякій случай сдѣлать еще предложеніе Вернадскому [2]) и Вольфу. И дня черезъ три вѣроятно напишу Вамъ что-нибудь опредѣленное.

Ваше рѣшеніе—ѣхать въ началѣ Іюня — очень меня опечалило. Всѣ мои планы разлетѣлись и я до сихъ поръ не сообразилъ, какъ

---

[1]) Т. е. по вопросу о пріисканіи издателя для новаго изданія собранія сочиненій Толстого (см. предыдущее письмо).

[2]) Иванъ Васильевичъ Вернадскій (род. 1821, ум. 1884) извѣстный ученый экономистъ и общественный дѣятель, профессоръ (1850—1856) Московскаго Университета; въ то время И. В. Вернадскій предполагалъ заняться книгоиздательствомъ на широкихъ началахъ почему, Страховъ и разсчитывалъ на него въ дѣлѣ изданія сочиненій Толстого.

провести лѣто. Что касается до баранины, то съ гордостью скажу, что я до сихъ поръ еще никогда не думалъ о томъ, что́ мнѣ прійдется ѣсть; но я не равнодушенъ къ тому, что приходится пить, и признаюсь, Ваши разсказы о кумысѣ возбудили во мнѣ порядочную жажду къ этому питью.—А меня къ тому же зовутъ въ Самару—нѣтъ, въ Симбирскъ, въ Сызранскій уѣздъ. Тамъ имѣніе Каширевой [1]), которая, кстати сказать, помнитъ твердо, что должна Вамъ, и я увѣренъ—заплатитъ.

Данилевскій [2]) зоветъ въ Крымъ, если не будетъ войны; а войны навѣрное не будетъ. Но это далеко и жарко въ Іюлѣ и Августѣ А. какъ же быть съ Фетомъ? Я боюсь, что онъ недоволенъ моею медленностію въ отвѣтахъ [3]) и противорѣчіемъ его планамъ переводить Канта. Но я до такой степени его уважаю, что непремѣнно исполню его желаніе. Какія извѣстія о немъ? Прошу Васъ, дайте мнѣ его адресъ, чтобы мнѣ можно было поправить сдѣланную глупость.

Вы можетъ быть знаете, что Васъ очень разбранили въ Дѣлѣ (Никитинъ) [4]) и въ Вѣстникѣ Европы (Стасюлевичъ) [5]). Этотъ Никитинъ не Никитинъ, а Ткачевъ [6]), бѣжавшій за границу, или тамъ накуралесившій такъ, что ему нельзя вернуться. Объ статьи ужасно странны. Никитинъ увѣряетъ, что въ романѣ нѣтъ никакой связи, и что особенно бѣдно описана Каренина, напр. сцена самоубійства. Стасюлевичъ умнѣе; онъ догадался, что романъ ему враждебенъ и что-то въ немъ осуждаетъ. Поэтому Стасюлевичъ вступается за Алексѣя Александровича и нападаетъ на Левина (что очень легко, благодаря всѣмъ отрицательнымъ чертамъ, Вами указаннымъ). Объ Аннѣ же Ст. пишетъ, что поведеніе ея не имѣетъ никакого смысла и потому непонятно.

Знаете ли Вы о прокламаціяхъ? Ихъ появилось довольно много, но они не имѣли никакого дѣйствія, такъ какъ оспа прокламацій была уже намъ привита въ 1861 и 1862 годахъ. И вообще, если не будетъ войны, я предчувствую, что ходъ дѣлъ останется прежній и всякіе наши недуги будутъ только зрѣть и расширяться.

---

[1]) Вдова издателя журнала „Заря“, въ которомъ много работалъ Страховъ (см. выше, письма № 3 и др.).

[2]) Н. Я. Данилевскій (см. выше, письмо № 4 и др.).

[3]) Переписку Страхова съ Фетомъ за это время (съ 4-го мая по 31-е іюля 1878 г.) см. въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1901 г., вып. I, стр. 76—81.

[4]) Вѣроятно, имѣется въ виду статья „Салонное художество“, напечатанная въ „Дѣлѣ“ 1878 г., №№ 2 и 4.

[5]) Отзывъ объ „Аннѣ Карениной“ въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1878 г.

[6]) Петръ Никитичъ Ткачевъ (ум. въ 1886 г.). Его біографію см. въ „Быломъ“ 1907 г., кн. 8, стр. 151—172.

Графинѣ мое усердное почтеніе. Я послалъ Сережѣ [1]) и Ильюшѣ [2]) приборы для насѣкомыхъ. Пожалуйста не разлюбите.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

82. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[24-го мая 1878 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Между нами вышло какое то странное недоразумѣніе. Вамъ кажется что я васъ не понялъ а мнѣ кажется что вы меня не поняли, что такъ непохоже на васъ. Я именно о васъ и говорилъ и именно о той безднѣ которая у васъ постоянно передъ глазами.

Началось недоразумѣніе съ моего перваго письма и съ выраженія «притворяемся что мы что то знаемъ». И въ этомъ весь разговоръ. И та бездна о которой вы говорите есть ничто иное какъ привычка притворяться, себя обманывать. Я говорю что человѣкъ который какъ Сократъ говоритъ что онъ ничего не знаетъ, говоритъ только то что на пути логическаго разумнаго знанія ничего нельзя знать, а никакъ не то что онъ ничего не знаетъ ибо положеніе: я знаю что ничего не знаю есть явная безсмыслица въ родѣ 1=0. И потому положеніе о томъ что наука не даетъ знанія ведетъ непремѣнно къ вопросу: что же мнѣ даетъ знаніе? А вы какъ будто не хотите сдѣлать себѣ этаго вопроса. Вы говоря о безднѣ какъ будто признаете что вы ничего не знаете. Ничего [не] знать нельзя. Утверждать живому человѣку и умственно здоровому что я ничего не знаю, тоже что утверждать что я никогда ничего не ѣмъ или что кровь во мнѣ не обращается.—Мнѣ кажется что каждый человѣкъ долженъ разобрать чѣмъ онъ знаетъ и что онъ знаетъ (а что онъ знаетъ, это уже включено въ понятіе человѣка).

Теперь мнѣ представляется другой вопросъ какимъ образомъ такой твердый и ясный умъ какъ вашъ можетъ этаго не видѣть? И я отвѣчаю себѣ, что это происходитъ отъ того что вы всю свою жизнь 40 лѣтъ провели въ томъ чтобы пріобрѣтать знанія разумнымъ путемъ и вамъ кажется что все что не лежитъ на этомъ пути не есть знаніе.—

Я пристаю къ вамъ съ нелегкимъ—дайте мнѣ ясный отвѣтъ—

---

[1]) Графъ С. Л. Толстой.
[2]) Графъ И. Л. Толстой.

откуда вы знаете то чѣмъ вы живете чѣмъ руководились и руководитесь въ жизни?

Если я вамъ наскучилъ не отвѣчайте.

Вашъ Л. Толстой.

У насъ все слава Богу здорово. Въ Самару кажется ѣдемъ въ 1-хъ числахъ Іюня. Когда вы свободны? Въ Самарѣ ли увидимся, или въ Ясной? [1])

Очень благодарю васъ за ваши хлопоты по изданію. Я написалъ вамъ тогда возвратясь изъ Москвы и находясь въ практическомъ настроеніи, а теперь мнѣ совѣстно, тѣмъ болѣе, что я чувствую, что ничего не выйдетъ и я прошу слишкомъ дорого. Я долженъ вамъ вѣроятно за книги напишите сколько.,

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 24 Мая 1878, Ясн.

83. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

[Конецъ мая 1878 г. Петербургъ] [1]).

Мнѣ все кажется, что Вы чѣмъ-то во мнѣ недовольны, безцѣнный Левъ Николаевичь,—и я все стараюсь придумать, какъ бы уничтожить это недовольство. Вы спрашиваете, чѣмъ я живу? Во-первыхъ я могу сказать, что я вовсе не живу. У меня осталось самолюбіе, которое постоянно побуждаетъ меня—служить, одѣваться, беречь деньги и т. д.—все для того, чтобы мнѣ не было стыдно и чтобы быть не хуже другихъ, вести себя по-людски. Потомъ—я выгадываю сколько можно досуга, читаю и все думаю о великой загадкѣ; Вы знаете, что я постоянно занятъ вопросомъ о религіи—Что изъ этого будетъ, не знаю; вѣроятно доведется умереть въ томъ же грустномъ раздумьи. А можетъ быть передъ смертью поглупѣю и отупѣю — и пропадетъ для меня мой великій интересъ. Но, пока дѣло идетъ какъ теперь, я довольно спокоенъ; отчасти мое самолюбіе удовлетворено, но главное—повѣрьте—въ томъ, что я сознаю свою добросовѣстность, свои искреннія усилія, свое религіозное отношеніе къ предмету. И пусть будетъ, что будетъ; это уже не моя вина, и я тутъ не отвѣчаю, потому что не властенъ.

Для, Васъ, для Вашей энергической натуры, такое спокойствіе и раздумье—досадно, непонятно; Вы даже доказываете, что оно невозможно, такъ какъ при немъ жить нельзя—я и не живу.

---

[1]) Н. Н. Страховъ во второй половинѣ іюня посѣтилъ Толстого въ Ясной Полянѣ, а въ 20-хъ числахъ іюня навѣстилъ Фета, послѣ чего отправился къ Толстому въ Самарскую губернію, гдѣ и провелъ остальную часть лѣта („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 78—81).

[1]) Отвѣтъ на письмо Толстого отъ 24-го мая 1878 г.

Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ;
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.

говоритъ Фаустъ у Пушкина. Самое ясное для меня въ настоящую минуту—это обманчивая природа знанія, и мнѣ очень хотѣлось бы точно и ясно ее изложить, какъ я Вамъ писалъ объ этомъ еще прошлою осенью. Это задача интересная, и если бы я ее исполнилъ, не даромъ бы прожилъ.

Я буду свободенъ съ 15 Іюня. Мы видѣлись два раза со Степаномъ Андреевичемъ, и онъ предлагаетъ [1]) ѣхать къ Вамъ въ Самару вмѣстѣ. Но не помѣшаю ли я Вамъ? Я предполагаю, что Вы хотѣли погрузиться въ физическую жизнь, сдѣлать себѣ полный роздыхъ. Не буду ли я лишній? Не лучше ли пріѣхать къ Вамъ въ Августѣ, когда Вы вернетесь въ Ясную?

По изданію—вотъ результаты: Глазуновъ предлагаетъ 10,000 съ разсрочкою. Вернадскій (онъ нынче торгуетъ книгами) отказался, говоря, что будетъ война. Поповъ тоже отказался. Вольфа не могу поймать. А писалъ ли Вамъ Суворинъ? Вѣрно нѣтъ. Я зайду еще къ нему. По его словамъ (передавалъ Стасовъ) на печатаніе положено слишкомъ много 20,000. Но за то не вычтена книгопродавческая уступка 30% или минимумъ 25%

За книги Вы мнѣ не должны нисколько; приблизительно я получилъ эти деньги за продажу остававшихся у меня экземпляровъ Вашей Азбуки. Простите, что я запустилъ счеты; они были довольно затруднительны; но по всѣмъ соображеніямъ разница, если есть, ничтожная. Такъ что я считаю по прежнему себя должнымъ Вамъ 35 р., которые взялъ у Васъ при отъѣздѣ изъ Ясной въ Августѣ.

Стасовъ огорчается Вашимъ молчаніемъ. Онъ приготовилъ для Васъ большія сокровища и просилъ написать Вамъ объ нихъ. Я лучше пошлю Вамъ тотъ листокъ, который онъ мнѣ далъ [2]).

А что же Фетъ? [3]) Очень прошу его адреса. Хочется послать ему свою психологію, которую теперь раздаю всѣмъ. Отъ Голохвастова я получилъ длинное письмо, въ которомъ онъ разсказываетъ свои хлопоты.

Къ той мысли, что Вы живете въ деревнѣ, я уже привыкъ; но

---

[1]) Берсъ, братъ графини С. А. Толстой.

[2]) См. далѣе, въ приложеніи къ настоящему письму.

[3]) Фетъ жилъ въ своемъ имѣніи Воробьовкѣ; его письмо къ Страхову отъ 22-го мая 1978 г. см. въ „Русск. Обозр.“ 1901 г. вып. I, стр. 78.

что Голохвастовы тоже круглый годъ въ деревнѣ, меня очень удивляетъ [1]).

Посылка отъ Фену отправлена слишкомъ поздно, и я ее не видалъ; поэтому мнѣ любопытно, довольны ли Сережа и Ильюша? [2]) Все ли исправно?

Чтобы Вамъ легче было отвѣчать, а мнѣ было больше надежды на отвѣтъ, я придумалъ послать Вамъ листокъ вопросовъ, какъ книгопородавцы посылаютъ въ нашу Библіотеку [3]). Черкните отвѣты и отошлите [4]).

Не понимаю, что сдѣлалось съ моимъ почеркомъ; такъ противно пишу, что долженъ просить извиненія.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ книгъ, составленный В. В. Стасовымъ для Толстого.

1. Акты историческіе, собранные археографической экспедиціей, т. 5-й, время бунтовъ стрѣлецкихъ и разкольничьяго (подъ предводительствомъ Хованскаго; челобитныя стѣльцовъ до- и послѣ бунта и пр. гораздо [подробнѣе] полнѣй, ничѣмъ у Устрялова.

2. Дополненіе къ актамъ историческимъ. Т. 10-й, время совмѣстнаго царствованія Ивана и Петра Алексѣевичей.

3. Акты, собранные въ монастыряхъ и пр. Россійской имперіи, Т. 4-й, то же время.

4. Древняя Россійская вивліоѳика, изд. Новиковымъ, Т. 7-й и 15-й, акты и церемоніалъ избранія на царство Ивана и Петра Алексѣевичей. И, не помню въ которомъ томѣ, современное народное сказаніе объ азовской осадѣ.

5. Лѣтописи русской литературы и древностей, изд. Тихонравовымъ, Т. 5-й. Разкольничья челобитная царевнѣ Софіи;

---

[1]) Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ (см. о немъ выше, въ письмѣ № 18 и др.); онъ жилъ въ заштатномъ городѣ Воскресенскѣ, Московской губерніи,—„чистой деревнѣ“ по словамъ Страхова, посѣтившаго Голохвастова въ августѣ 1878 г. („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 81).

[2]) Сыновья Толстого.

[3]) Имп. Публичную, гдѣ служилъ Страховъ.

[4]) Этотъ листокъ съ отвѣтами Толстого—см. при слѣдующемъ письмѣ.

и, не помню въ какихъ томахъ, біографич. замѣтка о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, Забѣлина, и автобіографія Аввакума.

6. Сборникъ Кирѣевскаго, вып. 8-й, былины и сказанія о Петрѣ.

7. Сборникъ Рыбникова, Т. 4-й Сказаніе объ азовскомъ сидѣніи; кажется, тоже, что и въ Вивліоѳикѣ Новикова.

8. Posselt Gener u. Admir. Franz Lefort's Leben, два тома; сочиненіе пристрастное къ Лефорту, но дѣльное и съ большими подробностями, помнится, и объ азовской осадѣ; съ портретами Лефорта и Петра.

9. Жизнь Лефорта, написанная какимъ-то Женевцемъ въ прошломъ вѣкѣ, и Анекдоты о Петрѣ, собр. Штелинымъ; то и другое пофранцузски и переплетено въ одинъ томъ съ портрет. Лефорта.

10. Patr. Gordon's Tagebuch, herausgegeb. von Posselt; три тома; едва ли не самый важный источникъ объ истор. Азовскихъ походовъ. Съ портретомъ Гордона и (не) его жены (а Татьяны Строгановой).

11. Щебальскій, Правленіе царевны Софіи; дрянь; съ портретами Софіи и кн. Вас. Вас. Голицына.

12. Аристовъ, Московскія смуты при царевнѣ Софіи; дрянь и еще пристрастная къ царевнѣ.

13. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ; два тома; капитальное сочиненіе; во 2-мъ томѣ замѣчательная характеристика царевны Софіи, теремной жизни, аскетизма Морозовой и Урусовой и т. п., величайшія подробности о домѣ, костюмѣ и т. п. допетровскаго времени.

14. Его же, Опыты изученія русск. древностей, ч. 1-я (вторая еще не вышла). Дѣтскіе годы Петра. Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время. Личность и общество наканунѣ Петровской реформы. Охотничій дневникъ ц. Алексѣя Михайл. Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ. И т. п.

15. Записки Болотова, три тома, изд. Русской Старины; съ Семилѣтней войны до Пугачева, преимущественно сельскій бытъ русск. дворянства.

16. Записки кн. Щербатова, въ Русск. Старинѣ. Первое вліяніе Петр. реформы на общество.

17. Котошихинъ, изд. Археографич. Комиссіи.

18. Олеаріусъ
19. Веберъ

современ. нѣмецкія изданія.

20. Кабинетъ И. Вел. Описаніе его одежды, вещей, рѣдкостей и пр. изд. прошлаго вѣка.

21. Донесенія Саксон. посланника Лефорта, въ Сборникѣ русск. Истор. Общ. (конецъ царств. Петра).

22. Донес. Цесарск. посл. Плейера о состоянiи Россiи въ то же время.—И тотъ и другой не важны.

23. Peter d. Gr. verglichen mit Karl dem Grossen; прошлаго вѣка; пустяки.

24. Зеделера, Оборона П. В. по дѣлу царевича и Гамильтонши противъ Погодина, и сравненiе Петра съ [шекспир.] Гервинусовымъ Отелло.—Дрянь.

25. Записки Басевича, въ Русск. Архивѣ.

26. Дневникъ Берхгольца, 4 тома (конецъ царств. Петра). Лучшiй матерiалъ для характеристики придворнаго быта.

27. Записки Неплюева. } въ Русск. Архивѣ.
28. Петръ въ Парижѣ. }

29. Путешествiе по Россiи Англичанина.... только не Перри, по-англiйски, современ. изданiя.

30. Екатерина I, въ изд. Бартенева XVIII вѣкъ, дрянная статейка по нѣмецкимъ баснописцамъ.

31. Юрналъ П. В. одинъ, не помню который томъ; другiе у Карамзина въ деревнѣ.

84. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

29-го мая [1878 г. Ясная-Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ

Прочелъ вашу книгу [1]) и не разъ и не два, а всю исшарилъ по всѣмъ закоулкамъ и вся ваша мысль мнѣ теперь понятна и знакома, насколько можетъ быть мнѣ понятна. Ужасно хотѣлось бы читать съ вами и говорить о каждой почти мысли. Ужасно много подняло это во мнѣ мысли и я пытался было написать но разорвалъ письмо. Богъ дастъ поговоримъ. Вы дѣйствительно только устанавливаете основанiя психологiи, но вы первый доказываете — и безъ полемики безъ спора ложность идеализма Канта и Шопенгауера и ложность матерьялизма. Мало этаго вы доказываете душу, какъ будто нечаянно, что есть самый сильный и убѣдительный пріемъ доказательствъ. И если вамъ нужно мое одобренiе, то я читая нѣсколько разъ думалъ: и этотъ человѣкъ говоритъ что онъ не нуженъ и не знаетъ что ему дѣлать! Это [крат] ново, сильно ясно и кратко. Но долженъ сказать, что года два тому назадъ я бы еще больше цѣнилъ вашъ трудъ; теперь то что вы доказываете для меня слишкомъ уже несомнѣнно и просто (также какъ и для 0,999999.... рода человѣческаго) что я не увлекаясь доказательствомъ сочувственнаго мнѣ

---

[1]) „Объ основныхъ понятiяхъ психологiи“, С.-Пб. 1878 (оттискъ изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенiя“).

вижу еще недостатки въ пріемахъ доказательствъ.—И таковой недостатокъ я вижу вотъ въ чемъ. «Субъектъ не можетъ быть объективированъ=познанъ, а вы дѣлите субъектъ на познаніе, чувство и волю. Для дѣленія нужно познаніе.—И вѣрно ли это дѣленіе Если допустить это дѣленіе то изъ него одного уже будетъ выведено многое. А это дѣленіе есть таже объективація, которую вы подъ шумокъ, тайно хотите пропустить туда куда вы совершенно справедливо не пропускаете никакого познанія. Истина, добро, свобода являются вдругъ на мѣсто мысли чувства и воли. И [суть] дѣлаются вмѣстѣ и субъектъ, и объектъ. Если допустить дѣленіе, то вы сами говорите, что мысль познаніе субъектъ предполагаетъ истину, не какъ объектъ (объектъ есть матерія) а какъ что-то еще болѣе общее чѣмъ познаніе, тоже и въ отношеніи добра и свободы. Чтоже это такое? И откуда я имѣю это понятіе?

Основа всякой дѣятельности суть мысль, чувство, воля; ни того ни другого ни третьяго, я не могу понять [безъ] [и не можетъ быть] безъ истины добра свободы стало быть прежде всего нужно согласиться что есть истина добро свобода. Это самое и дѣлаютъ всѣ люди, и никогда не сходятся, исключая въ единственной области вѣры. А не сойдясь въ пониманіи истины добра свободы не можетъ быть и никакой психологіи.

Заслуга ваша въ томъ, что вы доказали что философія—мысль не можетъ дать никакого опредѣленія этимъ основамъ духовной жизни, но ошибка ваша въ томъ что вы не признаете того, что основы (если онѣ — основы) необходимо существуютъ и такія въ которыхъ мы всѣ сходимся и такія которыхъ мы—по вашему же опредѣленію—разумомъ вообще своей природой, ни откуда взять не можемъ и которыя поэтому даны намъ [1])

Вы не разсердитесь на меня за мои возраженія; вы поймете, что въ той области которой касается ваша книга мнѣ единственно дорогой и важной нѣтъ мѣста притворству. Я можетъ быть ошибаюсь но я думалъ и думаю со всей искренностью и серьезностью какъ могу.

На отдѣльномъ листкѣ:

1. Адресъ Фета [2]).
Будановка. Московско-Курской дороги, Аф. Аф. Шеншину.
2. Что сказать Стасову?

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ, я спрашивалъ васъ: чѣмъ вы живете и вы неправильно, шутя о важнѣйшемъ, говорите: я не живу.

[2]) Вопросы писаны рукою Страхова, а отвѣты—рукою Толстого; этотъ листокъ былъ посланъ Страховымъ при предыдущемъ его письмѣ къ Толстому, для облегченія его отвѣтовъ.

Объ Ивашевѣ [1]) я почти все знаю. Очень благодарю за участье, но прошу особенно о запискѣ Николая.

3. Исправны ли приборы для ловли насѣкомыхъ?

Приборы еще не получены.

Нашъ маленькій Андрюша [2]) очень боленъ и потому поѣздка въ Самару все еще не опредѣлена но къ 1-му Августа мы будемъ въ Ясной и пожалуйста проживите у насъ Августъ. Если же вы не боитесь Самарскихъ неудобствъ, то пріѣзжайте къ намъ въ половинѣ Іюля. Мы проживемъ недѣльки двѣ и вмѣстѣ вернемся.

Обо всемъ надо еще списаться.

Недовольство вами было, если вы хотите и позволяете откровенность за Ренана, но въ той мѣрѣ, въ которой возможно недовольство человѣкомъ котораго любишь и уважаешь всей душой.

Вашъ Л. Толстой.

29 Мая.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 29 мая 1878. Ясн.

85. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

3-го іюня 1878 г. Петербургъ.

Радостное чувство, съ которымъ я, по давнишней привычкѣ, увидѣлъ Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь, на этотъ разъ не обмануло меня. Почему-то я былъ заранѣе увѣренъ, что письмо будетъ хорошее, теплое. Представьте, я совсѣмъ забылъ о своей психологіи [3]) въ эту минуту; такъ что я потомъ самъ себя похвалилъ за то, что интересы самолюбія не поглощаютъ же меня, не стоятъ на первомъ мѣстѣ. И вдругъ я получаю въ придачу такую чудесную похвалу! На Васъ моя статья произвела то самое впечатлѣніе, о которомъ я мечталъ въ лучшія минуты писанія, и на которое потомъ не смѣлъ надѣяться. Вы похвалили какъ-разъ то самое, чѣмъ я гордился; Вы поняли вполнѣ все своеобразное, всю мою смѣлость, и тѣ границы, на которыхъ я остановился. И знаете ли?— опять Вы одни. Перечитывая Ваше письмо, я думалъ: конечно стоитъ писать, если мое писанье можетъ занимать такого человѣка, если я могу заслуживать отъ него такія похвалы! Но такъ кажется и придется мнѣ писать для Васъ однихъ. Больше всего меня хвалилъ здѣсь профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [4]), конечно самый образованный человѣкъ въ Петербургѣ. Онъ очень носился съ моею

---

[1]) Декабристъ Василій Петровичъ Ивашевъ, умершій въ 1840 г.

[2]) Сынъ Толстого, родившійся 6-го декабря 1877 г.

[3]) Т. е., книга Страхова „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи“, посланнаго Толстому и вызвавшая его письмо отъ 29-го мая (№ 84).

[4]) Извѣстный историкъ, впослѣдствіи академикъ.

статьею, но это были общія похвалы; я видѣлъ, что онъ не понялъ моей смѣлости. Всѣ они знакомы съ философіей какимъ-то внѣшнимъ образомъ; одни Вы цѣните не какъ знакомый съ философіей, а какъ философствующій.

Возраженія Ваши попали прямо въ цѣль. Первое (объ дѣленіи на умъ, чувство и волю) было то самое, которое я самъ себѣ задавалъ. Я немножко слукавилъ—нужно бы было сдѣлать оговорку—да трудно было. Но я сознательно обошелъ этотъ вопросъ. Я хотѣлъ прежде всего захватить твердыя и чистыя мѣста, а уже потомъ съ этихъ мѣстъ расчищать остальныя. А Вы справедливо указываете, что тутъ глубочайшая задача.

Второе—объ основахъ истины, добра и свободы—я тоже предлагалъ себѣ, но въ другой формѣ. Дайте подумать, прежде чѣмъ отвѣчать Вамъ. И объ Ренанѣ, или скорѣе—объ Васъ по поводу Ренана—отложимте до другого раза.

Я рѣшилъ—ѣхать (15 Іюня) прямо къ Фету, отъ котораго получилъ письмо [1]). Потомъ потянусь на Югъ, или можетъ быть прямо на Востокъ, и въ серединѣ или въ концѣ Іюля буду у Васъ. Милѣйшій Степанъ Андреевичъ [2]) сегодня обѣщалъ зайти ко мнѣ передъ отъѣздомъ. Августъ я думаю весь прогуляю; впрочемъ тамъ будетъ видно.

Стасовъ немного сѣтуетъ на Васъ, но не велѣлъ сказывать, а все-таки просилъ написать, что будто-бы Пыпинъ [3]) мнѣ говорилъ о трехъ любопытныхъ для Васъ вещахъ.

1) Что въ Псковѣ живетъ декабристъ Назимовъ [4]), старикъ лѣтъ 80, еще свѣжій и умѣющій разсказывать.

2) Что здѣшній попечитель Учебнаго Округа, кн. Волконскій—сынъ Декабриста и обладаетъ большими матеріалами [5]).

3) Что онъ, Пыпинъ, обладаетъ несравненною рѣдкостью Уставомъ Союза Благоденствія, и, если Вы желаете, для Васъ, но только для Васъ можетъ изготовить копію.

Вы видите, какъ усердно гробокопатели (такое у насъ имъ прозвище) предлагаютъ Вамъ свои услуги; предчувствую, что они

---

[1]) Отъ 22-го мая; см. его въ „Русскомъ Обозр.“ 1901 г. вып., I, стр. 78

[2]) Берсъ.

[3]) Александръ Николаевичъ Пыпинъ (ум. 1904), извѣстный ученый, съ 1898 г.—академикъ.

[4]) Михаилъ Александровичъ Назимовъ (род. 1801, ум. 1888 въ Псковѣ); о немъ см. замѣтку Б. Модзалевскаго въ журналѣ „Минувшіе Годы“ 1908 г., № 1, стр. 280—283.

[5]) Князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій (ум. 1909), впослѣдствіи Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта; издатель Записокъ своего отца, декабриста князя Сергѣя Григорьевича и матери—княгини Маріи Николаевны Волконской, рожд. Раевской.

останутся Вами недовольны—Вы не такъ цѣните ихъ сокровища, какъ они желали бы.

Стасовъ говоритъ, что записку Николая [1]) онъ перешлетъ черезъ меня; а можетъ быть удастся ее захватить и Степану Андреевичу [2]).

На счетъ себя лучше помолчу. Но тысячу и тысячу разъ благодарю Васъ за участіе и за то, что такъ упорно не хотите вѣрить моимъ отзывамъ о самомъ себѣ. Вы меня поддерживаете и укрѣпляете, какъ и много много разъ прежде.

Вашъ всею душею

Н. Страховъ.

P. S. Сейчасъ Стасовъ условился, что завтра передастъ свой драгоцѣнный документъ [3]), но просилъ о строжайшемъ секретѣ.

1878. 3 Іюня. Спб.

86. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому [4]).

I.

Кто крѣпокъ и богатъ душою,
Тотъ въ жизни надъ людьми царитъ:
Однихъ любовью онъ даритъ,
Другихъ казнитъ своей враждою.

Но ты, несчастное созданье!
Душою скуденъ ты и хилъ;
Самъ у людей всю жизнь просилъ
Ты крохъ любви, какъ подаянья,
И, какъ огонь, тебѣ всегда
Была страшна людей вражда.

30 Іюня.

II.

Не міръ хорошъ, а хороша
Въ тебѣ порой твоя душа,
И не гармонія природы

---

[1]) Т. е., Императора Николая.
[2]) Берсъ.
[3]) Вышеупомянутую записку Имп. Николая, интересовавшую Толстого.
[4]) Нижеслѣдующія 5 стихотвореній (они вошли въ книжку Страхова „Воспоминанія и отрывки“, С.-Пб. 1892) записаны Страховымъ для Толстого въ бытность въ Ясной Полянѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней послѣ возвращенія своего съ Толстымъ изъ ихъ Самарскаго имѣнія. Въ Ясную Поляну Страховъ выѣхалъ 16-го іюня („Русск. Вѣстн.“ 1901, № 1, стр. 135).

Звучитъ среди лѣсовъ и водъ,
А сердце, въ чистый мигъ свободы,
Само въ груди твоей поетъ.

6 Іюля.

III.

Когда душа твоя чиста
И сердце тихой мыслью бьется,
Ступай туда, гдѣ тѣнь густа,
Гдѣ жаркій лучъ сквозь вѣтви рвется.
Тамъ станетъ все тебя ласкать:
Свѣтъ, воздухъ, чудный видъ съ дорожки,
И золотыя будутъ мошки
Вкругъ головы твоей мелькать.

Но если духомъ ты взволнованъ
И шевелится страсть въ груди,
То лучше въ паркъ ты не ходи:
Онъ тайной силой зачарованъ.
Тебя лучъ солнца обожжетъ,
Пень самъ подъ ногу подвернется,
И видъ чудесный пропадетъ,
Клещъ жадный въ пахъ тебѣ вопьется,
И будутъ жалить мухъ полки
Твой лобъ, и шею, и виски.

7 Іюл. — 5 авг. [1])

IV.

Незримой волѣ покорись:
Не жди богатства, самовластья
Покинь вино и сладострастье,
И отъ всего земнаго счастья
Навѣки твердо откажись.

Но малодушье — съ корнемъ прочь!
Гляди съ улыбкой умиленья
На красоту, на наслажденье,

---

[1]) Это стихотвореніе Страхова, начатое имъ у Фета въ его Воробьевкѣ и относящееся къ тамошнему парку, Страховъ сообщилъ и Фету въ письмѣ отъ 26-го октября 1878 г. („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 82).

И ни единаго мгновенья
Чужаго счастья не порочь.

9 Іюля.

V.

Коль ужъ поэтомъ стать рѣшился,
То не виляй и не хитри:
Что на душѣ, каковъ родился,
Чѣмъ дышешь, то и говори.

VI.

Я все хочу ему шепнуть:
Не говори про отвращенье;
И на тебя безъ омерзенья
Не можетъ вѣдь иной взглянуть.

10 Іюля.

Очень мнѣ жаль, что остальныя пять стихотвореній не кончены. И этими я не вполнѣ доволенъ. Въ I-мъ и въ III-мъ второй стихъ не точенъ; а IV-е все не точно.

1878 г., 21 августа.

Ясная Поляна. Избушка на краю Чепыжа.

87. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

29-го августа (1878 г., Петербургъ) [1].

Къ Вамъ къ первымъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Вчера утромъ былъ въ Библіотекѣ и въ Департаментѣ [2]), вечеромъ въ банѣ, сегодня уже все въ порядкѣ и въ добавокъ праздникъ (29 Авг.)

Поѣздка къ Голохвастовымъ [3]) была гораздо пріятнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Въ Крюковѣ я, невыспавшійся, не переодѣвшійся и голодный,нашелъ письмо отъ Павла Дмитріевича и ямщика, который, по условію съ нимъ, обязанъ возить гостей въ Воскресенскъ. Домъ, въ который меня привезли, — какая-то игрушка, а не домъ. Онъ строенъ изъ липы, весь раскрашенъ свѣтлыми цвѣтами и разубранъ кружевомъ. Въ верхнемъ этажѣ комнаты огромной вышины

---

[1]) Писано по возвращеніи въ Петербургъ послѣ лѣтняго пребыванія у Толстыхъ.

[2]) Т. е., въ Публичной Библіотекѣ и Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, въ коихъ служилъ Страховъ.

[3]) О П. Д. Голохвастовѣ см. выше, въ письмѣ № 18, а о его женѣ— въ письмѣ № 36.

и всѣ окна и два балкона глядятъ на монастырь Новый Іерусалимъ — тоже игрушку въ своемъ родѣ. Бумажки на стѣнахъ и вся мебель — тоже свѣтлыхъ цвѣтовъ, и все это еще новенькое, съ иголочки, такъ что общее впечатлѣніе престранное и препріятное [1]). Хозяева — два извѣстныхъ вамъ бога́тыря (такъ нужно произносить): Павелъ Дмитричь, неизмѣнный, и Ольга Андреевна, еще немножко пополнѣвшая, но безъ того оживленія, которое у ней было въ Ясной Полянѣ. Дѣвочка, Арочка (это значитъ Варвара), пяти лѣтъ ребенокъ, очень мила, умненькая, бойкая, крупная, съ удивительными глазами. Одна бѣда — что если она нѣмка? Ольгу Андреевну это немножко безпокоитъ. Она вообще какъ-будто выразила недовольство, — ничего не читала, говорила много, но безъ оживленія и — — а впрочемъ можетъ быть она просто скучаетъ. Съ Арочкой она возится безъ конца; няньки нѣтъ и горничная не смѣетъ прикасать сякъ дѣвочкѣ. — Павелъ Дмитріевичь прочиталъ мнѣ все, что у него готово изъ статьи о стихѣ, и все это прекрасно [2]). Кромѣ того много говорилъ о современныхъ дѣлахъ и другихъ — всѣ мысли его очень восторженны; онъ восхищается войною, Николаемъ Николаевичемъ [3]), Петромъ [4]), Петербургомъ — и во всемъ этомъ много правды, или хоть не много, а есть частица. Я возражалъ ему и хвалилъ его. — „Вы пессимистъ“ — грустно замѣтилъ онъ. Я согласился.

Пробылъ я у нихъ три дня, т. е. на третій уѣхалъ. Въ Петербургѣ нашелъ большое благополучіе — Георгіевскій [5]) уѣхалъ за границу, дѣлъ мнѣ никакихъ нѣтъ, и жалованья накопилось много. Новый градоначальникъ [6]) поливаетъ улицы еще усерднѣе, чѣмъ старый; казаки на улицахъ рѣшительно ничему не мѣшаютъ и даже не бросаются въ глаза — здѣсь всегда такая бездна войска. Прочиталъ рѣчь Аксакова [7]) и «правительственное сообщеніе» по случаю

---

[1]) Страховъ описывалъ домъ Голохвастовыхъ также и А. А. Фету въ письмѣ отъ 26-го октября („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 81).

[2]) Изслѣдованіе Голохвастова. „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго“ было издано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1881 г. и перепечатано, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, въ „Памятникахъ“ Имп. Общества Любителей Древней Письменности въ 1883 г.

[3]) Т. е., Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, однимъ изъ дѣятелей Русско-Турецкой войны.

[4]) Великимъ.

[5]) Предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Александръ Ивановичъ Георгіевскій (род. 1830, ум. 1911), впослѣдствіи сенаторъ.

[6]) Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Александръ Елпидифоровичъ Зуровъ (род. 1837, ум. 1902), впослѣдствіи почетный опекунъ, смѣнившій 11-го мая 1878 г. извѣстнаго Ѳ. Ѳ. Трепова.

[7]) Ивана Сергѣевича.

мира. Это сообщеніе вамъ нужно прочесть, чтобы ясно видѣть, какія понятія и стремленія у правительства. Это писалъ или поправлялъ Горчаковъ [1]), и значеніе дипломатіи выступаетъ здѣсь удивительно.

Стасова еще нѣтъ здѣсь; я нашелъ письмо отъ него изъ Парижа, а въ этомъ письмѣ — письмо къ нему Кавелина, К. Дм. [2]) Кавелинъ пишетъ:

«Очень благодаренъ Н. Н. (это мнѣ) за память. Въ смыслѣ изложенія, его работа [3]) не оставляетъ желать лучшаго. Но что касается точки отправленія и выводовъ, то я съ нимъ расхожусь діаметрально. Страховъ дуалистъ. Но дуализмъ, при нынѣшнемъ состояніи знанія совершенно немыслимъ. Отнынѣ возможно работать только въ направленіи, которому слѣдуютъ физіологи и Сѣченовъ [4]), только надо дополнить тѣмъ же путемъ то, что они упускаютъ изъ виду. Въ послѣдней своей статьѣ (т. е. послѣднихъ) [5]) Сѣченовъ дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ, послѣ которыхъ съ нимъ невозможно не согласиться и которыя открываютъ возможность дополнить его выводы, признавая ихъ вполнѣ. Чувствуется, что недалеко то время, когда дополненіе будетъ сдѣлано, и всѣ недоразумѣнія, которыя какъ будто оправдываютъ усилія дуалистовъ, канутъ въ Лету. Но во всякомъ случаѣ къ этой желанной цѣли невозможно подойти съ точки зрѣнія Страхова и идя съ той почвы, на какой онъ стоитъ».

И все. Вотъ Вамъ Кавелинъ во всемъ его великолѣпіи. Ему кажется, что онъ разсуждаетъ обо мнѣ, а въ сущности онъ обо мнѣ и думать не хочетъ. Впрочемъ Вы сами оцѣните эту красоту какъ слѣдуетъ.

Попавши домой, я живо почувствовалъ свое одиночество, и скука давнула меня порядочно. Книги мои взглянули на меня какъ-то невесело; не было той радости свиданія, которой я ожидалъ [6]). Дорогой я подумывалъ и теперь все больше укрѣпляюсь въ мысли написать что-нибудь по Вашему вызову; своей біографіи я никакъ не стану писать, но мнѣ хочется поговорить о себѣ и какъ-нибудь обобщить вопросъ. Напишу Вмѣсто Исповѣди и посвящу

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Извѣстный ученый, историкъ и публицистъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (род. 1818, ум. 1885).

[3]) „Объ основныхъ началахъ психологіи“ (см. выше).

[4]) Извѣстный физіологъ, Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ (род. 1829, ум. 1905), съ 1904 г. — почетный членъ Академіи Наукъ.

[5]) „Элементы мысли“ — въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 г., № 3 и 4.

[6]) Библіотека Н. Н. Страхова, послѣ его смерти, была пожертвована его племянницею, г-жею Матченко, Имп. С.-Петербургскому Университету.

Вамъ [1]). Боюсь только, что разыграются дурныя чувства, которыхъ такъ много возбуждаетъ въ насъ наше милое Я.

Былъ сегодня у Семевскаго [2]); онъ усердно Вамъ кланяется. На дняхъ онъ ѣдетъ за границу, гдѣ останется до половины Ноября. И я видѣлъ у него большое диво: книжки Русской Старины на Сентябрь, Октябрь и Ноябрь уже напечатаны и онъ уѣзжая только поручитъ разослать ихъ [3]).

Пока прощайте! Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и бодраго настроенія. Графинѣ низко кланяюсь, и всѣмъ Вашимъ. Не забывайте

Всей душой Вамъ преданнаго

Н. Страхова.

Много разъ у Голохвастовыхъ рѣчь заходила объ Васъ, и я готовился приводить всякія соображенія въ Вашу пользу; но они отмалчивались, и разговоръ не завязывался.

Степану Андреевичу [4]), если онъ еще не уѣхалъ, передайте, что пришлю ему карточку въ отвѣтъ на первое же его письмо.

А теперь боюсь Васъ затруднить.

88. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

14-го сентября 1878 г. Петербургъ.

Тысячу разъ благодарю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, за Ваше милое, милое письмо [5]). Оно такъ живо напомнило мнѣ Вашу доброту ко мнѣ, всѣ черты расположенія ко мнѣ, которыя я видѣлъ лѣтомъ и отъ Васъ, и отъ Графини, и отъ Татьяны Андреевны и отъ всѣхъ Вашихъ, что я сталъ уже разыскивать, достаточно ли я благодаренъ въ душѣ за все это. И я вспомнилъ, что я не разъ, какъ и теперь, испытывалъ приливы моей всегдашней и великой нѣжности къ Вамъ, и что часто досадовалъ на неумѣнье и дурное настроеніе духа, по которому не удавалось ее выразить. Но прошу Васъ, никогда не забывайте, что она есть во мнѣ, что это отрада моей жизни.

А какую цѣну, какое значеніе имѣетъ моя жизнь? Этотъ вопросъ я часто задавалъ себѣ, и чувствовалъ, что, такъ какъ я ей даю очень малое значеніе, то и выраженія, подобныя предъиду-

---

[1]) Своей „Исповѣди“ Страховъ не написалъ.

[2]) Редакторъ-издатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій.

[3]) О томъ же Страховъ писалъ 26-го октября и Фету („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 81-82).

[4]) Берсъ.

[5]) Оно не извѣстно.

щему, теряютъ свою силу. Я, [наша] моя жизнь, мое счастіе—вотъ для всякаго человѣка послѣдняя точка опоры, мѣрило всего остальнаго, цвѣтное, вкусовое начало. Представьте, что у меня это начало очень слабо, и потому не только я не способенъ къ дѣятельности, борьбѣ, se faire valoir и т. п., но и не могу видѣть въ своей жизни ничего важнаго.

Мнѣ трудно говорить объ этомъ предметѣ, и вотъ почему я не могу писать автобіографіи. Какимъ тономъ ее писать? Кажется я бы всего сильнѣе выразилъ чувство отвращенія.

И съ отвращеніемъ читая жизнь свою,
Я трепещу и проклинаю.

Я не люблю жизни такъ, какъ ее любитъ Майковъ [1]), и не люблю самого себя такъ, какъ Достоевскій; какъ же я стану писать? Я стараюсь уйти отъ себя и отъ жизни; какъ же я стану съ этимъ возиться? Разсказывать просто, не судя, съ тѣмъ, чтобы другіе судили, я не хочу и не могу; я непремѣнно буду и хочу самъ судить, и мнѣ недостаетъ для этого спокойствія. Всего охотнѣе я бы сталъ ругать самого себя, какъ я внутренно это дѣлаю. Но для Васъ я готовъ бы это написать, а для другихъ — не вижу цѣли, нахожу скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ.

Но будетъ пока объ этомъ трудномъ предметѣ. Мои философскія занятія пошли очень успѣшно. Я съ жадностію читалъ одного математика, Гамильтона, и (ободренный не мало Вами) думаю прежде всего писать о времени и пространствѣ.

По поводу Вашихъ замѣчаній о Кавелинѣ приведу Вамъ мѣсто изъ Цицерона, которое стоитъ эпиграфомъ къ Логикѣ Гегеля. Оно попалось мнѣ на глаза и поразило, какъ неслыханная новость.— Est enim philosophia paucis contenta judicibus, multitudinem consulto ipsa fugiens, eique suspecta et invisa. Что за языкъ! Такъ можно писать только по латыни, а по русски развѣ Пушкинъ перевелъ бы какъ слѣдуетъ.—«Ибо философія довольствуется лишь немногими судьями, сама намѣренно избѣгая толпы, для которой даже подозрительна и ненавистна». Въ нашъ вѣкъ всякой популяризаціи мы это совершенно забыли; мы безъ конца наплодили разныхъ межеумочныхъ писаній, которыя толпѣ пріятны и любезны. Но Цицеронъ правъ: истинная философія имѣетъ лишь немногихъ судей и поклонниковъ. Если онъ такъ смотрѣлъ на свои философскія занятія, то мнѣ и подавно не нужно мечтать о популярности. Прибавлю еще, что мнѣ забавно, когда Кавелинъ говоритъ о наукѣ. Вѣдь онъ, какъ Стасовъ и другіе подобные, ничего не знаетъ, и потому ему даже неизвѣстно, что такое значитъ знать. Мнѣ даже

---

[1]) Поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

обидно, когда онъ указываетъ мнѣ на науку, которую я будто-бы упустилъ изъ виду.

Тургенева мнѣ жаль. Парижскій складъ понятій, по моимъ соображеніямъ, по разнымъ чертамъ, которыя попадаются у Ренана, Тэна, Флобера, — нѣчто ужасное, какое-то отрицаніе настоящей духовной жизни человѣка. Тургеневъ, при его податливости не могъ уйти отъ этого вліянія [1]).

Ваше письмо, кромѣ всего другого, порадовало меня Вашимъ бодрымъ настроеніемъ. Вотъ чего желаю Вамъ постоянно и отъ всей души! Я самъ могу похвалиться, что послѣ перваго унынія, которое всегда бываетъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, очень ободрился. Вотъ три или четыре дня, какъ мнѣ очень нездоровится по вечерамъ (отчего я и запоздалъ письмомъ); но духомъ я спокоенъ и чувствую, что дѣло идетъ хорошо. Все время сижу дома, не волнуюсь, не раздражаюсь. Казенной работы никакой нѣтъ. Георгіевскій [2]) до половины ноября уѣхалъ за границу. Мысль оставить Комитетъ [3]) не находитъ одобренія у свѣдущихъ людей; но я ее не оставилъ совершенно.

Ну, будетъ объ себѣ! Я навелъ справки о житіяхъ святыхъ; Бычковъ [4]) указалъ мнѣ четыре изданія, какъ самыя главныя: 1) Минеи, издаваемыя Арх. Комм. 2) Минеи Дмитрія Ростовскаго, которыя чѣмъ старше, тѣмъ лучше, пот. что очищаются при новыхъ изданіяхъ 3) Житія святыхъ россійской церкви А. Н. Муравьева, 12 томовъ 4) Макарія исторія русской церкви.

Обнимаю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и прошу помнить

Всей душой Вашего

1878 14 Сент. Спб. Н. Страхова.

89. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

28-го сентября 1878 г. Петербургъ.

Давно, давно уже пора писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. И опять приходится мнѣ доказывать, какое Вы для меня

---

[1]) Лѣтомъ 1878 г. Тургеневъ былъ въ Россіи и посѣтилъ Толстого въ Ясной Полянѣ. „Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ... Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна“—писалъ Толстой Фету 5-го сентября 1878 г. (Письма Л. Н. Толстого, т. I, стр. 129). Описанію свиданія двухъ великихъ писателей въ книгѣ П. И. Бирюкова о Толстомъ посвящена цѣлая глава въ т. II-мъ (XIII-я): „Примиреніе Тургенева съ Толстымъ“ (стр. 270—281).

[2]) См. выше.

[3]) Т. е. Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія членомъ коего былъ Страховъ.

[4]) Академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.

спасеніе и какъ мало людей, способныхъ къ философіи. Дней пять назадъ я получилъ письмо отъ Н. Я. Данилевскаго [1]). Онъ очень прилежно изучилъ мою психологію [2]) и вотъ что пишетъ:

«Всѣ ваши доказательства достаточны противъ матеріализма, но достаточны ли они и противъ скептицизма? То, что Вы говорите о сознаніи, не относится ли вполнѣ къ ощущенію и нельзя ли сознаніе опредѣлить: постоянное ощущеніе самого себя? Оно во всякомъ случаѣ есть первоначальный психическій фактъ, свидѣтельствующій о чемъ-то совершенно отличномъ отъ всего объективнаго, фактъ первичный и ничѣмъ уже необъяснимый. Но я думаю, что Вы это такъ и понимаете. Я не знаю, зачѣмъ понадобилось Миллю, для признанія, что мы стоимъ лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то окончательно неизъяснимымъ, допущеніе невозможнаго парадокса, что нѣчто, составляющее по предположенію лишь рядъ чувствованій, можетъ знать о себѣ, какъ о рядѣ. Мнѣ кажется, что всякое единичное ощущеніе, хотя бы совершенно отдѣльное, безъ всего предшествующаго и послѣдующаго, т. е., безъ воспоминаній и ожиданій уже свидѣтельствуетъ объ этомъ окончательно-неизъяснимомъ, окончательно-выходящемъ изъ той области, которую разумнымъ образомъ мы можемъ отнести къ міру матеріальному, или объективному».

Опускаю другія разсужденія. Но вы видите, что понятіе сознанія для этого умнѣйшаго человѣка совершенно недоступно. Это очень странно, и я даже этого не ожидалъ. Впереди онъ пишетъ, что научился изъ моей статьи понимать Cogito ergo sum. Но для Стасова и это непонятно. И вотъ источникъ безконечныхъ разногласій между людьми, источникъ философскихъ школъ и разныхъ историческихъ событій; вотъ вамъ и Дарвинъ, матеріализмъ, спиритизмъ, четвертое измѣреніе, и Соловьевъ, и Гартманъ, и т. д.

Отсюда слѣдуетъ, что нужно писать, и что грѣшно не писать, когда столько свободнаго времени. У меня почти нѣтъ казенной работы. Но когда подумаю о слабости своихъ силъ и о томъ, что нужно бы сдѣлать, для того, чтобы писать основательно и какъ власть имѣющій—я падаю духомъ и думаю лишь о томъ, какъ бы кончить жить съ яснымъ и спокойнымъ духомъ, не волнуясь ни самолюбіемъ, ни всякою другою мелочностію.

Пріѣхалъ сюда Аверкіевъ [3]) и читалъ у меня свою драму Смерть Мессалины [4]). Очень интересно и очень слабо, какъ этого и слѣдовало ожидать. Языкъ и стихъ прекрасные, хотя конечно чужіе.

---

[1]) О немъ см. выше.

[2]) Т. е. книгу „Объ основныхъ началахъ психологіи“.

[3]) О немъ см. выше.

[4]) Напечатана въ т. III „Драмъ“ Аверкіева, Спб. 1896.

Онъ разсказывалъ, что самодурство Каткова [1]) все растетъ и что близкіе люди часто не знаютъ, какъ имъ быть. Дочь выдавалъ за кн. Шаховского съ большимъ торжествомъ [2]).

Изъ здѣшнихъ слуховъ интересно учрежденіе комиссіи, разсматривающей причины, препятствующія положить предѣлъ распространенію соціализма (таково оффиціальное заглавіе, и то неполное). Причину находятъ въ образованіи умственнаго пролетаріата и въ дурномъ направленіи профессоровъ. Поэтому предлагаются мѣры — не допускать сколь возможно бѣдныхъ людей въ высшія учебныя заведенія. Странно, что не видятъ, какъ подобная мѣра будетъ только размножать и озлоблять этотъ пролетаріатъ. Съ нашими юношами поступаютъ не по отечески; ихъ то и дѣло выгоняютъ, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ и не указывая имъ мѣста и занятія. Если бы нужно было нарочно образовать умственный пролетаріатъ, то нельзя придумать лучше того порядка, который у насъ заведенъ.

Университеты вѣроятно будутъ преобразованы, но прежде еще будутъ установлены государственные экзамены, и тогда уже, какъ необходимое слѣдствіе явится реформа университетовъ.

Заходилъ въ Библіотеку молодой Шидловскій и разсказывалъ, что былъ у Васъ и видѣлъ Тургенева, который привелъ его въ удивительный восторгъ своимъ изяществомъ и рѣчами [3]). Отъ Полонскаго [4]) я узналъ, что Фетъ писалъ къ Тургеневу, но что Тургеневъ не успѣлъ къ нему заѣхать.

Все это меня немножко раздражаетъ. Нужно будетъ еще распросить хорошенько Полонскаго; мнѣ любопытно, неужели ничего не вышло, кромѣ (вѣроятно) польщеннаго самолюбія?

«Когда тебѣ станетъ грустно», пишетъ Маркъ Аврелій, «вспомни хорошихъ людей, которыхъ знаешь, и живо представь себѣ ихъ достоинства; это тебя утѣшитъ». Такъ я иногда вспоминаю Васъ, несравненный Левъ Николаевичъ. Нынѣшнее лѣто, вообще для меня неудачное, принесло мнѣ однако важные результаты: я вполнѣ понялъ красоту Ясной Поляны, и для меня яснѣе стали нѣкоторыя Ваши черты, чудесныя, подтвердившія и усилившія мое сердечное уваженіе къ Вамъ. Одно дурно: на меня все еще иногда нападаетъ страхъ, что Вы меня, гадкаго, какъ-нибудь разлюбите.

Но я, какъ Вамъ и обѣщалъ когда-то, такъ и твердо надѣюсь

---

[1]) Изцатель „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“.

[2]) Старшая дочь Михаила Никифоровича Каткова отъ брака его съ княжною Софіей Петровной Шаликовой—Варвара Михайловна—вышла замужъ за князя Льва Владиміровича Шаховского.

[3]) Отзывъ Толстого о Тургеневѣ по поводу его посѣщенія Ясной Поляны приведенъ нами выше.

[4]) Якова Петровича, поэта.

сохранить навсегда такое прекрасное, чистое чувство, какъ моя любовь къ Вамъ.

Сегодня чудесный осенній день. Что-то дѣлается въ Ясной Полянѣ?

Желаю всѣмъ быть здоровыми.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1878 г. 28 Сент. Спб.

90. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому

[10] 11-го октября 1878 г. [Петербургъ].

Стасюлевичь мнѣ пишетъ, что онъ Вамъ писалъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Ахъ, какая досада! Но какъ прикажете сдѣлать? Какъ сказать человѣку: «Пожалуста не безпокойте Толстого, можете обращаться ко мнѣ»? А онъ рьяный писатель и хлопотунъ неутомимый и отчасти безтолковый. Предложеніе его состоитъ въ слѣдующемъ: будетъ напечатано 5000 томиковъ извѣстнаго Вамъ формата, по 75 коп. за экземпляръ.

Всего на	3,750 р.
На напечатаніе	1,650 р.
25% книгопр.	937

Автору остается 1,163 р., которые онъ и получитъ по мѣрѣ выручки, то есть года въ 2. (Думаю, что Вы раньше раскупитесь). Стасюлевичь принесъ мнѣ подробный расчетъ за подписями, который и будетъ храниться у меня, какъ документъ. Далѣе—просилъ Вашего портрета,—я далъ фотографію. Наконецъ проситъ біографическихъ свѣденій, и я обѣщалъ ему просить Васъ объ нихъ. Свѣденія конечно должны составить родъ послужнаго списка, и я думаю Графиня отлично можетъ его сдѣлать. А окончательный видъ дамъ я, и мнѣ хочется помѣстить туда описаніе Ясной Поляны, сухое по тону, но содержащее скрытое восхищеніе. Все (т. е. біографія) въ корректурѣ будетъ прислано Вамъ на утвержденіе. Съ большою радостію принимаюсь за эту маленькую работу, но меня безпокоитъ торопливость Стасюлевича. О чемъ онъ могъ Вамъ писать? Кажется не было никакой надобности. Сейчасъ пріймусь составлять списокъ того, что должно печататься и, переговоривши съ нимъ, пришлю Вамъ на просмотръ. Если будете молчать, значитъ согласны [1]). А что значитъ,

---

[1]) Дѣло въ письмѣ этомъ идетъ о предложеніи М. М. Стасюлевича издать въ серіи „Русской Библіотеки“ (выходившей подъ наблюденіемъ А. Н. Пыпина) томикъ избранныхъ сочиненій Толстого,—о чемъ съ Толстымъ говорилъ, во время пріѣзда въ Ясную Поляну, Тургеневъ по

что такъ долго Вы не пишете? Меня начинаетъ брать страхъ, хоть я знаю, что обыкновенно не пишутъ тѣ, у кого все благополучно и не скучно. Если такъ у Васъ, то я очень радъ, и иногда готовъ желать, чтобы Вы на время обо мнѣ забывали.

11 Октября. И сегодня нѣтъ письма! Со Стасюлевичемъ у насъ вышло разногласіе. Онъ желаетъ помѣстить отрывокъ изъ Казаковъ, именно съ начала до того, какъ Оленинъ расположился на квартирѣ. Я колеблюсь. Впрочемъ, когда составимъ списокъ, я пришлю къ Вамъ, не для того, чтобы Вы сами поработали надъ нимъ, а только, чтобы имѣли свѣденіе о томъ, что дѣлается, и могли, если не понравится, остановить.

Въ газетахъ печатаютъ, что Ваши Декабристы появятся въ журналѣ Русская Рѣчь, новомъ журналѣ, издаваемомъ Навроцкимъ [1]). Я не имѣю объ немъ понятія. Самъ я немножко завертѣлся и немножко расхворался; но все больше и больше меня тянетъ начать свою книгу: Гл. I Объ истинѣ. Гл. II О числѣ. Гл. III О времени. Гл. IV О пространствѣ. Гл. V Объ инерціи и т. д. Теперь заглядываю въ Лейбница, и иногда сознаніе слабости своихъ силъ такъ нападаетъ на меня, что я думаю: «ну не успѣю; что же за бѣда, что одной книгой будетъ меньше на свѣтѣ?»

Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ.

Какъ бы хорошо было писать такъ, какъ въ молодости, не обращая вниманія ни на Лейбница, ни на кого на свѣтѣ! А впрочемъ въ Мірѣ какъ цѣлое [2]) есть двѣ—три крупныя ошибки, свидѣтельствующія о моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ.

Тороплюсь отсылать Вамъ письмо. Простите и помните о неизмѣнной любви

Вашего Н. Страхова.

1878. 11. Окт. Спб.

просьбѣ Пыпина (См. у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 277). Это изданіе вышло въ 1879 году, составивъ IX-й выпускъ „Русской Библіотеки,“ и содержало „Дѣтство“, „Севастополь“, „Три смерти“, „Войну и Миръ“, „Анну Каренину въ (отрывкахъ) портретъ и біографію Толстого. См. слѣдующее письмо, гдѣ Страховъ привелъ программу содержанія предположеннаго Стасюлевичемъ изданія.

[1]) Издавался въ 1879—1882 г. Н. А. Навроцкимъ. „Декабристы“, какъ извѣстно, написаны не были. См. у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 269.

[2]) Сочиненіе Страхова (см. выше).

91. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому

24-го октября 1878 г. [Петербургъ].

Русская Библіотека. Т. IX.

Л. Н. Толстой.

Дѣтство. Отрывки:

Наталья Савишна. . .	т.	I, 53— 64.
Смерть матери. . . .	„	I, 115—131.
Три смерти.	„	II, 271—291.
Севастополь въ Декабрѣ.	„	III, 99—120.

Война и Миръ. Отрывки:

Шенграбенское сраженіе	т.	V, 295—311, 322—327, 332—336.
Смотръ передъ Аустерл. битвой.	„	V, 414—420.
Въ Лысыхъ горахъ. .	„	VI, 51— 60.
Охота на волка. . . .	„	VI, 356—374.
Святки въ Отрадномъ .	„	VI, 400—416.
Александръ I въ Москвѣ	„	VII, 119—137.
Бородинская битва. . .	„	VII, 324—351.
Ростовы и князь Андрей	„	VII, 498—512.
Безуховъ въ Москвѣ, занятой французами	„	VIII, 49— 72.
Смерть князя Андрея. .	„	VIII, 79— 94.
Наполеонъ оставляетъ Москву.	„	VIII, 131—140.

Басни:

Камышъ и маслина (по Езопу). . .	„	IV, 409.
Воронъ и лисица (по Езопу). . .	„	IV, 412.
Два мужика.	„	IV, 424.
Мужикъ и лошадь. .	„	IV, 425.
Топоръ и пила. . . .	„	IV, 426.
Собаки и поваръ. . .	„	IV, 426.
Корова и козелъ. . .	„	IV, 429.

Разсказы для дѣтей.

Какъ я выучился ѣздить верхомъ .	„	IV, 436—9.

Лозина . . . . . т. IV, 439.
Русакъ. . . . . „ IV, 455—6.
Кавказскій плѣнникъ. „ IV, 477—509.

Анна Каренина. Отрывки:

Балъ въ Москвѣ. . . . „ IX, 120—132.
Скачки въ Красномъ Селѣ. . . . . „ IX, 303—313.
Уборка сѣна. . . . . „ X, 59— 67.
Сватовство Левина за Кити . . . . . „ X, 251—268.

Конецъ.

NB. Показаны томы и страницы по изданію Сочиненія гр. Л. Н. Толстого, Москва. 1873—78, Т. I—XI.

Вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, выборъ, мною сдѣланный. Прошу Васъ, взгляните, и если чѣмъ недовольны, поправьте [1]). Поправить нельзя только первые два отрывка, которые не я и выбиралъ, а выбралъ самъ Стасюлевичъ, велѣлъ набрать и даже напечатать 1-й листъ, не сказавши мнѣ. Я тотчасъ же остановилъ его и не рѣшился уничтожить набранное только потому, что это было бы вычтено изъ платы автору. А выборъ я дѣлалъ по двумъ соображеніямъ: 1) Нужно было выбрать какъ можно меньше, чтобы книжка стоила дешевле и больше денегъ осталось Вамъ 2) Нужно было выбирать пригодное для учащихся, для молодыхъ людей. Первое условіе меня очень мучило; составивши длинные списки Вашихъ перловъ, я долженъ былъ вычеркивать и опять вычеркивать, и жертвовать самыми чудесными вещами. Второе условіе мало меня затрудняло—Вы писатель цѣломудренный и глубокій.

Теперь я жду корректуръ, и если Вы найдете, что нужно сдѣлать перемѣну, то все еще возможно. Но если Вы пожелаете что-нибудь прибавить, то это значитъ вычесть изъ своихъ денегъ. Я нахожу это лишнимъ. И то много помѣщено. Самый толстый томъ Русской Библіотеки,—Салтыкова, 8-й. Онъ точно обрадовался, что его приняли въ классическіе писатели, и далъ въ полтора раза больше, чѣмъ Пушкинъ, Лермонтовъ — —

Вашъ томикъ разойдется не хуже Тургенева,—а того уже нѣтъ въ продажѣ. Деньги, полагаю, Вы получите сейчасъ по напечатаніи—мнѣ совѣстно было спросить у Стасюлевича, но такъ онъ дѣлалъ съ другими, какъ я слышалъ.

---

[1]) 26-го октября Страховъ писалъ Фету: „Въ эту минуту я занятъ составленіемъ выборки изъ сочиненій Льва Николаевича, для Русской Библіотеки Стасюлевича. Посмотрю, что вы скажете о моемъ выборѣ“ („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 82).

Очень меня огорчаетъ, что такъ давно нѣтъ отъ Васъ никакого извѣстія. Не знаю что думать [1]). Ужъ не пропали ли мои или Ваши письма? Тутъ были такіе случаи недавно: пропало одно мое городское письмо и пропали два московскихъ письма на мое имя. Успокойте меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Черкните двѣ строчки, чтобы только знать мнѣ, что все благополучно въ Ясной Полянѣ.

Въ сравненіи съ Вашимъ молчаніемъ здѣшнія новости не такъ занимаютъ меня, чтобы о нихъ распространяться. Я немножко расклеился, вѣроятно отъ увеличенія давленія атмосферы, которое всегда дурно на меня дѣйствуетъ. Мои сожители очень огорчены: Ѳ. Бергъ [2]), потерявшій Русскій Міръ, подкопался подъ Стахѣева [3]), подбилъ издателя [4]) отказать ему отъ редакціи Нивы и самъ сталъ редакторомъ. Стахѣевъ остался безъ мѣста и безъ работы (деньги у него есть—накопилъ тысячъ пять). Погода у насъ стоитъ отвратительная, часто среди дня приходится зажигать газъ въ Публичной Библіотекѣ.

Получилъ очень милое письмо отъ Голохвастова [5]). Пишетъ, что на зиму они ѣдутъ въ село Макателемъ, къ Карамзинымъ [6]); это ихъ не радуетъ. Пишетъ, что разсказываетъ сказки своей Арочкѣ и что собирается писать ихъ стихами. Буду отвѣчать—очень похвалю его за это.

О моихъ занятіяхъ, которыя иногда интересуютъ Васъ больше, чѣмъ меня самого, скажу, что всего настойчивѣе просятся три вещи: 1) О числѣ, первая глава книги.—2) Объ исторіи—маленькій очеркъ.—3) Описать свое нынѣшнее душевное состояніе. Въ это состояніе я загнанъ неизбѣжно; нельзя ни ждать отъ себя новыхъ силъ, ни даже надѣяться на случай дѣйствовать въ иномъ и лучшемъ родѣ. Спрашивается, чѣмъ же я живу? Чего отъ себя добиваюсь и въ чемъ полагаю то хорошее, безъ стремленія къ которому мнѣ было бы стыдно жить? Мнѣ представляется, можно написать любопытный этюдъ, только очень грустный. Да, вотъ причина, почему мнѣ трудно писать воспоминанія: нужно держать извѣстный тонъ, а я не найду настоящаго. Душа у меня такъ разшатана, что

---

[1]) О томъ же Страховъ писалъ и Фету 26-го октября. („Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 82).

[2]) Ѳедоръ Николаевичъ Бергъ (род. 1840), поэтъ, романистъ и журналистъ; редакторомъ „Нивы“ былъ до начала 1880 г.

[3]) Д. И. Стахѣевъ; см. выше.

[4]) А. Ф. Маркса.

[5]) См. выше.

[6]) Вѣроятно, Александръ Николаевичъ Карамзинъ (род. 1815, ум. 1888), помѣщикъ Нижегородской губерніи, женатый на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Оболенской.

я могъ бы написать въ торжественномъ, въ свѣтломъ, въ комическомъ, въ отчаянномъ—но въ простомъ не съумѣю.

Но я заболтался. Завтра еще разъ взгляну, нѣтъ ли на вѣшалкѣ [1]) письма—и пошлю Вамъ свое.

Еще разъ умоляю—напишите хоть что-нибудь, пусть Сережа [2]) напишетъ, наконецъ браните меня, но дайте о себѣ вѣсть.

Всею душою вашъ

Н. Страховъ.

1878 24 Окт.

92. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[29-го октября 1878 г. Ясная-Поляна].

Виноватъ и не виноватъ передъ вами, дорогой Николаевичъ. Виноватъ потому что вамъ было непріятно отъ меня, за то что я не пишу; но не виноватъ потому что право не могъ писать письма, не могъ ничего дѣлать все это время. Я не солгу если скажу, что меня не было дома т. е. что я не находился самъ въ себѣ, а гдѣ то ailleurs. Ходилъ на охоту, училъ дѣтей, обѣдалъ принималъ гостей, когда пріѣзжали; но если долженъ былъ отъ себя что нибудь дѣлать то ничего не могъ. Работа все нейдетъ но живу хорошо и васъ точно также люблю и цѣню какъ прежде т. е. съ каждымъ днемъ больше, съ каждымъ днемъ, съ которымъ несомнѣннѣе приходитъ грустное убѣжденіе о томъ какъ мало хорошихъ людей отдѣльно и умныхъ людей отдѣльно и какъ рѣдко рѣдко то и другое вмѣстѣ какъ у васъ. Но зачѣмъ вы сердитесь на Тургенева? Онъ играетъ въ жизнь и съ нимъ надо играть. И игра его невинная и не непріятная если въ малыхъ дозахъ [3]). Но сердиться и вамъ не надо. Впрочемъ это давно вырвалось у васъ и вы это уже забыли; но тоже что вы пишете о своихъ работахъ хоть и давно, надѣюсь что вы не забыли и что письмо мое застанетъ васъ въ ихъ серединѣ. Дай Богъ. У насъ все хорошо. Мы съ женой очень дружны какъ всегда, когда у насъ пойдетъ настоящая жизнь; дѣти здоровы, учатся порядочно, позволяютъ иногда [дѣлать] о себѣ помечтать, время все занято хорошо. Очень вамъ благодаренъ за хлопоты обо мнѣ [4]); но простите великодушно, когда дошло

---

[1]) Въ Публичной Библіотекѣ.

[2]) Сынъ Толстого.

[3]) Однако, и самъ Толстой писалъ Фету, 22-го ноября, по полученіи письма отъ Тургенева: „... рѣшилъ—лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира—непріятный“. (А. Фетъ. Мои воспоминанія, т. II, стр. 358).

[4]) Т. е. объ изданіи избранныхъ сочиненій Толстого въ „Русской Библіотекѣ“ Стасюлевича.

дѣло до біографіи, до портрета, я живо представилъ себѣ все, да и дѣло есть, то я испугался.

Ради Бога нельзя ли на попятный.—

Такъ не сердитесь на меня дорогой Николай Николаевичъ, и вѣрьте что никогда не перестану васъ любить. Писать мнѣ не смѣю просить. Я не стою того. — Жена вамъ посылаетъ дружескій поклонъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 29 окт. 1878. Ясн.

93. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[10-го ноября 1878 г. Ясная-Поляна].

Жена вамъ писала, дорогой Николай Николаичъ, но она во-первыхъ не написала о вашемъ выборѣ статей въ Р. Б. [1]) а во-вторыхъ не сказала какъ я чувствую себя вамъ благодарнымъ и виноватымъ передъ вами.

Выборъ превосходный [2]). И въ особенности хорошо если правда что мало. Чѣмъ меньше тѣмъ лучше.

Одно біографія. Какъ бы обойтись безъ нея. Если уже никакъ нельзя, то какой minimum ея возможенъ Если вы увидитесь съ Стасюлев. сондируйте ждетъ онъ отъ меня письма или нѣтъ. Да какъ его зовутъ?

Отъ души обнимаю васъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 10 ноября 1878. Ясн.

94. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

21-го ноября 1878 г. Петербургъ [3]).

Его [4]) зовутъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, Михаиломъ Матвѣевичемъ, и чинъ у него превосходительный. Онъ напоминалъ какъ-то, что не имѣетъ отъ Васъ извѣстій; но считаетъ ли онъ за Вами письмо, узнать трудно, такъ какъ онъ отличается необычайной вѣжливостью и низачто не позволитъ себѣ и тѣни намека, похожаго на жалобу. Печатаніе приходитъ къ концу. Благодарю Васъ за

---

[1]) Т. е. для „Русской Библіотеки“, изд. Стасюлевичемъ.

[2]) Списокъ намѣченнаго Страховымъ состава томика избранныхъ сочиненій Толстого см. выше, въ письмѣ № 91; изданіе, однако, вышло въ иномъ составѣ (см. въ письмѣ № 90, примѣч.).

[3]) Отвѣтъ на предыдущее письмо Толстого.

[4]) Стасюлевича, издателя „Русской Библіотеки“.

новое удовольствіе, которое испыталъ, держа корректуру. Біографія конечно чѣмъ короче, тѣмъ лучше; и самая короткая заставитъ расхвалить книжку—такъ какъ объ Васъ сложились какіе-то миѳы.

Недавно я говорилъ съ очень умною и очень несчастною дамою—Анною Николаевною Энгельгартъ [1]). Въ годъ тому назадъ она возставала противъ Анны Карениной, дѣлала пріядовитыя выходки, и по женскому обычаю, интересовалась не романомъ, а лично Вами. Теперь она поторопилась объявить мнѣ, что беретъ все назадъ, что она въ восторгѣ, что Каренина выше Войны и Мира, что когда погибнетъ Россія, по этому роману можно будетъ возстановить ея жизнь, и т. д.

Не знаю, чѣмъ Вы задѣли эту даму, очень либеральную и петербургскую; но немудрено, что она вдругъ почувствовала, что всѣ другія писанія—сочиненіе, а у Васъ одного — чистая правда, самая суть русской жизни.

Что до меня, то вотъ ужъ съ мѣсяцъ, я только и думаю о статьѣ: Главная задача исторіи. Меня больше всего манитъ возможность высказать немножко свои нравственные взгляды. Почти навѣрное я напишу ее къ Рождеству, и буду потомъ хлопотать о помѣщеніи въ Русской Рѣчи. Скажите, правда ли, что Вы дали этому журналу обѣщаніе? Говорятъ, объ этомъ напечатано въ газетахъ [2]). Меня, какъ человѣка ненавистнаго Петербургской печати, не пригласили, или вѣрнѣе пригласили такъ слегка, что я даже имѣю право обидѣться. Критику будетъ писать Евгеній Марковъ [3]), политику Александръ Градовскій [4]), и вообще прогрессивность будетъ большая, но въ неославянофильскомъ духѣ—самое модное направленіе, составившееся изъ смѣшенія нигилизма съ славянофильствомъ. Конечно я низачто не взялся бы за журнальную работу,

---

[1]) Дочь извѣстнаго лексикографа, Н. А. Макарова; она родилась въ 1838 г., скончалась въ 1903 г.; была женою сельскаго хозяина А. Н. Энгельгардта, писательница и переводчица.

[2]) О томъ, будто въ „Русской Рѣчи“ будетъ напечатанъ новый романъ Толстого „Декабристы“ (см. выше).

[3]) Евгеній Львовичъ Марковъ (род. 1844, ум. 1903), педагогъ, публицистъ, критикъ, беллетристъ и общественный дѣятель; отецъ столь извѣстнаго „праваго“ депутата Н. Е. Маркова 2-го.

[4]) Александръ Дмитріевичъ Градовскій (род. 1841, ум. 1889), профессоръ Петербургскаго Университета, извѣстный публицистъ; собраніе сочиненій его (въ 9 томахъ) издано въ 1899—1904 гг. „Съ Русской Рѣчью я теперь немножко познакомился“, писалъ Страховъ Фету 15-го декабря: „Меня даже слегка пригласилъ мой давнишній пріятель А. Д. Градовскій, который тамъ всѣмъ будетъ ворочать. Я предчувствую, что направленіе будетъ нѣсколько розовое, и потому эти хитрые политики отложили въ сторону на первое время и Достоевскаго, и Майкова, и меня“... („Русск. Обозр.“, 1901 г., вып. I, стр. 86).

но очень радуюсь, что въ этомъ журналѣ можно будетъ помѣстить одну статью въ годъ.

Нынче ко мнѣ особенно любезно начальство; одинъ начальникъ—Георгіевскій [1]), позвалъ къ себѣ на вечера, другой, Деляновъ [2]), пригласилъ обѣдать, третій, Бычковъ [3]), сдѣлалъ мнѣ визитъ. Прибавьте къ этому, что ни въ Библіотекѣ, ни въ Комитетѣ нѣтъ почти дѣла. И вотъ я читаю, читаю, всласть, взасосъ—На счетъ Комитета я долженъ дать Вамъ отчетъ, и все собираюсь, и напишу. Но одно тепе́рь же скажу: у меня еще осталось долгу 250 р. (только!) и я рѣшилъ остановиться, пока не выплачу.

Отъ Фета получилъ чудесное письмо, путанное, безсвязное, но удивительно-милое [4]).

Я все воображаю, что Вы пишете, и сердце мое радуется, и я всей душою желаю Вамъ свѣтлыхъ часовъ успѣшной работы. Пишите и забывайте или помните обо мнѣ—какъ хотите.

Вашъ всей душою

Н. Страховъ.

1878. 21 Ноября. Спб.

95. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[23-го ноября 1878 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ!

Жена написала біографію [5]) и вамъ письмо, но дала мнѣ перечесть и я остановилъ и то и другое — на время. Біографія, для кот. она спрашивала меня и справлялась по письмамъ и дневникамъ вышла превосходная для меня, и для меня только. Мнѣ интересно возстановить въ памяти свою жизнь. И если Богъ дастъ жизни и я когда нибудь вздумаю писать свою исторію то это будетъ для меня канва чудесная; но для публики это немыслимо. Мы выберемъ на дняхъ по вашимъ вопросамъ факты и пришлемъ вамъ. Я иногда думаю что вы сердитесь на меня за мое молчаніе и неблагодарность. Пожалуйста не сердитесь и вѣрьте что я ужасно высоко цѣню вашу дружбу и боюсь потерять хоть частицу ея. Не пишу я

---

[1]) Предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Директоръ Имп. Публичной Библіотеки, впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія и графъ.

[3]) Помощникъ И. Д. Делянова по Публичной Библіотекѣ.

[4]) Это большое письмо, отъ 31-го октября 1878 г., напечатано въ „Русскомъ Обозрѣніи“, 1901 г., вып. I, стр. 83—85.

[5]) Для помѣщенія въ „Русской Библіотекѣ“ Стасюлевича, при изданіи избранныхъ сочиненій Толстого.

вамъ только отъ того что нечего. Попытки, исканія очарованія и разочарованія мои при работѣ моей не годится разсказывать. А остальное все меня не интересуетъ въ это время. Но когда проснусь, то первое что представляется это мое желаніе общенія съ вами. Жена въ томъ письмѣ кот. я задержалъ опять проситъ васъ исполнить обѣщаніе пріѣхать къ намъ на Рождество. Если для вашего рѣшенія нужно знать, что это для меня будетъ большой радостью, то примите это въ соображеніе. Особенно хочется пожить съ вами. И если вамъ хорошо у насъ и можно, устройте пожалуйста. Ужъ недолго остается и до Рождества, и жить намъ вообще и пользоваться этими хорошими радостями.

У меня все благополучно и идетъ жизнь порядкомъ. Надѣюсь, до свиданія!

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 23 ноября 1878. Ясн.

96. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

2-го декабря 1878 г. Петербургъ.

Что можетъ быть лучше, какъ поѣхать на праздники въ гости въ Ясную Поляну! Я непремѣнно пріѣду, безцѣнный Левъ Николаевичь, и душевно благодарю Васъ за приглашеніе. Меня только смущаетъ мое бездѣйствіе — совѣсть мучитъ; но я придумалъ, что буду писать у Васъ статью. И Вамъ вѣдь я боюсь помѣшать. Да еще прошу — помѣстите меня не въ кабинетѣ. Мнѣ самому ужасно жалко этой комнаты, съ которою неразлучны всѣ мои воспоминанія объ Ясной Полянѣ. Но она очень нездорова зимою, и я не столько боюсь простуды, сколько боюсь, что буду у Васъ никуда негоднымъ гостемъ.

Но все это еще время терпитъ. Теперь же я тороплюсь писать Вамъ о біографіи [1]). Она очень любопытна — вѣдь это цѣлая масса фактовъ. Но одного не достаетъ: ничего нѣтъ о семействѣ графини; нѣсколько строчекъ были бы совершенно необходимы. Если Вы начнете такъ: «Возлѣ ясно-полянскаго имѣнія было имѣніе такого-то (дѣда), который былъ очень друженъ съ отцомъ Льва Николаевича. У него была дочь — сынъ (я, какъ видите, ничего толкомъ не знаю). — Докторъ Берсъ служилъ 40 лѣтъ въ Москвѣ. На его доери — женился тогда-то Л. Николаевичь». Нужно непремѣнно, чтобы Графиню не считали за иностранку, а знали бы, что это давнообрусѣвшее семейство.

Нѣтъ-нѣтъ да и прозвучитъ у Васъ, безцѣнный Левъ Николае

---

[1]) Біографія Толстого для „Русской Библіотеки“ Стасюлевича.

вичь, грустная нота, которая такъ и хватаетъ меня за сердце. А я, какъ нарочно, тутъ повеселѣлъ — можетъ быть передъ горемъ.

Простите, что написалъ Вамъ такимъ противнымъ почеркомъ; это виновата бумага.

И такъ, можетъ быть Вы пришлете нѣсколько строкъ дополненія по біографіи? Разумѣется, я во всякомъ случаѣ напечатаю съ полнѣйшею точностію.

Графинѣ усердно кланяюсь и душевно благодарю за приглашеніе. Я еще напишу, а пока — простите и помните

Вашего всею душою

Н. Страхова.

1878 2 Дек. Спб.

97. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го декабря 1878 г. Петербургъ.

Въ Субботу выѣду, безцѣнный Левъ Николаевичь, Воскресенье пробуду въ Москвѣ, прослушаю статью Фета [1]) и буду уговаривать его не печатать; въ Понедѣльникъ вечеромъ буду на Козловкѣ. Я впрочемъ телеграфирую съ утра. Простите, что не писалъ; меня тутъ вертитъ такъ, что становится тошно: умныя рѣчи не занимательны и музыка, за которою гоняюсь, теряетъ прелесть. О томъ, какъ Вы поглощены работой, писала Софья Андреевна, и ужасно меня это порадовало.

Работа со Стасюлевичемъ [2]) кончена. Вашъ портретъ вышелъ лучше всѣхъ моихъ ожиданій, и вообще я доволенъ — ничего дурного, чего я боялся, не случилось. Обо всемъ разскажу Вамъ подробно, хоть меня беретъ страхъ — хочется говорить съ Вами и боюсь Вамъ помѣшать. У насъ оттепель и я немножко простудился, но теперь проходитъ. Авось настанутъ морозы, и я поздоровѣю совсѣмъ. Тороплюсь и не хочу ни на чемъ останавливаться. До свиданья, до радостнаго свиданья!

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1878 г. 20 дек. Спб.

---

[1]) Письмо Фета къ Страхову отъ начала декабря и отвѣтъ ему Страхова отъ 15-го декабря см. въ „Русск. Обозр.“, 1901 г., вып. I, стр. 85—86.

[2]) Т. е. съ изданіемъ IX томика „Русской Библіотеки“, съ избранными сочиненіями Толстого.

98. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Спб. 1879, 6 янв. [1]).

Все благополучно, безцѣнный Левъ Николаевичь. Въ Тулѣ я проскучалъ три часа и пріѣхалъ въ Москву уже въ четверть десятаго, когда петербургскій поѣздъ уже давно ушелъ. На станціи меня встрѣтилъ Фетъ и съ тѣми быстрыми и точными движеніями, которыя у него иногда еще являются, провелъ къ каретѣ и увезъ къ себѣ. Съ часъ мы говорили, и мнѣ грустно было думать, что я былъ орудіемъ того огорченія, которое въ немъ было замѣтно. Онъ рѣшился не ѣхать въ Петербургъ и толковалъ мнѣ и тогда и на другой день, что чувствуетъ себя совершенно одинокимъ со своими мыслями о безобразіи всего хода нашей жизни. Я получилъ отъ него два стихотворенія—Отшедшій и Смерть для передачи Навроцкому [2]), и съ величайшей радостью взялся быть его повѣреннымъ. Я попросилъ его переписать на томъ же листкѣ Alter ego [3]). Когда здѣсь ужъ я сталъ перечитывать эти три пьески—меня ужасно поразила и связь ихъ, и та страшная унылость, которая скрыта подъ этою энергическою, яркою рѣчью. Бѣдный Фетъ! Этотъ случай возбудилъ во мнѣ такую нѣжность къ нему, которой я вѣроятно никогда не забуду. Одинъ вездѣ, и въ своей великолѣпной Воробьевкѣ!

Въ этотъ разъ я наконецъ увидѣлся съ Юрьевымъ [4]), который мнѣ очень понравился; но мы не успѣли порядкомъ поговорить, потому-что сидѣлъ тамъ Щегловъ [5]), интересовавшійся только своими собственными мыслями и непремѣнно желавшій сказать намъ обо всемъ свое мнѣніе, да приходили актрисы, Медвѣдева [6]) и Ермолова [7]), готовящіяся играть въ Смерти Месса-

---

[1]) Писано послѣ возвращенія изъ Ясной Поляны.

[2]) Въ журналъ „Русская Рѣчь“.

[3]) Тоже стихотвореніе Фета.

[4]) Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ (род. 1821, ум. 1888), переводчикъ Шекспира, Гете и др., редакторъ „Бесѣды“, предсѣдатель (1878—1884) Общества Любителей Россійской Словесности, наконецъ, съ 1880 г.—редакторъ „Русской Мысли“ (до 1885 г.) и предсѣдатель Общества русскихъ драматическихъ писателей (1886—1888).

[5]) Иванъ Леонтьевичъ Леонтьевъ (псевд. Иванъ Щегловъ), умершій 3-го іюня 1911 г., извѣстный писатель-бѣллетристъ, драматургъ и юмористъ; въ его бумагахъ, завѣщанныхъ имъ Пушкинскому Дому при Имп. Академіи Наукъ, есть нѣсколько писемъ къ нему Страхова.

[6]) Извѣстная артистка Московскаго Малаго театра Надежда Михайловна Медвѣдева, выступавшая на сценѣ съ 1848 года и скончавшаяся 24-го сентября 1899 г.

[7]) Знаменитая артистка Московскаго Малаго театра Марія Николаевна Ермолова, здравствующая понынѣ.

лины [1]). Первое представленіе назначено на 18 Января; издержки, хлопоты и шумъ — большіе. Актрисы, скромныя и ловкія, мнѣ понравились.

Юрьевъ хочетъ издавать толстый журналъ Русская Мысль — названіе нехорошо. Ему обѣщано разрѣшеніе — онъ за нимъ ѣздилъ въ Петербургъ; но просилъ меня справиться и попросить, если могу. Просилъ также сотрудничать. Что-то есть въ немъ нескладное, и конечно легче повѣрить, что Стасюлевичъ [2]) и Краевскій [3]) будутъ хорошо издавать журналъ, чѣмъ тому, что съумѣетъ это сдѣлать Юрьевъ. Но съ такимъ человѣкомъ за то пріятно имѣть дѣло, — т. е. не дѣло, а сношеніе.

Въ Петербургѣ все засталъ въ порядкѣ, книги мои стоятъ на мѣстахъ, и я опять почувствовалъ при видѣ ихъ свое безсиліе и даже рѣшилъ, что больше покупать не буду, — буду по крайней мѣрѣ воздерживаться. Пока я у Васъ гостилъ, Случевскій [4]) успѣлъ напечатать свою поэму, назвавъ ее Въ Снѣгахъ, и успѣлъ написать новую, которую уже читалъ Майкову [5]) и хочетъ непремѣнно читать у меня. Въ Снѣгахъ напечатана въ Новомъ Времени, въ газетѣ! Очень я удивился, а газета говорятъ выиграла, давши цѣлый свой 2-й листъ стиховъ. Еще одно непріятно: на поэмѣ стоитъ: посвящается памяти А. А. Г. Это значитъ Аполлона Александровича Григорьева [6]); но вѣрно Суворинъ не далъ выставить полнаго имени. Что за лакейская подлость передъ публикою!

Вчера же вечеромъ Стахѣевъ [7]) принесъ мнѣ кипу тетрадей — это его романъ, который растетъ не по днямъ, а по часамъ и который по долгу пріятеля нужно прочесть.

Но я думаю, я Вамъ надоѣлъ всею этою литературой. Существенное же, что я хотѣлъ написать Вамъ, — одно, — я хотѣлъ благодарить Васъ за приглашеніе и гостепріимство, благодарить Васъ отъ всей души и сказать Вамъ, что я питаюсь Вами, какъ и прежде. Надѣюсь, что эти чувства никогда во мнѣ не погаснутъ, и что въ старости они станутъ только свѣтлѣе и ровнѣе. Нынче я опять живо вспомнилъ, какую опору когда-то вдругъ нашли въ

---

[1]) Драма Д. В. Аверкіева.

[2]) Издатель-редакторъ „Вѣстника Европы“.

[3]) Андрей Александровичъ Краевскій (род. 1809, ум. 1889), знаменитый издатель „Отечественныхъ Записокъ“ и газеты „Голосъ“.

[4]) Константинъ Константиновичъ Случевскій (род. 1837, ум. 1904), поэтъ, главный редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ и „Сельскаго Вѣстника“, гофмейстеръ.

[5]) Поэту Аполлону Николаевичу.

[6]) Критикъ, любимый Страховымъ, который издалъ I-й томъ Собранія его сочиненій.

[7]) Д. И. Стахѣевъ, романистъ, жившій вмѣстѣ со Страховымъ.

Васъ и теперь постоянно находятъ всѣ мои лучшія симпатіи. Въ яркихъ образахъ, съ неотразимой силой выражено Вами то, для чего я напрасно силился бы [дать] найти выраженіе. Не могу безъ радости подумать, что впереди еще ждетъ меня много подобныхъ откровеній.

Много хочется еще сказать, да это все трудно говорить. Прощайте, безцѣнный Левъ Николаевичь. Душевно желаю Вамъ и всѣмъ Вашимъ всего хорошаго.

Вашъ неизмѣнный

Н. Страховъ.

1879. 6 янв. Спб.

99. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[19-го января 1879 г. Ясная Поляна].

Послѣ вашего отъѣзда, дорогой Николай Николаевичъ, я всѣмъ заболѣлъ и такъ что нѣсколько дней лежалъ. Теперь почти здоровъ и принялся за работу; но все еще не выхожу и кашляю. Очень радъ былъ узнать, что вы провели день съ милымъ Фетомъ и доѣхали благополучно домой и не раскаиваетесь, что были у насъ. Я же былъ очень очень радъ вамъ.

Двѣ у меня просьбы къ вамъ.—1) Это повѣсть, переведенная П. Берсъ. Нельзя ли ее помѣстить въ Семейные вечера? Она не хуже другихъ, а я бы былъ за то очень благодаренъ вамъ и г-жѣ Кашпиревой [1]). 2-я наглая назойливая просьба обращать кот. къ вамъ я не имѣю никакого права; но мнѣ ей ей, до зарѣза нужно необходимо. Вотъ въ чемъ дѣло: у князя Николая Иван. Горчакова моего прадѣда [2]) умершаго въ 1811 было 3 сына Михаилъ [3])

---

[1]) Софья Сергѣевна Кашпирева, рожд. княжна Урусова, вдова издателя „Зари“ В. В. Кашпирева; см. выше, стр. 27; съ 1870 года она издавала журналъ „Семейные Вечера“, основанный извѣстною дѣтскою писательницею М. Ѳ. Ростовскою. С. С. Кашпирева здравствовала еще въ 1909 году. См. о ней въ письмѣ № 69.

[2]) Князь Н. И. Горчаковъ, отставной секундъ-маіоръ и богатый тульскій и орловскій помѣщикъ (род. въ 1731, ум. 4-го мая 1811 г.), слѣпой (его портретъ воспроизведенъ по подлиннику, принадлежащему графу Л. Н. Толстому и находящемуся въ Ясной Полянѣ, въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе Портреты“, т. III, № 102); онъ былъ отцомъ родной бабушки Л. Н. Толстого, княжны Пелагеи Николаевны, вышедшей за графа Илью Андреевича Толстого (о ней см. воспоминаніе графа Л. Н. Толстого въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. I, стр. 28—29).

[3]) Князь Михаилъ Николаевичъ Горчаковъ (род. 1769, ум. въ 1830), отставной секундъ-маіоръ, а потомъ статскій совѣтникъ, служившій въ провіантскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства.

Василій [1]) (Генер.-маіоръ, женатъ на Стромиловой. Отъ него дочь

---

[1]) Князь В. Н. Горчаковъ (род. 1771), служившій въ 1793 году секундъ-маіоромъ въ лейбъ-кирасирскомъ полку и вышедшій въ отставку премьеръ-маіоромъ. 1-го мая 1797 г. Имп. Павломъ былъ снова принятъ въ службу и причисленъ въ Свиту Его Имп. Величества и уже 1-го августа того же года пожалованъ въ подполковники; въ 1797—1800 г. онъ находился военнымъ русскимъ комиссаромъ, при арміи принца Конде и, по окончаніи этой миссіи, уже будучи генералъ-маіоромъ, былъ 19-го октября 1800 г. назначенъ на Донъ, на мѣсто исключеннаго изъ службы генерала Репина, при чемъ ему повелѣно было проживать въ Черкасскѣ и быть инспекторомъ харьковской инспекціи („Русск. Стар.“, т. VIII, стр. 959 и 970 и т. LXIII, стр. 217); сюда онъ былъ переведенъ изъ Ревеля, гдѣ недолгое время былъ военнымъ губернаторомъ. Однако, вскорѣ же по вступленіи на престолъ Имп. Александра I, обнаружились различныя мошенничества князя Горчакова, учиненныя имъ и за-границей, и на Дону,—и онъ былъ преданъ суду. „Что за исторія съ этимъ негоднымъ княземъ Горчаковымъ“,—писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову 2-го іюля 1802 г.: „Полиція всюду его ищетъ, и въ примѣтахъ его прямо значится: въ звѣздахъ ордена св. Анны и Губерта“ („Русск. Арх.“ 1887 г., кн. I, стр. 171). Исторія князя Горчакова выясняется изъ разсказовъ его современниковъ. Такъ, Д. П. Руничъ, знавшій его еще въ періодъ его благополучія, разсказываетъ въ своихъ Запискахъ: „Въ то время, когда я былъ еще причисленъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ [т.-е. въ маѣ 1797—сентябрѣ 1798 г.] и когда Имп. Павелъ далъ въ Волыни убѣжище арміи Конде, множество личностей, принадлежавшихъ къ этой арміи, находились въ Вѣнѣ и являлись въ Канцелярію посольства, чтобъ визировать паспорта для въѣзда въ Россію. Князь Горчаковъ находился при арміи въ качествѣ военнаго комиссара. Онъ выдавалъ паспорта всѣмъ тѣмъ, которые по своимъ личнымъ дѣламъ оставляли армію съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ ней потомъ, уже въ Волыни. Эти паспорта надлежало визировать. Каково было мое удивленіе однажды, когда мнѣ былъ предъявленъ первый подобный паспортъ, и я увидѣлъ, что въ заголовкѣ его красовалась царская формула: „Мы, Василій князь Горчаковъ, маіоръ въ Свитѣ Его Императорскаго Величества“ и т. д. и т. д. Мнѣ было совѣстно, что соотечественникъ, на котораго было возложено столь выдающееся порученіе, выказалъ полное незнаніе общепринятыхъ формальностей; но по пріѣздѣ Горчакова въ Вѣну я вскорѣ измѣнилъ свой взглядъ. Его тонъ, манеры, всѣ его движенія указывали на то, что выборъ этого человѣка не былъ случайностью. Въ 1800 году я встрѣтился съ нимъ вторично въ Петербургѣ; онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, имѣлъ Анну I-й степени, ленту Баварскаго ордена св. Губерта I-ой ст. и множество другихъ орденовъ; пользовался величайшей милостью у Императора, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ кумирами дня, велъ жизнь милліонера, словомъ—былъ на дорогѣ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ всесильнымъ. Послѣ моего отъѣзда во внутреннія губерніи Имперіи въ 1800 году онъ занималъ постъ военнаго губернатора въ Ревелѣ. Затѣмъ я потерялъ его изъ вида, но впослѣдствіи слышалъ, что въ царствованіе Александра I онъ попробовалъ поддѣлать чьи-то подписи, былъ обличенъ, бѣжалъ за границу, но былъ пойманъ, судимъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Я часто видѣлъ и хорошо зналъ этого человѣка, когда онъ былъ въ апогеѣ своего величія. Зная его умъ и тактичность, я никакъ не могъ

думать, чтобы онъ рѣшился сдѣлать что-либо подобное" („Русск. Стар.", 1901, т. 105, стр. 335—336; также „Русск. Обозр.", 1890 г., № 8, стр. 675—676). Другой современникъ, Ф. Ф. Вигель, участвуя въ посольствѣ графа Головнина въ Китай и остановившись въ Иркутскѣ, познакомился съ Горчаковымъ и разсказываетъ о немъ слѣдующее: „Двое несчастныхъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, устроили въ Иркутскѣ театръ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большой чинъ и носилъ знатное имя, князь Василій Николаевичъ Горчаковъ. Отъ природы расточитель и плутъ, еще въ первой молодости разными постыдными средствами и обманомъ проживалъ онъ чужія деньги. Онъ попалъ въ милость къ императору Павлу, который, подъ именемъ главнаго военнаго комиссара, опредѣлилъ его лазутчикомъ къ Принцу Конде. Съ его корпусомъ дѣлалъ онъ походъ въ Германію и безжалостно обиралъ бѣдныхъ, храбрыхъ эмигрантовъ, удерживая часть суммъ, отъ щедротъ Царя черезъ него имъ доставляемыхъ. Послѣ того съ полновластію ѣздилъ онъ къ казакамъ на Донъ, и наконецъ, назначенъ будучи военнымъ губернаторомъ въ Ревель, только что было принимался грабить Нѣмцевъ, какъ императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, удалилъ его отъ должности. Въ тоже время богатая жена (единственная дочь, которую имѣлъ онъ отъ нея, была замужемъ за Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и умерла бездѣтна), которой имѣніе начиналъ онъ проматывать, разошлась съ нимъ. Лишенный всѣхъ способовъ кидать деньги, онъ прибѣгнулъ къ дѣланію фальшивыхъ векселей; мошенничество его скоро открылось, и онъ очутился въ Иркутскѣ; здѣсь-то и узналъ Вигель князя Горчакова въ 1805 году; по его словамъ, Горчаковъ „лицомъ и взглядомъ походилъ на ястреба", другой ссыльный—А. П. Шубинъ, также принимавшій участіе въ устройствѣ въ Иркутскѣ Театра,—„на овцу". Ссылка связала ихъ дружбой, любовь ихъ поссорила. Примадонна, дочь одного сосланнаго Польскаго шляхтича, тайно оказывала милости обоимъ антрепренёрамъ; когда невѣрность ея открылась, сумасшедшіе вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ до него не допустили, и всѣ взяли сторону Шубина; Горчакова же послали въ Тункинскій острогъ. Черезъ нѣсколько времени воротился онъ изъ него, но Шубинъ торжествовалъ, оставшись одинъ властелиномъ театра и примадонны. Оба, признаюсь, были мнѣ гадки, но Горчаковъ во сто разъ гаже низостью души и откровенностью порока" (Записки, М. 1892, ч. II, стр. 188—189). Наконецъ И. Т. Калашниковъ, въ своихъ „Запискахъ Иркутскаго жителя", опубликованныхъ нами въ „Русск. Старинѣ" (1905 г., т. 123, стр. 211), передаетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни бывшаго князя Горчакова, относящійся уже къ болѣе позднему времени къ 1808—9 гг.: „Еще было нѣчто вродѣ маскарада въ первыхъ годахъ управленія Трескина. Я говорю: нѣчто, потому что въ костюмѣ былъ только одинъ—сосланный князь Г[орчаковъ]. Онъ наряжался старухою, сидящею на старикѣ. Эта маска занимала все собраніе, потому что экс-князь былъ человѣкъ весьма остроумный и мастеръ говорить. Онъ жилъ въ деревнѣ и только по временамъ являлся въ Иркутскъ, гдѣ его принимали съ ласкою. Но съ нимъ былъ одинъ случай, приведшій въ негодованіе всѣхъ Иркутскихъ жителей, привыкшихъ смотрѣть на ссыльныхъ не какъ на преступниковъ, но какъ на несчастныхъ... Въ самомъ дѣлѣ самое величайшее несчастіе есть преступленіе. Г[орчаков]у была нанесена жестокая обида Иркутскимъ городничимъ Потемкинымъ (печать должна сохранять подобныя имена, заклейменныя общимъ омерзеніемъ). Экс-князь, не привыкнувъ къ своему безправному положенію, погорячился въ разговорѣ

Катерина за мужемъ за Уваровымъ и Перовскимъ) [1]) и Александръ [2]). Одинъ изъ этихъ Горчаковыхъ за какія-то дурныя дѣла судился и былъ сосланъ въ Сибирь. Судился онъ вѣроятно въ концѣ столѣтія — не ранѣе 80 год., такъ какъ родился около 60-го и судился вѣроятно въ Сенатѣ [3]). Нельзя ли найти о немъ дѣло? Судился еще бывшій военный министръ Алексѣй Иванычъ [4]) въ началѣ нынѣшняго столѣтія то это да не введетъ въ заблужденіе.

Не поможетъ ли вамъ Семеновъ [5]). Не нужно ли обратиться къ Дмитр. Оболенскому [6])?

съ городничимъ, и городничій ударилъ его въ лицо: что можетъ быть гнуснѣе и преступнѣе, какъ обидѣть человѣка несчастнаго и безгласнаго?... Ни одинъ Иркутянинъ не могъ долгое время послѣ этого вспомнить безъ отвращенія позорное имя Потемкина..." Кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ еще одинъ изъ современниковъ разсказалъ объ исторіи князя Горчакова: графъ Ѳ. В. Ростопчинъ (въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову — „Русск. Арх.", 1887 г., кн. I. Рескрипты Императ. Павла къ князю Горчакову (1797—1800 г.) и два письма къ нему графа Ростопчина (1798 и 1800 г.) напечатаны П. И. Бартеневымъ въ „Русскомъ Архивѣ", 1881 г. (кн. II, стр. 283—291) подъ заглавіемъ: „Французское войско на русскомъ содержаніи (Корпусъ Принца Конде)". Дѣло о взысканіи въ 1803 г. съ имущества уже сосланнаго Горчакова его долга ювелирамъ братьямъ Марксъ за сдѣланные для него въ 1800 г. алмазные знаки ордена св. Губерта напечатано въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина", ч. VI, М. 1900, стр. 136—138; изъ переписки этой видно, между прочимъ, количество долговъ, имъ оставленныхъ. По приведеннымъ даннымъ можно заключить, что судьба князя Горчакова была, дѣйствительно, драматична и романтична и могла заинтересовать Толстого своею необычайностію. Впрочемъ, интересъ этотъ не вылился въ письменную форму, хотя и по письмамъ къ Страхову, и по письму къ графинѣ А. А. Толстой (Толстовскій Музей, т. I, стр. 309) видно, какъ заинтересовался Толстой судьбой брата своей родной бабушки. Свѣдѣнія, которыя въ настоящемъ письмѣ сообщаетъ Толстой Страхову о семьѣ князя Н. И. Горчакова, взяты имъ были изъ „Россійской родословной книги" князя П. Долгорукова, ч. I, Спб. 1854. стр. 62—63; болѣе подробныя о ней данныя можно найти въ трудѣ Г. А. Власьева „Потомство Рюрика", т. I, ч. 1, Спб. 1906 (стр. 468 — 469 и въ ч. 2, дополн.).

[1]) Въ 1-мъ бракѣ княжна Е. В. Горчакова была за ст. сов. Дмитріемъ Петровичемъ Уваровымъ, а во 2-мъ—за Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (род. 1792, ум. 1856), впослѣдствіи Министромъ Удѣловъ и графомъ; она умерла 15 ноября 1833 г.

[2]) Князь Александръ Николаевичъ Горчаковъ умеръ до 1797 г., въ молодыхъ лѣтахъ.

[3]) Князь В. Н. Горчаковъ судимъ былъ не въ Сенатѣ, а въ особой Коммиссіи военнаго суда при Военной Коллегіи (Сборникъ Щукина).

[4]) Князь А. И. Горчаковъ (род. 1769, ум. 1817) былъ военнымъ министромъ въ 1812—1815 гг.

[5]) Николай Петровичъ Семеновъ, сенаторъ (см. выше).

[6]) Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій (род. 1822, ум. 1881) бывшій и. д. Министра Финансовъ и Товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ, въ 1878 г.—статсъ-секретарь, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта.

Не [нуж] можетъ ли быть полезенъ гр. Илья Андреичъ Толстой онъ сенаторъ [1]).

А еще, узнайте нельзя ли обратиться къ кн. Алекс. Мих. — Канцлеру? Онъ старѣйшій изъ Горчаковыхъ и тотъ котор. я ищу ему двоюродный дядя. Если обратиться къ Горчакову, то черезъ кого-нибудь или письменно?

Вы вѣроятно замѣтили за мной способность увлекаться чтеніемъ чего-нибудь и воображать себѣ, что какое-нибудь недостающее мнѣ свѣденіе, для меня особенно важно а потомъ про это забывать. Ради Бога не думайте что и теперь такъ. Это свѣденіе для меня необычайно важно. Это лицо узелъ всего. Наслѣдниковъ у этихъ Горчаковыхъ никого кромѣ насъ. И мнѣ нужно узнать что можетъ быть извѣстно. Если ничего, то я свободенъ. Пути для разъисканія этого дѣла я не знаю, но вы вѣрно найдете. Если къ кому надо обратиться, если надо ѣхать въ Петерб.,— напишите. — Пожалуйста, пожалуйста сдѣлайте это.

Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 19 янв. 1879.

100. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

23-го января 1879 г. Петербургъ.

Нѣтъ, я не замѣчалъ за Вами той слабости, о которой Вы говорите, безцѣнный Левъ Николаевичь; но за собою я замѣчалъ большую лѣность и забывчивость, и рѣшилъ, что на этотъ разъ этого не будетъ. Я приступилъ прямо къ А. Ѳ. Бычкову; по его указанію справлялся съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, но ничего не нашелъ, кромѣ двухъ указовъ на имя Ген.-Маіора кн. Василія Горчакова. Теперь обращусь 1) къ Сенатскому Архиву, гдѣ у меня очень хорошая рука, и 2) къ П. Н. Петрову [2]) — спеціалисту по части родословныхъ, и вообще невѣроятному гробокопателю. Если тутъ я не изловлю Вашего преступника, то по крайней мѣрѣ непремѣнно найду слѣды и напишу Вамъ, если понадобится Ваша помощь. Я сначала сбился, принявъ Илью Андреевича Толстого [3]), котораго

---

[1]) Графъ И. А. Толстой, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, двоюродный дядя графа Л. Н. Толстого, братъ графини А. А. Толстой, переписка съ коей издана въ т. I. „Толстовскаго Музея“; онъ умеръ въ іюлѣ 1879 года.

[2]) Петръ Николаевичъ Петровъ (род. 1827, ум. 1891), авторъ „Исторіи родовъ русскаго дворянства“ и другихъ генеалогическихъ работъ, наполненныхъ ошибками и вообще не заслуживающихъ довѣрія.

[3]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

я видѣлъ, за того, который былъ женатъ на сестрѣ отыскиваемаго Вами [1]), но потомъ я сообразилъ и вспомнилъ. Слѣдъ въ Сенатѣ (если только дѣло было въ Сенатѣ) я найду; слѣдъ въ литературѣ—тоже надѣюсь найти, если онъ есть.

Очень грустно было узнать, что Вы хвораете.

Отъ Фета я получилъ письмо [2]) съ новымъ стихотвореніемъ Никогда, прекраснымъ, мастерскимъ, и тоже очень грустнымъ. Между тѣмъ я до сихъ поръ не успѣлъ войти въ сношенія съ Русскою Рѣчью [3]) и по нѣкоторымъ признакамъ думаю, что эти дураки будутъ упираться. Досада беретъ.

Повѣсть Берса я пристрою, и конечно безъ большого труда.

Пишу къ Вамъ въ торопяхъ, и потому простите за путаницу и скачки.

Дѣло Декабристовъ—недоступно [4]). Но его видѣли два человѣка: историкъ Богдановичъ [5]), такъ справедливо Вами не любимый, и какой-то Дубровинъ (?) [6]). А. Ѳ. Бычковъ обѣщалъ мнѣ обратиться къ нему и попробовать что-нибудь вытянуть.

Стасовъ обѣщалъ поискать списка приглашенныхъ на балъ въ 1816 г.,—но думаетъ, что это не легко.

Вотъ и все. То есть, самыя усердныя пожеланія, но пока безъ всякаго проку. Буду стараться, дорогой Левъ Николаевичъ. Берегите себя.

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1879. 23 Янв. Спб.

---

[1]) Сестра князя В. Н. Горчакова—княжна Пелагея Николаевна была родною бабушкой Л. Н. Толстого, т. к. была замужемъ за его дѣдомъ—графомъ Ильею же Андреевичемъ Толстымъ, Казанскимъ губернаторомъ (ум. 1820).

[2]) Отъ 16-го января 1879 г. изъ Будановки; оно напечатано, какъ и отвѣтъ на него Страхова, въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1901 г., вып. I, стр. 86—88.

[3]) Изданіе Навроцкаго (см. выше).

[4]) О полученіи возможности ознакомиться съ дѣломъ декабристовъ Толстой просилъ и графиню А. А. Толстую, но и она не достигла успѣха, получивъ отказъ прямо отъ шефа жандармовъ Дрентельна (см. „Толстовскій Музей“, т. I, стр. 309, 311).

[5]) Генералъ Модестъ Ивановичъ Богдановичъ, военный историкъ, авторъ исторіи царствованія Имп. Александра, въ которой онъ впервые использовалъ дѣла о декабристахъ, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ.

[6]) Генералъ Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ (род. 1837, ум. 1904) академикъ, извѣстный историкъ, редакторъ „Русской Старины“.

101. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Начало февраля 1879 г. Петербургъ].

Вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, записка, которую просятъ Васъ подписать и очень меня тормошатъ (разумѣется Владиміръ Васильичъ Стасовъ), говоря, что все дѣло изъ-за этого остановилось, такъ какъ Васъ непремѣнно хотятъ первымъ помѣстить.

Розыски объ Вашемъ Горчаковѣ [1]) я дѣятельно продолжаю, и сейчасъ же напишу, когда что-нибудь узнаю. Если бы не проклятый зубъ, который мучилъ меня эту недѣлю, то и теперь бы вѣрно что-нибудь зналъ бы.

Еще меня очень заняла мысль о подлинномъ дѣлѣ Декабристовъ. Оказывается, что его разсматривали Богдановичъ [2]), покойный Кропотовъ [3]), и неизвѣстный мнѣ генералъ Дубровинъ [4]). Если такъ, то отчего же и Вамъ нельзя посмотрѣть? Бычковъ говоритъ, что это дѣлается не иначе, какъ съ личнаго разрѣшенія Государя, и что кажется всего удобнѣе обратиться къ Наслѣднику. Я впрочемъ добьюсь, какъ сдѣлалъ Кропотовъ.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Фета [5]) съ превосходными, плачущими стихами [6]), и съ очень печальною новостью—умеръ Мстиславъ Викторовичъ Праховъ. Ахъ, какъ это грустно! И я себя жестоко обвиняю, что не повидался съ нимъ въ Москвѣ. Послѣдніе два года онъ какъ будто удалялся отъ меня — вѣрно что-нибудь его раздражило. Знать бы — нужно бы было употребить всѣ старанія, чтобы помириться. Ахъ, какъ не хорошо! Очень больной, какъ дитя добрый и чистый, то фантастически преувеличивающій предметы, то глубокомысленный и тонкій до высшей степени — Ужасно жалко [7])!

---

[1]) См. въ письмѣ № 99.

[2]) См. въ письмѣ № 100.

[3]) Біографъ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго) полковникъ Дмитрій Андреевичъ Кропотовъ (род. 1817, ум. 1875), въ 1874 г. издавшій 1-й томъ „Жизни графа М. Н. Муравьева“, въ этой книгѣ онъ воспользовался нѣкоторыми данными дѣлъ о декабристахъ. Ср. статью П. Е Щеголева: „Гр. М. Н. Муравьевъ-заговорщикъ“. [„Современникъ“ 1913, янв., стр. 301—326].

[4]) См. предыдущее письмо.

[5]) Отъ 28-го января 1879 г., изъ Будановки; оно напечатано въ „Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 89—90.

[6]) „А. А. Бржеской“ [Далекій другъ, пойми мои страданья...].

[7]) М. В. Праховъ, въ 1859 окончившій курсъ, съ серебряной медалью, въ 3-й Спб. Гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ по Историко-Филологическому факультету, послѣ чего преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Гимназіи Имп. Человѣколюбиваго Общества и былъ

Дай Вамъ Богъ здоровья, бодрости, всего хорошаго, всего, что нужно для Вашего великаго дѣла. Не браните меня за медленность— я самъ себя очень браню.

Скоро я долженъ опять къ Вамъ писать. Графинѣ мое усердное почтеніе.—

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

PS. Написали мнѣ, что племянница выходитъ замужъ — такъ было написано, что совсѣмъ выбросило меня изъ колеи. Теперь все уладилось.

Вы конечно знаете статью «Грибоѣдовская Москва» Свистуновой (Вѣстникъ Европы, 1877)? Говорятъ, интересно [1]).

Списки приглашенныхъ на придворные балы—можно достать за какое угодно время — сейчасъ же примусь.

102. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

14-го февраля 1879 г. [Петербургъ].

(Отъ Московскаго Сенатскаго Архива).

О родѣ князей Горчаковыхъ въ Архивѣ имѣются слѣдующія указанія:

1) родословная, въ коей писанныхъ 8 полулистовъ;

2) производство Разряднаго Архива съ родословными кн. Горчаковыхъ:

а) 1773 года по требованію Герольдмейстерской Конторы о выправкѣ по Архиву о 33-хъ княжескихъ родахъ, въ числѣ коихъ и о Горчаковыхъ, на 21 полулистѣ.

б) 1785 года по челобитной маіора князя Николая Ивановича Горчакова [2]) о верстаніи лицъ рода его по приложенной родословной (въ коей значатся и дѣти его Александръ, Михаилъ и Василій) помѣстными и денежными окладами, на 14 полулистахъ.

воспитателемъ въ частныхъ домахъ. Его стихотворенія печатались въ „Гражданинѣ“ и др. изданіяхъ. Въ письмѣ къ Фету отъ 24-го февраля 1879 г. Страховъ также высказывалъ свое огорченіе по случаю смерти Прахова. (См. „Русск. Обозр.“ 1901 г., вып. I, стр. 93).

[1]) „Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И Ланской 1812-1818 г.“, переведенныхъ съ французскаго языка М. П. Свистуновой; печаталось въ „Вѣстникѣ Европы“ 1874—1875 г. Въ предисловіи къ письмамъ сказано, что подлинники писемъ были доставлены Анаст. Серг. Перфильевой, гр. Л. Н. Толстому, изучавшему складъ Московской общественной жизни, и могли послужить обширнымъ матеріаломъ для его романа „Война и Миръ“.

[2]) Прадѣдъ графа Л. Н. Толстого (см. выше, письмо № 99].

в) 1775 года по требованію Герольдмейстерской Конторы на 10 полул.

г) 1798 года по требованію Герольдмейстерской Конторы на 8 полул.

д) 1803 года по требованію Герольдмейстерской Конторы на 11 полулист.

3) производство Герольдмейстерской Конторы 1751 года объ опредѣленіи кн. Алексѣя Иванова Горчакова въ кадетскій корпусъ на 2 полулист.

А всего на 74 полулист.

О судимости одного изъ сыновей князя Николая Ивановича Горчакова производится справка по производствамъ Прав. Сената.

Начальникъ отдѣленія Инн. Николевъ.

14 февраля 1879 года.

По принятымъ изъ бывшаго Сенатскаго Архива производствамъ:

1) по 2-му Д-ту Сената 1805 года — о духовномъ завѣщаніи маіора князя Николая Ивановича Горчакова 1801 года, коимъ онъ предоставлялъ имѣніе свое дѣтямъ своимъ Василію и Михаилу; каковое духовное завѣщаніе онъ уничтожилъ, на 11 полулист.

2) по 6 Д-ту Сената 1804 года вексельное—на князя Михаила Николаевича Горчакова представленъ вексель въ 5000 руб. отъ дѣвицы Катерины Николаевны Плохово—на 13 полулист.

Всего съ прежнимъ на 98 полулист.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Н. Страховъ.

103. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

15-го февраля 1879 г. Петербургъ.

Розыски продолжаются, безцѣнный Левъ Николаевичъ; но пока—совершенно безъуспѣшно,—что не мало меня огорчаетъ. Справки наведены: 1) въ Государственномъ Архивѣ. Тутъ есть каталогъ и можно положительно сказать, что нѣтъ ни слова о вашемъ преступникѣ. 2) Въ Архивѣ Историческаго Общества — тоже есть каталогъ и тоже ничего не нашлось. 3) Въ Сенатскомъ Архивѣ—куда я обратился прежде всего—нѣтъ каталога; но начальникъ, очень много занимавшійся дѣлами, не далъ никакого свѣденія, и въ добавокъ сказалъ, что дѣла прошлаго столѣтія—въ Москвѣ, подъ вѣденіемъ Качалова [1]); такъ какъ самъ Качаловъ здѣсь, то его про-

---

[1]) Не Качаловъ, а Калачовъ, Николай Васильевичъ (род. 1819, ум. 1885). Директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ 1883 г. академикъ, извѣстный архивистъ и историкъ.

сили устроить справку, и онъ послалъ въ Москву требованіе разыскать дѣло.

Всѣ здѣшніе гробокопатели, Штендеманъ [1]), Петровъ [2]), Григоровичь [3]), Семевскій [4]), Барсуковъ [5]) — ничего не могутъ найти. Штендеманъ — основательнѣйшій изъ нихъ — просилъ какого-нибудь признака—Губернатора, Архіерея, чего-нибудь наводящаго на слѣдъ. Я сказалъ, что если бы у Васъ было что-нибудь подобное, то Вы навѣрное указали бы! Но я не могъ ему сказать, откуда Вы добыли Ваши свѣденія; конечно изъ семейныхъ разсказовъ?

Встрѣтившись съ гр. Уваровымъ [6]), главнымъ нашимъ археологомъ, я и ему предложилъ Вашу загадку. Онъ сказалъ, что хотя Горчакова дѣйствительно была за Уваровымъ [7]), но что у нихъ нѣтъ никакихъ преданій о Горчаковыхъ и не было большихъ связей.

Да, я и забылъ.

4) Въ Синодскомъ Архивѣ Григоровичь поищетъ въ томъ предположеніи, что можетъ быть былъ какой-нибудь грѣхъ —двоеженство, или что-нибудь подобное.

Ужасно досадно, что не могу угодить Вамъ. Но подождемъ еще. Всего вѣроятнѣе дѣло въ Московскомъ Архивѣ, гдѣ однако дѣлъ — до милліона! такъ что чего добраго запутаются.

О себѣ не стану говорить — нечего. Вчера Петербургъ былъ напуганъ чумою, а сегодня объявляютъ, что это только сифилисъ. И такія шутки шутитъ Боткинъ [8])! Я не могу еще нарадоваться этому посрамленію медицины. И вся эта исторія, которая тянется уже четыре мѣсяца, — верхъ человѣческой безтолковости.

Не могу выразить, какъ больно мнѣ слышать, что Вы все хвораете. Откуда такая бѣда? А я почти вполнѣ здоровъ — только помучился немножко зубами.

Пока — простите! Выздоравливайте и не поминайте лихомъ

Вашего всѣмъ сердцемъ

1879 г. 15 февр. Спб. Н. Страхова.

---

[1]) Георгій Ѳедоровичъ Штендманъ, въ теченіе многихъ лѣтъ Секретарь Имп. Русскаго Историческаго Общества, питомецъ Петербургскаго Университета.

[2]) О немъ см. выше.

[3]) Николай Ивановичъ Григоровичъ (род. 1835, ум. 1889), начальникъ Архива Св. Синода, историкъ.

[4]) М. И. Семевскій, издатель „Русской Старины“.

[5]) Николай Платоновичъ Барсуковъ (род. 1838, ум. 1906), авторъ изслѣдованія „Жизнь и труды Погодина“ и др.

[6]) Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ [род. 1824, ум. 1884], основатель Им. Московскаго Археологическаго Общества, почетный членъ Имп. Академіи Наукъ.

[7]) См. выше, въ письмѣ № 99.

[8]) С. П. Боткинъ, знаменитый врачъ [см. выше].

104. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[1-го марта 1879 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Какъ вы поживаете? Живы ли здоровы? Въ трудахъ ли? Дай Богъ. Благодарю за ваши хлопоты. Онъ [1]) былъ Генералъ Маіоръ Василій Никол. И кажется сосланъ за фальшивыя ассигнаціи. Я ничего не написалъ. Все пухну замыслами. Но у насъ и я всѣ здоровы и благополучно. Дай Богъ вамъ всего лучшаго не забывайте меня.

Вашъ Л. Толстой.

Очень благодаренъ за хохлацкую книгу. Какъ вы угадали, что мнѣ ее нужно было?

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 1 марта 1879.

105. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

11-го марта 1879 г. Петербургъ.

Наконецъ получилась бумага изъ Москвы, и я тороплюсь переслать ее Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь [2]). Но для безопасности и для легкости посылаю Вамъ копію, а подлинникъ оставляю у себя. Я самъ не видалъ Калачова [3]), и не совсѣмъ понимаю смыслъ бумаги; полагаю, что нужно ждать еще свѣденій, и что Вашъ преступникъ Александръ. Очевидно можно также получить свѣденія объ ихъ чадахъ, женахъ, дѣтяхъ и пр. — и не понимаю, отчего не доставлены эти свѣденія. Впрочемъ я стану еще тормошить Калачова черезъ Николая Петровича Семенова [4]), и даже предложу — послать къ Вамъ тѣ дѣла, которыхъ Вы пожелаете. А между тѣмъ посмотрите, есть ли для Васъ что любопытное.

Въ Архивѣ Синода розыски продолжаются—и я сообщу туда для соображенія эту бумагу.

Очень досадую, что все еще ничего не нашлось. Стасовъ получилъ отъ Васъ благодарность и чуть не прыгалъ отъ радости. На улицѣ

1] Князь Горчаковъ, о коемъ см. въ письмѣ № 99.

2) Т. е., документъ о князѣ Горчаковѣ, интересовавшемъ Толстого; см. въ письмѣ № 99.

3) См. выше, въ письмѣ № 100.

4) Сенатора.

я видѣлъ здѣсь Вашего гостя князя Урусова [1]), и онъ сказалъ мнѣ, что по всему судя Вы очень работаете. Всей душой желаю Вамъ хорошей работы и здоровья и всякихъ хорошихъ обстоятельствъ. А мнѣ что-то нездоровится и недѣли три уже я въ прескверномъ нервномъ настроеніи.

И здѣсь, и въ Москвѣ очень много возились съ Тургеневымъ. Третьяго дня было литературное чтеніе, и меня порадовало, что публика встрѣтила Достоевскаго [2]) съ такимъ же восторгомъ, какъ Тургенева,—Салтыкову же хлопали очень мало [3]).

Юрьеву [4]) разрѣшенъ его журналъ [5]).

Случевскій [6]) еще написалъ поэму, но не читалъ у меня потому, что сынъ у него опасно боленъ.

Вл. Соловьевъ пріѣхалъ изъ Москвы. Немножко обросъ и окрѣпъ.

---

[1]) Князь Сергѣй семеновичъ Урусовъ (ум. 1897), „севастопольскій другъ“ Толстого, сынъ сенатора князя Семена Никитича Урусова (ум. 1857) и супруги его, красавицы-датчанки Фонъ-Маркшицъ (ум. 1848); онъ родился 3-го августа 1827 г. Прослуживъ въ Конной гвардіи до 1852 г. и выйдя въ отставку ротмистромъ, онъ во время Крымской кампаніи командовалъ Полтавскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, по словамъ П. И. Бартенева, „оказалъ чудеса храбрости подъ Севастополемъ. Мы нали его въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ отставнымъ генералъ-маіоромъ. Это былъ человѣкъ обширнаго образованія, знатокъ математики. Кончина горячо-любимой супруги (Надежды Аѳанасьевны, урожд. Нестеровой) сильно подѣйствовала на него, и онъ сталъ предаваться нѣкоторымъ чудачествамъ: такъ, онъ много лѣтъ писалъ сочиненіе въ доказательство того, что Императоръ Павелъ скончался спокойно. Князь Урусовъ славился и за границею, какъ знатокъ шахматной игры. Немудрено, что онъ сошелся съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ, который тоже отлично игралъ въ шахматы“. Въ письмѣ къ нему въ Москву отъ 6-го ноября 1855 г. изъ аула Куртьеръ-Фоцъ-Сале (въ Крыму) князь Урусовъ писалъ между прочимъ: „Рекомендую Вамъ прекраснаго литератора и вмѣстѣ шахматнаго игрока, моего ученика, графа Льва Николаевича Толстого. Какъ истый партизанъ вашъ и вашихъ талантовъ, я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ писать вамъ“ („Русск. Арх.“, 1903, кн. III, стр. 480; см. ib. 1875 и 1904 г.). Урусовъ былъ въ дѣятельной перепискѣ съ Толстымъ (см. предисл., стр. 4), который гащивалъ у него въ селѣ Спасскомъ близь Троице-Сергіевой Лавры; князь Урусовъ перевелъ на французскій языкъ Толстого „Въ чемъ моя вѣра“, переводъ этотъ изданъ былъ въ Парижѣ Фишбахеромъ.

[2]) За „Братьевъ Карамазовыхъ“.

[3]) А. А. Фету Страховъ писалъ 12-го апрѣля 1879 г.: „У насъ здѣсь восхищались Тургеневымъ и Достоевскимъ. Вы вѣрно читали описанія этихъ неслыханныхъ торжествъ. Достоевскій въ первый разъ получилъ овацiи, которыя поставили его наряду съ Тургеневымъ. Онъ очень радъ“ („Русск. Обозр.“, 1901, вып. I. стр. 97).

[4]) См. выше.

[5]) „Русская Мысль“; начала выходить съ 1880 г.

[6]) К. К. Случевскій, о коемъ см. выше.

Пишу, и боюсь, что Вы станете браниться за эти новости,—можетъ быть и неинтересныя для Васъ. Такъ кончу же старою вѣстью,—что очень люблю и уважаю Васъ. Я Тургенева и Достоевскаго—простите меня—не считаю людьми; но Вы—человѣкъ, и не повѣрите, какъ отрадно такому смутному и колеблющемуся существу, какъ я, увѣриться, что онъ встрѣтилъ настоящаго человѣка.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

1879 г. 11 Марта Спб.

106. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го марта 1879 г. Петербургъ.

«Въ трудахъ ли я» Вы спрашиваете. Какое милое слово—не правда ли оно—изъ Четьи-Минеи? И какъ бы хорошо—спокойно жить гдѣ-нибудь и трудиться. Но я подумалъ, что трудомъ можно назвать и ту работу, которую дѣлаешь надъ собою, когда встрѣчаешься съ разными людьми и долженъ дѣлать разные пустяки и кругомъ непрерывное волненіе всякихъ страстей. Въ этомъ смыслѣ мнѣ что-то много приходится трудиться; но я очень стараюсь и надъ своими статьями—о числѣ и главная задача исторіи. Кажется все готово, а чего-то еще недостаетъ.

Получили ли Вы письмо мое съ бумагою Московскаго Архива? Вы пишете, что онъ [1]) Василій; но почему же? Какія бы ни были у Васъ предположенія и догадки, не сообщите ли Вы ихъ мнѣ—я бы передалъ своимъ библіографамъ; можетъ быть по самой маленькой чертѣ удастся найти Вашего героя.

Очень тороплюсь сегодня и хочу только поблагодарить Васъ за письмо. Мнѣ вспомнились Самарскія степи и послышался Вашъ голосъ, когда Вы издали бывало спрашиваете: «Николай Николаичъ, какъ поживаете?»

Душею радъ, что все у Васъ благополучно, и пусть такъ будетъ долго, долго!

Я видѣлъ Любовь Александровну, Александра Михайловича, Петра Ѳедоровича Самарина [2]).

Всей душою Вашъ

Н. Страховъ.

1879 г. 20 Марта Спб.

---

[1]) Князь В. Н. Горчаковъ, интересовавшій Толстого.

[2]) Братъ извѣстнаго славянофила-писателя Ю. Ѳ. Самарина; умеръ въ Ялтѣ 22-го марта 1901 г.

107. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

Не написать нынче—дурно, написать два слова—нехорошо но менѣе дурно. Я былъ въ Москвѣ за дровами для своей печи. Дровъ набралъ чудныхъ но измучился и простудился. Работаю много, [но] и радостно но безъ всякаго замѣтнаго слѣда работы внѣ себя. У насъ все хорошо. Весной не пахнетъ еще.—Вас. Ник. Горчаковъ былъ сосланъ, говорятъ, за фортепьяно полное фальшивыхъ асигнацій вывезенное имъ изъ-за границы [1]). Гдѣ можетъ находиться дѣло объ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ казненномъ въ 1724-мъ году [2])? Въ Москвѣ его нѣтъ. Если оно въ Петерб. можно ли имѣть къ нему доступъ. Дай вамъ Богъ здоровья и спокойствія для работы.—

Вы пишете, что трудно жить и работать въ городѣ. Я даже не понимаю этого. Жить въ Пет. или Москвѣ это для меня все равно что жить въ вагонѣ. Простите не сердитесь и вѣрьте что я васъ люблю не меньше вашего.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 25 мар. 1879.

108. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

11 Апр. [1879 г.]. Спб. [3])

Вчера приходилъ ко мнѣ въ Библіотеку нѣкто Шапиро, фотографъ, съ письмомъ отъ Каэтана Андреевича Коссовича.—Въ письмѣ Коссовичь называетъ Шапиро отличнымъ человѣкомъ, и я вспомнилъ, что и прежде онъ хвалилъ его чрезвычайно. Шапиро просилъ снять съ меня портретъ для коллекціи русскихъ писателей, которую онъ издаетъ и для которой текстъ будетъ писать Вейнбергъ [4]). Онъ показалъ мнѣ четыре или пять портретовъ—Тургенева, Достоевскаго и т. д., и я ахнулъ отъ восхищенія—такъ это хорошо и въ такомъ

---

[1]) Какъ видно изъ примѣчанія къ письму № 99, князь В. Н. Горчаковъ сосланъ былъ за другія преступленія.

[2]) О Нестеровѣ см. ниже, въ письмѣ № 111. Имъ Толстой интересовался при изученіи эпохи Петра Великаго, которою занятъ былъ еще въ 1872 году (см. у. П. И. Бирюкова, т. II, стр. 199—204) и которою не переставалъ заниматься въ 1879 г. (см. выше, перечень нашъ, сообщенный Толстому В. В. Стасовымъ, а также „Толстовскій Музей“, т. I, стр. 319).

[3]) Въ книгѣ П. А. Сергѣенко „Письма Л. Н. Толстого“, т. I, стр. 131—132, напечатано письмо Л. Н. Толстого къ Страхову отъ 9-го апрѣля 1879 г.; это письмо на самомъ дѣлѣ относится къ 1876 году и выдержку изъ него мы привели выше, на стр. 80—81, въ примѣчаніи.

[4]) Петръ Исаевичъ Вейнбергъ (род. 1830, ум. 1910), извѣстный писатель, почетный академикъ.

большомъ размѣрѣ. Я, разумѣется, сталъ убѣждать Шапиро, что не стою этой чести, но онъ настаивалъ и я назначилъ ему день и часъ. Ну конечно, онъ очень желаетъ снять Васъ. Я объяснилъ ему, какъ это трудно, но онъ объявилъ, что готовъ поѣхать къ Вамъ въ Ясную и провести у Васъ дня три, съ тѣмъ, чтобы не только Васъ снять, но и графиню, и дѣтей, и цѣлыя группы Вашей семьи. Это было бы чудесно; можно бы снять и нѣкоторые виды, и вообще какія-нибудь картины яснополянской жизни. Я обѣщалъ ему просить у Васъ позволенія. Мастеръ онъ, какъ видно, большой, но кромѣ того, [хотя] по виду хотя жидъ (онъ жидъ дѣйствительно), но очень спокойный, простой и увѣренный. Коссовичъ отъ него въ восторгѣ—это къ сожалѣнію мало значитъ. Коссовичу около 65 лѣтъ, онъ профессоръ и удивительный знатокъ клинообразныхъ надписей; но онъ—дитя малое по смыслу, хоть и говорилъ мнѣ недавно, что только къ 60 годамъ поумнѣлъ — — Расположеніе видѣть вездѣ прекрасныхъ людей довело его уже однажды до большой бѣды—съ него стали взыскивать тысячъ 60, въ которыхъ онь поручился за типографщика Головина [1]), большаго мошенника, который послѣ этого превратился для Коссовича въ страшнаго злодѣя. Насилу выручили старика, и онъ потомъ говорилъ, что радуется этому случаю, что ему пришлось тутъ узнать много превосходныхъ людей. Однако былъ очень замученъ, да и поплатился—деньгами. Я разсказываю Вамъ все это не для того, чтобы доказать, что Шапиро мошенникъ, а только чтобы объяснить, какое милое дитя Коссовичъ. Портреты такъ хороши, что одна мысль увидѣть Вашъ портретъ въ такихъ размѣрахъ и съ такой изумительной отчетливостію приводитъ меня въ восхищеніе. Я разсказалъ Шапиро, что уже существуетъ предпріятіе, подобное его затѣѣ. Онъ не зналъ, и увѣрялъ, что уже давно готовится, даже объявлялъ въ газетахъ, такъ что значитъ хотятъ съ нимъ соперничать. Въ такомъ видѣ какъ у него—дѣло грандіозное, одна изъ прямыхъ задачъ и обязанностей фотографіи. Мнѣ не случалось видѣть заграничныхъ изданій этого рода, но лучше я не могу вообразить. Пріѣхать къ Вамъ Шапиро можетъ только лѣтомъ—такъ что время еще терпитъ; но для утѣшенія всѣхъ Васъ любящихъ, и если не для себя, то для своей семьи Вы должны согласиться [2]).

---

[1]) Образцовая въ свое время печатня Владиміра Ивановича Головина (ум. 23 февраля 1892 г.) въ Петербургѣ, на Владимірскомъ проспектѣ; Головинъ служилъ въ 1879 г. чиновникомъ особыхъ порученій при Статсъ-Секретаріатѣ Великаго Княжества Финляндскаго; впослѣдствіи былъ д. с. совѣтникомъ; извѣстенъ, какъ переводчикъ съ шведскаго и финскаго языковъ.

[2]) Толстой отказалъ (см. слѣд. письмо); но, если не ошибаемся, такой фотографическій портретъ Шапиро былъ изданъ.

Благодарю Васъ за Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ; право, и двухъ Вашихъ милыхъ строкъ мнѣ довольно, чтобы очень утѣшаться. Но вотъ бѣда—Вы все не пишете, получена ли и пошла ли въ прокъ Вамъ записка изъ Московскаго архива? Я такъ ей былъ радъ, что поцѣловалъ Николая Петровича Семенова, когда онъ мнѣ ее отдалъ. Впрочемъ, какъ видно, Ваша работа кипитъ, и я очень радуюсь.

Самъ я все еще колеблюсь и не въ духѣ. Но надѣюсь, что лѣтомъ обѣ статьи О числѣ и Главная задача исторіи будутъ готовы. Чтобы писать вторую, нужно только немножко расположенія, а для первой чего-то, кажется, еще не достаетъ.

Еще Вамъ новости о себѣ: Мы здѣсь основали Философское Общество. Затѣялъ это милый юноша, князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ [1]), читавшій и въ эту зиму три лекціи въ Общ. любит. дух. просвѣщенія. Лекціи были очень плохи и послѣ послѣдней изъ нихъ сошлись: Т. Филипповъ [2]), Дм. Цертелевъ, Киреевъ [3]) (братъ убитаго) [4]), Свѣтилинъ [5]), Каринскій [6]) (два профессора Дух. Академіи), Вл. Соловьевъ и я—и основали общество [7]).

Другая новость: меня звали въ женскіе университетскіе рсы [8]), открытые въ нынѣшнемъ учебномъ году—читать пси-

---

[1]) Упоминавшійся уже выше, поэтъ.

[2]) Тертій Ивановичъ Филипповъ, славянофилъ и богословъ, писатель, впослѣдствіи государственный контролеръ.

[3]) Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ (род. 1833, ум. 1911), впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи, состоящій при В. К. Александрѣ Іосифовнѣ, извѣстный славянофилъ, дѣятель Славянскаго Благотворительнаго Общества и богословъ.

[4]) Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ, полковникъ, членъ Славянскаго Комитета, убитый въ войну Сербіи за свое освобожденіе въ бою 6-го іюня 1876 г.

[5]) Александръ Емельяновичъ Свѣтилинъ (ум. 1887), профессоръ логики и психологіи С.-Петербургской Духовной Академіи и помощникъ Ректора ея, писатель; свою ученую и преподавательскую дѣятельность долженъ былъ прервать въ 1884 г. вслѣдствіе душевной болѣзни.

[6]) Михаилъ Ивановичъ Каринскій (здравствуетъ понынѣ), профессоръ исторіи философіи.

[7]) Разсказъ объ основаніи этого Общества, которое, однако, не увидѣло жизни изъ-за неутвержденія его Устава, уже выработаннаго учредителями (любопытно, что заключеніе о немъ давалъ въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія членъ его Вл. С. Соловьевъ), находится между прочимъ въ Воспоминаніяхъ одного изъ нихъ—Ѳ. Г. Тернера (ч. II, С.-пб. 1911, стр. 99) и въ статьѣ Э. Л. Радлова: „Взглядъ Вл. Соловьева на классицизмъ“—въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 14-го мая 1901 г., № 130. Кромѣ названныхъ Страховымъ лицъ, принявшихъ участіе въ возникновеніи Общества, слѣдуетъ еще назвать К. Ѳ. Бестужева-Рюмина и И. Т. Осинина.

[8]) Т. е. Высшіе женскіе курсы.

хологію. Я сказалъ Бестужеву [1]), который меня приглашалъ, что я не смѣю ему отказать, но постараюсь отказаться.

О внутренней нашей политикѣ не стану говорить—очень тяжело, тяжело мнѣ, праздному зрителю жизни, не имѣющему въ ней никакихъ интересовъ. Другимъ должно быть еще тяжелѣе.

Да хранитъ Васъ и всѣхъ Вашихъ Богъ; отъ души желаю Вамъ всякой бодрости, всякаго успѣха.

Вашъ всей душою

Н. Страховъ.

109. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[17-го апрѣля 1879 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Радуюсь что вы на меня не сердитесь, несмотря на мою письменную молчаливость. Пожалуйста и не сердитесь, а все по старому будемъ друзьями. Пинаро [2]), или что то такое, я не согласенъ съ себя давать снимать портреты. Я и то раскаиваюсь и очень, что согласился на это Стасюлевическое [3]) изданіе. Другимъ отказывалъ, а тутъ съ дуру согласился, предложивъ себѣ тотъ доводъ, что это принесетъ мнѣ болѣе 1000 руб., отъ к. не слѣдуетъ отказываться. И желаю быть наказанъ, т. е. быть обруганъ и не получить ни копейки. — У насъ прекрасная весна и я ничего ни дѣлавъ всю зиму, все мечтаю, противно прежнимъ годамъ, хоть чтобы нибудь сдѣлать лѣтомъ. Отъ того не зову васъ къ себѣ, на лѣто. Но надѣюсь, что путь вашъ лежитъ мимо насъ и вы заѣдете на недѣльку другую.—

Вы говорите «кипитъ работа». Вопервыхъ и не желалъ бы чтобъ кипѣла. Я уже это пережилъ; желалъ бы для препровожденія времени что нибудь тихо равномѣрно записывать. Но все неидетъ. Все читаю и все хочу сдѣлать то что не велитъ Прудковъ [4]) — обнять необъятное.

Напишите про ваши планы. Дай вамъ Богъ всего лучшаго. О Горчак. [5]) я знаю, что онъ былъ Ген. Маіоръ Вас. Ник. и попалъ

---

[1]) Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, основатель Курсовъ.

[2]) Т. е. Шапиро, фотографъ.

[3]) Т. е., включеніе избранныхъ сочиненій Толстого въ серію издававшейся тогда „Русской Библіотеки“ Стасюлевича; въ ея IX выпускѣ помѣщенъ портретъ и біографія Толстого.

[4]) Т. е., Козьма Прутковъ.

[5]) Т. е. Князѣ Горчаковѣ; см. выше, письмо № 99.

подъ судъ въ нынѣшній вѣкъ, 1801 или 2-мъ. А архивы эти въ Петербургѣ. Благодарю васъ за участіе и тѣхъ милыхъ людей кот. по васъ принимаютъ тоже участіе.

Жена и дѣти вамъ кланяются.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 17 апр. 1879.

110. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

17-го апрѣля 1879 г. Петербургъ.

Большая мнѣ досада, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Главный знатокъ дворянскихъ фамилій и историческихъ дѣлъ, Штендеманъ [1]) уѣхалъ за границу, и я до сихъ поръ ничего не могъ узнать объ Нестеровѣ [2]). А я тутъ былъ въ хлопотахъ и запоздалъ; моя племянница выходила за мужъ — должно быть 11-го была свадьба. Я собирался ѣхать, и не поѣхалъ; нужно было посылать подарки и пр.

Нужно бы мнѣ сообщить Вамъ какія-нибудь новости по внутренней политикѣ, но ужасно трудно знать что-нибудь достовѣрно, а слухи ходятъ и сочиняются безъ конца. Можетъ быть Васъ поинтересуетъ слѣдующее: арестованы два брата Стасовы,—Александръ [3]), холостой, жившій съ нашимъ Владиміромъ, и Дмитрій [4]), женатый, съ 6-ю дѣтьми, жившій отдѣльно. Про Дмитрія самымъ положительнымъ образомъ разсказываютъ ужасы, которымъ его знакомые никакъ не могутъ повѣрить.

Нѣтъ, лучше оставлю. Пишу къ Вамъ съ очень опредѣленною цѣлью: вотъ Отчетъ, изъ котораго Вы увидите, что Вамъ слѣдуетъ 421 р. $87^1/_2$ коп. Эти деньги я могу получить хоть сейчасъ и Вамъ выслать. Но можетъ быть Вы захотите купить бумагъ, положить въ банкъ и т. п. Тогда я сдѣлаю это, и не нужно будетъ ни пересылать, ни Вамъ хлопотать. И такъ, какъ прикажете? Про-

---

[1]) Т. е. Георгій Ѳедоровичъ Штендманъ. Секретарь Имп. Русскаго Историческаго Общества; см. выше.

[2]) См. выше, въ письмѣ № 107, и ниже, въ письмѣ № 111.

[3]) Александръ Васильевичъ Стасовъ Лицеистъ выпуска 1836 года, д. с. совѣтникъ. Слухъ объ арестѣ его, кажется, былъ не вѣренъ.

[4]) Дмитрій Васильевичъ Стасовъ (род. въ 1828 г.), извѣстный адвокатъ, нынѣ (1913) предсѣдатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ, выступалъ защитникомъ въ нѣсколькихъ политическихъ процессахъ, между прочимъ въ Каракозовскомъ, воспоминанія о коемъ напечаталъ въ „Былomъ“, 1906 г., № 4, стр. 269—290.

стите за такую вольность, но Вамъ стоитъ написать два слова и все будетъ сдѣлано, а мнѣ радость, что получу Ваше письмо.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

1879 г. 17 Апр. Спб.

111. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

30-го апрѣля 1879 г. Петербургъ.

Вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, четыреста шестнадцать рублей отъ Стасюлевича. Я получилъ всего 420 и оставилъ 4 рубля на пересылку. Простите, что задержалъ: все не попадалъ на Васильевскій Островъ [1]).

Особеннаго не имѣю сказать — ни съ того, ни съ сего я опять развеселился и хожу гоголемъ. Всей душою Вашъ, и очень радуюсь, что въ Вашихъ письмахъ слышна какая-то бодрость. Тороплюсь и скоро напишу Вамъ снова.

Вашъ Н. Страховъ.

1879 г. 30 Апр. Спб.

Въ архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, есть слѣд. дѣла объ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ:

1) 1722 г. 15 Октября. Именной указъ ген.-прокурору Ягужинскому о производствѣ слѣдствія по дѣлу о взяткахъ и другихъ проступкахъ оберъ-фискала Нестерова и фискала Попцова.

2) 1723 г. 19 Мая. О пожалованіи генер.-рекетм. Павлову отписнаго двора оберъ-фискала Нестерова въ С.-Петербургѣ.

3) 1724 г. 22 Янв. О представленіи Колл. на рѣшеніе въ Сенатѣ такихъ дѣлъ, которыя, хотя по судебнымъ формамъ и окажутся чистыми, но по другимъ обстоятельствамъ сомнительны, какъ то было въ дѣлахъ Гагарина и оберъ-фискала Нестерова.

См. «Архивъ Прав. Сената», Составилъ П. И. Барановъ. Спб. 1872. Т. I.

Весьма много свѣдѣній объ А. Нестеровѣ напечатано въ изданіи: Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Прав. Синода. Спб. Томы I, II, III. Но дѣла о преданіи суду Нестерова тутъ нѣтъ.

---

[1]) Т. е., въ типографію Стасюлевича на 5-й линіи.

112. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[2-го мая 1879 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Очень благодаренъ вамъ за извѣстіе о деньгахъ Рус. Библ. [1]).— Пока еще я не нуждаюсь въ нихъ. Но такъ какъ мнѣ нужно платить Бистрому въ Петербургѣ, то пускай они лежатъ въ какихъ нибудь билетахъ, или въ банкѣ, до тѣхъ поръ пока я соберу свои деньги для отсылки Бистрому; и тогда присоединю и эти.—

Милый и дорогой Николай Николаичъ. Меня мучаетъ одна вещь. Ради Бога, если я виноватъ, то посердитесь на меня и простите и откровенно мнѣ скажите. Меня мучаетъ то что я написалъ вамъ, что не зову васъ нынѣшній годъ на лѣто [2]). Вопервыхъ я и самъ послѣ того какъ написалъ это въ попыхахъ, хватился что это грубо, что, не зная того захотѣли ли бы вы сдѣлать намъ эту жертву и удовольствіе, я не долженъ былъ писать такъ; но мнѣ казалось, что вы поймете все что я при этомъ подразумѣвалъ и не вмѣните мнѣ этаго въ вину; но теперь весна, я живо вспомнилъ о васъ, отъ васъ нѣтъ письма, жена и Тат. Андр. [3]) меня разбранили и я мучаюсь мыслью, что я вамъ, столь чувствительному и столь мною любимому сдѣлалъ больно. Пожалуйста разбраните меня и простите или, что еще бы лучше, скажите, что я ошибся. Подразумѣвалъ же я то, что въ моей къ вамъ дружбѣ вы не можете сомнѣваться, а что я, сбираясь работать лѣтомъ, именно васъ то и боюсь. Боюсь потому что работа моя состоитъ въ томъ чтобы высказать свои мысли заставивъ ихъ полюбить, всѣмъ; когда же я съ вами, я знаю что вы любите мои мысли и высказывать мнѣ ихъ легко кое-какъ, намекомъ и я порчу свою работу. А удержаться не могу, потому что мнѣ ваше сочувствіе очень дорого.

Все это истинная правда.—

Ну такъ напишите же мнѣ поскорѣе. И напишите какіе ваши планы на лѣто. У меня кромѣ работы есть тоже планы поѣздокъ. Не удастся ли, кромѣ двухъ недѣль, на которыя мы расчитывали, если вы будете въ нашей сторонѣ, и не сердитесь на меня, не удастся ли намъ соединить наши поѣздки.

У насъ все по старому и я все по старому ничего не дѣлаю

---

[1]) Т. е. „Русской Библіотеки“, вып. IX, съ сочиненіями Толстого, изд. Стасюлевичемъ.

[2]) См. выше, въ письмѣ № 109.

[3]) Свояченица Толстого—Татьяна Андреевна Кузминская.

очевиднаго и этимъ скучаю. Какъ бы я желалъ, чтобы письмо это застало васъ въ разгарѣ вашей работы: и для вашей работы и потому что вы тогда только улыбнетесь на мое письмо.

Искренно любящій васъ

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 2 мая 1879. Ясная.

113. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Начало мая] 1879 г. [Петербургъ].

Да, Вы ошиблись, безцѣнный Левъ Николаевичь; я принялъ Ваши слова въ самомъ простомъ и наилучшемъ смыслѣ, и меня очень трогаетъ Ваше безпокойство. Вѣрьте мнѣ, что я твердо и неизмѣнно преданъ Вамъ, и думаю не только о своемъ удовольствіи, но и объ Вашемъ. Въ прошлое лѣто меня мучила мысль, что я немножко Вамъ навязался, и потому я даже былъ доволенъ, что Вы такъ прямо сказали мнѣ теперь Ваши планы. А мои планы сложились такъ: я долженъ ѣхать къ своимъ въ Кременчугъ; я не былъ у нихъ уже три года, а тутъ племянница вышла замужъ — нужно посмотрѣть молодыхъ. Въ Кременчугѣ меньше мѣсяца прожить нельзя; по дорогѣ туда и назадъ конечно я заѣду къ Вамъ дня на два на три. Да нужно еще заѣхать къ Фету [1]): не хотите ли поѣхать вмѣстѣ? Вотъ было бы чудесно. Да съ недѣльку нужно провести у Голохвастовыхъ [2]): они приходятся тоже по дорогѣ, и такъ зовутъ, и такъ я передъ ними виноватъ, что побывать у нихъ необходимо. Вотъ и всѣ два мѣсяца пройдутъ, особенно если прибавить Кіевъ, котораго я уже не миную. Я носился эту зиму съ планами болѣе грандіозными: мнѣ хотѣлось поѣхать въ Константинополь и въ Аѳины. Но денегъ оказалось у меня мало, да и Кременчугъ мѣшаетъ. Я и рѣшилъ отложить до слѣдующаго лѣта, предполагая, что я еще поздоровѣю и немножко лучше приготовлюсь къ путешествію. А здѣсь всегда можно найти попутчиковъ, людей ученыхъ и знающихъ мѣста.

И такъ Ясная Поляна опять въ полномъ составѣ, т. е. тамъ и Татьяна Андреевна [3]) съ дѣтьми.

Зачѣмъ же начертались такъ
На памяти моей,
Единый молодости знакъ,
Вы, пѣсни прежнихъ дней?

---

[1]) Въ Воробьевку, Щигровскаго уѣзда, Курской губ.
[2]) Въ г. Воскресенскѣ, Московской губ.; см. выше.
[3]) Кузминская, сестра графини С. А. Толстой.

Скажите же Татьянѣ Андреевнѣ и Графинѣ, что онѣ напрасно напали на Васъ. Я умѣлъ такъ ловко повести дѣло, что Вы какъ будто считаете себя обязаннымъ давать мнѣ пріютъ на все лѣто, и разсыпаетесь въ извиненіяхъ, что нынче находите это неудобнымъ. А важнѣе Вашей причины и быть не можетъ: если Вамъ неудобно работать, то все должно быть устранено, что Вамъ мѣшаетъ. Вы знаете, дорогой Левъ Николаевичь, какъ мнѣ пріятно видѣть Васъ и жить у Васъ; но сколько разъ случалось, что наши разговоры были напрасными потугами, когда мы именно собирались разговориться, и что они разгорались случайно, когда мы вовсе этого не ожидали. И такъ чѣмъ больше свободы, тѣмъ лучше. Я хорошо понимаю, что могу мѣшать Вамъ работать, я вѣдь невольно буду слѣдить за Вами и подставлять Вамъ желобокъ (какъ Вы выражаетесь). Что же хорошаго?

Шапиро [1]) очень огорченъ, хотя я скрылъ рѣшительность Вашего отказа. Но—позвольте употребить слогъ Ученаго Комитета—отказъ не мотивированъ, и не мотивировано и Ваше раскаяніе въ уступкѣ Стасюлевичу. Изданіе было расхвалено и даже (я самъ не читалъ, но мнѣ говорили) очень похвалили в ы б о р ъ, слѣдовательно меня.

Хуже всего то, что мой большой портретъ, сдѣланный Шапиро, вышелъ очень неудаченъ; ни на одной карточкѣ я не имѣлъ такой глупой фигуры, и это не я одинъ говорю по преувеличенному мнѣнію о своей красотѣ, а говорятъ и всѣ видѣвшіе. А я думалъ больше всего убѣдить Васъ своимъ портретомъ. Теперь ужъ и не знаю, какъ быть, и совѣстно Васъ уговаривать.

Я и забылъ сказать, что предполагаю выѣхать въ половинѣ Іюня, никакъ не раньше.

Деньги я Вамъ послалъ, ужъ извините, не дождавшись Вашего отвѣта; мнѣ тяжело было ихъ носить,—что какъ пропадутъ?—и я смалодушничалъ. За мною еще осталось 1 р. 20 коп.

Попробую еще разъ потормошить пріятелей на счетъ Горчакова и Нестерова. Главный гробокопатель [2]) должно быть уже пріѣхалъ, и я къ нему за Нестеровымъ еще не обращался.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь. Искренно прошу у Васъ прощенія за тѣ волненія, въ которыхъ виноватъ избытокъ Вашего расположенія и деликатности ко мнѣ. Графиню и Татьяну Андреевну поблагодарите за ихъ заступничество за тяжко обиженнаго.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1879 г.

---

[1]) Фотографъ, желавшій издать портретъ Толстого и для этого пріѣхать въ Ясную Поляну; см. въ письмѣ № 108.

[2]) Имѣется въ виду Г. Ѳ. Штендманъ (см. выше, въ письмѣ № 110).

114. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[20-го мая 1879 г. Ясная-Поляна.]

Неужели вы все въ Петербургѣ, бѣдный и дорогой Николай Николаевичъ? И всегда хорошо на Божьемъ свѣту, гдѣ не тѣсно, а нынѣшній годъ изъ всѣхъ годовъ! Весна была рѣдкая. Всѣ васъ поминаемъ и тужимъ, что вы не съ нами. Неужели вы не можете вырваться раньше половины Іюня? Въ Кіевъ и къ Фету постараюсь увязаться съ вами. Впрочемъ, ничего не загадываю. Вышло совсѣмъ не то, что я думалъ. Работа моя не работается, и я и ничего не дѣлаю, и свободнымъ временемъ не пользуюсь, чтобъ поѣздить лѣтомъ.—Я задумывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ съѣздить въ Соловки. Вотъ бы хорошо если бы вмѣстѣ поѣхать въ концѣ вашего отпуска! У насъ всѣ, слава Богу, здоровы и веселы, но немного для насъ суетливое время: мальчики Сер. и Ил. [1]) ѣздятъ каждый день на экзамены. Для Сер. экзаменъ нужный и онъ держитъ плохо по своей неловкости.

Дай вамъ Богъ всего лучшаго,—съ пользой—работая провести это время въ скверномъ (исполненномъ всякія скверны) Петербургѣ и поскорѣе выбраться изъ него и къ намъ. И тогда мы все разсудимъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 20 мая 1879. Ясная.

115. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

30-го мая 1879 г. Петербургъ.

Да, чудесная стоитъ весна, безцѣнный Левъ Николаевичь. До сихъ поръ, выходя на улицу, я чувствую, что наступилъ праздникъ,—и по счастію еще не было духоты, которая здѣсь нестерпима. Между тѣмъ я все продолжаю свою городскую жизнь и стараюсь заниматься, откладывая гулянье и праздность на время поѣздки. Одно бѣда—писать я какъ будто разучился. Это—лѣнь. Придешь домой и такъ покойно усядешься за книгу, что и просидишь все время. А книги у меня хорошія. Недавно было нѣсколько находокъ, отъ которыхъ я въ совершенномъ восторгѣ. Представьте, я нашелъ Oupnekhat, то есть упанишады, ту книгу, которую Шопенгауэръ называлъ своею библіей и которую читалъ до смерти. Потомъ я купилъ Whewell, History of inductiv sciences,—книгу, которой нѣтъ ни въ Публичной Библіотекѣ, ни въ академіи Наукъ и которую мнѣ очень хотѣлось читать,—купилъ Gauss, De motu corporum celestium, и т. д. Замѣчено,

---

[1]) Сергѣй и Илья Львовичи Толстые.

что своихъ книгъ никто не читаетъ, а все бросаются на чужія; но я хоть на половину не подлежу этому замѣчанію и очень люблю читать с в о и книги.

Простите, что пишу Вамъ на такой ужасной бумагѣ и такими ужасными чернилами—это я такъ дурно распорядился въ библіотекѣ, и постараюсь, чтобы впредь этого не было. Уѣхать раньше половины Іюня мнѣ невозможно—и то по особому вниманію ко мнѣ не стали измѣнять этого срока. Но Августъ я намѣренъ весь прогулять (сообщаю Вамъ по секрету) и всего охотнѣе поѣхалъ бы опять въ Оптину Пустынь. А въ Соловки—страхъ далеко и неудобно, да и не люблю я сѣвера, этой скудной природы, которой скудость и здѣсь въ Петербургѣ постоянно огорчаетъ меня. А тутъ еще много и липъ, и сирени, и каштановъ. Деревья уже нѣсколько дней, какъ вполнѣ распустились, и зелень такъ густа, какъ рѣдко бываетъ.

Не хочется писать о многомъ и многомъ, о чемъ хочется говорить съ Вами. Я одному радуюсь, что чаще и чаще на меня находятъ минуты спокойствія, когда перестаетъ проклятое душевное волненіе, которому я подверженъ. Если это состояніе укрѣпится, то можетъ быть я буду въ силахъ и написать что-нибудь, и объ себѣ, и о предметахъ, важныхъ для другихъ.

Но меня всего больше теперь интересуетъ Ваша работа. Я воображаю себѣ ее чѣмъ то огромнымъ, и глубокимъ, и разнообразнымъ. Пріѣду—разскажу Вамъ свои споры (въ письмахъ) съ Данилевскимъ [1]), споры—объ Васъ.

Всей душою желаю Вамъ всего хорошаго. Ваше письмо для меня всегда большое утѣшеніе, и потому прошу и надѣюсь, что еще черкнете мнѣ нѣсколько строчекъ, и я Вамъ напишу еще. Но 16-го вечеромъ я непремѣнно буду на Козловкѣ. Мое усердное почтеніе Графинѣ и Татьянѣ Андреевнѣ [2]). А что крокетъ?

И забылъ было! Голохвастовъ [3]) пріѣзжалъ сюда на два дни въ Комитетъ добровольнаго флота. Очень было пріятно—пахнуло деревенскимъ духомъ и воздухомъ. Онъ также страненъ и также милъ, наговорилъ пропасть и кажется кой-что сдѣлалъ. Все разскажу, все разскажу.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1879. 30 Мая. Спб.

---

[1]) Письма Страхова къ Н. Я. Данилевскому,—между прочимъ о Толстомъ,—см. въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1901 г., № 1, стр. 135—137.

[2]) Кузминской.

[3]) П. Д. Голохвастовъ, о коемъ неоднократно упоминалось выше.

116. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[5-го іюня 1879 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Подумать весело, что черезъ 12 дней увижу васъ. Дай Богъ чтобъ ничто не задержало и мы встрѣтились бы оба здоровые и спокойные. Не я одинъ всѣ наши тоскуютъ по васъ. Мнѣ предстоитъ нѣсколько поѣздокъ, кромѣ Соловецкаго и я пригоню такъ, чтобы быть дома вторую половину Іюня [1]). — Послѣ холодовъ, вѣтровъ дождей нынче опять благодать и не входилъ бы въ домъ. Такъ до скораго свиданья.

Искренно любящій васъ
Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 5 іюн. 1879. Ясная.

117. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[13-го іюня 1879 г. Петербургъ].

Цѣлую недѣлю мнѣ нездоровилось, безцѣнный Левъ Николаевичь, и кажется ничто на свѣтѣ не радовало. Но я увѣренъ, что выздоровѣю вполнѣ, какъ только вырвусь изъ Петербурга. Въ субботу вечеромъ непремѣнно надѣюсь быть въ Козловкѣ и предстать предъ Вами не совсѣмъ недостойнымъ Вашего расположенія. Сердечно радуюсь, что Вы кажется въ хорошемъ духѣ, а про себя мнѣ кажется, что я Богъ вѣсть какъ перемѣнился, и что мнѣ нужно сообщить Вамъ множество вещей. Боже мой! Какъ это хорошо будетъ опять очутиться въ Ясной Полянѣ! Тутъ были у насъ холода, отъ которыхъ я и простудился; вѣроятно и у Васъ они чувствовались. Но сегодня прекрасно. И такъ до радостнаго, радостнаго свиданія!

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1879 г. 13 іюня. Спб.

118. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[21-го іюля 1879 г. Кременчугъ.]

Ужасно много нужно бы написать Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, и въ мысляхъ я уже давно пишу къ Вамъ и много написалъ. Постараюсь повторить хоть кое-что.

---

[1]) Въ Соловки Толстой не ѣздилъ, а посѣтилъ Кіевъ съ его Лаврою см. у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 331).

Новый Вашъ фазисъ [1]) только на первую минуту удивилъ меня, но потомъ я удивился только необыкновенной живучести Вашего внутренняго труда и вѣрности Вашего пути. Что бы ни вышло, —все будетъ хорошо, не только хорошо, а чудесно, несравненно—глубоко и сильно. Дай Вамъ Богъ всего, что для этого потребно.

Два дни у Фета были очень пріятны, пріятнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Мы считывали немножко его переводъ [2]), и я убѣдился, что это будетъ превосходная вещь, мастерская передача подлинника. Очень меня это обрадовало, — я такъ боялся, что Фетъ станетъ своевольничать, а онъ изъ всѣхъ силъ добивается вѣрности и точности. Зимой вѣроятно напечатаемъ, и одной русской хорошей книгой будетъ больше.

Въ Кременчугъ я пріѣхалъ 24-го Іюня и сначала былъ очень доволенъ, потомъ очень огорченъ, но теперь дѣло поправилось. Тутъ разсказывать становится трудно, понемножку я долженъ былъ войти въ чужую для меня жизнь, и сначала испугался, открывши злого червя, который, какъ мнѣ показалось, постоянно ее точитъ и отравляетъ. Но скоро я увидѣлъ, что добро и здоровье еще очень успѣшно борются со зломъ. Первый видъ моихъ молодыхъ [3]) доставилъ мнѣ глубокое наслажденіе, какого я и не ожидалъ; молодость, здоровье, счастье были несомнѣнно передъ моими глазами. Особенно племянницу я нашелъ и красивою, и оживленною, и больше мною любимою, и меня любящею, чѣмъ я думалъ.

Въ періодъ моего огорченія я съѣздилъ отсюда въ Кіевъ и пробылъ тамъ пять дней. Больше всего мнѣ хотѣлось проѣхаться по Днѣпру (и туда, и назадъ я ѣхалъ на пароходѣ) и наполовину это удалось превосходно; когда ѣхалъ туда, дни стояли удивительные.

Въ Кіевѣ ничего не было важнаго, кромѣ развѣ безподобнаго «Вѣрую», которое я слышалъ въ Софійскомъ соборѣ. Объ остальномъ лучше когда-нибудь разсказать, чѣмъ писать.

Съ удовольствіемъ чувствую, что теперь я уже отдохнулъ. Петербургскія мысли и настроенія наконецъ вывѣтрились. Я вошелъ въ жизнь моихъ милыхъ хозяевъ, и полюбилъ ихъ больше прежняго. Но мнѣ все еще нездоровится, и бѣда кажется въ томъ, что моя огромная комната (съ огромнымъ балкономъ, уставленнымъ олеандрами) — сыра.

---

[1]) Въ эту эпоху Толстой переживалъ душевный кризисъ, написалъ свою „Исповѣдь“, изучалъ исторію церкви и Евангеліе. См. объ этомъ кризисѣ въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 285—357, а также въ письмахъ Толстого къ графинѣ А. А. Толстой („Толстовскій Музей“, т. I).

[2]) Шопенгауэра, „Міръ какъ воля и представленіе“; изданъ былъ въ 1881 г., 2-е изданіе—въ 1888 г.

[3]) Племянница Н. Н. Страхова, г-жа Матченко.

Вотъ Вамъ всѣ мои бѣды и радости. Часто я думалъ объ Ясной Полянѣ и о томъ, какъ-то идетъ Ваша работа. Числа 27, 28 я буду уже у Фета, и останусь у него не знаю сколько — займусь хорошенько его переводомъ. Будьте милы, безцѣнный Левъ Николаевичь, напишите мнѣ туда нѣсколько строкъ, и когда удобнѣе къ Вамъ пріѣхать. Отъ всего сердца желаю Вамъ здоровья и бодраго духа, и всѣмъ Вашимъ, и заранѣе радуюсь, что опять увижу Васъ.

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

1879 г. 21 іюля. Кременчугъ.

PS. Видите, какъ я облѣнился, не соберусь съ мыслями и все пропустилъ, что хотѣлъ написать Вамъ. А Фетъ, занятый работами по хозяйству, написалъ мнѣ сюда два письма, 12 страницъ кругомъ, и тутъ есть одно глубокое разсужденіе, которое я покажу Вамъ [1]).

119. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

27-го іюля [1879 г. Ясная Поляна.]

Письмо ваше очень обрадовало меня, дорогой Николай Николаевичъ. И радъ я, что вы написали мнѣ и еще болѣе — очень очень радъ, что скоро вы будете у насъ.

Я совсѣмъ какъ будто не видалъ васъ въ вашъ первый пріѣздъ; я слишкомъ былъ занятъ своимъ дѣломъ въ это время и совсѣмъ потерялъ васъ. Теперь же я сбираюсь воспользоваться вашимъ пребываніемъ и вамъ сдѣлать его какъ можно болѣе пріятнымъ.

Наши всѣ также какъ всегда ждутъ васъ съ радостью и нетерпѣніемъ.—У насъ всѣ здоровы веселы. Я ѣздилъ въ Новогородскую губернію къ тещѣ [2]) и привезъ ее съ меньшимъ шуриномъ къ намъ; и поэтому въ женскомъ и дѣтскомъ мірѣ еще болѣе оживлено, чѣмъ обыкновенно.

Хоть мнѣ и жалко васъ вызывать отъ Афанасья Афанасьевича [3]),— я знаю какъ онъ любитъ васъ и дорожитъ вами, но пожалуйста пріѣзжайте къ намъ поскорѣе чтобы подольше пробыть у насъ. Дай Богъ только, чтобы здоровье ваше было хорошо.

Пожалуйста пріѣзжайте поскорѣе. Телеграфируйте на Козловку.

Вашъ Л. Толстой.

27 Іюля.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 27 іюля 1879. Ясная.

---

[1]) Письмо это въ печати не появлялось.
[2]) Берсъ, рожд. Ислявина (или Исленева).
[3]) Фета.

120. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Московско-Курской ж. д. станція Будановка. 28 Іюля 1879.

Какъ я виноватъ передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичь! Когда я услышалъ здѣсь, что у Васъ все болѣютъ дѣти, и что Вы спрашиваете мой адресъ, мнѣ стало совѣстно, что я такъ поздно написалъ къ Вамъ, да и въ письмѣ не попросилъ какъ слѣдуетъ извиненія, и даже забылъ, что оставилъ Сережу [1]) больного! А все благоразумничанье! Я сначала думалъ, что не нужно Вамъ надоѣдать письмами, а потомъ Кременчугскія дѣла такъ меня затянули, что на меня напало безпамятство. Послѣ того, какъ я писалъ къ Вамъ, я сдѣлалъ еще поѣздку въ Градижскъ, гдѣ теперь живутъ молодые у мужнина [2]) отца, богатаго священника этого заштатнаго города; потомъ провелъ два дня въ Бѣлгородѣ и навѣстилъ двоюроднаго дядю, вдовца съ семью дѣтьми, военнаго доктора въ отставкѣ, учившаго меня когда то латинской грамматикѣ. У него шесть дочерей, старшей 16 лѣтъ, младшей 4, и сынъ лѣтъ 14-ти. Дѣти умненькія, хорошо учатся, получаютъ похвальные листы изъ институтовъ и гимназій, но бѣдный старикъ уже въ большой заботѣ—куда ихъ помѣстить по окончаніи курса. Я далъ только одинъ совѣтъ — выдавать замужъ, и сейчасъ только мнѣ приходитъ въ голову, что это значитъ плодить еще и еще такихъ же дѣтей, которыхъ не будутъ знать куда помѣстить. Докторъ этотъ — очень благочестивый человѣкъ, и мы ходили съ нимъ по церквамъ и прикладывались къ мощамъ Іосафа [3]). Изъ всей поѣздки моей я вынесъ то пріятное впечатлѣніе, что родные мои и здоровы и въ сущности живутъ счастливо. Но когда я увидѣлся съ Аѳанасьемъ Аѳанасьевичемъ [4]), я понялъ, какъ я сильно скучалъ съ этими милыми родными. Очень пріятно было попасть опять въ ту сферу мыслей, къ которой привыкъ, и сегодня я съ грустью подумалъ, что у меня нѣтъ этой сферы въ Петербургѣ, куда уже приходится возвращаться. Въ Воробьевкѣ [5]) и въ Ясной Полянѣ я отвожу душу и чувствую себя больше дома, чѣмъ въ Петербургѣ. Фетъ не всегда удобенъ, какъ Вы знаете, но зато часто великолѣпенъ, и я терпѣливо отмахиваюсь отъ неудобствъ и бываю вознаграждаемъ сторицею.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ вѣсти; простите меня, если въ чемъ виноватъ, и вѣрьте, что я навсегда Вамъ благодаренъ, навсегда Вамъ преданъ. Будете писать, не забудьте сказать, все ли у

---

[1]) Сынъ Толстого.
[2]) И. П. Матченко.
[3]) Святого Іоасафа Горленко.
[4]) Фетъ.
[5]) У Фета.

Васъ благополучно и что дѣлается со всѣми Вашими. Графинѣ усердно кланяюсь и всѣмъ. Сидящій противъ меня Фетъ проситъ передать усерднѣйшій поклонъ Вамъ и Графинѣ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

121. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Моск. Курск. ж. д. станція Будановка. 2 Авг. 1879.

Еще нѣсколько дней прійдется здѣсь остаться, безцѣнный Левъ Николаевичь, какъ ни тянетъ меня въ Ясную. Вы знаете, тутъ пустынно. Главное наше [1]) занятіе—мы свѣряемъ переводъ Шопенгауэра, и на это дѣло слѣдовало бы даже употребить побольше времени. Переводъ будетъ очень замѣчательный. Потомъ, чуть не половину нашихъ разговоровъ составляете Вы, и я очень желалъ бы, чтобы Вы насъ когда-нибудь подслушали. Аѳанасій Аѳанасьевичъ [2]), который такъ горячится при возраженіяхъ (и когда самъ возражаетъ и когда ему возражаютъ), въ сущности необычайно внимателенъ къ мнѣніямъ собесѣдника, и такъ Васъ любитъ, такъ помнитъ каждое Ваше слово и съ такимъ уваженіемъ его обдумываетъ, что я прихожу въ восхищеніе и укоряю себя за лѣность и тупость по отношенію къ Вамъ.

Я пріѣду къ Вамъ въ Понедѣльникъ или во Вторникъ, и во всякомъ случаѣ телеграфирую. Откладываю многое множество разговоровъ до свиданія.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

122. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Спб. 1879, 14 Сент. [3])

Къ Вамъ первому, безцѣнный Левъ Николаевичь. Я долго не писалъ, ожидая чтобы прошла тоска, обыкновенно мучащая меня по пріѣздѣ въ Петербургъ, а также раздумывая, за что бы мнѣ Васъ бранить и никакъ не находя. Два дни въ Москвѣ и три дни у Го-

---

[1]) Т. е., Страхова съ Шеншинымъ.

[2]) Шеншинъ.

[3]) Писано по возвращеніи изъ Ясной Поляны, гдѣ Страховъ прожилъ около мѣсяца, а на обратномъ пути заѣзжалъ къ П. Д. Голохвастову. Любопытныя свѣдѣнія о своемъ пребываніи у Толстого и о самомъ Толстомъ находятся въ большомъ письмѣ Страхова къ Н. Я. Данилевскому изъ Петербурга отъ 23-го сентября 1879 г. (см. „Русск. Вѣстникъ“ 1901 г., № 1, стр. 137—139).

лохвастовыхъ [1]) прошли очень недурно. Въ Москвѣ я видѣлъ выставку [2]), поразившую меня своею нелѣпостію, и явно показывающую всю силу мыслей, глубоко мнѣ противныхъ. Барсовъ [3]), между прочимъ выставилъ раскольничьи рукописи и рисунки, какъ достойныя стать наравнѣ съ произведеніями доисторическаго времени. На улицѣ я встрѣтилъ жену Достоевскаго [4]) съ двумя дѣтьми, и мы вмѣстѣ пошли въ Эрмитажъ обѣдать и проговорили часа три съ большимъ удовольствіемъ. Она очень дѣятельная женщина и въ Москвѣ собирала деньги за книги мужа, а попала туда проѣздомъ—ѣздила смотрѣть наслѣдство, десятинъ 800, которому она очень радуется. Въ Москвѣ я ни у кого не былъ, но былъ въ театрѣ Эрмитажа и въ Маломъ театрѣ; съ большимъ отвращеніемъ прослушалъ Зеленый Островъ [5]), и не безъ удовольствія видѣлъ Маіоршу [6]). И въ томъ и въ другомъ театрѣ нашелъ Боборыкина [7])—такой же болтунъ и немножко задираетъ носъ, вѣроятно чувствуя мое невольное высокомѣріе, въ которомъ каюсь искренно.

Въ Воскресенскѣ [8]) было лучше, чѣмъ я ожидалъ. Самое худое—я убѣдился, что Ольга Андреевна страдаетъ нервнымъ подергиваніемъ носа, губъ и глазъ, и со временемъ это должно ее сильно испортить. Но она въ полномъ смыслѣ добрый малый; въ Воскресенскѣ всѣ ей ужасно рады, всѣ ее любятъ, къ ней обращаются—у нея шестьдесятъ крестниковъ и крестницъ, и она водится со всевозможнымъ народомъ. Молчаливый Павелъ Дмитріевичъ остается въ тѣни. Его планы—очень честолюбивые—мнѣ стали еще яснѣе, а драму я выслушалъ съ большимъ удовольствіемъ, и Ольга Андреевна очень благодушно приняла довольно тяжелый отзывъ, который я сдѣлалъ. Окрестности Воскресенска такъ разнообразны и красивы, что пожалуй не усту-

---

[1]) О нихъ см. выше.

[2]) Это была Антропологическая Выставка, о которой Страховъ писалъ Данилевскому, что онъ „убѣдился, что нынче шарлатанятъ и торгуютъ наукою не хуже, чѣмъ разными другими вещами“ („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 1, стр. 139).

[3]) Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, этнографъ и археологъ, библіотекарь Румянцовскаго Музея и, въ теченіе долгихъ лѣтъ, секретарь Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и редакторъ его „Чтеній“. Для Антропологической Выставки Барсовъ составилъ описаніе этнографическаго ея отдѣла.

[4]) Вдова Ѳ. М. Достоевскаго—Анна Григорьевна, рожд. Сниткина, здравствующая понынѣ. Трудамъ и энергіи А. Г. Достоевской русское общество обязано устройствомъ особаго памятнаго отдѣла-музея имени Достоевскаго въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и изданіемъ обширнаго его каталога.

[5]) Оперетта въ 3-хъ дѣйствіяхъ (есть переводъ Вл. Ст. Курочкина).

[6]) Драма въ 5 дѣйствіяхъ И. Шпажинскаго (Везовскаго).

[7]) У П. Д. и О. А. Голохвастовыхъ.

[8]) Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ, писатель, Почетный Академикъ.

нять Ясной Полянѣ. Мы осматривали скитъ Никона [1]), его вериги и пр. и нашли въ музеѣ монастыря портретъ черноволосаго человѣка съ двумя орденами на шеѣ, подъ которымъ было подписано Пушкинъ.

Въ Петербургѣ все гадко: сырой воздухъ, люди—чиновники, дома—казармы и т. д. Въ первый разъ почему-то Петербургъ мнѣ показался самымъ будничнымъ городомъ въ мірѣ, безъ тѣни величавости и пышности. Разумѣется меня никто не ждалъ, и я никому тутъ былъ не нуженъ, кромѣ развѣ пріятелей, которые имѣютъ слабость любить меня. Стахѣевъ [2]) и его жена очень поправились, проживши три мѣсяца въ Крыму. У меня оказались украденными два сюртука и брюки. Вдова Шестакова [3]) съ воспитанницею перебралась въ Петербургъ и поселилась въ нашемъ домѣ. Умеръ букинистъ, еще молодой и очень расторопный, отъ разрыва сердца. Ѳ. И. Дозе, старый петербургскій пріятель, застрѣлился въ Костромѣ. Въ Публичной Библіотекѣ солдатъ Табачковъ, состоявшій вахтеромъ, напился пьянъ, легъ и не проснулся.

Я принялся за свои обыкновенныя занятія, за чтеніе, за охоту за книгами, и за писанье. Писанье идетъ туго, но мнѣ какъ-то особенно ясно представилась мысль, что писать непремѣнно нужно, что неизвинительно лѣниться, и разумѣется Вамъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ мнѣ. Дѣло въ томъ, что когда человѣкъ десятки лѣтъ думалъ, у него образуется совершенно своеобразный взглядъ (не образуется, а укрѣпляется и проясняется то, что въ его натурѣ), и этотъ взглядъ необходимо высказать. Анна Каренина есть въ высшей степени оригинальное произведеніе, и что̀ бы Вы ни написали съ Вашею добросовѣстностію,—будетъ непремѣнно оригинально. Молчать — значитъ зарывать талантъ въ землю. Это я не Вамъ читаю наставленіе—я примѣняю эту гордую мысль къ самому себѣ, и рѣшилъ нынче проявиться въ полномъ блескѣ. Въ Декабрѣ будетъ здѣсь съѣздъ натуралистовъ—я хочу читать статью объ физіологіи. Юрьевъ [4]) третьяго дни прислалъ письмо, что съ Января начнетъ журналъ—напишу ему Задачу исторіи. А въ Русской Рѣчи помѣщу статейку объ Карениной [5]). Юрьевъ очень спрашиваетъ объ Васъ, вѣроятно и

---

[1]) Патріарха, проживавшаго въ Воскресенскомъ „Новый Іерусалимъ“ монастырѣ послѣ отреченія своего отъ патріаршества и тамъ же погребеннаго въ 1681 г.

[2]) Писатель Дмитрій Ивановичъ, у котораго жилъ Страховъ.

[3]) См. выше, стр. 123, и ниже, въ письмѣ отъ 25-го декабря 1880 г.

[4]) См. выше, стр. 200.

[5]) О своемъ намѣреніи написать статьи объ „Аннѣ Карениной“ для „Русской Рѣчи“ писалъ Страховъ и Н. Я. Данилевскому въ цитованномъ выше письмѣ отъ 23-го сентября, но статья эта, кажется, не появлялась въ печати.

Вамъ онъ писалъ; но вѣрно не будетъ никому того счастія, чтобы начать журналъ Вашимъ произведеніемъ.

Нынѣшнее посѣщеніе Ясной Поляны было необыкновенно радостно и плодотворно для меня. Я рѣдко видалъ Васъ такимъ здоровымъ и бодрымъ, а сила Вашей внутренней жизни меня поразила. Ваши мысли волнуютъ Васъ такъ, какъ будто Вамъ не 50, а 20 лѣтъ. Я живо вспомнилъ свою молодость, которую успѣлъ уже и позабыть. Съ величайшей любовью я слушалъ Васъ, и мнѣ только досадно было, что для постороннихъ Вы являетесь въ образѣ Вашего Левина, чудакомъ, спорщикомъ и парадоксалистомъ. Когда я являлся къ Делянову [1]), онъ выразилъ мнѣніе о необходимости вѣшанія [2]). Я попробовалъ обратиться къ его христіанскимъ чувствамъ; отвѣчая мнѣ, онъ сказалъ, что, подписывая приговоръ Верховнаго суда [3]), онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго затрудненія, и показалъ рукою, какъ онъ легко сдѣлалъ подпись. «Нѣтъ у него живаго воображенія Льва Николаевича», подумалъ я.

Простите! Усердное почтеніе Графинѣ и всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

123. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[4-го октября 1879 г. Ясная Поляна].

Простите милый Николай Николаичъ, что не писалъ вамъ, а съ такой радостью прочелъ ваше письмо — бодрое и доброе. Ваши доводы что надо писать недостаточны. Надо прежде рѣшить что сообщеніе моихъ чувствъ и мыслей есть благо. А кто это рѣшитъ? Вчера пріѣхалъ изъ Москвы. По вашему совѣту и по разговору съ Хомяковымъ (сыномъ) [4]) о Церкви былъ въ Москвѣ и у Троицы и

---

[1]) Директоръ Имп. Публичной Библіотеки, затѣмъ Министръ Народнаго Просвѣщенія и графъ. Его любопытная характеристика дана въ книгѣ недавно умершаго М. П. Ковалевскаго „Стихи и воспоминанія“ Спб. 1912, стр. 341 и сл.

[2]) Въ августѣ 1879 г. были повѣшены: въ Одессѣ—Лизогубъ, Чубаровъ и Давиденко, а въ Николаевѣ—Виттенбергъ и Логовенко.

[3]) Надъ А. К. Соловьевымъ, 2-го апрѣля 1879 г. стрѣлявшимъ въ Имп. Александра II и 28-го мая повѣшеннымъ.

[4]) Николай Алексѣевичъ Хомяковъ (род. 1850 г.), сынъ поэта-мыслителя А. С. Хомякова (ум. въ 1860 г.), бывшій Предсѣдателемъ 3-й Государственной Думы, нынѣ членъ 4-й Думы, октябристъ; въ 1874 г. онъ окончилъ курсъ Московскаго Университета.

бесѣдовалъ съ Викаріемъ Алексѣемъ [1]) Митрополитомъ Макаріемъ [2]) и Леонидомъ Кавелинымъ [3]). Всѣ трое прекрасные люди и умные, но я больше еще укрѣпился въ своемъ убѣжденіи. Волнуюсь метусь и борюсь духомъ и страдаю; но благодарю Бога за это состояніе. Совѣтовался о тѣлѣ своемъ съ Захаринымъ [4]), онъ велѣлъ ѣсть скоромное, далъ лекарства. Я буду исполнять. Не пеняйте на меня, не переставайте любить и пишите.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 4 окт. 1879. Ясн.

124. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

16-го октября 1879 г. Петербургъ.

Очень меня поразило Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Въ сущности оно грустное, и хотя я почувствовалъ опять наплывъ любви къ Вамъ, къ этой душѣ такъ неустанно и глубоко работающей, но вмѣстѣ я пожелалъ, чтобы какъ-нибудь уменьшилась страшная тяжесть, которую Вы несете. Архіереи не помогли — вотъ Вы увидѣли это жалкое умственное состояніе. Они люди вѣрующіе, но эта вѣра подавляетъ ихъ умъ и обращаетъ ихъ разсужденія въ презрѣннѣйшую софистику и реторику. Они не признаютъ за собою права рѣшать вопросы, а умѣютъ только все путать, все сглаживать, ничему не давать ясной и отчетливой формы, много говорить и ничего опредѣленнаго не сказать. Я ненавижу всѣ эти пріемы, хотя знаю, что при нихъ можетъ существовать духъ дѣйствительнаго смиренія и дѣйствительной любви. Исторія нашей церкви въ этомъ отношеніи очень жалка. Великихъ богослововъ, великихъ учителей— нѣтъ, нѣтъ никакой исторіи, ни борьбы, ни развитія, ни расцвѣта,

---

[1]) Алексій Лавровъ-Платоновъ (ум. 9-го ноября 1890 г.), съ 6-го апрѣля 1878 г. до 22-го января 1883 г. епископъ Можайскій, а до того—профессоръ Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія; впослѣдствіи архіепископъ Литовскій, писатель по богословскимъ вопросамъ.

[2]) Знаменитый духовный витія и ученый, историкъ Русской церкви, Митрополитъ Московскій (1879—1882) Макарій Булгаковъ, умершій 9-го іюня 1882 г. въ селѣ Черкизовѣ подъ Москвою.

[3]) Извѣстный ученый, историкъ и археографъ, съ 3-го іюня по день кончины — Намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры Леонидъ Кавелинъ (род. 1822, ум. 1891).

[4]) Знаменитый врачъ, профессоръ Московскаго Университета Григорій Антоновичъ Захарьинъ (ум. въ 1897 г.).

ни паденія. Я думаю только въ Индіи можно найти что-нибудь подобное этой неподвижности мысли.

Макарій [1]) много говоритъ проповѣдей, и я внимательно читалъ всѣ послѣднія, думая, что на мѣстѣ митрополита онъ особенно покажетъ себя. Все такъ сухо и холодно, что тоска беретъ. Помогай Вамъ Богъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, а я объ одномъ буду просить — берегите себя и бойтесь, какъ бы не зарыть въ землю Вашего таланта. Произведенія въ томъ духѣ, въ которомъ Вы пишете — радость для всякаго, кто ищетъ наставленія, нравственнаго укрѣпленія.—Непремѣнно напишу объ Аннѣ Карениной для Русской Рѣчи. Но теперь меня мучитъ другая работа, о физіологіи, для съѣзда натуралистовъ. Я уже получилъ приглашеніе, и замолвилъ нѣсколько словъ Менделѣеву [2]), котораго вѣроятно выберемъ предсѣдателемъ. У насъ тутъ было собраніе педагоговъ (кончившихъ курсъ въ Педаг. Институтѣ), и Менделѣевъ (большая умница) сказалъ между прочимъ: если у человѣка душа спокойна, такъ онъ и здоровъ. Каковъ матеріалистъ!

Мнѣ очень хочется получше написать; но трудно справиться съ мыслями, да и не очень мнѣ здоровится — что я приписываю быстрымъ перемѣнамъ въ давленіи атмосферы.

16 Окт.

Стасовъ [3]) велитъ сказать Вамъ, что Петровичъ пріѣхалъ сюда и что онъ, Стасовъ, собирается его показывать въ Географическомъ Обществѣ, Славянскомъ Комитетѣ и т. д.

Стасюлевичъ прислалъ счетъ, за Русскую Библіотеку Вамъ слѣдуетъ получить 281 р. 25 к. Простите, еще не собрался на Васильевскій, но дни черезъ два надѣюсь выслать. Изъ 5000 осталось теперь Вашихъ книжекъ 2500 [4]).

Простите, что не скоро отвѣчалъ. Все хочется наговорить Вамъ много, много, а примешься писать — никакъ не умѣешь побѣдить подлѣйшее расположеніе духа. Мнѣ такъ что-то скучно, и безъ всякой причины, что я даже удивляюсь. Стасовъ дважды приходилъ недавно разсказывать новости — все такой вздоръ, что слушать

---

[1]) См. предыдущее письмо.

[2]) Знаменитому химику Д. И. Менделѣеву, „однокашнику“ Страхова по Главному Педагогическому Институту.

[3]) В. В. Стасовъ, библіотекарь Публичной Библіотеки.

[4]) Шесть писемъ Толстого къ М. М. Стасюлевичу, изъ коихъ два касаются изданія избранныхъ сочиненій Толстого въ „Русской Библіотекѣ“, напечатаны въ недавно вышедшемъ, подъ редакціей М. К. Лемке, V томѣ изданія „Стасюлевичъ и его современники“ (Спб. 1913, стр. 328—330). Тамъ же (стр. 328) напечатана и записка Толстого къ Страхову отъ 9-го іюня 1878 г., а на стр. 331—334—шесть писемъ Страхова къ Стасюлевичу отъ 1878—1879 г.

тошно — о Рудневой-Кашеваровой [1]), о Незлобинѣ [2]), о Нотовичѣ [3]), объ Антоновичѣ [4])—ругательство идетъ невообразимое. Я осмѣлился выразить, что все это пустяки, но невольно подумалъ: онъ счастливъ, это его занимаетъ, а я ушелъ Богъ знаетъ куда отъ современной жизни. Нужно жить съ людьми—вотъ непремѣнное условіе счастія, и есть во мнѣ очевидный эгоизмъ Ну, тутъ я сталъ такъ себя ругать, что уже не напишу Вамъ.

Отъ Фета получилъ вчера письмо [5])—собирается въ Петербургъ—это пріятно. А К. Н. Бестужевъ [6]) говорятъ останется въ Крыму до Декабря—такъ плохо поправляется его здоровье. Скверный признакъ!

Пока простите. Не сѣтуйте на меня и помните

Вашего всею душою

Н. Страхова.

1879: 16 Окт. Спб.

P. S. Сегодня мнѣ 51 годъ, и годы все больше и больше даютъ себя знать. Таковъ ли былъ я, расцвѣтая? Да полно же ныть!

Получилъ повѣстку, что съ 8 по 22 Ноября назначенъ присяжнымъ

125. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

23-го октября 1879 г. Петербургъ.

Посылаю Вамъ двѣсти восемьдесятъ рублей, безцѣнный Левъ Николаевичь. 1 р. 25 к. я оставилъ на пересылку. Сначала я было раздумывалъ, что Вы можетъ быть дадите мнѣ какое-нибудь пору-

---

[1]) Варвара Александровна Кашеварова-Руднева, первая женщина-врачъ, докторъ медицины, дочь еврея изъ Витебской губерніи. Въ 1879 г. разбиралось ея дѣло о диффамаціи съ редакторомъ „Новаго Времени“ и Буренинымъ по поводу повѣсти „Самохвалова-Самолюбова“, въ которой выведена была Кашеварова-Руднева. Умерла въ 1899 году.

[2]) Имѣется въ виду исторія съ Александромъ Александровичемъ Дьяковымъ (род. 1845, ум. 1895), который, уѣхавъ въ 1874 г. съ чужимъ паспортомъ въ Цюрихъ, писалъ оттуда разсказы о нигилистахъ, печатавшіеся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ псевдонимомъ Незлобина, въ 1877 г. корреспондировалъ въ „Московскія Вѣдомости“ изъ Сербіи и Черногоріи, а до того пріѣзжалъ въ Петербургъ подъ чужими именами; въ 1880 г. арестованъ былъ на границѣ, въ Волочискѣ. Впослѣдствіи постоянный сотрудникъ „Новаго Времени“ подъ псевдонимомъ „Житель“.

[3]) Іосифъ Константиновичъ Нотовичъ, съ 1876 г. издатель газеты „Новости“, прекратившейся въ 1906 г.

[4]) Максимъ Алексѣевичъ Антоновичъ, сотрудникъ „Современника“ и др. журналовъ, критикъ, извѣстный своимъ столкновеніемъ съ Некрасовымъ. Объ Антоновичѣ въ 1860-хъ гг. много писалъ и Страховъ.

[5]) Въ печати не появлялось.

[6]) Профессоръ исторіи, потомъ (съ 1890 г.) академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; умеръ въ 1897 г.

ченіе, которое можно бы исполнить на эти деньги; но вспомнилъ, что Вы на порученія очень стали скупы, и рѣшился отослать деньги. И еще вспомнилъ свою вину: я ни разу не былъ у Любовь Александровны [1]). Но точно также я еще ни разу не былъ и у Григорьевыхъ, Проскуряковыхъ, Штакеншнейдеровъ, Кусковыхъ, Коссовичей, Князя Цертелева (молодого философа) и т. д.

Установилась зима,—у насъ уже два дни ѣздятъ на саняхъ, и мнѣ стало легче. Примусь за свою статью [2]), которая гвоздемъ сидитъ у меня въ головѣ. Въ Петербургѣ, сколько могу судить, очень тихо; не чувствуется той лихорадки, въ которую онъ часто впадаетъ. Умеръ одинъ изъ служившихъ въ Библіотекѣ, очень хорошій нравственно, и очень дѣльный на службѣ человѣкъ, но страшный пьяница, напивавшійся до того, что не могъ говорить, и тогда спокойно уходившій домой. Еще кажется умретъ мой близкій знакомый съ дѣтскихъ лѣтъ,—какъ бы не напророчить!

Пишу Вамъ пустяки, въ надеждѣ, что Вы простите меня и что съ Вашею безмѣрною проницательностью найдете что-нибудь. Передъ Вами я всегда какъ передъ исповѣдникомъ — чистъ въ своихъ намѣреніяхъ и помыслахъ. Нѣсколько разъ мнѣ приходило въ голову изложить Вамъ свое душевное настроеніе и хоть въ общихъ чертахъ свою исторію. Но это требуетъ большаго труда, и мнѣ слишкомъ больно за него достается. Напряженіе головы до того меня портитъ, что я готовъ бросить всякое писанье и только забавляться остатокъ своей жизни. Ничего не дѣлать для меня очень здорово. А писать хочется: чувствую, что какъ будто сложился особенный взглядъ, который не хотѣлось бы похоронить.

Ну вотъ я Вамъ и нахвастался и нажаловался и натрусилъ. Будетъ! Прошу Васъ передать мое почтеніе Графинѣ и поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ навсегда преданный

1879. 23 Окт. Спб. Н. Страховъ.

126. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[2-го ноября 1879 г. Ясная Поляна].

Получилъ деньги и письмо и очень благодарю за письмо. Напишите свою жизнь; я все хочу тоже сдѣлать. Но только надо поставить—возбудить къ своей жизни отвращеніе всѣхъ читателей. Я очень занятъ, но не скажу что пишу, но здоровье лучше. Будьте вы здоровы.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 2 ноября 1879.

---

[1]) Берсъ, рожд. Ислявина (или Исленева), теща Л. Н. Толстого.

[2]) Объ „Аннѣ Карениной“? Ср. выше.

127. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

17-го ноября 1879 г. Петербургъ.

Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Эту молитву я часто вспоминалъ въ послѣдніе двадцать или тридцать лѣтъ, когда случалось мнѣ мучиться совѣстью. Теперь я вспомнилъ ее, задумавши писать о своей жизни; нужно писать въ хорошемъ духѣ, т. е., ясно понимая, что я дѣлаю, и спокойно и твердо соблюдая истину, — а это мнѣ очень трудно. Я не могу писать наивно (простосердечно—переводитъ Карамзинъ), разсказывая просто, чтб помню, и предоставляя другимъ судить; я непремѣнно сужу самъ, и когда не умѣю судить, то не могу и писать. О жизни своей мнѣ судить очень трудно, не только о ближайшихъ, но и о самыхъ далекихъ событіяхъ. Иногда жизнь моя представляется мнѣ пошлою, иногда героическою, иногда трогательною, иногда отвратительною, иногда несчастною до отчаянія, иногда радостною. И я не знаю на чемъ остановиться, знаю, что каждый разъ преувеличиваю, и наконецъ перестаю вѣрить себѣ. Еслибы я задался извѣстнымъ тономъ, то я знаю, я бы выдерживалъ его долго и все преувеличивалъ бы въ извѣстномъ направленіи. Зачѣмъ же я буду обманывать себя и другихъ?

Эти колебанія составляютъ для меня самого немалое огорченіе: я самъ отъ себя не могу добиться правды! И это бываетъ со мною не только въ воспоминаніяхъ, но и каждый день во всякихъ дѣлахъ. Я ничего не чувствую просто и прямо, а все у меня двоится. Въ моей головѣ идетъ постоянно игра мыслей, дѣйствующая на меня часто сильнѣе дѣйствительности. Отъ этого я конфузливъ и часто никакъ не могу совладать съ собою. Напр. когда говорятъ о воровствѣ, мнѣ кажется, что я самъ укралъ, когда говорятъ объ оскорбленіи, мнѣ представляется, что я самъ оскорбленъ и т. д. Въ сущности я не боязливъ, не суевѣренъ, не мнителенъ; но представленіе боязни, суевѣрія, мнительности можетъ такъ во мнѣ разыграться, то есть я самъ себя воображу такимъ боязливымъ, суевѣрнымъ и мнительнымъ, что замучу себя этимъ воображеніемъ больше, чѣмъ если бы дѣйствительно имѣлъ эти недостатки.

Все это я приписываю тому, что настоящая душевная жизнь во мнѣ очень слаба, а жизнь представленій черезъ чуръ сильна и подвижна. Во множествѣ случаевъ я робокъ и неуклюжъ потому, что не увѣренъ въ себѣ, то есть не знаю, не потеряю ли я власти надъ собою—не по силѣ желаній и чувствъ, а по силѣ тѣхъ представленій, которыя во мнѣ разыграются. Часто я такимъ образомъ воображаю себя любимымъ, уважаемымъ, вижу въ другихъ людяхъ черты тро-

гательныя и восхитительныя, пылаю любовью къ людямъ, къ истинѣ, впадаю въ смиреніе, въ умиленіе,—и тогда я, разумѣется, доволенъ. Но истинно противны другія минуты, когда я вижу тяжелое оскорбленіе въ самомъ невинномъ словѣ и звукѣ и когда самъ навожу на себя чувства гадкія, всѣ тѣ чувства, которыхъ боюсь и которыя испытываю именно оттого, что ихъ боюсь; страхъ передъ ними нагоняетъ ихъ на меня. Порывы ненависти, глубочайшаго эгоизма и малодушія иногда являются въ моей душѣ, и хотя я имъ не вѣрю и гоню ихъ, я огорчаюсь до отчаянія уже тѣмъ, что мнѣ знакомы эти отвратительныя явленія, что такъ или иначе — моя душа породила ихъ. Если бы я сталъ жаловаться на судьбу, то кажется всего больше жаловался бы не на дѣйствительныя страданія, а на это множество гадкихъ чувствъ, такъ долго меня мучившихъ, находившихъ на меня противъ моей воли и противныхъ мнѣ въ высшей степени.

Вотъ главное мое горе, та дѣйствительная борьба, отъ которой я все надѣюсь избавиться и кажется постепенно избавлюсь, и въ которую иногда опять впадаю. Во время своихъ размышленій я придумалъ для этого названіе—спускаться въ адъ, и право иногда это названіе не кажется мнѣ сильнымъ. Затѣмъ, если раздѣлить всѣ горести и радости на дѣйствительныя и представляемыя, то въ первомъ отдѣлѣ у меня больше было радостей, а во второмъ думаю больше горестей. Я не испыталъ большихъ несчастій въ жизни, а развѣ только неудачи, и со своею способностью преувеличивать всегда больше наслаждался хорошими обстоятельствами, чѣмъ горевалъ о дурныхъ. Мнѣ знакомы самые странные восторги, когда человѣкъ готовъ цѣловать землю и разговаривать съ деревьями и облаками.

Но другое дѣло представляемыя горести и радости, куда я отношу ревность, славолюбіе, раскаяніе, стыдъ и т. п.—словомъ то, что зависитъ отъ нашихъ мыслей, а не отъ прямыхъ отношеній къ людямъ и обстоятельствамъ. Было у меня много и сладкихъ мечтаній, напримѣръ о славѣ, о будущихъ моихъ литературныхъ успѣхахъ. Но меньше всего я зналъ мѣры въ преувеличеніи своихъ печальныхъ чувствъ. Ревность, чувство своего ничтожества, раскаяніе въ своемъ развратѣ, стыдъ отъ всего стыднаго и кажется всего больше стыдъ стыда, стыдъ того униженія, которое чувствуется въ стыдѣ—все это я испилъ до капли, все это я раздувалъ въ огромныя муки и носился съ ними по годамъ. Когда же случалось опомниться, то эти призраки часто вовсе исчезали, чаще же всего являлись въ очень малыхъ и какихъ-то колеблющихся размѣрахъ. Понемногу я пріучился не вѣрить себѣ, не вѣрить въ свою душу, и сталъ стараться отыскать дѣйствительныя свойства и мѣру того, что пережилъ. Эти исканія продолжаются до

сихъ поръ и долженъ признаться, я вовсе не твердо надѣюсь на успѣхъ.

Думаю, что я не какой-нибудь гадкій или преступный, или отчаянно-грѣшный человѣкъ. Я въ извѣстномъ отношеніи хуже—я человѣкъ безжизненный, въ которомъ мало души, нѣтъ воли въ смыслѣ живыхъ стремленій. Я во всѣхъ сферахъ неудавшійся, ни въ чемъ не сформировавшійся, ни въ какую форму не отлившійся человѣкъ, потому что во мнѣ не было настолько формующей силы, притяженія къ жизни. Ни одинъ инстинктъ не говорилъ во мнѣ такъ сильно, чтобы опредѣлить мои поступки и образъ жизни. Я правильно сдѣлалъ, отказавшись наконецъ вовсе отъ жизни; я не умѣю жить и не хочу за это браться. Всего лучше это объяснить на отношеніяхъ къ женщинамъ. Я ни за одною не волочился въ настоящемъ смыслѣ пристрастія, и никогда не собирался жениться. Двѣ мои связи произошли оттого, что того хотѣли эти женщины, а не я. Это стыдно сказать мужчинѣ, и я за это наказанъ больше, чѣмъ стою. Такъ и во всемъ другомъ. Я ничего не достигалъ самъ, а только поддавался тому, что встрѣчалось на пути, или уклонялся отъ опаснаго и непріятнаго. Когда я чувствую себя покрѣпче, мнѣ иногда кажется, что я самый свободный человѣкъ въ мірѣ, именно такой, у котораго нѣтъ никакихъ побужденій дѣйствовать, который въ случаѣ, если нужно сдѣлать выборъ, долженъ прибѣгать къ самымъ искусственнымъ соображеніямъ, чтобы рѣшить, что ему дѣлать. Я распредѣляю разныя мелочи ежедневной жизни совершенно произвольно, и потомъ неизмѣнно держусь этого порядка только потому, что нужно же какъ-нибудь жить, а слѣдовать желаніямъ я не могу—ихъ у меня нѣтъ.

Нерѣдко при такихъ мысляхъ во мнѣ подымается чувство отвращенія къ себѣ, но я боюсь, что это внушается мнѣ моею гордостью, моими притязаніями на что-то высшее. И я вспоминаю главное правило: нужно быть самимъ собою и не корчить изъ себя того, чего въ тебѣ нѣтъ.

Можетъ быть, безцѣнный Левъ Николаевичъ, Вы найдете въ томъ что я написалъ больше, чѣмъ я самъ нахожу; но я всѣми силами старался быть правдивымъ. Я въ истинномъ затрудненіи; слѣпота, которую наводятъ на меня мои преувеличенія и представляемыя чувства, не даетъ мнѣ быстро понимать другихъ людей; я то нахожу весь міръ злымъ и глупымъ, то умиляюсь передъ душою и сердцемъ людей и вижу множество ума въ ихъ мысляхъ. Присматриваясь къ людямъ, я наконецъ замѣчаю и то, что въ нихъ много тѣхъ самыхъ чертъ, которыя я готовъ былъ считать своею особенностію, и тогда, разсматривая себя въ нихъ, начинаю смотрѣть на себя иначе, не въ томъ хаотическомъ и печальномъ свѣтѣ, въ которомъ обыкновенно созерцаю собственную фигуру. Можетъ быть для

описанія этой фигуры и ея похожденій самое лучшее было бы взять тонъ юмористическій или даже трагикомическій—правъ вѣдь Шопенгауэръ говоря, что жизнь человѣка въ одно время и трагедія и комедія.

Простите, пока. На Ваше коротенькое письмо [1]), я Вамъ отвѣчаю длиннымъ, и буду продолжать, если Вы не прочь, а особенно если подстрекнете меня какимъ-нибудь вопросомъ. Пошлю Вамъ завтра книги, какія найду. Вотъ вторую недѣлю, какъ я—присяжный, и потому такъ долго не отвѣчалъ Вамъ. Очень много отнимаетъ времени, но любопытно.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1879 г. 17 Ноября. Спб.

128. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[23-го ноября 1879 г. Ясная Поляна].

Написалъ вамъ длинное письмо дорогой Николай Николаичъ и не посылаю его. Я очень занятъ, очень взволнованъ своей работой. Работа не художественная и не для печати. И ваше письмо очень опечалило и взволновало меня.—Письмо ваше нехорошо и душевное состояніе ваше нехорошо. И писать вамъ свою жизнь нельзя. Вы не знаете что хорошо, что дурно.

Вы живущій добро и для добра тужите что въ васъ нѣтъ страстей—зла. Дай вамъ Богъ пересилить всю наросшую ложь вашихъ представленій я снялъ часть этой коры и знаю отчасти толщину ея,—и полюбить себя, вашу жизнь добра саму въ себѣ, которую я люблю въ васъ, въ себѣ, въ Богѣ, и кот. одну можно любить и въ которую одну можно жить. Простите меня. Отъ души люблю васъ и надѣюсь что вы найдете иго к[оторое] легко и бремя к[оторое] добро и найдете покой душѣ вашей.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 23 ноября 1879 Яси.

129. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1-го декабря 1879 г. Петербургъ.

Благодарю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Вы пожалѣли обо мнѣ, когда я попробовалъ открыть Вамъ гадости, которыя у меня на душѣ. Вы видите, что я былъ правъ, когда молчалъ, и сами совѣтуете мнѣ молчать. Но вѣдь жаловаться такъ пріятно!

---

[1]) Отъ 2-го ноября; см. выше; № 126.

Только прошу Васъ, не отвертывайтесь отъ меня, не бросайте меня. Какое огорченіе, что Вы не послали Вашего большого письма! Почему бы не послать? Я бы вѣрно многому научился, и увѣряю Васъ—не могу придумать, какъ я могу обидѣться на какія-бы то ни было Ваши мысли. Если хотите быть добрыми до конца, пришлите [1]).

А меня простите, если я опечалилъ Васъ. Я бы хотѣлъ скорѣе исчезнуть, чѣмъ Васъ волновать и печалить. Чувствуя очень смутно, въ чемъ мы расходимся, я всегда устраняю себя и желаю успѣха и развитія только Вашей мысли, Вашему началу. Вы полны жизни, а въ себѣ я чувствую смерть. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго, дайте мнѣ порадоваться издали на Вашу жизнь и дѣятельность.

Троицкій [2]), котораго сочиненіе я Вамъ послалъ, пишетъ, что катихизисы собственно вошли въ употребленіе только послѣ Реформаціи, такъ что объ Аріанскомъ и Несторіанскомъ катихизисѣ не можетъ быть и рѣчи, а лучше всего отыскать изложеніе этихъ исповѣданій у церковныхъ историковъ, Neander, Gieseler и т. п. Онъ величайшій знатокъ дѣла, и я готовъ ему вполнѣ вѣрить. Какъ же быть? Это многотомныя сочиненія. Не прислать ли Вамъ изъ Библіотеки?

Я здоровъ и усиленно работаю надъ своею статьею—это меня забавляетъ. Настроеніе въ городѣ очень дурно, всѣ огорчены и раздражены. Государя встрѣтили очень тепло.

Еще разъ—простите меня и будьте здоровы и благополучны. А что здоровье Графини? Я видѣлъ Петра Андреевича [3]) и онъ мнѣ разсказывалъ, какъ усердно у Васъ учатся и учатъ.

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1879. 1 Дек. Спб.

P. S. Громека [4]) писалъ мнѣ изъ Варшавы и спрашивалъ, нельзя ли ему на праздникахъ побывать у Васъ. Я отсовѣтовалъ—не правда ли такъ и нужно? Онъ въ Декабрѣ будетъ здѣсь.

---

[1]) Отвѣтъ Толстого на просьбу Страхова въ началѣ слѣдующаго письма.

[2]) Иванъ Егоровичъ Троицкій (род. 1834, ум. 1901), профессоръ церковной исторіи въ С.-Петербургскихъ: Духовной Академіи и Университетѣ, съ 1880 г. редакторъ „Христіанскаго Чтенія“ (до 1890 г.).

[3]) Берсъ, братъ гр. С. А. Толстой.

[4]) Михаилъ Степановичъ Громека (род. 1852, ум. 22-го декабря 1883 г.), кандидатъ Московскаго Университета, преподаватель русскаго языка и исторіи въ 6-й Варшавской Гимназіи; извѣстный его этюдъ: „Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого“ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ 1883 г., кн. 2, 3, 4 и 11, и 1884 г. № 11; въ 1885 г. былъ изданъ отдѣльно (М., 226 ст.); въ 1894 г. вышелъ 5-мъ изданіемъ.

130. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[12-го декабря 1879 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Письмо къ вамъ [1]) затерялъ, да оно не стоило того. Я лучше вамъ все скажу, когда Богъ дастъ свидѣться. Милый Николай Николаичъ, я очень благодаренъ вамъ за ваше письмо — первое длинное. Я дорожу вашимъ довѣріемъ ко мнѣ. Я радъ былъ заглянуть вамъ въ душу, такъ какъ вы открыли; но меня огорчило то что вы такъ несчастливы неспокойны. Я не ожидалъ этого.—И признаюсь никакъ не могу помириться съ мыслью что вы не знаете зачѣмъ вы живете и что хорошо и что дурно. Мнѣ нетолько кажется, но я увѣренъ, что вы все это на себя выдумываете. Вы не умѣли сказать то, что въ васъ и вышло что то непонятное. Намъ виднѣе,—намъ тѣ кот. знаютъ и любятъ васъ. Но писать свою жизнь вамъ нельзя. Вы не съумѣете.—

Радуюсь что вы пишете свою статью. Вотъ это вы умѣете.

Я очень занятъ и очень напрягаюсь. Все голова болитъ. Жена еще ходитъ. Съ дня на день жду родовъ.

Поблагодарите Стасова за Петровича и его милое письмо и попросите извиненія, если и теперь не отвѣчу, хотя хочу отвѣтить.

Какъ онъ перенесъ смерть брата [2]) и какъ судитъ объ этомъ. Очень бы желалъ знать. Нагорный [3]) просилъ меня передать вамъ, что будетъ въ Комитетѣ [4]) требовать одобреніе на новое изданіе Азбуки [5]) и книгъ [6]). Пожалуйста попросите чтобы они поскорѣе пропустили, а то разъ они задержали и надѣлали много хлопотъ.

Еще печатаю собраніе сочиненій и просилъ Нагорнова послать вамъ образецъ бумаги и шрифта. Я въ этомъ ничего не понимаю, такъ скажите хорошо ли такъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 12 дек. 1879. Ясн.

---

[1]) По поводу письма Страхова отъ 17-го ноября.

[2]) Ср. выше, стр. 219.

[3]) Николай Михайловичъ Нагорновъ, женатый на племянницѣ Толстого—графинѣ Варварѣ Валеріановнѣ Толстой.

[4]) Т. е. Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Страховъ былъ членомъ.

[5]) Толстого.

[6]) Т. е. его же „Книгъ для чтенія“.

131. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

8-го января 1880 г. Петербургъ.

Вы не только удивили меня, безцѣнный Левъ Николаевичь, какъ это много разъ бывало, но Вы на этотъ разъ меня успокоили и согрѣли. Я какъ будто чувствую, что найдена твердая точка, на которой слѣдуетъ стоять, которую нужно отыскивать въ случаѣ волненія и колебанія; я дѣйствительно сталъ спокойнѣе и радостнѣе. Меня какъ будто что-то вдругъ озарило, и я все больше и больше радуюсь и все вглядываюсь въ этотъ новый свѣтъ. Скажу Вамъ откровенно, что меня прежде смущало и отчего для меня такъ нова Ваша теперешняя мысль. Мнѣ всегда казалось непонятнымъ и дикимъ личное безсмертіе въ той формѣ, въ которой его обыкновенно представляютъ; точно также мнѣ былъ всегда противенъ мистическій восторгъ, до котораго старались доходить большинство религіозныхъ людей, говорившихъ почти такъ, какъ Вы. Но Вы избѣжали и того и другаго; какъ ни горячи движенія Вашей души, но Вы ищете спасенія не въ самозабвеніи и замираніи, а въ ясномъ и живомъ сознаніи. Боже мой, какъ это хорошо! Когда я вспоминаю Васъ, всѣ ваши вкусы, привычки, занятія, когда вспоминаю то всегдашнее сильнѣйшее отвращеніе отъ всѣхъ формъ фальшивой жизни, которое слышится во всѣхъ Вашихъ писаніяхъ и отражается во всей Вашей жизни, то мнѣ становится понятнымъ, какъ Вы могли наконецъ достигнуть Вашей теперешней точки зрѣнія. До нея можно было дойти только силою души, только тою долгою и упорною работою, которой Вы предавались. Пожалуйста не браните меня, что я все хвалю Васъ; мнѣ нужно въ Васъ вѣрить, эта вѣра моя опора. Я давно называлъ Васъ самымъ цѣльнымъ и послѣдовательнымъ писателемъ; но Вы сверхъ того самый цѣльный и послѣдовательный человѣкъ. Я въ этомъ убѣжденъ умомъ, убѣжденъ моею любовью къ Вамъ; я буду за Васъ держаться и надѣюсь, что спасусь. Теперь я понимаю, какъ глупо было мое длинное письмо, гдѣ я жаловался, какъ на недостатки, на то, что ни хорошо ни дурно, и что можно считать дурнымъ и несчастнымъ только съ дурной точки зрѣнія.

Эти припадки малодушія мучительны только для нашей гордости.—Мнѣ кажется, я все понимаю! Иго мое благо и бремя мое легко—мнѣ кажется я это понялъ! И не дай только Боже забыть, не дай Боже такъ поддаться злу, чтобы потерять изъ виду узкій путь спасенія.

Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ. И это я понимаю. Какъ хорошо предаваться добрымъ движеніямъ души, изъ которыхъ иныхъ я бывало стыдился! Но я все

боюсь, все боюсь, и лишь изрѣдка является во мнѣ увѣренность, что, потерявши мой теперешній свѣтъ, я непремѣнно съумѣю снова найти его.

Безконечно благодарю Васъ!

Меня разумѣется много распрашиваютъ объ Васъ, и я въ большомъ затрудненіи. Я говорю обыкновенно, что Вы теперь въ сильномъ религіозномъ настроеніи, что Вы дошли до него самымъ правильнымъ путемъ—черезъ изученіе народа и сближеніе съ нимъ, что Вы пишете исторію этихъ Вашихъ отношеній къ религіи, исторію, которая не можетъ явиться печатно. Всѣ одобряютъ, хотя подъ словомъ религія они понимаютъ совсѣмъ другое, и я не берусь за объясненіе—я еще слишкомъ слабъ и не придумалъ съ чего начинать и какъ говорить. А главное—мнѣ ихъ жалко, мнѣ страшно имъ сказать, что все, что они дѣлаютъ и чѣмъ живутъ,—вздоръ. Да и чувствую, какъ это покажется странно и невѣроятно.

Новостей важныхъ кажется нѣтъ. Повѣсть Гончарова [1])—у васъ есть: отмѣнно тонко и умно, но блѣдно и скучно.

Въ полемикѣ Тургенева съ Маркевичемъ [2]) я перешелъ на сторону Маркевича, такъ какъ Тургеневъ напалъ на Маркевича съ высоты своей цивической доблести. Мнѣ не дали ордена, къ которому я былъ представленъ [3]) и т. д. Все это конечно пустяки. Сегодня былъ у меня Михайло Степановичъ Громека [4]). Онъ очень, очень милъ, хотя и раздражаетъ своею медлительностью. Очень хотѣлось мнѣ поговорить съ нимъ о русской словесности, но сегодня нельзя было, да и боюсь, что не совладаю. Онъ собирается на денекъ къ Вамъ; я его и не ободрялъ и не удерживалъ. Если же онъ пріѣдетъ, то Вы можете сдѣлать настоящее доброе дѣло, убѣдивши заняться чѣмъ-нибудь лучшимъ.

---

[1]) Очеркъ „Литературный вечеръ“—въ „Русской Рѣчи“ 1880 г., кн. 1.

[2]) Тургеневъ сперва въ „Молвѣ“ (30-го декабря 1879 г.), а потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880 г. кн. II, отвѣчалъ „Иногороднему обывателю“ „Московскихъ Вѣдомостей“ на обвиненія его въ „кувырканіи“ передъ русской молодежью, которое будто бы видно изъ его предисловія къ разсказу изгнанника, 4 года просидѣвшаго въ одиночномъ заключеніи; разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ „Temps“. Въ отвѣтѣ своемъ Тургеневъ не назвалъ Б. М. Маркевича, выходку котораго Тургеневъ въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу прямо называетъ доносомъ. (См. „Стасюлевичъ и его современники“, т. III, СПб. 1912, стр. 176—177). Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ—извѣстный романистъ-ретроградъ.

[3]) Этого Страховъ долго не могъ забыть и еще 4-го мая писалъ Н. Я. Даниловскому: „Моя служба не подвигается. Къ Новому году меня представляли изъ Библіотеки къ Аннѣ 2-й степени, но, по счастію для меня, Толстой (графъ Д. А.) отказалъ“. („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 1, стр. 140).

[4]) См. выше.

Какъ я ни стараюсь, но можетъ быть чѣмъ-нибудь провинился передъ Вами; если такъ, простите и дайте мнѣ только возможность впередъ не провиниться передъ Вами. А я повторяю: неизмѣнная, всегдашняя Вамъ благодарность и любовь за то, чѣмъ вы были и есть для меня!

Вашъ Н. Страховъ.

1880. 8 Янв. Спб.

132. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[17-го января 1880 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Должно быть, что я въ одно время съ этимъ письмомъ буду въ Петерб. но все таки чувствую необходимость написать вамъ нѣсколько словъ на ваше послѣднее письмо. Давно я не испытывалъ такой радости какую доставило мнѣ ваше письмо. Я знаю, что вы искренній человѣкъ, но всетаки мнѣ надо было повторять себѣ это нѣсколько разъ, чтобы знать что я не заблуждаюсь и что правда что моя мучительная духовная работа не напрасный трудъ и что вамъ она была полезна. Очень я радъ. Скоро увижусь съ вами.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 17 янв. 1880.

133. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

14-го февраля 1880 г. [Петербургъ].

Вижу, что если буду дожидаться свободнаго времени, то еще долго не напишу Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. А я собирался писать о Вашей грусти, которая всегда ужасно меня поражаетъ и которая слышна и въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ [1]). Вы въ цвѣтѣ силъ; никакой болѣзни у Васъ нѣтъ; отчего Вамъ грустить и говорить о смерти? Но Вы ужасно живете; Вы жжете себя безпощадно—можно вѣдь похвалить Васъ за это, но мнѣ хочется бранить [2]).

Пишу Вамъ наскоро, въ Библіотекѣ; разная суета такъ меня затормошила, что я чуть не плачу. Да, мнѣ досадно было, что Вы не посидѣли на моемъ креслѣ, но если бы Вы себя принудили, тоже было бы нехорошо. Все идетъ, какъ ему слѣдуетъ идти, и когда я чувствую свое одиночество и недостатокъ тепла вокругъ себя, я всегда заключаю, что я это заслужилъ.

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) Толстой, какъ извѣстно, переживалъ въ это время переломъ религіозныхъ воззрѣній.

Своей статьи я такъ до сихъ поръ и не кончилъ; но чувствую вѣру, что могу кончить и что стоитъ кончать. Собственно я ничего не дѣлалъ, и только прислушивался къ внутреннему голосу, стараясь уловить самое ясное и чистое его выраженіе. Но это трудно писать—лучше отложу.

Фетъ написалъ мнѣ два большихъ письма [1]), въ которыхъ разсказываетъ свой умственный спазмъ, какъ онъ выражается. Онъ не можетъ Васъ понять. Я брался было объяснить, но ничего изъ этого не вышло—не успѣлъ и расписаться.

То, что Вы пишете, конечно необходимѣйшая вещь. Отъ всей души желаю Вамъ хорошихъ силъ и хорошихъ дней; но въ неотразимости (какъ и всего, что Вы пишете) я заранѣе увѣренъ.

Пока простите

Вашего неизмѣнно любящаго

Н. Страхова.

1880. 14 февр.

134. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[2-го марта 1880 г. Ясная Поляна.]

Дорогой Николай Николаичъ.

Каждый день собираюсь писать вамъ и каждый день такъ устану отъ работы, что тяжело взяться за перо. Нынче, думаю, такъ всегда будетъ, если съ утра не напишу хоть словечко. Главное не думайте и не позволяйте хоть на минуту входить вамъ въ голову сомнѣнью въ моей любви къ вамъ.—

Весна подходитъ. И я думая о лѣтѣ только тѣмъ утѣшаюсь что авось вы проведете его у насъ. Пожалуйста если вы не сдѣлали плановъ проживите со мной ваши каникулы. Проживемъ ли еще лѣто, а это проживемте вмѣстѣ—пожалуйста пожалуйста. Я очень много работаю. Бумаги измаралъ много съ большимъ напряженіемъ и не скажу радостью, но съ увѣренностью что это такъ нужно. Особенно тяжело мнѣ было то что начавъ все перерабатывать сначала я отдѣлъ обзора православнаго богословія долженъ былъ расширить. И я изучилъ хорошо богословіе и теперь вотъ кончаю разборъ его. Если бы мнѣ разсказывали то что я тамъ нашелъ, я бы не повѣрилъ. И все это очень важно. У насъ всѣ здоровы.

Что вы? [Как] Работаете ли и какъ? Вамъ должно быть очень трудно воздерживаться отъ вихря политической жизни к. дуетъ около васъ. Я сидя въ деревнѣ и то не удерживаюсь и дѣлаю ве-

---

[1]) Они въ печати не появлялись.

личайшія усилія чтобъ онъ меня (не) сдулъ и чтобъ я не сбивался съ дороги.

Обнимаю васъ отъ души.

Вашъ Л. Толстой.

Кланяйтесь Стасову и спросите у него получилъ ли онъ мое письмо, вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Петерб. Мнѣ отвѣта не нужно, а я подозрѣваю что оно пропало.

На письмѣ помѣтка Страхова: 2 Марта 1880.

135. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

9-го марта 1880 г. Петербургъ.

Благодарю Васъ отъ всей души, безцѣнный Левъ Николаевичь. Очень Вы утѣшили меня Вашимъ приглашеніемъ; такъ и сдѣлаю, и лучше быть не можетъ. Я все носился съ планомъ съѣздить въ Константинополь и въ Аѳины, но очень дурно носился, т. е. не запасалъ денегъ и не готовился, а покупалъ книги и принимался ихъ читать. Вообще я жилъ опустившись и чувствовалъ себя нехорошо; оттого я такъ долго и не писалъ Вамъ, а давно уже собираюсь. Какъ я ни медлителенъ, а все же я знаю, что мнѣ во сто разъ легче писать письма чѣмъ Вамъ, съ Вашею ужасною головною работою. Моя статья остановилась, но я съ радостію чувствую, что она все больше и больше зрѣетъ у меня въ головѣ, и сегодня рѣшилъ не печатать ея раньше лѣта или даже осени. Очень бы нужно также написать объ Аннѣ Карениной. Здѣсь всѣ толкуютъ о Вашемъ обращеніи и толкуютъ въ Стасовскомъ духѣ. Стасовъ недавно приходилъ и наговорилъ мнѣ много глупостей, напр. что онъ цѣнитъ Васъ только какъ художника (и такъ, говоритъ онъ, надобно вообще цѣнить людей), что Вы теперь уже не можете писать романы, и потому потеряли для него всякое значеніе. Онъ конечно самъ не знаетъ, что говоритъ. Но я въ такихъ случаяхъ въ большомъ затрудненіи, какъ и съ Фетомъ и съ Менделѣевымъ, съ которымъ тоже имѣлъ долгій разговоръ объ Васъ. Когда я начинаю говорить объ Вашемъ настроеніи, я вдругъ чувствую, что слова мои принимаются не въ томъ смыслѣ, какой я имъ даю, и что вообще я не могу ничего объяснить тѣмъ, кто самъ не дошелъ до пониманія дѣла. Стасову я передамъ Вашъ поклонъ и вопросъ. Письмо Ваше онъ получилъ и тогда же читалъ мнѣ, а теперь собирается отвѣчать [1]).

Политическая жизнь—долженъ сознаться—не увлекаетъ меня, а служитъ какъ-будто отдыхомъ и развлеченіемъ. Общее настроеніе

---

[1]) Въ печати оно неизвѣстно.

здѣсь очень благопріятное мыслямъ Павла Дмитріевича [1])—я часто былъ очень удивленъ этимъ. Всего больше меня интересуетъ наше министерство—по нѣкоторымъ моимъ давно лелѣемымъ мыслямъ. Сколько можно судить, теперь все тихо, и мнѣ все кажется, что все опять можетъ погрузиться въ долгую тишину. Лорисъ-Меликовъ [2]) всѣхъ восхищаетъ, но что онъ дѣлаетъ, никому неизвѣстно.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь. Я все тотъ же Вашъ неизмѣнный и преданный, и за это Вы прощайте мнѣ, когда не пишу или плохо пишу. Будетъ свѣтлая минутка,—я постараюсь высказаться получше.

Всей душою Вашъ
Н. Страховъ.

1880. 9 Марта. Спб.

136. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[25-го марта 1880 г. Ясная Поляна.]

Благодарствуйте дорогой Николай Николаичъ что не отказали мнѣ [3]). Я очень очень радъ и благодаренъ вамъ. Я все работаю и не могу оторваться и часто счастливъ своей работой, но очень часто слабѣю головой. Напишите какъ нибудь.

Любящій Васъ Л. Толстой.

Приписка графини С. А. Толстой:

Мы всѣ такъ рады, Николай Николаевичъ, что вы согласились къ намъ пріѣхать на лѣто, и мы постараемся, чтобы вамъ было хорошо и удобно. Меня всегда мучаетъ, что вамъ у насъ безпокойно и шумно, и скучно. Сестра [4]) тоже пріѣдетъ 1-го Мая на все лѣто, и я себѣ представляю лѣто какъ праздникъ. Левъ Николаевичъ совсѣмъ себя замучалъ работой, ужасно устаетъ и страдаетъ головой, что меня сильно тревожитъ. Но оторвать его нѣтъ никакой возможности. Какъ вы теперь поживаете, что ваше здоровье и ваша работа? Моя

---

[1]) Голохвастова. Письма къ нему Толстого напечатаны въ 3-мъ сборникѣ писемъ Толстого, изд. Окто.

[2]) Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, 12 февраля 1880 г. назначенный „Главнымъ Начальникомъ Верховной Распорядительной Комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, результатомъ чего въ ноябрѣ явилось упраздненіе III Отдѣленія. 15-го ноября 1880 г. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, но вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 г. былъ уволенъ отъ этой должности (4-го мая).

[3]) Провести лѣто у Толстыхъ въ Ясной Полянѣ.

[4]) Татьяна Андреевна Кузьминская, рожд. Берсъ.

мечта—прочесть когда нибудь сразу всѣ ваши сочиненія, но теперь мнѣ отъ Мареинскихъ (Мареа, Мареа, печешеси о мнозѣмъ) трудовъ нѣтъ ни времени, ни умственной свѣжести понять серьезный трудъ.

До свиданія, Николай Николаевичъ, спасибо вамъ, что насъ не забываете.

С. Толстая.

На письмѣ помѣтка Страхова: 25 марта 1880.

137. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

25-го марта 1880 г. Петербургъ.

Пишу къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, только чтобы доказать, что все думаю объ Васъ и хотѣлъ бы сдѣлать Вамъ что-нибудь пріятное. Но меня что-то мучитъ, а что я самъ не знаю и не съумѣю даже хорошенько пожаловаться. Ужъ не корректуры ли Шопенгауэра [1])? Вотъ уже половина мѣсяца, какъ онъ печатается и безпокоитъ меня не мало. Мнѣ досадно, что при этомъ я не успѣваю ни за что приняться. Между тѣмъ я читаю, и преимущественно въ томъ направленіи, которое Вы воплощаете въ себѣ въ такой удивительной мѣрѣ. Я не могъ многаго понимать, до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ передъ собою живого человѣка, который, какъ я твердо знаю, понимаетъ это дѣло не отвлеченно, а сердечно. И тѣ, которые не знаютъ Васъ, не знаютъ Вашей души, едва ли могутъ Васъ понять. Они принимаютъ Ваши слова въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ, и думаютъ, что Вы парадоксальничаете и дразните ихъ. Я читалъ — Deutsche Theologia, M-me Guyon [2]), Сведенборга [3]), Фихте [4]), читалъ объ Аверроэсѣ, о Людяхъ Божіихъ—особенно интересны свѣденія объ Радаевѣ, котораго судили въ пятидесятыхъ годахъ (въ книгѣ Добротворскаго) [5]),—и пр. и пр. Вездѣ я вижу одно, [что] та же основная мысль объ отреченіи отъ міра и своего я и объ единеніи съ Богомъ всюду составляетъ сущность дѣла и

---

[1]) Въ переводѣ Шеншина.

[2]) Мистическая писательница де-Ла-Мотъ Гюйонъ (ум. въ 1817 г.), сочиненія которой, переведенныя въ 1820-хъ г.г. Д. Е. Кашкинымъ и другими, были запрещены къ обращенію. См. выше, стр. 143.

[3]) Тоже писатель-мистикъ и теософъ, родомъ шведъ; род. 1688, ум. 1772.

[4]) Знаменитый нѣмецкій философъ, ум. 1814.

[5]) Т. е. въ книгѣ расколовѣда Ивана Михайловича Добротворскаго (профессора церковной исторіи Казанскаго Университета; ум. 1883): „Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“ (изд. Казань. 1869).

только искажается разными прибавками. И это идетъ отъ древнѣйшихъ временъ Индіи и Персіи.

А Гербертъ Спенсеръ написалъ недавно статью о добрѣ и злѣ; въ ней онъ преглубоко доказываетъ, что добро есть удовольствіе, а зло — неудовольствіе. Что же касается до аскетовъ, то онъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что дикіе люди любятъ смотрѣть на мученія плѣнныхъ враговъ, а потому нѣкоторые сумасброды вообразили, что и Богу будетъ пріятно, если они станутъ себя мучить передъ его глазами. Такъ разсуждаетъ самый извѣстный и самый плодовитый философъ нашего времени. Я видѣлъ недавно японца, который въ годъ съ небольшимъ выучился по русски. Первое, что онъ началъ читать, были Бокль, Дреперъ и Спенсеръ.

Простите, дорогой Левъ Николаевичъ. Весна у насъ ужасная. Холода были очень противны, безъ снѣга и съ вѣтромъ. Теперь полегче.

Всею душою Вамъ преданный
Н. Страховъ.

1880. 25 марта. Спб.

138. Н. Н. Страховъ — графинѣ С. А. Толстой.

7-го апрѣля 1880 г. Петербургъ.

Отъ всей души благодарю Васъ, многоуважаемая графиня, за Ваше ласковое приглашеніе. Мнѣ всегда у Васъ хорошо, и прошу Васъ, откиньте всякую мысль о томъ, что мнѣ можетъ быть неудобно и скучно. Хоть и у Васъ на меня нападаетъ иногда мой злой демонъ, но нигдѣ онъ такъ скоро не уходитъ, какъ у Васъ. У Васъ я всегда дѣлаю запасъ душевнаго здоровья, которое здѣсь какъ-то трудно сохраняется. Впрочемъ вотъ уже съ недѣлю какъ я опять повеселѣлъ, а то все тосковалъ, несмотря на всевозможную кутерьму кругомъ. Немножко разскажу Вамъ. Антокольскій [1]) привезъ сюда безподобныя статуи, между прочимъ Христа передъ народомъ и Смерть Сократа [2]). Сократъ поразилъ меня сильно; я дважды ходилъ смотрѣть и не могъ насмотрѣться. Удивительно безобразно-красивая голова, и спокойствіе смерти, полное смысла и какого-то блаженства. А изъ-за Верещагина [3]) мы поругались со Стасовымъ; когда я накричалъ на него неприличнѣйшимъ образомъ, такъ что самому стало совѣстно, то это ему, кажется, ужасно понравилось. Онъ сталъ потомъ очень милъ со мной, и мы

---

[1]) Извѣстный скульпторъ Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій.

[2]) Теперь—въ Музеѣ Императора Александра III.

[3]) Извѣстный художникъ-баталистъ, Василій Васильевичъ Верещагинъ, погибшій въ 1904 г. при взрывѣ броненосца „Петропавловскъ“.

теперь большіе друзья. Дѣло шло впрочемъ не столько о Верещагинѣ, какъ о статьѣ Стасова въ Голосѣ.

Затѣмъ большое событіе—я былъ позапрошлый четвергъ у графини С. А. Толстой [1]), вашей тезки. Я туда собирался уже года полтора, и наконецъ исполнилъ этотъ долгъ. Тамъ я нашелъ Гончарова и Достоевскаго, которые говорятъ не пропускаютъ ни одного четверга, кромѣ того — Маркевича, Полонскаго, Вл. Соловьева, Дм. Цертелева, Кирѣева — все знакомыхъ. Большой свѣтъ состоялъ изъ Игнатьева [2]) и дамъ, которыхъ къ несчастью невозможно было разсмотрѣть въ модномъ полумракѣ. Графиня считается женщиной необычайнаго ума, и любезна необыкновенно, такъ что я почувствовалъ желаніе подражать Гончарову и Достоевскому. Только нѣтъ у меня такого фрака съ открытою грудью, въ какихъ они сидѣли и какіе Вл. Соловьевъ считаетъ рѣшительнымъ безстыдствомъ.

Черезъ два дни — какія страшныя новости! Кн. Дм. Цертелевъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25, писавшій стихи и философскія статьи, съ которымъ я разговаривалъ у графини (а зналъ я его давно, и онъ затѣялъ философское общество) — сошелъ съ ума! Онъ жилъ вмѣстѣ съ Вл. Соловьевымъ, сталъ бредить, бѣсноваться, жечь книги и т. д. Соловьевъ разсказывалъ, что испыталъ ужасное впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ—это хуже смерти, это ужаснѣе всего на свѣтѣ. А былъ очень милый молодой человѣкъ, хотя и слабъ и въ поэзіи, и въ философіи [3]).

Черезъ недѣлю, вчера — совершилось наконецъ великое торжество—былъ диспутъ Вл. Соловьева на доктора философіи [4]). Самъ онъ былъ великолѣпенъ; такъ спокоенъ, простъ, такъ мастерски говорилъ. Къ несчастью сильныхъ возраженій не было, и изъ семи возражателей ни одинъ не коснулся существа дѣла — какъ это впрочемъ, обыкновенно бываетъ на диспутахъ. Поэтому все шло довольно вяло. Два позитивиста, выскочившіе въ концѣ, были опрокинуты Соловьевымъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ. Но самъ Соловьевъ что-то сталъ кручиниться. Когда онъ стоялъ на каѳедрѣ, никто бы не далъ ему меньше 35 лѣтъ, а сегодня онъ мнѣ опять повторилъ, что ему скверно что-то. Вѣрно есть что-нибудь, чего онъ не хочетъ разсказывать.

Мое здоровье—кажется все лучше и лучше. Впрочемъ, мнѣ всегда кажется, что я поправляюсь, точно такъ, какъ постоянно кажется,

---

[1]) Вдова поэта графа Алексѣя Константиновича Толстого.

[2]) Графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, въ маѣ 1881 г. назначенный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на мѣсто графа Лорисъ-Меликова.

[3]) Князь Д. Н. Цертелевъ потомъ совершенно поправился. Онъ скончался въ 1911 г. (см. выше).

[4]) Соловьевъ защищалъ свою диссертацію „Критика отвлеченныхъ началъ", за которую получилъ степень доктора философіи.

что понемногу становлюсь умнѣе и добрѣе. Все это можетъ быть обманъ. Нѣтъ, однако. Часто я теперь благословляю судьбу, что довелось мнѣ узнать Льва Николаевича, потому что вспоминаю его наставленія, и они часто помогаютъ мнѣ—точно вдругъ почувствую твердую почву подъ ногами, когда совсѣмъ ужъ боялся утонуть.

Статья моя—зрѣетъ. Оказывается, что гг. профессора очень обидѣлись моимъ намѣреніемъ читать ее на съѣздѣ [1]). «Какъ смѣлъ онъ затѣвать перестройку всей системы естественныхъ наукъ? Какъ смѣлъ учить насъ азбукѣ дѣла?» Такія рѣчи меня порадовали: значитъ задѣло за живое—а я думалъ, они и не поймутъ.

На Страстной и Святой думаю пописать. А то большую часть времени у меня поглощаетъ чтеніе; въ своей собственной библіотекѣ я провожу лучшіе часы, — блуждая отъ книги къ книгѣ, задавая вопросы и находя на нихъ отвѣты; очень я это люблю.

Вотъ, многоуважаемая графиня, бѣглый отчетъ о томъ, въ какомъ родѣ я живу и чувствую себя. Вообще я стараюсь жить помаленьку и потихоньку. Еще разъ душевно благодарю Васъ, и съ большою радостію подумываю о лѣтѣ.

Вашъ душевно преданный
Н. Страховъ.

1880 7 Апр. Спб.

139. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

16-го апрѣля 1880 г. Петербургъ.

Со мною случилась бѣда, безцѣнный Левъ Николаевичъ: оказывается, что я провинился и передъ Вами, и передъ другими, именно передъ Нагорнымъ [2]). Онъ пишетъ мнѣ вотъ ужъ третье письмо, проситъ отзыва Ученаго Комитета объ Вашей Азбукѣ. Я въ Комитетъ: говорятъ, ничего не получали. Ну, думаю, получится, сейчасъ пошлютъ отзывъ. Говорю Майкову [3]); ни минуты не задержу, отвѣчаетъ онъ. Второе, третье письмо — то же самое; по всѣмъ справкамъ были присланы книжки еще въ Мартѣ прошлаго года, и отзывъ по нимъ данъ Майковымъ и отосланъ, а теперь ничего нѣтъ. Представьте въ добавокъ, что Нагорный не пишетъ, когда и что послано, а я потерялъ его адресъ и даже не помню, какъ его по имени и отчеству. Повертѣлся я, повертѣлся—и рѣшаюсь просить Васъ: выручите—напишите мнѣ имя и адресъ Нагорнаго, чтобы списаться. А то я даже извиниться не могу!

---

[1]) Естествоиспытателей и врачей.

[2]) Мужъ племянницы Толстого; см. выше.

[3]) Поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, бывшій членомъ Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

Все это—моя вина, моя лѣность и неакуратность. Я знаю, что Вы меня простите, но Нагорный едва ли похвалитъ и будетъ совершенно правъ, если только самъ не напуталъ. Можетъ быть онъ послалъ въ Департаментъ вмѣсто въ Ученый Комитетъ; тогда посылка гдѣ-нибудь застряла, и до нея не доберешься.

Боюсь я, какъ бы эта проклятая вялость совсѣмъ не завладѣла мною! Чувствую я себя впрочемъ недурно, какъ я и хвалился Графинѣ. Особенно пріятно, что начинаю лучше разглядывать себя и учусь дѣйствительному смиренію— —

Нѣтъ, лучше не хвалить себя.

Я Васъ воображаю погруженнымъ въ такія серьезныя мысли, и вообще Вы стали для меня такимъ великимъ дѣломъ, что не мудрено, если я теряюсь, когда вздумаю писать къ Вамъ. Съ большою радостію думаю о лѣтѣ. Мнѣ кажется я буду способнѣе прежняго къ нашимъ разговорамъ. Такъ я гораздо лучше теперь понимаю и Соловьева; его Критика [1]) вѣроятно дастъ мнѣ много хорошаго. Да и самъ онъ на мои глаза сдѣлался лучше.

Отъ всей души желаю Вамъ всего лучшаго, и если бы была власть, велѣлъ бы Вамъ бросить работу. Но Вы не изъ такихъ

Минута ему повелитель.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1880 16 Апр. Спб.

140. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[4-го мая 1880 г. Ясная Поляна].

Получилъ вчера ваши книги, дорогой Николай Николаичъ. Кажется это то самое что мнѣ [не] и нужно. Очень вамъ благодаренъ. Отъ насъ только что уѣхалъ нынче Тургеневъ [2]). Я три дня не садился за работу и чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ— очень легко. Погода, весна чудесная. Пріѣзжайте поскорѣй.

Съ Тургеневымъ много было разговоровъ интересныхъ. До сихъ поръ, простите за самонадѣянность, все слава Богу случается со мной такъ: «Что это Толстой какими то глупостями занимается. Надо ему сказать и показать чтобы онъ этихъ глупостей не дѣлалъ». И всякій разъ случается такъ, что совѣтчикамъ станетъ стыдно и страшно за себя. Такъ мнѣ кажется было и съ Тургеневымъ. Мнѣ

---

[1]) Т. е., докторская диссертація Вл. С. Соловьева „Критика отвлеченныхъ началъ“ (изд. М. 1880).

[2]) Тургеневъ пріѣзжалъ тогда въ Россію по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ своего брата, Николая Сергѣевича Тургенева. Въ іюнѣ онъ выступилъ въ Москвѣ, на торжествахъ открытія памятника Пушкина, со своею знаменитою рѣчью.

было съ нимъ и тяжело и утѣшительно. И мы разстались дружелюбно. Такъ пріѣзжайте поскорѣй. Какъ я буду радъ!

Если вы пишете, я не буду мѣшать вамъ. Будемъ только ходить гулять и ѣсть простоквашу.

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 4 Мая 1880 г.

141. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Тостому.

8-го мая 1880 г. Петербургъ.

Совѣсть совсѣмъ меня замучитъ, если сегодня не напишу къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ.

Я послалъ Вамъ своего Гризбаха [1]), ужасно радуясь, что онъ такъ кстати пригодился. Имѣю только прибавить, что потомъ были еще открыты тексты Тишендорфомъ [2]), но что они прибавили, я не могъ узнать—едва ли что важное. Мнѣ не попадался знатокъ этого дѣла, а самъ я не порылся—простите. Знаю только, что работа Гризбаха—основная, и что Тишендорфъ ея не повторялъ. Впрочемъ я завтра же зайду въ отдѣленіе Богословія.

Послалъ я Вамъ также Даля [3]) и Садовникова [4])—простите, что поздно—ни за что не хотѣлъ платить за Даля 15 или 20 р. и заплатилъ 3. Вашихъ денегъ у меня впрочемъ довольно; отъ Стасюлевича прійдется получить больше 50 (на этотъ разъ немного), да Вашей Азбуки я продалъ на 12 рублей.

Вы, вѣроятно, догадываетесь, почему я не писалъ; я въ такомъ дурномъ настроеніи, что слова не идутъ съ пера. Одному радуюсь: мнѣ все кажется, что я переношу свою хандру легче прежняго. Къ Вамъ я стремлюсь всею душою, но раньше половины Іюня это невозможно. Впрочемъ до сихъ поръ мы еще не распредѣляли нашихъ каникулъ. Мучитъ меня то, что я ничего не дѣлаю; какъ я понимаю Вашу радость объ конченномъ трудѣ—и сколько я себѣ отъ него обѣщаю! Сильно мѣшаетъ мнѣ корректура Шопенгауэра; я все больше

---

[1]) Іоганнъ-Якобъ Гризбахъ (1745—1812), Іенскій профессоръ, открывшій новую эпоху въ исторіи критики текста Новаго Завѣта. Страховъ разумѣетъ въ своемъ письмѣ, вѣроятно, изданіе текста Н. З., появившееся въ Галле въ 1803 г.

[2]) Извѣстный нѣмецкій ученый, критикъ библейскихъ текстовъ,—главнымъ образомъ Новаго Завѣта.

[3]) Вѣроятно, „Пословицы Русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, частоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр.“ изд. 1879 г.

[4]) Вѣроятно, составленный Д. Н. Садовниковымъ сборникъ „Загадки Русскаго народа“, С.-пб. 1876.

и больше разочаровываюсь въ переводѣ и думаю, что вмѣсто блистательно написанной книги мы дадимъ русскимъ читателямъ книгу тяжелую и темную. Это меня чуть не каждый день огорчаетъ, хотя я почти увѣренъ, что преувеличиваю бѣду.

Прощанье со старымъ Министромъ [1]) и представленіе новому были сценами [2]), въ которыхъ для меня всегда есть нѣчто возмутительное,—по отсутствію жизни, чего-либо настоящаго, по подобострастію чиновниковъ, которое при большомъ количествѣ вещь нестерпимая.

Такъ и случилось, какъ я думалъ: въ Библіотекѣ оказалось письмо отъ Васъ [3]). Скажите Графинѣ, что она поступила прекрасно; такъ и слѣдовало поступить, а поступить иначе было бы дурно. Исполню порученіе съ большимъ усердіемъ, и денегъ у меня, какъ Вы видите, довольно и Вашихъ, не только своихъ. Совѣсть меня сильно упрекнула, что не навѣстилъ я на праздникахъ Любовь Александровны [4]); но, право, часто думалъ и очень хотѣлъ.

Ваше свиданіе съ Тургеневымъ и Ваша работа ужасно радуютъ меня и тянутъ въ Ясную. Да, безцѣнный Левъ Николаевичъ, Вы дошли до конца и стали твердо. Я это такъ живо почувствовалъ, что мнѣ даже стало страшно и жалко. Все кончено! Цѣль достигнута. Не понимаю, какъ это случилось, но я пріѣзжалъ къ Вамъ въ послѣдній разъ вполнѣ приготовленный, съ размягченною чистою душою, и понялъ Васъ вдругъ съ нѣсколькихъ словъ.

Теперь я поставилъ себѣ правиломъ—поутру, при началѣ дня, вспоминать о тѣхъ блаженныхъ минутахъ; и если воспоминаніе живо, я становлюсь лучше.

Черезъ мѣсяцъ—буду у Васъ и жду себѣ великаго добра. Пока простите

Вашего всею душою
Н. Страхова.

1880 г. 8 Мая Спб.

142. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

Глуховъ 30 Іюня 1880.

Очень виноватъ передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Пріѣхавши къ Фету, я потонулъ въ какомъ то равнодушіи, которое имѣло своего рода пріятность. Разговоры были безконечные и для меня очень легкіе, такъ какъ говорилъ безъ умолку Фетъ, и мнѣ

Графомъ Д. А. Толстымъ.

[2]) А. А. Сабурову, назначенному Министромъ 24-го апрѣля 1880 г.

[3]) Вѣроятно—отъ 4-го мая.
Берсъ, теща Л. Н. Толстого.

приходилось только, когда онъ начиналъ кричать, успокаивать его, обращать его вниманіе на новый предметъ и т. п. Я очень изловчился въ этомъ, и онъ мною не нахвалится. Самымъ важнымъ предметомъ разговоровъ конечно были Вы, и я успѣлъ многое сказать ему въ эти десять дней. Примирительныя рѣчи были вполнѣ удачны и скоро въ нихъ не оказалось никакой надобности [1]); но ученіе передавалось очень плохо. Онъ съ первыхъ же словъ закусывалъ удила, и обнаруживалъ не любопытство, а ярое желаніе говорить самому. Однако, я сдѣлалъ многое, и сдѣлалъ бы больше, если бы съумѣлъ все сказать и съумѣлъ говорить безъ боязни его обидѣть. Своими лошадьми, своимъ сѣномъ и проч. онъ восхищается, какъ ребенокъ. Лошадей называетъ своими дѣтьми, а когда свозили сѣно, и сто фуръ проѣзжали одна за другою, онъ видѣлъ въ этомъ удивительную послѣдовательность. Сѣно было снято при мнѣ, съ большими волненіями по случаю перепадавшихъ дождей, и потомъ въ самомъ паркѣ на опушкѣ между дубами былъ воздвигнутъ исполинскій стогъ.

«Взгляни въ лѣсу на бегемота»,—говорилъ Фетъ, завидя его издали. Мы прочли съ нимъ всѣ присланныя корректуры [2]), а затѣмъ я уѣхалъ сюда. Тутъ я съ большою радостію увидѣлъ свою племянницу [3]) и познакомился съ ея сыномъ, который для трехмѣсячнаго ребенка очень красивъ. Молодая хозяйка, жена и мать въ полномъ расцвѣтѣ семейнаго счастія—на эту картину я не могу налюбоваться. А у нихъ теперь не только все благополучно, но еще особенная радость—мужъ перепросился на службу въ Полтаву, на родину Оли, и они скоро переѣзжаютъ туда. Изъ этого выходитъ, между прочимъ, что мнѣ нельзя у нихъ долго оставаться, да мнѣ и совѣстно ихъ стѣснять, какъ они ни рады мнѣ. Оля была когда-то избалованной, лѣнивой и апатичной красавицей—дѣвушкой; теперь она бойкая заботливая хозяйка, неутомимая нянька—расцвѣла и оживилась удивительно. И то, что съ начала мнѣ не нравилось, что она ни надъ чѣмъ не раздумывала и ни въ чемъ не сомнѣвалась, то теперь меня восхищаетъ. Она знаетъ, какъ ей жить и что ей дѣлать, какъ будто родилась съ этимъ знаніемъ.

И такъ черезъ недѣлю или немножко больше я надѣюсь опять быть въ Ясной. Душевно желаю Вамъ и Вашимъ всего хорошаго, и еще разъ прошу извиненія, что поздно написалъ.

Вашъ искренній
Н. Страховъ.

---

[1]) См. по этому поводу письмо Толстого къ Фету отъ 8-го іюля 1880 г. въ т. I „Писемъ Л. Н. Толстого“, изд. П. А. Сергѣенкомъ, стр. 133—134.

[2]) Перевода Шопенгауэра, сдѣланнаго Фетомъ.

[3]) Г-жу Матченко; см. выше, стр. 183, примѣч. 6-е.

143. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[10-го августа 1880 г. Ясная Поляна]. [1])

Дорогой Николай Николаевичъ.

Очень вамъ благодаренъ за письмо [2]) и за шляпу. Шляпа прекрасная. Желаю отъ всей души чтобы вы поправились и бодро взялись за работу. Послѣ томительныхъ жаровъ наступила свѣжая погода и я начинаю прилаживаться къ зимней работѣ. — Не забывайте насъ и пишите хоть изрѣдка. Всѣ васъ поминаютъ и любятъ, а я больше всѣхъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 10 авг. 1880. Ясн.

144. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[3-го сентября 1880 г. Ясная Поляна].

Давно ужъ получилъ ваше письмо [3]), дорогой Николай Николаевичъ, и очень былъ радъ ему, а не писалъ отъ дурнаго состоянія нервовъ. Теперь чуть чуть получше и взялся за работу пристальнѣе. Очень благодаренъ вамъ за Тишендорфское евангеліе [4]). Досадно было, что почеркъ вашъ былъ только на адресѣ. Работы работы мнѣ впереди бездна, а силъ мало. И я хоть и пріучаю себя думать, что не мнѣ судить то что выйдетъ изъ моей работы и не мое дѣло задавать себѣ работу, а мое дѣло проживать жизнь такъ что (sic) это была жизнь а не смерть,—часто не могу отдѣлаться отъ старыхъ дурныхъ привычекъ заботиться о томъ что выйдетъ,—заботиться т. е. огорчаться, желать, унывать. — Иногда же и чѣмъ дальше живу тѣмъ чаще бываю совсѣмъ спокоенъ. Вчера пріѣхалъ изъ Москвы—ѣздилъ за учителемъ и гувернанткой. Учителя филолога прекраснаго человѣка, нашелъ а гувернантки—нѣтъ.

Все страннѣе и страннѣе мнѣ становится людская жизнь особенно гдѣ ихъ много. Какъ вы живете? Поправились ли физически и духовно ободрились ли. — Работа ваша очень хорошая. — Вамъ можно покойно заниматься ею.—Прощайте, напишите когда вспомните обо мнѣ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 3 сент. 1880.

---

[1]) Писано послѣ возвращенія Страхова изъ Ясной Поляны, о пребываніи въ которой см. письмо Страхова къ Н. Я. Данилевскому отъ 5-го августа 1880 г. („Русск. Вѣстн." 1880 г., № 1, стр. 141—142).

[2]) Оно не сохранилось.

[3]) Оно не извѣстно.

[4]) Ср. стр. 225.

145. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

2 ноября [1880 г. Петербургъ].

Не будетъ ли какихъ распоряженій, безцѣнный Левъ Николаевичь? Стасюлевичь прислалъ мнѣ счетъ, по которому Вамъ приходится [1]) получить рублей около 550; да я продалъ Вашей азбуки на 10 р. 40 к. (съ вычетомъ за Тишендорфа и пр.). Это послѣднія деньги отъ Стасюлевича, и ихъ такъ много потому, что онъ покупаетъ всѣ оставшіеся экземпляры Вашей книги. Завтра я могу получить эти деньги; но подожду Вашихъ распоряженій.

Видѣлъ я Достоевскаго и передалъ ему Вашу похвалу [2]) и любовь. Онъ очень былъ обрадованъ, и я долженъ былъ оставить ему листокъ изъ Вашего письма [3]), заключающій такія дорогія слова. Немножко его задѣло Ваше непочтеніе къ Пушкину, которое тутъ же выражено («лучше всей нашей литературы, включая Пушкина»). «Какъ, — включая?» спросилъ онъ. Я сказалъ, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большимъ вольнодумцемъ.

Самъ я все еще ничего хорошаго не могу сказать о себѣ. Лѣчусь, и кажется не безъ толку. Пересталъ пьянствовать кофеемъ и чаемъ, ѣмъ мясо, какъ только встану, и чувствую себя значительно лучше, крѣпче. Я бы покаялся Вамъ въ моихъ внутреннихъ болѣстяхъ; но меня что-то останавливаетъ. Да! то самое—боязнь наклеветать на себя и передъ кѣмъ же?—передъ Вами. А главный мой недостатокъ Вы знаете — проклятая зыбкость, не дающая ничему установиться и созрѣть.

Вл. Соловьевъ началъ свои лекціи въ Женскихъ Курсахъ. Онъ читаетъ исторію философіи, разсматривая ее въ зависимости отъ исторіи религій. Успѣхъ большой; дѣвицы тѣснятся до того, что падаютъ въ обморокъ. На дняхъ онъ долженъ начать лекціи и въ Университетѣ, приватъ-доцентомъ, такъ какъ ему не дали штатнаго мѣста. Я спрашивалъ профессоровъ Ламанскаго [4]) и Минаева [5]), о чемъ онъ будетъ читать. Они слышали программу, но не могли мнѣ сказать буквально ничего. Наконецъ говорятъ Соловьевъ открываетъ еще публичныя лекціи объ искусствѣ.

---

[1]) За сочиненія, напечатанныя въ серіи „Русской Библіотеки“.

[2]) За извѣстную рѣчь Достоевскаго, сказанную на торжествахъ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. Статью Страхова о „Пушкинскомъ праздникѣ“, на которомъ онъ присутствовалъ, см. въ книгѣ его „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, стр. 105 и слѣд.

[3]) Оно не извѣстно.

[4]) Знаменитый славистъ, нынѣ академикъ, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій.

[5]) Знаменитый санскритологъ Иванъ Павловичъ Минаевъ.

Самъ я видѣлъ его мелькомъ и вообще иногда подолгу вовсе не вижу. Онъ говорилъ, что мучился сильною хандрою.

Я написалъ предисловіе къ Шопенгауэру [1]), послалъ его къ Фету, и боюсь, что мы разладимъ. Я впрочемъ приготовился уступить во всемъ. Теперь я начинаю любить эту книгу и думаю, что и въ этомъ переводѣ она очень хороша и должна производить сильное впечатлѣніе. Есть страницы восхитительныя по своей правдѣ и глубинѣ. Но, читая корректуры, я все больше убѣдился въ его односторонности. Его взгляды на государство, на милосердіе, на любовь между мужчиной и женщиной—лишь на половину вѣрны. Ужели состраданіе основано только на томъ, что въ другомъ я вижу себя же? Это эгоистическое состраданіе, какъ есть состраданіе столюбивое, гордое и т. д. Настоящее же состраданіе основано на признаніи самобытности, самостоятельности другихъ существъ, другой жизни, и на способности отречься, отвлечься отъ себя и отъ своей жизни. Если я безкорыстно люблю эту чужую жизнь и безкорыстно ей помогаю — я благодѣтельный, сострадательный человѣкъ. А сострадать только мученіямъ—это лишь крайній случай, тотъ, въ которомъ и тупой человѣкъ не можетъ не почувствовать желанія помочь.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь! Не забывайте моего безмѣрнаго уваженія и моей неизмѣнной любви. Поклонитесь всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ
Н. Страховъ.

146. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[16-го ноября 1880 г. Ясная-Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Очень мнѣ было радостно получить ваши два письма. Радуюсь на васъ. Вы въ хорошемъ духѣ. Я очень напряженно занятъ и оттого не отвѣчалъ.

Не понимаю отчего вы не работаете надъ своей статьей и не кончаете: обдумываете, или суета жизни мѣшаетъ? Это было бы ужасно жаль. Статья превосходная [2]). Самое для меня сильное и ясное изъ всего что вы писали. Я много много разъ употреблялъ въ дѣло тѣ новыя мысли кот. я пріобрѣлъ изъ нея. И [орудія]

---

[1]) Т. е. къ переводу Фета „Міръ какъ воля и представленіе“, вышедшему въ Спб. въ 1881 г.

[2]) Вѣроятно имѣются въ виду „Письма объ нигилизмѣ“, законченныя въ 1881 г. (см. сборникъ Н. Н. Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2-е, Спб. 1890, стр. 61—110).

мысли эти такъ нужны, что безпрестанно приходится ими пользоваться. Работайте надъ ней, хоть не пишите, но работайте.—А въ газеты не пишите и разговоры не разговаривайте, только мнѣ пишите и со мной разговаривайте—хочется сказать.—Пожалуй и мнѣ не пишите и не говорите со мной иначе, какъ черезъ книгу. Это лучше чѣмъ суета мысли. Какъ я не люблю и боюсь ее.

Будьте спокойны и работайте.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 16 ноября 1880. Ясная.

147. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Вторая половина ноября 1880 г. Петербургъ].

Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь, сдѣлало меня счастливымъ на нѣсколько дней. По своему малодушію я все боялся, что ужъ наскучилъ Вамъ, или что Вы недовольны. Стасовъ прибѣжалъ съ пискомъ и радостью.

— Я получилъ письмо отъ Толстого!

«И я получилъ!»

— Ну, давайте мнѣ свое, а я Вамъ дамъ свое.

И мы принялись читать. А до тѣхъ поръ, бывало каждый разъ какъ встрѣтимся, спрашиваемъ: Ничего нѣтъ? — Ничего!—и разойдемся.

И какъ Вы милы! Объ деньгахъ ничего не пишете, а написали то, что мнѣ пріятно и полезно.

И пріятно и полезно мнѣ напоминаніе объ моей статьѣ. Полезно и очень важно предостереженіе отъ суеты мысли. Свою статью я не только не забылъ, но обдумывалъ все время, а теперь, когда конченъ Шопенгауэръ, я только надъ нею и буду работать. Когда не вылилось съ разу, то всегда трудно мнѣ кончать—очевидно по недостаточной зрѣлости мысли. Но все надѣюсь, что конецъ будетъ не хуже начала.

Всяческая суета здѣсь очень велика, но я стараюсь только пользоваться ею, для отдыха и оживленія, а не отдаваться ей. Если я провелъ два вечера не дома, не за книгами, то чувствую себя какъ-будто голоднымъ и пустымъ. Но нельзя же было не посмотрѣть картину Куинджи [1]), не побывать у графини Толстой [2]), не послушать первой лекціи Соловьева въ Университетѣ.

Картина—цвѣтъ нашего реализма. Луна и рѣка свѣтятся такъ,

---

[1]) Извѣстный художникъ Архипъ Ивановичъ Куинджи. Восторженную замѣтку Страхова о картинѣ Куинджи „Ночь на Днѣпрѣ“ см. въ „Руси“ 1880 г., № 5, стр. 12—13 (перепечатана въ его сборничкѣ „Воспоминанія и отрывки“, Спб. 1892, стр. 121—129).

[2]) Графини Софьи Андреевны, вдовы поэта графа А. К. Толстого.

что не вѣришь глазамъ. Очень хорошо и только странно; такого обмана не должно быть въ искусствѣ. Меня такъ это занимаетъ, что думаю написать статейку въ Русь (вопреки Вашему запрещенію), одну маленькую статью, Левъ Николаевичь!

И вчерашняя лекція была блистательна. Соловьевъ постарался, говорилъ ясно, свято и одушевленно. Тема—что сдѣлала философія въ жизни человѣчества. Онъ утверждалъ, что она возвысила человѣческую личность, освобождала ее отъ гнета религій и власти. Полное возвышеніе личности, до богочеловѣчества, возвѣстило христіанство, но потомъ упало, подчинилось власти, выродилось. Философія, дѣйствуя противъ этого зла, произвела реформацію и революцію. Да и теперь въ матеріализмѣ она силится возстановить плоть, что будто бы тоже входило въ программу христіанства.

Мнѣ было странно вообще слышать его рѣчи о христіанствѣ, и я вспомнилъ Ваши объясненія, съ такой неотразимой ясностію показывающія его истинный смыслъ. Въ какихъ мы потемкахъ бродимъ! Соловьевъ интересенъ тѣмъ, что отзывается на все и все хочетъ примирить. Въ сущности, по логической и исторической постройкѣ, лекція была слаба, хотя и вызвала общій восторгъ [1]). Но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о занятіяхъ философіей, мнѣ очень пришлись по душѣ. Именно онъ говорилъ, что это углубленіе въ себя, это устраненіе отъ жизни не нужно считать безплодною работою.

Я стараюсь, безцѣнный Левъ Николаевичь, не разбрасываться. Вотъ ужъ годъ или два, какъ я не принимаюсь ни за какіе новые предметы и хожу все въ томъ же кругѣ. Душевное здоровье мое гораздо лучше, и я надѣюсь, что мнѣ выпадетъ еще на долю годъ или два хорошей работы и я выполню нѣкоторые свои планы. Притомъ я не забываю, что прежде всего нужно искать царствія Божія, и эта мысль всегда успокаиваетъ. Мнѣ кажется, что понемножку я лучше вижу свои недостатки — какъ это примиряетъ съ людьми, какъ располагаетъ къ добротѣ! А иногда это достается очень больно.

Усердное почтеніе Графинѣ, Сережѣ, Илюшѣ, Василію Ивановичу [2]) и всѣмъ — желаю здоровья, и вообще увѣренъ и радуюсь, что все въ Ясной Полянѣ благополучно; такъ вѣдь?

Деньги возьму и вышлю Вамъ на той недѣлѣ.

Всею душою Вашъ

Н. Страховъ.

---

[1]) Воспоминанія нѣкоего Н. Н—ва объ этой и другихъ лекціяхъ Соловьева см. въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ 1900 г., № 227 и въ „Русск. Вѣдом.“ 1900 г. № 235 (перепечатка въ извлеченіяхъ).

[2]) Алексѣевъ, кандидатъ Петербургскаго Университета, поступившій въ 1877 г. въ домъ Толстыхъ въ качествѣ учителя къ старшему ихъ сыну—графу Сергѣю Львовичу. См. выше, въ письмѣ Толстого отъ 3-го января 1878 г.

P. S. Фетъ переводитъ Фауста и чудесно переводитъ. Я радъ, что онъ нашелъ себѣ дѣло и вообще все больше и больше его люблю. Прямой и добрый человѣкъ.

148. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[30-го ноября 1880 г. Ясная-Поляна].

Николай Николаичъ.

Пожалуйста, не пересылайте мнѣ денегъ, а положите ихъ куда-нибудь въ банкъ, а 100 р. передайте Любовь Александровнѣ Берсъ Васильевск. Островъ, Средній проспектъ домъ № 1, кв. 9. Я былъ очень радъ получить ваше послѣднее письмо; очень люблю получать ваши письма.

Будьте въ такомъ же духѣ.

Вашъ Л. Т.

На письмѣ помѣтка Страхова: 30 Ноября 1880, Ясная.

149. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

1880 г. 25 дек. Спб.

Съ праздникомъ, безцѣнный Левъ Николаевичь! Сегодня празднуется рожденіе Того, ученіе котораго Вы истолковываете. Я все колебался, проситься или не проситься къ вамъ на эти праздники, колебался потому, что шаталось мое здоровье, да и шатается до сихъ поръ. Прійдется остаться дома. Но хоть мнѣ и грустно смотрѣть на себя какъ на хвораго старика, болѣзнь эта явно мнѣ на пользу: я смирнѣе и спокойнѣе, такъ спокойнѣе, какъ давно себя не помню. Болѣзнь—великое дѣло. Теперь умираетъ на моихъ глазахъ одна дама, Шестакова [1]), вдова моего покойнаго пріятеля. При первыхъ посѣщеніяхъ я пришелъ въ ужасъ: шестидесятилѣтняя старуха вела себя избалованною десятилѣтнею дѣвочкой, капризничала, злилась, вооружала противъ себя самыхъ добрыхъ людей. И такъ-то прійдется умирать! И человѣкъ къ концу жизни можетъ сдѣлаться гаже и гаже, хуже, чѣмъ былъ всю жизнь! Тутъ меня поразило то отсутствіе всякихъ серьезныхъ мыслей, въ которомъ мы живемъ. Она какъ будто никогда не слыхала, что нужно терпѣть, прощать, любить. Но болѣзнь взяла наконецъ свое: въ послѣднія посѣщенія я замѣтилъ, что она смягчилась, невольно стала кроткою и спокойною. Вотъ гдѣ на мѣстѣ былъ бы проповѣдникъ: въ сущности мы живемъ и умираемъ язычниками, а не христіанами.

Съ Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ [2]) у насъ идутъ постоянные

---

[1]) См. выше, въ письмѣ отъ 14-го сентября 1879 г.

[2]) Шеншинымъ-Фетомъ.

споры, которые впрочемъ затѣваетъ и поддерживаетъ онъ, а не я. Ему нужно поставить въ честь, что онъ такъ горячо занятъ этимъ вопросомъ, вопросомъ спасенія; онъ чувствуетъ, что дѣло важное и что нужно, необходимо добиться рѣшенія. Но принимается за дѣло онъ пока очень дурно: онъ упирается, горячится и ораторствуетъ a prioгi, вмѣсто того, чтобы добиваться пониманія въ чемъ дѣло.

Тутъ наконецъ и въ разговорахъ, и въ печати толкуютъ объ Вашихъ занятіяхъ. Суворинъ выразился съ приличною терпимостію; но общій приговоръ одинъ: жаль, что Вы не пишете романовъ, а занимаетесь дѣломъ отжившимъ, похороненнымъ, исчерпаннымъ и никому не нужнымъ и не интереснымъ. Право, мы одичали. Я недавно читалъ Евангеліе съ толкованіями Lamennais, изданное передъ революціей 1848. Эти толкованія очень слабы и явно говорятъ такъ: я не стану толковать объ глупостяхъ въ родѣ возрожденія, а укажу только, что любовь требуетъ уравненія правъ и имуществъ, что тогда уничтожатся бѣдствія и на землѣ настанетъ процвѣтаніе, какого еще не бывало. И это говоритъ духовное лицо, глубоко религіозный человѣкъ! А Фетъ меня увѣряетъ, что всѣ знаютъ смыслъ, который Вы нашли.

Скажите Аѳанасію Аѳанасьевичу (онъ будетъ у Васъ), что я напишу ему въ Москву, что Шопенгауэръ пошелъ очень хорошо, что я объявилъ о немъ въ трехъ газетахъ. Надѣюсь Фетъ привезетъ мнѣ много извѣстій объ Васъ и объ Вашихъ. Предполагаю, что все благополучно, а навѣрное знать еще лучше.

Я все въ попыхахъ. Фетъ прислалъ своего Фауста, изъ типографіи сыплются корректуры Ланге, Исторія Матеріализма [1]), а потомъ еще и еще разныя разности. Моя несчастная статья никакъ не подвигается. Но въ умѣ моемъ она становится все серьезнѣе и серьезнѣе.

Былъ у меня Вячеславъ Андреевичъ и очень жаловался на Университетъ, на холодный, враждебный духъ, который тамъ царствуетъ. На праздникахъ побываю у Любовь Александровны [2]). Пока, простите. Отъ души желаю Вамъ всего, всего, что хорошо въ Вашемъ смыслѣ. Графинѣ усердное почтеніе. Сережу хочу просить, не вызовется ли онъ написать мнѣ иногда нѣсколько строкъ вмѣсто Васъ? И всѣмъ кланяюсь, а передъ Василіемъ Ивановичемъ [3]) каюсь, что не прочелъ ему своей статьи, когда можно было. Послѣ ужъ догадался.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

---

[1]) Переводъ Страхова: Фридрихъ-Альбертъ Ланге. „Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время“, С.-Пб. 1881—1883, 2 т., изд. Л. Ѳ. Пантелѣева.

[2]) Берсъ, тещи Толстого.

[3]) Алексѣевъ, учитель графа Сергѣя Львовича Толстого. См. выше.

150. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[30-го декабря 1880 г. Ясная Поляна].

Не стою я, дорогой Николай Николаичъ, такихъ писемъ какъ ваши два послѣдніе тѣмъ что не написалъ вамъ давно, стою только той душевной радостью, которую они доставляютъ мнѣ.

Пожалуйста напишите мнѣ подробнѣе о вашемъ нездоровьи. Я такъ и не знаю что у васъ. По послѣднему письму я думалъ, что вамъ лучше. Хоть вы и сами не любите лечиться, всетаки не залечивайтесь. Искушеніе у васъ сильно—докторовъ много знакомые. Если бы я былъ въ городѣ, я навѣрно бы лечился а вотъ не лечусь и все тоже. Радуюсь тому что статья ваша разростается и понимаю это и желаю этаго и прошу васъ работать побольше надъ дѣломъ, а не надъ пустяками какъ переводы и особенно эта дребедень изъ дребеденей Фаустъ Гете. Фетъ напомнилъ мнѣ его.

Да еще получилъ отъ васъ вѣсточку—предисловіе къ Шопенгауеру—послѣдняя страница превосходна.—А 4 корня вѣдь я такъ и не понимаю и боюсь, что и Шопенгауеръ не понималъ ихъ когда писалъ—мальчикомъ, а потомъ когда выросъ большой, не хотѣлъ отречься.

Судя по вашимъ письмамъ у васъ на душѣ очень хорошо. И это удивительно для меня—въ Петербургѣ.—Какъ получу ваше письмо такъ захочется ужасно васъ увидать.

Давайте мечтать что на маслянницѣ, если будемъ живы здоровы, вы пріѣдете къ намъ. Я бы пріѣхалъ къ вамъ если бы вы жили гдѣ нибудь одни; но [въ] Петербургъ для меня что то страшное и гадкое, не по мыслямъ но чувству прямо противно. Я бы такъ и ждалъ васъ и пригонялъ свои занятія, чтобы быть болѣе свободнымъ.

У насъ все—очень хорошо. Каждый день удивляюсь своему счастью. Работа идетъ ровно. Могу сказать что я на половинѣ. И рядомъ съ работой все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится. Обнимаю васъ.

Вашъ Л. Толстой.

Хвалю ваше предисловіе Шопенг. но не согласенъ, что пессимизмъ есть основная черта религіознаго настроенія.

— Если случится, что вамъ безъ труда можно пріобрѣсти книгу о Филонѣ [1]), или его сочиненія—такую книгу, чтобы дала ясное понятіе о немъ, то достаньте пожалуйста и пришлите.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 30 дек. 1880. Ясная.

---

[1]) Философъ I вѣка по Р. Х., Филонъ Александрійскій или Филонъ-іудей. Написанныя на греческомъ языкѣ сочиненія его были изданы въ Лейпцигѣ въ 1851—1854 г., а нѣкоторыя вновь найденныя—Тишендорфомъ.

151. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Чувство ужасной пустоты, безцѣнный Левъ Николаевичь, не оставляетъ меня съ той минуты, когда я узналъ о смерти Достоевскаго [1]). Какъ будто провалилось полъ-Петербурга, или вымерло полъ-литературы. Хоть мы не ладили все послѣднее время, но тутъ я почувствовалъ, какое значеніе онъ для меня имѣлъ: мнѣ хотѣлось быть передъ нимъ и умнымъ и хорошимъ, и то глубокое уваженіе, которое мы другъ къ другу чувствовали, не смотря на глупыя размолвки, было для меня, какъ я вижу, безконечно дорого. Ахъ, какъ грустно! Не хочется ничего дѣлать, и могила, въ которую придется лечь, кажется вдругъ близко подступила и ждетъ. Все суета, все суета!

Въ одно изъ послѣднихъ свиданій я высказалъ ему, что очень удивляюсь и радуюсь его дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ онъ одинъ равнялся (по вліянію на читателей) нѣсколькимъ журналамъ. Онъ стоялъ особнякомъ, среди литературы почти сплошь враждебной, и смѣло говорилъ о томъ, что давно было признано за соблазнъ и безуміе. Зрѣлище было такое, что я изумлялся, несмотря на все свое охлажденіе къ литературѣ.

Но кажется именно эта дѣятельность сгубила его. Ему показался очень сладокъ восторгъ, который раздавался при каждомъ его появленіи, и въ послѣднее время не проходило недѣли, чтобы онъ не являлся передъ публикою. Онъ затмилъ Тургенева и наконецъ самъ затмился. Но ему нуженъ былъ успѣхъ, потому что онъ былъ проповѣдникъ, публицистъ еще больше, чѣмъ художникъ.

Похороны были прекрасныя; я внимательно смотрѣлъ и распрашивалъ—почти ничего не было напускнаго, заказнаго, формальнаго. Изъ учебныхъ заведеній было столько вѣнковъ, что казалось ихъ принесли по общему приказу; а между тѣмъ все это дѣлалось по собственному желанію.

Бѣдная жена не можетъ утѣшиться, и мнѣ ужасно грустно было, что я не съумѣлъ ей ничего сказать. „Если бъ еще у меня была горячая вѣра...“ сказала она— — —

Теперь мнѣ задали трудную задачу, вынудили, взяли слово, что я скажу что-нибудь о Достоевскомъ въ Сл. Комитетѣ [2]) 14-го Фев-

---

[1]) Достоевскій скончался 28-го января 1881 г. Страховъ впослѣдствіи написалъ свои о немъ воспоминанія, напечатанныя при I томѣ посмертнаго полнаго собранія сочиненій Достоевскаго (С.-Пб. 1883), стр. 170—329. Крайне рѣзкій отзывъ Страхова о Достоевскомъ см. ниже, въ его письмѣ къ Толстому отъ 28-го мая 1883 г.; любопытно сравнить его съ его же рѣчью и воспоминаніями.

[2]) Рѣчь Страхова о Достоевскомъ была, дѣйствительно, сказана имъ въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 14-го февраля;

раля. По счастію мнѣ пришли кой-какія мысли, и я постараюсь попроще и пояснѣе отбыть свой долгъ передъ живыми и передъ мертвымъ. Прошу у Васъ позволенія сослаться на Ваше письмо, гдѣ Вы говорите о Мертвомъ Домѣ. Я сталъ перечитывать эту книгу и удивился ея простотѣ и искренности, которой прежде не умѣлъ цѣнить.

Простите, дорогой Левъ Николаевичь; не забывайте, не покидайте меня.

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

P. S. А что же требованіе книги? Его можно устроить такъ:

Многоуважаемый
Н. Н.

Прошу Васъ, пришлите мнѣ, если можно, изъ Публичной Библіотеки сочиненія Филона Іудея [1]) въ подлинникѣ и пр. и пр.; я возвращу ихъ черезъ два мѣсяца.

1881 3 Февр. Спб.

152. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову. [2])

[Начало февраля 1881 г. Ясная Поляна.]

... Какъ бы я желалъ умѣть сказать все, что я чувствую о Достоевскомъ! Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ.— —

И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искус-

---

она напечатана была въ Аксаковской „Руси“ 1881 г., № 16; вошла также и въ книгу: „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славанскаго Благотворительнаго Общества“, С.-Пб. 1883, стр. 653—658. Рѣчь свою Страховъ заключилъ прочтеніемъ отрывка изъ письма Толстого къ нему, которое цѣликомъ намъ неизвѣстно (см. слѣд. письмо).

[1]) См. въ концѣ письма № 150.

[2]) Печатается по тексту „Руси“ 1881 г., № 16 (28-го февраля), стр. 18; напечатано также въ книгѣ „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, С.-Пб. 1883 г., стр. 658; приведенный отрывокъ приведенъ въ концѣ рѣчи Страхова, произнесенной имъ въ засѣданіи Общества 14-го февраля 1881 г.: „Приведу еще нѣсколько строкъ изъ письма, полученнаго мною на-дняхъ отъ Л. Н. Толстого. Его здѣсь нѣтъ, но пусть и онъ участвуетъ въ нашихъ поминкахъ“,—такъ заключилъ свою рѣчь Страховъ.

ство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца—только радость. Я его такъ и считалъ своимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю—умеръ! Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и я плакалъ и теперь плачу. На-дняхъ, до его смерти, я прочелъ «Униженные и Оскорбленные» и умилялся...

153. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

6-го марта 1881 г. Петербургъ.

Какой ударъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Я до сихъ поръ не нахожу себѣ мѣста и не знаю, что съ собой дѣлать. Безчеловѣчно убили старика, который мечталъ быть либеральнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ царемъ въ мірѣ [1]). Теоретическое убійство, не по злобѣ, не по реальной надобности, а потому что въ идеѣ это очень хорошо. Меня все раздражаетъ: и спокойствіе. и злорадство. и даже сожалѣнія——Нѣтъ, мы не опомнимся; вѣдь не опомнились же французы? Гюго въ послѣдней поэмѣ увѣряетъ, что все идетъ къ лучшему; поэма называется О с е л ъ. Нужны ужасныя бѣдствія, опустошенія цѣлыхъ областей, пожары, взрывы цѣлыхъ городовъ, избіеніе милліоновъ, чтобы опомнились люди. [Это] А теперь только цвѣточки.

Пишу къ Вамъ наскоро, чтобы только поблагодарить Васъ за милое гостепріимство, чтобы отдохнуть немножко душою, думая объ Васъ. Что Соловьевъ? [2]) Чѣмъ кончились Ваши разговоры? Напишите хоть коротенько, потому что самъ онъ, хоть вовсе не скрытенъ, не умѣетъ толкомъ разсказывать. За такимъ дѣломъ какъ Ваше, Вы можете продолжать трудиться, хотя бы міръ рушился.

Въ Москвѣ больше всего мнѣ понравился Юрьевъ [3]). Въ Аксаковѣ [4]) есть что-то сухое или важное—не разберу. У Голохвастовыхъ [5]), какъ всегда, было пріятно и немножко скучно. А Юрьевъ такъ и залилъ меня воодушевленными рѣчами. Между прочимъ онъ составилъ философскую формулу развитія Л. Н. Толстаго и объяснялъ мнѣ фазисъ, въ которомъ теперь находится это развитіе. Мнѣ было странно слышать языкъ, который я самъ когда то любилъ, но отъ котораго, какъ оказывается, давно отвыкъ, хоть я и не переставалъ заниматься философіею.

---

[1]) Убійство Императора Александра II 1-го марта 1881 г.

[2]) Владиміръ Сергѣевичъ.

[3]) Сергѣй Андреевичъ; о немъ см. выше.

[4]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ (ум. 27-го января 1886 г.), издававшій въ это время извѣстную газету „Русь“.

[5]) П. Д. и О. А. Голохвастовы, жившіе въ г. Воскресенскѣ; о нихъ см. выше.

Все суета! Все суета! Я немножко понимаю ужасъ, съ которымъ Вы когда-то говорили о повѣшенныхъ. Мы очень тупы, очень тупы! Бездна ужаса, случайности, ничтожества, постоянно зіяетъ прямо передъ нашими глазами. Но умѣемъ же мы отвертываться и танцовать на самомъ краю.

Ахъ, какъ тяжело, и стыдно. Не могу отдѣлаться отъ чувства, что я виноватъ.

P. S. Пріѣзжалъ вчера Соловьевъ, очень интересный. Мы сговорились когда хорошенько поговорить объ Васъ. Думаю, что Ваше вліяніе было для него благотворно.

Я здоровъ какъ нельзя лучше и надѣюсь еще поздоровѣть.

Усердно благодарю Графиню и кланяюсь. Василію Ивановичу [1]) мой поклонъ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1881 г. 6 Марта Спб.

154. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

17-го марта 1881 г. Ясная-Поляна.

Дорогой Николай Николаевичъ,

Заказное письмо которое вы получите это [мое] письмо отъ меня къ Государю [2]). Хорошо ли дурно, но меня такъ неотвязно мучила мысль что я обязанъ передъ своей совѣстью написать Государю то что думаю, что я мучался недѣлю — писалъ, передѣлывалъ и вотъ посылаю письмо. Мой планъ такой: письмо къ Государю и письмо которое при этомъ приложено вы—если вы здоровы и можете и хотите это сдѣлать, вы передадите, или лично, или хоть перешлете къ Побѣдоносцеву. Если вы увидите Побѣдоносцева, то скажите ему, то что мнѣ неловко писать, что если бы было возможно передать это письмо или мысли, которыя оно содержитъ, не

---

[1]) Алексѣевъ.

[2]) Письмо Толстого къ Императору Александру III, въ той редакціи, въ которой оно было послано Страхову, въ печати неизвѣстно; первоначальная же его редакція напечатана въ біографіи Толстого, написанной П. И. Бирюковымъ (т. II, стр. 363—373), гдѣ на стр. 373—374 разсказана исторія странствованія письма, которое Побѣдоносцевъ отказался передать Государю и вернулъ его Страхову, а Толстому написалъ письмо (лишь 15-го іюня 1881 г.) съ объясненіемъ причинъ своего отказа. Тогда Страховъ передалъ письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину, который вручилъ его Великому Князю Сергію Александровичу; послѣдній передалъ его по назначенію, но, какъ извѣстно, оно успѣха не имѣло, и казнь надъ убійцами была совершена. Письмо Толстого помѣщено также и въ сборникѣ П. А. Сергѣенко, т. II, стр. 60—70.

называя меня, то это бы было то чего я больше всего желаю, разумѣется это только въ томъ случаѣ, если нѣтъ никакой опасности въ представленіи этаго письма. Если же есть опасность, [и н] то я разумѣется прошу [назвать] передать отъ моего имени.

Письмо вышло нехорошо. Я написалъ сначала проще и было хотя и длиннѣе но было сердечнѣе, какъ говорятъ мои и я самъ это знаю, но потомъ люди знающіе приличія вычеркнули многое— весь тонъ душевности изчезъ и надо было брать логичностью и оттого оно вышло сухо и даже непріятно. Ну что будетъ то будетъ. Я знаю что вы поможете мнѣ и впередъ благодарю васъ и обнимаю.

Вашъ Л. Толстой.

Приписка графини Софіи Андреевны Толстой:

Многоуважаемый Николай Николаевичъ, несмотря на всѣ мои просьбы и уговоры, Левъ Николаевичъ рѣшился послать письмо къ Государю. Но оно послано на ваше имя съ просьбой передать Побѣдоносцеву, который въ свою очередь, передастъ Государю. Просьба моя къ вамъ слѣдующая: прочтите письмо, разсудите сами и потомъ спросите мнѣніе Побѣдоносцева, не можетъ ли это письмо вызвать въ Государѣ какія-нибудь непріятныя чувства или недоброжелательство къ Льву Николаевичу. Въ такомъ случаѣ, ради Бога не допускайте письма до Государя. Меня, отдаленную отъ свѣта, все это крайне тревожитъ, и я всетаки рада, что письмо пройдетъ черезъ ваши мудрыя и дружескія руки.

Преданная вамъ С. Толстая.

На письмѣ помѣтка Страхова: 17 марта 1881. Ясн.

155. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[3-го апрѣля 1881 г. Ясная Поляна].

Простите ради Бога, дорогой Николай Николаичъ, что измучилъ васъ. Я тоже измучился. Хорошо ли дурно ли письмо [1]), мнѣ нужно было для души моей — послать его. Надѣюсь, что теперь оно отослано. Главное замѣшалась жена и ея страхи, очевидно не имѣющіе никакого основанія. — Что послѣ своего письма я не сдѣлаю придворной карьеры это такъ, но опасности, какъ она говоритъ, очевидно не можетъ быть.—Побѣдоносцевъ ужасенъ. Дай Богъ чтобы онъ не отвѣчалъ мнѣ и [я бы] чтобы мнѣ не было искушенія вы-

[1]) Къ Императору Александру III.

разить ему мой ужасъ и отвращеніе передъ нимъ [1]).—Не могу писать о постороннемъ пока не рѣшено то страшное дѣло которое виситъ надъ всѣми нами.

Напишу вамъ скоро. Пожалуйста, простите, что измучилъ васъ.—Молодецъ Соловьевъ [2]). Когда онъ уѣзжалъ я сказалъ ему: дорого то что мы согласны въ главномъ, въ нравственномъ ученіи и будемъ дорожить этимъ согласіемъ. Благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ, а я не могу не любить васъ и [не] дорожу очень нашимъ согласіемъ.

Вашъ

Л. Т.

На письмѣ пометка Страхова: 3 апр. 1881. Ясн.

156. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

7-го апрѣля 1881 г. Петербургъ.

Я опустилъ Ваше письмо въ ящикъ тотчасъ, какъ получилъ телеграмму [3]), безцѣнный Левъ Николаевичь. Вотъ и все, что могу сказать Вамъ; оно могло еще поспѣть, и если не поспѣло (что, я думаю, не измѣнило бы дѣла), то не по моей винѣ. Вообще нужно сказать, что у насъ нехорошо: первое впечатлѣніе прошло, но осталось чувство тревоги и ожиданія. И хорошо бы, если бы мы уже не засыпали! Если бы мы не заснули, если бы наконецъ поворотили съ нашей дороги, то можно бы было по крайней мѣрѣ сказать, что ударъ не прошелъ даромъ.

Нарочно заходилъ въ Библіотеку за Вашимъ письмомъ. Нѣтъ, Ваши ожиданія не сбылись, а у меня и не было никакихъ ожиданій. Разскажу Вамъ объ Государѣ. Замѣчательно было, что онъ не назначилъ ни Верховнаго Суда, ни Военнаго, а велѣлъ, чтобы дѣло шло обыкновеннымъ порядкомъ, то есть въ Особомъ Присутствіи Сената. Этотъ порядокъ учрежденъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Точно такъ и въ другихъ дѣлахъ говорятъ Государь по-

---

[1]) Письмо Побѣдоносцева къ Толстому, писанное 15-го іюня, уже послѣ казни, напечатано въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 373—374.

[2]) В. С. Соловьевъ 28-го марта прочелъ въ залѣ Кредитнаго Общества публичную лекцію о смертной казни, которую закончилъ смѣлыми словами о томъ, что Царю, въ силу высшей правды, слѣдуетъ простить убійцъ. Вслѣдствіе этого Соловьевъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга, послѣ чего вышелъ въ отставку изъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ состоялъ членомъ (Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе, Спб. 1913, стр. 17).

[3]) Она неизвѣстна.

стоянно спрашиваетъ: а какъ по закону? и такъ и рѣшаетъ. Поэтому судили очередные сенаторы по обыкновеннымъ формамъ.

Казнь и слухи объ ней были очень тяжелы. Сегодня я случайно заглянулъ въ газеты и признаюсь разсердился на безсердечную наглость, съ которою эксплуатируется событіе 1-го марта. Нѣтъ, добра ждать невозможно.

Въ подарокъ на Свѣтлый Праздникъ посылаю Вамъ книгу, какую, теперь не скажу. Я ужасно доволенъ, что мнѣ она попалась; когда развернете, увидите, что за сокровище.

Мое душевное почтеніе Графинѣ, и если нужно и съ моей стороны увѣреніе, то передайте, что я и съ самаго начала не предвидѣлъ никакой опасности; мнѣ видно это было по всему складу нравовъ вокругъ. Говорятъ, (Побѣдоносцевъ), что Государь получаетъ множество писемъ и что все самъ читаетъ. Ваше же письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь, содержитъ столько чувства и горячаго желанія добра, что не могло произвести дурнаго впечатлѣнія. Другое дѣло рѣчь Соловьева; вотъ уже было не по христіански сказано на христіанскую тему. Соловьевъ вообще говоритъ какъ не живой, какъ будто у него одна голова, а сердца нѣтъ, еще не выросло. Признаюсь, я тутъ много слушалъ всякихъ рѣчей, но только въ рѣчи Аксакова [1]), да еще Кояловича [2]) прозвучало нѣсколько грудныхъ нотъ, а то все фальцетъ.

Простите, что опять дурно пишу. Я недоволенъ и своими Письмами объ нигилизмѣ [3]). И только однимъ доволенъ—своимъ здоровьемъ. Особенно меня радуютъ глаза; они, кажется, становятся даже зорче.

Простите. Если напишете на праздникахъ, то адресуйте—у Торговаго Моста, д. Стерлигова; я праздники очень аккуратно наблюдаю—и не заглядываю въ Библіотеку. Отъ всей души желаю Вамъ всякой радости; весна стоитъ чудесная, и въ Ясной Полянѣ должно быть очень хорошо. Василію Ивановичу [4]) мое почтеніе. Видѣлъ

---

[1]) Рѣчь въ память Имп. Александра II, сказанная И. С. Аксаковымъ въ засѣданіи Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ) 22-го марта 1881 г.

[2]) Рѣчь Михаила Осиповича Кояловича, посвященная памяти Имп. Александра, была произнесена въ томъ же засѣданіи, гдѣ выступали еще: К. К. Случевскій — со стихотвореніемъ, В. А. Кокоревъ, А. Н. Майковъ (стихотвореніе) и О. Ѳ. Миллеръ. Рѣчь Кояловича напечатана въ № 21 „Руси“ за 1881 г.

[3]) Напечатаны были въ „Руси“ Аксакова 1881 г., № 23, 24, 25, 27 и вошли въ сборникъ статей Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, т. 2.

[4]) Алексѣеву. Письма къ нему Толстого напечатаны въ сборникѣ П. А. Сергѣенко.

здѣсь князя Урусова [1])—онъ былъ на лекціи Соловьева и потомъ у гр. Толстой [2]); онъ все тотъ же и говоритъ мало новаго.

Вашъ всею душою

1881. 7 апр. Спб. Н. Страховъ.

157. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

4-го мая 1881 г. Петербургъ.

Большая къ Вамъ просьба, безцѣнный Левъ Николаевичъ: прошу Васъ, читайте мои Письма [3]), которыя начались въ Руси, и скажите мнѣ Ваше сужденіе. Я знаю, что Вы попадете какъ разъ на самое существенное. Князь (которому усердно кланяюсь) [4]) найдетъ Вамъ Русь въ Тулѣ, а я не имѣю возможности прислать Вамъ—оттисковъ газеты не даютъ. Меня ужъ и хвалятъ, и молчатъ, и бранятъ, но безъ Вашего отзыва я не буду удовлетворенъ.

Какъ живо мнѣ вспомнился при этомъ Достоевскій! Онъ былъ мой усерднѣйшій читатель, очень тонко все понималъ и не прочиталъ только Писемъ о спиритизмѣ, потому что былъ въ этомъ вопросѣ такъ раздраженъ, что не въ силахъ былъ читать.

Не думайте, что во мнѣ очень заговорило литературное самолюбіе; нѣтъ, я кажется уже успѣлъ нѣсколько его укротить. Предвижу бѣду: съ новымъ царствованіемъ начались затѣи новыхъ журналовъ; меня уже звали въ одну газету, имѣющую возникнуть, да въ одинъ толстый журналъ. Все это въ наилучшемъ славянофильскомъ духѣ, но я буду упираться всѣми силами.

Общее состояніе Петербурга теперь довольно сносно: стало очень тихо и серьозно. Можно порадоваться, что не дѣлается никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, и что ярость преобразованія Россіи находитъ нѣкоторую остановку и нѣсколько утихаетъ. Существенныя дѣла дѣлаются неотложно: смѣненъ Сабуровъ [5]), сняты недоимки и т. п. Образъ новаго Царя, составляющійся въ нашихъ головахъ, право не дуренъ: что-то простое, серьозное, печальное и спокойное.

Уже больше недѣли, какъ начато это письмо; но потомъ я заторопился со своимъ нигилизмомъ [6]), да простудился и раскисъ; сегодня сижу дома и жду доктора, хоть мнѣ и легче.

---

[1]) Вѣроятно, князь Сергѣй Семеновичъ Урусовъ (см. выше, стр. 213).

[2]) Графиня С. А. Толстая, вдова поэта (см. выше).

[3]) „Письма о нигилизмѣ“; см. въ предыдущемъ письмѣ.

[4]) Князь Леонидъ Дмитріевичъ Урусовъ, Тульскій вице-губернаторъ (1876—1885), другъ и послѣдователь Толстого, который въ 1885 г. возилъ его, больного, въ Крымъ.

[5]) Андрей Александровичъ Сабуровъ, кратковременный Министръ Народнаго Просвѣщенія, нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта.

[6]) Т. е., съ работой надъ „Письмами о нигилизмѣ“.

Мои сожители [1]) уже уѣхали въ Крымъ; теперь я въ совершенномъ уединеніи, — по цѣлымъ днямъ полнѣйшая тишина, и я могу считать себя пустынно-жителемъ. Я привыкъ къ этому и провожу иногда очень пріятные и спокойные часы. Но мои письма меня огорчили. Писать было ужасно тяжело, и чувствую, что выходитъ не совсѣмъ то, что хотѣлъ. А такъ ясно и горячо было задумано! Теперь я остановлюсь, но отдохнувши, думаю еще написать четыре-пять писемъ. Юрьевъ [2]) по поводу перваго письма прислалъ мнѣ восторженную и совершенно-отвлеченную похвалу.

Затѣмъ у меня еще работа—корректуры Исторіи Матеріализма, Ланге [3]), переводъ подъ моимъ наблюденіемъ,—книга, очень дурно написанная, но прелюбопытная. Да кончить статью о Физіологіи. Вотъ мои планы на лѣто: простите, что разсказываю Вамъ ихъ, предполагая, что они Вамъ нѣсколько интереены.

Съ Фетомъ мы чуть ли не поссоримся изъ за «Фауста» [4]); онъ прислалъ мнѣ письмо съ упреками прямыми, косвенными, скрытыми, вовсе непонятными и всякими, какіе только возможно. Если бы я не зналъ его доброты и прямоты, меня бы огорчила эта безпорядочная игра фантазіи. Но видно, что «Фаусту» неудача: если онъ упрямится и не хочетъ поправлять, то какая охота браться за работу, за которую я безъ того не взялся бы. Ахъ, трудно жить съ людьми!

Предполагаю, что Вы читаете, читаете и задаете себѣ вопросъ: ну, а гдѣ же его душа? Скажу Вамъ, какъ сумѣю.

Душа моя—въ исправленіи помаленьку моихъ недостатковъ, которыхъ, какъ Вы знаете по моей исповѣди, у меня много. Я чувствую, что по немногу наступаетъ во мнѣ миръ,—и не могу Вамъ выразить, какъ отрадны мнѣ даже неполныя, временныя ощущенія этого мира. Стану всѣми силами стремиться къ этому миру—путь уже мнѣ извѣстенъ и меня ничто не собьетъ съ него. Доброта и спокойствіе—качества старости, какъ я читалъ въ одной матеріалистической физіологіи.

А что у Васъ дѣлается? Дайте хоть маленькую вѣсточку, а объ Письмахъ пожалуй хоть ничего не пишите. Мое почтеніе Графинѣ и усердный поклонъ всѣмъ, Василію Ивановичу [5]), Сережѣ, Ильюшѣ [6]). Выздоровѣю,—непремѣнно добьюсь отъ Побѣдоносцева,

---

[1]) Д. И. Стахѣевъ съ женою.

[2]) Сергѣй Андреевичъ, о коемъ см. выше. Въ изданномъ въ 1891 году сборникѣ „Въ память С. А. Юрьева“ (М.) появилась впервые комедія Толстого „Плоды просвѣщенія“.

[3]) См. выше, стр. 264.

[4]) Т. е., изъ-за перевода „Фауста“, сдѣланнаго Фетомъ.

[5]) Алексѣеву.

[6]) Сыновья Толстого.

какое впечатлѣніе на Государя сдѣлало Ваше письмо и Соловьевъ [1]). Новый манифестъ [2]) производитъ кутерьму, раздраженіе нелѣпое, безтолковое, отвратительное по безсмысленности. Я видѣлъ однажды, что въ вагонѣ, когда стало вдругъ ярко свѣтить солнце, пассажиры стали опускать занавѣски. Увидѣвши это, одинъ пассажиръ, сидѣвшій на другой сторонѣ, тоже поспѣшно бросился спускать занавѣску, [но] и только спустивши замѣтилъ, что солнце съ его стороны не свѣтитъ, и поднялъ занавѣску. Такова, я думаю, вся наша интеллигенція.

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

1881 г. 4 Мая Спб.

158. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[5-го мая 1881 г. Ясная Поляна].

Собрался совсѣмъ писать вамъ, дорогой Николай Николаичъ, но получилъ второй нумеръ «Руси», въ кот. ваша статья [3]) и рѣшилъ прежде прочесть.

Мнѣ не понравилась ни первая, ни вторая статья.

Какъ и почему, — поговоримъ, когда увидимся. — Пожалуйста, преодолѣйте же непріязненное чувство, к. вызоветъ въ васъ ко мнѣ за то, что я сказалъ, что мнѣ не нравится.

Очень вамъ благодаренъ за Филона [4]). Позвольте имъ попользоваться, но пожалуйста не отдавайте его мнѣ. Я съ трудомъ могу понять, что это драгоцѣнность, такъ что не въ коня кормъ. Простите и будьте добры ко мнѣ попрежнему.

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 5 мая 1881. Ясн.

159. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

25-го мая 1881 г. Петербургъ.

Сегодня нѣтъ корректуръ, и ни на какой прощальный вечеръ не нужно идти, и больныхъ посѣщать не требуется,—значитъ нужно и должно писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Я все

---

[1]) Т. е., рѣчь В. С. Соловьева о смертной казни (см. выше).

[2]) Манифестъ Имп. Александра III отъ 29-го апрѣля 1881 г. съ призывомъ „къ искорененію гнусной крамолы“ и съ указаніемъ на принятое Императоромъ рѣшеніе утверждать и охранять для блага народнаго самодержавную власть, съ вѣрою въ силу ея истины.

[3]) Второе „Письмо о нигилизмѣ“.

[4]) См. выше, стр. 265.

поджидалъ письма отъ Васъ, думалъ что Вы смилуетесь, и послѣ третьяго или четвертаго Письма объ нигилизмѣ скажете мнѣ хоть въ нѣсколькихъ словахъ Ваше мнѣніе. «Непріязненнаго чувства», которое Вы просите прогнать, я, конечно, не [имѣлъ] испыталъ ни малѣйшаго. Но сталъ я вспоминать наши разговоры прошлымъ лѣтомъ, когда мы не соглашались, и много думалъ, но не придумалъ, въ чемъ и какъ выразится Ваше неодобреніе. Написалъ я, конечно, очень дурно, потому что не выразилъ и сотой доли того, что хотѣлъ, а то, что выразилъ, сказалъ въ сто разъ холоднѣе, чѣмъ думалъ. Не хватило и, можетъ быть, никогда уже не хватитъ прежней силы. Но тема меня увлекла. Этотъ міръ я знаю давно, съ 1845 года, когда сталъ ходить въ Университетъ. Петербургскій людъ съ его складомъ ума и сердца и семинарскій духъ, подарившій намъ Чернышевскаго, Антоновича, Добролюбова, Благосвѣтлова, Елисѣева и пр.—главныхъ проповѣдниковъ нигилизма—все это я близко знаю, видѣлъ ихъ развитіе, слѣдилъ за литературнымъ движеніемъ, самъ пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лѣтъ я ищу въ этихъ людяхъ, въ этомъ обществѣ, въ этомъ движеніи мыслей и литературы—ищу настоящей мысли, настоящаго чувства, настоящаго дѣла—и не нахожу, и мое отвращеніе все усиливается, и меня беретъ скорбь и ужасъ, когда вижу, что въ эти тридцать шесть лѣтъ только это растетъ, только это дѣйствуетъ, только это можетъ надѣяться на будущность, а все другое глохнетъ и чахнетъ. Вы помните, какой отрадой были для меня Вы, въ какой восторгъ меня привела Война и Міръ. Но общій потокъ прошелъ мимо и возросталъ по-прежнему. Если бы Вы знали, что я чувствую тутъ, слушая нынѣшнія рѣчи и разсужденія, слѣдя за чувствами и поведеніемъ милыхъ моихъ Петербургцевъ! Одна уже привычка къ болтовнѣ, принимаемой за дѣло, одни уже непрерывныя умничанья, не содержащія капли ума, могутъ привести въ неистовство всякаго сколько-нибудь серьознаго человѣка.

А если у человѣка шевельнулось и серьозное чувство, то онъ готовъ будетъ возненавидѣть этихъ болтуновъ, говорящихъ съ простодушнѣйшимъ видомъ самыя отвратительныя вещи. Конечно, хорошіе, настоящіе нигилисты въ тысячу разъ выше этого общества, но, къ несчастію, они его плодъ, они приняли въ сурьезъ его бездушіе и пустомельство и исполняютъ его программу. Я не могу равнодушно думать о той исторіи, которая совершается передъ нами, объ этомъ извращеніи силъ и безплодной гибели. Это похоже на то, какъ если бы человѣкъ самъ себя рѣзалъ ножемъ въ куски или бился головой объ стѣну, воображая, что творитъ какой-то подвигъ, который принесетъ и всѣмъ, и ему и славу и благополучіе.

И вотъ я вздумалъ выразить чувства, зрѣвшія во мнѣ десятки лѣтъ, но выразить ихъ, какъ возможно проще, становясь только на

самыя незыблемыя точки зрѣнія, опираясь на такія нравственныя и умственныя основанія, которыя для всѣхъ несомнѣнны, всѣми признаются. Неужели мнѣ это не удалось? Смотрите, безцѣнный Левъ Николаевичь, не придайте моимъ словамъ какого-нибудь смысла, котораго въ нихъ нѣтъ! Я былъ очень остороженъ и кажется не [проговорился] обмолвился.

Недѣли три я болѣлъ и только сегодня чувствую себя какъ будто совсѣмъ здоровымъ. Сегодня же и первый теплый день нашего Мая

Нравственно за это время я тоже очень недоволенъ собою; были дни, когда я даже забывалъ обращаться лицемъ къ тому идеалу, съ котораго не нужно спускать глазъ; постараюсь это прекратить.

Простите меня и дайте мнѣ хоть маленькую поддержку. Вы знаете, какъ дорого мнѣ каждое Ваше слово; самое сердитое замѣчаніе меня не разсердитъ на Васъ, а было бы настоящимъ хлѣбомъ для голоднаго.

Надѣюсь, что у Васъ все очень хорошо въ Ясной Полянѣ; мое усердное почтеніе Графинѣ; прошу поклониться князю [1]), Василію Ивановичу [2]).

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1881 г. 25 Мая Спб.

160. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[28-го мая 1881 г. Ясная-Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ!

Вчера только получилъ и прочелъ ваши 3-ю и 4-ю статьи [3]). Эти двѣ мнѣ очень понравились, но, простите меня, именно тѣмъ, что онѣ отрицаютъ первыя. Въ первой статьѣ вы поставили вопросъ такъ: среди благоустроеннаго, хорошаго общества явились какіе то злодѣи, 20 лѣтъ гонялись за добрымъ Царемъ и убили его. Что это за злодѣи? И вы выставляете всѣ недостатки этихъ злодѣевъ во 2-й статьѣ.—Но, по мнѣ, вопросъ поставленъ неправильно. Нѣтъ злодѣевъ, а была и есть борьба двухъ началъ, и, разбирая борьбу съ нравственной точки зрѣнія, можно только обсуживать, какая изъ двухъ сторонъ болѣе отклонялась отъ добра и истины; а забывать про борьбу нельзя. Забывать можетъ только тотъ, кто самъ въ борьбѣ. Но вы обсуживаете. Другой упрекъ въ томъ, что для того, чтобы обсуживать, необходима твердая и ясная основа, съ высоты которой обсуживается предметъ.—Вы же выставляете основой «народъ».—Долженъ сказать, что въ послѣднее время слово

---

[1]) Л. Д. Урусову (см. выше, стр. 273).
[2]) Алексѣеву.
[3]) 3-е и 4-е „Письма о нигилизмѣ“ въ №№ 25 и 27 „Руси“.

это стало мнѣ также отвратительно, какъ слова:—церковь, культура, прогрессъ и т. п.—Что такое народъ. народность, народное міровоззрѣніе? Это ничто иное, какъ мое мнѣніе съ прибавленіемъ моего предположенія о томъ, что это мое мнѣніе раздѣляется большинствомъ русскихъ людей.—[и по] Аксаковъ, напримѣръ, наивно увѣренъ, что самодержавіе и православіе—это идеалъ народа. Онъ и не замѣчаетъ того, что самодержавіе извѣстнаго характера есть ничто иное, какъ извѣстная форма, совершенно внѣшняя, въ которой дѣйствительно въ недолгій промежутокъ времени жилъ русскій народъ. Но какимъ образомъ форма, да еще..., да еще явно обличившая свою несостоятельность, можетъ быть идеаломъ,—это надо у него спросить. Какимъ образомъ внѣшняя религіозная форма Греко-догматовъ вѣроисповѣданія—и уже очень несостоятельная и очень...—можетъ быть идеаломъ народа? Это надо у него спросить. Вѣдь это такъ глупо, что совѣстно возражать. Я буду утверждать, что я знаю Страхова и его идеалы, потому что знаю, что онъ ходитъ въ библіотеку каждый день и носитъ черную шляпу и сѣрое пальто. И что потому идеалы Страхова суть: хожденіе въ библіотеку и сѣрое пальто и страховщина. Случайныя двѣ, самыя внѣшнія формы—самодержавіе и православіе, съ прибавленіемъ народности, которая ничего не значитъ, выставляются идеалами! Идеалы Страхова—хожденіе въ библіотеку, сѣрое пальто и страховщина. Сказать: «я знаю народные идеалы» очень смѣло, но никому не запрещено. Это можно сказать, но надо сказать ясно и опредѣленно, въ чемъ я полагаю, что они состоятъ, и высказать дѣйствительно нравственные идеалы, а не блины на масляницѣ или православіе, и не мурмолку или самодержавіе.

Ошибка вашей статьи почти та же. Вы осуждаете во имя идеаловъ народа и не высказываете ихъ вовсе въ первыхъ двухъ статьяхъ и высказываете неопредѣленно для другихъ (для меня ясно) въ послѣднихъ статьяхъ. Въ послѣднихъ статьяхъ вы судите съ высоты христіанской и тутъ народъ ни при чемъ. И эта одна точка зрѣнія, съ которой можно судить. Народъ ни при чемъ. Сошелся этотъ какой то народъ съ [хр.] той точкой зрѣнія, какъ я считаю истинной,—тѣмъ лучше; не сошелся,—тѣмъ хуже для народа.—И какъ только вы стали на эту точку зрѣнія, то выходитъ совсѣмъ обратное тому, что было въ прежнихъ статьяхъ. То были злодѣи; а то явились тѣ же злодѣи единственными людьми, вѣрующими—ошибочно,—но все таки единственными вѣрующими и жертвующими жизнью плотской для небеснаго, т. е. безконечнаго.

Дорогой Николай Николаичъ. Богатому—красть, старому—лгать,—недолго мнѣ осталось жить, чтобы не говорить прямо всю правду людямъ, которыхъ я люблю и уважаю, какъ васъ.—Разберите, что я говорю, и если не правда,—укажите, а если правда, то

и мнѣ при случаѣ скажите такую же правду. Ваше молчаніе тяготило меня. Я дорожу и не перестану дорожить дружескимъ общеніемъ съ вами.

Что вы дѣлаете лѣтомъ? Ясная Поляна, какъ и всегда, раскрываетъ вамъ свои любящія объятія.—Надѣюсь, что вы, если выѣдете, то не минуете насъ и проживете—чѣмъ дольше, тѣмъ радостнѣй для насъ всѣхъ.—

Я живу постарому, росту и ближусь къ смерти все съ меньшимъ и меньшимъ сомнѣніемъ. Все еще работаю и работы не вижу конца.

Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 28 Мая 1881, Ясн.

161. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

12 іюня 1881 г. Петербургъ.

Вѣрно Сергѣй Николаевичъ [1]) уже уѣхалъ; онъ былъ два раза въ Библіотекѣ, и очень мнѣ жаль, что не удалось еще повидать его. Онъ мнѣ напомнилъ Ясную Поляну—и такъ живо, что захотѣлось все бросить и ѣхать къ Вамъ. Но вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, мои объясненія, которыя нужно Вамъ изложить, чтобы не показать равнодушія, котораго во мнѣ нѣтъ. Стахѣевы уѣхали въ концѣ Апрѣля, и вокругъ меня воцарилась тишина самая полная, восхитительная. Я чувствовалъ себя здоровымъ, спокойнымъ, и я подумалъ: передо мною три мѣсяца жизни совершенно пустыннической: я долженъ воспользоваться ими. Могу кончить свои работы о нигилизмѣ, о физіологіи, привести въ порядокъ свои книги, разобраться со всѣми своими дѣлами, въ которыхъ хожу, какъ въ тенетахъ. Кстати буду держать много корректуры, что такъ удобно лѣтомъ, когда много свѣта (я выправляю Исторію матеріализма, Ланге).

Перспектива работы соблазнила меня; меня томитъ бездѣлье, и вотъ я, не безъ борьбы и волненія, рѣшилъ выѣхать только въ Августѣ. Сказать ли, что изъ этого вышло? Пустынножительство удалось, припадки тоски прошли, но работа идетъ плохо, и это меня очень сокрушаетъ: если я не могу ничего сдѣлать при такихъ наилучшихъ условіяхъ, то нужно, значитъ, отказаться отъ мысли о работѣ. Какъ бы то ни было, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, но въ Іюнѣ я кончу свои Письма [2]), а въ Іюлѣ—Физіологію, и мнѣ все-таки будетъ легче жить на свѣтѣ.

---

[1]) Вѣроятно, братъ Толстого—графъ С. Н. Толстой (ум. 23 августа 1904).

[2]) О нигилизмѣ.

Относительно моего нигилизма Вы правы: все мое писанье имѣетъ односторонній видъ и можетъ быть принято за брань на нигилистовъ. Такъ это многіе поняли; воздерживаясь отъ всякаго сужденія о существующемъ порядкѣ и не воздерживаясь отъ самыхъ разныхъ сужденій о нигилизмѣ, я непремѣнно впадаю въ адвокатскіе пріемы, въ лукавство газетчиковъ. Да, молчать дѣйствительно лучше, чѣмъ говорить, и я часто колеблюсь—хорошо ли, или не хорошо то, что я дѣлаю, почему и прошу Вашего вниманія и участія. Слѣдующее Письмо я напишу именно на эту тему — о недовольствѣ существующимъ порядкомъ.

Фетъ мнѣ пишетъ, что Вы ему читали третье письмо — оно и здѣсь, въ Петербургѣ, принесло мнѣ похвалы; но странно—Аксакову [1]) понравились преимущественно два первыя письма.

Но будетъ объ себѣ; обращаюсь къ Вамъ. Сергѣй Николаевичъ скажетъ Вамъ мои и Стасовскія увѣренія, что нѣтъ ничего легче и вѣрнѣе, какъ помѣстить рукопись въ Публичную Библіотеку. Ваше рѣшеніе очень меня занимаетъ; почему Вы такъ дѣлаете? А я ужъ собирался писать Вамъ, чтобы къ слѣдующему лѣту Вы непремѣнно кончали, что я поѣду заграницу печатать.

Сергѣй Николаевичь привезетъ Вамъ новостей; нѣкоторыя онъ мнѣ разсказывалъ и очень удивилъ; здѣсь слухи растутъ и сочиняются съ необыкновенной быстротою и добраться до правды всегда очень трудно. Нарочно пошелъ я къ Побѣдоносцеву и услышалъ много рѣчей, но мало что узналъ. Объ Вашемъ письмѣ къ Государю я прямо спросилъ, что онъ знаетъ; онъ сказалъ, что ничего, и дѣйствительно видно, что онъ не знаетъ [2]).

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ; началъ письмо въ говорливомъ настроеніи, а теперь мнѣ опять нездоровится и голова тяжела. Мой усердный поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ; Татьяна Андреевна [3]), вѣрно, теперь отличается на крокетѣ; гостей, я думаю, у Васъ все больше и больше. Отъ всей души желаю веселиться.

Вашъ неизмѣнный и искренній
Н. Страховъ.

1881, 13 Іюня, Спб.

---

[1]) Ивану Сергѣевичу, редактору „Руси“.

[2]) 15-го іюня Побѣдоносцевъ написалъ Толстому письмо, въ которомъ объяснялъ ему, почему онъ отказался передать его письмо къ Императору Александру III.

[3]) Кузминская, сестра графини С. А. Толстой.

162. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[Начало іюля 1881 г. Ясная Поляна] [1]).

Дорогой Николай Николаичъ.

Я отъ того давно не писалъ вамъ, что считаю какъ бы написаннымъ письмо кот. сгоряча написалъ въ отвѣтъ на ваше предпослѣднее и кот. не послалъ. Къ чему спорить. Въ послѣднемъ письмѣ вы и сами пишете что считаете себя неправымъ; а это лучше всего и начало всякой премудрости.—Послѣдняго письма вашего, если оно вышло въ Руси я еще не читалъ.

Я недавно сдѣлалъ путешествіе въ Оптину пустынь [2]) и въ Калугу и очень мнѣ было хорошо. Теперь сижу дома и понемногу занимаюсь все той же своей работой. — Очень вамъ благодаренъ за ваше предложеніе заняться печатаніемъ, но едва ли придется воспользоваться. Дѣло мое вотъ въ какомъ положеніи.—Изъ большаго сочиненія, кот. я послѣ васъ и кончилъ и еще разъ все прошелъ, я сдѣлалъ еще изъ Евангелія извлеченіе безъ примѣчаній но съ короткимъ предисловіемъ; и это то извлеченіе [хочу], кот. составитъ небольшую книгу хочу напечатать заграницей; а большое покамѣсть положить (по гордости своей въ библіотеку). Извлеченіе это мнѣ кажется готовымъ и я думаю напечатать его осенью. — Большое же можетъ быть буду можетъ не буду еще перерабатывать. Если буду, то тогда съ большой благодарностью приму ваше предложеніе. Все это, разумѣется если мы будемъ живы, о чемъ я относительно себя очень сомнѣваюсь. Надѣюсь увидать васъ въ августѣ. Обнимаю васъ.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 12 Іюля 1881 [3]).

163. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

22-го іюля 1881 г. Петербургъ.

Какъ Вы печально пишете [4]), безцѣнный Левъ Николаевичъ! Ваша мысль о смерти больно поразила меня. Теперь мнѣ ужасно хочется увидѣть Васъ, и нетерпѣніе увеличивается съ каждымъ днемъ. Я не дождусь 1-го числа и выѣду вѣроятно 29-го, такъ что 30-го буду у Васъ. Позвольте телеграфировать и просить лошадей на Козловку.

---

[1]) 9-го іюля Толстой поѣхалъ къ И. С. Тургеневу въ Спасское-Лутовиново, гдѣ пробылъ и 10-е іюля.

[2]) Объ этомъ путешествіи Толстого см. въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 384—389. Онъ отправился въ Оптину 10-го іюня.

[3]) День полученія письма.

[4]) См. предыдущее письмо.

О себѣ скажу, что когда я бросилъ и работу и всякія мысли объ работѣ, мнѣ стало легче. Помните — я бывало просилъ у Васъ работы, корректуръ, или чего-нибудь подобнаго? Я кажется только на это теперь и способенъ. А предстоитъ еще большая работа — біографія Достоевскаго [1]). Жду возможности поговорить съ Вами объ этомъ. Я попробую разсказать Вамъ, что знаю, и попрошу Вашего совѣта—какъ это дѣлать? Къ чему направить весь трудъ?

Простите. Графинѣ, Татьянѣ Андреевнѣ [2]), Василію Ивановичу [3]), Князю [4])—всѣмъ очень кланяюсь и радуюсь, что увижу.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1881. 22 Іюля. Спб.

164. Н. Н. Страховъ — графинѣ С. А. Толстой.

27-го іюля 1881 г. Петербургъ.

Душевно благодарю Васъ, многоуважаемая Графиня, за Ваше доброе письмо. Я совсѣмъ запутался въ своихъ пустыхъ затѣяхъ; теперь рвусь изъ Петербурга, и надѣюсь исполнить расписаніе, т. е. выѣхать 29-го, и 30-го быть у Васъ. Помѣшать этому можетъ только здоровье, которое что-то опять повихнулось. Если разболѣюсь и долженъ буду остаться въ Петербургѣ — вотъ будетъ достойное наказаніе мнѣ за мое дурное поведеніе. Во всякомъ случаѣ позвольте телеграфировать въ тотъ день, когда прійдется явиться вечеромъ на Козловку. Левъ Николаевичь конечно не загостится въ Самарѣ и будетъ торопиться въ Ясную [5]); одно мнѣ будетъ дѣйствительно грустно, что не будетъ и надежды увидѣть милаго Василія Ивановича [6]). Ѣду къ Вамъ и съ радостію и съ большимъ любопытствомъ, какъ впрочемъ и всегда: нигдѣ нѣтъ столько жизни, какъ въ Ясной Полянѣ. Дай Богъ только, чтобы эта жизнь вся и до конца была свѣтлая.

Вашъ душевно преданный
Н. Страховъ.

1881. 27 Іюля. Спб.

---

[1]) Біографію Достоевскаго Страховъ не написалъ, а написалъ свои о немъ воспоминанія и напечаталъ письма Достоевскаго къ себѣ.

[2]) Кузминской.

[3]) Алексѣеву.

[4]) Князю Л. Д. Урусову.

[5]) О поѣздкѣ Толстого въ Самарское его имѣніе см. у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 395—398. Онъ вернулся въ Ясную Поляну 17-го августа, такъ что Страховъ его тамъ не видѣлъ, уѣхавъ до этого къ Фету въ его Воробьевку.

[6]) Алексѣева.

165. Н. Н. Страховъ — графинѣ С. А. Толстой.

6-го августа 1881 г. Воробьевка.

Нѣтъ, я больше не могу, многоуважаемая Графиня; тоска моя развивается съ каждымъ днемъ, и я чувствую, что если вернусь въ Ясную, то скорѣе стану наводить тоску на другихъ, чѣмъ самъ отъ нея избавлюсь. Теперь я понимаю, что распорядился очень глупо: мнѣ слѣдовало бы прямо ѣхать въ Константинополь и уже на обратномъ пути навѣщать добрыхъ знакомыхъ. Равнодушно смотрю я на пышную Воробьевку; какъ будто я вижу ее на картинѣ, а не живу въ ней. Боюсь, что Аѳанасій Аѳанасьевичь [1]), встрѣтившій меня съ такою радостію, разочаровался во мнѣ, съ утра до вечера испытывая мое скучное настроеніе. Сегодня, 6-го Августа, я надѣялся, что пріѣдетъ Соловьевъ [2]); но онъ обманулъ по своему обыкновенію. Смыслъ этой длинной рѣчи тотъ, что я завтра думаю ѣхать въ Крымъ, то есть хочу не сдержать даннаго Вамъ обѣщанія. Для меня самого это такъ тяжело и непріятно, совѣсть у меня такая слабая, я такъ привыкъ исполнять, что скажу, — что очень мнѣ жутко, и я усердно прошу Васъ простить меня и вѣрить, что и безъ того я достаточно наказанъ. Теперь я не могу понять, какъ могъ я дать такое обѣщаніе, тогда какъ твердо рѣшился выпросить себѣ у Васъ позволеніе колебаться въ Воробьевкѣ. Всего разумнѣе мнѣ теперь кажется такой планъ: ѣхать какъ можно скорѣе въ Крымъ и въ Константинополь [3]) и выгадать какъ можно больше времени для Москвы. Поѣздка вѣроятно освѣжитъ меня, разгонитъ мои мысли, и я не буду уже тоскливо дожидаться исполненія моей давнишней мечты—по крайней мѣрѣ впереди у меня ничего не будетъ, и волей-неволей я долженъ буду успокоиться. Еще разъ прошу Васъ, простите меня; если не станете гнѣваться, буду Вамъ душевно благодаренъ.

Льву Николаевичу напишу изъ Крыма длинное письмо. Онъ всегда у меня въ мысляхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше хочется сказать ему; напишу хоть главные вопросы, а за отвѣтомъ пріѣду въ Москву.

Въ Воробьевкѣ все по старому и Аѳанасій Аѳанасьевичь — тотъ же и то же и такъ же говоритъ. Александра Ивановича нѣтъ, хо-

---

[1]) Фетъ.

[2]) Владиміръ Сергѣевичъ.

[3]) Письмо Страхова изъ Константинополя къ Н. Я. Данилевскому отъ 27-го августа 1881 г. напечатано въ „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 453. Въ сборникѣ его „Воспоминанія и отрывки“ (С.-Пб. 1892, стр. 1—48) напечатано его „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Аѳонъ“ лѣтомъ 1881 года (перепечатано изъ „Русскаго Вѣстника“).

зяйничаетъ самъ хозяинъ, но несмотря на то времени у него очевидно слишкомъ много. Онъ попробовалъ читать, но дочитался до того, что глаза ему перестали служить. Но я увѣренъ и видѣлъ отчасти на дѣлѣ, что онъ здѣсь очень любимъ, уважаемъ и дѣлаетъ много добра сосѣднимъ крестьянамъ. Видѣлъ его молотилку въ работѣ—очень споро и красиво. Флигель мой отдѣланъ недурно, хотя видимо съ соблюденіемъ всяческой экономіи. Фонтанъ въ саду въ нынѣшнемъ моемъ настроеніи показался мнѣ прежалкою струйкой воды, но въ сущности—красивая вещь. Моря цвѣтовъ тоже не показались мнѣ морями, но недурны. Все какъ-то смѣшно обезцвѣтилось въ моихъ глазахъ, и по дѣломъ—не живи праздным, ничему не преданнымъ, никому не жертвующимъ человѣкомъ. Если будете бранить меня, то припомните, прошу Васъ, что я самъ себя браню несравненно больше.

Простите. Всей душою желаю Вамъ всего хорошаго.

Съ искреннимъ почтеніемъ остаюсь

Вашъ покорный слуга

1881. 6 Авг. Воробьевка. Н. Страховъ.

166. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

[19-го октября 1881 г. Петербургъ].

Къ Вамъ прежде всѣхъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, да передъ Вами я и больше всего виноватъ. Наконецъ я одолѣлъ апатію, которая напала на меня въ Москвѣ и съ которою пріѣхалъ въ Петербургъ. Но все-таки не съумѣю сказать Вамъ ничего хорошаго—а очень бы хотѣлось; не могу безъ грусти подумать о томъ настроеніи, въ которомъ видѣлъ Васъ. Иго мое благо, и бремя мое легко; на Аѳонѣ [1]) мнѣ особенно понравились веселые монахи, ласковые, смѣющіеся, — я думаю, что они ближе другихъ къ святости, да такъ объ нихъ говорили и другіе. И Николай Ѳедоровичъ [2]) похожъ на нихъ. Но Вы не можете, кажется, не страдать; Вы преувеличиваете Ваши требованія, а я читалъ гдѣ-то, что нужно быть къ своей душѣ также снисходительнымъ, какъ и къ другимъ людямъ. Но нѣтъ!—какъ я стану Васъ уговаривать успокоиться, когда не могу подумать безъ умиленія объ этомъ огнѣ, которымъ Вы горите? Я готовъ молить: пожалѣйте себя, пожалѣйте и насъ! Да вѣдь

---

[1]) См. въ примѣчаніи къ предыдущему письму.

[2]) Ѳедоровъ, служившій въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ, замѣчательный философъ, умершій 15-го декабря 1903 г. О немъ см. статьи В. А. Кожевникова въ „Русск. Арх.“ 1904, 1905 и 1906 г. и отд. изд. О знакомствѣ съ нимъ Толстого въ 1881 г. въ Москвѣ см. въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 405—408. Толстой готовъ былъ считать Ѳедорова „святымъ“ (ibid.).

знаю—Вы равнодушны къ такимъ просьбамъ, и я, напримѣръ, конечно не стою большаго вниманія съ Вашей стороны.

Пока у меня одно желаніе, одна просьба — узнать, что у Васъ дѣлается, благополучно ли Вы съѣздили, благополучно ли разрѣшилась графиня [1]).—Совѣстно мнѣ было не ѣхать съ Вами въ Торжокъ, но кромѣ лѣни меня удерживало и то, чтобы Вамъ не мѣшать своею неповоротливостію и апатіею. Здѣсь я поплелся по старой колеѣ; таскаюсь по похоронамъ, обѣдамъ, вечерамъ; слышалъ уже двѣ поэмы, а завтра буду слушать драму [2]); но въ свободные часы, дома, одинъ, читаю духовныя книги и кажется остается что-то доброе въ душѣ. Прочиталъ и Пругавина «Алчущіе и пр.» и пока, признаться, нашелъ только обыкновенный нигилизмъ и въ мысляхъ и въ литературныхъ пріемахъ,—что мнѣ очень противно. Но предметъ любопытенъ и нужно подождать.

Отъ души прошу Васъ, простите меня, если чѣмъ согрѣшилъ или противъ Васъ, или при Васъ. Не разлюблю Васъ никогда; я Вамъ это обѣщалъ, и было бы великое горе, если бы на меня когда-нибудь напало такое затменіе.

Вашъ душою
Н. Страховъ.

P. S. Читали Вы въ Руси Рачинскаго объ Пушкинѣ и объ Васъ? Этотъ восторгъ меня очень удивилъ, но порадовалъ [3]). Нѣкто

---

[1]) Вскорѣ у Толстыхъ родился сынъ Алексѣй, умершій въ младенчествѣ.

[2]) 20-го октября Страховъ писалъ Н. Я. Данилевскому: „Здѣсь я уже выслушалъ двѣ новыя поэмы и сейчасъ ѣду слушать драму“ („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 455).

[3]) Въ V-й главѣ своей статьи „Замѣтки о сельскихъ школахъ („Русь“ 17-го октября 1881 г., № 49, стр. 15—16) Сергѣй Александровичъ Рачинскій (род. 1833, ум. 1902), говоря о преподаваніи въ сельской школѣ русскаго языка, пишетъ, что „всякій хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15-мъ году съ наслажденіемъ прочтетъ „Капитанскую Дочку“ и „Дубровскаго“, „Бориса Годунова“, „Русалку“ и „Полтаву“,—а затѣмъ, говоря о томъ, что типы Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова, вслѣдствіе того, что они не имѣютъ ни общечеловѣческаго, ни всенароднаго значенія и для будущихъ поколѣній станутъ столь же загадочными, какъ для нынѣшняго юношества становятся загадочными Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ,—высказываетъ мнѣніе, что „переживетъ насъ только „Война и Миръ“ графа Л. Н. Толстого, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташѣ, благодаря грандіозной общечеловѣческой подкладкѣ. Впрочемъ,—прибавляетъ Рачинскій,—графъ Л. Н. Толстой еще долженъ написать (не для народа, а для себя) книгу, которая проникнетъ въ самую глубь народа и останется,—и эту книгу онъ напишетъ. Въ массу проникаютъ только произведенія вѣчныя“... Возвращаясь далѣе опять къ Пушкину, Рачинскій посвящаетъ ему слѣдующія восторженныя строки: „Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ. Когда я

Ernst Roettger, здѣшній юноша, проситъ Вашего разрѣшенія напеча-

---

еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить, — я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды, здраваго смысла,— этотъ міръ, столь новый и какъ будто давно знакомый, это—е г о міръ, съ ранняго дѣтства плѣнявшій и манившій насъ. Онъ е г о пѣвецъ, онъ е г о пророкъ... Пушкинъ! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятникъ. Мы рукоплескали вдохновеннымъ рѣчамъ, которыми немногіе избранные почтили его память. Но гдѣ тотъ „памятникъ нерукотворный", который о н ъ воздвигъ себѣ, который онъ намъ ввѣрилъ, умирая? Онъ повергнутъ въ прахъ, кучами грязи засыпана къ нему народная тропа. По безумной прихоти монополиста-издателя, наша школа, нашъ народъ лишены величайшаго сокровища, какимъ обладаетъ Россія. Да одинъ-ли онъ виноватъ? О чемъ думаетъ общество? Вѣдь есть же сумма, за которую это злополучное право изданія можетъ быть выкуплено!.. Экземпляръ сочиненій Пушкина необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ,—единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество—это всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсные предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль"... Переходя, наконецъ, къ вопросу о первой книгѣ для чтенія (стр. 17), Рачинскій указываетъ недостатки „Родного Слова" Ушинскаго и находитъ, что „несравненно выше, какъ матеріалъ для школьнаго чтенія, стоятъ „Новая Азбука" графа Л. Н. Толстого и его „Книги для чтенія". Если онѣ не вытѣснили до сихъ поръ „Родное Слово", то отчасти потому, что большая „Азбука" того же автора, изобилующая драгоцѣнными указаніями относительно пріемовъ преподаванія, не представляетъ такой строгой и легко примѣнимой системы, какъ сочиненія Ушинскаго. Другая и главная причина—безвкусіе нашего педагогическаго міра и равнодушіе, съ которымъ отнеслась къ дѣтскимъ книгамъ графа Л. Толстого наша литературная критика. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что даже почитатели таланта ихъ знаменитаго автора—вовсе ихъ не читали. Между тѣмъ, ихъ слѣдуетъ знать всякому образованному человѣку.
въ одной европейской литературѣ ничего подобнаго не существуетъ. Мы, кажется, забываемъ, что гр. Л. Н. Толстой—величайшій изъ н ы н ѣ живущихъ писателей, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ. (Не думаю, чтобы кому-нибудь удалось назвать того, которому подобало бы отвести мѣсто выше его. Развѣ ослѣпленнымъ поклонникамъ Виктора Гюго). Этотъ великій писатель посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни сельской школѣ, много училъ въ ней и многому въ ней научился. Его дѣтскія книги (пригодныя для дѣтей всѣхъ сословій)—не плодъ художественной прихоти, а жизненное дѣло, совершенное съ глубочайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ его практическимъ подробностямъ, съ высокою простотою и смиреніемъ. Во многихъ своихъ очеркахъ и мелкихъ разсказахъ онъ доходитъ до чисто Пушкинской трезвости и силы. Отъ нихъ можно прямо перейти къ прозѣ Пушкина"... Понятно, почему Страховъ, поклонникъ Пушкина и Толстого, обратилъ вниманіе на эти отзывы С. А. Рачинскаго и указывалъ на нихъ Толстому.

тать переводъ на нѣмецкій Дѣтства. Я сказалъ, что Вы не будете отвѣчать, но для очистки совѣсти, передаю Вамъ просьбу [1]).

167. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

26-го ноября 1881 г. Петербургъ.

И сегодня нѣтъ письма отъ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Впрочемъ я самъ виноватъ—давно слѣдовало бы написать Вамъ, а я все былъ не въ духѣ писанія, то есть въ дурномъ духѣ,—былъ здоровъ, лѣнился и съ удовольствіемъ занимался дѣлами, не стоющими занятія. Побывалъ я у Любовь Александровны [2]), передъ которою всегда такъ виноватъ, и узналъ много объ Васъ. Отъ души поздравляю Графиню и Васъ съ сыномъ. Вѣсти все хорошія, и мы съ Любовью Александровной подѣлились восхищеніемъ отъ Вашей семьи и отъ Васъ. Привезъ сюда еще вѣсти Юрьевъ [3]); онъ вчера заходилъ ко мнѣ, а еще раньше я слышалъ, что онъ много объ Васъ разсказываетъ. Передавалъ мнѣ нигилистъ, одинъ изъ членовъ Ученаго Комитета; но похвалы Вамъ въ его устахъ немножко меня коробили—застарѣла во мнѣ вражда къ нигилизму.

Съ Вашими изобрѣтателями, Никитинымъ, котораго Вы направили къ Стасову, и Яшинымъ, къ которому Никитинъ пріѣхалъ, мы много хлопотали, и Стасовъ, и я. Я послалъ ихъ къ Вышнеградскому [4]), первому у насъ знатоку практической механики. Ему они очень понравились своимъ умомъ и нравомъ; онъ считаетъ ихъ достойными всякаго участія; но 1) они изобрѣли то, что уже сдѣлано было, а 2) у нихъ недостаетъ подготовки, чтобы можно было дать имъ какую нибудь должность или работу. Такъ онъ и не нашелъ ничего, что бы имъ сдѣлать. Яшина я видѣлъ и не могъ имъ налюбоваться: такъ красивъ и уменъ. Стасовъ давалъ имъ и денегъ и посылалъ ихъ къ разнымъ техникамъ и начальникамъ по технической части. Ничего не вышло, и теперь они очень жалуются на стѣсненное положеніе.

А что я дѣлаю?—Ничего хорошаго. Много прочиталъ объ Аѳонѣ, готовясь писать впечатлѣнія [5]); сталъ усерднѣе прежняго зани-

---

[1]) „Geschichte meiner Kindheit“, въ переводѣ Ernst Röttger'a, вышла въ Лейпцигѣ въ 1882 г., 8⁰. Объ этой книгѣ см. „Голосъ“ 1882 г., № 218.

[2]) Берсъ, теща Толстого.

[3]) Сергѣй Андреевичъ, о коемъ см. выше.

[4]) Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій, въ это время совѣщательный членъ Артиллерійскаго Комитета, профессоръ механики въ Технологическомъ Институтѣ; съ 1886 г. членъ Государственнаго Совѣта, съ 1887 г.—министръ финансовъ, ум. 1895. Онъ былъ товарищемъ Страхова по Главному Педагогическому Институту.

[5]) О своей на Аѳонъ поѣздкѣ лѣтомъ 1881 г. См. выше, стр. 283.

маться своею службою въ Библіотекѣ и въ Комитетѣ; получаю книги и мѣняюсь, и отдаю въ переплетъ, и читаю безъ порядка.

Но я Васъ не забываю, я вспоминаю объ Васъ каждый день, и главная задача жизни не выходитъ изъ моихъ лѣнивыхъ и шаткихъ мыслей. Простите меня. Если напишете нѣсколько строкъ, очень утѣшите

Вашего душевно
Страхова.

1881. 26 Нояб. Спб.

168. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

29-го ноября 1881 г. Петербургъ [1]).

Получилъ Ваше письмо [2]), безцѣнный Левъ Николаевичь, и нашелъ въ немъ то самое, чего ожидалъ, тотъ упрекъ, который мнѣ слышался въ Вашемъ молчаніи и который я такъ часто самъ себѣ дѣлаю. Этотъ упрекъ смущаетъ меня передъ Вами и тревожитъ мою совѣсть постоянно. Почему я понимаю Ваши чувства, но не раздѣляю ихъ? Буду говорить, какъ на исповѣди. Потому, что у меня нѣтъ такой силы чувствъ, какъ у Васъ; не хочу я насиловать себя или прикидываться, а гдѣ же я возьму ту беззавѣтность, ту горячность, съ которою Вы чувствуете, которою одарено Ваше сердце? Будьте снисходительны ко мнѣ, не отталкивайте меня изъ-за этой разницы. Ваше отвращеніе къ міру—я его знаю, потому что и самъ испытывалъ его и испытываю, но испытываю въ той легкой степени, въ которой оно не душитъ и не мучитъ; но и привязанности къ міру у меня никакой нѣтъ, если же есть какая‘ то я стараюсь теперь уничтожить ее, оборвать послѣднія ниточки. Не имѣя положительныхъ качествъ, я рѣшилъ заботиться объ отрицательныхъ. Постоянно я думаю объ этомъ, и мнѣ кажется сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи—не буду Вамъ разсказывать, такъ они еще малы, а можетъ быть и тѣ обманчивы. На усилія, на крутые повороты я неспособенъ, но знаю, что постоянно держась одной мысли, одного пути, могу дойти до чего-нибудь хорошаго. Я сталъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ былъ, и все благодаря Вамъ и чтенію монашескихъ книгъ. Правда это спокойствіе безпрестанно нарушается и опять приходится бороться; но колебанія эти далеко не такъ мучительны, какъ бывали.

Любить людей—Боже мой, какъ это сладко! И въ слабой степени я испытываю это чувство, и знаю его по опыту; но нѣтъ у

---

[1]) Письмо это напечатано въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 408—409); здѣсь перепечатывается по подлиннику.

[2]) Оно не извѣстно.

меня силы и въ этомъ, какъ [ни] и во всемъ другомъ. И всѣ лучшія чувства, какія я нахожу въ себѣ, я всѣ ихъ берегу, воспитываю въ себѣ, держусь за нихъ; но не въ моей власти дать имъ порывъ и огонь. Такова моя натура и такова моя судьба; жизнь сложилась сообразно съ этими свойствами. Не будьте же строго требовательны ко мнѣ; я Вамъ обязанъ вѣроятно лучшими минутами своей жизни; смотрите не на то одно, что во мнѣ дурное, а и на то, что можно найти хорошаго. А впрочемъ—наставьте меня; я Васъ охотно слушаюсь, Вы сами знаете.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1881. 29 Нояб. Спб.

Ради Бога, не подумайте, что Ваше письмо огорчило меня; напротивъ, оно меня тронуло и было мнѣ сладко, какъ русскій языкъ въ Салоникахъ.

169. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

6-го февраля 1882 г. Петербургъ.

Имѣю къ Вамъ дѣло, безцѣнный Левъ Николаевичь. Иванъ Петровичъ Хрущовъ [1]), предсѣдатель Постоянной Коммисіи Народныхъ Чтеній при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, существующей съ 1872 года, проситъ разрѣшенія издать Чѣмъ люди живы, для народа, отдѣльной книжкой, и желалъ бы знать Ваши условія. Я обѣщалъ ему написать Вамъ, предупреждая, однако, что едва ли получу отвѣтъ (по Вашему пренебреженію всякихъ дѣлъ), и что вѣроятно Вы уже не мало получили подобныхъ предложеній въ Москвѣ.

Просить ли у Васъ прощенія за мое молчаніе. Я все собирался писать, но часто думалъ, что Вы въ сущности можете похвалить меня за то, что не надоѣдаю Вамъ. Думалъ же я объ Васъ постоянно; я написалъ даже объ Вашемъ разсказѣ маленькую статью для Гражданина [2]). Разговоровъ объ Васъ также было не мало; Соловьевъ [3]), по своей неспособности что-нибудь разсказать, ничего

---

[1]) Впослѣдствіи камергеръ, членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, авторъ нѣсколькихъ работъ по Русской исторіи и Русской литературѣ; умеръ въ 1900-хъ годахъ.

[2]) Разсказъ „Чѣмъ люди живы“ впервые появился въ журналѣ „Дѣтскій Отдыхъ“ 1881 г., т. III, стр. 407—434, а отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ въ 1882 г. Страховъ помѣстилъ о немъ замѣтку въ №№ 10—11 „Гражданина“ за 1882 г. Статья его вошла во 2-е изданіе его сборника: „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, С.-Пб. 1887, стр. 415—418.

[3]) Владиміръ Сергѣевичъ.

мнѣ не сказалъ; но много говорили Боборыкинъ [1]) и Венгеровъ [2]), говорили съ настоящимъ умиленіемъ, и я торжествовалъ, приговаривая: ага! ага! Слышу, что Ваша рукопись гоститъ теперь у Толстой [3]) и очень собираюсь повоевать за нее, такъ какъ тамъ господствуютъ большіе предразсудки, и мнѣ хочется уяснить свое собственное положеніе—по отношенію къ этимъ предразсудкамъ.

Занятъ я былъ изданіемъ своей книжки Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Изданіе кончено, но цензура арестовала книгу и отправитъ ее къ министру Н. П. Игнатьеву на рѣшеніе. Министръ конечно разрѣшитъ, но шуму надѣлано много, и я надѣюсь, что наконецъ моя книжка будетъ имѣть успѣхъ [4]).

Внутри себя я переживаю тяжкую работу, и мнѣ все кажется, что есть какой-то успѣхъ. Нравственныя радости и страданія имѣютъ безконечныя степени; послѣдней степени у нихъ нѣтъ. И познаніе самого себя также не имѣетъ предѣловъ. Какъ ни бываетъ тяжело на душѣ, и какъ ни ясно видишь себя, черезъ нѣсколько времени чувствуешь себя еще тяжелѣе и видишь еще яснѣе. Это походитъ на какой-то обманъ, которому нѣтъ конца.

Фетъ написалъ мнѣ два сердечныхъ письма [5]), которыя очень меня огорчили. Жалуется на то, что я его презираю и не хочу раздѣлять его общества. Это за то, что я у него остановился! И грустно мнѣ, и жалко его.

Вопросъ объ искусствѣ и наукѣ не выходилъ у меня изъ головы. Вы, Левъ Николаевичъ, по натурѣ больше новаторъ, а я по натурѣ больше консерваторъ. Буду защищать искусство и науку изо всѣхъ силъ противъ Васъ, Соловьева и Николая Ѳедоровича [6]). Это область мнѣ сродная, область мысли, а не дѣла; никто изъ Васъ, стремящихся къ дѣятельности, не можетъ понять, какое различіе между дѣятельностію и совершеннымъ отсутствіемъ позыва къ ней, чистымъ созерцаніемъ. Тутъ у меня весь центръ тяжести.

Простите меня. Я часто вспоминаю бывалыя выраженія Вашего расположенія ко мнѣ и твердо надѣюсь, что Вы помните мою любовь и понимаете мои чувства. Ради ихъ простите мнѣ и скуку, которую навожу, и всякія неисправности по отношенію къ Вамъ,

---

[1]) Петръ Дмитріевичъ, извѣстный романистъ, нынѣ Почетный Академикъ.

[2]) Семенъ Аѳанасьевичъ, профессоръ, извѣстный историкъ Русской литературы, членъ Совѣта и казначей Общества Толстовскаго Музея.

[3]) Графини Александры Андреевны Толстой.

[4]) Книга Страхова благополучно вышла въ свѣтъ; въ 1887 г. была издана вторично, а въ 1897 г. 3-мъ изданіемъ. О затрудненіяхъ, встрѣченныхъ цензурою, Страховъ писалъ и Н. Я. Данилевскому 7-го февраля 1882 г. („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 455).

[5]) Они неизвѣстны въ печати.

[6]) Ѳедорова (см. выше).

которыхъ избѣжалъ бы человѣкъ покрѣпче и поживѣе, чѣмъ я. Графинѣ мое усердное почтеніе и поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ всею душою

1882. 6-го Февр. Спб. Н. Страховъ.

170. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[14-го марта 1882 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ!

Виноватъ что долго не отвѣчалъ вамъ, виноватъ, п. ч. знаю, что отвѣтъ мой о вашей книгѣ [1]) вамъ интересенъ и молчаніе тяжело. Я какъ получилъ, такъ и прочелъ ее. Статьями о Герценѣ я б. восхищенъ, статьей о Мишлѣ удовлетворенъ, но статьями о комунѣ и Ренанѣ неудовлетворенъ.—Позитивисты говорятъ что то о чемъ люди думаютъ и всегда думали,—пустяки и не надо о томъ думать. Они не имѣютъ права этого говорить и выходятъ изъ затрудненія отрицая его. Это неправильно. Вы дѣлаете тоже, но хуже. Вы отрицаете не то что думаютъ—а то что дѣлаютъ люди. Вы говорите — они дѣлаютъ вздоръ. Задача въ томъ чтобы понять что и зачѣмъ они это дѣлаютъ.

Этимъ мнѣ не понравилась ваша книга.—Простите не за правду, а за правдивость.

Я усталъ ужасно и ослабѣлъ. Цѣлая зима прошла праздно.—То что по моему нужнѣе всего людямъ, то оказывается никому не нужнымъ. Хочется умереть иногда. Для моего дѣла смерть моя будетъ полезна. Но если не умираю еще видно нѣтъ на то воли отца.—И часто отдаваясь этой волѣ не тяготишься жизнью и не боишься смерти. Напишите про себя. Мнѣ всегда радостны ваши письма. Да напишите что слышно про приговоренныхъ. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 14 марта 1882. Ясн.

171. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

31-го марта 1882 г. Петербургъ [2]).

Какъ я обрадовался Вашему письму, безцѣнный Левъ Николаевичь! Какъ горячо захотѣлось мнѣ отвѣчать Вамъ, спорить противъ

---

[1]) „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ (см. предыдущее письмо). Въ письмѣ къ Н. Я. Данилевскому отъ 29-го марта 1882 г. Страховъ привелъ отзывъ о своемъ сборникѣ Градовскаго (вѣроятно, нынѣ здравствующаго Григорія Константиновича),—но отзыва Толстого не сообщилъ...

[2]) Напечатано, но не все, въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 427—429 (до словъ: „Соловьевъ вдругъ“). Здѣсь печатается по подлиннику, цѣликомъ.

Вашего упрека—но я вдругъ заболѣлъ и съ недѣлю былъ ни къ чему не способенъ. Теперь поправляюсь, и все же прошу извинить мое писанье. Ваше возраженіе мнѣ давно и не разъ приходило въ голову (есть даже у меня статья на эту тему). Все это движеніе, которое наполняетъ собою послѣдній періодъ Исторіи, либеральное, революціонное, соціалистическое, нигилистическое,—всегда имѣло въ моихъ глазахъ только отрицательный характеръ; отрицая его, я отрицалъ отрицаніе. Часто я задумывался надъ этимъ и былъ изумляемъ, видя, что свобода, равенство, эти идолы для многихъ, эти знамена битвъ и революцій, въ сущности не содержатъ въ себѣ ни малѣйшей привлекательности, ни какого положительнаго содержанія, которое могло бы дать имъ настоящую цѣну, сдѣлать положительными цѣлями. Начиная съ Реформаціи и раньше и до послѣдняго времени, все, что люди дѣлаютъ (какъ Вы говорите)—не вздоръ, а постепенное разрушеніе нѣкоторыхъ положительныхъ формъ сложившихся въ Средніе Вѣка. Четыре столѣтія идетъ это разшатываніе и должно кончиться полнымъ паденіемъ. Въ эти четыре вѣка положительнаго ничего не явилось, да и теперь нѣтъ нигдѣ въ цѣлой Европѣ. Самое новое—въ Америкѣ и состоитъ въ томъ, что голоса продаются, мѣста покупаются и т. п. Общество держится старыми элементами, остатками вѣры, патріотизма, нравственности, мало по малу теряющими свои основанія. Но такъ какъ эти начала были воспитаны христіанствомъ до неслыханной силы, то человѣчество неизгладимо носитъ ихъ въ себѣ, и ихъ еще долго хватитъ для его поддержанія. Но живетъ оно не ими, а противъ нихъ или помимо ихъ. Всѣ новые принципы—прямое признаніе мірской, земной жизни—и вотъ отчего такъ пышно нынче развилась жизнь. Есть просторъ для всего, для всякаго рода дѣятельности, и для науки и искусства, и для служенія Марсу, Венерѣ и Меркурію.

Въ такомъ странномъ положеніи живутъ люди. Нынѣшняя жизнь носитъ противорѣчіе внутри себя. Она возможна только потому, что человѣкъ вообще можетъ жить, не имѣя внутренняго согласія, и останавливаясь на какой нибудь одной мысли, напр. свободы, національности, обязательнаго обученія и т. п.

И вотъ я отрицаю самыя крайнія изъ отрицаній, и говорю, что если люди въ нихъ живутъ и дѣйствуютъ, то только въ силу какихъ-нибудь положительныхъ началъ, обманывая сами себя, принимая призраки за дѣйствительность, любя и злобствуя, но безъ настоящаго предмета для любви и злобы.

Я давно смотрю и вглядываюсь, но не вижу яснаго идеала.

И Вамъ ли меня упрекать? Не Вы ли видите одно лишь безобразіе и обманъ въ самыхъ огромныхъ сферахъ и въ самыхъ распространенныхъ формахъ человѣческой жизни? Если у Васъ одно

отрицаемое, а у меня другое, то Ваше шире по объему и труднѣе для объясненія, чѣмъ мое. Всемірная исторія есть повѣсть безумія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, но по Вашему безумія болѣе повальнаго и жестокаго, чѣмъ по моему. И развѣ въ Коммунѣ и въ Ренанѣ [1]) я ужъ нисколько не объясняю, почему люди это дѣлаютъ?

Въ сущности Ваша правда (только не ловите меня на словѣ); такіе критическіе очерки, какъ мои, непремѣнно требуютъ положительнаго изложенія началъ, и безъ этого изложенія легко могутъ быть употреблены на подпору самыхъ дурныхъ началъ. Но, Боже мой, это свое фальшивое положеніе я чувствую съ тѣхъ поръ, какъ пишу; я имъ мучусь, я знаю, что лучше бы проповѣдывать, цѣльную систему, ясную мысль. Но я дѣлаю, что могу, и много много молчу, и говорю осторожно и ясно; не пошлетъ ли Богъ другихъ, которые скажутъ лучше и полнѣе?

Соловьевъ вдругъ все бросилъ и уѣхалъ изъ Петербурга, почему?—не могъ я дознаться, а самъ онъ давалъ понять, будто изъза фальшиваго положенія, въ которое привела его его проповѣдь. Скорѣй, я думаю, по любовнымъ дѣламъ [2]).

Книжка моя [3]) быстро расходится. Это первая моя книга, имѣющая успѣхъ, и былъ день, когда это мнѣ показалось очень сладкимъ.

Потихоньку я занимаюсь. Юрьевъ [4]) поступаетъ со мною невѣжливо и безсовѣстно; статьи моей не печатаетъ, на письма не отвѣчаетъ и на просьбы мои—прислать статью назадъ—ни слова. Фетъ пишетъ мнѣ и часто—длиннѣйшія письма, наполненныя философскими разсужденіями, которыя, конечно, самъ забываетъ прежде, чѣмъ успѣетъ запечатать письмо [5]).

Отъ души прошу—простите меня. Ваши грустныя строки о сестрѣ—больно поразили меня. Если бы Вы искали покоя, Вы бы нашли его; но Вы не хотите. А для всѣхъ насъ Вашъ покой былъ бы зрѣлищемъ самымъ радостнымъ и самымъ поучительнымъ.

Графинѣ мое усердное почтеніе. Сережѣ и кто меня помнитъ—кланяюсь.

1882. 31 Марта. Спб. Весь Вашъ Н. Страховъ.

---

[1]) Статьи Страхова, вошедшія въ его сборникъ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“.

[2]) Предположеніе совершенно ложное: Соловьевъ не только уѣхалъ, считая свое пребываніе въ Петербургѣ неудобнымъ послѣ своей рѣчи о смертной казни (вызвавшей, какъ мы видѣли, восторгъ Толстого), но и вышелъ въ отставку изъ службы въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[3]) „Борьба съ Западомъ“.

[4]) Сергѣй Андреевичъ, редакторъ „Русской Мысли“; ум. въ 1888 г.

[5]) Письма эти въ печати не появлялись.

172. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[3-го апрѣля 1882 г. Ясная Поляна].

Я говорю что отрицать то что дѣлаетъ жизнь, значитъ не понимать ее. Вы повторяете что отрицаете отрицаніе. Я повторяю, что отрицать отрицаніе значитъ не понимать того во имя чего происходитъ отрицаніе. Какимъ образомъ я оказался съ вами вмѣстѣ, не могу понять.

Вы находите безобразіе и я нахожу. Но вы находите его въ томъ что люди отрицаютъ безобразіе, а я въ томъ что есть безобразіе.

И почему мое отрицаемое труднѣе для объясненія чѣмъ ваше— тоже не знаю. Вы отрицаете то что живетъ, а я отрицаю то что мѣшаетъ жить. Трудности же для объясненія того что я отрицаю нѣтъ никакой. Я отрицаю то что противно смыслу жизни открытому намъ Христомъ и этимъ занимается все человѣчество. До сихъ поръ уяснилось безобразіе рабства, неравенства людей и человѣчество освободилось отъ него и теперь уясняется безобразіе государственности, войнъ, судовъ, собственности и человѣчество все работаетъ чтобы сознать и освободиться отъ этихъ обмановъ. Все это очень просто и ясно для того кто усвоилъ себѣ истины ученія Христа; но очень неясно для того для кого международное, государственное и гражданское право суть святыя истины, а ученье Христа хорошія слова.

На письмѣ помѣтка Страхова: 3 апр. 1882, Ясн.

173. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому [1]).

21-го апрѣля 1882 г. Петербургъ.

Получивши Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь, я сейчасъ же готовъ былъ отвѣчать Вамъ, но все ждалъ хорошаго духа. Мнѣ до сихъ поръ нездоровится, а хотѣлось бы хорошенько сказать свою мысль. Я не отрицаю Вашего отрицанія, а отрицаю другое отрицаніе, совершенно противоположное Вашему. Что говоритъ Христіанинъ? «Я не хочу имущества, не хочу власти надъ другими, не хочу судить, не хочу убивать, брать подати».

Это святыя желанія и ихъ запрещать невозможно. А что говорятъ тѣ отрицатели, которыхъ я отрицаю? «Я не хочу, чтобы у кого-нибудь было имущество больше моего, не хочу, чтобы кто-

---

[1]) Письмо это напечатано въ книгѣ П. И. Бирюкова, въ т. II, на стр. 430—431, но не совсѣмъ полно и точно.

нибудь имѣлъ власть надо мною, не хочу быть судимымъ, не хочу быть убитымъ, не хочу платить податей». Разница большая, и какъ возможно смѣшать тѣхъ и другихъ? Источникъ однихъ желаній есть отреченіе отъ себя, источникъ другихъ—чистый эгоизмъ. Сходство заключается только въ томъ, что повидимому отрицаются одни и тѣ же предметы; но въ сущности отрицаніе имѣетъ не одинаковый смыслъ, и это тотчасъ видно по послѣдствіямъ. Христіанскія желанія всегда возможно исполнить, ибо въ нихъ дѣло идетъ о перемѣнѣ въ насъ самихъ; желанія эгоиста неисполнимы, ибо требуютъ перемѣны цѣлаго міра и перемѣны, для міра невозможной. Я могу никого не убивать, но ручаться, что меня никто не убьетъ, нельзя будетъ никогда. Когда же тѣ и другіе принимаются дѣйствовать, тогда разница началъ обнаруживается всего яснѣе. Отъ христіанъ нельзя ждать никакого насилія и разрушенія; эгоисты же противъ суда ставятъ судъ, противъ казни—убійство, противъ поборовъ—грабежъ, противъ власти—измѣну, бунтъ, разрушеніе. Они послѣдовательны, потому что ихъ принципъ тутъ не нарушается. Если я не хочу быть убитымъ, то разумѣется я долженъ убить убивающаго меня; если же не хочу убивать, то не стану стрѣлять въ спину даже разбойнику. Если не хочу неравенства въ имуществѣ, то отниму у богатаго; если не хочу имущества, то отдамъ свое.

Характеръ эгоизма въ высшей степени ясенъ у всѣхъ отрицателей; т. е. не то, что они сами великіе эгоисты, а то, что признаютъ эгоизмъ священнымъ принципомъ. Они пылаютъ негодованіемъ противъ неправды, а неправдою называютъ нарушеніе чьего-нибудь эгоизма; тогда какъ грѣхъ вовсе не въ этомъ нарушеніи, а въ нечистомъ желаніи, въ неправдѣ душевной. Въ сущности когда мы щадимъ чужой эгоизмъ, обходимся съ нимъ осторожно, мы поступаемъ какъ воры, не выдающіе другихъ воровъ, или распутники, считающіе долгомъ чести не выдавать женщинъ, съ которыми блудятъ. Во всемъ направленіи современныхъ умовъ, во всѣхъ толкахъ и стремленіяхъ Вы не найдете и намека на самоотреченіе, какъ на коренной принципъ; всякое душевное благородство разсматривается только какъ средство для эгоистическаго земного благополучія. Эта черта нынѣшнихъ умовъ и душъ—отвратительна; и самыя эти души гораздо лучше своего исповѣданія.

Государство и церковь дѣйствуютъ иначе. Они выставляютъ своею цѣлью общее благо и прямо требуютъ для этого блага ограниченія эгоизма, пожертвованія нѣкоторою его долею. Это понятно, это логично, и достижимо, и выполняется въ огромныхъ размѣрахъ. Злоупотребленія не вытекаютъ изъ самаго принципа государства и церкви, точно также какъ и добрыя чувства отрицателей не вытекаютъ изъ принципа эгоизма. Государство въ извѣстномъ смыслѣ

требуетъ отъ каждаго, чтобы онъ отчасти отрекался отъ своего имущества, отъ своей воли и иногда и отъ своей жизни. Вотъ почему противъ него и возстаютъ отрицатели. Это нѣкоторый положительный принципъ, и отрицать его труднѣе, чѣмъ отрицать эгоизмъ, который въ самой сущности есть отрицаніе, отверженіе всякихъ связей.

И такъ міръ и мірское для меня имѣютъ такое же низкое значеніе, какъ и для Васъ; но Вы, отвергая міръ, находите что-то подобное своему отверженію въ томъ, въ чемъ я вижу только крайнее выраженіе мірскаго начала; Вы думаете, что міръ добивается жизни, а я думаю, что онъ идетъ къ смерти, что онъ доводитъ развитіе своихъ началъ до того, что самъ себя убьетъ и только этимъ убѣдится въ ложности этихъ началъ. Мечты человѣколюбія, обновленія, благополучія не имѣютъ правильнаго источника, правильной цѣли и потому приведутъ къ убійству, къ хаосу и страданію. Весь вопросъ, какъ Вы справедливо говорите, заключается въ томъ, какое безобразіе больше, то ли, которое Вы отрицаете, или то, которое я; но я твердо убѣжденъ, что то, что я отрицаю, есть несомнѣнное безобразіе.

Чувствую, что много бы нужно еще сказать и сказать лучше, чѣмъ говорю; но прибавлю только, что грусть мучитъ меня ужасная, и что я почти прихожу въ негодованіе при видѣ людей спокойныхъ и въ хорошемъ духѣ. Простите, что я такъ навязчиво спорю съ Вами; мнѣ дорого Ваше хорошее мнѣніе, и я не хотѣлъ бы, чтобы Вы меня неправильно понимали. Еще разъ, простите меня.

Вашъ душевно

Н. Страховъ [1]).

1882. 21 Апр. Спб.

---

[1]) Приводя въ своей книгѣ письма Страхова къ Толстому отъ 31-го марта и 21-го апрѣля 1882 г., П. И. Бирюковъ пишетъ (т. II, стр. 427): „Вѣрный другъ и цѣнитель Льва Николаевича, Н. Н. Страховъ продолжалъ писать Льву Николаевичу, и по нижеприводимому письму мы ясно видимъ, въ чемъ было сходство и въ чемъ различіе этихъ двухъ друзей. Они сходились на отрицаніи. Но отрицаніе Льва Николаевича было гораздо шире, а Страхова—уже. И Левъ Николаевичъ при своемъ широкомъ отрицаніи давалъ огромный положительный идеалъ и требовалъ того же отъ Страхова, а тотъ при своемъ узкомъ отрицаніи, по своему собственному сознанію, не могъ дать ничего положительнаго. Это чистосердечное признаніе значительно искупаетъ недочеты въ проповѣди Страхова, и, вѣроятно, эта искренность и была тою нитью, которая привязывала его ко Льву Николаевичу, не терпѣвшему никогда никакой фальши“. Про письмо 21-го апрѣля П. И. Бирюковъ говоритъ: „Здѣсь, какъ мы видимъ, Страховъ уже защищаетъ передъ Львомъ Николаевичемъ принципы церкви и государства,—и расхожденіе ихъ дѣлается гораздо замѣтнѣе“ (стр. 433).

174. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову [1]).

[10-го іюня 1882 г. Ясная Поляна].

Николай Николаичъ.

Ваше послѣднее письмо жена мнѣ читала. Я лежалъ въ сильнѣйшемъ жару и проболѣлъ тяжело 3 сутокъ, нынче мнѣ лучше и вотъ пишу вамъ чтобы просить непремѣнно заѣхать къ намъ [2]). Я не отвѣчалъ на послѣднее письмо ваше, потому что совсѣмъ не согласенъ и мнѣ казалось что я слишкомъ рѣзко выскажу причину этаго несогласія. При томъ предметы эти такіе сами по себѣ неинтересные, что не стоитъ изъ-за отступленія мысли нарушать естественную любовную связь между людьми. При свиданьи поговоримъ если хотите.

И такъ до свиданья.

Вашъ Л. Толстой.

Очень вамъ благодаренъ за книгу.—Мысль бесѣды съ Никод. тамъ у Конфуція ясно выражена.

На письмѣ помѣтка Страхова: 10 іюня 1882. Ясн.

175. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

2-го сентября 1882 г. Петербургъ [3]).

Пишу Вамъ наскоро, безцѣнный Левъ Николаевичь. Сперва мнѣ дохнуть нельзя было отъ хлопотъ, потомъ я написалъ къ Вамъ длинное письмо съ разными нѣжностями и сѣтованіями и бросилъ: недоволенъ не содержаніемъ, а формою. Голова изъ рукъ вонъ тяжела и лучше помолчать.

Книги я послалъ нѣсколько дней назадъ и прошу Васъ примите ихъ безъ всякаго зазрѣнія: они стоятъ мнѣ безцѣнокъ, а на меня прошу Васъ смотрѣть какъ на человѣка много Вамъ обязан-

---

[1]) Отвѣтъ на предыдущее письмо Страхова.

[2]) Страховъ ѣхалъ тогда въ отпускъ, намѣреваясь посѣтить Москву, а потомъ гостить въ Ясной Полянѣ, у Фета въ Воробьевкѣ и, наконецъ, у Н. Я. Данилевскаго въ Мшаткѣ, въ Крыму (см. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 457—459).

[3]) Писано по возвращеніи въ Петербургъ изъ отпуска въ Крымъ на возвратномъ пути откуда Страховъ снова заѣзжалъ въ Ясную Поляну, гдѣ „не засталъ Толстого, ожидалъ его три дня и очень радъ былъ, что онъ здоровъ и крѣпокъ совершенно. Но тѣмъ сильнѣе, кажется, онъ погружается въ свое религіозное настроеніе. Въ Петербургѣ,—писалъ онъ,—я очутился 19 августа“ (письмо къ Н. Я. Данилевскому отъ 9-го сентября 1882 г.—„Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 459—461).

наго. Если бы Вы напримѣръ указали мнѣ работу или поручили кого-нибудь моимъ заботамъ, то я былъ бы душевно радъ.

Въ Эпиктета [1]) я вложилъ программу Полевого [2]); усердно прошу Васъ—взгляните и что-нибудь скажите. Полевой хвалится, что Рачинскій [3]) писалъ ему необыкновенныя похвалы—отъ Васъ я этого не ожидаю, и, если Вы дадите мнѣ разрѣшеніе, объясню ему это, постаравшись придумать слова помягче.

Не могу жаловаться на здоровье; но на хлопоты, давно мною предвидѣнныя и наконецъ надвинувшіяся, кажется слѣдуетъ пожаловаться. Къ дѣлу, которое приходится дѣлать, нѣтъ почти никакой охоты, а оно будетъ отнимать у меня все время, чуть не цѣлый годъ.

Простите меня и прошу Васъ не забывайте, что есть человѣкъ, преданный Вамъ безъ конца; пока живъ, надѣюсь не измѣнить этой преданности.

Графинѣ мое усердное почтеніе и поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

1882. 2 Сент. Спб.

176. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

11-го октября [1882 г. Москва].

Дорогой Николай Николаевичъ!

Давно у меня на совѣсти ваше письмо. Я даже не поблагодарилъ за книги. Я тотчасъ же сталъ читать «Отцовъ» и очень многое пріобрѣлъ отъ этого чтенія.—Нынѣшній годъ я все лѣто не переставая занимался и только осѣнью (sic) сталъ ничего не дѣлать и заниматься устройствомъ новаго дома. На дняхъ наши переѣхали и мы привелись въ порядокъ и я вотъ взялся за запущенныя письма. [Тепе] Надѣюсь прожить нынѣшнюю зиму спокойнѣе чѣмъ прошлую. Вы на меня сердитесь за то, что я послѣдній годъ былъ непріятенъ. Мнѣ самому тяжело было переживать то что я пережилъ. А что я пережилъ? Ничего такого что бы можно было назвать; а все таки очень опредѣленно пережилъ что-то не только очень, но самое существенное. Говорю вамъ это затѣмъ чтобы вы

---

[1]) Т. е., въ Сочиненія философа-стоика Эпиктета, которыя Страховъ послалъ Толстому (см. слѣдующее письмо Толстого).

[2]) Вѣроятно, Петра Николаевича Полевого (род. 1839, ум. 1902), извѣстнаго литератора, въ 1882—1887 г. издававшаго журналъ „Живописное Обозрѣніе“.

[3]) Сергѣй Александровичъ Рачинскій, извѣстный ученый и педагогъ. отзывъ котораго о Толстомъ былъ приведенъ выше.

были снисходительны ко мнѣ въ прошедшемъ и не имѣли бы противъ меня ни малѣйшаго непріятнаго чувства.

Перемѣниться я нисколько не перемѣнился; но разница моего прошлогодняго состоянія и теперешняго такая же какъ между строющимся человѣкомъ и построившимся. Надѣюсь снять лѣса, вычистить соръ вокругъ жилья и жить незамѣтно и покойно [1]).

Читаю Эпиктета к. вы прислали—какъ хорошо!

Не пріѣдете ли въ Москву зимою? Какъ бы хорошо было.—Что вы дѣлаете? Неужели тоскуете. И Эпиктетъ и Христосъ не велятъ. Они велятъ радоваться. И можно.—

Обнимаю васъ и прошу не переставать любить меня.

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 12 Окт. 1882. Ясн. [2]).

177. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

13-го сент. 1882 г. Петербургъ [3]).

Вчера получилъ я экземпляръ Вашихъ сочиненій, безцѣнный Левъ Николаевичь, и совѣсть стала такъ грызть меня, что принимаюсь писать къ Вамъ. Много, много виноватъ я передъ Вами передъ Софьею Андреевною. Хочу покаяться передъ Вами. Все это время, весну и лѣто, я чувствовалъ себя такимъ дурнымъ, что готовъ былъ у всѣхъ просить прощенія, готовъ былъ ото всѣхъ убѣжать куда-нибудь. Меня давила непобѣдимая тяжесть. Такимъ я былъ и у Васъ, такимъ вернулся и въ Петербургъ. Вы справедливо запрещаете тосковать, и я знаю, въ такихъ случаяхъ, что душа моя болѣетъ отъ своей нечистоты. Но, кажется, тутъ есть и что-то физическое. Все время я полнѣю, и платье стало мнѣ узко. Всѣми силами я стараюсь меньше копаться съ собой и меньше занимать собою другихъ; но это не всегда удается, и я долженъ просить прощенія и за свою деревянность въ Ясной Полянѣ и за свои теперешнія изліянія.

---

[1]) По поводу этого письма Страховъ 5-го ноября писалъ Н. Я. Данилевскому: „Л. Н. Толстой въ хорошемъ духѣ. Купилъ домъ въ Москвѣ, устроился и, какъ онъ пишетъ, успокоился. Изучаетъ еврейскій языкъ. Я очень радуюсь за него; мнѣ все страшно объ немъ думать: такъ горячо онъ живетъ, съ напряженіемъ, съ волненіемъ“ („Русск. Вѣстн.“ 1907 г., № 2, стр. 462; см. также у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 438—439).

[2]) Толстой въ это время былъ не въ Ясной Полянѣ, а въ Москвѣ (см. Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 184—185).

[3]) На письмѣ помѣтка 13-го *сентября*, но мы относимъ его къ 13-му октября, такъ какъ „не тосковать“ Толстой совѣтуетъ Страхову въ письмѣ отъ 11-го октября (см. предыдущее письмо, по связи съ которымъ мы датируемъ настоящее письмо Страхова 1882-мъ годомъ).

Въ Москвѣ я видѣлъ много народу: Цертелева [1]), Ивакина, Николая Федоровича [2]), Иванцова-Платонова [3]) и другихъ, менѣе Вамъ интересныхъ. Ото всѣхъ на меня пахнуло чѣмъ-то старымъ и не обѣщающимъ ничего новаго. Каковъ самъ человѣкъ, такими кажутся ему люди. Николай Ѳедоровичъ и Иванцовъ твердили то, что я уже слышалъ. Порадовался я на неизмѣнную живость и бодрость Николая Ѳедоровича и на истинно блистательные зубы Иванцова. Въ этотъ разъ, мнѣ кажется, я понялъ Иванцова: онъ, очевидно, дѣйствовать не хочетъ, не считаетъ себя призваннымъ писать и рѣшать.

Онъ стоитъ въ сторонѣ, умно и тонко наблюдая все, что дѣлается, и спокойно надѣясь, что дѣло Божіе не можетъ не сдѣлаться. Его мысли объ Вашей дѣятельности, объ ея важности и пользѣ—очень пріятно было мнѣ услышать.

Въ Петербургѣ я сначала погрузился въ полное уединеніе и это было мнѣ, я думаю, полезно. Въ моемъ душевномъ состояніи еще лучше было бы, если бы я умѣлъ бить поклоны и по нѣскольку часовъ стоять на молитвѣ.

Однако, понемногу началъ я свои работы, и всѣ они теперь въ ходу, и чтеніе, и печатаніе и писаніе. Съ нетерпѣніемъ жду появленія Вашей книги; хотѣлось бы перечесть тѣ чудесныя страницы, которыя я читалъ въ Ясной Полянѣ.

Пойду въ Новое Время и скажу, что напишу имъ разборъ, чтобы никому другому не давали. Эта книга и вообще Ваши послѣднія писанія—вотъ тема, которая можетъ одушевить меня. Мнѣ хочется взять ихъ съ той стороны, съ которой никто не смѣетъ осуждать Васъ, хочется поставить ихъ какъ огромный поворотъ въ литературѣ и въ самой нашей жизни.

А до тѣхъ поръ, сдѣлаю и ту работу, которую обѣщалъ Графинѣ: выборку изъ Вашихъ сочиненій для школьнаго ихъ изданія. Хорошо было бы, если бы Графиня сговорилась для этого съ Поливановымъ [4]). Онъ совершенный мастеръ этого дѣла. Тогда моя выборка могла бы помочь ему, подсказать въ чемъ-нибудь или поправить.

---

[1]) Князя Д. Н. Цертелева, поэта.

[2]) Ѳедорова, философа, о коемъ см. выше.

[3]) Профессоръ церковной исторіи въ Московскомъ Университетѣ протоіерей Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ (ум. 12-го ноября 1894 г.). Письмо къ нему Толстого (1885)—въ „Новомъ сборникѣ писемъ Л. Н. Толстого“ П. А. Сергѣенка, стр. 41—42.

[4]) Левъ Ивановичъ Поливановъ (ум. 1899 г.), извѣстный педагогъ и издатель извѣстнаго собранія сочиненій Пушкина для школы. Въ его Гимназіи воспитывался одинъ изъ сыновей Толстого—графъ Андрей Львовичъ.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Дай Вамъ Богъ здоровья и душевной силы. Если Стасовъ досадилъ Графинѣ, то прошу у нея извиненія, что подалъ къ этому поводъ. Но не думаю, чтобы досадилъ; я очень его люблю, не смотря ни на что. Къ несчастію только нельзя съ нимъ разговаривать, а можно лишь слушать.

Вашъ сердечно и неизмѣнно преданный

Н. Страховъ.

178. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

5-го іюня 1883 г. [Петербургъ][1]).

Былъ такъ занятъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, что успѣлъ только послать Вамъ книги, а писать не могъ. Мнѣ все хочется высказать Вамъ то, что шевелится въ душѣ, и нѣжности, и просьбы, и упреки. Но это такъ мнѣ трудно, что я собираюсь—собираюсь, да и промолчу. И грустно подумать, что все это могло бы быть сказано, но пропадетъ навсегда. Когда я уѣзжалъ отъ Васъ въ Крымъ, я часто припоминалъ Ваши выраженія о томъ, что «кто не со мною, тотъ противъ меня», и слова въ письмѣ, что я «хуже позитивистовъ», и я думалъ: онъ отлучаетъ меня отъ церкви! Ну что-же дѣлать! Я вѣдь потому держусь своихъ мыслей, что не могу иначе, и не лукавлю передъ собою. Но пусть онъ отвергаетъ меня, я останусь ему вѣренъ. Простите, что мнѣ все хочется высказать Вамъ свою нѣжность; но я почти готовъ молчать и воздавать Вамъ почтеніе въ тайнѣ отъ Васъ.

Хочется мнѣ еще посѣтовать на одно Ваше обвиненіе, которое больно задѣваетъ меня. Я писалъ и говорилъ Вамъ о моемъ пристрастіи къ чистому созерцанію, о любви къ мысли, къ объективному представленію вещей. Можетъ быть это лучшее, что во мнѣ есть, тѣ минуты, когда я всего больше чуждъ поганаго эгоизма. Сколько разъ взволнованный, мучащійся, я успокаивался тѣмъ, что отбрасывалъ къ чорту свое милое я и смотрѣлъ лишь на общій смыслъ вещей. Поэтому меня всегда очень затрагиваетъ, когда высказывается сомнѣніе въ моемъ безкорыстіи. Что сердце подкупаетъ нашъ умъ, это я очень хорошо знаю и испыталъ, конечно, на себѣ много разъ. Но что умъ считаетъ эти подкупы грѣхомъ

---

[1]) Небольшой отрывокъ изъ этого письма приведенъ въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 433 (отъ словъ „Когда я уѣзжалъ“... до „въ тайнѣ отъ Васъ“). Первая половина письма помѣщена на полутора страничкахъ почтоваго листа, а вторая (другими чернилами и даже почеркомъ)—на третьей страницѣ, при чемъ почеркомъ второй сдѣлана помѣтка въ началѣ первой: „Писано годъ назадъ“.

и всячески стремится избѣжать ихъ, это я также знаю. Мнѣ ничего не нужно, Левъ Николаевичь, я ничего не добиваюсь, и уже смотрю шутя на все, кромѣ душевнаго блага. Но когда разговоришься безъ всякой другой цѣли, кромѣ разсужденія, и вдругъ раздастся подозрѣніе въ заднихъ мысляхъ—невольно обижаешься. Молчаніе—золото, да я и молчу самымъ усерднымъ образомъ.

Очень жажду Васъ видѣть, безцѣнный Левъ Николаевичь. Позвольте на два на три дни заѣхать въ Ясную Поляну. Въ мысляхъ я часто разговариваю съ Вами, а думаю объ Васъ конечно каждый день. И можетъ быть мнѣ и удастся и хорошенько пожаловаться и сказать Вамъ что-нибудь любопытное. А главное — повидать бы Васъ и послушать. Пишу это на листкѣ, на которомъ давно началъ письмо къ Вамъ. Прочитавши это начало, я увидѣлъ, что чувства мои не измѣнились, и посылаю его Вамъ. Они и не измѣнятся, надѣюсь; даже я увѣренъ, что Вы мнѣ не откажете въ маленькомъ участіи, не смотря на Вашу строгость.

Но поздно ужъ теперь переписываться. Выѣду я отсюда 15 іюня, пробуду можетъ быть день въ Москвѣ, и потомъ къ Вамъ [1]). Александръ Михайловичъ [2]) вѣрно будетъ раньше. Все больше и больше начинаю любить его и уважать. Какой чистый и милый человѣкъ!

И такъ простите, простите меня и позвольте пріѣхать. Графинѣ мое усердное почтеніе.

Всей душою Вашъ

1883. 5 Іюня. Спб. Н. Страховъ.

179. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Тостому.

. 6-го іюля 1883 г. [Воробьевка].

Черезъ недѣлю буду у Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь [3]). Я бы и сейчасъ перенесся къ Вамъ, если бы послушался своего

---

[1]) Страховъ собирался ѣхать къ Фету въ Воробьевку, гдѣ долженъ былъ оканчивать свою статью о Достоевскомъ. (См. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г. №2, стр. 464—465).

[2]) Кузминскій, своякъ Толстого, женатый на Т. А. Берсъ, Прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты, нынѣ (съ 19-го октября 1900 г.) сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, первоприсутствующій въ Общемъ Собраніи 1-го и Кассаціоннаго Департаментовъ Сената.

[3]) Въ Ясную Поляну Страховъ пріѣхалъ, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія у Фета въ Воробьевкѣ, 12-го іюля и 19-го іюля писалъ изъ Ясной Н. Я. Данилевскому, сообщая ему любопытныя подробности о Толстомъ, его занятіяхъ и работахъ. (См. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 467).

желанія; но мнѣ совѣстно бросить работу, которая идетъ плохо, но подвигается впередъ порядочно. Если бы не ужасная погода, то здѣсь было бы удобно писать. Но всего лучше было бы въ Петербургѣ, и меня теперь тянетъ туда.

Какъ я ни стараюсь возобновить въ памяти прошлую жизнь, интересъ лицъ и происшествій, все мнѣ кажется такимъ ничтожнымъ, что я каждый день думаю: зачѣмъ это писать? [1])

Поѣду къ Вамъ—въ Мекку, какъ смѣются надо мной въ Петербургѣ,—чтобы оживиться, чтобы прикоснуться къ неистощимой духовной жизни. А Вы будьте снисходительны къ моей сухости умственной и сердечной.

Татьянѣ Андреевнѣ [2]) скажите, что луна и цыплята здѣсь есть; крокетъ же напомнилъ мнѣ столько радостей и горестей, что я пришелъ въ волненіе; но впрочемъ обѣщаюсь по прежнему слушаться ее во всемъ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ [3]) и Марья Петровна [4]) очень кланяются Вамъ и Графинѣ, и всѣмъ. Опять скажу,—будь я немножко потеплѣе и повлажнѣе, я могъ бы тутъ много хорошаго сдѣлать. Вездѣ, всегда люди мучатъ сами себя, и я, хныкающій, конечно дѣлаю то же самое.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Передъ пріѣздомъ я телеграфирую—прошу на то у Васъ позволенія.

Вашъ душевно

1883. 6 Іюля. Спб. [5]) Н. Страховъ.

180. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

16-го августа 1883 г. Петербургъ.

Давно слѣдуетъ писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и благодарить Васъ отъ всей души за чудесные 16 дней Вашего гостепріимства. Съ великою нѣжностію смотрѣль я на Васъ, и общее благополучіе Ясной Поляны просто восхищало меня.

Мнѣ особенно понравился въ этотъ пріѣздъ Вашъ Ильюша [6]). Но главное—Ваши рѣчи и писанія [7]), и въ нихъ тотъ характеръ

---

[1]) Т. е., свою статью о Достоевскомъ, надъ которою Страховъ тогда работалъ.

[2]) Кузминской, сестрѣ графини С. А. Толстой.

[3]) Шеншинъ (Фетъ).

[4]) Жена Шеншина, рожд. Боткина.

[5]) Ошибочно—вмѣсто „Воробьевка“.

[6]) Сынъ Толстого.

[7]) Имѣется въ виду „Въ чемъ моя вѣра“, которое писалъ Толстой въ 1882—1883 г.; ср. письмо Страхова Н. Я. Данилевскому изъ Ясной Поляны отъ 19-го іюля 1883 г., съ восторженнымъ сообщеніемъ о работѣ Толстого („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 1, стр. 467).

спокойствія, о которомъ Вы мнѣ писали. Сколько понялъ—все меня радуетъ, все запало прямо въ душу.

Въ Москвѣ я провелъ нѣсколько дней, но не видѣлъ ни Аксакова [1]), ни Николая Ѳедоровича [2]) —Музей [3]) закрытъ. За то—поохотился за книгами, осматривалъ Вашъ домъ [4]) и Третьяковскую галлерею. Вашъ домъ и Ваши комнаты—все какъ-будто нарочно придумано по Вашему характеру и вкусу. Я очень любовался. А въ Третьяковской галлереѣ, почти вдвое выросшей съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ, и составляющей вѣроятно лучшее собраніе русскихъ картинъ, какое существуетъ, меня ждала необыкновенно пріятная неожиданность—«Медея» Свѣдомскаго. Я порадовался и за свой вкусъ—сошелся съ Третьяковымъ. Какая прелесть это лицо! Просто я млѣлъ отъ жалости и отъ чувства женской красоты.

Въ Петербургѣ я дни два отдыхалъ и здоровался со своими книгами, потомъ принялся работать, и дѣло пошло, къ моему большому удовольствію.

Письмо Фета [5]), пересланное отъ Васъ, оказалось очень милымъ. Я выпишу то, что касается Ясной Поляны:

«Спасибо Льву Николаевичу за его отзывъ обо мнѣ. Вы хорошо знаете, какъ высоко я цѣню его, какъ человѣка и художника. Но это мнѣ мало помогаетъ. У насъ въ настоящее время гоститъ знакомая ему M-elle, теперь M-me Amelie (пьянистка) и она-то вчера безъ всякаго съ моей стороны вызова начала распространяться о солидарности (бывшей) нашихъ мыслей съ Львомъ Николаевичемъ. То ли это теперь? Конечно сущность (абстрактная) лицъ отъ такой перемѣны не пострадала. Но гдѣ тотъ жгучій интересъ взаимнаго ауканья?»

Послѣднія слова — прелесть. Но дальше идетъ гораздо хуже, именно, что въ полиціи все спасеніе.

А вотъ это получше:

«Усердно поклонитесь отъ меня неувядаемымъ дамамъ и скажите, что я только духомъ живу въ мірѣ невозможно-возможнаго, а тѣломъ, увы! прижатъ къ землѣ. Я уже 2 раза выписывалъ черезъ А. Ивановича изъ Москвы свои новыя книги—и оба раза ни одной не осталось. И еслибъ нужна справка, то и самому не по чемъ справиться».

---

[1]) Ивана Сергѣевича, издателя „Руси“, въ которой Страховъ сотрудничалъ.

[2]) Ѳедорова; о немъ см. выше.

[3]) Румянцовскій, въ которомъ служилъ Ѳедоровъ.

[4]) Въ Хамовническомъ переулкѣ, купленный Толстымъ въ 1882 г. Теперь въ немъ Музей имени Толстого.

[5]) Оно въ печати не появлялось.

Все это писалось въ томъ предположеніи, что будетъ читаться въ Ясной Полянѣ. Посылаю по адресу.

Опять я оторвался отъ письма къ Вамъ, но зато почти кончилъ свою «біографію». Не ожидалъ я, что это такъ меня увлечетъ, и если первая половина будетъ скучна, то вторая вѣроятно прочтется съ интересомъ. Какое странное явленіе этотъ человѣкъ! И отталкивающее, и привлекательное.

Вернувшись, я услышалъ много печальныхъ вѣстей: двое умерло въ Библіотекѣ [1]), и Покровскій (пріятель) боленъ при смерти. А онъ моложе меня на 10 лѣтъ! Но чѣмъ мнѣ яснѣе, что смерть ходитъ около меня, тѣмъ спокойнѣе становится на душѣ. Я купилъ новый столъ, новую лампу, построилъ три новыхъ шкапа для книгъ, и усердно сижу дома. Все готово, ничего больше не нужно; кажется никогда я не былъ такъ счастливъ, въ такомъ ровномъ и ясномъ духѣ.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Отъ всей души желаю Вамъ тѣхъ благъ, которыя Вы такъ хорошо знаете. Хоть я и читаю аскетическія книги, а Вы много лучше меня говорили на тѣ же темы. Щебальскій [2]) спрашиваетъ меня объ Васъ. Ему пришло на мысль писать что-то. Постараюсь внушить ему построже, чтобы онъ не путалъ. Графинѣ и Татьянѣ Андреевнѣ и Александру Михайловичу [3]) и всѣмъ — —

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1883 г. 16 Авг. Спб.

PS. Я послалъ Вамъ Еврейскую Библію съ русскимъ переводомъ [4]). Объ остальныхъ книгахъ еще не успѣлъ распорядиться.

Вспомните иногда, что каждая строчка отъ Васъ мнѣ радость и утѣшеніе. Жгучій интересъ взаимнаго ауканья у меня конечно живѣе, чѣмъ у Васъ.

И простите меня. Я прибранилъ Достоевскаго, а самъ, вѣрно, хуже.

---

[1]) Одинъ изъ умершихъ былъ завѣдующій хозяйственной частью въ Библіотекѣ, Ѳедоръ Ивановичъ Плетеневъ (ум. 12-го іюля 1883 г.).

[2]) Петръ Карловичъ Щебальскій, сперва Московскій полиціймейстеръ, а потомъ начальникъ Варшавской Учебной Дирекціи, въ 1881 г. вышедшій въ отставку и проживавшій въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ 21-го марта 1886 г.; авторъ многихъ статей и изслѣдованій по Русской и Польской исторіи и критикъ и публицистъ; сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“ (гдѣ въ 1868 г. напечаталъ статью о „Войнѣ и мирѣ“), въ 1883—1886 г. редакторъ „Варшавскаго Дневника“.

[3]) Т. А. и А. М. Кузминскіе—свояченица и свякъ Толстого.

[4]) Толстой тогда занимался изученіемъ еврейскаго языка; объ этомъ см. въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 439—442.

181. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

16-го сентября 1883 г. Петербургъ.

Душевно благодарю Васъ за письмецо [1]), безцѣнный Левъ Николаевичъ! Меня тронуло и пристыдило и то, что̀ Вы пишите, и то, что̀ разсказывалъ Александръ Михайловичъ [2]), что Вы заждались моего письма. Но я вчера только успѣлъ повидать А. М.: такъ я к о п а ю с ь во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мысляхъ. Благодарю Васъ и за рукопись, которую Вы прислали для Публичной Библіотеки [3]): я ее сперва перечту самъ съ величайшимъ вниманіемъ и пользою.—Теперь всѣ здѣсь заняты Тургеневымъ, и похороны его будутъ что-то колоссальное. Очевидно изъ нихъ хотятъ сдѣлать демонстрацію; но большинство волнуется просто изъ искренняго или подражательнаго почтенія къ литературѣ [4]). Вы видите, безцѣнный Левъ Николаевичъ, какъ жадно люди хватаются за имя, за гробъ, за минуту опусканія этого гроба въ землю. Людямъ нужно нѣчто совершенно опредѣленное и индивидуальное. Такъ имъ нужна церковь, алтарь, минута произнесенія извѣстныхъ словъ. Въ общемъ они жить не могутъ, и тѣ, кто очень мало способенъ и расположенъ къ литературѣ, будутъ преусердно горевать на могилѣ Тургенева. Вы пишете, что вамъ думается о немъ—конечно, Вы понимаете его и его смерть лучше, чѣмъ кто-нибудь. Я прочитываю въ газетахъ разсказы объ немъ и отзывы, и пересталъ на него сердиться. Онъ былъ добродушный, мягкій сердцемъ и несчастный человѣкъ. Ему хотѣлось славы, и онъ постарался создать себѣ огромную извѣстность. Но онъ мучился, не зная, чего держаться. Въ одно онъ вѣрилъ, въ прогрессъ, въ молодое поколѣніе—и разсорился съ нимъ. Мнѣ разсказывали, что въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества любителей, молодой человѣкъ, студентъ говорилъ ему рѣчь, въ которой заявлялъ, что О т ц ы и Д ѣ т и были грѣхомъ противъ прогресса, но что Н о в ь ю Тургеневъ искупилъ свой грѣхъ, и что они, молодые люди, ему прощаютъ. Рѣчь была сказана вопреки желанію Юрьева [5]), боявшагося за Общество. Фактъ этотъ совершенно достовѣрный. Жаль одно—Н о в ь очень плоха.

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) Кузминскій.

[3]) Объ этомъ пожертвованіи упомянуто въ Отчетѣ Имп. Публичной Библіотеки за 1883 г. (С.-Пб. 1885, стр. 294), гдѣ въ „Спискѣ частныхъ приношеній рукописями, автографами..., полученныхъ Имп. Публичною Библіотекою въ 1883 году“, указано, между прочимъ: „Отъ Толстого, графа Л. Н.—1“.

[4]) О похоронахъ Тургенева почти то же писалъ Страховъ тогда же и Н. Я. Данилевскому (см. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 2, стр. 469).

[5]) С. А. Юрьева, тогдашняго Предсѣдателя Общества.

Началось печатаніе моихъ Воспоминаній о Достоевскомъ. Я все еще въ этой работѣ, но черезъ мѣсяцъ мечтаю быть совершенно свободнымъ.

Простите меня. Душевно Васъ люблю, и часто утѣшаюсь, вспоминая Васъ. Какъ Вы были хороши! Жалѣю, что не успѣлъ тогда сказать Графинѣ, какимъ красавцемъ Васъ нахожу. Мое усердное почтеніе Графинѣ. Дни черезъ четыре увижу Татьяну Андреевну [1]).

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1883 г. 16 Сент. Спб.

PS. Тупость и черствость, неподвижность умственная и сухость сердечная—вотъ что находитъ на меня; и то я бьюсь противъ этого, то опускаюсь, отдаюсь этому. Но Вамъ я вѣренъ и останусь вѣренъ, дорогой Левъ Николаевичъ.

182. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

28-го ноября 1883 г. Петербургъ.

Напишу Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, небольшое письмо, хотя тема у меня богатѣйшая. Но и нездоровится, и очень долго бы было вполнѣ развить эту тему. Вы вѣрно уже получили теперь Біографію Достоевскаго [2])—прошу Вашего вниманія и снисхожденія—скажите, какъ Вы ее находите [3]). И по этому то случаю хочу исповѣдаться передъ Вами. Все время писанья я былъ въ борьбѣ, я боролся съ подымавшимся во мнѣ отвращеніемъ, старался подавить въ себѣ это дурное чувство. Пособите мнѣ найти отъ него выходъ. Я не могу считать Достоевскаго ни хорошимъ, ни счастливымъ человѣкомъ (что, въ сущности, совпадаетъ). Онъ былъ золъ, завистливъ, развратенъ, и онъ всю жизнь провелъ въ такихъ воленіяхъ, которыя дѣлали его жалкимъ, и дѣлали бы смѣшнымъ, если бы онъ не былъ при этомъ такъ золъ и такъ уменъ. Самъ же онъ, какъ Руссо, считалъ себя лучшимъ изъ людей, и самымъ счастливымъ. По случаю біографіи я живо вспомнилъ всѣ эти черты. Въ Швейцаріи, при мнѣ, онъ такъ помыкалъ слугою, что тотъ

---

[1]) Кузминскую.

[2]) Она была напечатана въ книгѣ „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки С. М. Достоевскаго. Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями“, С.-Пб. 1883, 8⁰.

[3]) Толстой высказалъ свое мнѣніе въ письмѣ къ Страхову отъ начала декабря (изъ Москвы), напечатанномъ въ книгѣ П. И. Бирюкова (т. II, стр. 457—458). Біографію Достоевскаго Страховъ одновременно послалъ на судъ и Н. Я. Данилевскаго („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 125—127). Отзывъ о ней Вл. С. Соловьева см. въ письмѣ его къ Страхову отъ 13-го января 1884 г. (Письма В. С. Соловьева. Подъ ред. Э. Л. Радлова, т. I, С.-Пб., 1908, стр. 16.)

обидѣлся и выговорилъ ему: „Я вѣдь тоже человѣкъ!“ Помню, какъ тогда же мнѣ было поразительно, что это было сказано проповѣднику гуманности и что тутъ отозвались понятія вольной Швейцаріи о правахъ человѣка.

Такія сцены были съ нимъ безпрестанно, потому что онъ не могъ удержать своей злости. Я много разъ молчалъ на его выходки, которыя онъ дѣлалъ совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо; но и мнѣ случилось раза два сказать ему очень обидныя вещи. Но разумѣется въ отношеніи къ обидамъ онъ вообще имѣлъ перевѣсъ надъ обыкновенными людьми, и всего хуже то, что онъ этимъ услаждался, что онъ никогда не каялся до конца во всѣхъ своихъ пакостяхъ. Его тянуло къ пакостямъ и онъ хвалился ими. Висковатовъ [1]) сталъ мнѣ разсказывать, какъ онъ похвалялся, что..... въ банѣ съ маленькой дѣвочкой, которую привела ему гувернантка. Замѣтьте при этомъ, что, при животномъ сладострастіи, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно въ его романахъ. Лица, наиболѣе на него похожія,—это герой Записокъ изъ Подполья, Свидригайловъ въ Прест. и Нак. и Ставрогинъ въ Бѣсахъ; одну сцену изъ Ставрогина (растленіе и пр.) Катковъ не хотѣлъ печатать, но Д. здѣсь ее читалъ многимъ.

При такой натурѣ онъ былъ очень расположенъ къ сладкой сантиментальности, къ высокимъ и гуманнымъ мечтаніямъ, и эти мечтанія—его направленіе, его литературная муза и дорога. Въ сущности, впрочемъ, всѣ его романы составляютъ самооправданіе, доказываютъ, что въ человѣкѣ могутъ ужиться съ благородствомъ всякія мерзости.

Какъ мнѣ тяжело, что я не могу отдѣлаться отъ этихъ мыслей, что не умѣю найти точки примиренія! Развѣ я злюсь? Завидую? Желаю ему зла? Нисколько; я только готовъ плакать, что это воспоминаніе, которое могло бы быть свѣтлымъ, — только давитъ меня!

Припоминаю Ваши слова, что люди, которые слишкомъ хорошо насъ знаютъ, естественно не любятъ насъ. Но это бываетъ и иначе. Можно, при [долгомъ] близкомъ знакомствѣ узнать въ человѣкѣ черту, за которую ему потомъ будешь все прощать. Движеніе истинной доброты, искра настоящей сердечной теплоты, даже одна минута настоящаго раскаянія—можетъ все загладить; и если бы я вспомнилъ что-нибудь подобное у Д., я бы простилъ его и радовался бы на него. Но одно возведеніе себя въ прекраснаго человѣка, одна головная и литературная гуманность—Боже, какъ это противно!

---

[1]) Павелъ Александровичъ, впослѣдствіи профессоръ Юрьевскаго Университета, біографъ и издатель Лермонтова; ум. 16-го апрѣля 1905 г.

Это былъ истинно несчастный и дурной человѣкъ, который воображалъ себя счастливцемъ, героемъ и нѣжно любилъ одного себя.

Такъ какъ я про себя знаю, что могу возбуждать самъ отвращеніе, и научился понимать и прощать въ другихъ это чувство, то я думалъ, что найду выходъ и по отношенію къ Д. Но не нахожу и не нахожу!

Вотъ маленькій комментарій къ моей Біографіи; я могъ бы записать и разсказать и эту сторону въ Д.; много случаевъ рисуются мнѣ гораздо живѣе, чѣмъ то, что мною описано, и разсказъ вышелъ бы гораздо правдивѣе; но пусть эта правда погибнетъ, будемъ щеголять одною лицевою стороною жизни, какъ мы это дѣлаемъ вездѣ и во всемъ!

Я послалъ вамъ еще два сочиненія (дублеты), которыя очень самъ люблю, и которыми, какъ я замѣтилъ бывши у Васъ, Вы интересуетесь. Pressensé [1])—прелестная книга, перворазрядной учености [2]), а Joly—конечно лучшій переводъ М. Аврелія, восхищающій меня мастерствомъ.

Еще давно, въ Августѣ, я послалъ Вамъ въ Ясную Еврейскую Библію. Прошу Васъ не полѣнитесь—черкните, получили ли Вы ее? У меня есть если не сомнѣніе, то возможность сомнѣнія въ томъ, дошла ли она до Васъ [3]).

Простите меня и прошу Васъ, помните мою преданность. Теперь, хоть и нездоровится, чувствую себя недурно, освободясь отъ тяжелой работы. Но лучше ли я сталъ, Богъ вѣдаетъ—а вѣдь это главное.

Написалъ нѣсколько страницъ объ Тургеневѣ (для Руси) [4]), но

---

[1]) Французъ, протестантскій богословъ, авторъ многихъ богословскихъ сочиненій, какъ напр. „Jésus Christ, son temps, sa vie, son œuvre“; „Histoire des trois premiers siècles de l'Eglise Chrétienne“ и др. Род. въ 1824, ум. въ 1891 г.

[2]) Толстой отвѣчалъ Страхову: „Книгу Пресансе я тоже прочиталъ, но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки. Бываютъ лошади-красавицы: рысакъ цѣна 1.000 р., и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна грошъ. Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ. А я очень полюбилъ. И забавно,—за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ; а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь, если еще не завезетъ въ канаву. И Пресансе и Достоевскій оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого—умъ и сердце пропали ни за что. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго — и не за художественность, а за то, что безъ заминки“.

[3]) См. выше стр. 305. Толстой отвѣчалъ Страхову, что Еврейскую Библію онъ „съ радостію получилъ давно“.

[4]) Статьи о Тургеневѣ были напечатаны въ №№ 19 и 23 „Руси“ за 1883 г.

неужели Вы ничего не напишете? Вѣдь во всемъ, что писано, такая фальшь, холодъ! А я съ нимъ помирился—хоть и не имѣю права такъ говорить: не зналъ его почти вовсе.

Графинѣ мое усердное почтеніе, и если кто вспомнитъ. А какъ Вы нашли И. П. Минаева? Онъ очень восхищенъ [1]).

Всей душою Вашъ
Н. Страховъ.

1883. 28 Ноября. Спб.

183. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому [2]).

12-го декабря 1883 г. Петербургъ.

Если такъ, то напишите же, безцѣнный Левъ Николаевичъ, о Тургеневѣ. Какъ я жажду прочесть что-нибудь съ такою глубокою подкладкою, какъ Ваша! А то наши писанія—какое-то баловство для себя или комедія, которую мы играемъ для другихъ. Въ своихъ Воспоминаніяхъ [3]) я все налегалъ на литературную сторону дѣла, хотѣлъ написать страничку изъ Исторіи Литературы; но не могъ вполнѣ побѣдить своего равнодушія. Лично о Достоевскомъ я старался только выставить его достоинства; но качествъ, которыхъ у него не было, я ему не приписывалъ. Мой разсказъ о литературныхъ дѣлахъ вѣроятно мало Васъ занялъ. Сказать ли однако прямо? И Ваше опредѣленіе Достоевскаго, хотя многое мнѣ прояснило, все-таки мягко для него. Какъ можетъ совершиться въ человѣкѣ переворотъ, когда ничто не можетъ проникнуть въ его душу дальше извѣстной черты? Говорю — ничто — въ точномъ смыслѣ этого слова; такъ мнѣ представляется эта душа. О, мы несчастныя и жалкія созданія! И одно спасеніе—отрѣчься отъ своей души.

За книги, которыя я Вамъ послалъ, я не хочу съ Васъ ничего брать, кромѣ самаго маленькаго спасибо. Мнѣ онѣ достались за безцѣнокъ (напр. Joly [4]) за 20 к.), да кромѣ того я все еще получаю маленькія деньги за разрозненныя части перваго изданія Вашей Азбуки. Сколько этихъ денегъ, я, по лѣности, не съумѣю сказать, не записывалъ; но хоть они не вполнѣ покроютъ книги,—разница будетъ пустая. Мнѣ главное, чтобы книги были Вамъ

---

[1]) Извѣстный профессоръ-санскритологъ Иванъ Павловичъ Минаевъ (род. 1840, ум. 1890).

[2]) Отвѣтъ на письмо Толстого отъ начала декабря 1883 г., напечатанное въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II, стр. 457—458.

[3]) О Достоевскомъ.

[4]) Переводъ Марка Аврелія.

пріятны. Гризбаха [1]) я давно не считалъ своимъ. Постараюсь поискать—нельзя ли будетъ въ Лейпцигѣ найти его. Но во всякомъ случаѣ его можно замѣнить—большимъ изданіемъ Тишендорфа [2]), которое вѣроятно сейчасъ можно будетъ выслать Вамъ, если пожелаете. Ни на какую книгу я не смотрю, какъ на образецъ для Васъ, а только какъ на матеріалъ, пособіе. А что за корректуры потеряны Вами? [3]) Здѣсь были слухи о Вашей статьѣ для Р. М ы с л и.

У Кузьминскихъ я обѣдаю каждую среду, и очень стало мнѣ это пріятно. Оттуда узнаю и объ Васъ. Они живутъ трудно, и заняты и средства ихъ въ самый обрѣзъ. Я же живу легко: и денегъ, и даже времени у меня довольно. Недавно у меня скопилось до 1.000 рублей, въ первый разъ въ жизни. Спокойствіе мое возрастаетъ; но здоровье измѣняетъ. Въ послѣднее время—мучатъ глаза, не даютъ читать — великое для меня горе. Каждый день думаю о смерти, и такъ ясно мнѣ, какъ она подходитъ все ближе и ближе. Хотѣлось бы еще написать о естественныхъ наукахъ и о томъ невѣдомомъ Богѣ, который всегда къ намъ близокъ.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь. Отъ всей души желаю Вамъ всего хорошаго. Благодарю Васъ за письмо, въ которомъ мнѣ такъ и послышался пульсъ сильной жизни, которою Вы живете.

Вспоминайте иногда

Вашего усерднаго

Н. Страхова.

1883 г. 12 Дек. Спб.

184. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

18-го марта 1884 г. Петербургъ.

Соловьевъ мнѣ пишетъ [4]): «на дняхъ я прочиталъ Въ чемъ моя вѣра» [5]). Эти слова привели меня въ большую зависть, безцѣнный Левъ Николаевичь. Какъ ни совѣстно Васъ безпокоить, но

---

[1]) См. выше. Толстой писалъ Страхову, что, ѣдучи съ вокзала въ Москвѣ къ своему дому, онъ потерялъ чемоданъ съ рукописями и корректурами и, между прочимъ, съ 1-мъ томомъ Гризбаха,—въ чемъ и извинялся передъ Страховымъ.

[2]) См. выше.

[3]) Это были корректуры книги „Въ чемъ моя вѣра“, которая тогда печаталась въ количествѣ 50 экземпляровъ, но была запрещена Побѣдоносцевымъ (см. у П. И. Бирюкова, т. II, стр. 458—470).

[4]) Въ письмѣ, напечатанномъ въ сборникѣ „Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Подъ ред. Э. Л. Радлова“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 21.

[5]) Экземпляры арестованной по распоряженію Побѣдоносцева книги „Въ чемъ моя вѣра“ были выписаны въ Петербургъ, гдѣ и разошлись по рукамъ высокопоставленныхъ лицъ, а потомъ распространились во множествѣ списковъ съ величайшею быстротою.

я очень жажду наставленія, и потому не забудьте меня, если будетъ возможно.

---

18 Марта 1884.

Эти верхнія строчки писаны съ мѣсяцъ тому назадъ. Очень мнѣ недостаетъ переписки съ Вами! Маленькая записочка съ Миноромъ [1]), и та мнѣ была большимъ утѣшеніемъ [2]). Вы прекрасно сдѣлали, адресовавши его къ Стасову [3]). Тотъ все устроилъ съ такою энергіею и быстротою, къ какой никто другой не способенъ. Миноръ былъ у меня и поразилъ меня своею красотою, щеголеватостію и бойкостію. Мы съ нимъ говорили о физіологіи и психіатріи; онъ много сообщилъ любопытнаго и умнаго—но онъ уменъ—какъ отличная умная нѣмецкая книга, недавно вышедшая. Это полное отсутствіе своеобразія меня поразило. Конечно лучше профессора придумать невозможно. Но какъ же случилось, что отъ отца онъ ничего не взялъ?

Настроеніе современныхъ людей имѣетъ въ себѣ что-то прометеевское. Они хотятъ распоряжаться природою, они мечтаютъ, какъ алхимики, продлить жизнь, передѣлать по своему животныхъ и растенія, какія водятся на земномъ шарѣ, овладѣть болѣзнями и т. п. Они уже видятъ успѣхи своихъ трудовъ, они веселы и смѣлы и будущее радугой играетъ передъ ними.

Но пока, насчетъ болѣзней дѣло плохо. Съ начала Марта я болѣю, и недѣли двѣ проболѣлъ очень нехорошо,—не могъ ничего дѣлать, ни писать ни читать. Пригласилъ я къ себѣ любимаго ассистента Боткина, очень милаго человѣка. Но оказалось, что онъ меня совсѣмъ не лѣчилъ; онъ только противодѣйствовалъ лихорадкѣ, а тамъ все предоставлялъ природѣ. Я сунулся было къ нему съ вопросами о своемъ катаррѣ и другихъ хворостяхъ, но онъ, услышавши, что я ихъ переношу безъ крайняго разстройства, не сталъ и говорить— — Я понялъ, что Гиппократъ опять въ силѣ, и въ теоріи былъ очень доволенъ, но на практикѣ огорчился. Недавно меня вѣдь очень поразило искусство медицины. Мнѣ вылѣчили мои глаза. Я до сихъ поръ едва этому вѣрю, потому что лѣтъ пятнадцать ложился спать и вставалъ съ зудомъ и гноемъ на рѣсницахъ и спасался только ежедневнымъ примачиваніемъ. Теперь глаза дѣйствуютъ у меня всею силою своего зрѣнія, такъ что я вижу яснѣе и не устаю видѣть, разумѣется въ очкахъ. А объ зудѣ и гноѣ—помину нѣтъ. Это сдѣлано въ три или четыре дня.

---

[1]) Сынъ раввина, учившаго въ Москвѣ Толстого еврейскому языку (см. П. Бирюковъ, т. II, стр. 440—441).

[2]) Эта записочка въ печати не появлялась.

[3]) Библіотекарь Публичной Библіотеки В. В. Стасовъ.

Работы мои все не наладились, т. е. послѣ біографіи Достоевскаго. Небольшою помѣхою былъ Дарвинизмъ, огромная книга (67 печатныхъ листовъ), печатающаяся подъ моимъ наблюденіемъ. Это—опроверженіе Дарвина, Н. Я. Данилевскаго. Немножко мы поспорили съ авторомъ и переписывались [1]) (онъ въ Крыму), да приходится смотрѣть корректуры. И я все раскачиваюсь, чтобы приняться за свою книгу—Дѣятельность познанія, или же Познаніе, какъ дѣятельность,—что-нибудь въ этомъ родѣ.

Въ настоящую минуту я кажется успокоился; но вообще я дурно провелъ эту зиму. Покаюсь Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, я поддавался новымъ гадостямъ, которыя открылись у меня въ душѣ, боролся съ ними, но очень мучился и унывалъ. По-чему-то на этотъ разъ мнѣ было совершенно ясно, что я въ глубинѣ души очень пошлъ и дуренъ. По обыкновенію я пережидалъ и, кажется, переждалъ; но эти открытія очень огорчили меня.

На Страстной думаю быть здоровымъ и побывать въ Москвѣ. Фетъ и Соловьевъ зовутъ, и я очень ужъ затупѣлъ отъ однообразія и возни съ книгами, которыя наконецъ начинаютъ вовсе терять свой вкусъ для меня.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь. Дай Вамъ Богъ силъ и здоровья—Вамъ еще много работы.

Всей душою Вашъ
Н. Страховъ.

1884. 18 Марта. Спб.

PS. Передайте Графинѣ низкій мой поклонъ и душевную благодарность за ея доброе письмо (истинно—не стою). Дѣло, о которомъ я писалъ, пошло въ ходъ.

185. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го іюня 1884 г. Петербургъ.

Прощайте, безцѣнный Левъ Николаевичь. Ѣду въ Германію для того, чтобы немножко полечиться, послушать много (если удастся) музыки Вагнера [2]) и поболтаться по разнымъ городамъ среди красивыхъ мѣстъ и всякаго благоустройства европейской жизни. Когда въ хлопотахъ передъ отъѣздомъ я бросилъ читать, я вдругъ

---

[1]) Большое письмо Страхова къ Н. Я. Данилевскому отъ 3-го марта 1884 г., посвященное вопросамъ теоріи происхожденія видовъ, см. въ „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 129—132.

[2]) Въ эту поѣздку Страховъ посѣтилъ Байрейтъ съ его знаменитымъ Вагнеровскимъ театромъ, гдѣ слушалъ трижды „Парсифаля“; въ Мюнхенѣ два раза прослушалъ „Кольцо Нибелунга“, а въ Лейпцигѣ—„Летающаго Голландца“ (см. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 132).

почувствовалъ, что голова у меня свѣжѣе и что у меня много времени. Однообразіе моей жизни сдѣлалось наконецъ мнѣ мучительно, и я думаю, что поѣздка очень освѣжитъ меня. Если дѣло пойдетъ хорошо, то я останусь за границей мѣсяца четыре, а не то вернусь и черезъ два. Планы мои не удались; я не успѣлъ написать до отъѣзда ни Прогулки въ Константинополь и на Аѳонъ, ни письма Опять о спиритизмѣ. Цѣли у меня высокія, дорогой Левъ Николаевичъ. Въ Прогулкѣ я хотѣлъ разговориться о монашеской жизни, а въ Спиритизмѣ я все пытаюсь поймать границу человѣческаго познанія. Но я такъ усталъ, что меня эти важные вопросы недовольно подымаютъ и возбуждаютъ. Здоровье мое въ сущности очень не дурно, хотя я все продолжаю худѣть.

Читали ли вы послѣднюю книжку Вл. Соловьева, Религіозныя основы жизни? Она занимала меня въ послѣднее время. Это почти полная параллель Вашему истолкованію Евангелія и книгѣ Въ чемъ моя вѣра. Его пониманіе Христа и Церкви есть лучшее изо всего, что мнѣ случалось читать у чистыхъ церковниковъ. Онъ мнѣ открылъ самую внутреннюю сторону Церкви, и хотя я не признаю этой постановки дѣла, но началъ понимать, въ чемъ состоитъ великая привлекательность этого ученія и какими силами создалось то историческое явленіе, которое называется церковью. Съ величайшею жадностью услышалъ бы я Ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ. Прочтите книжку Соловьева—право она того стоитъ. Много мѣстъ слабыхъ, даже очень слабыхъ; напримѣръ толкованіе молитвы Господней и то не вполнѣ состоятельно. Но есть страницы безподобныя, ясно и глубоко опредѣляющія стремленіе душъ, выразившееся въ религіозной исторіи. Такъ какъ эта исторія строилась не отвлеченно, а самою жизнью человѣчества, то мы теперь потеряли ея смыслъ, и напр., такой человѣкъ, какъ К. Н. Леонтьевъ [1]), жившій и на Аѳонѣ и въ другихъ монастыряхъ и очень ревностный къ ученію церкви, не понимаетъ самыхъ существенныхъ вещей этого дѣла. Кстати: прощаясь со своимъ Предсѣдателемъ А. И. Георгіевскимъ [2]), я съ удивленіемъ услышалъ, что онъ теперь погрузился въ изученіе Христіанства. Онъ полагаетъ, что для того, чтобы имѣть свое мнѣніе въ этихъ вопросахъ (какъ

---

[1]) Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ (род. 13-го января 1831, ум. 12-го ноября 1891 г.), врачъ, потомъ консулъ на Востокѣ и, наконецъ, цензоръ въ Москвѣ, жившій съ 1887 г. въ Оптиной пустыни, гдѣ принялъ тайное постриженіе. Талантливый писатель, публицистъ, богословъ и мыслитель, Леонтьевъ ждетъ еще своего біографа. Сочиненія его недавно изданы фирмою Саблина.

[2]) Предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Страховъ былъ членомъ.

напр. Вы имѣете), нужно обладать величайшею ученостію, читать Отцевъ церкви, всѣ изслѣдованія текстовъ Писанія и т. д. Я уже послалъ ему изъ П. Библіотеки нѣсколько книгъ по этому предмету, которыхъ онъ просилъ. Но, увы! всякій беретъ изъ книгъ только то, что есть въ немъ самомъ, можетъ только развивать существующіе задатки, а не пріобрѣсти новые. Вполнѣ новое дается только жизнью, да и то есть только развитіе собственной души человѣка.

Посылаю Вамъ при этомъ двѣ книги: одну въ подарокъ, другую на время. Meadow's хотя некрасивъ по наружности, но очень интересенъ по содержанію и кажется пользуется большимъ авторитетомъ, судя по ссылкамъ, которыя на него дѣлаютъ ученые. Laotsea [1]), какъ видно, нелегко получить,—впрочемъ я сомнѣваюсь въ Вашихъ книгопродавцахъ. Поблагодарите отъ меня Александра Михайловича [2]) за письмо,—я какъ разъ получилъ его сегодня. Скажите, что изъ книгъ, имъ оставленныхъ, ни одна не пригодилась для Публичной Библіотеки, а рукопись годится и оцѣнена въ 5 рублей. Жалѣю объ Сашѣ [3]), но очень радуюсь, что вѣсти вообще такія хорошія. Душевно желаю, чтобы великое таинство, которое теперь совершается въ Ясной Полянѣ, совершилось благополучно. Конечно, мнѣ очень хотѣлось бы побывать и въ Ясной. Но ласковыя приглашенія только трогаютъ меня и почти всегда напоминаютъ, что я ихъ не стою. Какъ будто было прежде во мнѣ что-то, по чему можно было желать моего присутствія, но это что-то теперь пропало. Сердечный мой поклонъ всѣмъ и помнящимъ и непомнящимъ меня (непомнящихъ вѣдь у Васъ много). Простите, не будьте строги ко мнѣ и отзовитесь, если напишу Вамъ изъ-за границы.

Вашъ всею душою

Н. Страховъ.

1884. 20 іюня. Спб.

186. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

1-го ноября 1884 г. Петербургъ.

Очень хочется, безцѣнный Левъ Николаевичъ, сообщить Вамъ свои мысли и чувства, но не могу я выдерживать Вашего молчанія—думаю объ Васъ безпрестанно, собирался не разъ писать изъ заграницы, но когда невольно представится, что ничего не узнаю о

---

[1]) См. выше. О немъ см. статью въ „Вопросахъ Философіи и психологіи".

[2]) Кузминскій, своякъ Толстого, нынѣ сенаторъ.

[3]) Вѣроятно—старшій сынъ А. М. и Т. А. Кузминскихъ—Александръ Александровичъ Кузминскій (род. 1880), служившій впослѣдствіи по Министерству Финансовъ.

впечатлѣніи своего письма,—мѣшкаю и ничего не пишу. Говорю не въ упрекъ Вамъ, а себѣ въ извиненіе.

Поѣздка моя [1]) была очень любопытна. Я прощался съ Европой, съ нѣмецкимъ искусствомъ, съ Западомъ и его просвѣщеніемъ, котораго мнѣ уже больше не видать [2]). Нынче я все собираюсь умирать, все кажется, что жизнь уже кончена—и чувствуешь ея пустоту, и ни за что не хочется взяться.

Странныя впечатлѣнія. Баварцы (въ Байрейтѣ, въ Мюнхенѣ, въ Штутгартѣ) показались мнѣ такими добрыми и милыми людьми, что я кажется люблю ихъ больше русскихъ и охотно бы тамъ остался. Вообще, я три мѣсяца чувствовалъ себя космополитомъ, и вернувшись домой до сихъ поръ не привыкъ къ патріотизму, вѣроятно охладѣлъ къ нему навсегда. Какъ хорошо смотрѣть на каждаго человѣка какъ на брата и не разбирать, какого онъ племени и закона! Байрейтъ [3]) по моему—чистая Аркадія: доброта, веселость, спокойствіе—постоянныя, ненарушимыя! Берлинъ, разумѣется, другое дѣло. Но онъ въ своемъ родѣ сталъ чудомъ, выросъ вдвое, обстроился и щеголяетъ удивительными удобствами, чистотою, порядкомъ. Петербургъ мнѣ кажется теперь грязенъ, неудобенъ, и вижу, что намъ никогда не догнать, въ этомъ отношеніи, Европы. И слава Богу! Можетъ быть, заведется у насъ что-нибудь лучшее, чѣмъ эти современные Вавилоны.

Видя этотъ твердый складъ жизни, наблюдая эти нравы, вполнѣ окрѣпшіе и передающіеся съ молокомъ матери, я готовъ былъ отказаться отъ мысли, что этому обществу грозитъ опасность. Нѣтъ, оно проникнуто слишкомъ хорошими и ясными началами. Они устоятъ, потому что видятъ опасность и добросовѣстно стараются предупредить ее. Между прочимъ я слушалъ политическія рѣчи Stöcker'a (это христіанскій соціалистъ, придворный проповѣдникъ). Даръ рѣчи—изумительный, но понятія посредственныя, даже жалкія. Такъ онъ выразилъ ученіе своей партіи въ такомъ краткомъ лозунгѣ: Das Vermögen, die Arbeit, und Nächstenliebe. Все время я ждалъ, что онъ скажетъ что-нибудь о христіанскомъ ученіи, и не мало былъ удивленъ, когда любовь къ ближнему оказалась на третьемъ мѣстѣ!

Люди въ родѣ Штёккера конечно не руководители, а только выразители разныхъ застарѣвшихъ мнѣній; но вѣдь всѣ мнѣнія высказываются, игра политической машины идетъ непрерывно, и

---

[1]) Ее подробно описалъ Страховъ и въ письмѣ къ Н. Я. Данилевскому отъ того же 1-го ноября 1884 г. (См. „Русскій Вѣстникъ“ 1901 г., № 3, стр. 132—134).

[2]) Страховъ ѣздилъ за-границу еще въ 1894 г. (см. ниже).

[3]) Гдѣ, въ Вагнеровскомъ театрѣ, Страховъ трижды прослушалъ „Парсифаля“ („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 132).

главная нота все таки раздается отъ времени до времени. «Зачѣмъ намъ соціал-демократія», говорилъ этотъ же проповѣдникъ, «когда у насъ соціал-монархія?»

Среди удобствъ, порядка, правильнаго и легкаго теченія жизни, на меня неожиданное впечатлѣніе сдѣлали кресты и распятый на нихъ человѣкъ. Эти кресты въ натуральную величину попадаются иногда на открытыхъ мѣстахъ, а въ Мюнхенѣ, въ соборѣ, такой крестъ виситъ съ высокихъ сводовъ внутри церкви. Страшное изображеніе! Вѣрно я слишкомъ много читалъ о Христѣ, что эта фигура получила для меня такую жизнь. И какой контрастъ со всею окружающею жизнью!

Кромѣ Берлина вездѣ я былъ почти одинокъ и забавлялся очень много покупкою книгъ: я пополнилъ свою библіотеку (главное—мистиками) и теперь книгъ не покупаю, не охочусь за ними. Будетъ! Кстати: я купилъ тамъ и Гризбаха и Лао-дзе [1]), такъ что если Вы очень привыкли къ Гризбаху, я могу Вамъ его прислать, а Лао-дзе, который у Васъ, пусть у Васъ и остается.

Здоровье мое кажется поправилось — именно желудокъ, хоть я и не отъ него лечился. Остальное чуть ли не по прежнему, и я еще похудѣлъ. Но важнѣе—какая-то внутренняя перемѣна, новый періодъ тоски, котораго не стану Вамъ расписывать. Какъ неодолимо дѣйствуетъ на человѣка обстановка! Я потому и былъ вездѣ и всѣмъ доволенъ за границей, что тамъ я былъ свободенъ отъ привычной обстановки и потому могъ свободно держаться извѣстнаго душевнаго настроенія. А здѣсь—овладѣваютъ мною привычныя чувства; станешь отъ нихъ отбиваться—и все кругомъ станетъ противно и скучно. Петербургъ я засталъ не въ хорошемъ духѣ. Начальство успокоилось и развеселилось, чувствуя себя очень крѣпко на своихъ мѣстахъ. Чувствуется всеобщая духота и ни единой струйки свѣжаго воздуха.

Ну вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, хоть подобіе разсказа о моей поѣздкѣ. Въ настоящую минуту, чтобы встряхнуть себя, я рѣшилъ написать статью объ Васъ, по поводу статьи Вогюэ [2]).

---

[1]) См. выше.

[2]) Викторъ-Мельхіоръ де-Вогюэ, членъ Французскаго Института и членъ-корреспондентъ Имп. Академіи Наукъ (съ 1889 г.; выбранъ одновременно со Страховымъ) и почетный членъ Московскаго Общества Любителей Россійской словесности, извѣстный переводчикъ и толкователь Толстого во Франціи; скончался въ 1910 г. Статья Вогюэ о Толстомъ („Les écrivains russes contemporains". Le Comte Léon Tolstoi") появилась въ „Revue des deux Mondes" отъ 15 Іюля 1884 г. Страховъ написалъ по поводу ея статью въ „Руси" Аксакова: „Французская статья объ Л. Н. Толстомъ" (1885 г., № 2; перепечатана въ сборникѣ Страхова „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ", изд. 2-е, С.-Пб. 1887, стр. 458—484).

Пишу потому, что тутъ будетъ и кое-что душеспасительное. Ни для чего другого у меня не хватитъ бодрости. Въ Эмсѣ началъ преважное изслѣдованіе о времени, числѣ и пространствѣ; надѣюсь, что послѣ статьи объ Васъ буду его продолжать.

Но главное не въ томъ—это я знаю. Простите меня за все, въ чемъ сочтете виноватымъ, и порадуйте нѣсколькими словами. Когда-то Вы и бранили и хвалили меня—какъ было это мнѣ полезно! Мнѣ все кажется, что по мѣрѣ того какъ я подавляю въ себѣ однѣ дурныя стороны, нараждаются или появляются другія.

Простите, простите.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1884. 1 ноября. Спб.

PS. У Кузминскихъ я бываю каждую среду, обѣдаю; чѣмъ дальше, тѣмъ больше я на нихъ радуюсь. Его я почти не зналъ, а онъ чудесный человѣкъ.

187. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

12-го апрѣля 1885 г. Петербургъ.

Прежде всего напишу Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, что̀ мнѣ пишетъ объ Васъ Н. Я. Данилевскій. «Онъ самъ—еще лучшее произведеніе, чѣмъ его художественныя произведенія. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня и на Ольгу Алекс. [1]). Въ немъ такая задушевная искренность, которой и вообразить себѣ нельзя. Онъ просидѣлъ у насъ вечеръ, переночевалъ и до 1 часу на другой день остался, потому что на слѣдующій долженъ былъ ѣхать — — — ходокъ онъ удивительный. Я слышалъ, что будто онъ дуренъ собой—ничего этого я не нашелъ—превосходное дышащее простотой, искренностію и добродушіемъ лицо. Однимъ словомъ понравился онъ мнѣ очень, такъ понравился, какъ съ перваго взгляда и менѣе чѣмъ однодневнаго знакомства едва ли кто нравился. Я обѣщалъ, если — — — — къ нему заѣхать и непремѣнно исполню — — — Говорили мы о томъ о семъ, но никакъ ни договориться ни даже разговориться ни о чеиъ толкомъ не успѣли».—

---

[1]) Жена Данилевскаго. 5-го апрѣля 1885 г. Страховъ писалъ Н. Я. Данилевскому: „Большая, пребольшая была для меня радость, что вы познакомились съ Л. Н. Толстымъ. Онъ писалъ мнѣ, что вы ему очень полюбились, да и Ольга Александровна также. Сейчасъ буду писать къ нему и передамъ Вашъ отзывъ; впечатлѣніе Ваше я вполнѣ понимаю и считаю совершенно правильнымъ. Онъ чудесный человѣкъ“ („Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 136). Письмо Толстого съ отзывомъ его о Данилевскихъ не извѣстно.

Большая для меня была радость читать такія извѣстія. Н. Я. Данилевскій во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня, а правдивъ и прямъ, какъ никто. Я уже отвѣчалъ ему и передалъ, что и онъ Вамъ полюбился. Какъ я Вамъ благодаренъ за эту Вашу по[4] ѣздку!

Пишу къ Вамъ наскоро: уже началъ собираться въ дорогу. Въ Понедѣльникъ 22 апрѣля я вѣрно буду уже въ Москвѣ.

Какъ бы хорошо застать Васъ и наговориться! Тогда подробно отвѣчу Вамъ и на Ваши вопросы о Гротѣ [1]), о Рѣпинѣ [2]). Гротъ, по моему, очень малая величина и я на него не надѣюсь—у него нѣтъ философскаго склада, а пишетъ онъ механически и много—да и напечаталъ уже много дикаго. Брошюрки о Бруно [3]) я еще не читалъ.

Рѣпинъ другое дѣло. «Подходишь съ ужасомъ и отвращеніемъ и уходишь съ умиленіемъ». Такъ я слышалъ, и такъ было и со мною. Три раза я ходилъ смотрѣть картину [4]); въ первый разъ впечатлѣніе поразительное; но потомъ выступило что-то мѣшающее—попробую при свиданіи съ Вами сказать, какіе тутъ недостатки.

Всей душой стремлюсь съ Вами увидѣться [5]). Тогда можетъ быть, скажется что-нибудь о душевномъ дѣлѣ, которое у меня идетъ медленно. Впрочемъ на эту зиму я не пожалуюсь. Все, что Вы пишете, для меня имѣетъ высокую пользу. Понимаю я Ваши писанія и потому, что Васъ знаю; я согласенъ съ Данилевскимъ, что Вы лучше Вашихъ произведеній—для другихъ—я же вижу Васъ въ Вашихъ произведеніяхъ.

Графиню еще разъ благодарю.

Простите Вашего
Н. Страхова.

1885. 12 Апр. Спб.

---

[1]) Николай Яковлевичъ Гротъ, извѣстный философъ, другъ В. С. Соловьева, профессоръ Московскаго Университета, скончавшійся 23-го мая 1899 г., всего 47 лѣтъ отъ роду. Впослѣдствіи Страховъ перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Въ изданномъ К. Я. Гротомъ сборникѣ „Н. Я. Грота“ (С.-Пб. 1910) напечатано 21 письмо Толстого къ Гроту; 1887—1895 г. (нѣкоторыя перепечатаны въ сборникѣ П. А. Сергѣенка: „Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого“, М.). 1912. Въ той же книгѣ напечатано 25 писемъ Страхова къ Н. Я. Гроту за 1887—1895 г.

[2]) Илья Ефимовичъ Рѣпинъ, художникъ.

[3]) „Джіордано Бруно и пантеизмъ“ (изд. въ Одессѣ въ 1884 г.).

[4]) Знаменитая картина Рѣпина „Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ 16 ноября 1581 года“, выставленная тогда въ Петербургѣ, а затѣмъ пріобрѣтенная Третьяковымъ въ его галлерею, гдѣ въ прошломъ году пострадала отъ руки душевно-больного.

[5]) Страховъ пріѣхалъ гостить въ Ясную Поляну въ серединѣ іюня.

188. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

2-го іюня 1885 г. Мшатка [1]).

Кажется, все рѣшено, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Черезъ недѣлю я уѣду отсюда и слѣдовательно числа 11-го или 12-го буду въ Ясной Полянѣ. Время прошло очень хорошо, если не считать моего утомленія и недомоганія, которыя по временамъ такъ ясно даютъ мнѣ чувствовать, что былъ и я когда-то молодъ. У Фета мы занимались Катулломъ, а у Данилевскаго главнымъ образомъ разговорами, которые на этотъ разъ были удивительно занимательны для насъ обоихъ. Никогда, кажется, я столько не говорилъ. Очарованіе Южнаго Берега [2]) также было очень сладко, хотя я испыталъ его столько разъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ и другихъ, болѣе важныхъ вещахъ нужно отложить рѣчь до свиданія съ Вами. Весь бытъ Данилевскихъ тоже для меня очарованіе. А Ольга Александровна [3]) и своими сужденіями, и своею жизнью трогала меня очень глубоко.

Съ отвращеніемъ думаю о Петербургѣ и съ большой радостью объ Ясной Полянѣ [4]). Надѣюсь, что въ ней, какъ всегда, все благополучно и маленькія бѣды—только тѣни на общемъ фонѣ здоровья и свѣтлаго настроенія.

Мнѣ до сихъ поръ не удалось съѣздить въ Симеисъ; но теперь уже все готово, и черезъ день или два я сдѣлаю эту поѣздку и привезу Вамъ извѣстія отъ больного [5]).

Простите меня.

Всей душей Вамъ преданный
Н. Страховъ.

1885. 2 іюня. Мшатка.

P. S. Разумѣется, объ Васъ было здѣсь говорено безъ конца.

P. S. Все время меня безпокоило и желаніе, и обязанность—побывать въ Симеисѣ у кн. Урусова. Но дѣло откладывалось потому, что Данилевскій пріѣхалъ сюда съ ушибленной ногой—онъ былъ на положеніи больного, все время лежалъ, хотя вполнѣ бодрый и веселый. Потомъ забирались справки о томъ, какъ удобнѣе добраться до Симеиса; но когда все было готово и сторговались съ извозчикомъ, пришло извѣстіе, что кн. Урусовъ уже давно уѣхалъ въ Тулу

---

[1]) Имѣніе Н. Я. Данилевскаго.

[2]) Крыма.

[3]) Жена Н. Я. Данилевскаго.

[4]) Восторженное письмо Страхова отъ 18-го іюня, изъ Ясной Поляны, къ Н. Я. Данилевскому, съ разсказомъ о Толстомъ и его образѣ жизни и работахъ см. въ „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., № 3, стр. 136—138.

[5]) Князя Леонида Дмитріевича Урусова, Тульскаго вице-губернатора, котораго въ мартѣ 1885 г. Толстой отвезъ лѣчиться въ Крымъ. (См. Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 255—266).

и оттуда писалъ, что ему лучше. Надѣюсь, что увижу его въ Ясной и все таки лично поклонюсь ему.

Позвольте мнѣ телеграфировать Вамъ—просить выслать лошадей въ Козловку.

4 іюня.

189. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Начало іюля 1885 г. Москва].

Исполнилъ Ваши порученія, безцѣнный Левъ Николаевичь, и дамъ Вамъ отчетъ по пунктамъ.

1) Рукописи Урусовой я нашелъ только вторую часть (Кингслей и Эмерсонъ) [1]). Какъ я ни искалъ во всѣхъ трехъ ящикахъ, первой части не нашелъ. Все-таки я взялъ вторую, и самъ прочитаю, и постараюсь устроить; а между тѣмъ прошу Васъ, не отыщется ли первая часть, а если нѣтъ, то дайте разрѣшеніе обойтись безъ нея—думаю, что можно.

2) Ни писемъ, ни бумагъ никакихъ у Васъ въ домѣ не получено. Такъ мнѣ и не досталось экземпляра Ученія [о] 12-ти апостоловъ.

3) Нашелъ я переплетенную тетрадь, но совершенно пустую; на ней написано: Такъ что-жъ намъ дѣлать, часть 2-я—и больше ни одной буквы. Если она Вамъ нужна, то простите: мнѣ вообразилось, что Вамъ нужна рукопись, и потому я пустую книгу оставилъ и не рѣшился Вамъ переслать.

4) Разыскалъ Сытина [2]), передалъ ему корректуры и объяснилъ, какъ Вы желаете печатать рѣчи и мысли дѣйствующихъ лицъ. Онъ очень былъ радъ, боялся, что Вы недовольны печатаніемъ [3]). Я его успокоилъ, а онъ сказалъ, что поручитъ, для большей исправности, дѣло особому корректору. Очень обрадовался, когда я сказалъ, что готовы два новые разсказа. Показывалъ мнѣ картину Рѣпина (очень хороша!) и обѣщалъ выслать все, что выйдетъ съ краснымъ ободкомъ [4]).

Вчера я встрѣтилъ Анну Григорьевну Достоевскую; она съ дѣтьми ѣдетъ въ Пятигорскъ, гдѣ лечится ея мать [5]). Мечтаетъ она за-

---

[1]) Статья эта была напечатана въ „Гражданинѣ“ князя В. П. Мещерскаго въ концѣ 1885 г. (см. ниже, письма №№ 190 и 192).

[2]) Извѣстный книгоиздатель И. Д. Сытинъ.

[3]) Рѣчь идетъ объ изданіи разсказовъ Толстого: „Чѣмъ люди живы“, „Два старика“, „Упустишь огонь—не потушишь“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, которые тогда печатались въ типографіи Сытина.

[4]) Съ краснымъ ободкомъ на обложкахъ выходили книжечки изданія „Посредника“.

[5]) Г-жа Сниткина.

платить визитъ Софьѣ Андреевнѣ и хотѣла даже на всякій случай заѣхать въ Вашъ домъ здѣсь въ Москвѣ. Пришлось отложить до будущаго.

Сегодня видѣлъ я Аксакова [1]) въ банкѣ; онъ съ восхищеніемъ отзывался объ Вашихъ 2-хъ новыхъ разсказахъ, говоритъ, что приходится простить Вамъ Ваши еретичества. Разговориться мнѣ не удалось, хоть я и пробовалъ.

Москва мнѣ вообще понравилась, хотя я вовсе и не думалъ смотрѣть на нее. Какой красивый, пестрый и натуральный городъ! Болѣе натуральнаго и разнообразнаго, я думаю, нѣтъ на свѣтѣ. И жители, хоть угорѣлые, но добрые, вѣжливые.

Простите меня, дорогой Левъ Николаевичъ! Мнѣ чего-то недостаетъ послѣ нынѣшняго проживанья въ Ясной Полянѣ. Я очень радовался, видя, какъ живо идетъ Ваша дѣятельность; но не послало мнѣ небо ни одного задушевнаго разговора, послѣ котораго прибываетъ у меня силъ. Самъ виноватъ; для такихъ минутъ нужно быть болѣе добрымъ и менѣе низкимъ, чѣмъ я теперь. И такъ, простите меня; не забывайте только неизмѣнной любви

Вашего
Н. Страхова.

P. S. Напомните графинѣ объ обѣщанныхъ мнѣ корректурахъ: буду ихъ ждать.

P. P. S. Къ несчастію я не видалъ Иванцова-Платонова [2])—онъ далеко на дачѣ, и переѣзды такъ мнѣ тяжелы, что нужно отложить до зимы,—до какой, Богъ вѣдаетъ.

190. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

28-го іюля 1885 г. Петербургъ.

Все время я занятъ Вами и мысленно пишу къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Разскажу по порядку. Въ Москвѣ я видѣлся съ Аксаковымъ и выслушалъ отъ него восторженный отзывъ объ Вашихъ разсказахъ: Гдѣ любовь и Упустишь [3]). На него повѣяло такимъ духомъ, что онъ уже отказывается судить объ Васъ, говоря, что у Васъ свои счеты съ Богомъ, которые намъ слѣдуетъ уважать. Такое же впечатлѣніе сдѣлали эти разсказы и на Вл. Соловьева. Онъ третьяго дни пріѣхалъ сюда и я первымъ дѣломъ далъ

---

[1]) Ивана Сергѣевича; о встрѣчѣ съ нимъ писалъ Страховъ и Н. Я. Данилевскому, уже по возвращеніи въ Петербургъ, 5-го іюля 1885 года („Русск. Вѣстн." 1901 г., № 3, стр. 139).

[2]) О немъ см. выше.

[3]) См. предыдущее письмо.

ему эти двѣ книжки. Вообще я всѣмъ и каждому ихъ раздаю; продажа ихъ оказалась у самыхъ дверей Библіотеки, гдѣ открылась новая лавочка и гдѣ я беру ихъ по 2 коп. Самъ я не разъ ихъ перечитывалъ и не разъ вспоминалъ о Двухъ старикахъ и о Свѣчѣ [1]).

Вотъ чудесное дѣло! Наконецъ Вы нашли ту форму, въ которой всего яснѣе и неотразимѣе выражаются Ваши мысли. Однакоже я далеко не такъ доволенъ этими разсказами, какъ другіе. Мнѣ все мерещится первая половина Чѣмъ люди живы, и когда я сравниваю съ этимъ Вашу новую работу, мнѣ ясно, что она сдѣлана съ меньшимъ стараніемъ, а по мѣстамъ и вовсе небрежно. Если главная сила должна содержаться въ изображеніи души человѣческой, то тутъ у Васъ можно указать пропуски и большія пятна. Одно изъ двухъ: или разсказъ долженъ быть совершенно анекдотическій, какъ напр. объ Марѳѣ и Маріи у Луки, или онъ долженъ имѣть индивидуальный характеръ. Сказать, что одинъ мужикъ поджегъ у другого домъ, а тотъ простилъ ему и такъ его этимъ удивилъ, что они стали друзьями—такой разсказъ не будетъ имѣть никакой силы. Но если я разсказываю про Ивана, какъ про знакомаго, и описываю все, что въ немъ дѣлалось,—то могу очень увлечь. Въ Вашемъ разсказѣ есть много безподобнаго; но пробѣлы большіе; напр. конецъ вовсе скомканъ. Какъ они встрѣчались, какъ затихала въ томъ и другомъ злоба—это любопытно и трогательно, а этого нѣтъ. Простите меня, Левъ Николаевичъ, что я говорю Вамъ о томъ, что Вы сами лучше меня знаете. Но такъ какъ Вы заняты этими разсказами, то мнѣ ужасно хотѣлось бы, чтобы изъ нихъ вышло несравненное чудо—и Вы можете сдѣлать, и незачѣмъ Вамъ работать на два на три года, когда можете работать на сто и двѣсти лѣтъ. Раздумавшись объ этомъ, я пришелъ къ большому вольнодумству. Помните Вы въ Въ чемъ моя вѣра главу о разводѣ? Много старанія и мѣста Вы употребили, чтобы доказать, что Христосъ не допускалъ развода. Какой же результатъ? Если бы Писаніе была чужая Воля, которой мы должны покоряться, то дѣло было бы важное; но если Вамъ хочется доказать, что цѣломудріе, которое Вамъ дорого само по себѣ, какъ цѣломудріе,—что оно не только Вамъ дорого, а было дорого и Христу, то прежде всего и важнѣе всего показать всю цѣну цѣломудрія, а уже потомъ, для подтвержденія ссылаться на Христа. (Вспомните Платоновскаго Эвтифрона). Эту болѣе важную задачу Вы и исполнили, именно въ Аннѣ Карениной, которая по этому приноситъ больше пользы, чѣмъ та глава книги Въ чемъ моя вѣра.

---

[1]) Разсказъ „Два старика“ изданъ былъ въ 1885, а „Свѣчка, или какъ добрый мужикъ пересилилъ злого приказчика“ появился въ „Книжкахъ Недѣли“ за 1886 г., I, и уже потомъ въ отдѣльномъ изданіи.

Буду уже вполнѣ откровененъ. Въ разсказѣ Свѣча я нахожу слабымъ мѣсто, гдѣ добрый мужикъ объясняетъ, почему не слѣдуетъ убивать приказчика. Для избѣжанія угрызеній совѣсти— я такъ понялъ. Но нужно бы другое, нужно указать самое основаніе этихъ угрызеній, что-нибудь положительное—Вы это лучше моего знаете.

Еще одно привело меня къ мыслямъ объ Васъ. Я задумалъ издавать свои критическія статьи. И такъ какъ оказалось, что я всего больше писалъ о Тургеневѣ и объ Васъ, то я рѣшилъ сперва выпустить книжку подъ заглавіемъ: Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ [1]). Перебирая эти статьи, я почувствовалъ было сперва отвращеніе къ своимъ писаніямъ и сталъ колебаться: стоитъ ли этотъ вздоръ издавать? Но когда дѣло дошло до статей объ Васъ, я почувствовалъ, что въ нихъ есть жизнь, что ихъ нужно печатать, и во мнѣ сильнѣй и сильнѣй заиграла моя любовь къ Вамъ, глубокое сочувствіе къ образу Вашихъ чувствъ. Нужно служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которое Вы начали и ведете; это будетъ мнѣ отрадою и опорою. Въ предисловіи я постараюсь высказать дѣло какъ можно яснѣе. Противъ Тургенева я почти все время (кромѣ первой статьи) враждовалъ—и то хорошо; не нужно, чтобы эта слава ослѣпляла; а то изъ-за восторговъ уже ничего разобрать нельзя [2]).

Кромѣ этого печатанія, занимаюсь теперь еще писаніемъ; пишу объ Ренанѣ и Тэнѣ [3]); очень ужъ набралось много противъ нихъ. На здоровье теперь мнѣ грѣхъ жаловаться и тотъ періодъ скуки, которымъ начинается всякое одиночество, уже прошелъ.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Графинѣ мое усердное почтеніе и скажите, что я буду считать себя обиженнымъ, если не продержу корректуры по крайней мѣрѣ двухъ томовъ Вашего Собранія Сочиненій. Каковы-то были Ваши разговоры съ Градовскимъ [4])? Непремѣнно повидаюсь съ нимъ, когда онъ вернется. Кланяюсь низко всей Ясной Полянѣ.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1885. 28 Іюля. Спб.

---

[1]) Книга вышла въ томъ же 1885 году; 2-мъ изданіемъ—въ 1887, а 3-мъ—въ 1895 г.

[2]) То же писалъ Страховъ и Н. Я. Данилевскому 29-го іюля 1885 г. (см. „Русск. Вѣстн.“ 1901 г. № 3, стр., 141).

[3]) Эти статьи вошли въ сборникъ статей Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“. О Тэнѣ и Ренанѣ Страховъ писалъ и позже, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1892 и 1893 г.

[4]) См. выше.

Статья о Кингслеѣ [1]) и Эмерсонѣ оказалась нѣсколько безграмотною и мало занимательною. Я ее сдалъ Мещерскому [2]); навѣрное будетъ напечатана.

191. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

26-го октября 1885 г. Петербургъ.

Много отъ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, доходитъ до меня и вѣстей и вопросовъ и писаній; но я становлюсь чѣмъ дальше, тѣмъ медлительнѣе,—простите, что до сихъ поръ не писалъ къ Вамъ. Прежде всего—я Васъ не послушался; Татьяна Андреевна [3]) передавала Вашъ совѣтъ—не отвѣчать спиритамъ. Почему?—она не могла хорошенько объяснить. Между тѣмъ я считалъ долгомъ—на этотъ разъ обстоятельно отвѣтить. Много мнѣ стоило это труда, по путаницѣ мыслей и по невольному лукавству Бутлерова [4]). Но, по крайней мѣрѣ, теперь я считаю правильную полемику конченною, и если буду писать, то могу свободно остановиться на той мысли, на какой захочу. Статья готова, переписана, выправлена и сегодня сдана въ Новое Время. Буду ждать напечатанія и Вашего суда [5]). Прошу Васъ также взглянуть на Критическія статьи [6]), которыя я Вамъ послалъ. И предисловіе и послѣдняя статья объ Васъ заслужатъ ли Ваше одобреніе? Если недовольны—браните, но не оставайтесь равнодушны.

Кромѣ своей книги, я кончилъ изданіе Дарвинизма Н. Я. Данилевскаго. Все это вмѣстѣ такъ меня поглощало, что я почти ни къ кому не ходилъ и все сижу дома (вечера).

Новыхъ Вашихъ писаній я прочелъ два: письмо къ Х. Х. (Калмыкова [7]) говорила—къ Энгельгарту) [8])? и сказку [9]). Письмо меня привело въ восхищеніе—ясностію, чувствомъ, силою и искренностію;

---

[1]) Урусовой (см. выше).

[2]) Князю Владиміру Петровичу, издателю „Гражданина“.

[3]) Кузминская.

[4]) Академикъ, химикъ, спиритъ.

[5]) Въ 1887 г. Страховъ издалъ книжку „О вѣчныхъ истинахъ. (Мой споръ о спиритизмѣ)“. С.-Пб., въ которой собралъ свои статьи по спиритизму.

[6]) См. предыдущее письмо.

[7]) Издательница Александра Михайловна Калмыкова, рожд. Чернова, владѣлица книжнаго склада; нынѣ Предсѣдательница Фребелевскаго Общества въ Петербургѣ.

[8]) Извѣстный сельскій хозяинъ Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ (род. 1832, ум. 1893).

[9]) „Сказка объ Иванѣ-дуракѣ и его двухъ братьяхъ: Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ и нѣмой сестрѣ Маланьѣ и о старомъ дьяволѣ и трехъ чертенятахъ“, издана была въ Москвѣ въ 1886 г.

но сказка—опечалила, такъ что я дни два ходилъ раненый. Никогда я не сужу о писаніяхъ по тому, согласенъ ли я съ ними, или несогласенъ. Но если мнѣ слышится чувство, работа ума, творчество, даже злоба, даже ярая чувственность—я доволенъ, потому что передо мною живое явленіе, которое мнѣ годится, лишь бы я умѣлъ употребить его съ пользою. Но если передо мною сочиненіе, стихи безъ поэзіи, картина безъ живописи, сказка безъ сказочнаго содержанія, то я вижу, что передо мною что-то дѣланное, ненатуральное, умышленно сплоченное и принимающее на себя маску жизни—и мнѣ становится только досадно за напрасную трату силъ, за высокія цѣли, для которыхъ употребляются низкія средства. Вы—такой удивительный художникъ, не имѣете права такъ писать. Голое нравоученіе, голое разсужденіе—вещь прекрасная; хорошъ коротенькій анекдотъ въ родѣ Эзоповой басни; но длинный разсказъ—долженъ быть художественною работою. Помню, я сердился на Тургенева за Новь; и думалъ: не стыдно ли наплести столько сочиненныхъ страницъ! Вѣдь онъ знаетъ, что значитъ писать съ вдохновеніемъ; вѣдь онъ не начинающій мальчикъ, который пишетъ не то, что хочется, а въ подражаніе тому, какъ другіе пишутъ, и еще не знаетъ, что̀ значитъ настоящее писаніе. Слѣдовательно, если у него не было вдохновенія, если работа не шла тѣмъ ходомъ какъ прежде, онъ долженъ бросить ее и молчать. И Вы, конечно знаете, что̀ значитъ снять всѣ покровы съ лица или происшествія, которое описываете, и наоборотъ, что̀ значитъ слегка оболванить сюжетъ, что̀ значитъ написать и что значитъ набросать. Зачѣмъ же Вы все только набрасываете?

Голое нравоученіе въ разсказѣ потому нехорошо, что оно уничтожаетъ интересъ разсказа, что оно самый лучшій разсказъ дѣлаетъ фальшивымъ, умышленнымъ, отнимаетъ отъ него естественность. Вторая половина Вашей сказки не имѣетъ ни главной нити, ни живыхъ лицъ, ни живыхъ сценъ. А содержанія, то есть поучительныхъ темъ Вы вложили столько, что оно торчитъ большими глыбами, и его хватило бы на двадцать такихъ сказокъ. А отъ недостатка художественнаго развитія вышли невѣрности. Вы доказываете, что государствомъ, войной, торговлею жить нельзя, а Франція, Англія, Германія живутъ; вы пишете, что врагъ ушелъ бы изъ мирной страны, а Англичане и не думаютъ уходить изъ Индіи. Врагъ завладѣетъ землею, обратитъ туземцевъ въ рабовъ и пр. Словомъ тутъ множество темъ, которыя въ разныхъ видахъ уже осуществились въ исторіи, и нужно съ большою мѣткостію указать уродливость этого осуществленія.

А главное,—простите меня, дорогой Левъ Николаевичь, пріемъ доказательства не выдерживаетъ критики. Верховный аргументъ Вашъ—счастіе, благополучіе. Имъ однако я думаю, ничего нельзя

доказать. Каждый счастье выбираетъ по своему, и если Вы не покажете, что свято пострадать и умереть счастливѣе, чѣмъ жить долго и богато [и] съ большими ли, или малыми грѣхами,—Вы ничего не докажете. Спасти душу—вотъ единое счастье. Добродѣтель—сама себѣ награда, какъ пишется въ прописяхъ.

Отчего Вамъ не писать сказокъ? Ихъ писали и Вольтеръ, и Моръ, и Баконъ, и Платонъ. И Вы можете написать не хуже. Но, имѣя такой громадный авторитетъ, зная, что все Вами писанное будутъ читать съ жадностію, зная, что большинство неразборчиво и удовольствуется самою небрежною формою,—Вы пренебрегаете работою. Простите мнѣ, ради Бога, что я такъ прямо пишу. Развѣ, Вы думаете, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы всякое слово Ваше блестѣло и звенѣло? Развѣ для самаго дѣла не важно, чтобы всѣ, и умники, и простяки одинаково не могли устоять противъ Вашей рѣчи? Сегодня еще я слышалъ, какъ люди, рѣзко Васъ осуждающіе, восхищались безъ мѣры маленькими отрывками изъ Вашего разсказа о переписи [1]), перепечатанными въ Новомъ Времени. Значитъ, Вы будете неотразимы и покорите самыхъ упорныхъ, если только сами захотите.

Еще разъ, простите и простите. Мнѣ горемычному любовь къ Вамъ и сочувствіе къ глубокому духу Вашихъ писаній—великое утѣшеніе въ жизни, чуть не половина ея содержанія.

Общественныя дѣла, и внѣшнія и внутреннія нагоняютъ на меня тоску все больше и больше. Право, грустно умирать, не имѣя, чему порадоваться, чему пожелать успѣха. Пустое броженіе, притомъ болѣзненное, содержащее сѣмена разныхъ золъ и неизвѣстно какого блага. Самъ я здоровѣе обыкновеннаго, и когда подумаю, скоро ли? то вижу, что еще долго прійдется ждать.

Простите Вашего

всей душою преданнаго

Н. Страхова.

1885. 26 Окт. Спб.

А. М. Калмыкова очень мила, и пріятна мнѣ своими южными манерами и рѣчами. Но какое въ ней безпокойство! Негдѣ, негдѣ отдыхать душою!

Сегодня была у меня Татьяна Андреевна съ мужемъ [2])—во всемъ блескѣ здоровья и своихъ очарованій. Очень меня это утѣшило и утѣшаетъ. Они оба добрѣй ко мнѣ, чѣмъ я того стою.

---

[1]) Статья „Изъ воспоминаній о переписи“ напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1885 г., кн. IX, стр. 128—143 и кн. X, стр. 1—18. Къ ней есть извѣстные рисунки Рѣпина.

[2]) Кузминскіе.

192. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

8-го декабря 1885 г. Петербургъ.

Письмо Ваше [1]), безцѣнный Левъ Николаевичь, такъ меня обрадовало, заняло и утѣшило, что и сказать не могу. Вы коснулись самого важнаго, того вопроса, который стоитъ передо мною почти постоянно. Какъ слѣдуетъ относиться къ временному, частному, личному, однимъ словомъ къ земному? Вся мудрость состоитъ въ томъ, чтобы всему давать свое мѣсто и за всякой вещью признавать ея точное значеніе. Мнѣ кажется, я вполнѣ понимаю Васъ, понимаю, съ чѣмъ Вы не согласны въ моемъ образѣ мыслей. Но прямо защищать себя я еще не въ силахъ; я все еще ищу и работаю. Одно я знаю навѣрное—должна быть у человѣка область выше всего временнаго и земного, область, въ которую онъ могъ бы подыматься, спасаться отъ всякихъ золъ и всего, что называется жизнью. Иначе онъ—вѣчный мученикъ.

Ужасно меня поразила смерть Н. Я. Данилевскаго [2]). Я былъ тогда слегка боленъ, и съ удивительной ясностію почувствовалъ ничтожество жизни. Если не половина, то треть этой жизни для меня исчезла. Мои привычки, книги, мои планы и надежды—мнѣ опротивѣли, какъ чистая глупость; на нѣсколько дней я получилъ способность плакать и ничѣмъ не волноваться. Сошло на меня спокойствіе, которое стало наконецъ открывать мнѣ новый, лучшій взглядъ на вещи. И пожелалъ я, чтобы оно навсегда у меня осталось, и съ горемъ чувствую, что уходитъ оно, по мѣрѣ возвращенія здоровья и безпамятства, въ которомъ мы всегда живемъ. Могила подходила ко мнѣ близко, была у самыхъ ногъ; а теперь я опять вижу ее далеко въ туманѣ. Нѣтъ, напрасно люди жалуются на горести, когда такъ легко забываютъ уроки этихъ горестей и возвращаются къ своимъ пакостямъ. Дай Богъ мнѣ еще пожить и потерпѣть; можетъ быть не останусь я до конца такимъ гадкимъ, какъ теперь.

Въ этотъ мѣсяцъ принялъ я важное рѣшеніе — подалъ въ отставку изъ Публичной Библіотеки [3]). Мнѣ хотѣлось 1) отказаться отъ разсчетовъ (какихъ бы то ни было) на служебную карьеру; 2) уменьшить свои доходы, 3) получить больше свободнаго времени.

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) Н. Я. Данилевскій скончался въ Тифлисѣ 7-го ноября 1885 г. Н. Н. Страховъ напечаталъ его некрологъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1885 г., ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 206—209.

[3]) Отставка состоялась въ концѣ 1885 г., при чемъ Страховъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (за 12-ти-лѣтнюю службу въ Библіотекѣ) и пенсію по 385 руб. въ годъ. (Отчетъ Библіотеки за 1885 г., С.-Пб. 1888, стр. 1).

Можетъ быть послѣдняя причина была всего сильнѣе; мнѣ и на краю могилы все казалось, что моя обязанность—писать, и очень ужъ мѣшала служба этому желанію. Но я мирился и съ тою мыслью, что ничего больше не напишу. Все таки лучше меньше дѣлать, какъ совѣтовалъ какой-то стоикъ; душа свободнѣе. Отъ Славянскаго Комитета и отъ его журнала [1]) я также отказался, и уже теперь, хотя отставка изъ Библіотеки еще не вышла, чувствую себя гораздо легче. Труденъ мнѣ былъ этотъ шагъ, измѣнить свое положеніе; теперь поплетусь до конца, со всѣмъ мирясь и ничего не ища.

Очень мнѣ радостно было, что Вы замѣтили въ моей статьѣ частицу моей души; я буду все больше и больше вкладывать въ свои писанія свои завѣтныя мысли, и только это привлекаетъ меня къ писанію и оправдываетъ меня въ моихъ глазахъ; можетъ быть и Вы, какъ теперь, одобрите меня.

Отъ Двухъ Стариковъ я въ полномъ восхищеніи, да и всѣ смыслящіе дѣло, какъ, напр., Кутузовъ [2]), Стахѣевъ. У моего сожителя (Стахѣева) цѣлый день навертывались слезы, когда онъ заговаривалъ объ Вашемъ разсказѣ. Вотъ какъ Вы должны писать. Хотя Побѣдоносцевъ и Аксаковъ приходили въ умиленіе и отъ прежнихъ Вашихъ разсказовъ, и вообще многіе могутъ не разобрать разницы, но Вы сами конечно ясно знаете разницу и не имѣете права писать слабо и недоконченно, когда можете производить вѣковѣчныя и вполнѣ законченныя вещи. Даже и въ Двухъ Старикахъ замѣтно Ваше враждебное отношеніе къ Ефиму. Если бы Вы взяли тонъ еще болѣе спокойный, Вы бы разсказали его благоговѣніе (сродни страху), съ которымъ онъ глядѣлъ на Ерусалимъ и на всю святыню. Тогда еще сильнѣе было бы то чувство, съ которымъ онъ увидѣлъ впереди лысину Елисея, и яснѣе былъ бы его поворотъ къ пониманію, что въ своемъ сердцѣ каждый можетъ найти святыню выше Ерусалима и гроба Господня.

Но какое мастерство! Изба съ голодною семьею, Елисей въ своемъ пчельникѣ и разговоры, и путешествіе — все это навсегда остается въ памяти и заставляетъ задумываться и даетъ силу и жизнь широкому и мирному смыслу разсказа. Нравоученія тутъ не нужно, когда все сказано разсказомъ. Кто заинтересовался Елисеемъ и Ефимомъ, тотъ ужъ не можетъ не понять, въ чемъ дѣло.

Простите, что я все впадаю въ тонъ критика; я вѣдь хорошо знаю, что слабъ по этой части, что Вы сами—критикъ, несравненно болѣе тонкій, чѣмъ я; но я хочу только напомнить Вамъ Вашу собственную критику и сказать Вамъ, что ниже этой Вашей собственной критики Вы не имѣете права писать.

---

[1]) „Славянскія Извѣстія“, которыя Страховъ редактировалъ.

[2]) Поэтъ графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (род. 1848, ум. 1913 г.), почетный академикъ.

При этомъ письмѣ посылаю Вамъ 40 рублей для кн. Голицыной [1]) за Кингслея и Эмерсона, напечатанныхъ въ Гражданинѣ. Не безъ труда я получилъ эти деньги; но безпорядочный кн. Мещерскій не далъ мнѣ отчета, всѣ ли это деньги, или онъ еще причитаетъ что-нибудь за названныя статьи. Думаю, что больше не получу, хотя и попрошу еще разъ счета. По моему цѣна все-таки сносная за 21 страницу очень крупнаго шрифта—и не большаго формата.

Пока простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Очень мнѣ хочется въ Москву на праздники, но я все еще чувствую нездоровье и сознаюсь,—пугаютъ меня безконечныя рѣчи Аѳанасья Аѳанасьевича [2]), съ которымъ повидаться было бы однакоже мнѣ истиннымъ наслажденіемъ. Но—подождемъ и увидимъ, какъ дѣла пойдутъ дальше.

Усердное почтеніе Графинѣ и великая благодарность за ея дружелюбное вниманіе, которое было очень отрадно мнѣ больному и грустному.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

8 Декабря 1885 г. Спб.

Перечитавши письмо, вижу, что много недосказано и много очень хорошихъ темъ для разговоровъ. Простите и вѣрьте, что не вполнѣ я написалъ, какъ люблю Васъ.

193. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

22-го февраля 1886 г. Петербургъ.

Вернулся я домой изъ Москвы поздно ночью, а на другой день не могъ быть у В. Г. Черткова, и вотъ какъ случилось, безцѣнный Левъ Николаевичь, что Ваше письмо къ нему я занесъ только во Вторникъ. Его я не засталъ дома, думалъ, что онъ побываетъ у меня, или какъ-нибудь его увижу—такъ и не извѣщалъ Васъ ни о чемъ. Очень прошу извинить меня; я все утѣшаюсь, что передъ отъѣздомъ въ Москву онъ долженъ же былъ получить Вашу записку (съ письмами Болдырева); я оставилъ ее у него съ своею карточкой.

Самому мнѣ не радостно; нездоровье, кажется, совсѣмъ прошло, но для меня это всегда хуже. Въ душѣ подымается возня, съ которою я все еще часто не умѣю справляться. Всякія дѣла запустилъ, передо всѣми виноватъ.

Отъ всей души благодарю Васъ и Графиню. Конечно, Левъ Ни-

---

[1]) Не Голицыной, а Урусовой (см. выше, письма №№ 189 и 190).
[2]) Шеншина-Фета.

колаевичь, я пріѣзжалъ для Васъ больше, чѣмъ для кого-нибудь. Видѣть другихъ пріятно, Васъ—нужно, видѣть человѣка, у котораго, какъ выразился Аксаковъ [1]), свои счеты съ Богомъ. Мнѣ хочется понимать Васъ; это дѣло очень важное, и у меня есть средство для этого—я Васъ люблю,—увы! гораздо больше, чѣмъ Вы меня. Будьте всегда также бодры и здоровы, какъ я видѣлъ Васъ!

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

1886, 22 Февр. Спб.

На конвертѣ написано: Москва. Долго-Хамовническій переул., собств. домъ. Его Сіятельству Графу Льву Николаевичу Толстому.

194. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

13 іюня 1886. Мшатка.

Уже больше трехъ недѣль живу здѣсь, безцѣнный Левъ Николаевичь, и давно пора писать къ Вамъ. Попрошу у Васъ позволенія заѣхать на обратномъ пути въ Ясную Поляну на нѣсколько дней (числа около 7 Іюля) и тогда разскажу Вамъ много подробностей. Но иногда разговоры удаются, а иногда письма, и мнѣ столько хотѣлось бы передать Вамъ, что попробую что-нибудь написать теперь.

Все время здѣсь я былъ за работою. Я разбиралъ рукописи, письма, книги Николая Яковлевича [2]). Нужно было опредѣлить, что можно напечатать изъ его неконченныхъ трудовъ, а кромѣ того мнѣ хотѣлось собрать свѣдѣнія о его жизни и получить точное понятіе о его радостяхъ и горестяхъ, объ усиліяхъ и препятствіяхъ въ трудахъ, и пр. Когда я пріѣхалъ, все лежало на своемъ мѣстѣ; Ольга Александровна [3]) до меня не позволяла передвинуть ни одной книги, ни одного листочка бумаги—ей было больно, если кто-нибудь дотрогивался до вещей Н. Я. Казалось онъ только уѣхалъ изъ дому и завтра долженъ вернуться. И на меня нашло то же чувство; по расположенію ко мнѣ, О. А. увѣряла, что ей казалось—самъ Н. Я. совершенно довѣрилъ бы мнѣ одному это дѣло; но мнѣ было жутко, да и до сихъ поръ жутко разбирать его бумаги и книги. Утромъ я работалъ въ его кабинетѣ, подлѣ котораго живу

---

[1]) Иванъ Сергѣевичъ.

[2]) Данилевскаго (умершаго 7-го ноября 1885 г.), въ имѣніи коего, въ Крыму, Страховъ тогда находился. Въ 1890 г. онъ издалъ „Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго“. (С.-Пб. 678 стр.).

[3]) Жена Н. Я. Данилевскаго.

(въ той комнатѣ, гдѣ Вы спали), а вечеромъ мы навѣщали могилу и безъ конца разговаривали о покойномъ. Опять—и эти разговоры были первые разговоры О. А. Шесть или семь мѣсяцевъ она ни съ кѣмъ не могла говорить объ этомъ, и стала говорить со мной, вѣря, что я любилъ его не больше, но лучше всѣхъ другихъ. Это мнѣ было очень отрадно, что я пригодился къ чему-нибудь на свѣтѣ.

Узналъ я много удивительнаго. Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная. И смерть была прекрасная: думали, что онъ заснулъ. А послѣднія слова его были: «испортятъ они нашу Гокчу!...» Гокча—озеро [1]), въ которомъ онъ изслѣдовалъ рыболовство; онъ по долгому опыту боялся, что правила, которыя онъ составилъ, будутъ нарушаться и ловъ станетъ уменьшаться. Но самое важное, что я узналъ,—его настроеніе передъ смертью. Вы были свидѣтелемъ припадка, который потомъ повторялся чаще и чаще, наконецъ въ сентябрѣ—почти каждый день. «Какъ будто грудь разрывается», говорилъ онъ, когда хотѣлъ дать понятіе о припадкахъ. Боль вѣроятно была большая, хотя онъ никогда не жаловался и только крупный потъ иногда выступалъ у него на лицѣ. Но въ дни припадковъ часто случалось, что въ спокойномъ состояніи глаза его принимали выраженіе, которое поражало всѣхъ. «Необыкновенная кротость», говорила О. А.; «ангельское, небесное выраженіе», говорила гувернантка,—и онѣ обѣ не находили словъ, чтобы выразить то, что было тогда на лицѣ и особенно въ глазахъ Н. Я. О. А. говорила ему объ этомъ и даже спрашивала, что это значитъ. Она говоритъ также, что онъ вѣрно много думалъ о смерти, потому что иногда, ночью, не разсказывалъ ей своихъ мыслей такъ откровенно, какъ всегда. Слушая эти воспоминанія, я невольно сближалъ ихъ съ Вашимъ разсказомъ о смерти Ивана Ильича, о которомъ много думалъ еще въ Петербургѣ. Тайны смерти—чудесныя, высокія тайны!—

И еще нѣчто удивительное. Въ самый день и часъ смерти, О. А. видѣла Н. Я. Она не спала, была одѣта и не думала о немъ въ эту минуту. Вдругъ ей явилась его голова на подушкахъ, съ болѣзненнымъ выраженіемъ; она дважды провела рукой по его щекѣ, говоря: «милый мой, дорогой!» Но все исчезло, и она вскочила, не понимая и удивляясь тому, что было. Она даже не встревожилась и приписала все нервамъ, такъ какъ послѣдняя телеграмма была очень успокоительная. На другой день вѣсть о смерти была для нея совершенно неожиданною, и теперь, вспоминая свое видѣніе, она твердо увѣрена, что онъ «приходилъ проститься».

Такія явленія до того часты, что трудно въ нихъ сомнѣваться А мнѣ кажется, что какъ они ни таинственны, въ нихъ нѣтъ ничего

---

[1]) На Кавказѣ.

чудеснаго. Почему не предположить, что связь между близкими душами сохраняется и на большомъ пространствѣ?

Въ гореваньи О. А. много очень трогательнаго. Она одарена большою чувствительностью и чуткостью, всею душою ищетъ прямого пути, вѣчно собой недовольна и вѣчно думаетъ и заботится о другихъ.

Для печати у Н. Я. осталось мало. Я нашелъ одну готовую главу для 2-го тома Дарвинизма и нѣсколько маленькихъ отрывковъ общаго философскаго содержанія. Эти отрывки должны были войти въ послѣднюю главу, о которой Н. Я. много думалъ и говорилъ, но которой къ несчастію не написалъ. Это было бы нѣчто въ родѣ естественнаго богословія, но безъ сомнѣнія очень остроумное, блестящее строгостью и опредѣленностью мысли. Но мнѣ дороже тотъ несравненно свѣтлый образъ, въ которомъ мнѣ является самъ Н. Я. Я его очень люблю и вижу его, но едва ли мнѣ удастся выразить то, что я вижу и люблю.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Отъ Фета я получилъ письмо и заѣду къ нему по дорогѣ. Онъ уже очень тяготится своею дряхлостью и жалуется. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Графинѣ мое усердное почтеніе, и всѣмъ обитателямъ Ясной Поляны очень кланяюсь. Самъ я мало здоровъ и нашелъ здѣсь больше вѣтровъ и дождей, чѣмъ ожидалъ.

Вашъ душевно
Н. Страховъ.

Написать поклонъ Льву Николаевичу? спросилъ я О. А.—«Какой поклонъ!» отвѣтила она: «развѣ поклоненіе, а не поклонъ!» Здѣсь объ Васъ часто, часто вспоминаютъ, и съ тѣмъ чувствомъ, которое Вы такъ неизмѣнно возбуждаете.

195. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

21 іюля 1886 г. Петербургъ [1]).

Каждый разъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, когда приведется мнѣ видѣть Васъ, я испытываю чувство удивленія: въ Васъ горитъ такое большое пламя чувства и мысли, что всѣ другіе люди, и я самъ въ томъ числѣ, вдругъ покажутся мертвыми и холодными. Простите мнѣ, если я Вамъ противорѣчу иногда, или вообще принимаюсь обсуждать Ваши слова и мысли. Все таки я ухожу отъ Васъ всегда возбужденный, умиленный, всегда съ глубокой благодарностью къ Вамъ и съ болѣе высокимъ понятіемъ о человѣческой жизни. Я вполнѣ

[1]) Писано по возвращеніи изъ Ясной Поляны.

согласенъ съ замѣчаніемъ Вашего американскаго переводчика, что не было еще подобнаго комментарія на нагорную проповѣдь, какъ Ваше толкованіе; я вполнѣ понимаю, почему такъ зажигаетъ Вашъ огонь людей, молодыхъ и старыхъ, въ Европѣ и въ Америкѣ; я почти готовъ сказать: счастливъ тотъ, кто на этомъ прекрасномъ огнѣ сгоритъ, а не будетъ долгіе годы благополучно вести обыкновенную мертвую жизнь. И такъ, не думайте, что я не принадлежу къ Вашимъ приверженцамъ, что я когда-нибудь перестану сочувствовать главному Вашему чувству. Я Вашъ на всегда, и, послѣ того, какъ я видѣлъ Васъ, мнѣ хочется тысячу разъ это повторить.

Благополучно я добрался до Петербурга и принялся за свои работы, которыя теперь въ полномъ ходу. Едва ли много монаховъ, которые жили бы такъ уединенно, какъ я теперь. Никого нѣтъ въ городѣ, и я по цѣлымъ днямъ одинъ въ своей квартирѣ. Началъ выправлять 12-й томъ [1]), и дни черезъ два пошлю Графинѣ первые листы. Дѣло пойдетъ скоро и непрерывно—я теперь вижу, и прошу Васъ передать это Софьѣ Андреевнѣ. Въ Москвѣ я просилъ Румянцева прислать мнѣ: 2-й, 3-й и 12-й томы для выправки; кромѣ того—полный экземпляръ Сочиненій для О. А. Данилевской—я его отдамъ здѣсь переплести и пошлю ей. Наконецъ по экземпляру Азбуки и Книгъ для чтенія. Все это я сегодня получилъ исправно, и за все это душевно благодарю.

Точно такъ дни черезъ два вышлю Вамъ Лотосъ [2]) и Гризебаха [3]) первый томъ. Поберегите мой Лотосъ,—Вы увидите сами, что онъ того стоитъ. А я постараюсь купить и для Васъ экземпляръ [4]),

Былъ у меня Александръ Михайловичъ [5]) въ самый день пріѣзда, нѣтъ, на другой день, и не одобрилъ газетной корреспонденціи. составленной въ Ясной Полянѣ. Однако я въ тотъ же день, въ Четвергъ, какъ обѣщалъ Татьянѣ Андреевнѣ, отвезъ ее въ газету, отдалъ лично отвѣтственному редактору Ѳедорову [6]), и переговорилъ съ Буренинымъ [7]). И все-таки, къ моему удивленію, статья не появилась до сихъ поръ въ газетѣ. Дѣло въ томъ, что Суворина здѣсь нѣтъ; я его встрѣтилъ въ Москвѣ на улицѣ, въ попыхахъ, и конечно

---

[1]) Собранія сочиненій Толстого.

[2]) Извѣстное сочиненіе о буддизмѣ Eugène Burnouf'a „Le Lotus de la Bonne Loi, traduit du sanscrit, accompagné d'un commentaire et de vingt et un mémoires, relatifs au bouddhisme“, Paris. 1852, 4⁰.

[3]) См. выше.

[4]) Толстой въ это время изучалъ буддизмъ: „Съ нынѣшняго дня я взялся за Будду. Онъ очень занимаетъ меня“,—писалъ Толстой женѣ своей 7-го мая 1886 г. (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 298).

[5]) Кузминскій, свояк Толстого.

[6]) Михаилъ Павловичъ Ѳедоровъ (род. 1839, ум. 1900)—редакторъ „Новаго Времени“.

[7]) Викторъ Петровичъ, критикъ „Новаго Времени“.

сказалъ ему про письмо отъ Васъ, но получилъ въ отвѣтъ: «тамъ все сдѣлаютъ!» А здѣсь, такъ какъ въ газетѣ все идетъ по русскому порядку, т. е. спустя рукава и черезъ пень-колоду, ничего не сдѣлали. Вчера я послалъ Буренину записочку, и если завтра ничего не будетъ, поѣду самъ справляться. Александръ Михайловичъ старательно зачеркнулъ буквы Т. К. [1]). Если все это огорчитъ Татьяну Андреевну, то прошу Васъ, передайте мои оправданія. По совѣсти я все сдѣлалъ, что нужно.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Очень безпокоюсь о здоровьи Графини и отъ души желаю ей поправиться.

Вашъ неизмѣнно преданный

Н. Страховъ.

21 Іюля 1886 г.

196. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

22-го августа 1886 г. Петербургъ.

Ваша болѣзнь мучитъ меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Какъ мнѣ ни жаль Софьи Андреевны, но почему-то я за нее не такъ боюсь, какъ за Васъ. Вы должны беречь себя. Въ Апологіи у Платона Сократъ говоритъ, что онъ не вмѣшивался въ политическія дѣла потому, что тогда давно бы пропалъ, а у него было свое дѣло, которое онъ хотѣлъ дѣлать для пользы ближнихъ. Такъ и Вы—избѣгайте всего, гдѣ есть опасность: у Васъ есть дѣло, которое далеко еще до конца.

Докторъ мнѣ помогъ; далъ мнѣ хины и потомъ микстуру. Но онъ предсказывалъ, что черезъ два дни я буду здоровъ, а вотъ уже недѣля, какъ я на положеніи здороваго, но чувствую, что болѣзнь не оставила меня. Что-то сталъ я хилъ, пересталъ уже вовсе разсчитывать даже на три на четыре года жизни впередъ. Поэтому утихъ, пересталъ тосковать и очень тороплюсь. Я былъ бы совершенно доволенъ, если бы удалось мнѣ написать еще книгу, послѣднюю, о томъ, какъ искать Бога, какъ все дѣлать во славу Божію и всякое познаніе направлять къ познанію Бога. Вы видите, замыслы высокіе, но ничего никогда мнѣ такъ не хотѣлось писать, какъ это. Напишу какъ-нибудь, торопясь, но непремѣнно напишу. А пока—издамъ въ эту зиму двѣ книги: 1) Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи [2]). Я кончилъ наконецъ статью, которую Вы знаете; этотъ конецъ напечатанъ, но я его Вамъ не пошлю, а пошлю уже книгу. 2) Споръ о спири-

---

[1]) Т.-е., „Татьяна Кузминская“.

[2]) Книга вышла въ 1886 г. и представляла переработку статьи Страхова, помѣщенной въ 1878 г. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. 2-е изданіе книги было выпущено въ 1894 г.

тизмѣ [1]). Бутлеровъ умеръ; онъ только тремя днями былъ моложе Васъ [2]). Значитъ нашъ споръ конченъ; а для меня онъ имѣетъ огромное значеніе, которое я и объясню въ большомъ введеніи. Эта книга—уже выходъ на новую дорогу, на путь мистицизма, какъ я его понимаю.

Не могу сказать, какъ меня трогаетъ вниманіе Ваше и Софьи Андреевны; она пишетъ, что Вы нашли меня нравственно лучше прежняго. Это очень меня ободрило и укрѣпило; хотя я самъ чувствовалъ, что сталъ спокойнѣе, яснѣе, но вѣдь самому себѣ не вѣришь.

Получили ли Вы мой Лотосъ [3])? Объ этомъ никто мнѣ не пишетъ. А я удивился своему безпамятству. Какъ же я не вспомнилъ, когда Вы меня спрашивали, о такихъ книгахъ:

Köppen, Buddismus. 2 Bde. Это превосходная книга для изученія, но уже довольно старая.

A. Barth, Religions de l'Inde, Par. 1879.

Bergaigne, La religion vedique, кажется 3 тома, Par. 1879.

Эти два автора считаются въ послѣднее время наилучшими. И этихъ книгъ, увы! у меня нѣтъ. Веды изучать, я думаю, безполезно. Но книга, которая у Васъ непремѣнно должна быть, это Sacred Books of the East [4]). Теперь вышло до тридцати томовъ, каждый томъ по 5 или 6 рублей. Можно выбрать. Тутъ есть и упанишады [5]) и буддійскія сутры или сутты [6]), есть бгаватгита [7]) и т. д. Какая прелесть! У меня, увы! только Коранъ, два тома.

Простите меня, браните меня, но никогда не сомнѣвайтесь въ моей душевной глубочайшей преданности. Дай Богъ Вамъ благополучно выздоровѣть! Съ Вашей плодовитой душою Вы вынесете изъ болѣзни только новый подъемъ духовныхъ силъ. Дай Богъ!

Вашъ Н. Страховъ.

1886 г. 22 Авг. Спб.

---

[1]) Книга „О вѣчныхъ истинахъ (Мой споръ о спиритизмѣ)“ вышла въ свѣтъ въ 1887 г.

[2]) Извѣстный химикъ, пчеловодъ, спиритъ, членъ Академіи Наукъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ скончался 5-го августа 1886 г. въ дер. Бутлеровкѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Посмертное изданіе его „Статей по медіумизму“ вышло въ 1889 году. Страховъ былъ противникомъ Бутлерова, убѣжденнаго спирита.

[3]) См. выше, стр. 318.

[4]) Т. е. „Священныя Книги Востока“.

[5]) Санскритскіе философскіе трактаты, часть Ведъ.

[6]) Одна изъ частей Ведъ, древнѣйшаго санскритскаго литературнаго памятника. Въ сутрахъ изложены правила обрядовъ жертвоприношеній и правила домашней и гражданской жизни.

[7]) Названіе религіозно-философской священной пѣсни, входящей въ „Магабхарату“—индійское эпическое произведеніе.

197. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

23-го сентября 1886 г. Петербургъ.

«Скажите лучше: такъ Богу угодно». Помните ли, безцѣнный Левъ Николаевичь, гдѣ Вы написали эти слова? Вы написали ихъ больше тридцати лѣтъ назадъ, въ Набѣгѣ. Что же удивительнаго, что и черезъ тридцать лѣтъ Вы принялись внушать всѣмъ и толковать молитву: Да будетъ воля Твоя! И какъ Вы можете сказать, что прежде писали не то, что теперь? Для поправки я перечитываю Ваши писанія, и опять удивляюсь, и удивляюсь больше прежняго. Меня во всемъ у Васъ схватываетъ такая серьезность, такая полная правдивость, которая равняется самому чистому религіозному настроенію. У Васъ можно учиться любить смиреніе простоту и правду и уходить отъ тщеславія и всякой лжи, внутренней и внѣшней. Вы тѣмъ и дороги, что смотрите на душу человѣка съ этой высокой точки зрѣнія; во всемъ и вездѣ Вы показываете не одну пошлость, но и добираетесь до слѣдовъ настоящаго блага, вѣчнаго свѣта, бывающаго въ людяхъ. Когда чувствуешь, что у писателя эта цѣль никогда не выходитъ изъ мыслей, что она невидимо озаряетъ все, что онъ пишетъ, то чтеніе получаетъ интересъ, котораго ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Читаю и вникаю всѣми силами въ этотъ чудесный смыслъ, и никогда еще я не читалъ Васъ съ такимъ наслажденіемъ и поученіемъ.

Отъ Александра Михайловича [1]) знаю, что Вы все еще очень больны, и мнѣ это тяжело и грустно. Самъ я почти здоровъ и погруженъ больше всего въ печатаніе своей книги [2]), которое уже дошло до половины. Когда самолюбіе очень разыграется, то приходитъ на умъ, что за эту книгу меня слѣдовало бы сдѣлать докторомъ философіи и членомъ Академіи Наукъ. Но по правдѣ, я самъ только хотѣлъ бы быть доволенъ своею книгою, и для этого, кажется, чего-то не хватаетъ.

Софьѣ Андреевнѣ—усердное мое почтеніе, и скажите, что по первому ея слову вышлю исправленные листы—конецъ 2-го тома и начало 3-го [3]). Еще разъ—глубоко я Вамъ обязанъ, невыразимо благодаренъ какъ писателю!

Если мнѣ поручите просмотрѣть и другіе томы, если работа моя годится,—радъ буду всею душою! Простите

Вашего неизмѣннаго

1886. 23 сент. Спб. Н. Страхова.

---

[1]) Кузминскаго.

[2]) „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“.

[3]) Собраніе сочиненій Толстого, тогда издававшагося графиней С. А Толстой.

198. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

2-го ноября 1886 г. Петербургъ.

Какъ меня обрадовало Ваше письмо [1]), безцѣнный Левъ Николаевичь! И извѣстія все хорошія, да и почеркъ Вашъ всегда сильно на меня дѣйствуетъ и разомъ напоминаетъ множество блаженныхъ минутъ, когда я получалъ Ваши письма. Не отвѣчалъ я Вамъ сейчасъ потому, что хотѣлось сперва подумать; кромѣ того я опять съумѣлъ расплодить свои дѣла такъ, что мнѣ все не достаетъ времени. Книгу мою Вы получили [2]). Нужно теперь никого не обидѣть, занести или послать ее тому, другому. А есть и такіе, къ которымъ хочется пристать: пожалуйста, прочитайте! И прежде всего, Васъ прошу объ этомъ. Вы когда-то хвалили кое-что изъ того, что тамъ перепечатано.

— Письмо мое перервалъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ [3]). Онъ пріѣхалъ навѣстить своего несчастнаго племянника и нашелъ его въ ужасномъ состояніи—ѣстъ свой.... Съ Фетомъ вмѣстѣ пріѣхалъ и Н. П. Семеновъ [4]), и я чувствую, какъ надвигается зимній сезонъ, утомительный и недающій ничего дѣлать.

О самоучителяхъ. Безъ сомнѣнія я всею душою готовъ содѣйствовать, но какъ? Самъ писать не могу, разсматривать чужія писанія—буду очень охотно. Но прежде всего скажу вообще объ этомъ дѣлѣ.

Очень трудно мнѣ представить самое его осуществленіе, то есть, какую мѣру свѣдѣній можно заключить въ самоучителѣ, и какъ эти самоучители будутъ дѣйствовать, то есть, читаться и пониматься, и что изо всего этого выйдетъ. Но совершенно согласенъ, что изложеніе должно быть и просто, и вполнѣ строго. Мысль эта, однако, уже была не разъ приводима въ исполненіе. Существуетъ и у насъ цѣлая литература такихъ книгъ, а за границею ихъ еще больше. Къ несчастію, я вовсе не знакомъ съ этою литературою. Но первымъ дѣломъ, конечно,—нужно пересмотрѣть эту литературу, выбрать хорошее изъ русскаго, а чего недостаетъ—перевести. Если бы я былъ министромъ просвѣщенія, то непремѣнно учредилъ бы правильный и непрерывный переводъ иностранныхъ учебниковъ. По тѣмъ частямъ, по которымъ я разсматриваю книги въ Уч. Ко-

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“.

[3]) Шеншинъ-Фетъ.

[4]) Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ (см. выше, стр. 118). Ему посвящена книга „Дарвинизмъ“ Н. Я. Данилевскаго, некрологъ котораго былъ написанъ Н. П. Семеновымъ. (С.-Пб. 1885).

митетѣ [1]), я знаю, какъ неизмѣримо далеко иностранные учебники (ботаники, зоологіи, физики и т. п.) превосходятъ наши, обыкновенно едва-едва терпимые. Меня ужасаетъ эта непрерывная фабрикація плохихъ книгъ, возрастающая съ каждымъ годомъ. Плохія книги есть зло, потому что мѣшаютъ хорошимъ. Такъ что, если приниматься за изданіе новыхъ книгъ, то нужно уже быть твердо увѣреннымъ, что книги выйдутъ хорошія. Англичане, чтобы избѣжать всякихъ колебаній, поступаютъ очень умно: они учатъ геометріи по Эвклиду, а началамъ механики по Ньютону. Тутъ въ достоинствѣ книги нельзя сомнѣваться. И такъ, мой совѣтъ—пересмотрѣть литературу. Вновь составлять книги—навѣрное будетъ меньше удачи. Если что будутъ переводить, то я готовъ обучать переводчиковъ, какъ это мнѣ доводилось много разъ. На всякія совѣщанія также готовъ, лишь бы не приходилось ѣздить по вечерамъ.

Вы спрашиваете, безцѣнный Левъ Николаевичъ, о моемъ житьѣ. На здоровье жаловаться не могу,—давно не былъ такъ здоровъ (А Усовъ-то умеръ! Какая жалость—такъ и не удалось познакомиться!) [2]). Дѣлъ внѣшнихъ — никакихъ; дѣла внутреннія—веду упорно въ одну сторону, но медленно. Осталось мнѣ еще издать книжку—Споръ о спиритизмѣ [3]), чтобы расквитаться съ прошлымъ. Да нужно еще написать о Дарвинизмѣ [4]). Думаю все сдѣлать къ новому году. Тоска теперь рѣже грызетъ меня, и часто кажется, что уже близко состояніе полной тишины и ясности. Очень радуюсь, что разныя скверныя чувства, которыя находили на меня, почти исчезли. Боюсь самодовольства, гордости, самолюбія и стараюсь обратить ихъ въ настоящее смиреніе и благодушіе. Но боюсь и большой возни съ собою и часто стараюсь только переждать свои недостатки и терпѣливо переносить дурное настроеніе.

Какая радость, что у Васъ является новая работа! Художество, самая свободная и самая глубокая форма, въ которой мы можемъ ыражать свою душу, находится вполнѣ въ Вашей власти (жаль,

---

[1]) Т. е. въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Страховъ былъ членомъ.

[2]) Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ (род. 5-го января 1827, ум. 27-го октября 1886 г. въ Москвѣ)—профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ зоологіи (1861—1886), авторъ многихъ сочиненій по своей спеціальности, а также и по археологіи. Его „Сочиненія“ изданы послѣ его смерти, въ 1888 г., подъ редакціей проф. М. А. Мензбира.

[3]) Вышла въ 1887 г.

[4]) Статья Страхова „Полное опроверженіе Дарвинизма“ (закончена 9-го декабря 1886 г.), написанная по поводу книги покойнаго Н. Д. Данилевскаго „Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе“, т. I, ч. 1 и 2 (С.-Пб. 1885) появилась въ январской и февральской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1887 г. Перепечатана въ сборникѣ Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890.

что Вы не читаете моихъ печатныхъ похвалъ Вамъ). Въ художествѣ мы можемъ притомъ отдаваться тѣмъ внушеніямъ с в ы ш е, которыхъ не въ силахъ привести къ сознанію и выразить отвлеченно. Какъ я всегда завидовалъ художникамъ, чувствуя свою шаткость и слабость! Сказать вполнѣ то, для чего недостаетъ мыслей, откинуть все посредствующее и постепенное и прямо выразить самую глубину своего чувства—какая безцѣнная способность! На эту высоту можно всегда уйти тому, кому это дано, уйти не отъ другихъ, а отъ самого себя; тутъ разрѣшаются сами собою всѣ загадки. Художество до сихъ поръ заражено язычествомъ. Фетъ и Майковъ въ моихъ глазахъ на половину,—нѣтъ—больше,—язычники. Но Вы, теперь, если будете писать, дадите намъ христіанское художество.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ; дай Вамъ Богъ всякихъ силъ, и удали отъ Васъ всякія помѣхи.

Софьѣ Андреевнѣ усердное почтеніе. Скажите, что я отправилъ продолженіе корректуры по адресу въ Москву, и скоро отправлю и конецъ. Очень меня радуетъ доброта Графини, и не знаю, какъ ее и благодарить.

А что Вы скажете о моей книгѣ? У авторовъ это вѣдь главный вопросъ, и во мнѣ онъ шевельнулся.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1886. 2 Ноября.

199. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

11 декабря 1886 г. Петербургъ.

Вчера наконецъ я кончилъ свою статью [1]), сегодня утромъ отвезъ ее къ Каткову [2]) (онъ здѣсь), а вечеромъ пишу къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Такъ меня поглощала эта работа, что я даже не совѣстился, что не отвѣчаю Вамъ [3]). И теперь, когда все готово, я испытываю большое удовольствіе—вижу, какъ м н о г о сработано. Не знаю, когда Вы это прочтете,—Катковъ обѣщалъ въ первую книжку, но вѣдь это значитъ 1-го Февраля! А предметъ какъ разъ подходитъ къ тому, о чемъ Вы мнѣ пишете; доказывается, что организмы суть явленія нѣкотораго м о р ф о л о г и ч е с к а г о п р о ц е с с а, независимаго отъ вещественныхъ случайностей и въ су-

---

[1]) „Полное опроверженіе Дарвинизма“; появилась въ январской и февральской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ (см. предыдущее письмо).

[2]) Издатель „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, вскорѣ (27-го іюля 1887) умершій.

[3]) Письмо Толстого неизвѣстно.

ществѣ своемъ разумнаго. Мнѣ очень досадно, что въ книгѣ своей я все-таки не договорилъ своей мысли. Она полнѣе выражена въ Мірѣ какъ цѣломъ [1]). Наша душевная жизнь очевидно вполнѣ сливается съ органическою. И та и другая состоятъ въ какомъ-то непрерывномъ измѣненіи. Какъ наши мысли и чувства непремѣнно преходящи, не могутъ остановиться неподвижно, а, по самой своей природѣ, текутъ и обновляются, такъ точно происходитъ и органическое развитіе. Нѣтъ сомнѣнія, что одно составляетъ условіе другого. Какъ-будто кто-то стремится создать самыя подвижныя существа, такія, что ихъ подвижность равнялась бы теченію мышленія. Но, въ то же время, мысль есть вѣдь [нѣчто единое и] то, что̀, изо всего существующаго, обладаетъ наибольшимъ единствомъ и неизмѣняющимся отъ времени тожествомъ. Такъ и организмъ—есть нѣчто сосредоточенное и сохраняющее въ себѣ все прошлое. Правы Шеллингъ и Гегель, когда говорятъ, что въ нашемъ сознаніи сознаетъ себя то вѣчное духовное начало, въ которомъ корень всего бытія. Я готовъ сказать, что всякая жизнь непосредственно происходитъ изъ Бога, что Богъ одинаково роститъ и мелкую травку и душу величайшаго человѣка. Въ этомъ ростѣ и во всякой жизни соблюдаются извѣстные законы, какъ соблюдаются неизмѣнно и всѣ законы физическіе; но это не есть стѣсненіе, а наоборотъ пособіе и необходимое удобство. Такъ человѣкъ не можетъ подняться до 5-го этажа иначе, какъ шагая по лѣстницѣ, но это не значитъ, что лѣстница его стѣсняетъ, и нелѣпо воображать (какъ думаютъ матеріалисты), что сама лѣстница есть причина, подымающая на высоту.

Конецъ же и цѣль всякаго развитія есть Богъ, то самое, что̀ есть и его источникъ. Все это у меня еще не совсѣмъ ясно, хотя крайнія точки уже стали для меня совершенно незыблемыми. Все изъ Бога исходитъ и все къ Богу ведетъ и въ Богѣ завершается. Мы въ немъ живемъ и движемся и существуемъ.

Вотъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, немножко моей метафизики, и она сходится съ Вашею въ мысли о господствующемъ значеніи сознанія. И я думаю, что сознаніе есть «высшая сила міра».

Живу я очень скучно. Это я недавно замѣтилъ, когда оглянулся назадъ и почувствовалъ, что, со времени возвращенія въ Петербургъ, кажется прошли годы и десятки лѣтъ. Между тѣмъ я занятъ непрерывно и даже съ напряженіемъ. Но душевное настроеніе перестало измѣняться; и дома и въ гостяхъ, и за работою и въ театрѣ оно одно и тоже. Можетъ быть это и лучше. Здоровье хромаетъ, но не очень.

---

[4]) Книга Страхова „Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ“ изд. С.-Пб. 1872; 2-е, исправленное и дополненное, ея изданіе Страховъ выпустилъ въ 1892 году.

Книга моя Объ Осн. Понятіяхъ [1]) имѣетъ пока успѣхъ только у медиковъ; къ моему удивленію, я слышалъ отъ нихъ такіе восторженные отзывы, что ими можетъ быть довольно какое угодно самолюбіе. И дѣйствительно, множество мѣстъ въ книгѣ имѣютъ особую занимательность для тѣхъ, кто возился съ анатоміею, съ курсами физіологіи и т. п. Аѳанасій Аѳанасьевичь [2]) очень хвалитъ и съ особеннымъ упоромъ передавалъ и Ваши похвалы.

Ваша пьеса [3]) и Вашъ календарь [4]) ужасно меня интересуютъ. Слышалъ отъ Бирюкова [5]), которому теперь, на свободѣ, примусь больше помогать. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго! Графинѣ передайте мое глубокое почтеніе [6]) и простите

Вашего

Н. Страхова.

1886. 11 Дек. Спб.

200. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

27-го января 1887 г. Петербургъ.

Не будетъ мнѣ покоя, безцѣнный Левъ Николаевичь, пока не напишу Вамъ объ Вашей драмѣ Власть тьмы. Я такъ много слышалъ объ ней разговоровъ, такъ нетерпѣливо ждалъ ея, такъ жадно слушалъ и такъ много объ ней думалъ, что мнѣ мѣшала писать къ Вамъ только моя проклятая медлительность и умѣнье такъ устроиться, что времени никогда не хватаетъ. Первый актъ привелъ меня въ совершенное восхищеніе; давно не испытывалъ я такого свѣжаго и чистаго художественнаго впечатлѣнія. Конечно Ваше мастерство тотчасъ затмило Островскаго, Писемскаго и пр. И во всей драмѣ, или лучше, по всей драмѣ видна та же сила, правда сценъ и характеровъ и рѣчей, далеко превосходящая силу другихъ писателей, всегда съ трудомъ сочиняющихъ свои сцены и разговоры. Но въ слѣдующихъ актахъ интересъ не развивается и не возростаетъ. Меня очень заняли (какая досада, что нѣтъ у меня драмы, чтобы

---

[1]) Т. е. „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“.

[2]) Шеншинъ-Фетъ.

[3]) „Власть тьмы, или Коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“ въ это время заканчивалась обработкою.

[4]) „Календарь съ пословицами на 1887 годъ“. С.-Пб. 1887 (было нѣсколько изданій).

[5]) Другъ и біографъ Толстого Павелъ Ивановичъ Бирюковъ (род. 1860), завѣдывавшій въ это время основаннымъ Толстымъ и В. Г. Чертковымъ издательствомъ „Посредникъ“.

[6]) Къ 1886 году относится пространное письмо Страхова къ графинѣ С. А. Толстой, писанное послѣ прочтенія (въ корректурѣ) статьи Толстого „Такъ что-жъ намъ дѣлать“ и напечатанное въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., кн. 6, стр. 456—458.

перечитать!) только сцена свиданія Никиты съ Мариною, а потомъ съ пьяною женою. Какъ это ярко и полно смысла! Въ остальныхъ сценахъ лица только вѣрны себѣ, дѣйствуютъ такъ, какъ выступили. Два важныхъ момента 1) когда жена признается Никитѣ въ преступленіи и 2) когда онъ рѣшается на публичное покаяніе,—эти двѣ важныя минуты происходятъ за сценою, такъ что зрителю непонятна и ненависть Никиты къ женѣ и смыслъ его появленія на свадьбѣ—въ первую минуту неизвѣстно, что онъ сдѣлаетъ, съ чѣмъ пришелъ. Вообще, Никита нисколько не интересенъ; онъ дѣйствуетъ все время какъ угорѣлый, не по своему почину; его преступленія не оправдываются его страстностью, или чѣмъ другимъ, и его покаяніе не имѣетъ силы. Какъ з л о у в л е к а е т ъ—неясно, нѣтъ изображенія этого увлеченія; и какъ въ человѣкѣ просыпается и побѣждаетъ совѣсть—не видно или мало видно. Наконецъ, послѣдняя сцена мнѣ кажется слабою, не довольно живою и со стороны кающагося Никиты и со стороны присутствующихъ.

Вотъ, я сказалъ главное. Вы сами, конечно, лучше знаете, и я предлагаю Вамъ свою критику съ большимъ недовѣріемъ къ себѣ. Очень мнѣ было странно слышать, что драму не пускаютъ на сцену, и никакъ я не могъ добиться толковаго отвѣта, — почему. Не каждый ли день ставятся на театрѣ всякія преступленія? Но прослушавши и подумавши, я, кажется, нашелъ настоящую причину. Этотъ рядъ сценъ пугаетъ не потому, что сцены ужасны, а потому что онѣ низменны, отвратительны, и въ такой степени, которая превосходитъ ихъ ужасъ. Вы геніальный мастеръ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если Вы захотите произвести какое впечатлѣніе, то производите его неотразимо. Значитъ Вы хотѣли этого впечатлѣнія, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ и заикнуться, что Ваше изображеніе въ чемъ бы то ни было невѣрно. Но оно не восполнено, не вознаграждено изображеніемъ того, что̀ въ душѣ человѣка живетъ и непобѣдимо среди этой грязи. Вашъ Акимъ—прелесть. Съ величайшею жадностію слѣдилъ я за нимъ и за тѣмъ, что дѣлается подъ его вліяніемъ съ Никитою. Тутъ — тайна, тутъ — самая глубокая занимательность, захватывающая всѣхъ, и грубѣйшихъ мужиковъ и вполнѣ образованныхъ людей. Но эта сторона у Васъ слабѣе обработана. По замыслу, какая прелесть сцена Никиты съ Мариною— когда получу драму, я прежде всего перечту эту сцену. Теперь же мнѣ кажется, что Марина блѣдна, не довольно характерна, общая форма хорошей женщины.

Ужъ я расходился. — Въ драмѣ, очевидно, нѣтъ цѣльности, нѣтъ одного узла, постепенно развязывающагося. Если Вы возьмете Г р ѣ х ъ д а б ѣ д а н а к о г о н е ж и в е т ъ Островскаго—эту драму я считаю безукоризненною по постройкѣ. Все въ ней катится, увлекая зрителя, и неизбѣжно приходитъ къ послѣднему удару [концу],

Такая постройка безмѣрно усиливаетъ значеніе каждой сцены, каждой подробности. Много я волновался, разговаривая съ разными Вашими недоброжелателями и самъ раздумывая о драмѣ. Шумъ и остановки, которыя Вамъ дѣлаютъ рѣшительно не понимаю изъ за чего—приведутъ къ одному—сдѣлаютъ Вамъ громадный успѣхъ.

Часто мнѣ приходитъ горячее желаніе писать объ Васъ, и конечно больше всего потому, что можно будетъ хвалить Васъ и указывать все, чему можно и слѣдуетъ у Васъ сочувствовать. О, какая тема!

Посылаю Вамъ свою рѣчь о Россіи и Европѣ [1]) съ большою просьбою о снисхожденіи. Въ 1-мъ № Русскаго Вѣстника будетъ моя статья о Дарвинизмѣ. А теперь печатаю свою послѣднюю научную книгу: О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ) и пришлю Вамъ въ началѣ поста.

Чувствую однако, что становлюсь тяжелъ для добрыхъ знакомыхъ; шутка ли все это прочитать! И потому Вы меня можете очень тронуть, если прочтете; а прочтете, тогда ужъ конечно и скажете что-нибудь.

Простите меня, и дай Вамъ Богъ всякихъ силъ и всякаго успѣха! Графинѣ мое усердное почтеніе. Какая жалость! Такъ мнѣ не здоровится, что завтра не буду у Кузминскихъ и не буду съ ними говорить объ Васъ!

Вашъ Н. Страховъ.

1887. 27 янв. Спб.

201. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Февраль 1887 г. Петербургъ].

Очень виноватъ я передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ; изъ усердія я поторопился, вопреки своему правилу, и съ большою развязностію написалъ Вамъ свое сужденіе о Вашей драмѣ. Теперь я очень сержусь и на себя, и на Стаховича [2]), обманувшаго меня чтеніемъ, и на всѣхъ, кто читалъ, слышалъ и не умѣлъ ничего по-

---

[1]) Т. е., о книгѣ Н. Я. Данилевскаго съ этимъ заглавіемъ.

[2]) Александръ Александровичъ Стаховичъ, близкій къ Толстому, Островскому, Писемскому и другимъ писателямъ 1850—1860-хъ годовъ, извѣстный актеръ-любитель, спортсменъ и коннозаводчикъ, авторъ любопытной книги „Клочки воспоминаній“. Благодаря Стаховичу, ознакомившему Имп. Александра III съ „Властью тьмы“, она была разрѣшена къ постановкѣ на сценѣ. Въ „Толстовскомъ Ежегодникѣ“ 1912 г. (стр. 27—47) напечатаны интересныя воспоминанія А. А. Стаховича, касающіяся „Власти тьмы“; тамъ же помѣщены статьи о ней графини С. А. Толстой и Н. В. Давыдова. А. А. Стаховичъ умеръ въ Петербургѣ 28-го февраля 1913 г. на 83 году жизни.

нять прямо. Дней пять, какъ я получилъ наконецъ Вашу драму и съ тѣхъ поръ не могу отъ нея оторваться, не могу ея начитаться. Боже мой, какъ хорошо! Какъ это живо, правдиво, точно, какъ просто и какъ глубоко захватываетъ дѣло! То, что я говорилъ о первомъ актѣ, я скажу теперь обо всей драмѣ—она отодвигаетъ на задній планъ всѣхъ Островскихъ, Писемскихъ, Потѣхиныхъ. Я восхищаюсь естественностію, краткостію, характерностію каждаго разговора; выборъ минуты, чередованіе сценъ, полнота всей жизненной обстановки—что за прелесть, что за совершенство!

Какъ глупы мнѣ кажутся теперь рѣчи о Шекспирѣ, о дѣйствіи, о цѣльности и т. п.!

Да, тутъ нѣтъ дѣйствія. Преступленія зрѣютъ постепенно и совершаются не въ порывѣ, не въ борьбѣ мыслей, а подъ прямымъ вліяніемъ обстоятельствъ на людей съ тупою совѣстью. Но вѣдь это и хорошо, это и есть правда, это и есть задача!

И какія преступленія? Соблазнъ дѣвушки, отравленіе постылаго мужа, дѣтоубійство—самыя обыкновенныя, самыя ходячія преступленія—и Вы показали намъ, какъ они дѣлаются, Вы первый освѣтили ихъ настоящимъ свѣтомъ. Они дѣлаются простодушно, людьми сквернымъ, но не злодѣями во вкусѣ Шекспира или Вальтеръ-Скотта.

Эта скверность принадлежитъ—бабамъ, съ ихъ похотливостью и безсовѣстною поблажкою всякому грѣху. Ваши бабы, завидующія, ссорящіяся, лукавящія и никогда не кающіяся—что это за живая и поразительная картина!

Мужики добродушны, сильны, совѣстливы. Въ Вашего Акима я просто влюбленъ, я вижу его, какъ живого, слышу его отрывистую рѣчь, его крики—и всплакнулъ я не разъ отъ этого золотаря.

Въ томъ и бѣда наша, что съ нашими понятіями о трагическомъ и о красотѣ, мы разучились смотрѣть на вещи просто и ищемъ вездѣ или безобразія, или эффектныхъ рѣчей и дѣйствій. Воображаю, какъ будутъ исполнять Вашу драму! Какъ будутъ подчеркивать всякую грубость, какъ изъ Матрены сдѣлаютъ леди Макбетъ и придадутъ демонскую ядовитость ея рѣчамъ и т. д. Надѣлаютъ Вамъ такихъ эффектовъ и страстей, что Вы не узнаете Вашего тульскаго народа.

Видятся мнѣ въ драмѣ два-три пятна—но теперь я буду умнѣе, не буду говорить объ нихъ, пока не всмотрюсь, не вдумаюсь хорошенько. Такъ какъ я, по своимъ чувствамъ, нахожу, что драма мнѣ очень понятна, что мнѣ уже доступно самое важное ея содержаніе, то меня теперь занимаетъ другое. Я обращаюсь къ самому себѣ и говорю себѣ:

Ну вотъ тебѣ то, чего ты такъ желалъ; вотъ художественное созданіе высокой, несравненной силы. Ты впиваешься въ него и не

можешь досыта начитаться Что же оно тебѣ даетъ? Что тебя занимаетъ? Какая душевная польза отъ этого созерцанія жизни, раскрытой до самаго дна?

Дайте подумать, безцѣнный Левъ Николаевичь.

А между тѣмъ, прежде всего, простите, что такъ навязываюсь Вамъ со своими письмами. Нынѣшнее письмо, какъ Вы видите, было совершенно необходимо, кромѣ моего всегдашняго желанія увѣрять Васъ въ неизмѣнной моей преданности, въ томъ, что поклоняюсь Вамъ глубоко.

Вашъ
Н. Страховъ.

P. S. Графинѣ мое усердное почтеніе. Въ драмѣ, какъ она напечатана, есть недосмотры, иные грубые. Выправлю хорошенько и на всякій случай пришлю одинъ экземпляръ Графинѣ, а другой Черткову [1]).

202. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

12-го марта 1887 г. Петербургъ [2]).

Мой переводъ, мой собственный! Эта Ваша похвала, безцѣнный Левъ Николаевичь, обрадовала меня особенно сильно. Какъ Вы тонко все понимаете! Не даромъ же я такъ трудился надъ этимъ переводомъ, стараясь передать не только прозрачное теченіе мысли, но и самый тонъ рѣчи. Очень утѣшили и ободрили меня Ваши похвалы. Какъ самолюбивый авторъ, я разумѣется страдаю отъ равнодушія и невниманія. Мои книжки, однако, имѣютъ успѣхъ, который долженъ меня веселить. Въ четыре мѣсяца какіе-то 400 человѣкъ купили Основныя понятія [3])! Это для меня такой же успѣхъ, какъ для Васъ 40.000! Но отзывы, которые случается слышать, большею частію, совершенно тупы. Вчера пришло письмо отъ Фета, въ которомъ восторги и восхищенія отъ Вѣчныхъ истинъ [4]) и ни единаго слова о томъ, почему и что ему нравится. Зато въ заключеніе такое извѣстіе, котораго до сихъ поръ не могу переварить. Жалуюсь Вамъ и прошу Вашего вниманія. Фетъ пишетъ:

---

[1]) Т. е., въ издательство „Посредника“.

[2]) Письмо Толстого, на которое отвѣчаетъ Страховъ, неизвѣстно.

[3]) Объ „Основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“ (С.-Пб. 1886); изд. 2-е, 1894.

[4]) Книга Страхова въ опроверженіе ученія спиритовъ: „О вѣчныхъ истинахъ. (Мой споръ о спиритизмѣ)“, С.-Пб. 1887.

«Часто посѣщавшіе насъ въ Москвѣ В. Соловьевъ [1]) и Гротъ [2]), по иниціативѣ перваго, вскипѣли негодованіемъ отъ Вашей книги, какъ вода кузнеца отъ раскаленнаго желѣза, и собираются соборне писать Вамъ дружескія нареканія. Все, что я пишу Вамъ, я испросилъ на это разрѣшеніе Соловьева [3]). Соловьевъ прямо говоритъ, что это лживая, лукавая книга, прикрывающаяся девизомъ—philosophari—Deum amare—и проповѣдывающая чистѣйшій матеріализмъ. Если она преднамѣренно въ этомъ смыслѣ лукава, то тѣмъ сильнѣе хочется мнѣ обнять Васъ, какъ умницу, умѣющаго защитить свое чадо».

Вотъ мои судьи, безцѣнный Левъ Николаевичъ! И всѣ три знакомы со мною и не разъ выражали, что любятъ меня. Стыдно Соловьеву подумать, что я лгу, да стыдно и Фету повѣрить такой мысли. Когда же я лгалъ? Зачѣмъ мнѣ лгать на старости лѣтъ? Что за гнусность!

Не знаю теперь, что дѣлать. Первое мое желаніе было — разорвать всякія отношенія съ ними,—такъ мнѣ было обидно. Но потомъ я принялся думать, отчего же все это вышло? Не понимаю. Гротъ мальчикъ, не имѣющій никакой состоятельности въ мысляхъ. Но Соловьевъ? Какъ же онъ не понялъ книги? И если онъ не понялъ, кто же ее пойметъ? Неужели онъ уже до конца во власти фанатизма, который у него иногда проглядывалъ?

Такого огорченія и недоумѣнія я еще не испытывалъ въ жизни. Не вѣрятъ! Знали меня такъ долго и говорили, и увѣряли въ дружбѣ,— и не вѣрятъ моимъ словамъ! И обнимаютъ з а э т о!

Простите меня,—я наполнилъ все письмо собственною своею особою. Слѣдовало бы написать и объ Вашей драмѣ [4]); впечатлѣніе отъ нея еще растетъ, бродитъ, развертывается—и въ публикѣ, и въ театральномъ мірѣ и—у меня. Со временемъ все станетъ яснѣе.

---

[1]) Остроумное письмо В. С. Соловьева съ шутливой критикой книги Страхова о спиритизмѣ, отъ 9-го марта 1887 г. изъ Москвы, см. въ книгѣ „Письма В. С. Соловьева. Подъ ред. Э. Л. Радлова“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 31. Соловьевъ пишетъ, что съ его мнѣніемъ о книгѣ согласны и Н. Я. Гротъ и Л. М. Лопатинъ.

[2]) О немъ см. ниже, стр. 319. Въ изданной К. Я. Гротомъ книгѣ „Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей“ (С.-Пб. 1911) напечатано 25 писемъ Страхова къ Н. Я. Гроту (за 1887—1895 гг.) и 21 письмо Л. Толстого къ Н. Я. Гроту и его воспоминанія (1910 г.) о немъ, изложенныя въ видѣ письма къ Н. Я. Гроту (стр. 207—210). Письмо Толстого къ Н. Я. Гроту перепечатано въ Сборникѣ писемъ Толстого, изд. „Окто“.

[3]) Самъ Соловьевъ въ упомянутомъ письмѣ своемъ къ Страхову писалъ почти то же. На письмо, которое ему написалъ Страховъ по этому поводу, Соловьевъ отвѣтилъ длиннымъ письмомъ отъ 12-го апрѣля (см. „Письма В. С. Соловьева“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 32—34).

[4]) „Власть тьмы“.

Еще разъ, простите меня. Графинѣ мое усердное почтеніе. Не забывайте

Вашего неизмѣннаго
Н. Страхова.

1887. 12 Марта. Спб.

203. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

25-го апрѣля 1887 г. Петербургъ.

Сейчасъ только я кончилъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, длинное примирительное письмо къ Фету [1]), примирительное и съ Соловьевымъ, который живетъ у него въ Воробьевкѣ [2]) и съ которымъ мы дважды помѣнялись письмами [3]). Какія странныя впечатлѣнія! Какъ мнѣ стало до очевидности ясно, что и тотъ и другой не мыслятъ и не говорятъ серьезно, а въ сущности только забавляются мыслями и словами. Особенно со стороны Соловьева это было для меня откровеніемъ. Понятно, что они и не могли взять въ сурьезъ моихъ словъ. Повѣрьте, что Соловьевъ спасается въ свою церковь, а Фетъ къ своимъ деньгамъ потому, что во всемъ остальномъ они не въ силахъ уловить ничего реальнаго. Это самые фантастическіе люди въ мірѣ, люди, принимающіе самую свою жизнь, т. е. свои чувства и размышленія, за призракъ, за игру. Поэтому они такъ охотно сочиняютъ. Фетъ прямо говоритъ, что поэзія есть ложь по самому своему существу, а Соловьевъ думаетъ, что ему слѣдуетъ писать и мыслить только крѣпко держась за церковь. Тогда будетъ все хорошо, а безъ этого онъ вдругъ теряетъ всякую опору. Что онъ мнѣ написалъ! Какія чудовищныя возраженія! Только теперь я вполнѣ понялъ (когда дошло дѣло до меня самого!) его высокопарность, туманность, софистичность, его твердое убѣжденіе, что сравненіе есть доказательство, а симметрія признакъ безусловной истины. Поэтому онъ тогда только и хорошъ, и то на половину, когда объясняетъ догматы, толкуетъ смыслъ церкви, вообще развиваетъ чужое и данное [4]). Съ такими людьми можно ли вести серьезный обмѣнъ мыслей? Они никакъ не понимаютъ, чѣмъ я обидѣлся, когда они сказали, что я не думаю серьезно того, что пишу. Такъ и возьму ихъ, хоть ужасно грустно, когда не съ кѣмъ слова ска-

---

[1]) Письмо А. А. Шеншина-Фета, на которое отвѣчалъ Страховъ и выдержку изъ котораго сообщилъ Толстому, въ печати не появлялось.

[2]) Соловьевъ благодарилъ Страхова за „примирительное“ письмо 20-го мая изъ Воробьевки; см. это письмо въ книгѣ „Письма В. С. Соловьева“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 35—37.

[3]) См. ихъ въ той же книгѣ, стр. 31—34.

[4]) Впослѣдствіи Страховъ совсѣмъ разошелся съ Соловьевымъ и рѣзко полемизировалъ съ нимъ.

зать. Майковъ [1]) или покойный Аксаковъ [2]) лучше понимали меня, хотя насъ раздѣляетъ множество несогласій. Бѣдный Майковъ! Онъ видимо сталъ дряхлѣть; но его худое лицо и глаза, достигшіе полной чистоты и прозрачности, удивительно стали прекрасны. У него хорошая старость: онъ все мягче и добрѣе и спокойно ожидаетъ смерти [3]).

Полонскаго [4]), на его юбилеѣ поэтъ Минаевъ [5]) назвалъ маститымъ юношею; это очень вѣрно. Юбилей былъ очень удаченъ, т. е. не шуменъ, а веселъ, теплою веселостью. Меня подбивали—написать Вамъ, чтобы и Вы прислали поздравленіе. Но мнѣ все время было не по себѣ и на самый юбилей я пошелъ больной. Поэтому простите мнѣ нерасторопность; а Полонскій къ тому же въ горѣ: онъ потерялъ Ваше письмо, которымъ очень дорожилъ и гордился.

Вчера только получилъ я письмо отъ О. А. Данилевской [6]), гдѣ она разсказываетъ, какъ была у Васъ въ Москвѣ, съ большою радостію и любовью къ Вамъ и къ Графинѣ. Какъ это все хорошо Глубоко трогаетъ меня эта женщина. Вѣдь она до сихъ поръ ежеминутно сдерживаетъ свое отчаяніе и, какъ я знаю по здѣшнему ея житью, спать настоящимъ образомъ не можетъ. Зоветъ меня въ Крымъ, между прочимъ заманивая и тѣмъ, что разскажетъ разговоры, какіе были въ Москвѣ [7]). Про Васъ она пишетъ, что не любить Васъ невозможно.

Конечно, нужно ѣхать; конечно, очень жажду и съ Вами повидаться, поговорить, если Богъ пошлетъ благодать, о жизни и смерти, о чемъ Вы теперь пишете. Но Май пробуду здѣсь, а можетъ быть и весь Іюнь. Лѣтомъ и осенью будетъ у меня большое печатаніе—три книги! Двѣ—второе изданіе своихъ, а третья—новое изданіе Россіи и Европы [8]). Между тѣмъ готовлюсь и обдумы-

---

[1]) Поэтъ Аполлонъ Николаевичъ.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ. Когда онъ скончался, Страховъ написалъ статью „Поминки по И. С. Аксаковѣ“, напечатанную въ „Новомъ Времени“ 7-го марта 1886 г. (перепечатана въ сборникѣ статей Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. I, изд. 2, 1887 г. стр. 459—473).

[3]) Майковъ прожилъ еще долго: онъ скончался 8-го марта 1897 г.

[4]) Поэта Якова Петровича.

[5]) Дмитрій Дмитріевичъ, извѣстный поэтъ-сатирикъ (ум. 10-го іюля 1889 г.).

[6]) Вдова Николая Яковлевича Данилевскаго.

[7]) 14-го марта 1887 г. Толстой прочелъ, въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, рефератъ: „О понятіи жизни“ („Вопросы философіи и психологіи“, кн. I, М. 1889, стр. 100). И Страховъ, и Толстой были дѣйствительными членами этого Общества (впослѣдствіи и почетными).

[8]) Н. Я. Данилевскаго. Въ началѣ мая Н. Н. Страховъ послалъ въ „Русскій Вѣстникъ“, со своимъ небольшимъ предисловіемъ, статью Н. Я.

ваю—писать и свою послѣднюю книгу. Главныя темы—двѣ: сущность познанія и то, какъ все насъ приводитъ къ Богу, и какъ намъ отъ всего идти къ Богу. Теперь я упростилъ всѣ свои дѣла, имѣю вдоволь свободнаго времени,—да жаль—мало силъ, очень мало. Вотъ ужъ вторую недѣлю не выхожу, сижу одинъ (Стахѣевъ уѣхалъ) [1]) и вижу въ окна, какъ наступили красные дни, какъ съѣзжаются въ Оперу, съ какимъ очевиднымъ наслажденіемъ гуляютъ здоровые люди.

На досугѣ я прочелъ L'Oeuvre, Золя. Очень интересный предметъ, очень серьезное отношеніе къ дѣлу, много вѣрныхъ и свѣжихъ описаній—и чрезвычайно слабая работа. Лица—вовсе не изображены, а только служатъ вѣшалками для сценъ, мыслей, для формулированія извѣстныхъ качествъ и извѣстной судьбы человѣка. Весь романъ не стоитъ одной Вашей страницы.

Гротъ [2]) мнѣ пишетъ, что лекція Тимирязева [3]) Опровергнутъ ли дарвинизмъ? была очень язвительна и рѣзка противъ Н. Я. Данилевскаго и меня и кончилась стономъ и ревомъ восторга слушателей. Наконецъ они говорятъ, но—какое оружіе—публичная лекція! Нечего дѣлать, нужно готовиться къ борьбѣ и пошире разставить ноги [4]).

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Мое усердное почтеніе Графинѣ; скажите, что я треплю свое одѣяло, но до сихъ

Данилевскаго „Экспрессія, или выраженіе чувства у человѣка и животныхъ“, представлявшую собою отрывокъ изъ незаконченнаго Данилевскимъ 2-го тома его книги „Дарвинизмъ“. Статья была напечатана въ майской и іюньской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1887 г. (стр. 1—54 и 493—534).

[1]) У котораго жилъ Страховъ съ 1875 года (въ домѣ Стерлигова, у Торговаго моста).

[2]) Философъ Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ Московскаго Университета; Страховъ благодарилъ Грота за сообщеніе письмомъ отъ 5-го мая (см. „Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911, стр. 237); см. выше.

[3]) Профессоръ Московскаго Университета, извѣстный біологъ, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ (съ 1890 г.) Климентій Аркадьевичъ Тимирязевъ (род. въ 1846 г.). 22-го апрѣля 1887 г. онъ въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ прочелъ лекцію „Опровергнутъ ли дарвинизмъ“, направленную противъ книги Данилевскаго „Дарвинизмъ“ и противъ статьи Страхова „Полное опроверженіе дарвинизма“ (въ „Русск. Вѣстн.“ 1887, январь и февраль).

[4]) Свою лекцію Тимирязевъ напечаталъ въ „Русской Мысли“ (май и іюнь 1887 г.), послѣ чего Страховъ написалъ на нее возраженіе, напечатанное въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ (стр. 66—114 и 98—129) „Русскаго Вѣстника“ за 1887 г. подъ заглавіемъ: „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ. (По поводу статьи профессора Тимирязева „Опровергнутъ ли дарвинизмъ“)“; перепечатана въ книгѣ Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890.

поръ мнѣ его жалко. А не правъ ли я былъ, когда уговаривалъ печатать 15.000 [1])?

Всею душою Вашъ
Н. Страховъ.

1887. 25 Апр. Спб.

204. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

20-го мая 1887 г. Петербургъ.

Ваши слова не пропадаютъ для меня даромъ, безцѣнный Левъ Николаевичь. Досталъ я изъ П. Библіотеки книгу П. Бакунина Основы вѣры и знанія [2]) и принялся читать. Первыя пять страницъ такъ мнѣ не понравились по неточности и безсвязности, что я чуть не бросилъ книги. Извѣриться никогда ничего другого не значитъ, какъ потерять довѣріе другихъ людей, смыслъ простой, ясный, изъ котораго ничего нельзя выжать. Читаю дальше—и мысль начинаетъ интересовать и захватывать меня. Я сталъ только думать, что у этого человѣка мысль и слово не совпадаютъ, что изъ-за своей мысли онъ не видитъ словъ и потому хватаетъ ихъ безъ хорошаго разбора, и, самъ это чувствуя, набираетъ ихъ побольше — для ясности. Читателю, такимъ образомъ приходится изъ-за словъ автора разглядывать его мысль, переводить его смутную рѣчь на ясную. Но чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ больше меня увлекало содержаніе; я пришелъ въ совершенное восхищеніе и нашелъ много мѣстъ, гдѣ прекрасныя мысли и выражены прекрасно, съ воодушевленіемъ и точно. Это они, мои любезные идеалисты, Фихте, Шеллингъ, и величайшій изъ нихъ Гегель! Но авторъ обратилъ ихъ мысли и ихъ діалектику въ свою плоть и кровь, и пишетъ съ полной свободою и твердостію и воодушевленіемъ самостоятельной мысли. Высота и глубина мысли безподобныя, и самъ вдругъ подымаешься какъ на крыльяхъ. Все, что говорится объ отношеніи человѣка къ Богу—удивительно хорошо, да и часто чудесно сказано. Пришлось мнѣ быть на Невскомъ, я зашелъ въ магазинъ и купилъ книгу, чтобы не разставаться съ нею. Однако, я

---

[1]) „Власть тьмы“.

[2]) Павелъ Александровичъ Бакунинъ, братъ эмигранта М. А. Бакунина, философъ и публицистъ, бывшій Новоторжскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства; род. въ селѣ Прямухинѣ 8-го сентября 1820, ум. въ Крыму 22-го мая 1900 г. Его книга „Основы вѣры и знанія“ была издана въ Петербургѣ въ 1886 году. См. еще отзывъ о книгѣ Бакунина въ письмѣ Страхова къ В. В. Розанову отъ 27-го января 1888 г. (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 116; тамъ же, стр. 131, см. разсказъ Страхова о личномъ его знакомствѣ съ Бакунинымъ).

сталъ чувствовать, что читая теряю нить разсужденія. Должно быть, я слишкомъ бѣгу, подумалъ я, и внимательно прочелъ оглавленіе, чтобы убѣдить себя, что авторъ имѣлъ въ виду правильный порядокъ и послѣдовательность. Къ удивленію, впечатлѣніе путаницы съ середины книги все усиливалось; двѣ главы, объ эстетикѣ и объ этикѣ, совершенно обманули мое любопытство. Я на нихъ смотрѣлъ заранѣе съ большою жадностію, потому что вѣдь это насущные, ежедневные, практическіе вопросы; досадно было такъ мало найти. Потомъ раздосадовали меня особенно двадцать страницъ (297—320), на которыхъ очень слабо доказывается, что есть вещи, для человѣка непонятныя. Тема важная; но вѣдь нужно найти границу понятнаго и непонятнаго, такъ чтобы потомъ умѣть ставить вещи по ту или по другую сторону этой границы. Ничего такого тутъ нѣтъ, и все разсужденіе ничѣмъ не оканчивается. Немножко утѣшили меня удивительныя страницы о смерти, въ концѣ книги.

Теперь очарованіе мое разсѣялось, и я съ грустью смотрю на эту книгу, давшую мнѣ столько глубокаго наслажденія. Какое великое было бы дѣло, если бы эти самыя мысли были дѣйствительно изложены и дѣйствительно приложены! У Бакунина есть въ огромныхъ размѣрахъ тотъ самый недостатокъ, который произвелъ паденіе и забвеніе нѣмецкаго идеализма. Книга сіяетъ мыслью,—а кто ее пойметъ? Она писана съ глубокимъ воодушевленіемъ—а кто ее будетъ читать? Отъ этого настоящаго не останется никакого прошедшаго—скажу я выраженіемъ автора.

Есть въ книгѣ и прямое возраженіе противъ Васъ, на стр. 297 съ первой строчки. А дальше выражено все безсиліе философіи автора:

«Нѣтъ правилъ для нравственныхъ поступковъ человѣка; нравственный человѣкъ нравственъ только по вдохновенію свыше».

Поэтому сегодня, по вдохновенію можно предавать себя на смерть и сожженіе; а завтра, по новому вдохновенію, можно убивать и сожигать другихъ. Такъ и понялъ это Михаилъ Бакунинъ [1]), и вездѣ старался подбивать къ убійствамъ и поджогамъ. Это—та самая черта гегельянства, которая оттолкнула меня когда-то отъ этой философіи.

Когда теряется разграничительная черта между добромъ и зломъ, весь вкусъ жизни пропадаетъ и исчезаетъ всякій интересъ мышленія. Можно признать, что злодѣй безсознательно повиновался нѣкоторому нравственному побужденію; но сознательное злодѣйство никогда не будетъ нравственнымъ поступкомъ.

Не упрекнете ли Вы меня въ педантизмѣ? Я самъ себя часто въ немъ упрекаю и стараюсь поддаваться ему лишь настолько, насколько

---

[1]) Эмигрантъ.

онъ правъ. Книгу П. Бакунина возьму съ собой на лѣтнюю поѣздку и непремѣнно сниму съ нея пѣнки, какъ кто-то выразился, смѣясь надъ моими цитатами.

Но сей-часъ нужно ѣхать за Русск. Мыслью, Май, гдѣ статья Тимирязева противъ Н. Я. Данилевскаго. И нужно вчитаться и писать опроверженіе [1]). Когда такъ ясно, что̀ именно слѣдуетъ дѣлать, я всегда очень доволенъ. Лишь бы не довелось жить, «изнывая пустымъ призракомъ», какъ выражается П. Бакунинъ.

Вы видѣли Ма́сарика [2])? Онъ мнѣ истинно понравился; но вѣроятно Вы узнали его до корня, какъ не узнать мнѣ, слѣпому человѣку.

Простите меня. Дай Вамъ Богъ всего, что̀ хорошо для тѣла и души.

Вашъ неизмѣнно преданный и любящій
Н. Страховъ.

1887 г. 20 Мая. Спб.

205. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

4-го іюня 1887 г. Петербургъ.

Никогда въ жизни не получалъ я болѣе лестнаго письма, какъ Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ, отъ 21 Мая [3]). Вы пишете, что мои мысли и книги много помогли Вамъ — это мнѣ такая награда, похвала, гордость, что выше и быть не можетъ.

Но главное мнѣ не въ гордости, съ которою я постоянно борюсь, а въ томъ, что я безусловно вѣрю Вашему геніальному нравственному чутью и что Вашъ отзывъ позволяетъ мнѣ думать, что я тружусь въ чистомъ направленіи и съ чистымъ сердцемъ. Тогда все хорошо, а остальное пусть будетъ какъ Богу угодно.

Ваше требованіе, чтобы я былъ счастливъ, признаю вполнѣ, и это удивительно сошлось съ моими мыслями. Впрочемъ, я теперь не имѣю никакого предлога для жалобъ, и мое малодушіе очень рѣдко напоминаетъ мнѣ о себѣ. Съ Апрѣля мѣсяца я такъ свободенъ, какъ никогда не бывалъ; а я всего больше мучился подневольною работою, которая поглощаетъ время и не даетъ думать.

---

[1]) См. въ концѣ предыдущаго письма.

[2]) Ѳома Осиповичъ (Томасъ-Гаррикъ) Массарикъ (род. 1859), профессоръ философіи въ Пражскомъ Университетѣ (См. Сборникъ писемъ Толстого, изд. „Окто“, М. 1912), членъ Австрійскаго Рейхсрата, авторъ философскихъ и соціологическихъ трудовъ; онъ гостилъ у Толстого въ Ясной Полянѣ 28, 29 и 30 апрѣля 1887 г. (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 313; о немъ см. въ книгѣ „Русскія Вѣдомости. 1863—1913. Сборникъ статей“, М. 1913, отд. II, стр. 113).

[3]) Оно въ печати не появлялось.

Часто я хвалю себя за то, что распорядился такъ умно, отказался отъ лишнихъ занятій.

На свободѣ, я думалъ было писать, и оттого такъ долго сижу здѣсь. Однако, писаніе не пошло, потому что казалось нужнымъ прочесть сперва то и другое, и чтеніе меня затянуло. Все-таки я доволенъ—яснѣе и яснѣе вижу предметъ. Теперь—задалъ себѣ темъ на все лѣто, а кромѣ того, нужно сдѣлать три важныя вещи: 1) вникнуть въ то, что Вы написали о жизни и смерти—жду не дождусь свиданія съ Вами. 2) Перечесть и распутать книгу Бакунина [1]). 3) Изучить статью Тимирязева и отвѣчать ему [2]). Она очень слаба—видно, что онъ наскочилъ на книгу Данилевскаго съ большою самоувѣренностію; но дѣло оказалось не такъ легко,—онъ оборвался. Статья и сохраняетъ въ себѣ обѣ черты: тонъ презадорный, а въ доказательствахъ—вялость.

О Соловьевѣ [3]) и о Гротѣ [4])—слишкомъ долго писать; въ главномъ Вы совершенно правы, и у насъ уже началась дружба съ Гротомъ, пока на перепискѣ [5]). Но жаль, что долго еще ждать случая увидаться съ нимъ.

Теперь о моихъ планахъ. Всею душою благодарю Графиню и Васъ за приглашеніе; но дѣла такъ расположились, что мнѣ нельзя будетъ пожить въ Ясной Полянѣ. По всѣмъ разсчетамъ дѣло будетъ такъ: выѣду отсюда недѣли черезъ три въ двадцатыхъ числахъ и прямо къ Вамъ, дней на пять на шесть; потомъ уѣду въ Крымъ [6]), въ Кіевъ [7]), въ Воробьевку [8]) и въ августѣ въ двадцатыхъ числахъ буду опять у Васъ, на недѣльку. Очень меня смущаютъ эти большіе переѣзды, хоть въ послѣднее время я чувствую себя такъ хорошо, какъ давно не чувствовалъ. Но что же дѣлать! Въ Крымъ непремѣнно нужно, и не на короткое время, а Кіевъ и Воробьевка по дорогѣ.

Простите меня. Еще разъ всѣмъ сердцемъ благодарю Васъ и за

---

[1]) См. предыдущее письмо.

[2]) См. выше.

[3]) В. С. Соловьевъ, съ которымъ у Страхова произошло столкновеніе изъ-за книги послѣдняго о спиритизмѣ (см. выше).

[4]) Н. Я. Гротъ, о которомъ раньше Страховъ отозвался (см. выше) почти съ пренебреженіемъ.

[5]) Письма Страхова къ Гроту, числомъ 25 (отъ 4-го апрѣля 1887 до 8-го декабря 1895 г.), напечатаны въ книгѣ „Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911, стр. 236 — 260. Письма очень дружественны по тону. Сообщая Гроту адресъ Страхова, Толстой прибавляетъ (въ запискѣ своей 31-го марта 1887 г.) про Страхова: „съ нимъ человѣку серьезному нельзя расходиться“. (Тамъ же, стр. 211).

[6]) Къ О. А. Данилевской.

[7]) Къ племянницѣ, г-жѣ Матченко.

[8]) Къ А. А. Шеншину-Фету.

вниманіе и за участіе. Прошу Васъ вѣрить моей всегдашней, неизмѣнной любви. Дай Богъ только въ добрый часъ свидѣться!

Передъ пріѣздомъ напишу Вамъ. Сердечное почтеніе Графинѣ и Татьянѣ Андреевнѣ [1]).

Вашъ
Н. Страховъ.

1887. 4 іюня. Спб.

206. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

Мшатка, 27-го іюля 1887 г. [2]).

Давно пора писать къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь; но до сихъ поръ стояла такая жара, что я былъ въ состояніи дѣлать только одно дѣло,—дочитывать Войну и Миръ. Это дѣло я, однако же, дѣлалъ серьезнѣйшимъ образомъ и съ величайшимъ, неожиданно огромнымъ наслажденіемъ. Удивительная глубина и правда были для меня удивительнѣе прежняго, и очень огорчали меня тѣ мѣста, гдѣ тонъ понижается и проступаетъ что-то менѣе серьезное. Этихъ мѣстъ я прежде не замѣчалъ. Но общая высота взгляда—несравненная, поразительная. Если бы я теперь писалъ свои статьи объ Васъ, то написалъ бы иначе. Я не видалъ тогда, что Вы уже тогда выступили мыслителемъ и нравоучителемъ, съ полнымъ міровоззрѣніемъ,—такъ точно, какъ выступаете теперь. Если Вы давно не читали Войны и Мира, то убѣдительно прошу и совѣтую Вамъ—перечтите внимательно это первое полное выраженіе стремленій всей Вашей души; Вы увидите, что въ сущности они тѣ же, что и теперь, и выражены часто съ безподобною силою и ясностію. Вы вывели на сцену цѣлую толпу людей религіозныхъ, вы показали, какъ растетъ и живетъ въ душѣ религія, и какую силу она даетъ людямъ. Несравненная книга! До сихъ поръ я не умѣлъ цѣнить ее какъ слѣдуетъ, да и Вы не умѣете—такъ мнѣ кажется.

Здѣсь все благополучно. Ольга Александровна [3]) не жалуется на упадокъ здоровья, но этотъ упадокъ мнѣ очень замѣтенъ; а жалуется она на апатію, на равнодушіе ко всему. По прежнему я захожу вечеромъ въ кипарисный залъ, и мы вмѣстѣ уходимъ и долго бредемъ по саду. Дѣти очень милы и рѣзвятся съ увлеченіемъ; къ числу дѣтей я отношу и 18-лѣтнюю Вареньку и 22-лѣтняго студента репетитора. Меня принялись усердно лечить отъ старости; каждый день я купался въ морѣ, выпивалъ по двѣ бутылки кефиру и по 20 капель кокаину. Но кажется все придется бросить,

---

[1]) Кузминской.

[2]) Писано изъ Крымскаго имѣнія покойнаго Н. Я. Данилевскаго.

[3]) Данилевская.

потому что появился зудъ и прыщи на лицѣ—очевидный избытокъ здоровья.

Жары я перенесъ довольно легко, а теперь стоитъ прохлада, т. е. 20° въ полдень.

Три дни назадъ пришло извѣстіе о смерти Каткова. Хоть я все больше и больше привыкаю и къ тому, что все мгновенно и проходитъ, и къ тому, чтобы не думать вовсе о такъ называемыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, но тутъ невольно задумался. Эта смерть почти равняется перемѣнѣ царствованія. Многое зашатается. Благодаря Каткову дѣятельность правительства имѣетъ постоянно видъ твердости, энергіи, послѣдовательности; но въ сущности я всегда удивлялся, какъ не замѣчаетъ Катковъ, что его страстное вмѣшательство въ дѣла не ведетъ ни къ чему хорошему. Это былъ самый нелогическій, и потому самый рѣшительный и самый краснорѣчивый человѣкъ. Польское возстаніе и начало Моск. Вѣдомостей совпадаютъ: 1863 г. И съ тѣхъ самыхъ поръ наши дѣла идутъ хуже и хуже. Между тѣмъ, онъ, возбужденный своею удачею въ Польскомъ дѣлѣ, работалъ неутомимо, и сколько разъ онъ громко и торжественно возвѣщалъ: наконецъ мы на прямомъ пути, наконецъ все идетъ прекрасно! Вы правы, Левъ Николаевичь,—люди—маріонетки, которыми кто-то двигаетъ, и они только воображаютъ, что сами двигаются [1]).

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь! Черезъ недѣлю трогаюсь отсюда въ Кіевъ, а тамъ къ Фету, а на закуску къ Вамъ заѣду на нѣсколько дней. У Фета я пробылъ два дня, но разскажу Вамъ уже все вмѣстѣ, когда побываю тамъ во второй разъ. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго! Графинѣ и Татьянѣ Андреевнѣ [2]) мое усердное почтеніе, и поклонъ всѣмъ, кто меня помнитъ.

Отъ всей души Вашъ неизмѣнно любящій

Н. Страховъ.

P. S. Забылъ написать Вамъ и Софьѣ Андреевнѣ усердный поклонъ отъ Ольги Александровны. Разумѣется, не проходитъ здѣсь дня, чтобы не вспоминали и не разсуждали объ Васъ, и хоть Васъ поминаютъ часто въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Европы и Америки, но едва ли гдѣ съ такою любовью, какъ въ Мшаткѣ.

---

[1]) М. Н. Катковъ скончался послѣ долгой болѣзни въ своемъ подмосковномъ имѣніи—селѣ Знаменскомъ, Подольскаго уѣзда, 20-го іюля 1887 г. Извѣстна телеграмма, которую послалъ вдовѣ Каткова Имп. Александръ III, получивъ извѣстіе о кончинѣ Каткова. Два письма Страхова (1860—хъ г.г.) къ Каткову напечатаны въ „Русск. Вѣстн.“ 1901 г., кн. 6, стр. 460—462.

[2]) Кузминской.

207. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

Воробьевка, 20 августа 1887 г. [1]).

Пишу къ Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, наскоро, только для того, чтобы сказать, что 23-го, въ воскресенье, явлюсь къ Вамъ въ Ясную. Думаю выйти въ Ясенкахъ и нанять кого-нибудь подвести меня: такъ будетъ спокойнѣе и для Васъ и для меня.

Собою я очень недоволенъ; все время ничего не дѣлалъ, и часто мучительно тосковалъ по работѣ; боюсь, что пожалуй наводилъ тоску и на тѣхъ добрыхъ людей, которые были мнѣ такъ рады. Слава Богу, я здоровъ, и нужно будетъ хорошенько загладить мое бездѣйствіе въ Петербургѣ. Здѣсь все еще гоститъ Соловьевъ, и хотя всѣ трое [2]) мы не согласны между собою, но живемъ мирно. Одинъ день я пробылъ въ Одессѣ и десять дней у родныхъ въ Кіевѣ. Откладываю разсказы до свиданія, къ которому стремлюсь всею душою. Графинѣ мое усердное почтеніе, и всѣмъ усердно кланяюсь.

Вашъ неизмѣнный
Н. Страховъ.

1887 г. 20 августа.

208. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

[Октябрь—ноябрь 1887 г. Петербургъ].

Какое чудесное письмо Вы мнѣ прислали, безцѣнный Левъ Николаевичъ! [3]). Я такъ и вижу тотъ пламень, который въ Васъ горитъ и свѣтитъ. И всѣмъ сердцемъ я готовъ отозваться на обѣ темы Вашего письма. 1) О Кантѣ. Долженъ признаться, что Критики Практ. разума я не читалъ, но знаю ея содержаніе по чужимъ изложеніямъ, напр. по подробному изложенію у Куно Фишера [4]). Тотъ поворотъ, который тутъ дѣлаетъ Кантъ, конечно важенъ въ высшей степени; но обыкновенно, какъ Вы и пишете, его оставляютъ безъ вниманія. Скажу Вамъ еще болѣе: у Фихте и Шеллинга этотъ самый поворотъ выразился еще рѣзче; но обыкновенно объ этомъ разсказываютъ какъ объ упадкѣ, различаютъ у этихъ философовъ два періода, и сочиненія второго періода считаются не важными, ничего не вносящими въ науку. У одного Гегеля нельзя

---

[1]) Писано изъ имѣнія А. А. Шеншина-Фета.

[2]) Т. е. Шеншинъ, Соловьевъ и Страховъ.

[3]) Оно неизвѣстно.

[4]) Въ „Исторіи новой философіи“, переводъ которой, сдѣланный Страховымъ, былъ изданъ Н. Тибленомъ въ 1862—1865 г.г.

было различить двухъ періодовъ: слишкомъ цѣльный былъ умъ; но его вообще разсматриваютъ, какъ пантеиста чуть не въ матеріалистическомъ духѣ, тогда какъ онъ есть чистѣйшій мистикъ и совпадаетъ съ Баадеромъ, Мейстеромъ Экгардомъ, Ангеломъ Силезскимъ и т. п. Это одно изъ самыхъ удивительныхъ и самыхъ ясныхъ явленій: всѣ эти философы приходили къ самой чистой формѣ религіи и проповѣдывали эту форму. Но эта проповѣдь осталась безплодною, не нашла никакого отзыва и почти не упоминается въ Исторіи философіи. Я давно ношусь съ мыслью написать эти свои сближенія, напр. показать, что Гегель и Спиноза были мистики, и что мистика есть нѣчто, не смутное и неопредѣленное, какъ всегда понимаютъ а напротивъ самое ясное и чистое, такъ что къ ней приходитъ всякое строгое мышленіе. Ваша книга О жизни и смерти [1]) имѣетъ, напр. ту же тему и то же направленіе, какъ Фихте Anweisung zum seligen Leben и Bestimmung des Menschen. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вл. Соловьевъ прямо мнѣ говорилъ, что Вы проповѣдуете то же, что̀ Фихте,—тутъ есть доля правды. Меня самого иногда пугаютъ эти сближенія, представляющіяся мнѣ во множествѣ; очевидно нужно хорошенько поработать, чтобы установить самое основаніе сближеній; тогда будетъ ясно, что̀ подходитъ подъ данное понятіе и что̀ нѣтъ. Но для европейской публики всѣ эти мысли были совершенно чужды, и она не видѣла ни ихъ важности, ни ихъ сходства между собою. Мистика есть ничто иное, какъ чистая религія, и это видно по двумъ ея признакамъ: во-первыхъ для мистиковъ всѣ религіи равны, т. е. они признаютъ, что въ каждой изъ нихъ человѣкъ можетъ приходить въ соединеніе съ Богомъ; во-вторыхъ, для мистиковъ обряды и всякая внѣшность не имѣетъ важности, почему господствующія церкви всегда видѣли здѣсь нечестіе и гнали мистиковъ, сами же мистики обыкновенно не хотѣли даже покидать свою церковь; они уважали въ ней внутреннее, а она требовала, чтобы они уважали внѣшнее. Отъ Платона и до Гегеля я нахожу у философовъ то же стремленіе, какъ у мистиковъ, и никто такъ часто прямо на нихъ не ссылается, какъ Гегель. Весь вопросъ поэтому: отчего же происходитъ недоразумѣніе, непониманіе? Шопенгауэръ хорошо отвѣчалъ: потому что умъ заправляется волею, нашими желаніями. Религіи нельзя научиться ее можно только выжить, пріобрѣсти жизнью. А человѣческій умъ такъ загроможденъ своими собственными построеніями, что нѣмецкіе философы, какъ ни работали, не пробились сквозь нихъ, да кажется сами же подбавили новыхъ построеній.

---

[1]) Издана только первая часть „О жизни“ (1887)—и не въ послѣдней редакціи. Впослѣдствіи Толстой выкинулъ въ заглавіи слово „Смерти“, говоря, что онъ, окончивъ работу, понялъ, что смэрти нѣтъ (Письма Толстого къ женѣ. М. 1913, стр. 314).

Какъ меня восхитило Ваше слово: Не смѣть быть ничѣмъ инымъ, какъ счастливымъ, благороднымъ и радостнымъ. Точно прямо у меня изъ души!

Или, когда Вы боитесь, что мы потонемъ въ нашемъ нужникѣ невѣжественнаго многокнижія и многозаучиванія подъ рядъ. Тонутъ, дѣйствительно тонутъ! Прибавьте только—шаблоннаго многокнижія и безсмысленнаго многозаучиванія!

2) О Гоголѣ. Ваши мысли поразили меня. Я не читалъ его писемъ [1]) и увѣренъ, что когда Вы сдѣлаете выборку и объясните общую мысль, то нельзя будетъ не согласиться съ Вами. Дѣйствительно, тамъ должны быть сокровища. Русскій Паскаль—да, это должно быть вѣрно. Біографія Гоголя есть, написана Кулишомъ и во второмъ изданіи составляетъ 2 тома. Кромѣ того очень полезны Вамъ будутъ двѣ книжки Шенрока 1) Указатель къ письмамъ Гоголя и 2) Ученическіе годы Гоголя—недавно только вышли. Самъ я ничего этого не читалъ, хотя Гоголь для меня одинъ изъ самыхъ удивительныхъ писателей.

Послалъ я Вамъ свои два вторыя изданія [2]). Особенно прошу Вашего вниманія къ статьѣ Историки безъ принциповъ [3]). И еще—взгляните въ Борьбѣ съ Зап. на страницы 66, 67 [4]). Тутъ дѣло идетъ о двухъ сторонахъ въ философіи; я только не зналъ тогда, какъ важна другая, практическая сторона; но она осталась въ тѣни, очевидно отъ преобладанія теоретической. Въ Критич. статьяхъ взгляните, прошу Васъ, на стр. 126 и 127, и сдѣлайте милость, прочтите послѣднюю статью, со стр. 458-й. Тутъ мои задушевнѣйшія мысли [5]).

Въ настоящую минуту я съ головой погруженъ въ свою статью Всегдашняя ошибка дарвинистовъ, возраженіе Тимирязеву [6]). Надѣюсь, что будетъ недурно, но трудно слѣдить за чужими мыслями, притомъ безтолковыми. Вы правы—я опять чувствую себя бодрымъ и готовъ работать безъ конца. Недавно позна-

---

[1]) Знаменитыя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, первое изданіе коихъ вышло въ 1847 г. и произвело такое смущеніе.

[2]) Книги „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 1-я и „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“; онѣ вышли въ 1887 г., обѣ 2-мъ изданіемъ.

[3]) Такъ назвалъ въ своей статьѣ Страховъ Ренана и Тэна; статья была впервые напечатана въ Аксаковской „Руси“ 1885 г. (№№ 8 и 9).

[4]) Здѣсь Страховъ, въ статьѣ о Герценѣ, говоритъ о Гегелѣ и гегеліанствѣ.

[5]) Въ статьѣ Страхова по поводу статьи о Толстомъ Мельхіора де-Вогюэ.

[6]) Появилась въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ (см. выше).

комился съ Рѣпинымъ [1]). Какой симпатичнѣйшій человѣкъ! Рѣдко кто дѣлалъ на меня такое милое впечатлѣніе. Онъ и Стасову поддается очевидно только чтобы не огорчить его.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь! Когда освобожусь, напишу Вамъ что-нибудь лучше нынѣшняго маранья.

Всей душою Вашъ
Н. Страховъ.

Графинѣ мое усердное почтеніе; я кругомъ виноватъ—меня такъ захватилъ Тимирязевъ, что какъ ни бьюсь, не выберу времени для обѣщанной работы. Пишу къ сроку, въ ноябрьскую книжку [2]). Но освобожусь и все сдѣлаю.

209. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

5-го ноября 1887 г. Петербургъ.

Не забудьте меня, безцѣнный Левъ Николаевичь! Я часто вспоминаю о Вашей печатающейся книгѣ [3]) и думаю, что если ее задержатъ, то мнѣ не скоро прійдется ее читать. Если Вамъ можно какъ-нибудь этому помочь, то очень прошу Васъ объ этомъ. Какъ бы мнѣ важно было перечесть теперь то, что̀ я читалъ въ Ясной! Занятъ я Вами безпрестанно. Гражданинъ, ежедневная газета Мещерскаго, открыла походъ на Васъ; выступилъ тамъ Кристи,—и такъ безтолково, что я пришелъ въ недоумѣніе. Онъ все ссылается на книгу Остроумова [4]); чтобы прояснить себѣ дѣло, купилъ я эту книгу и до половины прочиталъ. И умно, и съ чувствомъ, и со стараніемъ, но вмѣстѣ—безконечно-отвратительно и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи. Нѣтъ,—церковный фанатизмъ есть проказа, искажающая все въ душѣ человѣка! Но въ этомъ отношеніи дѣло любопытное, и я хорошенько вникну въ книгу.

Статья противъ Тимирязева [5]) почти кончена и первая, большая часть уже сдана въ редакцію. Самъ я доволенъ тѣмъ, что распу-

---

[1]) Илья Ефимовичъ Рѣпинъ (ср. выше). Онъ написалъ въ 1888 г. портретъ Страхова, но портретъ этотъ не считается удачнымъ. Портретъ этотъ, въ гравюрѣ на деревѣ В. В. Матэ, воспроизведенъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1896 г., при некрологѣ Страхова, написанномъ Б. В. Никольскимъ.

[2]) Подъ статьею помѣтка Страхова: 28-го ноября.

[3]) „О жизни и смерти“.

[4]) „Гр. Л. Н. Толстой“, Харьк. 1887 (отдѣльное изданіе статей Остроумова, печатавшихся въ 1885—1887 г. въ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“).

[5]) „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ“ (см. выше).

талъ дѣло до конца, такъ что всякому, желающему понять, оно будетъ вполнѣ ясно. Вотъ больше года я все работаю для памяти Н. Я. Данилевскаго; она мнѣ очень дорога, но часто я и скучалъ надъ работою. Вопросъ конечно важный и его непремѣнно нужно поставить какъ слѣдуетъ. Но тутъ нѣтъ пищи для души, нѣтъ интереснаго для меня даже какъ натуралиста; спиритизмъ совсѣмъ другое дѣло, и тамъ я былъ хозяиномъ; здѣсь же по необходимости мнѣ нельзя выходить изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ велъ дѣло Н. Я. Данилевскій. Но память о немъ согрѣваетъ меня; я не могу объ немъ подумать безъ умиленія, и не могу читать его книгу, не восхищаясь его яснымъ умомъ.

Теперь мнѣ еще предстоитъ кончить печатаніе новаго изданія Россіи и Европы, приложить хоть коротенькую біографію — думаю, къ новому году все будетъ готово [1]).

Гриппъ засадилъ меня больше прежняго въ мое уединеніе. Но передъ этимъ я дважды былъ въ мастерской Рѣпина, и ничего еще не написалъ Вамъ объ этомъ. Конечно онъ по искусству стоитъ далеко выше всѣхъ нашихъ живописцевъ. Давно уже я испыталъ, что если на выставкѣ есть одна-двѣ картины Рѣпина, то онѣ обыкновенно заслоняютъ собою всю выставку. Но какъ онъ самъ милъ! Болѣе серьезнаго, скромнаго и спокойнаго человѣка я не встрѣчалъ! Онъ весь погруженъ въ свое художество, нѣтъ у него и тѣни тщеславія, и съ какою живостью и завистью онъ цѣнитъ достоинства чужихъ произведеній! У него я нашелъ портретъ покойнаго Мстислава Прахова [2]), человѣка очень мнѣ дорогаго. Видѣлъ и удивительную картинку, на которой Вы пашете. Это доходитъ до совершенства. Слышалъ я отъ него, что Вы не позволяете ему пустить ее въ политипажахъ и въ олеографіи. Почему это, дорогой Левъ Николаевичъ? Объ этомъ начинаютъ довольно много говорить; я же всегда думалъ, что Вы вовсе не желаете нарочно производить шумъ. Вы меня простите, что, не зная хорошенько дѣла, суюсь къ Вамъ со своимъ мнѣніемъ. Но я видѣлъ картину, и хочу сказать только объ ней. Она никого не можетъ ни удивить, ни повести къ какимъ-нибудь толкованіямъ. Дѣло совершенно просто. Что Вы пашете, это знаютъ и въ Россіи, и въ Европѣ и въ Америкѣ. Что Рѣпинъ вздумалъ Васъ такъ написать—дѣло самое естественное; что же иное дѣлать живописцу? И могъ ли онъ выбрать что-нибудь лучше? Потомъ онъ захотѣлъ размножить свою картину, также, какъ всякую другую; это вѣдь все равно, что человѣкъ, написавшій

---

[1]) 3-е изданіе книги Данилевскаго, съ его портретомъ и посмертными примѣчаніями, вышло, дѣйствительно, въ началѣ 1888 г., 4-е изданіе, Н. Н. Страхова, было издано въ 1889, а 5-е, со статьею К. Н. Бестужева-Рюмина (тоже изданіе Страхова)—въ 1895 году.

[2]) О немъ см. выше, стр. 208—209.

повѣсть, хочетъ ее напечатать. Конечно онъ позаботится сколько можетъ, чтобы снимки были хороши. Кому же охота выпускать въ свѣтъ свое произведеніе въ искаженномъ видѣ? И такъ, все имѣетъ самый натуральный въ мірѣ ходъ; почему же этому препятствовать?

Въ душѣ я всегда очень восхищался тѣмъ, какъ Вы дѣйствуете относительно Вашей извѣстности и Вашихъ произведеній. Вы никогда не дѣлали ни шагу ни для того, чтобы что нибудь распространять, ни для того, чтобы что нибудь скрывать. Все шло само собою, и Вы оставались спокойнымъ и при похвалахъ и при нападкахъ; если искажались и перевирались Ваши мнѣнія, если Васъ обвиняли въ безбожіи и всякихъ преступленіяхъ, Вы не протестовали; когда Р. Вѣстникъ отказался напечатать конецъ Анны Карениной, Вы не сказали ни слова [1]). Отчего теперь въ такомъ простомъ случаѣ, какъ картина Рѣпина, Вы измѣняете Вашъ образъ дѣйствій? Трудно Вамъ взять на себя заботу о своей репутаціи; что бы Вы ни дѣлали, все только будетъ увеличивать шумъ и вмѣстѣ кривые толки. Вы же до сихъ поръ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказывали, что Вы чужды и всякаго тщеславія и всякой щепетильности.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ, за эти разсужденія. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго!

Графинѣ мое усердное почтеніе. Началъ я пересматривать Ваши сочиненія. Начало выбора уже сдѣлано, именно въ Русской Библіотекѣ Стасюлевича [2]); а у меня еще сохранились предварительныя работы для этой Библіотеки, такъ что мнѣ стоитъ только доканчивать.

Еще разъ простите.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1887. 5 ноября. Спб.

210. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

16-го ноября 1887 г. Петербургъ.

Былъ я сегодня въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и узналъ все, что̀ нужно. Начальникъ—Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Врасскій [3]) пользуется репутаціей милѣйшаго человѣка и былъ вполнѣ любезенъ. Онъ восторженный Вашъ поклонникъ, и меня даже знаетъ, и заявилъ, что дѣло это все въ его вѣдѣніи и не можетъ встрѣтить никакого

---

[1]) См. выше, стр. 118—123.
[2]) См. выше, стр. 189—192 и сл.
[3]) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь.

препятствія. Нужно подать прошеніе на его имя; по закону супругъ имѣетъ право слѣдовать за супругомъ; только теперь, такъ какъ онъ не сдѣлалъ этого при самомъ началѣ ссылки, онъ долженъ будетъ ѣхать на свой счетъ. При прошеніи долженъ быть адресъ просителя, и тогда очень скоро онъ получитъ увѣдомленіе [1]).

Предлагаю Вамъ себя и впредь въ посредники: буду ходить за справками, благо знаю двери.

Статья моя о Тимирязевѣ [2]) уже большею частію набрана, и я держалъ уже корректуру. Она появится въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника, которая издается уже здѣсь [3]). Окончаніе статьи, меньшая часть, будетъ въ Декабрѣ; она почти готова и я сяду за ея полное изготовленіе послѣ этого письма [4]). Перенесеніе Р. Вѣстника въ Петербургъ было для меня большою непріятностію. Новаго редактора Ѳ. Берга я знаю больше двадцати пяти лѣтъ; это человѣкъ очень узкій умомъ, полуграмотный и недобросовѣстный. Литература теперь имѣетъ такой дикій видъ, что тоска беретъ. А вѣроятно будетъ еще хуже!

Съ Тимирязевымъ мнѣ тоже было досадно возиться; онъ очень рьянъ, но твердости у него никакой нѣтъ; я разбилъ его въ щепки, но боюсь въ статьѣ будетъ слышенъ недостатокъ воодушевленія. Если бы не память Н. Я. Данилевскаго, не писалъ бы я о дарвинизмѣ ни единаго слова.

Рѣпину я сообщилъ Ваше разрѣшеніе и обрадовалъ его чрезвычайно [5]). Какъ будто въ награду онъ подарилъ мнѣ большой

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ Иванѣ Ивановичѣ Поповѣ, арестованномъ въ 1886 г., во время производства подворной переписи: онъ былъ заключенъ въ Московскую Бутырскую тюрьму, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь. Толстой просилъ ходатайства о Поповѣ у графини А. А. Толстой (см. Толстовскій Музей, т. I; 2 письма Толстого къ Попову, отъ апрѣля и октября 1887 г.,—въ Сборникѣ писемъ Толстого, изд. П. А. Сергѣенкомъ, т. II, стр. 88—89 и 92).

[2]) См. выше, стр. 353.

[3]) Подъ редакціей Ѳ. Н. Берга.

[4]) Толстой читалъ статью Страхова, какъ видно изъ письма къ послѣднему В. С. Соловьева отъ декабря 1887 г.: „Въ прошлое воскресенье,—писалъ онъ,—зашелъ ко мнѣ вторично Л. Н. Толстой и съ восторгомъ говорилъ о Вашей статьѣ противъ дарвинизма. Относительно сдѣланныхъ имъ изъ нея заключеній (что дарвинизмъ есть такая глупость, которая не стоитъ опроверженія, что увлеченіе этою теоріей было невольнымъ сумасшествіемъ и т. п.) je réserve mon opinion, но самую статью Вашу, конечно, прочту не съ меньшимъ восхищеніемъ, чѣмъ онъ“. (Письма В. С. Соловьева, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 48).

[5]) По поводу изданія снимка съ портрета Толстого за письменнымъ столомъ.

фотографическій снимокъ съ писаннаго имъ Вашего портрета. Что за прелесть! Обдѣлаю въ рамку и повѣшу.

Дай Богъ, чтобы пропустили Вашу книгу [1]). Впрочемъ, все равно. Кіевская Дух. Академія недавно назначила премію Макарія, 1750 р., за разборъ Въ чемъ моя вѣра, а сегодня въ газетахъ объявляютъ о книгѣ Д. П. Григорьева [2]), которая посвящена этому самому предмету. Значитъ дѣло идетъ. Галкинъ-Врасскій тоже очень хорошо сказалъ, что Вы будите нравственное чувство и что самъ Богъ посылаетъ подобныхъ писателей для того, чтобы насъ образумить. Слышалъ я также недавно отъ одного пріѣзжаго изъ Кіева, что митрополитъ Платонъ [3]) осуждаетъ запрещеніе Вашихъ сочиненій, считаетъ ихъ чрезвычайно полезными. Пріѣзжій прибавлялъ, что ему извѣстны многіе случаи, когда нигилисты бросали свои затѣи и становились христіанами, Вашими послѣдователями.

Дай же вамъ Богъ и здоровья и всякаго успѣха!

Очень вожусь теперь съ Вашими сочиненіями, раздумывая о томъ, что̀ выбрать изъ нихъ для школьнаго чтенія. Началъ съ Войны и Мира и вижу, что дѣло труднѣе, чѣмъ я думалъ.

Пока, простите меня! Графинѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

1887. 16 ноября. Спб.

211. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

5-го февраля 1888 г. Петербургъ.

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичь, что не тотчасъ отвѣчалъ Вамъ [4]). Я поджидалъ, что можетъ быть еще придетъ отъ Семевскаго та корректура, о которой Вы пишете. Но вотъ прошла недѣля—ничего нѣтъ; вѣроятно, Семевскій заупрямился, какъ это я и предчувствовалъ [5]). Недавно со мною случилась совершенно по-

---

[1]) „О жизни и смерти“.

[2]) Книжка артиллерійскаго генерала Дмитрія Петровича Григорьева (род. 25-го октября 1827, ум. 21-го февраля 1896 г.) „Христіанскіе вопросы жизни. По поводу сочиненія гр. Л. Толстого „Въ чемъ моя вѣра“, С.-Пб. 1887; изд. 2-е, посмертное, вышло въ 1899 году.

[3]) Платонъ (Городецкій), Митрополитъ Кіевскій и Галицкій съ 4-го февраля 1882 по день смерти—1-го октября 1891 г.

[4]) Письмо Толстого, на которое отвѣчаетъ Страховъ, неизвѣстно.

[5]) Въ письмѣ отъ января 1888 г. Толстой писалъ Михаилу Ивановичу Семевскому (редактору-издателю „Русской Старины“): „Уважаемый Михаилъ Ивановичъ!.. Рукопись Бондарева очень стоитъ того, чтобы быть напечатанной, и вы сдѣлаете доброе дѣло, издавъ ее... „Русскую Старину“ я всегда читаю съ интересомъ и удовольствіемъ и потому

добная исторія: Соловьевъ писалъ мнѣ, что Стасюлевичъ пришлетъ мнѣ корректуру его статьи Россія и Европа; но я напрасно этого ждалъ, а вчера Соловьевъ пишетъ мнѣ [1]), что Стасюлевичъ не захотѣлъ моего посредничества, и статья явилась въ № 2 Вѣстн. Европы, миновавъ мои руки. Это мнѣ досадно. Вы видите, что Семевскій и Стасюлевичъ не очень много питаютъ ко мнѣ довѣрія и расположенія [2]); мнѣ хочется ихъ ругать и я чувствую, что самъ виноватъ: когда встрѣчался съ ними, не могъ я сдержать своего высокомѣрія передъ такими почтенными людьми, и они хорошо поняли впечатлѣніе, которое во мнѣ производятъ. Вотъ и лишили они меня чести, которую я очень цѣню. Слѣдуетъ мнѣ утѣшиться тѣмъ, что Ваше довѣріе, или Соловьева значитъ много, а ихъ нерасположеніе и опасеніе, пожалуй, служитъ мнѣ же въ похвалу.

Все это я шучу, безцѣнный Левъ Николаевичъ; больше всего мнѣ досадно, что я не знаю Вашего писанія или не такъ скоро узнаю, что̀ въ немъ, о чемъ дѣло. А если бы я раньше зналъ статью Соловьева, то, можетъ быть, и помѣшалъ бы хотя немножко ея безобразію [3]). Какой зыбкій умъ! Еще разъ я убѣждаюсь, что онъ

очень благодаренъ вамъ за предложеніе присылать ее. Любящій васъ Л. Толстой“ (печатаемый отрывокъ приведенъ по книгѣ: „Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго“, С.-Пб. 1888, стр. 396). О какой статьѣ Бондарева хлопоталъ Толстой, обращавшійся по поводу нея и къ Страхову, не знаемъ, т. к. въ „Русской Старинѣ“ таковой не появлялось; о самомъ же Тимоѳеѣ Михайловичѣ Бондаревѣ (крестьянинѣ-сектантѣ, сосланномъ въ 1867 г. въ Сибирь) Толстой написалъ (въ 1890 г.) особую статью (вошла въ XIII т. Собранія его сочиненій) и замѣтку, написанную для Критико-Біографическаго Словаря Русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, который и напечаталъ ее въ VI томѣ своего изданія (С.-Пб. 1897, стр. 447—453). Въ „Русской Старинѣ“ за 1887 г. былъ помѣщенъ очеркъ литературной дѣятельности Толстого, написанный О. Ѳ. Миллеромъ, и портретъ Толстого, гравированный В. В. Матэ, а въ 1889—гравюра на мѣди, работы художника Ѳ. Мѣркина.

[1]) См. это письмо Соловьева (отъ 30-го января, изъ Москвы) въ книгѣ „Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 50—51. Ср. также письма Соловьева къ М. М. Стасюлевичу въ изданіи „М. М. Стасюлевичъ и его современники“, подъ ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 340—341.

[2]) Въ цитированной книгѣ „Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго“, на стр. 80, имѣется автобіографическая запись Н. Н. Страхова, занесенная имъ въ мартѣ 1878 г. (ср. выше, стр. 154).

[3]) Статья Соловьева „Россія и Европа“ была написана по поводу книги Н. Я. Данилевскаго и сборника Н. Н. Страхова („Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“) и была напечатана въ февральской (стр. 742—761) и апрѣльской (стр. 725—767) книжкахъ „Вѣстника Европы“ (перепечатана въ его брошюрѣ „Національный вопросъ въ Россіи“, изд. 2-е, С.-Пб. 1888). Въ томъ же журналѣ за 1890 г. (№ 12, стр. 701—736) Соловьевъ помѣстилъ еще одну статью о книгѣ Н. Я. Данилевскаго: „Нѣмецкій подлинникъ и Русскій списокъ“. Онъ же написалъ статью о Данилевскомъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона.

неспособенъ понимать дѣйствительность и даже понимать книгу, которую разбираетъ. Онъ всегда носится на сто верстъ выше того предмета, о которомъ говоритъ, и ничего въ немъ не видитъ. Онъ написалъ нѣсколько статей о Достоевскомъ, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова относящагося къ дѣйствительному Достоевскому и къ его дѣйствительнымъ писаніямъ [1]). Но теперь, кромѣ того, онъ (Соловьевъ) написалъ такую безтолковщину, которая даже понизила мое уваженіе къ его уму. «Россія—европейская нація»—въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ: «Русскіе—одинъ изъ полудикихъ народовъ востока». Да вообще, развѣ можно доказывать темы [чисто] общеотрицательныя?—Буду писать ему, хотя чувствую, что столковаться нѣтъ почти возможности.

Статья Лесевича [2]) въ Р. Мысли задѣла меня за живое. Онъ говоритъ, что я влюбленъ въ самого себя и все о себѣ говорю. Хотя дѣло вовсе не въ этомъ, но неужели это правда? Неужели рѣчи мои противны по сквозящему въ нихъ себялюбію и высокомѣрію? Или онъ самъ ужъ черезъ чуръ самолюбивъ и можетъ спокойно видѣть большую букву I [3]) только у Дарвина, или Милля?

За то я получилъ изъ Ельца отъ одного учителя гимназіи письмо, которое могло бы утѣшить самаго гордаго и занесшагося человѣка. Много ума, души и самое сердечное сочувствіе.

Все я Васъ занимаю своею интересною особою. Но вотъ новость, которая гораздо важнѣе. Вчера пришло большое письмо отъ Ольги Александровны Данилевской; она пишетъ, что тоска ея прошла и что наступила у нея радость, какой прежде не бывало. Разсказываетъ она это съ волненіемъ, почти со стыдомъ за свое «старое истрепанное сердце», но такъ ясно, съ такою живостію и полною душевною чистотою, что, кажется, никогда я еще не приходилъ въ такое умиленіе, какъ отъ этого письма. Она много стала плакать, она довѣрилась Богу вполнѣ и безъ раздѣла и—погрузилась въ свои житейскія хлопоты съ охотою и энергіею, какихъ прежде не бывало. Но я не могу Вамъ передать всего и такъ, какъ написано, и готовъ бы прислать Вамъ копію съ этого удивитель-

---

[1]) Книжка Соловьева: „Три рѣчи въ память Достоевскаго (1881—1883 г.)“ издана была въ Москвѣ въ 1884 г.

[2]) Статья Владиміра Викторовича Лесевича (род. 1837, ум. 1905); автора многихъ работъ по философіи, публициста. „На дняхъ былъ у меня другой философъ, Гротъ“, писалъ Страхову Соловьевъ 30-го января 1888 г.: „и съ большимъ аффектомъ передавалъ, что нѣкто г. Лесевичъ въ „Русской Мысли“ разнесъ всѣхъ русскихъ философскихъ писателей послѣдняго времени. Во главу угла онъ, по словамъ Грота, поставилъ меня, затѣмъ досталось Вамъ, въ особенности же ему, Гроту“ (Письма В. С. Соловьева, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 50).

[3]) Т. е., I—по-англійски „я“ (мѣстоименіе).

наго письма, если бы только она разрѣшила—а это невозможно. Да, мы рождены для свѣта и радости, о которыхъ большинство людей не имѣютъ и понятія; благословенно всякое горе и всякія страданія, если они наводятъ насъ на этотъ путь.

Каждый день я думаю объ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, и не только потому, что имя Ваше теперь, можно сказать, наполняетъ воздухъ. Все я обдумываю Ваши мысли и все готовлюсь выступить Вашимъ проповѣдникомъ. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ Вашей драмы въ Парижѣ. Что за тупость нашла на тѣхъ, кто говорилъ, что эта драма не годна для театра? Она вся—зрѣлище отъ первой строчки до послѣдней.

Грустно слышать, что Вамъ нездоровится; дай Богъ поправиться! О себѣ скажу, что и не думалъ дожить до такого здоровья: и бодръ, и толстѣю, и чуть ли борода не начинаетъ темнѣть. И все радуюсь своей свободѣ. Теперь кончаю свое изданіе Россія и Европа; еще недѣля работы и тогда—писать свою послѣднюю книгу. Книги мои идутъ не шибко, но идутъ-таки; всего лучше идутъ Критическія статьи, такъ что, если бы наживать деньги, то нужно бы мнѣ писать о литературѣ.

Простите меня! Мое усердное почтеніе Графинѣ. Дай Вамъ Богъ всего лучшаго.

Всей душою Вамъ преданный
Н. Страховъ.

1888. 5 Февр. Спб.

212. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[Мартъ 1888 г. Москва] [1]).

Дорогой Николай Николаевичъ.

Я у васъ въ долгу по письмамъ, но вы простите меня. Благодарю васъ за книгу Данилевскаго [2]).—

Письмо это передастъ вамъ Pagés (Пажесъ) мой молодой французскій другъ. Онъ перевелъ между прочимъ очень неполное и неточное изданіе «Что же намъ дѣлать» сдѣланное въ Швейцаріи подъ заглавіемъ: «Какова моя жизнь» [3]).—Онъ мнѣ очень понравился: умный, образованный и что рѣдкость—свободный человѣкъ. Будьте къ нему добры пожалуйста и нестолько поруководите по Петербургу, сколько сами серьезно побесѣдуйте съ нимъ. Ему это

---

[1]) Въ это время Толстой жилъ въ Москвѣ (Письма Толстого къ женѣ. М. 1913, стр. 321).

[2]) „Россія и Европа“, изд. Страхова.

[3]) Quelle est me vie? Traduit par E. Pagés et A. Gatzouk, Paris. 1888.

будетъ интереснѣе всего, и я съ этой цѣлью его и направляю къ вамъ [1]).

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ нѣтъ ни даты ни помѣты Страхова.

213. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

6-го апрѣля 1888. Петербургъ.

Всегда мнѣ хочется многое сказать Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, но скажу хоть то, что занимаетъ меня въ эту минуту. Покорно Васъ благодарю за Пажеса; вотъ знакомство очень пріятное и даже удивительное! Онъ просидѣлъ у меня часа три, и съ каждой минутой я все больше убѣждался, что это истинно серьезный человѣкъ, дѣйствительно понимающій философію. Каковы французы, думалъ я! Судя по ихъ литературѣ, никакъ нельзя было ожидать, что у нихъ есть настоящее философское движеніе. Его сужденія о своихъ, объ Рибо, Ренанѣ, Мункѣ, Жанэ, Вогюэ и т. д. были совершенно безпристрастны и также строги, какъ если бы ихъ произносилъ философски образованный нѣмецъ. Онъ съ восхищеніемъ принялся говорить объ Васъ и цѣнилъ и Васъ лично, и Вашъ разговоръ, и Ваши сочиненія такъ вѣрно и съ такимъ сочувствіемъ, какъ дай Богъ всякому русскому. Это знакомство хотѣлось бы поддержать. Я далъ ему три своихъ книги (ему будутъ читать пріятели, знающіе по-русски), но забылъ указать на Основныя понятія (не было подъ рукою), т. е. забылъ о главной своей книгѣ [2])! Разсѣянность эта очень меня огорчила за меня самого—вѣрно старость подходитъ не на шутку. Пошлю ему книгу въ Парижъ и, какъ умѣю, напишу письмо.

Теперь же я весь наполненъ статьями Соловьева, котораго и видѣлъ много разъ и съ которымъ долго говорилъ объ этихъ его

---

[1]) Тогда же Толстой писалъ графинѣ А. А. Толстой: „Письмо это передастъ вамъ Emile Pagés, professeur de Philosophie, переводчикъ, несмотря на то, что онъ ни слова не знаетъ по-русски, части моей книжки „Что же намъ дѣлать?“... Онъ очень милый молодой, но серьезный и образованный человѣкъ. Впрочемъ, jesuis payé pour le trouver tel: онъ большой сторонникъ моихъ взглядовъ. Я его рекомендовалъ въ Петербургѣ людямъ спеціальнымъ (и плохо знающимъ по-французски), но думаю, что ему желательно бы и общій взглядъ, и придворный, можетъ быть. Онъ очень деликатный и скромный молодой человѣкъ, и если вы примете его и поговорите съ нимъ $^1/_4$ часа, то и за то и я, и онъ мы будемъ благодарны; если же случится помочь ему въ чемъ-нибудь, какъ путешественнику, то вы вѣрно не откажете“. (Толстовскій Музей, т. I, стр. 364—365). Въ 1890 г. Пажесъ съ Б. Цейтлинымъ издалъ переводъ „Le travail“ (Paris).

[2]) „Основныя понятія психологіи и физіологіи“.

статьяхъ. Чѣмъ больше думаю объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ печальнѣе выводъ. Статьи (объ Россіи и Европѣ) [1]) такъ пусты и жидки и писаны съ такими скверными замашками, что я останавливаюсь на мысли — отвѣчать ему самымъ рѣшительнымъ и уничтожающимъ образомъ. Это большое разочарованіе. Мнѣ уже не вѣрится ни въ его умъ, ни въ искренность. Я въ глаза нѣсколько разъ называлъ его лукавымъ въ пріемахъ и выраженіяхъ, и онъ или не могъ ничего отвѣтить, или отвѣчалъ—мнѣ такъ нужно было сдѣлать. Когда я подумаю, что онъ ничего не знаетъ основательно, что онъ вовсе не способенъ понимать правильно книгу или человѣка (объ Достоевскомъ, объ Россіи и Европѣ, обо мнѣ—онъ писалъ и говорилъ что-то вовсе постороннее, невѣрное, неясное), что онъ постоянно только выкидывалъ фокусы для того, чтобы поразить читателей и слушателей и выставить себя—таковы были и его лекціи въ Университетѣ и его статьи и публичныя лекціи, то, несмотря на его удивительныя способности, я начинаю въ немъ видѣть актера, а не мыслителя и писателя, да и актера, чѣмъ-то одурманеннаго. Еще недѣлю я рѣшилъ не писать, а обдумывать; но мнѣ такъ тяжело выбирать тутъ наименьшее изъ золъ!

А есть и другая трудность — нужно говорить о патріотизмѣ, о политикѣ, о предметахъ, гдѣ такъ легко сбиться съ правильнаго пути, т. е. съ пути любви и смиренія. Пожалуй напишу статью, которой свои же (т. е. Русскій Вѣстникъ) не примутъ. Нѣтъ мнѣ никакого удовольствія участвовать въ этомъ журналѣ; онъ имѣетъ духъ и тонъ, въ сущности ничѣмъ не отличающійся отъ Гражданина.

Вотъ Вамъ мои горести. Если Вы читали статьи Соловьева, или вообще, если найдете это дѣло достойнымъ вниманія и скажете мнѣ для назиданія Вашу мысль, то истинно утѣшите меня и поможете мнѣ.

Прощаясь со мной, Соловьвъ [2]) просидѣлъ у меня вечеръ одинъ на одинъ, и подробности этого разговора многое мнѣ прояснили. Темы, на которыя нужно писать статью, готовы. Въ лжи нѣтъ никакого спасенія и отъ лжи ничего кромѣ вреда не можетъ произойти. Только искренній и добросовѣстный человѣкъ можетъ сдѣлать что-нибудь полезное. Пользоваться тѣмъ хаосомъ и противорѣчіемъ, которое царитъ въ Россіи въ умахъ и сердцахъ, значитъ увеличивать этотъ хаосъ, поддерживать его.

Дай Вамъ Богъ здоровья, Левъ Николаевичь! Не могу выразить

---

[1]) См. выше.

[2]) Онъ ѣхалъ тогда за-границу; въ маѣ онъ въ Парижѣ, въ домѣ княгини Витгенштейнъ, рожд. княжны Барятинской, читалъ свою статью „L'idée russe“, изданную тогда же въ Парижѣ (46 стр.).

какъ меня радуетъ Ваша слава, растущая видимо съ каждымъ днемъ. Къ Вамъ слѣдуетъ примѣнить слова

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой.

Противъ Васъ проповѣдуютъ въ церквахъ и въ аудиторіяхъ, но Ваше слово и Ваше дѣло останется навсегда. Теперь вездѣ продаютъ Пахаря, фотолитографію Рѣпина, очень удачную [4]). Гляжу и радуюсь: въ этой картинкѣ все сказано, и она переживетъ всѣ произведенія Рѣпина.

Поздравляю Васъ и Софью Андреевну съ сыномъ [2]). Какъ я радъ, что все такъ благополучно. А Татьяна Андреевна [3]) порядочно помучилась. Вчера я обѣдалъ у нихъ и была у нихъ Ольга Андреевна Голохвастова [4]), къ несчастью не совсѣмъ здоровая. Обѣдъ былъ веселый, все-таки.

Кстати: Соловьевъ мнѣ похвалился, что обѣдалъ у Гинцбурга [5]), и были тамъ кромѣ иныхъ Стасюлевичъ, Валуевъ, Гончаровъ [6]), Пыпинъ [7]); кромѣ того, что онъ познакомился съ посланниками и что англійскій посланникъ былъ у него. Говорю: похвалился, потому что на вопросъ, о чемъ же шла рѣчь, ничего ровно не сказалъ. Все это немножко обрисовываетъ его положеніе.

Сегодня я узналъ въ магазинѣ пріятную новость: триста экземпляровъ Россіи и Европы [8]) проданы въ этотъ первый мѣсяцъ.

Посылаю Вамъ Буддизмъ [9]) И. П. Минаева, нашего знаменитаго санскритолога. Онъ величайшій Вашъ почитатель и просилъ меня переслать Вамъ книгу.

---

[1]) Толстой за сохою.

[2]) Графъ Иванъ Львовичъ Толстой, родившійся 31-го марта 1888 г. умеръ 23-го февраля 1895 г. (В. Чернопятовъ. Тульскій родословецъ, ч. V, стр. 39; Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 321).

[3]) Кузминская; у нея родился тогда сынъ Дмитрій Александровичъ (В. Модзалевскій, Малороссійскій родословникъ, т. II, стр. 605).

[4]) См. выше. О ея мужѣ, Павлѣ Дмитріевичѣ Голохвастовѣ, см. въ книгѣ Д. Д. Языкова, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. XII, С.-Пб. 1912. Письма къ къ нему Толстого (1872—1877 гг.) были обнародованы въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1904 г. (кн. 11, стр. 196—215).

[5]) Баронъ Горацій Евзеліевичъ (Осиповичъ) Гинцбургъ, предсѣдатель Еврейской Общины въ Петербургѣ и „Общества распространенія образованія между евреями“, хорошо знакомый съ графомъ Петромъ Александровичемъ Валуевымъ (бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; см. „Стасюлевичъ и его современники“, т. I, стр. 491).

[6]) Иванъ Александровичъ, авторъ „Обломова“.

[7]) Александръ Николаевичъ, членъ редакціи „Вѣстника Европы“, впослѣдствіи академикъ (ум. 1904).

[8]) Книга Н. Я. Данилевскаго, изданная Страховымъ.

[9]) „Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы“; появились въ XVI части „Записокъ Историко-Филологическаго Факультета Имп. С.-Петербургскаго Университета“, С.-Пб. 1887.

Читалъ я статью Вогюэ [1]) о Власти тьмы; онъ не справился съ задачей, но важно здѣсь выраженіе того впечатлѣнія, которое Вы производите у французовъ; они какъ будто въ потемкахъ вдругъ увидѣли свѣтъ съ востока.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичь. Дай Богъ Вамъ здоровья; мое усердное поздравленіе и почтеніе Графинѣ.

Вашъ отъ всей души

1888. 6 Апр. Спб. Н. Страховъ.

214. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

Іюнь, 1888 г. Петербургъ.

Посылаю Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, свою статью противъ Соловьева [2]). Конечно я не успѣлъ выполнить и десятой доли того, что задумывалъ; но кой-что тутъ все-таки есть. Все время я имѣлъ въ виду его церковную точку зрѣнія со всѣми сильными доводами въ ея пользу, и постарался точно и просто поставить нѣсколько противоположныхъ пунктовъ. Статья эта всего меня взбудоражила и такъ и хочется писать еще на темы, близкія къ этой—можетъ быть осенью придется къ нимъ возвратиться. Разумѣется и Вы у меня всегда въ мысляхъ—какъ судья, передъ которымъ ни за что не хотѣлось бы провиниться.

Недавно я усердно занимался и Вашею книгою О жизни. Изъ Америки пришли наконецъ корректуры перевода, сдѣланнаго г-жею Hapgood [3]); она просмотрѣла ихъ и дала мнѣ, говоря, что не нашла никакихъ затрудненій при переводѣ, такъ что у нея нѣтъ вопросовъ предложить мнѣ. Дѣйствительно, я убѣдился, что она въ совершенствѣ понимаетъ Вашъ подлинникъ, а переводъ ея меня привелъ въ восхищеніе совершенною точностію, буквальною передачею текста и тою ясностію, которая свойственна англійской рѣчи. Къ несчастію она меня торопила и я успѣлъ просмотрѣть только вторую половину книги. Въ пяти-шести мѣстахъ я нашелъ чуть замѣтныя пятнышки, въ которыхъ отчасти виновата была рукопись; она все поправила и теперь уже отослала назадъ. Вообще я убѣдился, что Ваша книга явится въ Америкѣ въ наилучшемъ видѣ, какого можно желать. Сѣдоволосая г-жа Гапгудъ—очень привлекательное существо

---

[1]) См. выше.

[2]) „Наша культура и всемірное единство“, появившаяся въ іюньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1888 г. Перепечатана въ книгѣ Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890, стр. 218—286. Написана противъ статьи Соловьева „Россія и Европа“. Страховъ былъ очень доволенъ статьею своею, считая, что онъ „разбилъ въ прахъ“ статью Соловьева (В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913. стр. 129—130).

[3]) Life. Authorized translation by Isabel F. Hapgood. Growel and C°, New-York, 1888, 295 pages.

по простотѣ, спокойствію, живости и открытости. Право, эта легкая жизнь, устроенная Англичанами и Американцами, даетъ людямъ какую-то дѣтскую наивность, позволяетъ развиваться въ нихъ всякимъ безвреднымъ, значитъ и многимъ хорошимъ сторонамъ.

Она говорила мнѣ о томъ, какъ она сама восторженно поклоняется Вамъ и какъ, вообще, Васъ любятъ въ Америкѣ. Право, это большія чудеса, и нельзя не подивиться тупости многихъ у насъ, которые смотрятъ на Васъ равнодушно или враждебно. Ваша заграничная слава всегда меня восхищаетъ; но главное, конечно, тотъ поворотъ, который Вы дали умамъ у насъ, внутри. Можно ли было думать, что вдругъ раздастся проповѣдь любви и съ такою силою? Какіе безумцы наши консерваторы, возстающіе противъ Васъ и не понимающіе, что Вы разъ навсегда указали тотъ выходъ, котораго имъ придется опять и опять искать, когда они вновь доведутъ людей до ненависти и возмущенія! Часто мнѣ было грустно, когда я думалъ, что на моихъ глазахъ выросло у насъ только одно новое явленіе—нигилизмъ; но теперь я утѣшаюсь, что за нигилизмомъ послѣдовала Ваша проповѣдь. Вашу книгу я опять перечитывалъ съ жадностію. Есть страницы безподобныя по отчетливости и неотразимой убѣдительности. Жизнь есть любовь и нѣтъ другой жизни, стоющей этого названія,—какая тема!

А они—запретили Вашу книгу!

Что дѣлать, однако! Таковъ строй русской жизни, что въ ней сочетаются чуть не допотопныя явленія съ самыми передовыми, съ такими, которымъ суждено далекое будущее.

Дай Вамъ Богъ всего хорошаго! Здоровье мое не совсѣмъ хорошо; кажется главное—грудь, дыхательное горло — весь раскисаю отъ простуды. А къ этому еще то, что понемногу я очутился въ совершенномъ одиночествѣ, которое я отлично переносилъ бы, если бы были силы для работы—ихъ-то нѣтъ.

Простите меня по-христіански. Графинѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ всею душою
Н. Страховъ.

215. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

17-го іюля 1888 г. Петербургъ.

Отъ всего сердца благодарю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, за Ваше письмо [1]), очень коротенькое и писанное настоящимъ почеркомъ сельскаго рабочаго, но очень многосодержательное. Когда я писалъ въ своей статьѣ о народности [2]), то постоянно думалъ объ Васъ и заранѣе зналъ, что Вы не будете со мною согласны. Однако, если посмотрите, то увидите: что я нигдѣ

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) См. предыдущее письмо.

не перешелъ границы и что я держусь въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ совершенно безопасенъ отъ нападеній Соловьева [1]), а мнѣ думается, и отъ Вашихъ. Что меня возмущало у Соловьева—это то, что онъ не взялъ вопроса въ полнотѣ (а для этого не было лучшаго случая, какъ книга Данилевскаго), что онъ вовсе и не подумалъ о значеніи народности въ жизни людей. Для меня самого было бы радостно уяснить себѣ это дѣло, и я заранѣе указывалъ ему (въ письмѣ), что это должно быть его главною темою. А онъ сталъ на ту точку зрѣнія, съ которой можно точно также сильно возстать и противъ семьи, противъ уваженія къ отцу и матери, противъ любви къ женѣ и дѣтямъ. Разумѣется, все это—ограниченіе; разумѣется, есть требованія, которыя стоятъ выше всего этого. Но помните слова Христа: «вы говорите: если кто скажетъ отцу и матери: даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, тотъ можетъ и не почтить отца своего, или мать свою». Мат. 15, 5. Этотъ упрекъ книжникамъ и фарисеямъ вполнѣ примѣняется къ Соловьеву. Онъ ссылается на свои обязанности къ Богу, а потому и разрѣшаетъ себѣ не соблюдать никакихъ обязанностей къ Данилевскому или ко мнѣ.

Великій это вопросъ. Во всемъ нужно служить Богу; нужно служить ему и служа родинѣ, и любя свою семью, и возставая противъ тѣхъ, кто не согласенъ съ нами въ мысляхъ. Но какъ же это сдѣлать? Какъ провести одно начало во всѣ свои дѣла и отношенія? Вы правы: тутъ одинъ путь—любовь, чистое сердце. Но это—практическое разрѣшеніе вопроса, а не теоретическое.

Статья моя почти не имѣла никакого успѣха. Въ печати о ней не говорили [2]). Нѣсколько человѣкъ, особенно мнѣ дорогихъ, были чрезвычайно довольны. Вижу, что и Вы нашли наказаніе Соловьева и справедливымъ и вполнѣ удачнымъ; благодарю Васъ отъ души. Но большинство нашло статью незанимательною; въ ней не говорится ни о католицизмѣ, ни о будущности Россіи, ни о политическихъ вопросахъ. Въ смыслѣ агитаціи Соловьевъ вполнѣ успѣлъ сдѣлать свое дѣло.

Благодарю Васъ за приглашеніе въ Ясную. Усердно кланяюсь всѣмъ, кто тамъ обо мнѣ помнитъ и желаетъ меня видѣть. Но я попалъ въ положеніе, изъ котораго мнѣ трудно выбраться. Вокругъ меня все обстоитъ превосходно: тихо, свѣтло, просторно, чисто, и—гибель прекрасныхъ книгъ. Самъ я здоровъ и бодръ и затѣялъ на свободѣ большую работу. Лѣто стоитъ прохладное, такъ что въ

---

[1]) Въ возраженіе на статью котораго о „Россіи и Европѣ“ и „Борьбѣ съ Западомъ“ и написалъ Страховъ свою статью „Наша культура и всемірное единство“.

[2]) За то въ № 26-мъ „Нивы“ за этотъ годъ появился портретъ Страхова съ біографіей его, написанной Д. М-овымъ.

городѣ нѣтъ никакой духоты. Спрашивается, что же я долженъ дѣлать? Конечно работать и работать. Не придумаешь никакого повода, никакой причины, чтобы ѣхать; меня будутъ сопровождать угрызенія совѣсти. Поэтому я до сихъ поръ остаюсь на мѣстѣ, не смотря на пустоту города и на то, что иногда по два по три дни никого не вижу, кромѣ Катерины, обладающей всѣми добродѣтелями и всякимъ усердіемъ и благочестіемъ, такъ что мнѣ всегда пріятно ее видѣть, но почти столь же молчаливой и мало для меня занимательной, какъ моя мебель.

Въ Ясную мнѣ очень хотѣлось бы, Александръ Михайловичъ [1]) собирается въ августѣ и можетъ быть я не выдержу и пріѣду съ нимъ.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго! Ясная Поляна, съ тѣхъ поръ, какъ ее знаю, полна и жизни и мысли. Дай Богъ, чтобы такъ было и долго-долго!

Всей душой Вамъ преданный
1888. 17 іюля. Спб. Н. Страховъ.

PS. Недавно я сдѣлалъ открытіе, которое немножко меня огорчило. Въ одной изъ своихъ книгъ Le nouveau spiritualisme par Vacherot я вдругъ нашелъ всю ту философскую глубину, которою такъ плѣнилъ меня Пажесъ [2]). Тамъ есть глава, содержащая тѣ самыя мысли, имена и выраженія, которыя я отъ него слышалъ. Онъ затвердилъ ихъ съ большою точностью. Но потомъ я вспомнилъ, какъ онъ отзывался объ Васъ, какъ разсказывалъ свое свиданіе съ Вами, какъ тонко и съ любовью говорилъ о Вашихъ мысляхъ, и я снова убѣдился, что онъ умный и хорошій человѣкъ. Однако, нужно быть осторожнымъ. Они, западные, всегда съ умомъ и вкусомъ украшаютъ себя чужими мыслями и познаніями, тогда какъ мы часто откровенно выступаемъ во всей своей дикости.

216. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

13-го сентября 1888 г. Петербургъ.

Посылаю Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, L'idée Russe Соловьева [3]), на тотъ случай, если Вы еще не видали этой брошюры. Блистательно, что и говорить! Я ужасно любовался звонкостью этихъ фразъ, имѣющихъ притомъ видъ необычайной серьезности и глубокомыслія. Французамъ должно это очень понравиться;

---

[1]) Кузминскій.

[2]) См. выше.

[3]) См. выше, Соловьевъ былъ въ это время за-границей, откуда въ письмѣ 6-го сентября 1888 г. просилъ Страхова разослать его брошюру знакомымъ (Письма В. С. Соловьева, т. I, стр. 52; тамъ же, стр. 53—56,— дальнѣйшія письма Соловьева, по поводу статьи Страхова, направленной противъ него: „Наша культура и всемірное единство“).

это писано лучше, чѣмъ писали Монталамберъ или Сенъ-Симонисты. Тутъ весь Соловьевъ и больше этого онъ ничего дать не можетъ. Важно, что онъ прямо объявилъ, что нужно подчиниться папѣ, и даже исповѣдалъ его непогрѣшимость chef infaillible du sacerdoce. Всѣ разсужденія идутъ по методѣ аналогіи и симметріи, и красота формулы составляетъ главное доказательство вѣрности ея содержанія.

По моему, все это наводитъ на одну мысль, на то, что христіанство уже стало покидать форму церкви (какъ это Вы не разъ высказывали), и вотъ гдѣ причина этихъ горячихъ заботъ о церкви, и созданія новыхъ догматовъ, и провозглашенія непогрѣшимости. Напрасныя усилія! Церковь возникла во времена паденія древняго міра. Тогда она образовала крѣпкое общество среди разлагавшагося государства и создала свою догматику какъ противовѣсъ тогдашней языческой мудрости. Монахи сначала даже называли себя философами и жизнь свою философскою жизнью. Но въ настоящее время ни догматы, ни церковь не могутъ имѣть такого значенія и напрасно пытаются удержать прежнюю главную роль.

Когда читаю Васъ, Левъ Николаевичъ, то въ каждой строкѣ слышу живое чувство—въ этомъ состоитъ Вашъ очаровательный слогъ (выраженіе Бунакова или Евтушевскаго) [1]). Когда читаю Соловьева, то ни въ одной строкѣ не чувствую живаго человѣка, а вездѣ одно сочиненіе. Потребность мысли, увлеченіе всеобъемлющими рѣшеніями—я понимаю; но тогда нужно, чтобы надо всѣмъ господствовала жажда истины, а тутъ, у Соловьева, скорѣе царствуетъ жажда обмана, желаніе уйти въ фантастическій міръ, который онъ самъ себѣ строитъ.

Петербургъ (а съ нимъ и Россія) все больше и больше затихаетъ. Помните Вы, какъ министра [2]) Сабурова публично хлопнулъ студентъ? Теперь министру Делянову усыпаютъ путь цвѣтами. Вотъ награда за то, что онъ скрутилъ университеты! Соловьевъ правъ, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ никакой энергіи. Оно совершенно пусто; самое лучшее для него, если его будутъ крѣпко держать въ рукахъ. Только очень противно громадное обнаруженіе подлости частныхъ лицъ передъ правительствомъ.

Будете ли Вы читать письма Аксакова [3]), недавно изданныя? Анна Федоровна [4]) мнѣ прислала и я читаю, не отрываясь. Самъ онъ очень хорошъ. Но живо рисуется и весь тогдашній бытъ—это время имѣло свѣтлыя стороны, которыя теперь забыты. Чрезвычайно интересны отрывки изъ писемъ Сергѣя Тим. Аксакова—онъ куда выше сына и какъ человѣкъ, и какъ писатель.

---

[1]) Извѣстные тогда педагоги.
[2]) Народнаго просвѣщенія.
[3]) „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ“, т. I.
[4]) Вдова И. С. Аксакова, дочь поэта Ѳ. И. Тютчева.

Много бы я далъ, чтобы знать, какъ Вы и что дѣлаете. Все лѣто у меня была тоска по Ясной Полянѣ и, сказать правду, только по ней одной. Въ прошломъ году во время поѣздки я такъ намучился отъ жары, что былъ очень радъ нынѣшнему холодному лѣту, и здоровье мое очень поправилось. Но вотъ уже три мѣсяца съ лишкомъ, какъ я собираюсь писать, освободивъ себя для этого отъ всякихъ заботъ,—и ничего не сдѣлалъ! Меня это мучило—и наконецъ я почти отказался отъ своихъ затѣй. Но когда сталъ поспокойнѣе, онѣ опять нашли на меня; но зато теперь, кажется, я вижу дѣло яснѣе — — Пусть будетъ, что Богъ дастъ; время мое не идетъ праздно,—мысль все копошится и зрѣетъ.

Поручили мнѣ передать Вамъ усердную просьбу: журналъ Нива, въ которомъ были напечатаны Ваши Три Старца, просить у Васъ чего-нибудь на слѣдующій годъ изданія. Разумѣется они рады были бы, если бы могли заранѣе объявить о Вашемъ участіи въ журналѣ. Но во всякомъ случаѣ примутъ Ваше писаніе съ восторгомъ и заплатятъ Вамъ по Вашему желанію. Новый редакторъ Викторъ Петр. Клюшниковъ [1]) очень милый человѣкъ, давнишній мой знакомый [2]).

Простите меня. Дай Вамъ Богъ здоровья и тѣхъ мыслей, которыми Вы живете. Графинѣ мое усердное почтеніе и поздравленіе съ именинами.

Вашъ навсегда преданный

1888. 13 сент. Спб. Н. Страховъ.

Недавно въ Петерб. Вѣдомостяхъ объявили меня чистымъ матеріалистомъ. Статья Соловьева приноситъ плоды; онъ куда больше обращаетъ на себя вниманіе, чѣмъ я.

217. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

13-го апрѣля 1889 г. Петербургъ.

Совсѣмъ Вы меня забыли, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Я послалъ Вамъ двѣ книги, которыя издалъ въ эту зиму [3]), и двѣ статьи, которыя написалъ [4]), а теперь посылаю третью, и уже ни-

---

[1]) Извѣстный въ свое время романистъ, литературный критикъ, сотрудникъ „Зари“, „Русскаго Вѣстника“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и др. изданій, редакторъ „Нивы“ Маркса: 1870—1875 и 1887—1892 г.г. Скончался 7-го ноября 1892 г., 51 года.

[2]) По сотрудничеству въ „Зарѣ“, редактировавшейся Страховымъ.

[3]) Одна изъ нихъ—4-е изданіе книги Н. Я. Данилевскаго „Россія и Европа“, С.-Пб. 1889, а другая—„Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, С.-Пб. 1888.

[4]) „Послѣдній отвѣтъ Вл. С. Соловьеву“ („Русск. Вѣстн.“ 1889 г., кн. 2, стр. 200--212; перепечатанъ въ книгѣ Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890, стр. 287—304)—по поводу отвѣта Соловьева (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1889 г. № 1) на статью Стра-

чего не буду посылать, потому что наконецъ принимаюсь отдыхать и не скоро примусь за работу. Если нужно трудиться, то я трудился и могу быть собою доволенъ. Но что бы я ни дѣлалъ, я всегда объ Васъ думаю, думаю объ Вашемъ судѣ, и какъ бы дороги и милы были мнѣ Ваши строчки!

Съ осени я отдался тѣмъ дѣламъ, которыя сами пришли одно за другимъ, и былъ очень занятъ, особенно съ новаго года. Я освободился только 2-го апрѣля. Сперва, по случаю приглашенія Академіи, я писалъ о стихахъ [1]) и, чтобы кончить эти дѣла, собралъ свои статьи и издалъ книжку о Пушкинѣ и пр. [2]). Потомъ нужно было дѣлать новое изданіе Россіи и Европы [3]). Потомъ нужно было отвѣчать Соловьеву [4]), восхвалить Фета [5]) и возразить Фаминцыну [6]). И все срочныя работы, такъ что когда все было сдѣлано, я былъ собою очень доволенъ.

Всего меньше меня радуетъ полемика съ Соловьевымъ, и право, не я виноватъ. Вышла разногласица, а не споръ. Послѣ своей второй статьи—въ мартѣ Вѣстн. Европы, онъ былъ у меня и я попробовалъ хоть въ разговорѣ добиться отъ него опредѣленности. Невозможно! Онъ весь въ общихъ фразахъ, и въ цѣлый вечеръ я едва успѣлъ добиться, что онъ указалъ на два мѣста, у меня и у Данилевскаго, съ которыми онъ не согласенъ. А то онъ не со-

---

хова „Наша культура и всемірное единство“; другою статьею Страхова была „А. С. Фаминцынъ о „Дарвинизмѣ“ Н. Я. Данилевскаго“—въ „Русск. Вѣстн.“ 1889 г., № 4, стр. 225—243 (перепечатана тамъ-же, стр. 515—541).

[1]) Отзывъ былъ отрицательный, т. к. въ Отчетѣ о присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1888 г. рецензія Страхова не напечатана.

[2]) См. выше, стр. 376 прим. 3-е.

[3]) Данилевскаго.

[4]) „Послѣдній отвѣтъ Вл. Соловьеву“—въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ (въ отвѣтъ на статью Соловьева: „О грѣхахъ и болѣзняхъ“—по поводу статьи Страхова „Наша культура и всемірное единство“).

[5]) Статья въ № 4637 „Новаго Времени“ отъ 20 января 1889 г. по поводу торжественно отпразднованнаго 28-го января этого года 50-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности поэта. По случаю смерти Фета Страховъ въ „Новомъ Времени“ помѣстилъ статью „Нѣсколько словъ памяти Фета“ (№ отъ 9-го декабря 1892 г.). Въ 1894 г. Страховъ издалъ „Лирическія стихотворенія“ Шеншина (ум. 21-го ноября 1892 г.).

[6]) Въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы“ академикъ Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ (здравствующій понынѣ) помѣстилъ статью: „Н. Я. Данилевскій и дарвинизмъ. Опровергнутъ-ли дарвинизмъ Данилевскимъ?“ (стр. 616—643), направленную противъ Н. Я. Данилевскаго и Страхова, который возразилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль 1889 г., стр. 225—243) статьею: „Сужденіе Андр. С. Фаминцына о „Дарвинизмѣ“ Н. Я. Данилевскаго“, написанною, судя по помѣтѣ подъ нею, 9-го марта 1889 г. (перепечатана въ книгѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890, стр. 515—541).

гласенъ вообще, и начинаетъ много говорить, но ничуть не о томъ, что высказано его противниками. Я ему сказалъ, что у него нѣтъ никакого опредѣленнаго взгляда на исторію, а онъ отвѣчалъ, что думаетъ скоро его написать.

Новое изданіе Россіи и Европы идетъ удивительно; въ первые сорокъ дней было продано 500 экземпляровъ. Литература молчитъ,—это просто чудеса! Если даже принять, что тутъ сказался протестъ противъ нашего умственнаго лакейства передъ Европою,—то и то нельзя не радоваться. Не смѣшно ли? И Тимирязевъ и Фаминцынъ обвиняютъ самымъ серьезнымъ образомъ Данилевскаго въ непочтительности къ Дарвину. Какое постыдное рабство! И оно всюду сквозитъ и даетъ великую силу и Вѣстнику Европы и Сѣверному Вѣстнику и Русской Мысли. Бѣдный Юрьевъ [1])! Онъ выдумалъ заглавіе для журнала, который потомъ пошелъ прямо противъ своего заглавія. А видно по всему, что Юрьева очень любили въ Москвѣ; на поминкахъ объ немъ сказано было много дѣйствительно сердечнаго.

Исторіею съ «Дарвинизмомъ» я вообще очень доволенъ. Я бы не отвѣчалъ на статью Фаминцына, если бы зналъ, что Тимирязевъ тоже отвѣтитъ (въ мартѣ Р. Мысли). О, какой умный человѣкъ! Онъ обижается, что Фаминцынъ разбираетъ книгу, тогда какъ онъ, Тимирязевъ, уже все разобралъ, рѣшилъ и подписалъ. Но онъ справедливо доказываетъ, что разборъ Фаминцына недостаточенъ. Такъ что настоитъ явная надобность, чтобы явился наконецъ подробный и основательный разборъ книги. Но кто бы его ни писалъ и когда бы онъ ни былъ написанъ, дѣло кончится торжествомъ Данилевскаго, и слѣдовательно моимъ.

Своею статейкою о Фетѣ я очень доволенъ, и меня не мало огорчило, что и Фетъ не особенно меня благодарилъ, и Софья Андреевна, которая, въ сущности, заставила меня понатужиться, ничѣмъ не заявила, что она довольна и прощаетъ мнѣ мои нападки на Фета. Но больше этого я ничего не могъ сдѣлать и—повѣрите ли моему самолюбію?—я думалъ, что моя статейка обрадуетъ Фета не меньше чѣмъ камергерство [2]). Непремѣнно, прошу Васъ, Левъ Николаевичъ, разъясните всѣ эти важныя обстоятельства; если въ Ясной Полянѣ на меня не будутъ сердиться, то я въ это лѣто

---

[1]) Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ (ум. 26-го декабря 1888 г.), редакторъ „Русской Мысли“. Въ 1901 году была издана книга: „Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ, изданный друзьями покойнаго“; здѣсь Толстой напечаталъ „Плоды просвѣщенія“ (помѣщено на 1-мъ мѣстѣ).

[2]) Въ 1889 году А. А. Шеншинъ, „отставной гвардіи штабсъ-ротмистръ и почетный мировой судья Мценскаго уѣзда“, былъ пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго Двора.

какъ-нибудь выберу время и пріѣду къ Вамъ [1]). Тогда на свободѣ я Вамъ нажалуюсь на Фета, который такъ испортилъ себя въ моихъ глазахъ, да и не въ моихъ однихъ.

Но были у меня еще занятія—было 12 вечеровъ, занятыхъ представленіями Кольца Нибелунговъ, и по крайней мѣрѣ столько же сеансовъ у Рѣпина. Такъ какъ мужчина достигаетъ лучшаго своего вида къ 60 годамъ, то лучше той фигуры, которую написалъ Рѣпинъ, я, вѣроятно, никогда не имѣлъ. Ну, это такъ живо, что смѣшно становится смотрѣть. Большой онъ мастеръ, да и человѣкъ очень милый, очень умный, и съ тонкой любознательностію. Пріятно вспомнить эти сеансы.

Нибелунги были потруднѣе. Но я въ день оперы съ утра никуда не ходилъ, обѣдалъ дома очень умѣренно, во время выпивалъ свой чай, и потому все выдержалъ со вниманіемъ, и съ каждымъ разомъ понималъ больше и больше. Кончается эта трилогія проповѣдью нирваны; ruhe, ruhe, du Gott! поетъ Валкирія Одину, сгорающему со своею валгаллою, и сама сожигаетъ себя на кострѣ. Но съ этимъ связана мысль о переходѣ изъ одного фазиса нравственности въ другой, чисто человѣческій. Словомъ, есть та путанница, которая, по словамъ Менделѣева, бываетъ въ головѣ даже самаго умнаго нѣмца. Но яркость лицъ, положеній, настроеній—удивительная.

Вотъ мои труды и забавы. Нынѣшнюю зиму я почти ничего не читалъ и не продолжалъ своего образованія. А часто, чувствуя, какъ ослабѣла память и какъ трудно работаетъ голова, я думаю, не пора ли перестать тянуться, и, если самъ я осудилъ себя на одиночество, то не пора ли учиться, какъ жить только тѣмъ, что «единое на потребу».

За Вами я слѣжу прилежно, и душевно радуюсь, когда опять Вашъ голосъ привлекаетъ общее жадное вниманіе. Какое это громадное явленіе! И какая польза! Все хочется писать объ Васъ. Досталъ книгу Стэда [2]), но еще не прочелъ.

Дай Богъ Вамъ здоровья и всего хорошаго! Простите меня и помните,

Вашего сердечно и неизмѣнно преданнаго

1889. 13 апр. Спб. [3]) Н. Страхова.

---

[1]) „Теперь“, писалъ Страховъ В. В. Розанову 24-го мая 1889 г., „я собрался ѣхать къ Л. Н. Толстому, гдѣ я пробуду числа до 15 или 16... Отъ Толстого я вернусь въ Петербургъ и пробуду дома до первыхъ чиселъ августа“ (В. В. Розановъ, Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 180—181).

[2]) Книга извѣстнаго англійскаго журналиста Вильяма Стэда (Stead; главный редакторъ „Pall Mall Gazette“)—„The truth about Russia (1888)“.

[3]) Въ это время Толстой вернулся въ Москву послѣ недѣли гощенія у своего Севастопольскаго товарища, князя Сергѣя Семеновича Урусова, недалеко отъ Троице-Сергіевой Лавры (см. Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 330—335).

218. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[20-го апрѣля 1889 г. Москва].

Спасибо, что написали дорогой Николай Николаевичъ и что присылаете свои статьи [1]): я ихъ тотчасъ же прочитываю и съ пользою. Возраженія ваши Фаминицыну [2]) очень слабы т. е. не то что оно (sic) не вѣрны а то что Фаминицынъ по моему подлежитъ уничтоженію совершенному. Я еще до васъ читалъ гдѣ то торжествующія выписки изъ Фам. «Фаминицынъ самъ сказалъ что Дарвинъ великій челов. и его теорія вел. теорія»; но почему это такъ и почему я обязанъ вѣрить тому что гов. Г-нъ Ф. ни въ вашей, ни въ той статьѣ нѣтъ, такъ что я заключаю что Ф. долженъ быть какой-нибудь научный первосвятитель. Тѣ пошлости, к. приводятся изъ его статьи подтверждаютъ это. Впрочемъ Богъ съ нимъ и Дарвиномъ. Надѣюсь что вы не обидитесь что я скажу что это все т. е. то что мы думаемъ о томъ какъ произошли виды нетолько не важно; но что даже совѣстно намъ старымъ людямъ, готовящимся предстать [ ] Тому, даже стыдно и грѣшно говорить и думать объ этомъ. Спасибо что думаете побывать у насъ. Исполните пожалуйста. Всѣ вамъ, начиная съ меня будутъ очень рады.

Любящій васъ Л. Толстой.

Что Хельчицкаго Сѣть вѣры была ли напечатана въ журналѣ Академіи и если была то въ какихъ номерахъ [3]).

На письмѣ помѣтка Страхова: 20 апр. 1889.

219. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[2-го мая 1889 г. Москва] [4]).

Просьба, дорогой Н. Н. объ искусствѣ объ исторіи этого понятія, что есть? Объ искусствѣ въ широкомъ смыслѣ, но также и о пластическомъ въ частности. Нѣтъ ли исторіи и теоріи искусства

---

[1]) См. въ началѣ предыдущаго письма.

[2]) Такъ Толстой ошибочно называетъ фамилію А. С. Фаминцына.

[3]) Занимавшійся изученіемъ сочиненій Хельчицкаго (род. 1390, ум. 1460) молодой талантливый славистъ Юрій Сергѣевичъ Анненковъ (ум. отъ чахотки 8-го февраля 1885 г.) приготовилъ къ изданію и уже почти отпечаталъ въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“ „Сѣть вѣры“ Хельчицкаго (чешскій текстъ и изложеніе его по-русски), но трудъ его увидѣлъ свѣтъ лишь послѣ его смерти—въ LV томѣ „Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“, вышедшемъ въ 1893 г. Въ „Сѣти вѣры“ Хельчицкій, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, проводилъ идеи христіанской любви къ ближнему, равенства и братства и взаимной терпимости. См. ниже, письмо Страхова отъ 18-го мая 1889 г.

[4]) Письмо передъ уходомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну (см. Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 336).

кромѣ Куглера, к. если у васъ есть привезите пожалуйста. Да вообще помогите мнѣ пожалуйста въ предпринятой работѣ: нужно прежде, чѣмъ высказать свое, знать какъ квинтесенція образованныхъ людей смотритъ на это. Есть ли такой Катихизисъ. Надѣюсь что вы меня поймете и поможете мнѣ, а главное сами скоро порадуете пріѣздомъ [1]).

Л. Толстой.

На оборотѣ письма адресъ: Петербургъ. У Торговаго моста, домъ Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

На письмѣ помѣтка Страхова: 2 мая 1889.

220. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

18-го мая 1889 г. Петербургъ.

Наконецъ узналъ я, безцѣнный Левъ Николаевичь, объ Хельчицкомъ [2]). «Сѣть вѣры» начали печатать въ Запискахъ Академіи, но молодой человѣкъ Анненковъ, который наблюдалъ за печатаніемъ, умеръ, и теперь дѣло остановилось и ищутъ кому поручить его. Онъ былъ ученикъ В. И. Ламанскаго и готовился защищать диссертацію на магистра. Можетъ быть мнѣ удастся достать напечатанные листы, и тогда я привезу ихъ въ Ясную Поляну. Съ большою радостью я думаю объ этой поѣздкѣ къ Вамъ—я такъ давно Васъ не видалъ! Упрекая меня за предметы моихъ писаній, Вы пишете: «надѣюсь, Вы не обидитесь». Конечно нѣтъ; я ищу Вашего вниманія и участія къ тому, что дѣлаю, но давно чувствую, что, можетъ быть, Вы многимъ недовольны. Конечно, я сдѣлалъ бы лучше, если бы написалъ что-нибудь хорошее объ Васъ, или объ Шопенгауэрѣ, или объ П. Бакунинѣ [3]) и т. д. Но нельзя было отложить того, что я вмѣсто этого дѣлалъ. Изданіе книгъ Данилевскаго [4]) и полемика изъ-за нихъ не могли быть отложены, такъ же какъ похвала стихамъ Фета требовалась непремѣнно къ 28 января [5]). Теперь я наконецъ освободился. Тимирязевъ [6]) разразился новою статьею, уже противъ Фаминцына [7]) (меня онъ слишкомъ презираетъ, чтобы со мною связываться), и я могу счи-

---

[1]) Съ тою же просьбою объ опредѣленіи понятій науки и искусства Толстой обращался черезъ 4 года къ Н. Я. Гроту: см. письмо къ нему отъ 9-го августа 1893 г. въ Сборникѣ писемъ Толстого подъ ред. П. А. Сергѣенко, т. II, М. 1911, стр. 143—144, а также ниже, письма № 245 и 246.

[2]) См. выше письмо № 218.

[3]) См. выше. Съ нимъ Страховъ не задолго до этого лично познакомился (см. В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 131).

[4]) „Россія и Европа“.

[5]) 50-лѣтній юбилей Фета праздновался 28-го января.

[6]) См. выше.

[7]) См. выше.

тать дѣло совершенно выиграннымъ, т. е. что на Дарвинизмъ обращено полное вниманіе нашего ученаго міра и вопросъ объ этой книгѣ поставленъ громко.

И это, я думаю,—дѣло доброе. У молодыхъ людей есть горячая жажда къ знанію. Заглушить ее невозможно, да и нѣтъ нужды; нужно ее утолить и нужно разрушить тотъ миражъ ложнаго знанія, на который они неудержимо бросаются, когда ничего другого не видятъ. Поколебать Дарвина—какой ударъ, какое отрезвленіе! Самъ я не безъ нѣкотораго отвращенія занимался этимъ дѣломъ, потому что съ самаго начала не нашелъ въ Дарвинѣ ничего питательнаго и, отвернувшись отъ него, искалъ другихъ путей для пониманія природы. Но Данилевскій поступилъ правильнѣе и сдѣлалъ нѣчто прочное, тогда какъ я остался при однихъ почти высокопарныхъ замыслахъ. Въ слѣдующихъ томахъ онъ хотѣлъ говорить о своемъ взглядѣ на организмы, доказывать бытіе и свойства Божіи; вообще онъ смотрѣлъ на свое сочиненіе, какъ на средство уничтожить матеріализмъ и нигилизмъ, и въ одномъ письмѣ къ Н. Н. Семенову [1]) говоритъ, что это средство будетъ получше греческаго и латинскаго языка, въ которыхъ Катковъ видѣлъ наше спасенье отъ вредныхъ ученій.

Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ я надѣюсь поговорить съ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ, въ Ясной Полянѣ. Дай Богъ только Вамъ здоровья, да и мнѣ какъ бы не свихнуться. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я чувствую себя совершенно здоровымъ, но до сихъ поръ не перестаю этому удивляться.

Графинѣ мое усердное почтеніе. Дай Богъ ей силъ и здоровья, и душевно благодарю за ея письмо.

Вашъ неизмѣнно преданный

1889. 18 мая. Спб. Н. Страховъ.

221. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

21-го іюня 1889 г. Петербургъ [2]).

Все сдѣлалъ я, безцѣнный Левъ Николаевичъ, такъ, какъ предполагалъ. Въ Москвѣ пробылъ одни сутки и никого не нашелъ: какъ разъ съ 15-го іюня, когда я пріѣхалъ, Музей [3]) былъ закрытъ на два мѣсяца. И все время и 15 и 16 шелъ непрерывный дождь, такъ что я большею частью сидѣлъ въ гостиницѣ.

---

[1]) Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, которому посвящена книга Н. Я. Данилевскаго „Дарвинизмъ“.

[2]) Писано по возвращеніи изъ Ясной Поляны, гдѣ Страховъ прогостилъ двѣ недѣли.

[3]) Румянцовскій, куда Страхова привлекалъ, вѣроятно, ѳилософъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

Въ Петербургѣ я два дни писалъ докладъ о книгѣ Розанова [1]) и вчера, 20-го, читалъ этотъ докладъ въ засѣданіи Комитета [2]), которое было очень длинно и утомительно. Сегодня я совершенно свободенъ и хочу благодарить Ясную Поляну за ея гостепріимство. Всегда отъ Васъ я получалъ освѣженіе, всегда Ваши рѣчи и все Ваше присутствіе подымали меня; много я объ Васъ думаю и много люблю Васъ и потому видѣть и чувствовать Вашу душевную жизнь лицомъ къ лицу—для меня большая радость, сильно меня трогаетъ и оживляетъ. На этотъ разъ, послѣ долгаго промежутка, я особенно ясно почувствовалъ, что Ясная Поляна есть тоже центръ духовной дѣятельности, но какой удивительный! Другіе центры, о которыхъ пишется въ тетрадкѣ Стэда [3]), иногда ничего въ себѣ не содержатъ, суть пустыя точки, важныя только потому, что къ нимъ направлены мысли и стремленія живыхъ людей, такъ что, зная эти точки, можно видѣть направленіе этихъ стремленій. Въ Ясной же Полянѣ самъ центръ живой, лучистый,—Вы сами съ своею неустающей мыслью и сердечною работою. Видѣть это — значитъ видѣть зрѣлище удивительной красоты и значенія. Простите меня, что по своей привычкѣ я Васъ объективирую, стараюсь стать отъ Васъ подальше и посмотрѣть на Вашу дѣятельность со стороны. Часто мнѣ больно думать, что я, какъ и другіе, не умѣю видѣть того великаго, что совершается вокругъ меня, и только потому твержу иногда: все стало скверно, вездѣ пошлость, упадокъ ума и вкуса. Если однако сравнить знаменитую эпоху сороковыхъ годовъ, остатки которой мы видимъ въ Григоровичѣ [4]), Фетѣ, Полонскомъ [5]), съ нынѣшнимъ временемъ, то какъ не сказать, что мы съ тѣхъ поръ много выросли и поумнѣли. Нигилизмъ и анархизмъ—вѣдь это очень серьезныя явленія въ сравненіи съ тою болтовнею, которая составляетъ верхъ человѣческаго достоинства для Григоровичей и Фетовъ. И вся эта борьба, все мучительное броженіе умовъ разрѣшилось и завершается Вашею проповѣдью, призывомъ къ духовному и тѣлесному исправленію, къ той истинной жизни, къ тому истинному благу, безъ котораго ничтожны всѣ другія блага и которое никогда не можетъ измѣнить намъ. Пронеслось отъ Васъ

---

[1]) Т. е., о книгѣ Василія Васильевича Розанова: „О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія“, изд. М. 1886 г., съ 3 рисунками. Ср. письма Страхова къ Розанову отъ 24-го мая и 4-го іюля 1889 г. (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 180—183).

[2]) Т. е. Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, членомъ котораго состоялъ Страховъ.

[3]) Ср. выше, стр. 379.

[4]) Извѣстный писатель Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

[5]) Поэтъ Яковъ Петровичъ.

какое-то вѣяніе, раздался звукъ, на который невольно откликаются сердца, котораго заглушить, подавить—ничѣмъ невозможно. И я вѣрю, что дѣло, Вами начатое, уже никогда не умретъ, что люди страдающіе, ищущіе, колеблющіеся постоянно будутъ приходить къ выходу, который Вы нашли и указали. Дай Богъ Вамъ здоровья, дай Богъ силъ и всего, что нужно для Вашего дѣла! [1])

Когда-нибудь да напишу же я объ этомъ подробно для печати. Теперь же я принужденъ раздумывать о Тимирязевѣ [2]). Въ Москвѣ подъ дождемъ я заѣхалъ таки въ контору Русской Мысли, но оказалось, что Іюньская книжка еще не выходила. Вчера я купилъ ее здѣсь и прочиталъ еще двадцать страницъ брани на себя. Но въ концѣ стоитъ «окончаніе слѣдуетъ», такъ что въ Іюлѣ мнѣ предстоитъ новое удовольствіе! Эта часть еще хуже прежней; тутъ ужъ все спутано до непонятности. Въ доказательство моего плутовства Тимирязевъ ссылается и на Соловьева—значитъ выходка Соловьева пошла въ прокъ, кому надо.

И какъ они не боятся такъ срамиться!

Непремѣнно я Вамъ пришлю въ Ясную свою статью для сравненія; достану у кого-нибудь.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Софьѣ Андреевнѣ мое усердное почтеніе, и всѣмъ большой поклонъ и благодарность; всѣ были такъ добры ко мнѣ, что я искренно тронутъ и не знаю, чѣмъ это заслужилъ.

Вашъ душевно любящій
Н. Страховъ.

1889. 21 іюня. Спб.

P. S. Здоровье мое удивительно, особенно послѣ простуды, которую перенесъ ночью въ вагонѣ, когда ѣхалъ сюда.

Все—какъ рукой сняло!

---

[1]) 4-го іюля Страховъ писалъ В. В. Розанову: „Моя поѣздка была преблагополучная: насладился Толстымъ довольно, хоть и не досыта. Какой удивительный человѣкъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше питаю къ нему любви и уваженія. Онъ теперь весь погрузился въ писаніе повѣсти о томъ, какъ мужъ убилъ невѣрную жену“ [т. е. „Крейцеровой Сонаты“] (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 184).

[2]) См. выше. Статья Тимирязева была помѣщена въ майской, іюньской и іюльской книжкахъ „Русской Мысли“, носила названіе „Безсильная злоба антидарвиниста“ и была направлена противъ Страхова и его статьи „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ еще въ ноябрѣ и декабрѣ 1887 года. Страховъ отвѣчалъ Тимирязеву статьею „Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго“, помѣщенною въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ (перепечатана въ книгѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890, стр. 542—567).

222. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

24-го іюля 1889 г. Петербургъ.

Думаю, безцѣнный Левъ Николаевичь, что Вы побранили таки меня за мою неисправность. Но я все помню и все сдѣлаю; только тутъ у меня такъ скоро стали проходить недѣля за недѣлею—я точно самъ собою качусь куда-то по привычной колеѣ. Арнольда [1]) я Вамъ прислалъ не на время, а въ подарокъ; я выписалъ для Васъ этотъ экземпляръ изъ-за границы. Подарокъ не дорогой (меньше 4-хъ рублей) и не стоитъ благодарности, особенно потому, что одинъ уголъ попорченъ—въ моихъ глазахъ это большой порокъ, за который очень прошу извинить меня. Другое обѣщаніе исполняю сегодня. Послѣ долгихъ поисковъ, у всѣхъ знакомыхъ, пришлось отправить къ Вамъ всю книжку, гдѣ первая часть Всегдашней Ошибки [2]). Тимирязевъ [3]) сдѣлалъ сравненіе очень удобнымъ: онъ на каждую мою главу отвѣчаетъ главою подъ тѣмъ же заглавіемъ. Если Вы все еще этимъ интересуетесь, то сравните нѣсколько главъ; Вы увидите, какія жалкія усилія онъ дѣлаетъ и какъ онъ постоянно уходитъ въ неопредѣленность. Со своей стороны, я усердно прошу Васъ сдѣлать это сравненіе. Вы можете указать мнѣ, гдѣ мои разсужденія всего слабѣе, или всего хуже изложены, и гдѣ мой противникъ имѣетъ самый побѣдоносный видъ. Хуже всего у него то, что онъ не понимаетъ моего яснаго и точнаго изложенія, ему все кажется путаницею, и онъ думаетъ, что я нарочно дѣлаю эту путаницу.

Что касается до искусства, то справка не готова—я только заглянулъ кой-куда и намѣтилъ книги, которыя нужно просмотрѣть [4]). Думаю, что понятіе объ искусствѣ, какъ объ особой области, явилось у Грековъ, и что у Платона нужно искать разсужденій объ такомъ уже установившемся понятіи.

Пересчитать сто лучшихъ книгъ,—за эту задачу я тоже не принимался. Впрочемъ—дѣло не важное и мой списокъ Вамъ не особенно нуженъ.

Но самое грустное то, что я не исполнилъ обѣщанія, даннаго Софьѣ Андреевнѣ—не описалъ моего нынѣшняго посѣщенія Ясной Поляны, т. е. еще не описалъ. Между тѣмъ я безпрестанно переношусь туда мыслью и вспоминаю объ Васъ съ умиленіемъ. Мнѣ хотѣлось бы, Левъ Николаевичь, сколько-нибудь высказать Вамъ,

---

[1]) См. ниже, въ письмѣ № 224.

[2]) Статья Страхова „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ“ была помѣщена въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1887 г.

[3]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

[4]) Вслѣдствіе просьбы Толстого: см. выше, письмо № 219, и ниже, въ письмѣ № 223.

какъ я люблю Васъ. Къ Вамъ со всѣхъ сторонъ обращено столько любви, что не мудрено, если для меня у Васъ недостаетъ вниманія. Между тѣмъ, мнѣ кажется я понимаю лучшее, что въ Васъ есть, Ваше несравненно-высокое нравственное стремленіе, Вашу неустанную борьбу, Ваше страданіе. Нѣсколько такихъ впечатлѣній изъ послѣдняго свиданія трогаютъ и волнуютъ меня. То я вижу Васъ въ лѣсу съ топоромъ, когда минутами на Васъ находилъ совершенный міръ, полная, свѣтлая душевная тишина то слышу Вашъ разговоръ, когда Вы назвали себя юродивымъ, съ волненіемъ и страданіемъ. Боже мой! иногда думаю я: неужели никто этого не пойметъ? Не удастся ли хоть мнѣ написать объ этомъ, хоть какъ-нибудь, хоть моимъ искусственнымъ и отвлеченнымъ языкомъ? А кругомъ вѣдь то и дѣло слышатся объ Васъ глупыя и пустыя рѣчи. Вы знаете, что у меня нѣтъ никакого простодушія, никакой способности создавать ореолы и ослѣпляться ими. Все, что можно сказать противъ Васъ, я знаю и хорошо вижу. Но все это ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ за Васъ и чему я сочувствую всею душою, насколько только могу цѣнить и понимать нравственную красоту. О, дай Вамъ Богъ здоровья и силъ для Вашего прекраснѣйшаго и труднѣйшаго подвига!

Самъ я физически очень поправился и чувствую бодрость и спокойствіе, какъ рѣдко со мною бываетъ. Статьи свои подвигаю впередъ не торопясь. На Аѳонѣ умеръ отецъ Макарій, котораго я видѣлъ, когда тамъ былъ, и который полюбился мнѣ чрезвычайно, больше всѣхъ другихъ монаховъ. Мнѣ хочется написать объ немъ, т. е. объ немъ страничку и нѣсколько страницъ объ Аѳонѣ и всей поѣздкѣ [1]).

Простите меня, Левъ Николаевичъ. Софьѣ Андреевнѣ усердное почтеніе и всей Ясной Полянѣ самые душевные поклоны.

Вашъ неизмѣнный

1889. 24 Іюля. Спб. Н. Страховъ.

223. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[6-го августа 1889 г. Ясная Поляна].

Очень, очень вамъ благодаренъ дорогой Николай Николаевичъ, за Арнольда [2]). Сколько я могъ понять пролистовавъ, понюхавъ его, это книга очень хорошая и мнѣ нужная. Но далъ топоръ

---

[1]) Статью „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Аѳонъ (1881 г.)“ Страховъ помѣстилъ въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1889 г. (перепечатана въ книжкѣ: „Воспоминанія и отрывки“, С.-Пб. 1892, стр. 1—47); статья помѣчена 9-мъ сентября 1889 г. Въ ней много разсказывается объ игуменѣ Макаріи (Сушкинѣ), умершемъ 19-го іюля 1889 года, 69 лѣтъ.

[2]) См. слѣдующее письмо.

дай и топорище—не будетъ ли ваша милость при случаѣ сдѣлать и сообщить мнѣ справку о немъ—кто онъ, гдѣ, когда былъ и какъ о немъ судятъ ученые? Самую коротенькую. За обѣщаніе справки объ искусствѣ (о понятіи его) очень благодарю. Если случится то сдѣлайте, а нарочно не трудитесь. Въ Платонѣ я посмотрю самъ: у меня есть. Послѣднюю статью Тимирязева прочелъ [1]). Очень дурно, нравственно дурно, а потому навѣрно и всячески дурно. Непремѣнно сличу [2]) п. ч. все это дѣло двояко и въ частности (о васъ) и въ общемъ интересуетъ меня.—И еще просьба. Жена три письма писала Сережѣ [3]) и не получая отвѣта безпокоится. Родныхъ никого въ Пб-гѣ нѣтъ. Будьте такъ добры сдѣлайте это для насъ напишите ему или зайдите и извѣстите насъ, а его распекните т. к. по всей вѣроятности—отъ безпечности. Я живу очень радостно много Богъ даетъ радостно (sic) со всѣхъ сторонъ; да и научаешься понемногу смотрѣть по совѣту Эпиктета на вещи такъ, чтобы все обращалось въ радость.—Макарій—это Сушкинъ [4])?—Ну пока прощайте.

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 6 авг. 1889.

224. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

13-го августа 1889 г. Петербургъ.

Готфридъ Арнольдъ родился въ Саксоніи въ 1666 году и умеръ въ 1714 [5]). Онъ былъ лютеранинъ, сталъ піэтистомъ подъ вліяніемъ Спенера, котораго былъ ученикомъ и другомъ, и піэтистомъ умеръ. Но въ самый расцвѣтъ жизни (около 1700) онъ много лѣтъ былъ сепаратистомъ, христіаниномъ безъ церкви и вдавался въ сильный мистицизмъ. Тогда онъ бросилъ мѣсто профессора исторіи Гиссенскаго Университета и написалъ разныя мистическія книги, а также свою Kirchenhistorie. Въ одной изъ мистическихъ книгъ онъ проповѣдывалъ безбрачіе, какъ высшую степень совершенства, а потомъ вдругъ самъ женился. Пріятель его мистикъ Гихтель очень огорчался, особенно, когда пошли дѣти. «Онъ впалъ въ дѣтей!» писалъ Гихтель. Вообще, постоянства было немного у Арнольда, но рвеніе необыкновенное. Писаніямъ его нѣтъ конца. Онъ перевелъ на нѣмецкій множество назидательныхъ книгъ, Ѳому Кемпійскаго, Макарія Египетскаго и т. д.

---

[1]) „Безсильная злоба антидарвиниста“.

[2]) Статью Страхова „Всегдашняя ошибка дарвинистовъ“ (1887) со статьею Тимирязева, возражавшаго на эту статью.

[3]) Графъ С. Л. Толстой.

[4]) См. выше.

[5]) Страховъ отвѣчаетъ на вопросъ Толстого, заданный ему въ предыдущемъ письмѣ.

Kirchenhistorie надѣлала страшнаго шуму и лѣтъ сорокъ продолжались опроверженія и споры. Это исторія церкви, разсказанная съ точки зрѣнія сепаратиста и мистика. Арнольдъ вездѣ беретъ сторону сектантовъ и еретиковъ противъ господствующей церкви, и противъ католической и противъ протестантской. Поэтому онъ очень пристрастенъ, вопреки заглавію своей книги, но совершенно добросовѣстенъ и одушевленъ наилучшимъ духомъ. Нѣмцы очень любили эту книгу и она считается произведшею переворотъ въ пониманіи церковной исторіи. Знаменитый Томазій (1655—1728), тотъ самый, который добился уничтоженія процессовъ противъ вѣдьмъ, говорилъ, что исторія Арнольда «лучшая книга послѣ Библіи». Ученые теперь считаютъ ее очень недостаточною, какъ исторію, но до сихъ поръ цѣнятъ потому, что въ ней приведено много первоисточниковъ, цѣликомъ помѣщены разныя писанія сектантовъ и мистиковъ. Поэтому до сихъ поръ историки ссылаются на нее.

Гёте говоритъ объ ней въ концѣ 8-й книги Dichtung u. Wahrheit. Онъ тутъ излагаетъ религіозныя понятія, которыя составилъ себѣ въ молодости, и говоритъ, что при этомъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Арнольда. Онъ называетъ его историкомъ, исполненнымъ благочестія и чувства.

А впрочемъ, двѣ страницы, на которыхъ изложена тогдашняя теософія Гёте, довольно смутны и безжизненны.

Словомъ Благочестивый я перевожу fromm, но это дурной переводъ; мнѣ не нравится русское слово, тогда какъ нѣмецкое кажется мнѣ удивительнымъ, выражающимъ чистѣйшую религіозность.

Вотъ справка объ Арнольдѣ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Что касается до Сережи [1]), то я надѣюсь, Вы уже дня два или три тому назадъ получили отъ него письмо. Онъ былъ у меня по предписанію начальства, потому что графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ [2]), къ которому я обратился, въ этотъ самый день неожиданно былъ сдѣланъ его начальникомъ. Разумѣется все это шутка; Вы угадали, что онъ не писалъ по безпечности. Но кромѣ того, онъ дѣйствительно много работаетъ на своей службѣ; пріятно видѣть, что отъ этого онъ сталъ оживленнѣе, чуточку похудѣлъ и не имѣетъ и тѣни увальня. Правда, онъ получилъ видъ свѣтскаго столичнаго молодого человѣка, но въ сущности остался, конечно, тѣмъ же Сережей. Голе-

---

[1]) Сынъ Толстого; съ 1890 г. служилъ Земскимъ Начальникомъ 5-го участка Чернскаго уѣзда Тульской губерніи.

[2]) Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1848 — 1913), извѣстный поэтъ, бывшій въ 1876 г. Тверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, затѣмъ Предсѣдателемъ Съѣзда мировыхъ судей въ Твери, а съ 1889 до 1895 г.—Управляющимъ Дворянскимъ Поземельнымъ Банкомъ; съ 1895 г. до смерти былъ секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а съ 1900 г. почетнымъ академикомъ.

нищевъ-Кутузовъ, по моему, есть настоящее сокровище—умный, добрый, скромный, истинный аристократъ по простотѣ и изяществу, хотя фигура его простонародно-грубоватая. Въ Петербургѣ я никого такъ не люблю, какъ его. Онъ женатъ [1]), имѣетъ дочь лѣтъ десяти [2]), пишетъ хорошіе стихи, любитъ деревню, но не имѣетъ состоянія и потому служитъ въ Банкѣ — — —

Благодарю Васъ за Вашъ отзывъ объ Тимирязевѣ; Вы меня ободряете [3]). Его статьи не даютъ мнѣ покоя, я все обдумываю на нихъ возраженіе и хочу сдѣлать жестокое, то есть ясно выставить его глупость, хотя безъ рѣзкихъ словъ. Ну гдѣ у такихъ людей наука, интересъ къ дѣлу? Будь этотъ интересъ, и никогда не вышло бы нравственно дурно, какъ Вы пишете. Мнѣ досадно, что споръ по винѣ Вл. Соловьева и Тимирязева, идетъ такъ нелѣпо; я это и выскажу и докажу.

О. Макарій — Сушкинъ, и я объ немъ теперь пишу, ужасаясь только тому, что не могу расписаться и что у меня выйдетъ должно быть очень слабо. Статья будетъ маленькая и мнѣ хочется только высказать одну мысль, о той радости, которую можно найти въ монашествѣ и которая такъ и свѣтилась въ о. Макаріѣ [4]).

Погода у насъ скверная; уже лѣто наше кончилось, все дожди и вѣтры, и тепла уже мало. Я простудился и бронхитъ вѣроятно съ недѣлю продержитъ меня въ комнатахъ. Но въ такихъ случаяхъ я чувствую себя какъ-то нормальнѣе; а то я все пытаюсь нарушить свое одиночество и только живѣе его чувствую.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго. Душевно благодарю Васъ за письмо — для меня это такая радость! Какъ идетъ Ваше писаніе? Прошу Васъ сравнить хоть двѣ-три моихъ главы (начиная съ третьей) съ Тимирязевскими. Простите меня! Графинѣ мое усердное почтеніе, а также Татьянѣ Андреевнѣ и Александру Михайловичу [5]) и всѣмъ кто меня помнитъ.

Вашъ Н. Страховъ.

1889. 13 авг. Спб.

О книжкахъ Киркегора [6]) я справлялся въ книжной лавкѣ—ни-

---

[1]) На Ольгѣ Андреевнѣ, рожд. Гулевичъ.

[2]) Графиня Татьяна Арсеньевна, впослѣдствіи фрейлина, въ февралѣ 1911 г. вышедшая замужъ за Анатолія Анатольевича Куломзина.

[3]) Этотъ отзывъ Толстого Страховъ поспѣшилъ съ радостью сообщить В. В. Розанову въ письмѣ къ нему отъ 13-го же августа 1889 г. (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I. С.-Пб. 1913, стр. 191).

[4]) Статья „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Аѳонъ (1881 г.)“ (см. выше, стр. 386).

[5]) Кузминскимъ.

[6]) Имѣются въ виду религіозно-нравственныя и назидательныя сочиненія и проповѣди датскаго мыслителя-поэта Сёрена Киркегора (род. 1813, ум. 1855 г.), автора многочисленныхъ книгъ, имѣвшихъ въ свое время широкій кругъ читателей.

чего не знаютъ. Не нашла ли ихъ Татьяна Львовна [1])? Тогда можно узнать, гдѣ ихъ купить.

225. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

31-го августа 1889 г. Петербургъ.

Меня принуждаютъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, обратиться къ Вамъ съ просьбою. «Русскій Вѣстникъ» былъ бы очень счастливъ, если бы могъ напечатать Вашу повѣсть [2]), о которой уже здѣсь пронеслись слухи. Условія будутъ зависѣть отъ Васъ. Могу вполнѣ ручаться, что условія будутъ въ точности исполнены.

Прошу Васъ простить меня, если понапрасну безпокою Васъ. Мнѣ нельзя было отказаться и я совершенно не знаю, какъ Вы думаете распорядиться съ Вашимъ новымъ произведеніемъ.

Дай Богъ Вамъ благополучно его кончить; жду его съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Покорно Васъ благодарю за Киркегора [3]); такъ это оттиски статей, которыя я уже видѣлъ! Прочту ихъ всласть и постараюсь достать нѣмецкій полный переводъ—почему-то много жду отъ этого писателя.

Самому мнѣ все еще не здоровится и я едва началъ выходить.— Но сидя дома я написалъ свое Воспоминаніе объ Аѳонѣ [4]), которое, въ сущности есть маленькая защита монашеской жизни.

Боже мой! Уже началась осень, короткіе, пасмурные, холодные дни! Не могу я привыкнуть къ Петербургу, и это лѣто вполнѣ убѣдило меня, что въ этомъ климатѣ самые красные дни для меня мучительно непріятны.

На досугѣ я прочиталъ La terre, Nana [5]). Предметы очень серьезные; но какъ—наляпано и сколько фантастическихъ преувеличеній и сочиненныхъ эффектовъ! Что же до Nana, то очевидно, авторъ не въ силахъ положить разницу между публичной женщиной и честной. Публичная отличается только тѣмъ, что имѣетъ способность возбуждать къ себѣ неистовыя, безумныя пассіи— —нѣтъ, это не такъ!

Еще разъ—простите меня. Софьѣ Андреевнѣ мое усердное почтеніе и Татьянѣ Андреевнѣ [6]). Великая благодарность Татьянѣ Львовнѣ [7]) за ея хлопоты и письмо. Александръ Михайловичъ [8]) конечно уже здѣсь теперь.

Вашъ душевно и неизмѣнно преданный

1889. 31 авг. С.-пб. Н. Страховъ.

---

[1]) Дочь Толстого, по мужу Сухотина.
[2]) „Крейцерова Соната“.
[3]) См. въ предыдущемъ письмѣ.
[4]) Для „Русскаго Вѣстника“; см. выше.
[5]) Романы Эмиля Зола.
[6]) Кузминской.
[7]) Дочь Толстого (Сухотина).
[8]) Кузминскій.

226. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[12-го сентября 1889 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ!

Свое писанье к. я почти кончилъ я съ Тат. Андр. [1]) посылаю въ П-бгъ для напечатанія у Гайдебурова [2]). Я выбралъ Гайд. п. ч. его изданіе безцензурно и [онъ] не враждебно христіанству. Условія мои одни то чтобы не б. условій и чтобы тутъ же заявить что это сочиненіе не составляетъ ни чьей собственности, и я прошу всѣхъ перепечатывать и переводить его.—Говорятъ что оно опять нецензурно принимая во вниманіе нашу теперешнюю. Вообще вы поможете я надѣюсь и прошу васъ въ этомъ дѣлѣ, въ печатаніи въ исключеніи измѣненіи чего нужно [3]).—Посылаю вамъ присланную мнѣ моими кореспондентами по Общ. трезвости [4]) Бунге брошюру. Мнѣ она очень понравилась, б. интересна и показалось что вамъ она также будетъ пріятна, потому посылаю вамъ. Понравилось мнѣ особенно то что по его мнѣнію совершенно обратно тому что проповѣдуется всѣми всякій шагъ физіологіи впередъ все больше и больше [показы] разсѣиваетъ заблужденіе объ механическомъ объясненіи всѣхъ явленій міра [м].

Ну пока до свиданія на томъ или этомъ свѣтѣ. У насъ все хорошо несмотря на то что дѣти осенью хвораютъ. Обѣщаніе вамъ прослѣдить, сличая вашу статью и Тем. [5]) еще не исполнилъ, но намѣренъ. Въ какомъ положеніи ваше это дѣло? Да и всѣ ваши писательскія дѣла?

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 12 сент. 1889 г.

---

[1]) Кузминская, свояченица Толстого.

[2]) Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ (род. въ 1841 г., ум. 1893 г.), публицистъ, издатель „Недѣли“.

[3]) Рѣчь идетъ объ напечатаніи „Крейцеровой Сонаты“. Появленіе ея въ „Недѣлѣ“ не состоялось. 2-го ноября Страховъ писалъ В. В. Розанову: „Крейцерова Соната“ есть вещь удивительная, одна изъ самыхъ крупныхъ вещей Льва Николаевича Толстого. Только на дняхъ я перечиталъ ее, но еще долго придется объ ней думать. Она не будетъ напечатана въ журналѣ, а отдѣльно, и я Вамъ пришлю ее („В. В. Розановъ. Литературные изгнанники“, т. I, С.-Пб. 1913 г. стр. 199). Однако, и это не состоялось, какъ не состоялось и намѣреніе Толстого напечатать повѣсть свою въ сборникѣ въ память С. А. Юрьева (Письма Толстого, подъ ред. П. А. Сергѣенко, т. I, М. 1910 г., стр. 188—189).

[4]) Въ это время Толстой принялъ горячее участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ и даже основалъ общество трезвости, подъ названіемъ „Согласіе противъ пьянства“. Присоединеніе къ этому обществу состояло въ добровольномъ обѣщаніи прекратить употребленіе спиртныхъ напитковъ. Имъ же написанъ рядъ статей въ этомъ направленіи“ (П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Краткій біографическій очеркъ, изд. Посредника, № 720, М. 1911, стр. 28).

[5]) Т. е., статью К. А. Тимирязева противъ Страхова (см. выше).

227. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

16-го сентября 1889 г. Петербургъ.

Весь къ Вашимъ услугамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, въ самомъ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, и буду радъ и счастливъ, если что-нибудь смогу сдѣлать. Мысль о томъ, что скоро буду читать Вашу повѣсть [1]), уже приводитъ меня въ восхищеніе; а тамъ и можно будетъ опредѣлить, въ чемъ затрудненіе и какъ съ нимъ бороться.

Но теперь мнѣ приходятъ на умъ слѣдующія мысли. Вы справедливо отдали предпочтеніе Недѣлѣ; но вѣдь это еженедѣльный журналъ, въ которомъ трудно помѣстить повѣсть сразу. Или это будетъ приложеніе отдѣльною книжкою? Во всякомъ случаѣ, если допускается перепечатка, то не возможно ли сдѣлать, чтобы повѣсть появилась въ одно время, или очень вскорѣ и въ Русскомъ Вѣстникѣ? Для того журнала, въ которомъ я участвую, я желалъ бы если не перваго, то хоть второго мѣста въ ряду изданій, имѣющихъ возможность напечатать Ваше произведеніе. Добросовѣстнѣйшій Павелъ Александровичъ [2]) вѣроятно будетъ вполнѣ сообразоваться съ Вашими желаніями. Итакъ, позволите ли мнѣ войти съ нимъ въ переговоры?

Брошюру Бунге [3]) я сейчасъ же прочелъ и очень благодарю Васъ, что меня вспомнили. Въ основной мысли онъ правъ и много сказалъ хорошаго. Какъ ясно видно, что человѣка стѣсняютъ установившіяся, затвердѣвшія узкія понятія! Но нѣкоторыя его возраженія неправильны. Напр. что органы чувствъ сообщаютъ намъ только механическія познанія. Слѣдовало бы сказать, что въ нашихъ органахъ чувствъ до сихъ поръ изслѣдованы только механическія условія. Самыя ощущенія не изслѣдованы, а въ нихъ-то и главная задача.

Какъ жаль, что у меня не хватаетъ силъ и бодрости, чтобы писать по части философіи природы!

Съ великимъ трудомъ я кончилъ свою статью Воспоминаніе объ Аѳонѣ. Теперь держу корректуру [4]). Часто думалъ: что-то Вы скажете? Можетъ быть дадите строгій приговоръ?

Теперь нужно написать страницу или двѣ объ Аполлонѣ Григорьевѣ: 25 сентября исполнится 25 лѣтъ послѣ его смерти [5]).

---

[1]) „Крейцерову Сонату“; ср. предыдущее письмо.

[2]) Гайдебуровъ.

[3]) См. предыдущее письмо.

[4]) Для „Русскаго Вѣстника“.

[5]) Статья Страхова „Поминки по Аполлонѣ Григорьевѣ“ появилась въ „Новомъ Времени“ 1889 г., № 4876 (перепечатана въ его сборникѣ „Воспоминанія и отрывки“, С.-Пб. 1892, стр. 247—255). Въ 1876 г. Страховъ издалъ I томъ сочиненій Григорьева (см. выше, стр. 75); т. II и III, къ сожалѣнію, не появлялись.

Потомъ примусь за Тимирязева [1]). Общій планъ отвѣта у меня уже составленъ, и, не бранясь и не смѣясь, я его допеку. Только мало у меня охоты, да и вообще писаніе идетъ такъ тяжело, какъ никогда не шло. Иногда я думаю: да не пора ли и совсѣмъ перестать? А потомъ вспоминаю Ваши слова о томъ, какъ мало мы умѣемъ цѣнить свои силы, и ободряюсь.

Завтра именины Софьи Андреевны. Дай ей Богъ всего хорошаго—мое душевное пожеланіе. Сережу [2]) и Александра Михайловича [3]) я видѣлъ въ самомъ блестящемъ видѣ, но только на минутку, на улицѣ.

Простите меня!

Всею душою Вашъ

1889. 16-го сент. Спб. Н. Страховъ.

228. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

27-го сентября 1889 г. Петербургъ.

Большое было мнѣ разочарованіе, безцѣнный Левъ Николаевичъ, когда Татьяна Андреевна [4]) сказала, что не привезла Вашей повѣсти [5]); я весь горѣлъ жадностію прочитать ее. Но если Вы поправляете, то я знаю уже по многимъ опытамъ,—поправите къ лучшему, и остается только радоваться и ждать. Говорила Татьяна Андреевна и о планахъ изданія. Мнѣ кажется, что единственный прямой и правильный планъ—напечатать съ Вашимъ именемъ отдѣльною книгою, пустить по очень дешевой цѣнѣ, только окупающей изданіе, и на самой книгѣ объявить, что Вы отказываетесь отъ правъ собственности: авторъ позволяетъ перепечатывать, кому угодно, безвозмездно и безнаказанно. Если Вы выпустите безъ имени, то во-первыхъ не можете объявить отреченія отъ собственности, а во-вторыхъ, хоть имени и не будетъ, а всѣ будутъ знать—напрасная игра въ жмурки,—да и можете сдѣлать соблазнъ: начнутъ печатать безъ имени другія повѣсти и приписывать ихъ Вамъ подъ рукою. Лучше сдѣлать прямо и просто, не выставляясь и не скрываясь, какъ это Вы до сихъ поръ дѣлали, какъ сдѣлали съ Властью Тьмы. Кажется, я тутъ мѣшаюсь не въ свое дѣло—но не боюсь. Вы простите меня, зная, что ничего во мнѣ нѣтъ, кромѣ чистаго усердія къ Вамъ.

Татьяна Андреевна не сдержала своего слова и передала мнѣ Вашъ совѣтъ—бросить полемику изъ-за Данилевскаго. Боюсь, что

---

[1]) Статья Страхова „Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго“ была напечатана въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“.

[2]) Графа С. Л. Толстого.

[3]) Кузминскаго.

[4]) Кузминская.

[5]) „Крейцеровой Сонаты“.

она не все сказала, что Вы ей поручали, но объясню Вамъ теперь, въ какомъ положеніи дѣло. Мнѣ оно опротивѣло и, къ счастію, нужды въ немъ никакой нѣтъ, т. е. уже нѣтъ, такъ какъ шумъ изъ-за книгъ Данилевскаго поднятъ страшный, и теперь непремѣнно станутъ объ нихъ писать. Вонъ Карѣевъ уже написалъ [1]) въ Р. Мысли объ Россіи и Европѣ,—написалъ безтолково, но все-таки лучше Соловьева! Съ своей стороны я задумываю только маленькую статейку для заключенія спора, статейку преимущественно объ Тимирязевѣ. Кстати: въ концѣ декабря здѣсь будетъ Съѣздъ натуралистовъ, и надѣюсь, что вопросъ объ Дарвинизмѣ будетъ обсуждаться на этомъ съѣздѣ. Во всякомъ случаѣ, я совершенно спокоенъ, не то что при первыхъ нападеніяхъ Соловьева и Тимирязева; поэтому, если буду писать, то напишу совершенно въ кроткомъ духѣ. Въ словахъ Татьяны Андреевны мнѣ было не ясно, что дурнаго Вы находите въ продолженіи этой полемики? Я самъ уже каюсь въ своей горячности и постараюсь загладить ее.

Посылаю Вамъ мои послѣднія печатанья: объ Аполлонѣ Григорьевѣ (въ Н. Времени) [2]) и объ Розановѣ [3]). Это все не важно, но и такъ коротко, что мнѣ не очень совѣстно обременять Васъ. Увы! приходится все писать и писать, а охота замѣтно убываетъ.

Въ Петербургѣ все очень спокойно, все затихаетъ и застываетъ больше и больше. Или это мнѣ такъ кажется и я самъ застываю?

Простите меня. Софьѣ Андреевнѣ мое усердное почтеніе.

Всей душой Вамъ преданный

1889. 27 сент. Спб Н. Страховъ.

229. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

6-го ноября 1889 г. Петербургъ.

Вашу повѣсть, безцѣнный Левъ Николаевичъ, я слышалъ 28 Октября у Кузминскихъ въ большомъ обществѣ; читалъ Кони [4]), очень хорошо. Простите, что до сихъ поръ я не написалъ Вамъ;

---

[1]) Статья профессора С.-Петербургскаго Университета Николая Ивановича Карѣева о книгѣ Данилевскаго помѣщена была въ сентябрьской книгѣ „Русской Мысли“ за 1889 г., стр. 1—32.

[3]) Ср. въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) Т. е., о книгѣ В. В. Розанова „О пониманіи“ (см. выше, въ письмѣ № 221). Рецензія на нее Страхова была напечатана въ 265 части „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (сентябрь 1889 г., отд. II, стр. 124—131); перепечатана въ книгѣ „Философскіе очерки“, С.-Пб. 1895.

[4]) Вспоминая объ этомъ чтеніи, Анатолій Ѳедоровичъ Кони пишетъ, что онъ „останавливался отъ внутренняго волненія, сообщавшагося и слушателямъ этого удивительнаго произведенія“ („На жизненномъ пути“ т. 2, С.-Пб. 1912, стр. 8).

мѣшали дѣла, да я надѣялся, что хорошенько обдумаю, и ждалъ, что мнѣ дадутъ рукопись и я еще лучше пойму, когда перечту. Но время идетъ, и хочу написать, что понялъ по первому впечатлѣнію.

Сильнѣе этого Вы ничего не писали, да и мрачнѣе тоже ничего. Много есть замѣчаній и описаній изумительныхъ по глубинѣ, до которой они проникаютъ въ душу, и страшныхъ по своей правдѣ. А сказаны и схвачены такъ просто и ясно! Герой Вашъ—несравненный примѣръ эгоиста, и эгоизмъ его является во всей своей отвратительности. Какъ хорошо, что онъ убиваетъ жену не за вину, а просто по ревности, для которой у него въ душѣ нѣтъ ничего сдерживающаго, и которая совершенно права въ отношеніи къ его женѣ. Какой ужасъ! Какія мученія! Онъ убилъ, но они все-таки продолжаютъ ненавидѣть другъ друга—вотъ гдѣ верхъ несчастія и страданія!

Что и говорить—правда дышетъ въ каждой строкѣ, въ каждой сценѣ. Не смотря на то, я замѣтилъ, что впечатлѣніе у слушающихъ было смутное, да и мнѣ самому что-то мѣшало вполнѣ вникать въ отдѣльныя мысли и описанія. Вы взяли форму разсказа отъ лица самого героя, форму, которая Васъ очень связывала, а у слушателей являлись вопросы: кто собесѣдникъ? Почему разсказчикъ долго-долго не приступаетъ къ дѣлу, а ведетъ разсужденія объ общихъ вопросахъ? Притомъ, есть какъ мнѣ показалось, одна главная неясность: въ какомъ духѣ онъ разсказываетъ? По нѣкоторымъ мѣстамъ можно подумать, что эгоизмъ въ немъ сломленъ, и онъ уже видитъ свои дѣйствія въ истинномъ ихъ значеніи; по другимъ кажется, что онъ готовъ опять и безъ конца убивать свою жену, и нѣтъ въ немъ и тѣни раскаянія.

Кромѣ того, развязка происходитъ слишкомъ быстро, т. е. мало разсказано до той минуты, когда появляется музыкантъ. Поэтому кажется, что герой—не вполнѣ нормальный человѣкъ, непомѣрно ревнивъ и нервенъ. Между тѣмъ онъ человѣкъ обыкновенный и постепенно пришелъ въ такое состояніе. Долгія разсужденія, которыя предшествуютъ разсказу, глубокія и важныя, теряютъ силу отъ ожиданія, въ которомъ находится слушатель. Ихъ слѣдовало бы положить въ сцены, которыя, однако, не могъ продолжительно разсказывать убійца, занятый больше всего послѣднею сценою—убійствомъ.

Но какое богатство содержанія! Напримѣръ разсужденія о докторахъ, о музыкѣ, о дѣтяхъ—да всѣхъ не пересчитаешь! А мысль о томъ, что люди перестанутъ наконецъ совершать грѣхъ, ведущій къ дѣторожденію! Она меня очень восхитила. Вообще, хотя многое взято односторонне, но удивительно вѣрно, и односторонность понятна у человѣка, который приведенъ къ убійству жизнью безъ понятій о долгѣ, жизнью самоугожденія, всѣми теперь принятою и проповѣдываемою.

Вѣроятно я съ каждымъ новымъ чтеніемъ буду все больше влюбляться въ Вашу повѣсть—такъ вѣдь всегда со мною.

Теперь скажу Вамъ смѣшное. Цетербургъ, какъ Вы знаете, населенъ людьми очень стыдливыми и строгими насчетъ нравственности. Вашу повѣсть нашли неблагопристойною. Редакторъ [1]) Бергъ, успѣвшій втереться на чтеніе, пришелъ въ великое смущеніе отъ упоминаній объ онанизмѣ, сифилисѣ и т. д. Простите меня, ради Бога, что я уступилъ просьбѣ подобныхъ пустоголовыхъ людей и серьезно предлагалъ Вамъ печататься въ Р. Вѣстникѣ. Не повѣрите, какъ мнѣ самому тяжелы эти неизбѣжныя сношенія; я почти ненавижу и «Р. Вѣстникъ» и «Новое Время», а приходится съ ними имѣть дѣло, быть ихъ товарищемъ, сотрудникомъ и водиться съ ними по пріятельски. Какія времена настали!

Съ Вл. Соловьевымъ мы видимся, т. е. больше онъ бываетъ у меня, но онъ все злодѣйствуетъ въ В. Европы, и я считаю долгомъ не молчать передъ нимъ объ этомъ. Въ послѣдней статьѣ онъ опирается на мнѣнія Пыпина, пишетъ, что сталъ его продолжателемъ. О, какой же вѣтеръ въ этой головѣ! И все ему нужно писать сообразно съ настоящей минутой; онъ публицистъ и политикъ не хуже Каткова. Нужно надѣлать побольше шума—вотъ главная цѣль [2]).

Моя отвѣтная статья Тимирязеву почти готова [3]). Не знаю, будете ли Вы довольны, но его истинная злоба показала мнѣ, какъ я дурно прежде написалъ, и я взялъ теперь совершенно спокойный тонъ. Статья будетъ маленькая.

Здоровье мое очень хорошо. Недавно я зашелъ къ Рѣпину, и онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, говоритъ: «а вѣдь портретъ не похожъ! Вы гораздо лучше». И дѣйствительно, что-то во мнѣ наладилось, что тогда скрипѣло.

Дай и Вамъ Богъ здоровья и всего хорошаго! Софьѣ Андреевнѣ мое усердное почтеніе. Къ слову—графиня Александра Андреевна [4])

---

[1]) Редакторъ „Русскаго Вѣстника“ Ѳ. Н. Бергъ.

[2]) 3-го августа Страховъ писалъ В. В. Розанову: „Соловьевъ былъ у меня нѣсколько разъ и видимо старался разсѣять неудовольствіе, которое мнѣ сдѣлалъ. Двѣ его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“—одна о церкви, другая о славянофилахъ—очень слабы, но очень занозисты; кажется, онѣ не сдѣлали большого впечатлѣнія“ (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 188).

[3]) „Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго“, появившаяся уже въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ (перепечатана въ книгѣ Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, кн. 2, изд. 2, С.-Пб. 1890, стр. 542—567); подъ нею помѣта: 9 ноября 1889 г.

[4]) Толстая, другъ Л. Н. Толстого; переписка ихъ, изданная Толстовскимъ Музеемъ въ 1911 году. неоднократно нами цитировалась.

много со мной говорила на чтеніи Вашей повѣсти [1]) и велѣла къ себѣ явиться. Она мнѣ очень понравилась—есть у нея выраженіе истинной доброты. А больше всего на чтеніи меня заняла Татьяна Андреевна [2]). Никто не слушалъ съ такою жадностію; она вся волновалась отъ впечатлѣнія. Ну а послѣ нея всѣхъ жаднѣе былъ я,

Вашъ неизмѣнно преданный

1889. 6 Ноября. Н. Страховъ.

230. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[17-го ноября 1889 г. Ясная Поляна].

Спасибо Николай Николаевичъ [3]) за письмо. Я очень дорожилъ вашимъ мнѣніемъ [4]) и получилъ сужденіе гораздо болѣе снисходительное чѣмъ ожидалъ. Въ художественномъ отношеніи я знаю что это писаніе ниже всякой критики: оно произошло двумя пріемами и оба пріема несогласные между собой и отъ этого то безобразіе к. Вы слышали. Но все таки оставляю какъ есть и не жалѣю, не отъ лѣни, но не могу поправить: не жалѣю же отъ того, что знаю вѣрно, что то что тамъ написано не то, что небезполезно а навѣрное очень полезно людямъ и ново отчасти. Если художественное писать, въ чемъ не зарекаюсь то надо сначала и сразу.

Очень радуюсь слышать о васъ хорошія вѣсти и о здоровьи и о работахъ—главное что отвѣтъ Тимир. и краткій и кроткій [5]). Это вашъ идеалъ. Посмотримъ съ интересомъ большимъ. У насъ все благополучно. Живемъ въ деревнѣ, жена не скучаетъ [6]). Учитель очень удачный и русскій—дарвинистъ большой [7]), швейцарецъ—изъ арміи спасенья [8]). Дѣти хвораютъ но немножко. Я занятъ и здоровъ. Чего и вамъ желаю.

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 17 ноября 1889.

---

[1]) „Крейцеровой Сонаты“ у Кузминскихъ.

[2]) Кузминская.

[3]) Я такъ запутался въ разныхъ эпитетахъ при обращеніи, что рѣшилъ отнынѣ не употреблять никакихъ. [Примѣчаніе Толстого].

[4]) О „Крейцеровой Сонатѣ“.

[5]) См. предыдущія письма.

[6]) Зиму 1889 и 1890 гг. Толстой проводилъ въ Ясной Полянѣ, откуда графиня Софья Андреевна ежемѣсячно ѣздила въ Москву „по дѣламъ книжнымъ и навѣщать сына Льва, поступившаго въ Университетъ“. (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 338).

[7]) Алексѣй Митрофановичъ Новиковъ, впослѣдствіи докторъ, приватъ-доцентъ Московскаго Университета, ассистентъ профессора Снегирева (тамъ-же, стр. 338); онъ занимался съ сыновьями Толстого—Андреемъ и Михаиломъ Львовичами. См. его любопытную статью: „Л. Н. Толстой и И. И. Раевскій“ въ „Международномъ Толстовскомъ Альманахѣ, составленномъ П. Сергѣенко“, М. 1909.

[8]) Holzapfel, гувернеръ при младшихъ сыновьяхъ Толстого (тамъ же).

230а. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[Конецъ 1880-хъ—начало 1890-хъ гг. Москва].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Письмо это вамъ передастъ Алексѣй Алексѣевичъ, вамъ извѣстный Гатцукъ [1]), мой добрый знакомый. Онъ ѣдетъ въ Пбгъ хлопотать о своихъ дѣлахъ по цензурнымъ запрещеніямъ. Мнѣ кажется что вы можете помочь ему совѣтомъ, и знаю что вы это захотите и можете сдѣлать.

Любящій Васъ Л. Толстой.

231. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[4-го февр. 1890 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаичъ.

Чувствую, что я былъ очень дуренъ передъ Вами въ Пбгѣ. Но ваше пристрастіе ко мнѣ надѣюсь преодолѣетъ дурное впечатлѣніе. Пожалуйста сдѣлайте чтобы это такъ было. Я и всегда-то неловокъ въ обращеніи съ людьми, а заѣду въ Петерб. то ужъ совсѣмъ ошалѣю.—Ну будетъ жалобить васъ. Я слава Богу здоровъ, дома хорошо и хорошо работалъ, но жизнь ужасно коротка и осталось ея я знаю немного.—Изданіе продалъ Салаеву.—Поѣздка моя въ Петерб. и за этими гадкими денежными дѣлами и вся эта суета [2]) испортила меня значительно нравственно, но повѣрите ли этотъ упадокъ нравственный облегчилъ меня. Кромѣ того во время моей поѣздки я чтобы поддерживать свои силы много ѣлъ, пилъ вино и вернувшись продолжалъ тотъ же образъ жизни, и мнѣ стало лучше во всѣхъ отношеніяхъ [3]).

Работа моя очень утомляетъ меня. Я все передѣлываю—не измѣняю,—а поправляю сначала и боюсь что много пишу лишняго и каждый день думаю о вашемъ судѣ. Что вы дѣлаете? Напишите мнѣ также про себя. А главное любите меня попрежнему и изрѣдка пишите.

Любящій васъ Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 4 февр. 1890, Ясная.

---

[1]) А. А. Гатцукъ (род. 1832 г., ум. въ Москвѣ 23-го октября 1891), археологъ, публицистъ, извѣстный издатель „Крестнаго Календаря“ и „Газеты Гатцука“; онъ участвовалъ въ переводѣ „Quelle est ma vie“, исполненномъ E. Pagés'омъ (изд. Paris. 1888).

[2]) Въ подлинникѣ слова „и вся эта суета“ дописаны подъ строкой и вставлены передъ „дѣлами“.

[3]) По этому поводу въ газетахъ появилось извѣстіе, что Толстой присутствовалъ во фракѣ на какомъ-то великосвѣтскомъ балу, участвовалъ въ танцахъ и т. под. См. письмо его къ Г-ну В—ву отъ 6-го февраля 1890 г. въ Новомъ сборникѣ писемъ Толстого, изд. Окто, М. 1912, стр. 80—81.

232. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

24-го апрѣля 1890 г. Петербургъ.

Что Вамъ написать, безцѣнный Левъ Николаевичъ? О своихъ работахъ не знаю что сказать. Вѣроятно мой Аѳонъ [1]) Вы нашли одностороннимъ, краткій и кроткій отвѣтъ Тимирязеву [2])—не довольно кроткимъ, Сборника Н. Я. Данилевскаго [3]), можетъ быть, вовсе не читали, но можетъ быть обратите вниманіе на мою послѣднюю книжку—2-е изданіе 2-го тома Борьбы [4]). Очень и очень прошу Васъ, прочтите предисловіе къ этому изданію, а объ остальномъ, т. е. о Роковомъ вопросѣ и что къ нему относится (все это Вамъ неизвѣстно), не смѣю просить, чтобы Вы прочитали: писано это слишкомъ по журнальному, хотя и касается такого важнаго дѣла, какъ наши отношенія къ Полякамъ [5]). Вы знаете, конечно, что ничье вниманіе, ничей отзывъ мнѣ такъ не дороги, какъ Ваши, хотя чувствую, что полной похвалы я уже не могу заслужить отъ Васъ.

Успѣхъ мой у публики до сихъ поръ растетъ, хотя есть какое-то колебаніе и я начинаю ждать минуты, когда книги мои перестанутъ настолько расходиться, чтобы можно было еще и еще издавать. Напримѣръ, Замѣтки о Пушкинѣ [6]), кажется сѣли. Аѳонъ имѣлъ удивительный успѣхъ—конца не было похваламъ. Кстати—наконецъ я познакомился съ Александрой Алексѣевной [7]) Толстой; она встрѣтила меня у Кузминскихъ, позвала къ себѣ, и дважды я по часу и больше сидѣлъ у нея. Она все нападаетъ на Васъ, а я защищаю Васъ. По случаю Аѳона она сказала: «ну, я прочла и вижу, что Вы вѣрующій...» Я сталъ отрекаться и указывалъ на то, что въ моемъ разсказѣ этого нѣтъ. Она очень добра и очень чиста. Какая прямота и искренность! А все-таки—нѣтъ у нея

---

[1]) Статью „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Аѳонъ“—въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1889 г.

[2]) „Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго“—въ декабрьской книжкѣ того же журнала.

[3]) Изданный Страховымъ „Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго“, С.-Пб. 1890 г.

[4]) „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, С.-Пб. 1890; сюда вошли статьи Страхова по дарвинизму (споръ его съ Фаминцынымъ и Тимирязевымъ).

[5]) Статья Страхова „Роковой вопросъ“, напечатанная впервые въ 1863 г., въ апрѣльской книжкѣ журнала „Время“ и касающаяся Польскаго возстанія, перепечатана въ сборникѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ (стр. 111—146).

[6]) Изд. 1888 г.; новое, посмертное, изданіе выпущено въ 1897 году И. П. Матченкомъ въ Кіевѣ, съ прибавленіемъ двухъ замѣтокъ о Фетѣ и одной о графѣ А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ.

[7]) Надъ строкой надписано: Андреевной. См. выше, въ концѣ письма № 229.

настоящаго дѣла и она волнуется и хлопочетъ, чтобы наполнить жизнь.

Къ новому году Академія Наукъ выбрала меня членомъ-корреспондентомъ. Почему-то я былъ очень этимъ доволенъ, хотя выбранъ по Отдѣленію языка и словесности, т. е. за хорошій слогъ. Теперь стараюсь пріучить себя говорить: у насъ въ Академіи [1]).

Успѣхъ Россіи и Европы [2]) все еще растетъ, т. е. книга быстро расходится, и случается слышать большіе восторги отъ тѣхъ, кто въ первый разъ прочелъ.

Теперь я уже кончилъ всѣ хлопоты съ умственнымъ наслѣдствомъ Данилевскаго и принимаюсь за свои темы—о времени, числѣ и пространствѣ [3]), и еще о законѣ сохраненія энергіи [4]). Вторую тему думаю обработать лѣтомъ—можно будетъ дѣлать это во время поѣздокъ.

Здоровье мое не очень важное—грудь и животъ часто не даютъ выходить изъ дому. Но голова свѣжа и старость подходитъ, кажется, покойная. Слышалъ я, что Васъ мучили желчевые камни и очень сожалѣлъ.

Вотъ мой полный отчетъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Одного тутъ не достаетъ—моей нравственной жизни, и все мнѣ думается, что я что-то откладываю, что есть что-то самое серьезное, за что нужно взяться всею душою, и чего я не дѣлаю. А впрочемъ, идеалъ жизни не есть ли жизнь самая простая, не притязательная, не порывающаяся? На дѣло не напрашивайся и отъ дѣла не отказывайся—какъ бы найти это равновѣсіе?

Съ Крейцеровою Сонатою—въ литературномъ отношеніи я совершенно помирился, видя, какъ дѣйствуетъ Ваша повѣсть. Конечно Вы знаете, что цѣлую зиму только объ ней и говорили и что вмѣсто какъ Ваше здоровье? обыкновенно спрашивали: читали ли Вы Крейцерову Сонату? Цензура очень Вамъ услужила, задержавши печатаніе, и Соната извѣстна теперь и

---

[1]) „Вы знаете,—писалъ Страховъ В. В. Розанову 5-го января 1890 г.,—меня выбрала Академія Наукъ членомъ-корреспондентомъ. Вотъ награда, которая была мнѣ очень пріятна“. (В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 210). Толстой былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи (такъ же какъ и Страховъ—по отдѣленію Русскаго языка и словесности) 29-го декабря 1873 г.,—одновременно съ графомъ Алексѣемъ Константиновичемъ Толстымъ (Б. Л. Модзалевскій, Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1908 стр. 239).

[2]) Книга Н. Я. Данилевскаго, которой Н. Н. Страховъ въ 1889 г. выпустилъ 4-е изданіе (5-е вышло въ 1895 г.).

[3]) Надъ статьей этой Страховъ работалъ и въ іюнѣ (В. В. Розановъ, Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 222).

[4]) Тамъ же, стр. 224—225. Статья была закончена 23-го ноября 1890 г. и появилась въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“.

тѣмъ, кто не читалъ Ивана Ильича [1]) и Чѣмъ люди живы,—или читалъ, да ровно ничего не вынесъ. А Соната написана такъ, что всѣхъ задѣла, самыхъ безтолковыхъ, которые приходили бы только въ глупый сладкій восторгъ, если бы она была написана полною художественною манерою. Какъ естественно, что Вы торопились высказать нравоученіе! Эта искренность и естественность подѣйствовали сильнѣе всякаго художества. Вы въ своемъ родѣ единственный писатель: владѣть художествомъ въ такой превосходной степени и не довольствоваться имъ, а выходить прямо въ прозу, въ голое разсужденіе—это только Вы умѣете и можете. Читатель при этомъ чувствуетъ, что Вы пишете отъ сердца, и впечатлѣніе выходитъ неотразимое. Разныхъ мнѣній я передавать Вамъ не стану, хотя много было наговорено презабавныхъ глупостей. Поразительно то, что чаще всего не замѣчали нравственной цѣли, не видѣли осужденія эгоизма и распутства; такъ всѣ сжились съ привычками эгоизма и распутства, что прямо обижались на Васъ, зачѣмъ Вы нападаете на неизбѣжное и на то, съ чѣмъ мы прекрасно поживаемъ. Только молодые умные люди, только чуткія и умныя женщины понимали Ваше обличеніе, признавали зло, противъ котораго Вы возстали, и сочувствовали проповѣди цѣломудрія. Меня удивила Графиня Ал. Ал. [sic] Толстая—та прямо выпалила: «Какъ? Онъ хочетъ прекращенія рода человѣческаго?»—Точно на комъ-нибудь лежитъ обязанность хлопотать о продолженіи этого рода! Ужъ не завести ли случныя конюшни?

Простите меня—слишкомъ много я Вамъ наболталъ. Плоды просвѣщенія удалось мнѣ слышать у Татьяны Андреевны [2]) и я очень любовался—это картинно и смѣшно, и поучительно. Ну будетъ, будетъ мнѣ писать! Отъ всей души желаю Вамъ здоровья Мое усердное почтеніе Софьѣ Андреевнѣ. Татьянѣ Львовнѣ [3]) величайшая благодарность за Киркегора [4]). Читалъ я его, читалъ—силъ нѣтъ, какъ тяжело! Я досталъ потомъ нѣмецкій переводъ, цѣлую книгу,—думалъ будетъ легче. Нѣтъ, тоже самое! И переводчикъ его великій почитатель, пишетъ въ предисловіи, что не ручается вездѣ ли его понялъ. Ну какъ же это вышло, что такой непонятный писатель пріобрѣлъ большую извѣстность и нашелъ себѣ послѣдователей? Право, это трудно понять.

Вашъ неизмѣнно преданный

1890. 24 апр. Спб. Н. Страховъ.

P. S. Часто видаюсь съ Ольгой Александровной [5]). Она замучена дѣтьми и братомъ. Но и терпѣлива, и свѣтла.

---

[1]) Т. е. „Смерть Ивана Ильича“.
[2]) Кузминской.
[3]) Толстой.
[4]) См. выше.
[5]) Данилевская, вдова Н. Я. Данилевскаго.

233. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову [1].

[18-го мая 1890 г. Ясная Поляна].

Получилъ и вашу книгу [2] и ваше письмо, дорогой Николай Николаевичь. Изъ книги вашей началъ читать то чего не читалъ: атмосферн. явленія [3] и слѣд. Теперь прочту что вы указываете. Я заболѣлъ дней 18 тому назадъ и теперь еще не справился [4]. И болѣзнь очень хорошо, особенно при тѣхъ заботахъ к. я окруженъ и такъ мало страданій и такъ много поучительн., подвигающаго.—

Почему вы говорите что не оцѣню вполнѣ теперь ни однаго изъ вашихъ писаній? Нѣтъ оцѣню и оцѣняю—и очень—всѣ ваши работы научной критики и философіи и жду еще многаго для себя и для другихъ просвѣтительнаго въ этой области. Поѣздка мнѣ скорѣе не нравится—именно тѣмъ чѣмъ она нравится Гр. Алекс. Андревнѣ (не Алексѣвнѣ) Т. [5]. И утвержденіе о томъ что повтореніе десятки разъ сряду однихъ и тѣхъ же словъ можетъ быть не отвратительно по своему безумно и кощунственно механическому отношенію къ Богу, мнѣ очень противно. Противно п. ч. вредно. Надо намъ старикамъ глядя уже туда помогать людямъ распутываться, а не запутываться.—Ну, простите ради Христа. Ошибаюсь ли, нѣтъ ли, но передъ Богомъ считаю своей обязанностью сказать вамъ это. Мнѣ всегда душевно больно, когда я вижу въ васъ эти черты умышленнаго приниженія своего духовнаго я, во имя чего то такого мелкаго, ничтожнаго, какъ привычка, семья, народъ, ... Я знаю, что вы можете повторить: семья! народъ! . . . . . ничтожное; но отъ этаго отношеніе вашего духовнаго, божескаго я къ этимъ названіямъ игрушекъ человѣческихъ не станетъ другимъ. Нельзя идти назадъ. У меня есть очень умный знакомый Орловъ [6] к. говоритъ: я вѣрю какъ мужикъ въ Христа Бога и во все. Но вѣдь это нельзя. Если онъ вѣритъ, какъ мужикъ, въ Христа, то [вовсе уже не] этимъ самымъ онъ говоритъ, что

---

[1]) Отвѣтъ на предыдущее письмо Страхова.

[2]) „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“.

[3]) Одна изъ статей Страхова о Русской литературѣ начала 1860-хъ годовъ — „Воздушныя явленія“, написанная въ 1864 г., но впервые напечатанная въ сборникѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, стр. 176—208.

[4]) Толстой заболѣлъ воспаленіемъ печени, гостя у своего брата, графа Сергѣя Николаевича, въ с. Пироговѣ. Лѣчилъ его тогда д-ръ Рудневъ изъ Тулы (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 340).

[5]) Толстой; ср. въ предыдущемъ письмѣ.

[6]) Владиміръ Ѳедоровичъ Орловъ, пострадавшій по дѣлу С. Г. Нечаева; съ нимъ Толстой познакомился въ 1881 г. въ Москвѣ, гдѣ Орловъ тогда былъ учителемъ въ Желѣзнодорожной школѣ (Письма Л. Н. Толстого подъ ред. П. А. Сергѣенко, т. I; Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 150).

вѣритъ совсѣмъ не такъ, какъ мужикъ. Мужикъ вѣритъ такъ, какъ вѣрили и вѣрятъ величайшіе мудрецы до к. онъ [знаетъ] можетъ подняться,—отцы и святители т. е. вѣритъ въ самое высшее что еле-еле можетъ понять. И прекрасно дѣлаетъ. И такъ надо дѣлать и намъ, чтобы у насъ была вѣра к. бы выдержала въ смертный часъ, quand il faudra parler français, какъ говоритъ Montaigne. Да и какже намъ вѣрить въ символъ вѣры и его догматы, когда мы его со всѣхъ сторонъ видимъ и знаемъ до подробностей, какъ онъ сдѣланъ и какъ сдѣланы всѣ его догматы. Мужикъ можетъ, а мы не можемъ. И если брать уроки у народа, то не въ томъ, чтобы вѣрить въ то, во что онъ вѣритъ, а въ томъ, чтобы умѣть [вѣ] избирать предметъ своей вѣры такъ высоко, какъ только можно,—покуда хватаетъ духовный взоръ. Опять простите. И не спорьте, хотя бы я былъ не правъ; а въ отвѣтъ напишите мнѣ о моихъ слабостяхъ тѣ к. вы видите, а я не вижу, да по-ядовитѣй, по-темирязевскѣе [1]),—и к. вы не можете не видѣть.

А то на что бы и дружба? Я безъ шутокъ прошу объ этомъ.

Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

Прочелъ и Роков. Вопр. [2]) и Переломъ [3]) и письма [4]). Понравилось мнѣ очень характеристика нигилизма. Очень вѣрно и ясно.—

Рок. же В. и Пер. [5]) какъ и все славянофильское—простите, простите—ужасно молодо. Ну что какъ вамъ на смертномъ одрѣ напомнятъ Рок. воп. и все славяноф.: какъ вы презрительно и грустно улыбнетесь!—Я какъ будто нарочно раздразниваю васъ, чтобы вы мнѣ сказали что вы въ самыя желчныя минуты думаете о моихъ недостаткахъ. Вѣдь мнѣ это нужно. Радуюсь, что вы обѣщаетесь къ намъ пріѣхать. Заключеніе спора о Дарвинизмѣ мнѣ понравилось [6]).

На письмѣ помѣтка Страхова: 18 мая 1890.

234. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

21-го мая 1890 г. Петербургъ.

Не могу Вамъ выразить, безцѣнный Левъ Николаевичь, какъ меня обрадовало Ваше письмо. Вопервыхъ, узналъ объ Вашемъ здоровьѣ, о которомъ пронеслись такіе безпокойные слухи. Во вто-

---

[1]) Намекъ на полемику К. А. Тимирязева со Страховымъ (см. выше).

[2]) Статья Страхова о Польскомъ вопросѣ въ сборникѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“.

[3]) Тоже („О Русской литературѣ“).

[4]) Письма объ нигилизмѣ (статья 1881 г.; см. выше, стр. 272).

[5]) Т. е. „Роковой вопросъ“ и „Переломъ“.

[6]) Статья „Споръ изъ-за книгъ Н. Я. Данилевскаго“.

рыхъ,—Вы разговорились со мной; этого такъ давно уже не было, и одна изъ печалей моей жизни состоитъ въ томъ, что Вы потеряли охоту со мной переписываться. Какая тяжесть—одиночество! Изъ добрыхъ людей, съ которыми пришлось водиться, только одинъ довольно свободенъ умомъ, такъ что можно по душѣ поговорить. Но ему многаго другаго недостаетъ. А остальные—вотъ я сейчасъ и перейду къ Вашимъ упрекамъ. Мнѣ часто бываетъ очень грустно, когда подумаю, въ какомъ фальшивомъ положеніи я стою. Когда я говорю противъ Дарвина, то думаютъ, что я стою за катихизисъ; когда противъ нигилизма, то считаютъ меня защитникомъ государства и существующаго въ немъ порядка; если говорю противъ вреднаго вліянія Европы, то думаютъ, что я сторонникъ цензуры и всякаго обскурантизма и т. д. О, Боже мой, какъ это тяжело! А что же дѣлать? Иногда приходитъ на мысль, что лучше бы молчать,—и не разъ я молчалъ, чтобы не прибавлять силы тому, чему не слѣдуетъ. Я изворачиваюсь и изгибаюсь сколько могу. Вы видѣли, съ какимъ жаромъ я схватился за спиритизмъ; я очень горжусь тѣмъ, что написалъ книгу противъ чудесъ [1]), и въ сущности не очень сердился, когда Соловьевъ провозгласилъ меня за это матеріалистомъ. Какъ быть, какъ писать, когда кругомъ непобѣдимый фанатизмъ, и когда всякое доброе начало отразилось въ людскихъ понятіяхъ въ дикой и односторонней формѣ? И развѣ я одинъ въ такомъ положеніи? Всѣ серіозные люди терпятъ ту же бѣду и часто принуждены молчать. Таково положеніе Россіи, что между революціонерствомъ и ретроградствомъ нѣтъ прохода; эти два теченія все душатъ. Поэтому то, что Вы сдѣлали, Ваше заявленіе самобытной религіозной мысли—я считаю великимъ дѣломъ; но вѣдь для этого нужно было то, что въ Васъ есть и чего у меня нѣтъ, да и ни у кого другаго нѣтъ.

Вы у меня спрашиваете о Вашихъ недостаткахъ; въ самомъ дѣлѣ, я ихъ вижу, но вмѣстѣ вижу, что вѣдь это и Ваши достоинства, такъ что я теряю всякую охоту Васъ упрекать. Когда, бывало, при мнѣ Вы спорите и сыплете парадоксы и крайности (не помните ли цѣлый день съ П. Ѳ. Самаринымъ?) [2]), мнѣ бывало ужасно досадно за Васъ, но я видѣлъ, что въ основѣ Вы правы, а Вашъ благоразумнѣйшій противникъ стоитъ на пустякахъ и Васъ не понимаетъ. Вашъ главный недостатокъ тотъ, что Вы живете чувствомъ настоящаго дня; Вы все готовы отвергнуть, кромѣ этого чувства, и Вы забываете все то, чѣмъ прежде жили съ такимъ же увлеченіемъ. Но вѣдь отъ этого именно и происходитъ, что Вы проникаете въ такую глубину, открываете такія стороны, какихъ никто

---

[1]) „О вѣчныхъ истинахъ. (Мой споръ о спиритизмѣ)“, С.-Пб. 1887.

[2]) Младшій братъ извѣстнаго славянофила—Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ, своякъ друга Толстого—И. И. Раевскаго; ум. въ 1901 г., 71 года.

другой не видитъ. Отъ этого самаго происходитъ, что Ваши разсужденія и Ваши разсказы полны жизни, крови, силы, яркости неслыханной. Васъ нужно слушать и учиться, а не разсуждать о Вашихъ недостаткахъ.

Если, дастъ Богъ, пріѣду къ Вамъ [1]), то можетъ быть я рѣшусь указать Вамъ, что мнѣ кажется всего неправильнѣе въ Вашей дѣятельности. Да нѣтъ, можно вообще сказать и теперь. Всего неправильнѣе именно отрицательная сторона, рѣзкое, рѣшительное отверженіе того, что внѣ круга Вашей мысли и Вашего чувства. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ—это вѣрно; но это еще не значитъ: мы противъ всякаго, кто не съ нами.

Съ своей стороны, я чаще всего осуждаю Васъ за забвеніе, за то, что Вы забываете прежнюю жизнь своей души. Вѣроятно, это неизбѣжно, но самъ я въ иныхъ случаяхъ такъ памятливъ, что меня это удивляетъ въ Васъ. Мнѣ помнятся мои дѣтскія и юношескія и зрѣлыя чувства съ такою живостію, что въ послѣднихъ Вашихъ писаніяхъ я иногда нахожу странную неполноту и, кажется, могъ бы Вамъ доказать ее на основаніи Вашихъ прежнихъ произведеній. Я помню и то благоговѣніе, съ которымъ стоялъ въ церкви, когда былъ мальчишкой.

Но я завелъ длинную рѣчь. Прибавлю только, что мнѣ было очень совѣстно, когда Александра Андреевна [2]) и разные другіе благочестивые люди причисляли меня къ своимъ. Передъ Ал. Андр. я прямо отрекся: «нѣтъ, графиня, я нигдѣ не выразилъ, что я вѣрующій».—Чувствовалъ я, что Поѣздка [3]) Вамъ не можетъ понравиться; но какъ изъ церковно-вѣрующихъ никто (впрочемъ, кромѣ Ольги Александровны) [4]) не замѣтилъ, что Поѣздку писалъ не вѣрующій?

Мнѣ такъ много хочется сказать Вамъ, что я все обрываю и не знаю, за что взяться. Теперь я пишу О времени, числѣ и пространствѣ, очень углубился, и, кажется, дѣло идетъ хорошо. Недавно была мнѣ большая радость. Здѣшній молодой профессоръ философіи, А. И. Введенскій [5]), умный и даровитый, сказалъ мнѣ, что, принявшись за вопросъ объ атомахъ, онъ нашелъ, что я написалъ объ этомъ лучше всѣхъ. Это меня окрылило. Значитъ, писаніе идетъ въ прокъ. Давно уже я думаю только объ одномъ:

---

[1]) Страховъ вскорѣ (около 8-го іюня) дѣйствительно уѣхалъ въ Ясную Поляну, откуда 30-го іюня писалъ любопытное письмо В. В. Розанову (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 227—229).

[2]) Графиня Толстая.

[3]) „Воспоминанія о поѣздкѣ на Аѳонъ“ (см. выше).

[4]) Данилевской, вдовы Н. Я. Данилевскаго.

[5]) И нынѣ читающій лекціи профессоръ Александръ Ивановичъ Введенскій.

употребить съ пользою тѣ силы и тѣ познанія, какія есть, и больше ничего не искать. Думаю, что Богъ меня проститъ, ибо искренно сознаю свою слабость и свое ничтожество. О смерти часто думаю; давно уже живу, какъ будто въ тѣни какого-то огромнаго крыла.

Вотъ, не сказалъ и сотой доли того, что хотѣлъ. Простите меня. О новостяхъ житейскихъ, — объ Ольгѣ Александровнѣ, о смерти Владиславлева [1]), объ измѣненіи гимназическихъ программъ, — все это и такое откладываю до личнаго свиданія, о которомъ думаю съ огромной радостію.

Мое усердное почтеніе Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ [2]) и всѣмъ, кто меня вспомнитъ.

Вашъ неизмѣнный

1890. 21 мая. С.-Пб. Н. Страховъ.

P. S. Мнѣ думается, Вы не прочли моего новаго предисловія [3]). Прошу Васъ, посмотрите, особенно съ XII страницы. Тутъ сказано о развитіи организмовъ такъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ моей мысли. Впрочемъ, и самъ Тимирязевъ не упрекаетъ меня въ предразсудкахъ.

235. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

24-го іюля 1890 г. Воробьевка [4]).

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что я такъ запоздалъ; давно слѣдовало бы и благодарить Васъ и разсказать о томъ, что я здѣсь нашелъ, и даже продолжать тотъ разговоръ, который начался, когда дождь, къ великому моему счастью, остановилъ меня въ Ясной Полянѣ. Всю дорогу я думалъ объ этомъ разговорѣ; но въ Воробьевкѣ [5]) я вдругъ попалъ въ такую глушь, въ такія дебри рѣчей и понятій, что меня совсѣмъ ошеломило, и я долго прислушивался, не зная, что мнѣ говорить и дѣлать. Старики даже обидѣлись. «Что жъ вы все молчите?» говоритъ Полонскій [6]). «Развѣ мы все глупости говоримъ? Какая гордость! Вы хотите показать, что не стоитъ принимать никакого участія въ нашихъ спорахъ!» и т. д. Конечно, на такой упрекъ и я, полушутя, разсердился. Съ ними, дѣйствительно, стало уже трудно говорить. Они болтаютъ слишкомъ

---

[1]) Профессоръ и ректоръ Петербургскаго Университета Михаилъ Ивановичъ Владиславлевъ (род. 9-го ноября 1840 г., умеръ 24-го апрѣля 1890 г.).

[2]) Кузминская.

[3]) Къ книгѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“.

[4]) Писано по отъѣздѣ изъ Ясной Поляны. Описаніе жизни тамъ, со свѣдѣніями и о Толстомъ, см. въ письмѣ Страхова къ В. В. Розанову отъ 30-го іюня (В. В. Розановъ, Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 227—229).

[5]) Имѣніе А. А. Шеншина-Фета.

[6]) Яковъ Петровичъ, поэтъ.

безсвязно и слишкомъ много и часто недослышатъ и не понимаютъ, особенно Полонскій, которому вмѣсто курица слышится улица, вмѣсто въ дребезги—въ древности и пр. Не разъ мнѣ было жалко чувствовать, какъ они одряхлѣли, и невольно усиливалось сознаніе собственной дряхлости.

Разумѣется, разговоры идутъ преимущественно о поэзіи, Марціалѣ, Фаустѣ и т. д. Послѣ живого ключа, который бьетъ въ Ясной Полянѣ, я попалъ на узкую и глухую тропинку, по которой они ходятъ взадъ и впередъ. Конечно, Аѳанасій Аѳанасьевичъ [1]) продолжаетъ ратовать противъ христіанскихъ началъ, забавно доводя свои рѣчи до крайности, которая ихъ опровергаетъ. А впрочемъ, онъ глубоко скучаетъ и не разъ выражалъ жалобу на то, что все еще живетъ на свѣтѣ.

Потомъ, когда я уже спѣлся съ ними, на меня нашла новая бѣда—я простудился и нѣсколько дней чувствовалъ себя нехорошо. Кажется теперь все прошло.

Сейчасъ былъ у меня предлинный разговоръ съ Фетомъ, и мнѣ яснѣе прежняго стала удивительная уродливость его умственнаго настроенія. Ну можно ли дожить до старости съ этимъ исповѣданіемъ эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства и всякаго язычества! А посмотрите, какъ онъ вѣрно держится за извѣстныя стороны древнихъ, Гете, Шопенгауэра. Въ сущности онъ всѣми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую велъ и до сихъ поръ ведетъ. Какое безобразіе мыслей! Если бы люди не были лучше своихъ мыслей и дѣйствій, то отъ Фета нужно бы отвернуться съ презрѣніемъ. Я старался объяснить ему, почему онъ не имѣетъ успѣха. «Люди просятъ у Васъ хлѣба, а вы даете имъ камень». И я указалъ ему на Вашъ успѣхъ, который оттого и происходитъ, что вы даете пищу голоднымъ.

Въ разговорѣ мнѣ стало также ясно, почему онъ пишетъ все любовныя стихотворенія. Онъ ихъ придумываетъ по ночамъ, во время безсонницы или во снѣ. Его жизнь проходитъ передъ нимъ, и въ ней самымъ важнымъ и сладкимъ оказываются заигрыванія съ женщинами. Онъ ихъ и воспѣваетъ. Плохой я проповѣдникъ, но все-таки мнѣ удалось высказать, что рѣшительно не одобряю его мыслей и вкусовъ.

Все ношусь съ мыслью писать объ Васъ. Статья Цертелева объ Васъ въ іюлѣ Русск. Обозрѣнія—истинное безобразіе: такъ нетолково все и путано [2]). Здѣсь я не могу ничего писать: лучшіе часы утра отнимаетъ Фетъ; но я все-таки успѣваю много читать,

---

[1]) Фетъ-Шеншинъ.

[2]) Статья князя Дмитрія Николаевича Цертелева „Ученіе гр. Л. Н оТлстого о жизни“—въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1890 г., № 7, стр. 268—296

Основательно познакомился съ Метафизикой въ древней Греціи Трубецкаго [1]) и нашелъ, что это превосходная книга. Напримѣръ, мысль, что философія грековъ стоитъ въ связи съ ихъ религіею; [или] также мысль, что религія грековъ была подготовленіемъ къ христіанству,—подобныя мысли тутъ доказываются съ большою ясностію и твердостію. Это настоящій историкъ и онъ не такъ силенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пускается въ отвлеченныя разсужденія. Очень меня занялъ романъ P. Loti «Pêcheur d'Islande», который я сталъ читать, когда наступили утомительныя жары. Спокойно, серіозно, а по мѣстамъ какая правда, схватывающая за сердце! Напр., старуха Yvonne. Конечно, въ цѣломъ это все-таки сочиненіе, какъ будто написанное въ отпоръ картинамъ Zola. Во всякомъ случаѣ это настоящая литература, и нельзя не радоваться ея успѣхамъ.

Не знаю, какъ мнѣ благодарить Васъ за Ваше гостепріимство. Мнѣ больше хочется извиняться за свою вялость, за то, что можетъ быть досаждалъ Вамъ чѣмъ-нибудь. Если такъ, то было это противъ моей воли. Видѣть и слышать Васъ было для меня истиннымъ наслажденіемъ, и когда Вы на меня нападали, мнѣ не такъ хотѣлось защищаться, какъ слушать то, что Вы говорите. Я очень счастливъ этимъ мѣсяцемъ въ Ясной Полянѣ.

Дней черезъ десять я тронусь отсюда и на денекъ заѣду къ Вамъ. Надѣюсь, что здоровье Ваше поправилось—дай Богъ!

Мои хозяева [2]) и Полонскій просятъ передать Вамъ усердные поклоны. Софьѣ Андреевнѣ и Татьянѣ Андреевнѣ [3]) мое большое почтеніе.

Вашъ неизмѣнно преданный

1890. 24 Іюля. Воробьевка. Н. Страховъ.

236. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[4-го августа 1890 г. Ясная-Поляна[.

Спасибо за хорошее письмо ваше, дорогой Николай Николаевичъ; я рѣшилъ сначала, что не стоитъ отвѣчать на него п. ч. вы сами будете, но потомъ подумалъ что вы захотите знать прежде чѣмъ заѣхать живы ли мы здоровы мы и испугался что дѣлаю нехорошо не отвѣчая. Мы живы здоровы и больше чѣмъ всегда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мѣсяца проведеннаго съ вами желаемъ васъ видѣть поскорѣе и подольше. Мнѣ очень стыдно, что находящая на меня иногда мрачность могла подать вамъ поводъ думать что вы могли быть непріятны когда-нибудь и чѣмъ нибудь мнѣ. Мнѣ очень совѣстно за это. Жду васъ съ истинной любовью. Мой душевный

---

[1]) Книга князя Сергѣя Николаевича Трубецкого, вышедшая въ Москвѣ въ 1890 году.

[2]) Аѳанасій Аѳанасьевичъ и Марья Петровна Шеншины.

[3]) Кузминской.

привѣтъ Аѳанас. Аѳ. и Мар. Петр. [1]) Сережа [2]) сочиняетъ романсы и потому держитъ у себя книгу стиховъ Фета. Я проходя заглянулъ въ нее въ элегіи и, каюсь, прочиталъ многія изъ нихъ съ большимъ удовольствіемъ.—Наши вамъ кланяются и ждутъ, равно и прекрасный кумысъ.

Вашъ Л. Т.

На письмѣ помѣтка Страхова: 4 авг. 1890.

237. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

22-го августа 1890 г. Петербургъ [3]).

Простите, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что до сихъ поръ не написалъ Вамъ и не выразилъ еще и еще моей глубокой благодарности за Ваше радушіе, за многое, многое, а главное за ту душевную пользу, которую дала мнѣ Ясная Поляна. Благополучно, хотя съ большимъ неудовольствіемъ добрался я 14-го до Петербурга. Тутъ нужно было писать докладъ для Ученаго Комитета и провожать двухъ пріятелей,—Вышнеградскаго [4]) въ Среднюю Азію и А. Н. Майкова [5]) въ Константинополь. Меня немножко удивило, что Вы, мой главный интересъ, такъ мало интересны для иныхъ здѣсь. Боже мой! И умнѣйшіе люди обыкновенно сплетаютъ вокругъ себя свой собственный коконъ и живутъ въ немъ, не видя ничего кругомъ!

Въ Москвѣ опять за мною очень ухаживалъ Вл. Соловьевъ и навѣщалъ и провожалъ въ дорогу; какъ же я удивился, что въ Русской Мысли (сегодня только узналъ и прочиталъ) онъ тиснулъ противъ меня презлую статью [6]). Вотъ ужъ по Іудиному! [7]) Впрочемъ, статья пустая, такъ что мнѣ не хочется и отвѣчать; видно только, что онъ не можетъ стерпѣть, теряетъ хладнокровіе. Прошу Васъ, напишите, какъ Вы находите [8]).

---

[1]) Мужу и женѣ Шеншинымъ.

[2]) Сынъ Толстого.

[3]) Писано по возвращеніи въ Петербургъ, на пути куда Страховъ снова заѣзжалъ въ Ясную Поляну.

[4]) Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій (род. 1831, ум. 1895), Министръ Финансовъ, Членъ Государственнаго Совѣта, товарищъ Страхова по Главному Педагогическому Институту.

[5]) Поэта.

[6]) „Мнимая борьба съ Западомъ“ (по поводу книги Страхова „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, вып, 2) въ „Русской Мысли“ 1890 г., кн. 8, стр. 1—20.

[7]) Жалобы Страхова В. В. Розанову по этому же поводу см. въ книгѣ послѣдняго: „Литературные изгнанники“; т. I, С.-Пб. 1913, стр. 245 См. также ниже, въ письмѣ № 239.

[8]) 23-го августа 1890 г. В. С. Соловьевъ писалъ Страхову изъ Краснаго-Рога: „Я хотѣлъ и не успѣлъ передъ Вашимъ отъѣздомъ сказать Вамъ о своей полемической статьѣ, которая на этихъ дняхъ должна по-

Теперь я очутился въ большомъ уединеніи и въ тысячу первый разъ собираюсь перестать разбрасываться и повести правильную работу. Фетъ прислалъ мнѣ письмо [1]) (я писалъ ему изъ Москвы), въ которомъ продолжаетъ споры, начатые въ Воробьевкѣ. Очень радуюсь, что письмо толково и настойчиво. Между прочимъ: «я прокормилъ въ голодный годъ сотни голодающихъ, вылѣчилъ другія сотни отъ сифилиса, выстроилъ на вѣчныя времена больницу, водворилъ въ разныхъ мѣстахъ порядокъ въ крестьянскомъ землевладѣніи и подарилъ крестьянамъ на 16 тысячь собственной земли». Буду отвѣчать ему, что онъ, значитъ, понимаетъ, чѣмъ слѣдуетъ хвалиться, что я, какъ человѣка, и цѣню его, а что мнѣнія его все-таки богомерзкія и приводятъ его къ скукѣ и пустотѣ.

Очень хорошо пишетъ Розановъ [2]): «Передайте ему (т. е. Вамъ) мою глубокую признательность за портретъ [3]), к-ой я сохраню, какъ его драгоцѣнную память. Какъ хорошо онъ обо мнѣ сказалъ: «Все молодость!» Спасибо ему! Во мнѣ есть что-то дѣтское еще,—это я знаю и глубоко берегу въ себѣ и слѣжу съ боязнью, не исчезаетъ ли оно. Но, конечно, это перемѣшано и съ высшей степени противоположнымъ,—истиннымъ старчествомъ. Только средины-то во мнѣ не хватаетъ, здоровой мужественности. Не то бы я дѣлалъ и не тѣмъ бы былъ, если бы обладалъ этимъ мужествомъ» [4]).

Статья Розанова объ моей книгѣ печатается въ Вопросахъ философіи [5]), а та, которая назначалась для Р. Вѣстника, неудачна и не принята [6]).

явиться (или уже появилась) въ „Русской Мысли“, если только не вмѣшалась цензура. Хотя мнѣ пришлось многое у Васъ одобрить, а за кое-что и горячо похвалить, но въ общемъ, конечно, Вы будете недовольны“ и т. д. (Письма В. С. Соловьева, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 59—60). Статья Соловьева носила названіе „Мнимая борьба съ Западомъ“ (№ 8, стр. 1—20); въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ Страховъ напечаталъ статью; „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова“ (стр. 448—454), а въ декабрьской—статью о книгѣ Н. Я. Данилевскаго.

[1]) Оно въ печати еще не появлялось.

[2]) Василій Васильевичъ Розановъ, нынѣ постоянный сотрудникъ „Новаго Времени“. Онъ оставилъ воспоминаніе о своей поѣздкѣ въ Ясную Поляну въ 1904—1905 году: см. „Международный Толстовскій Альманахъ, составленный П. Сергѣенко“, М. 1909, стр. 284—291.

[3]) Съ автографомъ Толстого.

[4]) Ср. письма Страхова къ В. В. Розанову отъ 24-го іюля и 26-го августа 1890 г. въ книгѣ В. В. Розанова: Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 230—241.

[5]) Чрезвычайно хвалебная статья Розанова о Страховѣ: „О борьбѣ съ Западомъ, въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ“ (перепечатана въ книгѣ В. В. Розанова: Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 3—64). Страховъ благодарилъ Розанова за эту статью письмомъ отъ 13-го сентября 1890 г. (тамъ же, стр. 242 и сл.).

[6]) „Три фазиса въ развитіи нашей литературы“ (см. тамъ же, стр. 234 и сл.).

Дорогою отъ Тулы до Москвы, наконецъ, познакомился я и съ М. Ал. Стаховичемъ [1])—онъ удивилъ меня своею начитанностью, но оригинальнаго въ немъ мало. Мы съ нимъ и съ Цертелевымъ и Соловьевымъ обѣдали въ Москвѣ, и мнѣ было очень пріятно съ такими милыми людьми.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправляю я и письмо къ Kennan'y [2]) Очень я затруднился адресомъ и прошу у Васъ прощенія. Посылаю письмо въ Лондонъ, такъ какъ Century [3]) тамъ выходитъ и лишь пересылается въ New-York, а я добылъ лишь Лондонскій адресъ. Ну да во всякомъ случаѣ, письму не миновать бы Лондона.

Смирнова Исторіи Церкви до сихъ поръ не купилъ—завтра сдѣлаю это и отдамъ въ переплетъ. Между тѣмъ, пришла мнѣ мысль предложить Вамъ книги, означенныя на особомъ листкѣ, который тутъ прилагаю *). Не хотите ли? Напишите на сторонѣ, какія Вамъ нравятся [4]). Особенно рекомендую Гаузрата. Есть второе изданіе этой книги (и у меня есть), но я только для Васъ готовъ разстаться съ первымъ изданіемъ. Вѣдь обыкновенно второе и слѣдующія изданія механически пополняются добавленіями и теряютъ цѣнность и свѣжесть. Guion Вы, конечно, знаете [5])—многія части этихъ толкованій на Библію переведены по-русски и въ большомъ ходу у иныхъ сектантовъ [6]). Poiret [7]), конечно, Вамъ неизвѣстенъ; это мистикъ въ родѣ Арнольда, очень много писавшій, другъ Guion и Bourignon. Его книга—цѣлая философія; онъ былъ сперва послѣдователемъ Декарта и знаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ ученѣйшій и знаменитѣйшій мистикъ этого времени, конца 17 вѣка. Знаю, что книги у Васъ не въ почетѣ и часто терпятъ горькую участь. Тысячу разъ Вы правы откидывая ихъ въ сторону и отдаваясь живымъ дѣламъ и собственнымъ мыслямъ. Но можетъ быть, зашевелится у Васъ любопытство Гаузрата во всякомъ случаѣ я Вамъ пришлю.

---

[1]) Нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта, основатель Общества Толстовскаго Музея и Предсѣдатель его Совѣта. 26-го августа Страховъ писалъ В. В. Розанову: „Въ Ясной Полянѣ и въ Москвѣ я видѣлся съ Мих Александр. Стаховичемъ, и онъ обѣщалъ мнѣ послать Вамъ Крейцерову Сонату. Онъ очень милый и скромный человѣкъ, съ большой начитанностью“ (тамъ же, стр. 421).

[2]) Авторъ извѣстной книги о Сибири и каторгѣ. Опубликовано письмо къ нему Толстого отъ 1890 г. о картинѣ Н. Н. Ге „Что есть истина“ (Сборникъ писемъ Толстого, изд. Окто).

[3]) Журналъ.

*) И пришлите листокъ назадъ 4).

[4]) Листокъ Толстой не вернулъ (см. далѣе).

[5]) См. выше, стр. 143 и 250.

[6]) Ср. у Н. Н. Кашкина: „Родословныя Развѣдки“, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 509.

[7]) См. ниже.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Радъ я, когда вспомню, какимъ бодрымъ и свѣтлымъ Васъ оставилъ. Дай Богъ и впередъ! Большое почтеніе и благодарность Софьѣ Андреевнѣ и Татьянѣ Андреевнѣ. Мой поклонъ еще можетъ застать Александра Михайловича [1]).

Вашъ душевно

1890. 22 Авг. Спб. Н. Страховъ.

Въ той же книжкѣ статья Шелгунова противъ Васъ, по поводу письма изъ Томска [2]). Ш. очень гордъ и глупъ, а Томскій юноша—очень милъ. Противъ Васъ выставляются Дарвинъ, Уоллесъ, Спенсеръ, Шлоссеръ, Гервинусъ! Кромѣ Шлоссера—подборъ знаменитыхъ тупицъ.

Вы, конечно, не читали Бесѣды Никанора [3]) объ Крейцеровой Сонатѣ. Какая глупость! Какая оглобля! А раздраженіе большое—буравитъ, какъ Вы говорите.

Все это у меня дублеты, и я буду радъ, когда они очутятся въ Ясной Полянѣ.

На листкѣ: *Отвѣтъ.*

1) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви (И. Лопухина), Спб. 1816.

2) P. Poiret. L'Oeconomie divine, 7 vls. Amsterd. 1687.

3) La Sainte Bible. Par mad. de la Mothe-Guion. 20 vls. Par. 1790.

4) Hausrath, A. Neutestamentliche Zeitgeschichte. 3 Bde, Heidelb. 1868—1873.

238. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[3-го сентября 1890 г. Ясная Поляна].

Спасибо дорогой Николай Николаевичъ за книги и за письмо. Отъ книгъ не отказываюсь, т. к. онѣ у васъ дублеты, а мистикъ

---

[1]) Т. А. и А. И. Кузминскіе.

[2]) Статья Николая Васильевича Шелгунова въ 8-й книгѣ „Русской Мысли“ за 1890 г. (стр. 136—155) называлась „Очерки русской жизни“ и касалась Толстого и его послѣдователей.

[3]) Архіепископъ Херсонскій Никаноръ Бровковичъ (род. въ 1827, ум. 1890 г.). Онъ неоднократно выступалъ съ бесѣдами, направленными противъ Толстого; онѣ были изданы и отдѣльною книжкой. По поводу „Крейцеровой Сонаты“ Никаноръ произнесъ „Бесѣду о христіанскомъ супружествѣ противъ гр. Л. Толстого“, изданную сперва въ Одесскихъ газетахъ (оттуда она была перепечатана въ „Новостяхъ“ 1890 г., № 215—219 и др. журналахъ и газетахъ), а затѣмъ издана въ Одессѣ отдѣльной книжкой. О Никанорѣ см. статью Н. Я. Колубовскаго въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 8, прилож., стр. 122—133). Его письма къ Н. Я. Гроту (1886—1889) съ выходками противъ Толстого см. въ изданной К. Я. Гротомъ книгѣ „Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911.

интересенъ мнѣ.—Вообще ваши книги много разъ мнѣ были полезны. Нынче взялъ Арнольда [1]).—Смирнова [2]) я получилъ отъ Калмыковой [3]). Пишите, работайте, дорогой Ник. Ник. и пишите то что самое самое задушевное. Трудно узнать что самое задушевное, скажутъ. Это правда, но есть пріемы узнать. Во-первыхъ, это то про что никому не разсказываешь, во 2-хъ то что всегда откладываешь.—Я пишу такъ вамъ п. ч. самъ это больно чувствую. Все откладываешь, откладываешь занимаешься менѣе нужнымъ, а силы слабѣютъ и видишь что не сдѣлать того что могъ.

Я думаю что тоже и съ вами. Такъ давайте же дѣлать что можемъ пока живы.

А для этого первое дѣло—не отвѣчайте Соловьеву [4]). Я пробѣжалъ его статью [5]) и подивился: что его такъ задѣваетъ. По тону видно что онъ не правъ. По существу дѣла, не знаю. И по правдѣ скажу не интересуюсь.

Я бы позволилъ себѣ вамъ посовѣтовать не отстаивать не только Данилевскаго писаніе но и свое.—Если съ выраженными мною мыслями кто-либо несогласенъ, то происходитъ это глазное п. ч. мы стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія. Продолжать мнѣ говорить и разъяснять то что я сказалъ съ той же точки зрѣнія—безполезно. Лучше сначала начинать отъискивая другую болѣе общую точку зрѣнія съ к. можетъ быть онъ и увидитъ тоже что я.

У насъ понемногу разъѣзжается народъ. Засуха кончилась, въ полѣ повеселѣло. На душѣ же у меня не скажу чтобъ было весело. Очень я недоволенъ собой—впалъ въ равнодушіе и праздность.

Прощайте пока, дай Богъ вамъ всего истиннаго хорошаго.

Любящій Васъ Л. Толстой.

Всѣ наши вамъ кланяются. Жена уѣхала вчера въ Москву по дѣламъ.

Что Хельчицкій? [6]).

3 Сентября.

На письмѣ помѣтка Страхова: 3 сент. 1890.

239. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го сентября 1890 г. Петербургъ.

Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичь, очень меня тронуло и вмѣстѣ ободрило. Буду Васъ слушаться, непремѣнно стану испол-

---

1) См. выше, письма № 222, 223 и 224.

2) Исторія Церкви.

3) Владѣлица книжнаго склада; см. выше, стр.

4) См. слѣд. письмо Страхова.

5) „Мнимая борьба съ Западомъ“—по поводу книги Страхова (см. выше.

6) См. выше, письма №№ 218 и 220.

нять Вашъ совѣтъ—писать о самомъ задушевномъ. Вы такъ безподобно указали (то, что мы откладываемъ, и то, о чемъ никому не говоримъ), что я почувствовалъ всю правду Вашего совѣта и пришелъ отъ него въ восхищеніе. И еще мнѣ было подтвержденіе. Я сталъ разсказывать одному ученому пріятелю, какъ Вы глубоко понимаете свое дѣло, и объ Вашемъ совѣтѣ. Но онъ меня не понялъ, и я тогда догадался, что у него самого ничего задушевнаго нѣтъ, что онъ не знаетъ того, о чемъ Вы говорите. Если такъ, то пусть же онъ дѣлаетъ свое дѣло, а мнѣ нужно дѣлать то, что у меня есть, но чего ему и въ голову не приходитъ. Благодарю Васъ отъ всей души. Очень часто я себѣ не вѣрю, сомнѣваюсь въ значеніи своихъ писаній, и мнѣ нужна поддержка, похвала, нужно ясное сознаніе, что я не обманываюсь въ своей силѣ. Въ этомъ отношеніи я Вамъ обязанъ безъ конца, и буду Васъ слушаться.

Но вотъ, Боже мой, на первый же разъ я не исполняю Вашего совѣта! Письмо Ваше застало меня за статьею противъ Соловьева. Я сталъ колебаться, раздумывать и разспрашивать, и потомъ со всею силою пустился дописывать статью. Вчера сдалъ ее въ редакцію, а сегодня, какъ напроказившій мальчикъ, хочу написать Вамъ, что я впередъ не буду! Тутъ вышло особенное обстоятельство. Меня не Соловьевъ трогаетъ, хотя онъ сталъ и писать и вести себя пренегодно,—а мнѣ важны читатели. Когда пишу, я Васъ никогда не забываю, и думаю, что и для Васъ успѣю сказать нѣчто новое (впрочемъ не въ первой статейкѣ, а во второй и послѣдней, которая недѣли черезъ двѣ явится въ Новомъ Времени) [1]), а для массы читателей, Вы увидите, мои объясненія очень важны. Сказать по правдѣ, мнѣ очень тяжело такъ долго хлопотать о Данилевскомъ, но такъ выходитъ, что нельзя бросить дѣла.

И такъ, буду надѣяться, что Вы простите меня со временемъ.

Исторія съ Соловьевымъ преудивительная [2]). Въ Москвѣ, когда я возвращался, онъ зашелъ ко мнѣ съ Цертелевымъ, облобызался, посидѣлъ. На другой день уговорились вмѣстѣ обѣдать въ Сл. Базарѣ; были тутъ и Стаховичи, и очень все было пріятно. Потомъ онъ заѣхалъ ко мнѣ проводить меня на жел. дорогу. Тамъ на станціи принялись обѣдать. Онъ поставилъ бутылку рейнвейну,—я не пилъ, но подвернулся знакомый, ѣхавшій тоже въ Петербургъ, и пилъ за меня. Потомъ простились, онъ зашелъ въ вагонъ, еще разъ расцѣловались, и онъ говоритъ: «Я вамъ напишу, Н. Н.!» «Какъ мило!» отвѣчаю я: «пожалуйста напишите, не обманите». Пріѣзжаю въ Петербургъ и черезъ нѣсколько дней узнаю, что вышла его злая статья

---

[1]) Въ „Новомъ Времени“ Страховъ помѣстилъ статью „Новая выходка противъ Н. Я. Данилевскаго“ (№ 5231, 21-го сентября; см. также № 5242, 2-го октября).

[2]) См. выше, въ письмѣ № 237.

противъ меня. Еще черезъ нѣсколько дней письмо отъ него изъ Краснаго Рога, начинается такъ: «Я хотѣлъ и не успѣлъ сказать Вамъ о своей полемической статьѣ» и пр. [1]). Дальше слѣдуютъ извиненія и оправданія. «Поддерживать свою позицію въ этомъ спорѣ есть для меня обязанность». Книга Данилевскаго «вдругъ стала спеціальнымъ кораномъ всѣхъ мерзавцевъ и глупцовъ, хотящихъ погубить Россію и уготовить путь грядущему антихристу. Когда въ какомънибудь лѣсу засѣлъ непріятель, то вопросъ не въ томъ, хорошъ или дуренъ этотъ лѣсъ, а въ томъ, какъ бы получше поджечь его». «Вы смотрите на исторію, какъ китаецъ-буддистъ, и для Васъ не имѣетъ никакого смысла мой еврейско-христіанскій вопросъ: полезно или вредно данное умственное явленіе для богочеловѣческаго дѣла на землѣ въ данную историческую минуту?»

Вопросъ, какъ видите, превосходный; Соловьевъ, какъ пророкъ, его рѣшилъ, и, конечно, какъ инквизиторъ, сжегъ бы меня и всѣ экземпляры Россіи и Европы. Но дурень онъ, дурень! Что жъ онъ сдѣлаетъ плохими журнальными статейками? Только себя осрамитъ! А между тѣмъ, онъ уже заранѣе торжествуетъ въ этомъ самомъ письмѣ: «Въ этомъ спорѣ изъ-за Россіи и Европы послѣднее слово во всякомъ случаѣ должно остаться за мной—такъ написано на звѣздахъ». Нѣтъ, онъ слѣпой человѣкъ, угорѣлый почти до помѣшательства.

И такъ, погодите немножко и Вы увидите, что я не очень виноватъ.

Въ Вопросахъ философіи вѣроятно Вы прочли статью Розанова обо мнѣ [2]). Его чистое воодушевленіе, порывъ ко всему умному и высокому, сердечная теплота—очень тронули меня, больше даже, чѣмъ похвалы, изъ которыхъ многія я нашелъ мѣткими и—каюсь—справедливыми въ ихъ восторженности. Впрочемъ, Вамъ дѣло виднѣе, Вы лучше разберете, что тамъ вѣрно, и что нѣтъ. Есть тамъ и путаница.

«По все мое удовольствіе (такъ я написалъ Н. Я. Гроту) «было отравлено статьею г. Астафьева [3]). Она дышетъ такою яростію, она обращается съ писаніями самаго знаменитаго въ мірѣ писателя съ такимъ неуваженіемъ и произволомъ, она взводитъ на него такія

---

[1]) См. выше, стр. 413. Письмо это (послѣднее въ перепискѣ Соловьева со Страховымъ) напечатано въ сборникѣ „Писемъ В. С. Соловьева“, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 59—60.

[2]) См. выше, письмо № 237.

[3]) „Нравственное ученіе гр. Л. Н. Толстого и его новѣйшіе критики“—статья Петра Евгеньевича Астафьева (род. 7-го декабря 1846, ум. 7-го апрѣля 1893)—появилась въ 4-й книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ (стр. 64—93). За помѣщеніе ея Страховъ упрекалъ редактора „Вопросовъ“ Н. Я. Грота (см. письмо къ нему въ книгѣ „Н. Я. Грота“, С.-Пб. 1911, стр. 239).

нелѣпицы, что не могу понять, какъ подобная дикая статья попала въ Вопросы». И дальше: «Они стоятъ за вѣру, а потому разрѣшаютъ себѣ всякое извращеніе и неуваженіе чужихъ мнѣній; они стоятъ за нравственность, а потому считаютъ долгомъ быть дерзкими и грубыми».

Одна изъ самыхъ задушевныхъ моихъ мыслей — написать объ Васъ, и останавливаетъ меня то, что нельзя писать (т. е. печатать) объ Васъ лично и о многихъ Вашихъ писаніяхъ; прійдется написать для посмертнаго печатанья.

Пока, простите меня. Можетъ быть скоро я пришлю Вамъ еще книгъ. Сношенія съ Калмыковой для меня наслажденіе—какая живость въ ней и теплота! Она теперь успокоилась—непрерывной, безкорыстной работою [1]).

Мое усердное почтеніе Софьѣ Андреевнѣ, также Татьянѣ Львовнѣ и Марьѣ Львовнѣ [2]).

Вашъ неизмѣнный и глубоко благодарный

1890. 20 Сент. Спб. Н. Страховъ.

240. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[Конецъ сентября—начало октября 1890 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ!

Простите что не отвѣчаю на ваше письмо, а пишу о дѣлѣ утруждаю васъ просьбой. Я получилъ статью изъ Америки к. показалась мнѣ очень не только интересна но полезна. Я сдѣлалъ изъ нея извлеченіе и перевелъ приложенное въ концѣ ея письмо. — Извлеченіе это мнѣ хотѣлось бы напечатать. Помогите мнѣ въ этомъ. Прежде всего представляется «Недѣля», — въ особенности п. ч. не хотѣлось бы обидѣть Гайдебурова, если ему это можетъ быть пріятно. Если же Гайдебурову не нужно этого [пись] извлеченія, то въ «Новое Время». Письмо же я думаю нельзя напечатать по [его цинизму] тому что признано называть неприличіе, ни въ Недѣлѣ, ни въ Нов. Вр., хотя бы очень этого хотѣлось. И потому нельзя ли его пристроить въ спеціальный журналъ или газету Врачъ или т. п. [3]).

Очень благодаренъ вамъ за книги. Всѣ читалъ или скорѣе всѣми пользуюсь. Ваши статьи, простите, прочелъ съ грустью, хотя и по-

---

[1]) См. выше.

[2]) Дочери Толстого.

[3]) Статья эта—„Объ отношеніяхъ между полами“—появилась въ „Недѣлѣ“ 1890 г., № 43—стр. 1368—1376; см. также „Новости“ 1890 г., № 298 (перепечатка изъ „Недѣли“). Она была написана Толстымъ по поводу присланной ему изъ Нью-Іорка брошюры „Diana. A psychofisiological essay on sexual relations for married men and women“. Письмо Толстого датировано 14-мъ октября 1890 г.

нимаю ваше раздраженіе и удивляюсь на Соловьева [1]). Здоровье мое опять хорошо. И много тщетно хочется писать. Желаю вамъ здоровья и силъ писать.

Любящій Васъ Л. Толстой.

Вчера получилъ письмо отъ Маши Куз. [2]). Она пишетъ что вы удивляетесь на мое молчаніе. Пожалуйста простите и за молчанье и за просьбу о статьѣ и еще новую.—Нѣкто Богомолецъ врачъ, жена кот. на каторгѣ по дѣлу Кіевскому политическому въ 1881 году [3]), проситъ чтобъ ему разрѣшено б. пріѣхать въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы поѣхать къ женѣ (она кончаетъ каторгу и должна высылаться на поселеніе). Ему же мужу хотя и не судившемуся [бы], запрещенъ вслѣдствіе его знакомствъ въѣздъ въ столицы. Не можете ли исходатайствовать черезъ кого-нибудь это разрѣшеніе. Онъ основательно говоритъ что необходимо быть самому. Онъ прошлаго года просилъ и б. у Дурново [4]). Ему обѣщали и потомъ отказали. Нужно надоѣдать, а то забудутъ. Алекс. Мих. [5]) я просилъ, но онъ отказался помочь мнѣ. Поэтому вы ему не говорите. А если у васъ нѣтъ другихъ путей, то можно бы черезъ Алекс. Андревну Толстую.— Ну простите.

Вашъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Н. Н. Страхова: 1890?

241. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[Начало октября 1890 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Письмо это передастъ вамъ должно быть Н. Н. Ге [6]). Я всегда предпочитаю писать съ оказіей—живая грамота. О статьѣ Розанова [7]) я собирался писать вамъ, но забылъ. Хотѣлъ даже перечесть теперь статью, но ее увезъ Сережа [8]). Сколько я помню мнѣ понравилось именно за то что она высказываетъ то самое что я всегда чувствую

---

[1]) В. С. Соловьевъ въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣстилъ еще статью „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова“; въ письмѣ своемъ къ М. М. Стасюлевичу онъ назвалъ ее „зуботычиною Страхову“, который, по его мнѣнію, „помѣшался отъ злобы“ (М. М. Стасюлевичъ и его современники, т. V, стр. 351).

[2]) Племянница Толстого—Марія Александровна Кузминская.

[3]) О ней см. въ „Быломъ“ 1906 г., кн. 6, стр. 70 и др. Софія Богомолецъ судилась за принадлежность къ „Южно-Русскому рабочему союзу“ въ Кіевѣ. См. ниже, въ письмѣ Страхова отъ 2-го января 1891 г.

[4]) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново (ум. 29-го мая 1903).

[5]) Кузминскій, свояк Толстого.

[6]) Извѣстный художникъ и другъ Толстого, авторъ картины „Христосъ передъ Пилатомъ“ („Что есть истина?“).

[7]) О книгѣ Страхова „Борьба съ Западомъ“; см. выше.

[8]) Сынъ Толстого.

отъ чтенія вашихъ книгъ—расширеніе пониманія и пробужденіе интереса къ тому что прежде казалось мало интереснымъ п. ч. знакомымъ. Радуюсь знать что вы взялись за настоящую работу.— Про себя къ сожалѣнію не могу этого сказать. Утѣшаюсь тѣмъ что сказано въ 3-хъ Евангеліяхъ [когда] въ Геѳсиманск. саду «Но не моя воля да будетъ, но Твоя (въ одномъ). И не то что я хочу а то что Ты хочешь (въ другомъ). И не такъ какъ я хочу, а какъ Ты (въ третьемъ)». И когда вспомню это, то мирюсь съ своей теперешней мнѣ кажущейся непроизводительностью. Не знаемъ мы и не можемъ знать чѣмъ мы призваны служить [Ему] Пославшему. И то что мы цѣнимъ въ себѣ можетъ быть не нужно а на оборотъ. Только бы помогъ Богъ объ себѣ забывать—отвергнуться отъ себя.

Спасибо очень за книги. Кольриджа [1]) пришлю. Я разочарованъ въ немъ, и что значитъ Coleredge и Ligton и только Ligton?—Фарара я терпѣть не могу. Фальшивый писатель.—

Помогай вамъ Богъ. Обнимаю васъ. Простите что порученьи вамъ надавалъ въ прошломъ письмѣ.

[Бро] Изложеніе брошюры «Діаны» [2]) послѣ того какъ я послалъ вамъ, мнѣ разонравелось. Я много выпустилъ и смягчилъ а то тамъ есть нехорошее—удовлетвореніе чувственности въ разныхъ видахъ; и я боюсь что она можетъ подать поводъ къ соблазну, особенно мѣсто о малороссійскомъ обычаѣ жениханья. Да и лучше не печатать ее вовсе. Какъ вы скажете? Если же печатать, то вычеркните что лишнее [3]).

На письмѣ помѣтка Страхова: 1890?

242. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[6-го декабря 1890 г. Ясная Поляна].

Спасибо вамъ дорогой Николай Николаевичъ за [мои] хлопоты по моимъ дѣламъ: я не понялъ только что значатъ слова Семенова [4]): «все будетъ сдѣлано». Можно ли написать Богомольцу [5]), чтобъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ? Напишите пожалуйста тотчасъ же только отвѣтъ на этотъ вопросъ. Книгу вашу [6]) получилъ и прочелъ не-

---

[1]) Сочиненія англійскаго богослова, критика и поэта Самуэля-Тейлора Кольриджа (род. 1772, ум. 1834), автора многихъ книгъ по вопросамъ христіанства и соціальнымъ; см. слѣдующее письмо.

[2]) „О половыхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ“; см. въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Объ отношеніяхъ между полами“ (см. предыдущее письмо).

[4]) Вѣроятно, сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ.

[5]) См. выше, стр. 417.

[6]) „Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы. Замѣтки Лѣтописца и пр.“, С.-Пб. 1890.

только предисловіе но и многія статьи: онѣ интересны тѣмъ что по нимъ застаешь юность нигилизма; еще нѣтъ у него внушающихъ сѣдинъ.—Что съ Соловьевымъ ваша полемика кончилась очень радуюсь за васъ и еще больше за то что онъ поймалъ васъ и вы осрамлены [1]). Я для себя желаю или по крайней мѣрѣ хочу желать униженія: «горе вамъ если хвалятъ васъ и радуйтесь если ругаютъ»... Вѣдь это не шутка не преувеличеніе а истинная правда. Большая для души отъ этаго польза, а отъ хвалы вредъ. Для себя желаю потому и для васъ также. Еще больше радуюсь что статья ваша подвигается. Coleredg'a посылаю вамъ съ Вѣрочкой [2]). «Aids to reflection» [3]) сначала понравились мнѣ точностью выраженій, а потомъ я увидалъ что точность, ясность выраженія, а не содержаніе [главн]—преобладающая забота и оттолкнула меня.

Я немножко пишу, но безъ большой охоты; но живу радостно.

Любящій васъ

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтки Страхова: 6 дек. 1890 и: получ. 7 дек. 1890.

243. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

2-го января 1891 г. Петербургъ.

Очень я виноватъ передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что не написалъ Вамъ ничего съ Марьей Александровной [4]); но и тогда, и до сихъ поръ мнѣ было не по себѣ. Хорошо бы быть больнымъ, а то ни боленъ, ни здоровъ, и вмѣсто спокойствія чувствую тоскливость и раздраженіе. Вы пишете мнѣ: «живу радостно»; я все вспоминаю эти слова, и совѣсть меня мучитъ, что не успѣваю выбиться изъ слабости, въ которую попалъ. Надѣюсь, однако, и твердо надѣюсь, что это пройдетъ—нужно только оборачивать свою душу въ эту сторону и не спускать глазъ съ цѣли.

А Фетъ мнѣ пишетъ: «Люди не хотятъ понять, какъ мнѣ скучно и какъ я пугаюсь лѣта! Если бъ хватило силъ, поѣхалъ бы въ Японію. Это хоть ново и ненанюхано». Не ужасно ли это? Онъ въ Декабрѣ уже чувствуетъ тоску будущаго Мая. Онъ бранитъ людей, что они не понимаютъ его страданія, — напримѣръ, рѣдко пишутъ

---

[1]) Соловьевъ въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечаталъ статью „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова“ (стр. 448 — 454), а въ декабрьской—„Нѣмецкій подлинникъ и русскій списокъ“—по поводу книги Н. Я. Данилевскаго и противъ Страхова (стр. 707—736). Весь ходъ полемики Страхова съ Соловьевымъ изложенъ въ статьѣ Н. Я. Колубовскаго „Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. (1855—1888)“, въ главѣ IX, посвященной спеціально Страхову и его научной дѣятельности („Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 7 (1891), прилож., стр. 89—121).

[2]) Вѣра Александровна Кузминская, племянница Толстого.

[3]) Одно изъ сочиненій Coleredge'a (изд. въ 1825 г.).

[4]) Кузминской, племянницей графини С. А. Толстой.

письма; но какая же охота писать только ради его минутнаго облегченія? Мнѣ очень его жаль, но теперь, кажется, спасти его невозможно.

Тутъ появились двѣ статьи объ Васъ, которыя очень меня заинтересовали: одна Волынскаго въ Вопросахъ философіи [1]), а другая Вогюэ—въ Русскомъ Обозрѣніи [2]). Нѣсколько восторженныхъ фразъ Волынскаго показались мнѣ глубоко искренними, полными сердечнаго пониманія; но когда я прочелъ всю статью, то увидѣлъ, что онъ больше занятъ своими собственными мыслями и объ Васъ говоритъ мало. Статья Вогюэ умна и здѣсь ее усердно читаютъ; между тѣмъ, онъ вовсе не знаетъ, что такое христіанство, а потому не можетъ и Васъ понимать.

Приведу Вамъ еще любопытныя мѣста изъ Гражданина. 27 Декабря Мещерскій пишетъ: «Начитался Толстого и... бросилъ все—отца, мать, школу, надѣлъ полушубокъ и пошелъ скитаться по народу»... «Вотъ краткая повѣсть, которую все чаще начинаешь слышать въ петербургскихъ гостинныхъ».

За тѣмъ идутъ разсужденія, очень справедливыя, что дѣти въ высшемъ кругу растутъ безъ всякаго нравственнаго и религіознаго руководства, потому и попадаютъ въ такую бѣду. Но въ чемъ же бѣда, никакъ нельзя понять. Сказано только, что это—совращеніе на путь, разрушающій всю жизнь юноши. А Мещерскому, конечно, хотѣлось бы, чтобы и овцы были цѣлы, и волки были сыты.

Въ Гражданинѣ 30 дек. кто-то пишетъ о покойномъ Никанорѣ [3]):

«Одинъ изъ его духовныхъ идеаловъ была вѣротерпимость. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ покойный архипастырь уходилъ съ возвышенными чувствами въ эту область, забывая про тотъ людской міръ, гдѣ столько готовыхъ есть иновѣрцевъ пользоваться во зло примѣненіемъ къ нимъ вѣротерпимости».

Не думайте, что я что-нибудь перепуталъ: такимъ безобразнымъ наборомъ словъ часто щеголяетъ Гражданинъ. Но черта очень важная, и вообще я слышалъ сожалѣнія объ Никанорѣ, какъ о человѣкѣ хорошаго направленія; послѣ него, мнѣ говорили, на первое мѣсто выдвигается Амвросій Харьковскій, котораго далеко не такъ хвалятъ. Въ сущности вѣдь это значитъ: бываетъ хуже и будетъ хуже. Бѣдная русская церковь!

О, давно нужно бы объ Васъ писать, да писать хорошенько;

---

[1]) „Нравственная философія гр. Льва Толстого“—„Вопросы Философіи и Психологіи“ 1890 г., кн. 5, стр. 26—45.

[2]) „По поводу Крейцеровой Сонаты“. (Переводъ съ рукописи)—„Русское Обозрѣніе“ 1890 г., № 12, стр, 511—527.

[3]) Архіепископѣ Херсонскомъ (см. выше, стр. 412).

между тѣмъ я только началъ статью и остановился на первой фразѣ. Помоги, Боже![1])

По дѣлу о Богомольцѣ [2]) получилъ болѣе подробныя свѣденія: во-первыхъ, его жена еще не отправляется на поселеніе,—еще срокъ не вышелъ, поэтому просьба мужа преждевременна; во-вторыхъ, надзиратели недовольны ею, такъ что самая высылка на поселеніе еще не рѣшена, еще составляетъ вопросъ. Не могу придумать, что можно бы еще сдѣлать, а вообще думаю, что хлопотать теперь очень трудно. Еще недавно были слухи о какихъ-то приготовленіяхъ къ покушенію и о казняхъ, произведенныхъ тайно; подробностей незнаю никакихъ, но что дѣло было, знаю несомнѣнно. Да, Левъ Николаевичь, Ваше ученіе еще не довольно дѣйствуетъ; какъ не видятъ безумцы, что зломъ зло вызывается?

Но не чувствуете ли Вы, что вообще озлобленіе смягчается, и что мы идемъ къ мирному времени? Прежде, соціальный переворотъ казался неизбѣжнымъ; но теперь, послѣ Коммуны, послѣ убійства Александра II-го, послѣ ряда злодѣйствъ, не только верхніе классы, но и главная масса народа стала бояться потрясеній и мириться съ властями; съ другой стороны, принимаются всякія мѣры къ облегченію бѣдствій, и неимущіе сами убѣждаются, что отъ рѣзни и переворотовъ легче не станетъ. Такимъ образомъ, все смягчается, всѣ начинаютъ понимать, что худой миръ лучше доброй ссоры. Какъ-нибудь ужиться,—вотъ пока цѣль человѣчества, и ради нея оно готово отказаться отъ другихъ цѣлей. Объединеніе Германіи было послѣднимъ великимъ политическимъ дѣломъ; другого подобнаго ждать нельзя, и политика должна теперь отойти на второй планъ. Даже предсказаніе Данилевскаго, что Европа вздумаетъ задавить Россію, теперь не кажется мнѣ такимъ вѣроятнымъ.

Простите меня и дай Вамъ Богъ здоровья и всякой бодрости. Усердный мой поклонъ Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Львовнѣ и Марьѣ Львовнѣ [3]).

Вашъ неизмѣнно любящій
Н. Страховъ.

1891. 2 янв. Спб.

P. S. Разсказывали, что Никаноръ вступался за жидовъ и что во время его болѣзни въ синагогѣ было совершено молебствіе за его выздоровленіе. На это есть намекъ въ его прощальной бесѣдѣ.

---

[1]) Статья Страхова „Толки объ Л. Н. Толстомъ. (Психологическій этюдъ)“ была закончена въ мартѣ 1891 г. и напечатана въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 9, 1891, стр. 98—132.

[2]) См. выше, стр. 417, 418.

[3]) Дочери Толстого.

244. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[14-го января 1891 г. Ясная Поляна].

Кажется я виноватъ передъ вами, дорогой Николай Николаевичъ, за ваше хорошее послѣднее письмо что не отвѣчалъ. Очень занятъ. Всѣ силы, какія есть кладу въ работу к. занятъ и к. подвигается по немногу—вступила въ тотъ фазисъ при кот. регулярно каждый день берешься за прежнее проглядываешь, поправляешь послѣднее и двигаешь хоть немного впередъ, а то зады исправляешь въ 10 и 20-й разъ но уже видишь что основа заложена и останется.—Это дѣлаешь утромъ, потомъ отдыхаешь, гуляешь, потомъ семейные, посѣтители, потомъ чтеніе. A propos de чтеніе я читаю книгу при кот. безпрестанно васъ поминаю и все хочется съ вами подѣлиться впечатлѣніемъ; это книга Ренана «L'avenir de la science». Я не жалѣю что выписалъ ее. Я прочелъ треть и по моему никогда Ренанъ не писалъ ничего умнѣе; вся блеститъ умомъ и тонкими вѣрными глубокими замѣчаніями о самыхъ важныхъ предметахъ, о наукѣ, философіи, филологіи какъ онъ ее понимаетъ, о религіи. Въ предисловіи онъ самъ себя третируетъ свысока, а въ книгѣ 48 года (я думаю что онъ много подправилъ ее въ 90-мъ году) онъ иронически и презрительно и замѣчательно умно отзывается о людяхъ судящихъ о предметахъ такъ, какъ онъ судитъ въ предисловіи; такъ что понимайте, какъ хотите, но знайте что ума въ насъ бездна, что одно и требуется доказать. Въ общемъ и ложная постановка вопроса того что есть наука и отсутствіе серьезности сердечной, т. е., что ему все все равно; такой же онъ легченый, съ вырѣзанными нравственными яицами какъ и всѣ ученые нашего времени, но за то свѣтлая голова и замѣчательно уменъ.—Напримѣръ развѣ не прелестно разсужденіе о томъ что для людей древнихъ [не] чудеса не были сверхестественными, а естественными явленіями: все для нихъ совершалось чудесами, какъ и для народа теперь. Но каково же положеніе головы человѣка съ научнымъ воззрѣніемъ на міръ, к. хочетъ втиснуть въ эти воззрѣнія чудеса древняго міра? Письмо ваше не подъ рукой у меня и потому мож. б. на что либо не отвѣчаю; если такъ то простите.

Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 14 янв. 1891.

245. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[25-го января 1891 г. Ясная Поляна].

Спасибо за ваше письмо дорогой Николай Николаевичъ [1]). Еще не отвѣчаю на него, а пишу съ просьбой: Пожалуйста, если это не

---

[1]) Это письмо не извѣстно.

представитъ для васъ особенныхъ трудностей и вы здоровы исполните это и поскорѣе: я вмѣстѣ съ другимъ дѣломъ началъ, или скорѣе продолжаю, писать объ искусствѣ но не объ одномъ искусствѣ, но объ искусствѣ и наукѣ и мнѣ нужно ходячее, признанное опредѣленіе науки. Если бы нѣсколько тѣмъ лучше. Хотя бы косвенное, но авторитетное. Неужели нѣтъ, какъ и религіи? Вѣроятно. Я вѣдь такъ дерзокъ, что прошу васъ выписать мнѣ такое или такія опредѣленія и прислать мнѣ. Если бы случилось таковое же вамъ извѣстное опред. искусства, то пришлите и это, хоть въ этомъ не особенно нуждаюсь [1]). Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

На оборотѣ письма адресъ: Петербургъ, У Торговаго моста, домъ Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

На письмѣ почтовый штемпель: 25 янв. 1891.

246. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[7-го февраля 1891 г. Ясная Поляна].

Очень благодарю васъ, дорогой Николай Николаевичъ за скорый и обстоятельный отвѣтъ [2]). Это почти то что мнѣ нужно. Очень неопредѣленныя опредѣленія [3]). Я имѣлъ [нѣ] еще нѣсколько съ другихъ сторонъ—изъ энциклопедическихъ лексиконовъ, и Гротъ [4]) прислалъ мнѣ свое,—и всѣ приблизительно одинаково неточны. Какъ давно хочется выразить все что я думаю объ этомъ. И кажется совсѣмъ ясно, а все не выходитъ достаточно точно и кратко.—Писать объ этомъ длинно, а поговорить съ вами объ этомъ хотѣлось бы: именно хотѣлось бы отвѣтить на вопросы: 1) [достаточно ли] Прилагаетъ-ли наука, отличительный признакъ которой состоитъ въ строгой провѣркѣ своихъ положеній, въ критикѣ, прилагаетъ-ли наука эту критику къ тѣмъ положеніямъ на основаніи к-ыхъ извѣстныя знанія, свѣдѣнія выдѣляются изъ всего безконечнаго количества передаваемыхъ людьми отъ поколѣній къ поколѣніямъ знаній? 2) Не могутъ ли тѣ признаки [научнаго], к. по существующему опредѣленію составляютъ особенность научнаго знанія быть приложены ко всякаго рода свѣдѣніямъ—самымъ ничтожнымъ и даже вреднымъ? 3) Не составляетъ ли отличительное свойство науки особенность не формы но содержанія?—4) И если [особенность] есть такое по содержанію [отличающе] знаніе, к. выдѣляется изъ всѣхъ другихъ какъ особенно важное и заслуживающее то особенное уваженіе, к. свойственно приписывать наукѣ, то не отличается ли по этому же содержанію и истинное искусство отъ неистиннаго?

---

[1]) Ср. выше, письмо № 219, и ниже, слѣдующее письмо № 246.

[2]) Онъ не извѣстенъ.

[3]) Что такое искусство.

[4]) Николай Яковлевичъ. См. выше, письмо № 219, примѣч.

И много тому подобныхъ вопросовъ представляется отвѣты на к. мнѣ ясны. Очень мнѣ это представляется важнымъ.

Вашу статью [1]) читалъкакъ и всегда о такихъ предметахъ съ большимъ удовольствіемъ и пользой и уваженіемъ.—Понравилась мнѣ и статья Бекетова [2]), но только отчасти. Мнѣ понравилось его подраздѣленіе борьбы. Не понравилось же его желаніе обосновать нравственность на эволюціи что совершенно невозможно п. ч. нравственность нетолько безполезна но всегда вредна и для индивида и для рода для всего матеріальнаго, точно также какъ огонь всегда вреденъ для сала свѣчи. Нельзя служить двумъ господамъ и никакъ нельзя получить одно съ другимъ—[ни крошечки]. Какъ бы мнѣ хотѣлось это ясно высказать.—

Работается очень мало, а живется не совсѣмъ дурно. Книга Макса Мюллера интересуетъ меня и я пріобрѣту ее [3]).—

Прощайте пока.

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 7 февраля 1891.

247. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[18-го февраля 1891 г. Ясная Поляна].

Получилъ вашу книгу объ искусствѣ [4]), дорогой Николай Николаевичъ, и очень вамъ благодаренъ за нее. Можно на нее положиться и ссылаться?—Тамъ есть то что мнѣ нужно. Но не вѣрится чтобы можно было въ такомъ важномъ дѣлѣ удовлетворяться такимъ туманомъ. Простите меня за то, что злоупотребляю вашей добротой ко мнѣ. Просьба къ вамъ. Если не сдѣлаете то не обижусь и также буду благодаренъ за всѣ прежнія услуги. Дѣло вотъ въ чемъ: нашъ священникъ враждебно относящійся ко мнѣ (разумѣется по настроенію свыше) обратился ко мнѣ съ просьбой о своемъ родственникѣ, и мнѣ очень бы хотѣлось услужить ему и вотъ приходится пытаться вашими руками жаръ загребать. Мнѣ то это очень было бы пріятно (услужить) да боюсь что [не] вамъ то не будетъ пріятно. Тогда простите. Дмитр. Алексѣичъ Зеленецкій учитель гимназіи (классикъ) уволенъ отъ должности изъ Ростова на Дону въ 89 году за то что

---

[1]) „О законѣ сохраненія энергіи“ въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 5 (1891 г.), стр. 97—131. (Въ той же книгѣ—продолженіе „Писемъ о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: О жизни“, А. А. Козлова).

[2]) Статья Андрея Николаевича Бекетова, извѣстнаго профессора ботаники въ Петербургскомъ Университетѣ: „Нравственность и Естествознаніе“ была помѣщена въ 5-й книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ (1891 г., стр. 1—67); было и отдѣльное изданіе — С.-Пб. 1892 г., 54 стр.

[3]) Извѣстное сочиненіе англійскаго ученаго Макса Мюллера „Наука о языкѣ“ (было нѣсколько разъ переведено и на русскій языкъ). См. ниже, въ письмѣ № 254.

[4]) Страховъ послалъ Толстому книгу Шаслера (см. слѣд. письмо).

его подозрѣвали и на него донесъ его врагъ Директоръ (онъ такъ думаетъ) въ томъ что онъ писалъ какія то непріятныя анонимныя письма Делянову.—Отъ него требуютъ чтобы онъ открылъ кто писалъ эти письма, а онъ ничего не знаетъ и проситъ чтобы былъ назначенъ надъ нимъ судъ и чтобъ его наказали если онъ виновенъ; если жъ нѣтъ, то чтобы его опредѣлили опять на службу, а то онъ отставленъ и его никуда не принимаютъ. Направленія этотъ Зеленецкій либеральнаго, любимъ учениками и потому все это очень похоже на правду. Не можете ли вы попросить кого надо объ этомъ. Онъ черезъ Кедрова [1]) директора Филологич. института (кажется) просилъ и подавалъ докладную записку Делянову въ августѣ 90-го года.—

Живу по маленьку; все скучаю о томъ, что много хочется писать и нѣтъ энергіи и не пишется и все каюсь что скучаю и стараюсь не скучать. Нынче пріѣхалъ Ге [2]) съ новой картиной. Интересно будетъ мнѣніе ваше. Ничего не скажу.—Откуда бы почерпнуть перечень—чѣмъ пространѣе тѣмъ лучше—наукъ и обыкновенныхъ и необыкновенныхъ?

Пока прощайте.

Любящій Васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 18 февр. 1891.

248. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

21-го февраля 1891 г. Петербургъ.

Жестокое Вы слово сказали [3]), безцѣнный Левъ Николаевичъ! Я вздрогнулъ, когда прочиталъ, что «нравственность не только безполезна, но всегда вредна». Самъ я часто это думалъ и все надѣялся, что найдется выходъ, что какъ-нибудь мелькнетъ возможность примиренія между мірскимъ и духовнымъ. Но Вы не стали колебаться и прямо высказали то, что я предчувствовалъ. Думаю объ этомъ, и не могу надуматься.

Не отвѣчалъ я Вамъ сейчасъ же потому, что былъ съ головою погруженъ въ свою статью: Толки объ Л. Н. Толстомъ [4]), которую теперь почти кончилъ—хочу приписать еще страничку. Писалъ я съ такимъ напряженіемъ, что почти пришелъ въ отчаяніе—видно ужъ потерялась способность живого и легкаго изложенія. Когда то

---

[1]) Константинъ Васильевичъ Кедровъ, Директоръ Имп. Историко-Филологическаго Института въ Петербургѣ; умеръ 1-го мая 1903 г.

[2]) Николай Николаевичъ, художникъ.

[3]) Въ письмѣ № 246.

[4]) Помѣщена въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 9, и перепечатана въ книгѣ „Воспоминанія и отрывки“, С.-Пб. 1892, стр. 131—184. Петербургскіе журналы не рѣшались ее печатать (см. письмо Страхова къ Н. Я. Гроту въ книгѣ „Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911, стр. 244, 246).

прежде я чувствовалъ, какъ мало содержанія въ моихъ мысляхъ и какъ легко мнѣ дается написать все, что задумаю. Теперь на оборотъ: кажется, есть что сказать, а говорить стало очень трудно.

Пишу къ Вамъ и теперь наскоро. Ваши порученія непремѣнно исполню. Есть ли у Васъ книга Розанова О пониманіи? [1]) Тамъ въ концѣ есть подробныя таблицы всѣхъ наукъ. Заглянуть въ эти таблицы не безполезно. Но я постараюсь добыть Вамъ что-нибудь болѣе авторитетное и точное. На Шаслера вполнѣ можно ссылаться. Онъ, послѣ покойнаго Фишера (Vischer), можно сказать, первый эстетикъ нашего вѣка.

Позвольте немного подумать объ Вашихъ вопросахъ касательно наукъ. Черезъ недѣльку отпишу Вамъ подробно.

Объ Зеленецкомъ [2]) похлопочу. Тутъ важно бы знать, гдѣ онъ ищетъ мѣста, въ какомъ округѣ и нужно бы дѣйствовать на попечителя округа. Если Вамъ извѣстно, то напишите при случаѣ.

Фетъ пишетъ мнѣ безстыдныя письма [3]) и прислалъ шесть любовныхъ стихотвореній для замѣчаній, чтобы было больше порядка и ясности въ этихъ изліяніяхъ. Уже три недѣли — не успѣваю этимъ заняться.

Простите меня. Дай Вамъ Богъ здоровья. Скоро напишу Вамъ опять.

Вашъ неизмѣнный Н. Страховъ.

1891. 21 февр. Спб.

249. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[26-го марта 1891 г. Ясная Поляна].

Давно ничего не знаю о васъ дорогой Николай Николаевичъ. Благодарю васъ—мнѣ всегда приходится благодарить васъ а не вамъ меня; вамъ это должно быть радостно—за книжку Спенсера. Только это не въ коня кормъ. Я совсѣмъ забылъ уже то дѣйствіе, к. производитъ на меня Спенсеръ, но при попыткѣ прочтенія этой брошюрки повторялось много разъ испытанное прежде: не скука, но подавленность, уныніе и физическая невозможность читать дальше одной страницы. Между прочимъ мнѣ въ эту минуту она и не нужна была такъ какъ свою статью о наукѣ и искус. я опять отложилъ — она меня отвлекала отъ другаго болѣе по моему мнѣнію важнаго дѣла. Да кромѣ того и взялся я теперь за нее опять не по внутреннему влеченію а по разнымъ натолкнувшимъ обстоятельствамъ изъ к. одно б. то, ч. со мной не разсуждаютъ а махаютъ на меня рукой

---

[1]) Книга Василія Васильевича Розанова, вышедшая въ 1886 г.: „О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія“ (см. выше).

[2]) См. предыдущее письмо.

[3]) Они въ печати не появлялись.

какъ на врага науки и искусства, что мнѣ показалось обиднымъ т. к. я всю жизнь только и занимался тѣмъ чего они меня называютъ врагомъ, считая эти предметы самыми важными въ жизни человѣческой. Выписалъ я себѣ Diderot [1]) и читалъ послѣднее время и вспоминалъ о васъ. Помните вы его De l'interprétation de la nature— первые параграфы до VII, да и далѣе въ особенности тамъ гдѣ онъ говоритъ объ увлеченіи математикой въ его время и о томъ какъ на ея мѣсто станутъ науки естественныя [физическія и какъ они], и о томъ какъ и [ихъ] они дойдутъ до своего предѣла. И какъ ихъ предѣлъ есть полезное. Все это и многое другое поразило меня своей правдой и [глубиной] новизной. [Еще] Если вы не помните или не читали,—чего не можетъ быть, но чему бы я б. очень радъ п. ч. я бы заслужилъ этимъ вашу благодарность, то прочтите или перечтите. — Еще б. у меня на дняхъ Американецъ издатель Herald'a Ньюіоркскаго и изъ разговора съ нимъ да изъ цитатъ попадавшихся мнѣ, я заинтересовался Thomas Paene «Age of reason» и захотѣлось нетолько прочесть но и пріобрѣсти. Если вамъ попадется и недорого то купите на мой счетъ, да еще хотѣлось мнѣ пріобрѣсть «Parerga» и «Paralipomena» Шопенгаура. Тоже и это бы просилъ купить мнѣ при случаѣ во время прогулки но прошу отнюдь не дарить а получить деньги съ Соф. Анд., к. на-дняхъ кажется будетъ въ Петербургѣ, къ великому моему сожалѣнію хлопотать о выпускѣ 13 тома [2]).— Вы не можете себѣ представить какое тутъ— было прежде трагическое, а теперь комическое недоразумѣніе: С. А. хлопочетъ и какъ будто для меня о выходѣ этого тома тогда какъ все въ выходѣ этого тома мнѣ только непріятно — прежде очень но теперь чуть чуть но все-таки—непріятно: непріятно что выходятъ отрывки статей съ урѣзками, непріятно что продаются мои сочиненія, непріятно, что просто появляются теперь, въ этой пошлой формѣ полнаго собранія [3]).—Все [пра] пишу о себѣ а о васъ даже и спросить не могу п. ч. спросивъ о главномъ дѣлѣ вашей жизни о писаніи, боюсь

---

[1]) Знаменитый энциклопедистъ Denis Diderot (род. 1713, ум. 1784) главный редакторъ „Энциклопедіи".

[2]) Т. е. XIII тома Сочиненій Толстого, съ „Крейцеровой Сонатой". О пребываніи графини С. А. Толстой въ Петербургѣ и о ея представленіи Императору Александру III писалъ Страховъ В. В. Розанову: „Жена Л. Н. Толстого была 13 апрѣля принята Государемъ и Государыней. Разговоръ былъ долгій—почти часъ, и всѣ ея просьбы были уважены. Крейцерова Соната явится въ полномъ собраніи, и съ этихъ поръ Самъ Государь будетъ цензоромъ Толстого—того, что онъ впередъ задумаетъ напечатать" и т. д. (см. В. В. Розановъ, Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 268). Однако, милость эта, какъ такая же милость, нѣкогда оказанная Пушкину Николаемъ I, не дала никакихъ благихъ результатовъ, и оба генія не сумѣли ею воспользоваться...

[3]) Ср. Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 344—351 и 353.

что буду спрашивать о себѣ. Успѣшна-ли работа? Это важно. Я по себѣ знаю, что только тогда не совѣстно жить когда думаешь что успѣшно.—Ну пока прощайте, обнимаю васъ.

Л. Толстой.

А мнѣ, охъ какъ много хочется писать и какъ мало силъ! Такую повѣсть, я хотѣлъ бы очень писать, да некогда.

Еще не успѣлъ запечатать это письмо какъ получилъ ваше зак. Благодарю [1]). Пришлите вашу посылку. Все что вы пишете интересуетъ меня.

Вашу статью [2]) прочту съ большимъ интересомъ.

На письмѣ помѣтка Страхова: 26 мар. 1891.

250. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[7-го апрѣля 1891 г. Ясная Поляна].

Прочелъ вашу статью [3]), дорогой Николай Николаевичъ и признаюсь не ожидалъ ее такою. Вы понимаете что мнѣ не удобно говорить про нее и не изъ ложной скромности говорю,—мнѣ непріятно было читать про то преувеличенное значеніе к-ое вы приписываете моей дѣятельности. Было бы несправедливо если бы я сказалъ что я самъ въ своихъ мысляхъ неясныхъ неопредѣленныхъ, вырывающихся безъ моего на то согласія, не поднимаю себя иногда на ту же высоту, но за то въ своихъ мысляхъ я и спускаю себя часто и всегда съ удовольствіемъ на самую низкую низость, такъ что это уравновѣшивается на нѣчто очень среднее. И потому читать это непріятно. Но оставивъ это въ сторонѣ, статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью [и по] и глубокимъ пониманіемъ того христіанскаго духа к-ый вы мнѣ приписываете. Кромѣ того [оне], когда примешь во вниманіе тѣ условія

---

[1]) Письмо это неизвѣстно.

[2]) „Толки объ Л. Н. Толстомъ“; см. слѣдующее письмо.

[3]) „Толки объ Л. Н. Толстомъ“—въ 9-й книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“. 4-го апрѣля Толстой писалъ женѣ своей: „Вчера получилъ статью Страхова. Согласенъ съ тобой, что она до неприличія преувеличиваетъ мое значеніе, но кажется, что независимо отъ того, что онъ такъ льститъ мнѣ, я не ошибусь, сказавъ, что она замѣчательно хороша,—не только хорошо написана, но умна, задушевна, сердечна. Такъ понимать сущность христіанства можетъ только христіанинъ или, лучше—ученикъ Христа. Скажи это Николаю Николаевичу. Я буду писать ему“ (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 347). Въ концѣ года (9-я книга „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ вышла въ свѣтъ въ сентябрѣ 1891 г., такъ что Страховъ послалъ Толстому, очевидно, оттискъ своей статьи) Страховъ, получивъ письмо отъ неиззѣстнаго по поводу этой статьи о Толстомъ, напечаталъ въ тѣхъ же „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ статью: „Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго“. Обѣ статьи перепечатаны въ сборникѣ Страхова „Воспоминанія и отрывки“, С.-Пб. 1892.

цензурныя при к. вы писали поражаешься мастерствомъ изложенія. Но все-таки, простите меня, я буду радъ если ее запретятъ.—

Во всякомъ случаѣ эта ваша статья сблизила меня еще больше съ вами самыми основами.—

Что вы теперь дѣлаете?

С. А. привезетъ мнѣ живую грамоту о васъ. Я все понемногу, упорно иногда съ бодростью, а чаще съ унынiемъ работаю надъ своей статьей и хочется и не смѣю писать художественное. Иногда думаю что не хочу, а иногда думаю что вѣрно и не могу.

Ну пока прощайте, цѣлую васъ.

Л. Толстой.

Все читаю Diderot. Что вы о немъ думаете? [1])

Мой учитель [2]) проситъ главное чтобы ему дали отвѣтъ на поданную имъ докладную записку Делянову. Если нельзя то не надо. Ради Бога чтобъ это не стѣснило васъ [3]).

На письмѣ помѣтка Страхова: 7 апр. 1891.

251. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

14 іюня 1891 г. Петербургъ.

Давно уже я прочиталъ Дидерота, безцѣнный Левъ Николаевичь, и давно собираюсь писать къ Вамъ, да беретъ меня раздумье и навернулись разныя помѣхи. Двѣ смерти: умерла Маргарита, дочка Николая Петровича Семенова [4]), которой шелъ 12-й годъ, и умерла въ Крыму жена моего сожителя Стахѣева [5]), съ которою 16 лѣтъ мы жили въ одной квартирѣ. Маргарита была идоломъ всего семейства Семеновыхъ, особенно отца, была очень красива, очень всѣхъ любила и безподобно училась. Уже два года назадъ она совершенно правильно писала по-русски и по-французски. Притомъ была очень религіозна, читала постоянно Евангеліе, любила и знала церковныя службы. Бѣдная мать говорила мнѣ, что, конечно, Маргарита теперь съ ангелами, что нечего и сомнѣваться въ ея блаженствѣ.

Стахѣева, несмотря на женскую безтолковость, упрямство и прихоти, была, однако, очень хорошая женщина и даже довольно тонко развитая. Мы съ нею очень дружили; для нея смерть—избавленіе она была постоянно больна, но очень жалко Дмитрія Ивановича.

Кажется, я привыкъ, наконецъ, къ этому непрерывному разру-

---

[1]) См. слѣдующее письмо.

[2]) Д. А. Зеленецкій.

[3]) 8-го апрѣля Толстой писалъ женѣ: „Вчера получилъ письмо отъ Страхова, за которое благодари его, если увидишь; и вчера же, до полученія письма отъ него, писалъ ему“. (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 348). Письмо Страхова неизвѣстно.

[4]) Сенатора, дѣятеля освобожденія крестьянъ и друга Н. Я. Даниевскаго.

[5]) Писателя Дмитрія Ивановича Стахѣева, здравствующаго понынѣ

шенію міра, въ которомъ живу, и самъ давно уже собираюсь въ путь. Между тѣмъ здоровье мое замѣтно крѣпнетъ, бронхиты и трахеиты совсѣмъ прошли, колитъ ничуть не безпокоитъ, и я начинаю опасаться, что еще долго придется тянуть лямку. Началъ писать статью Воспоминанія о ходѣ филос. литературы [1]), и иногда очень втягиваюсь, а иногда чувствую большое равнодушіе [2]).

Объ Дидро: Безподобно написано, умно, интересно, но сейчасъ видно, что вылилось сгоряча, безъ долгой думы. Мысли о математикѣ только отчасти справедливы. Наставленія, какъ дѣлать опыты, гораздо лучше обдуманы и изложены у Бакона [3]), а Д. объ немъ и не упоминаетъ. Мысль о живыхъ атомахъ, конечно, интересна, но вѣдь ее предложилъ первый не Мопертюи [4]), котораго статья была поводомъ къ писанію Д., а Лейбницъ [5]), о которомъ Д. тоже ничего не говоритъ и который построилъ свою теорію очень глубокомысленно. Да и Мопертюи пишетъ несравненно строже и основательнѣе, чѣмъ Д. Несравненно больше мнѣ понравилось у Д. его «Entretien entre d'Alembert et D.» и «Rêve de d'Alembert», которыя появились только въ 1830 году.

А все-таки философы прошлаго столѣтія едва ли стоятъ чтенія. То есть, въ нихъ нельзя найти мыслей, соотвѣтствующихъ тому, что теперь мы называемъ серьезною мыслью. Даже Кантъ говоритъ языкомъ и употребляетъ пріемы разсужденія, которые нами уже оставлены. Читать съ полнымъ удовлетвореніемъ можно только начиная съ Фихте [6]). Этотъ говоритъ уже нашимъ языкомъ, и 19-й вѣкъ еще не [опустился] проникъ глубже, чѣмъ онъ умѣлъ [опускаться] проникать въ вопросы. Попробовалъ я добыть для Васъ «Parerga» Шопенгауэра, книжку очень хорошую, но не удалось; буду непремѣнно помнить объ ней. А что Вы скажете о крошечномъ Фенелонѣ [7]), котораго привезла Вамъ отъ меня Софья Андреевна? По моему, это чудесно и весь Боссюэтъ [8]) не стоитъ одной страницы этой книжки. Если

---

[1]) Статья написана не была.

[2]) Въ незадолго до этого вышедшей 7-й книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ появилась статья о Н. Н. Страховѣ Н. Я. Колубовскаго (въ его работѣ „Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. 1855—1888“, прилож., стр. 89—121).

[3]) Роджеръ Бэконъ (р. 1214, ум. 1294), ученый монахъ-физикъ, химикъ, алхимикъ, астрономъ и математикъ.

[4]) Французскій геометръ Pierre-Louis Maupertuis (род. 1698, ум. 1759).

[5]) Нѣмецкій математикъ и философъ (род. 1646, ум. 1716).

[6]) Знаменитый нѣмецкій философъ Іоганнъ-Готтлибъ Фихте (род. 1762, ум. 1814).

[7]) François Fénélon (род. 1651, ум. 1715)—знаменитый французскій писатель, теологъ, моралистъ и публицистъ.

[8]) Jacques-Bénigne Bossuet (род. 1627, ум. 1704)—ораторъ, историкъ, философъ и богословъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ Франціи.

хотите меня отдарить, то Вамъ теперь легко: прикажите послать мнѣ новое изданіе Вашихъ сочиненій. Но прошу Васъ, не стѣсняйте меня: дайте мнѣ свободу посылать Вамъ то, что я сочту того стоющимъ; въ этомъ выборѣ я очень строгъ.

О выходѣ Вашихъ сочиненій я узналъ отъ Суворина [1]). Какъ только онъ напечаталъ, что былъ у Васъ, я сейчасъ же къ нему поѣхалъ, чтобы получить свѣжія новости объ Ясной Полянѣ. Онъ мнѣ все разсказалъ, съ такимъ искреннимъ восхищеніемъ, что тронулъ меня; да и всѣ его вѣсти были хорошія.

Можетъ быть Вамъ разсказывала Татьяна Андреевна [2]), но я долженъ и самъ Вамъ разсказать о моемъ разговорѣ съ графиней Александрой Андреевной [3]). Я еще не успѣлъ подойти къ ней, какъ она начала: «Надѣюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я сдѣлала безъ вашего спросу: я представила Вашу статью [4]) Государю». Такой неожиданный приступъ точно ударилъ меня. Она стала потомъ говорить, что моя статья заставила ее измѣнить свой взглядъ на Вашу дѣятельность. «Вы знаете, что я давно знаю Л. Н., очень люблю его, очень съ нимъ несогласна, много спорила съ нимъ и думала объ немъ, но я не умѣла смотрѣть съ той стороны, съ которой Вы взглянули. Теперь я стала гораздо терпимѣе. Когда зашла рѣчь объ Л. Н., я сказала Государю: у меня есть знакомый писатель Страховъ.—Знаю, говоритъ онъ.—И онъ написалъ объ Л. Н. статью, которая едва ли пройдетъ черезъ нынѣшнюю цензуру, а прекрасно объясняетъ его дѣятельность. И я передала Вашу статью Государю». Очень меня взволновала такая честь, и я благодарилъ Графиню, но всего больше меня радовало, что она, кажется, дѣйствительно стала отказываться отъ своей нетерпимости. Она такъ умна и добра, что для нея это возможно. Но вообще, какъ это трудно! Изъ разговоровъ съ разными людьми, напр., даже съ Суворинымъ я вижу, что ходячее понятіе о религіи необыкновенно крѣпко сидитъ въ умахъ. Почти первое слово объ Васъ: «Какъ онъ смѣетъ проповѣдывать!» У Васъ отнимаютъ самое неотъемлемое и самое простое и невинное право каждаго человѣка.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Львовнѣ, Марьѣ Львовнѣ [5]) и всѣмъ душевно кланяюсь.

Вашъ неизмѣнный

Н. Страховъ.

1891. 14 Іюня. Спб.

---

[1]) Издатель „Новаго Времени“.
[2]) Кузминская.
[3]) Толстою.
[4]) „Толки объ Л. Н. Толстомъ“.
[5]) Дочери Толстого.

Какъ невѣренъ стихъ Пушкина: Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ. Напротивъ, славяне плаксивы. Впрочемъ, это очень молодой стихъ [1]).

Статью Толкия рѣшился, наконецъ, отдать въ Вопросы Философіи, и Гротъ [2]) согласенъ. Тамъ она, вѣроятно, пройдетъ [3]).

252. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[7-го іюля 1891 г. Ясная Поляна].

Спасибо за ваше письмо [4]), дорогой Николай Николаевичъ. Я и такъ былъ въ долгу у васъ.—Скоро уже и августъ; очень радуюсь мысли увидать васъ и переговорить провѣрить свои мысли и услыхать ваши.—Съ вашимъ мнѣніемъ о Diderot и вообще о филос. прошлаго вѣка я совершенно согласенъ. Мнѣ понравились въ немъ именно мысли о математ. и думалось что его мысли объ естеств. наукахъ вамъ будутъ интересны. Алекс. Андр. Толстая теперь гоститъ у насъ;—хотѣла пробыть дольше но сестра ея захворала и она завтра ѣдетъ. Фенелонъ мнѣ ничего не далъ; а я очень люблю такого рода книги. На дняхъ читалъ книгу «Невидимая брань» святогорца Никодима [5]). Прекрасная книга. Есть ли у васъ Исаакъ и Ефремъ Сиріяне? [6])—Я еще на то ваше письмо въ к. вы писали о своемъ планѣ статьи «Воспоминаніе о ходѣ филос. литературы» хотѣлъ написать вамъ что планъ этотъ мнѣ не совсѣмъ нравится. Не совсѣмъ нравится п. ч. онъ слишкомъ свободенъ, не достаточно опредѣленъ. Я впрочемъ не знаю его хорошо, но только догадываюсь. Хорошо или совсѣмъ воспоминанія о своемъ духовномъ развитіи съ подробнымъ внутреннимъ анализомъ, или философское изслѣдованіе въ опредѣленной объективной рамкѣ.—А то я не люблю эту манеру писанья au courant de la plume. Впрочемъ какая не будь форма содержаніе будетъ какъ въ [всемъ] большей части того что вы пишете и я прочту съ удовольствіемъ и пользой.

---

[1]) Стихъ изъ посланія Пушкина „Къ Овидію“ (1821 г.).

[2]) Николай Яковлевичъ.

[3]) Статья появилась именно въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 9. Въ книгѣ 11-й (1892 г.) Страховъ напечаталъ еще „Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго“, полученное имъ по поводу его статьи „Толки объ Л. Н. Толстомъ“. „Отвѣтъ“ Страхова помѣченъ 16-мъ декабря 1891 г.

[4]) Отъ 14-го іюня.

[5]) „Невидимая брань блаженной памяти Старца Никодима Святогорца. Переводъ съ греческаго Епископа Θеофана. Изданіе Аѳонскаго Русскаго Пантелеймонова монастыря“, М. 1886.

[6]) Книги: „Иже во свв. отца нашего аввы Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ Христолюбиваго и града Ниневіи, слова подвижническія“. М. 1858 и „Псалтирь или богомысленныя размышленія, извлеченныя изъ твореній святого отца нашего Ефрема Сиріанина и расположенныя по порядку псалмовъ Давидовыхъ. Изданіе Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря“ (3-е изд., М. 1877).

Наши всѣ а въ томъ числѣ и Ал. Андр. [1]) вамъ кланяются и съ радостью ожидаютъ васъ.

Любящій васъ
Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 7 Іюня [2]) 1891.

253. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[Около 10-го іюля 1891 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ!

Вы всегда пишете: простите, теперь я пишу: простите, простите. Все о томъ учителѣ гимназіи Дмитріѣ Зеленецкомъ [3]), бывшемъ учителемъ въ Ростовѣ на Дону гимназіи. Онъ просится въ Московскій округъ. Не можете ли вы узнать есть ли ему надежда получить мѣсто и подавать ли ему прошеніе.

Мы живемъ по старому въ грѣхахъ, но стараюсь не забывать Бога, что плохо удается. Радуюсь мысли увидать васъ въ августѣ.

Любящій васъ
Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова [4]): 12 Іюля 1891.

254. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

13-го іюля 1891 г. Петербургъ.

Только что сѣлъ отвѣчать Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, на Ваше многосодержательное и очень обрадовавшее меня письмо, какъ получилъ Ваше второе письмо,—объ Зеленецкомъ. Готовъ стараться и даже теперь знаю дорожку для этихъ дѣлъ. Но въ настоящую минуту никого нѣтъ,—ни министра, ни Директора Д-та. Придется дѣло отложить до осени. А теперь—велите Зеленецкому написать 1) Прошеніе Московскому Попечителю и 2) Объяснительную записку, чтобы мнѣ точно знать, о комъ и почему просить и можно бы это сообщить властямъ: Прошеніе и записку пусть пришлетъ ко мнѣ (или къ Вамъ—я заѣду и тогда возьму), а я уже отсюда пошлю прошеніе черезъ Директора Капписту, Московскому Попечителю [5]). Такъ меня научилъ Директоръ, у котораго я имѣю нѣкоторое значеніе. А у министра и у Капписта—никакого значенія; да и сами они очень зыбки и ненадежны въ дѣлахъ и обѣщаніяхъ. Директоръ же—бойкій, твердый человѣкъ, который всѣмъ запра-

---

[1]) Графиня Толстая.
[2]) Ошибочно: надо „іюля".
[3]) См. выше, стр. 429.
[4]) День полученія письма.
[5]) Графъ Павелъ Алексѣевичъ Каппистъ (род. 1842, ум. 1904), съ 1880 по 1895 г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, съ 1895 г. сенаторъ.

вляетъ [1]). Капниста я видѣлъ всего одинъ разъ, на обѣдѣ у Делянова; онъ нападалъ на Васъ, а я Васъ защищалъ,—разумѣется все было слегка и любезно, какъ слѣдуетъ быть на обѣдѣ у министра. И такъ я думаю, что могу кой-что сдѣлать, и очень постараюсь, чтобы чѣмъ-нибудь Вамъ угодить.

Между тѣмъ, планы мои немножко измѣнились: выѣду я раньше, чѣмъ предполагалъ,—нужно мнѣ непремѣнно побывать у Николая Петровича Семенова [2]) и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я и задумалъ выѣхать послѣ 23 іюля, по дорогѣ заѣхать къ Вамъ на нѣсколько дней, потомъ въ Ряжскъ, къ Семенову, прогостить у него недѣли три и опять заѣхать къ Вамъ и вернуться въ Петербургъ къ 1 сентября. Къ тому времени будетъ тутъ Стахѣевъ [3]),—очень хочу его видѣть. Бѣдный пишетъ отчаянныя письма, убивается по женѣ. Вспоминая его рѣчи о смерти, вѣчной жизни и т. д., очень дивлюсь его состоянію.

Стремлюсь душою поговорить съ Вами — такъ много набралось всяческихъ темъ. Ваше мнѣніе о Фенелонѣ очень меня заинтересовало. Вы уже не разъ помогали мнѣ вѣрнѣе понимать писателей, напримѣръ, Макса Миллера [4]), Ренана. Послушаю Васъ и объ Фенелонѣ [5]). «Невидимой брани» — не знаю и постараюсь добыть [6]). Исаакъ и Ефремъ [7]) у меня давно есть и въ Исаака я не разъ старался вникнуть—не могу сказать, чтобы особенно успѣшно.

Что до моей статьи Воспоминанія [8]), то замыслы у меня великіе, и если исполню двадцатую долю, то будетъ уже не дурно. Собственно мнѣ хочется написать очеркъ исторіи философіи за эти сорокъ лѣтъ, за вторую половину девятнадцатаго вѣка, но написать исторію живую, не ту сухую и бездушную компиляцію, какую пишутъ нѣмцы. О себѣ, о своемъ развитіи я говорю лишь настолько, на сколько нужно, чтобы видно было, что я живой свидѣтель дѣла, а не пишу съ чужихъ словъ. Задача можетъ быть выше моихъ силъ; но очень мнѣ хочется сдѣлать хоть пробу, хоть образчикъ.

Когда увидимся, позвольте мнѣ поговорить на эту тему. Писать же au courant de la plume я почти не умѣю, а всегда конецъ статьи мнѣ представляется ранѣе ея начала.

---

[1]) Николай Миліевичъ Аничковъ, нынѣ сенаторъ, Членъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Сенаторъ, см. выше, письмо № 251.

[3]) См. тамъ же.

[4]) См. выше, письмо № 246.

[5]) См. выше.

[6]) Тоже.

[7]) Тоже.

[8]) См. выше, въ письмахъ №№ 251 и 252.

Очень любопытно, что у Васъ говорила и дѣлала Александра Андреевна [1]).

А какой Вы обидчикъ, Левъ Николаевичъ! Написали: «содержаніе будетъ, какъ во всемъ, что вы пишете». Потомъ слова во всемъ зачеркнули и поставили надъ строкой: въ большей части того.

Не стану спорить: вѣроятно, я заслужилъ такую поправку. Но чѣмъ? Что Вамъ пришло на мысль изъ моихъ писаній? Увы! Иногда я самъ смотрю на нихъ очень не ласково. Можетъ быть, Вы вспомните Ваши мысли и скажете мнѣ, когда увидимся.

Соловьевъ недавно напечаталъ, что онъ побѣдилъ меня, заставилъ молчать. Это уже третья его статья [2]), въ которой онъ на меня нападаетъ и не слышитъ отъ меня отвѣта. Вы видите, я Васъ слушаюсь. И объ этомъ нужно посовѣтоваться съ Вами.

Да мало ли еще о чемъ! Съ радостью думаю, что это уже не далеко.

Простите меня, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Передъ отъѣздомъ я еще напишу Вамъ. Мой поклонъ и усердное почтеніе Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Львовнѣ и Марьѣ Львовнѣ.

Вашъ навсегда преданный и неизмѣнный

1891. 13 іюля. Спб. Н. Страховъ.

255. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

5-го сентября 1891 г. Петербургъ.

Пишу къ Вамъ не своею рукою, безцѣнный левъ Николаевичъ, потому что повредилъ себѣ указательный палецъ правой руки. Мнѣ нужно сообщить Вамъ не совсѣмъ пріятное извѣстіе о Зеленецкомъ [3]). На другой-же день послѣ пріѣзда мнѣ удалось видѣть директора Департамента [4]), и онъ твердо и безповоротно отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. Оказалось, что ему подробно извѣстно дѣло Зеленецкаго; онъ утверждалъ, что изслѣдованіе было сдѣлано самымъ тщательнымъ образомъ, что З. надѣется теперь укрыться тѣмъ, что одинъ изъ свидѣтелей умеръ, и т. д. Я изъ рѣчей директора увидѣлъ, что или З. дѣйствительно виноватъ, или же такъ искусно оклеветанъ, что разсѣять эту клевету чрезвычайно трудно. Дѣло касается самого министра, который, какъ это и мнѣ извѣстно, очень снисходителенъ въ такихъ случаяхъ, но тутъ вынужденъ былъ къ строгости.

Что сказать Вамъ о себѣ? Ясная Поляна меня оживила и многобы нужно писать, если бы я задумалъ выражать Вамъ мою душевную благодарность. Петербургъ мнѣ показался очень противенъ и

---

[1]) Графиня Толстая.

[2]) „Запоздалая вылазка изъ одного литературнаго лагеря“—въ „Вѣстникѣ Европы“ 1891 г., іюль, стр. 416—420 (по поводу книги Д. Щеглова „Исторія соціальныхъ системъ“).

[3]) Учитель, о которомъ хлопоталъ Толстой (см. выше).

[4]) Н. М. Аничкова (см. выше).

физически, и нравственно. Въ Москвѣ я повидался съ Лопатинымъ [1]), который мнѣ все больше нравится, и познакомился съ Говорухою-Отрокомъ [2]), провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ, но къ удивленію нашелъ въ немъ что-то загадочное, и симпатія, которую возбудили во мнѣ его писанія, чуть-ли не уменьшилась.

Очень радуюсь, что наши дружескія отношенія со Стахѣевымъ [3]) совершенно возстановились и что онъ немножко успокоивается, хотя и довольно часто заливается слезами. Сынъ его, къ большому его удовольствію, поступилъ съ сегодняшняго дня на казенную службу.

Напишу Вамъ больше, когда буду владѣть рукою.

Дай Вамъ Богъ здоровья и всякой радости.

Вашъ неизмѣнно преданный

Н. Страховъ.

5 сент. 1891 г. Спб.

P. S. Изъ-за пальца не могъ я достать Лихтенберга [4]), но при первой возможности разрою свои книги и пришлю Вамъ.

256. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[5-го—6-го ноября 1891 г. Бѣгичевка] [5]).

Не зналъ, куда писать вамъ. Пишу въ Пб-гъ. Благодарю васъ за Лихтенберга [6]) и за два письма [7]). Я все думалъ перехватить васъ при проѣздѣ, но теперь я внѣ дома. Я у Раевскаго [8]) въ

---

[1]) См. выше.

[2]) Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ (род. 1854, ум. 27-го іюля 1896) критикъ, постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“. О немъ см. въ книгѣ В. В. Розанова: Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913.

[3]) Сожитель Страхова, писатель Д. И. Стахѣевъ, недавно передъ тѣмъ овдовѣвшій; онъ говоритъ о Страховѣ въ своихъ воспоминаніяхъ, недавно помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

[4]) Вѣроятно „Афоризмы“ извѣстнаго нѣмецкаго физика и моралиста Georg-Christoph Lichtenberg'a (род. 1742, ум. 1799). Русскій ихъ переводъ (изданіе Л. Ѳ. Пантелѣева) вышелъ въ 1899 г. въ переводѣ Н. М. Соколова.

[5]) Писано изъ поѣздки Толстого съ дочерьми и племянницей въ Данковскій уѣздъ, въ деревню Бѣгичевку, въ имѣніе И. И. Раевскаго, для открытія столовыхъ въ пользу голодающихъ. См. письма Толстого къ женѣ отъ 29-го октября 1891—27-го іюля 1892 г., въ которыхъ содержится подробная картина жизни и дѣятельности Толстого „на голодѣ“. По поводу настоящаго письма къ Страхову, по полученіи его письма (№ 255), Толстой писалъ женѣ своей 6-го ноября: „Милый Страховъ. Я писалъ ему маленькое письмо въ Петербургъ“. (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 365).

[6]) См. предыдущее письмо.

[7]) Одно изъ нихъ было отъ 15-го сентября и заключало какую-то просьбу Страхова и Н. Я. Грота („Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911, стр. 247).

[8]) Иванъ Ивановичъ Раевскій (род. 26-го октября 1835 г. въ Москвѣ), сынъ Епифанскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства Ивана Артемьевича, Раевскаго отъ брака его съ Екатериною Ивановною Бибиковою (которою

Данков. уѣз. съ Тан., Маш. и Вѣр. Куз. [1]). Живемъ мы очень хорошо: дѣла очень много—и дѣла думается нужнаго. Простите что пишу

до ея замужества, такъ увлекся несчастный поэтъ Полежаевъ), въ 1857 году окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ кандидатомъ отдѣленія математическихъ наукъ Физико-Математическаго Факультета, послѣ чего жилъ въ своихъ Тульскихъ имѣніяхъ и въ Тулѣ, служа по земству и состоя Почетнымъ Мировымъ Судьею Епифанскаго уѣзда, гдѣ у него было старинное родовое помѣстье—село Никитское; въ 1858 г. онъ женился на Еленѣ Павловнѣ Евреиновой (братъ коей—Дмитрій Павловичъ—впослѣдствіи былъ Орловскимъ губернаторомъ, а сестра Александра—замужемъ за упомянавшимся выше Петромъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ). Любопытный портретъ его рисуетъ хорошо знавшій Раевскаго А. М. Новиковъ (учительствовавшій тогда у Толстыхъ въ Ясной Полянѣ) въ своей статьѣ: „Л. Н. Толстой и И. И. Раевскій“ („Международный Толстовскій Альманахъ, составленный П. Сергѣенко. о Толстомъ“, М. 1909, стр. 136—200); изъ его разсказа видно, что Раевскій, несмотря на то, что былъ моложе Толстого, былъ съ нимъ „на ты“; это былъ человѣкъ огромнаго роста, добродушный, высоконравственный всегда ласково относившійся ко всѣмъ и сердечный,—вообще личность неотразимо привлекательная и оригинальная, съ художественнымъ чутьемъ и любовію къ чистой наукѣ. Онъ изрѣдка бывалъ и въ Ясной Полянѣ, гдѣ члены его семьи были частыми гостями. Съ первыхъ извѣстій о надвигавшемся осенью 1891 г. голодѣ въ Тульской губерніи Раевскій и его семья съ жаромъ отдались дѣлу служенія народу, и на этомъ самоотверженномъ служеніи И. И. Раевскій, побудившій и Толстого принять участіе въ борьбѣ съ голодомъ,—умеръ отъ инфлюэнцы, которую получилъ, по разсказу г. Новикова, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Въ ноябрѣ, въ слякоть и непогоду, онъ возвращался съ Епифанскаго Земскаго Собранія въ Бѣгичевку. Деревенская нищета бродила въ это время по дорогамъ перебираясь изъ деревни въ деревню за милостыней. И вотъ по дорогѣ, Раевскій одного за другимъ неимущихъ сажаетъ къ себѣ. На гору ему приходится сойти съ экипажа и взбираться пѣшкомъ. Онъ промачиваетъ ноги и съ мокрыми ногами ѣдетъ почти полдороги... На другое утро И. И. почувствовалъ, что ему нездоровится. Но надо было ѣхать въ Данковъ, на Земское Собраніе,—еще верстъ 40 въ непогоду на телѣжкѣ. Поторопившись вернуться изъ Данкова, онъ пріѣхалъ уже больной, съ сильной инфлюэнціей. На 2-й или 3-й день болѣзни онъ написалъ своей женѣ въ Тулу. Врѣзались въ памяти первыя строчки изъ этого письма: „Мой милый ангелъ! Простишь-ли ты меня? Первый разъ въ жизни я скрылъ отъ тебя, не написалъ тебѣ, что я боленъ“. Получивъ письмо, Е. П. Раевская съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ помчалась въ деревню, но застала мужа уже въ агоніи, въ безсознательномъ состояніи. Черезъ нѣсколько дней его не стало“ (стр. 198—199). Это случилось 26-го ноября; Толстой былъ страшно пораженъ этою смертію и говорилъ графинѣ А. А. Толстой, что „никакая смерть не дѣйствовала на него такъ сильно“ („Толстовскій Музей“, т. I, стр. 70); онъ собирался писать его некрологъ, но не выполнилъ, къ сожалѣнію, этого намѣренія (Письма Т. къ женѣ, стр. 377). Объ И. И. Раевскомъ см. еще: Б. Л. Модзалевскій, Родъ Раевскихъ, С.-Пб. 1908, стр. 74; „Архивъ Раевскихъ“, подъ его же редакціею, т. V и Н. В. Давыдовъ, Изъ прошлаго, М. 1913, стр. 282.

[1]) Толстого сопровождали въ поѣздкѣ его дочери—графини Татьяна и Марья Львовны—и племянница Вѣра Александровна Кузминская.

такъ и заплатите добромъ—напишите подлиннѣе. Адресъ Данковск. уѣзда. Почтовая ст. Чернава.

Л. Н. Т.

На оборотѣ письма адресъ: Петербургъ. У Торговаго моста, д. Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

Почтовый штемпель: Чернявская п. с. Рязанск. г. 6 ноя. 1891 г.

257. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

[18—19-го ноября 1891 г. Бѣгичевка].

Нѣтъ дорогой Ник. Ник. не всѣ говорятъ что вы здоровѣй прежняго [1]). Тат. Анд. [2]) пишетъ что Н. Н. что-то унылъ. Видно она любитъ васъ истинно и пот. замѣчаетъ что дѣлается у васъ на душѣ.—Я съ этими періодами унылости, упадка духа мирюсь тѣмъ, что признаю это состояніе сномъ, во время кот. дожидаюсь пробужденья терпѣливо и стараюсь только не повредить себѣ, своей дѣятельности и не жду отъ себя ничего путнаго.—Если бы даже сонъ этотъ продолжался и до самой смерти то это не помѣшало бы мнѣ ждать пробужденія и еще болѣе радостнаго съ еще болѣе возобновленными силами. Дѣло наше [3]) идетъ очень хорошо. Страшно говорить. Все разростается и разростается. Теперь съ 6-ю Философскими [4]) 23 столовыя въ к. кормятся я думаю до 1000 человѣкъ. И если бы вы видѣли какъ это все дѣлается добро и просто. Много хорошихъ чувствъ я испыталъ и радуюсь за дѣвочекъ [5]). Все это не то. Чѣмъ ближе къ этому дѣлу тѣмъ очевиднѣе свои грѣхи, но утѣшаешься тѣмъ что желалъ бы лучше и чувствуешь всю свою мерзость и недостаточность.

О томъ, что вы пишете о Соловьевѣ, я и согласенъ и несогласенъ. Разумѣется цѣль къ к. должно и свойственно стремиться человѣку никакъ не есть его благополучіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не есть и его спасеніе: цѣль есть подчиненіе, наибольшее сліяніе съ волею Отца; воля же Отца есть съ нашей человѣческой точки зрѣнія установленіе царства Божія—единенія всѣхъ въ Немъ.

Стремясь къ [исполн] сліянію съ волей Отца, невольно достигаешь установленія Ц. Б. [6]). Стремясь къ установленію Ц. Б. неизбѣжно придешь къ необходимости сліянія съ волей Отца. Только черезъ сліяніе своей воли съ волею Отца возможно содѣйствіе установленію Ц. Б. Я изъ этого не могу выдти. И для меня въ этомъ все.

Прощайте милый другъ отъ души, любя цѣлую васъ. Не считайте себя одинокимъ, Васъ любятъ и я первый. — И не думайте,

---

[1]) Письмо Страхова, на которое отвѣчаетъ Толстой, неизвѣстно.
[2]) Кузминская.
[3]) По борьбѣ съ голодомъ.
[4]) Т. е. Философовскими, устроенными Н. Н. Философовой.
[5]) Т. е. за дочерей и племянницу.
[6]) Т. е. Царства Божія.

чтобы была еще какая-нибудь лучшая любовь у насъ семейныхъ людей. Все она одна—настоящая.

Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 19 ноября 1891.

258. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

[13-го декабря 1891 г. Бѣгичевка].

Сейчасъ только прочелъ ваше какъ всегда доброе и умное и интересное письмо [1]). Мы были въ Москвѣ и нынче вернулись. Да впрочемъ Вѣра [2]), наша милая сотрудница и сожительница вамъ все разскажетъ. Дѣло наше все растетъ и все больше и больше захватываетъ.—Впрочемъ письмо это не считайте письмомъ а просьбой.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Одно изъ главныхъ бѣдствій (впрочемъ всѣ главныя) это погибель скота отъ безкормицы и, главное, рабочей силы—лошадей. Спасеніе лошадей въ томъ чтобы для нихъ устраивали столовыя, дворы гдѣ ихъ кормить до весны. Главный расчетъ тотъ что если у 4-хъ мужиковъ, у каждаго поразнь есть лошадь к-ую каждый поразнь кормитъ и хочетъ уберечь, то кончится тѣмъ что каждый не докормитъ до весны и всѣ 4 лошади падутъ. Если устроить общее кормленіе то на цѣну одной лошади изъ 4-хъ даже если бы и двухъ, можно прокормить остальныхъ. Это одно средство спасенія лошадей к-ое мы стараемся организовать; другое въ томъ чтобы перевозить лошадей въ тѣ мѣста гдѣ есть кормъ. Это я и дѣлаю отчасти, но затрудненіе въ томъ что провозъ по удешевленному тарифу $1^1/_4$ коп. съ версты за лошадь составляетъ огромную недоступную цифру при дешевизнѣ лошадей и дальности разстояній. Я просилъ Предс. Кр. Кр. Кауфмана [3]) о перевозкѣ безплатной 80 лошадей въ Калужск. губ. Онъ не разрѣшилъ общей мѣры (не ходатайствовалъ о ней), а прислалъ мнѣ деньги на уплату желѣзн. дороги. Это любезно съ его стороны, (но?) не хорошо. Важна общая мѣра.—Теперь съ нынѣшней почтой я получилъ съ Кавказа отъ людей занятыхъ тамъ изысканіемъ средствъ для спасенія лошадей, [пред] и заарендовавшихъ тамъ для этой цѣли 30-ть десятинъ пастбищъ, предложеніе принять туда десятки тысячъ лошадей для прокорма если бы только можно было ихъ туда доставить. Я нынче же пишу опять Кауфману, прося его объ исходатайствованіи безплатнаго провоза. Но боюсь что онъ не постарается. Гротъ [4]) к.

---

[1]) Оно неизвѣстно.

[2]) В. А. Кузминская.

[3]) Генералъ-адъютантъ Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ (род. 1822, ум. 1902). Объ томъ же писалъ Толстой и графинѣ А. А. Толстой (см. „Толстовскій Музей“, т. I, стр. 370).

[4]) Николай Яковлевичъ Гротъ.

здѣсь съ нами пишетъ нынче Семенову [1]). Не можете ли поговорить объ этомъ вашимъ сильнымъ друзьямъ изъ кот. первый и самый важный и дѣльный я думаю Вышнегр. [2]).—Разрѣшеніе этой перевозки безплатной на Кавказъ тѣмъ легче бы было дать что большое количество вагоновъ везущихъ хлѣбъ съ Кавказа должны возвращаться назадъ пустыми. Отъ чего бы ихъ не грузить лошадьми?

Цѣлую васъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

На письмѣ помѣтка Страхова: 13 дек. 1891.

259. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову.

[26-го апрѣля 1892 г. Бѣгичевка].

Спасибо вамъ за ваше письмо дорогой Ник. Ник. [3]). Всегда съ особенно пріятнымъ чувствомъ распечатываю письмо съ вашимъ почеркомъ на адресѣ. Книгу вашу «Міръ к. ц» [4]) я получилъ въ Москвѣ и прочелъ предисловіе, прочелъ и вашу статью въ Н. В. [5]). Вы выразили въ ней ваше несогласіе со мной. Хорошо въ ней и очень то что она трактуетъ съ искренностью — и потому серьезностью и заразительностью — о самыхъ важныхъ предметахъ въ мірѣ «о томъ что единое на потребу» но, мнѣ кажется что хотя и три ступени совершенства вѣрны ихъ опредѣленіе не вѣрно: право есть [общественное] произведеніе общества, милосердіе есть извѣстное дѣйствіе, святость есть извѣстное состояніе и очень неопредѣленное, или недостижимый идеалъ. Ну да я м. б. ошибаюсь, я пишу вспоминая свое впечатлѣніе при чтеніи и вы не приписывайте важности моимъ словамъ.

Соединеніе и переводъ Еванг. кажется вышелъ неполный. Если это такъ то мнѣ не нужно его. Если же полный то пришлите одинъ экз. хоть сюда. Очень вамъ благодаренъ и за это и за «Parerga» [6]). Очень радъ вашему хорошему состоянію. Неужели вы все лѣто про-

---

[1]) Своему дядѣ, сенатору Николаю Петровичу Семенову.

[2]) Министръ Финансовъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій (ум. 1895.-

[3]) Оно неизвѣстно. Вѣроятно о немъ писалъ Толстой женѣ 3-го марта: „Сейчасъ получилъ съ Петей [Раевскимъ] замѣчательно умное письмо Страхова“ (Письмо Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 400).

[4]) Т. е. „Міръ, какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ“ — 2-е, исправленное и дополненное изданіе (С.-Пб. 1892) сочиненія Страхова, впервые изданнаго въ 1872 году.

[5]) Статья Страхова была напечатана въ № 5784 „Новаго Времени“ отъ 5-го апрѣля 1892 г. и носила названіе „Справедливость, милосердіе и святость“. По поводу нея см. статьи: Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи Отрока) „Литературныя Замѣтки. Любовь и страхъ“ („Моск. Вѣд.“ 1892 г., № 99) и Вл. С. Соловьева „Отрицательный идеалъ нравственности“—въ „Русск. Обозр.“ 1892 г., кн. 4, стр. 804—811. См. также у В. В. Розанова, „Литературные изгнанники“. Т. I, С.-Пб. 1913, стр. 330.

[6]) Шопенгауэра.

ведете въ П-бгѣ?—Мы теперь съ Машей [1]) здѣсь одни. Очень много дѣла. Но въ послѣднее время мнѣ стало нравственно легче. Чувствуется что нѣчто дѣлается и что твое участіе хоть немного но нужно.—Бываютъ хорошія минуты но большей частью, копаюсь въ этихъ внутренностяхъ въ утробѣ народа; мучительно видѣть то униженіе и развращеніе до кот. онъ доведенъ.—И они все его хотятъ опекать и научать. Взять человѣка напоить пьянымъ, обобрать, да еще связать его и бросить въ помойную яму, а потомъ указывая на его положеніе говорить что онъ ничего не можетъ самъ и вотъ до чего дойдетъ предоставленный самому себѣ — и пользуясь этимъ продолжать держать его въ рабствѣ. Да только перестаньте хоть на одинъ годъ спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите что онъ сдѣлаетъ и какъ онъ достигнетъ того благосостоянія о к. вы и мечтать не смѣете. Уничтожьте выкупн. платежи, уничтожьте земск. нач. [2]) и розги, уничтожьте . . . . . государственную [т. е.] дайте полную свободу вѣры, уничтожьте обязательную воинск. пов. [3]), а набирайте вольныхъ если вамъ нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народѣ, водку, запретите—и посмотрите, что будетъ съ русскимъ народомъ черезъ 10 лѣтъ. Скажутъ что это невозможно. А если не возможно, то невозможно ничѣмъ помочь и чѣмъ больше заботиться о народѣ тѣмъ будетъ все хуже и хуже какъ это и шло и идетъ. И вся дѣятельность правительствен. не улучшаетъ а ухудшаетъ положеніе народа и участвовать въ этой дѣятельности—грѣхъ. Ну вотъ разболтался—простите. Цѣлую васъ.

Любящій васъ Л. Т.

На письмѣ помѣтка Страхова: 26 апр. 1892.

260. Л. Н. Толстой—Н. Н. Страхову.

3-го сентября [1892 г. Ясная Поляна].

Дорогой Николай Николаевичъ.

Получилъ ваше чудесное письмо [4]) и—и согласился и не согласился съ нимъ. Не согласился п. ч. письмо ваше лучше всего подтверждаетъ мои слова и опровергаетъ его содержаніе. Въ письмѣ этомъ вы именно дѣлаете то ч. я вамъ совѣтовалъ и послѣдствія этого то что вы и убѣждаете и умиляете меня.—Нѣтъ я остаюсь при своемъ мнѣніи. Вы говорите что Достоевскій описывалъ себя въ своихъ герояхъ воображая что всѣ люди такіе. И что жъ! ре-

---

[1]) Графиня М. Л. Толстая, по мужу княгиня Оболенская.

[2]) Земскихъ Начальниковъ.

[3]) Воинскую повинность.

[4]) Оно неизвѣстно, какъ неизвѣстно и письмо отъ конца октября—начала ноября 1892 г., про которое сообщалъ Толстой своей женѣ 6-го ноября: „Страховъ пишетъ очень интересно о чтеніи поэта Мережковскаго о литературѣ“ (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 431).

зультатъ тотъ что даже въ этихъ исключительныхъ лицахъ не только мы родственные ему люди но иностранцы узнаютъ себя свою душу. Чѣмъ глубже зачерпнуть тѣмъ общѣе всѣмъ знакомѣе и роднѣе.—Нетолько въ художественныхъ но въ научныхъ философскихъ сочиненіяхъ, какъ бы онъ ни старался быть объективенъ—пускай Кантъ пускай Спиноза,—мы видимъ, я вижу душу только умъ характеръ человѣка пишущаго. Получилъ и вашу брошюру изъ Рус. Вѣстн. [1]) и очень мнѣ понравилось. Такъ кратко и такъ содержательно. Знаю что вы уже не передѣлаетесь, да я и не думаю объ этомъ; но и въ вашей манерѣ писать есть то самое что выражаетъ сущность вашего характера. Ну да я кажется запутался. Цѣлую васъ, прощайте пока. Я все живу по старому. Все тоже работаю и все также ближусь къ концу но не достигаю его.—Пишите пожалуйста. Мы надняхъ ѣдемъ на короткое время въ Бѣгичевку.

Любящій васъ Л. Толстой.

3 Сентября. Погода чудная.

На письмѣ помѣтка Страхова: 5 Сент. 1892.

261. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

Эмсъ. 29-го іюня ст. ст. 1893 [2]).

Въ 1875 году, въ Римѣ, я получилъ отъ Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, письмо; Вы писали, между прочимъ, что торопитесь отвѣчать, зная, какъ пріятно на чужбинѣ получать письма съ родины [3]). И теперь очень мнѣ захотѣлось этого удовольствія, не говоря о другихъ моихъ побужденіяхъ писать къ Вамъ. Нужно, во первыхъ, передъ Вами исповѣдаться. Поѣхалъ я сюда больше всего для того, чтобы посильнѣе встряхнуть себя, выбить изъ колеи, въ которой я такъ однообразно двигаюсь уже столько лѣтъ. Кромѣ того, давно уже я собирался въ Эмсъ; девять лѣтъ тому назадъ я по опыту узналъ, какъ хорошо дѣйствуютъ эти воды, а послѣдняя зима досталась мнѣ очень тяжело изъ-за моей груди. Наконецъ, мнѣ хотѣлось подумать, а нигдѣ такъ хорошо не думается, какъ въ дорогѣ и въ чужомъ мѣстѣ.

Все идетъ, какъ слѣдуетъ. Когда я пріѣхалъ, то поспѣшилъ отыскать тотъ домъ, въ которомъ прежде жилъ; комната моя оказалась свободною, и я съ радостію занялъ ее, хотя чувствовалъ, что это возвращеніе на старое противно моему плану. Но скоро я получилъ хорошую встряску. Когда началъ пить воды, я почув-

---

[1]) Статья Страхова „Ходъ и характеръ современнаго естествознанія“ („Русскій Вѣстн.“ 1892 г., кн. 3, стр. 230—249).

[2]) Изъ Эмса писалъ Страховъ и В. В. Розанову (см. его книгу: Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 363—370).

[3]) Оно неизвѣстно: см. выше, стр. 61.

ствовалъ себя жестоко больнымъ и цѣлую недѣлю бродилъ по Эмсу, весь ноя и едва держась на ногахъ. Теперь, однако, все проходитъ и лѣченье оказываетъ свое дѣйствіе. «Все онъ возится съ собою!» скажете Вы. Да что же мнѣ дѣлать, безцѣнный Левъ Николаевичъ? Я много думалъ о томъ, не могу ли я быть полезнѣе, и ничего не придумалъ. Разныя дѣла привязываютъ меня къ моему положенію, какъ веревки, идущія во всѣ стороны. Вотъ, напримѣръ, изданіе Фета [1]). Волей-неволей пришлось взяться за наслѣдство несравненнаго поэта, никуда не годнаго по образу мыслей и очень недурнаго человѣка. Вел. Князь, добрѣйшій Константинъ Константиновичъ [2]), присылалъ мнѣ для прочтенія письма къ нему отъ Фета. За эти пять лѣтъ ихъ набралось 118! Можете себѣ представить, какъ старался Аѳанасій Аѳанасьевичъ и какъ онъ былъ доволенъ такимъ корреспондентомъ! Вел. Князь, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что Аѳ. Аѳ. былъ человѣкъ превосходно воспитанный. Ну, обо всемъ этомъ пришлось бы много поговорить, да можетъ быть еще и удастся.

Потомъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, меня очень занимала «Колонія славянофиловъ», которую я открылъ на Петербургской сторонѣ. Т. И. Филипповъ, Госуд. Контролеръ и извѣстный ревнитель православія [3]), набралъ къ себѣ въ Контроль цѣлую толпу писателей. 1., Аѳ. В. Васильевъ [4]), 2., Каблицъ [5]), 3., Т. Соловьевъ [6]), 4., Н. Аксаковъ [7]), 5. Романовъ [8]), 6. В. В. Розановъ [9]). О послѣднемъ Вы кое-что знаете, и онъ-то, перебравшись недавно въ Петербургъ, свелъ меня съ нѣкоторыми изъ нихъ. Какіе умные, чистосердечные и скромные люди! Розановъ [10]) во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—звѣзда между

---

[1]) За изданіе это Страховъ принялся по просьбѣ вдовы Аѳанасія Аѳанасьевича Шеншина—Марьи Петровны, рожд. Боткиной (ум. въ мартѣ 1894 г.) и выпустилъ его, со своею статьею о поэтѣ, въ Петербургѣ, въ 1894 г., въ 2 частяхъ („Лирическія стихотворенія“).

[2]) Президентъ Императорской Академіи Наукъ и Почетный Академикъ, извѣстный поэтъ К. Р.

[3]) Тертій Ивановичъ Филипповъ, ранѣе одинъ изъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“, писатель и публицистъ; род. 24-го декабря 1825, ум. 30-го ноября 1899 г. Носилъ званіе „Епитропа Гроба Господня“.

[4]) Аѳанасій Васильевичъ Васильевъ, нынѣ членъ Совѣта Государственнаго Контроля.

[5]) Іосифъ Ивановичъ Каблицъ (род. 1843, ум. 4-го августа 1893), писатель подъ псевдонимомъ „Юзовъ“, сотрудникъ „Недѣли“ и др. изданій.

[6]) Тимоѳей Петровичъ Соловьевъ.

[7]) Николай Петровичъ Аксаковъ, публицистъ, богословъ и поэтъ (род. 1853, ум. 5-го апрѣля 1909).

[8]) Иванъ Ѳедоровичъ Романовъ, писатель подъ псевд. „Рцы“.

[9]) Объ этомъ кружкѣ, въ составъ котораго входилъ еще С. Ѳ. Шараповъ, см. въ книгѣ Василія Васильевича Розанова: Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 364—365.

[10]) Написавшій хвалебную статью о Страховѣ и его книгѣ „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ (см. выше, письмо № 237 и сл.).

ними. Мнѣ придется, кажется, больше всего внушать имъ всякое вольнодумство: они почти всѣ съ такимъ же жаромъ отдаются консерватизму, съ какимъ когда-то нигилисты бросались въ нигилизмъ. Во всякомъ случаѣ кружокъ мой замѣтно измѣнился и оживился. Розановъ—удивительно милое существо.

Очень пріятно мнѣ было также ближе сойтись съ Хирьяковымъ [1]), который переписываетъ Ваши письма ко мнѣ для Черткова. Я не спрашивалъ Вашего позволенія дѣлать эти копіи,—зная напередъ, что тутъ затрудненія быть не можетъ. Отца Хирьякова [2]) я часто видалъ у покойнаго Я. К. Грота [3]), котораго мы съ искреннимъ горемъ проводили въ могилу. Кромѣ своихъ да академиковъ за гробомъ—увы—никого не было! Хирьяковъ очень симпатиченъ и привлекаетъ меня своею сдержанностію.

Теперь скажу и о своихъ затѣяхъ. На очереди, мнѣ кажется, двѣ: 1) Объ послѣднихъ Вашихъ художественныхъ вещахъ. Необходимо написать—до того дурно они оцѣнены, и до того они важны, и до того мнѣ хочется. 2) Задумалъ я Письма о философіи—такъ, десять, двѣнадцать [4]). Изложить въ нихъ понятіе о философіи вообще,—разумѣется подкрѣпляя частными примѣрами и разборами. Все мнѣ хочется найти самую свободную форму писанія. Иногда падаю духомъ, а иногда заношусь, и тогда мнѣ приходитъ на мысль просить у Васъ позволенія посвятить Вамъ эти письма. Вы вѣдь много виноваты въ моей философіи и въ томъ, что я такъ пренебрегаю Русскою литературою. Недавно я кой-что перечиталъ и кой-что вновь прочелъ: Гаршина, Короленко, Чехова—да вѣдь это серіозная литература, не чета Zola, котораго Докторъ Паскаль, кромѣ досады, пока ничего мнѣ не далъ. Ученый не похожъ на ученаго, лѣкарь не похожъ на лѣкаря, описаніе любви—фантастическое, въ теоріи наслѣдственности—никакого смысла, все одна шумиха и пустозвонство. Кажется, я самъ не хуже бы написалъ.

Въ Эмсѣ придется мнѣ пробыть еще недѣли три съ половиной. Жить здѣсь пріятно и, въ сущности, дешево. Живешь какъ будто въ саду, причемъ не полагается ни пыли, ни комаровъ и мухъ, ни

---

[1]) Александръ Модестовичъ Хирьяковъ (род. 1863 г.), писатель, сотрудникъ „Сѣвернаго Вѣстника“, „Міра Божьяго“, „Образованія“, „Новостей“ и другихъ изданій, публицистъ, критикъ, беллетристъ и фельетонистъ. См. выше, наше предисловіе, стр. 3.

[2]) Горный инженеръ Модестъ Николаевичъ Хирьяковъ служилъ по Горному вѣдомству и въ 1880-хъ годахъ былъ окружнымъ инженеромъ горныхъ заводовъ Олонецкой и Архангельской губерній.

[3]) Вице-Президентъ Имп. Академіи Наукъ и Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ скончался 21-го мая 1893 года.

[4]) Не было напечатано.

клоповъ и блохъ, ни большаго жара, ни большаго холода. Въ теченіе сутокъ 12°—22° R. тепла. Изъ Эмса я сдѣлаю маленькую поѣздку въ Мюнхенъ, послушаю Вагнера, а потомъ, если позволите, заѣду на недѣльку въ Ясную Поляну. Есть слухи, что Вы уже кончили Вашу книгу [1])—можетъ быть мнѣ можно будетъ прочесть. Во всякомъ случаѣ, я знаю, Вы очень заняты; но если найдется свободная минутка, утѣшьте меня, напишите мнѣ нѣсколько строкъ, а именно: во второй половинѣ августа застану ли я Васъ въ Ясной Полянѣ? [2]).

Дай Богъ Вамъ всякаго добра! Мои усердные поклоны Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ [3]), Татьянѣ Львовнѣ и Маріѣ Львовнѣ [4]) и всѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ неизмѣнно преданный

Н. Страховъ.

1893. 12 іюля н. ст. Эмсъ.

Адресъ конечно: Ems, poste restante. Да не будетъ ли у Васъ мнѣ какого-нибудь порученія за-границей? Съ радостью все исполню.

Къ письму приложено слѣдующее стихотвореніе Страхова:

Я поднялъ взоръ: во всѣхъ мірахъ я зрю одно;
И внизъ взглянулъ: во всѣхъ волнахъ я зрю одно.

Взглянулъ я въ сердце: бездна, океанъ міровъ,
Мечты безъ счета, и—во всѣхъ мечтахъ одно.

Хоть солнце—только отблескъ Твоего сіянья,
Но свѣтъ во мнѣ и Твой—одно лишь въ основаньи.

Хоть міроздапья кругъ—лишь прахъ у ногъ Твоихъ,
Но все одно; мое, Твое—одно лишь бытіе.

Горишь ли, сердце, ты, иль носишься въ волнахъ,
Огонь, вода—одна стихія; будь лишь чисто, будь Твое!

Джелаледдинъ Рума [5]).

Переведено въ Эмсѣ, въ іюнѣ 1893, съ перевода Рюккерта [6]).

---

[1]) „Царство Божіе внутри васъ“.

[2]) Получивъ письмо Страхова, Толстой писалъ своей женѣ 13-го іюля: „Есть письмо отъ Страхова, который пишетъ, что въ августѣ заѣдетъ. Я напишу ему, приглашая“ (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 448). Это пригласительное письмо Толстого не извѣстно.

[3]) Кузминская.

[4]) Дочери Толстого,—впослѣдствіи Сухотина и княгиня Оболенская.

[5]) Персидскій поэтъ, умершій въ 1272 году.

[6]) Фридрихъ Рюккертъ (род. 1789, ум. 1866)—извѣстный нѣмецкій поэтъ и оріенталистъ, профессоръ Берлинскаго Университета, переводчикъ персидскихъ поэтовъ.

262. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

3-го августа 1893 г. Мюнхенъ.

Ваше письмо, безцѣнный Левъ Николаевичъ, полученное мною въ Эмсѣ, не даетъ мнѣ покою [1]). Безпрестанно объ немъ думаю (тутъ что же дѣлать, какъ не думать?) и много разъ собирался отвѣчать, вчера затѣялъ длинное письмо, началъ и бросилъ: слишкомъ высокій тонъ, на который я, кажется, не имѣю права. Меня поразило то, что Вы въ дурномъ духѣ, какъ Вы пишете. Человѣкъ, на котораго обращено столько любви, со всѣхъ сторонъ! Почему Вы называете Ваше дѣло въ Бѣгичевкѣ [2]) глупымъ? Почему не вѣрите дѣйствію Вашей книги? [3]) Я вѣрю, что она будетъ имѣть большое дѣйствіе. Рано или поздно, но люди перестанутъ считать честью приготовленіе къ убійству. Государство старалось облагородить военную службу; оно обратило ее въ гражданскую обязанность, которую всѣ должны нести одинаково. Этого не должно быть и не будетъ!

Но у меня толпится слишкомъ много мыслей, которыя всѣ хотѣлось бы Вамъ высказать. И объ Розановѣ, и объ славянофилахъ, и объ наукахъ и искусствахъ,—обо всемъ хотѣлось бы поговорить. Въ Вашихъ мысляхъ всегда для меня есть поученіе, и особенно, когда онѣ идутъ противъ моихъ мыслей. Въ Эмсѣ я много занимался Вами. Тамъ я купилъ и даже переплелъ двѣ Вашихъ книжки: Крейцерову сонату и Критику догматическаго Богословія. Я ихъ читалъ и перечитывалъ; въ Критикѣ, которую я едва помнилъ, я нашелъ удивительныя вещи. Во-первыхъ, я понялъ направленіе,—истинно философскія требованія, обращенныя къ Макарію [4]), жалкому и типическому представителю нашей богословской премудрости. Во-вторыхъ, есть отдѣльныя мѣста и выраженія—несравненныя. Одно изъ нихъ прямо изъ моего сердца: «я залѣзъ», пишете Вы, «въ какое-то смрадное болото, вызывающее во мнѣ только тѣ самыя чувства, которыхъ я боюсь болѣе всего: отвращенія, злобы и негодованія» (стр. 103). Какъ сильно и ясно сказано! Да, я истинно боюсь этихъ чувствъ, и потому, какъ Вашъ Платонъ Каратаевъ, стараюсь вездѣ отыскивать благообразіе; я стараюсь всѣми силами найти хоть каплю благообразія въ томъ, что около меня дѣлается и существуетъ. Стараюсь понять, простить, а главное—стараюсь не пропустить того добра, которое смѣшано со зломъ.

Недавно я какъ-то очень разжалобился надъ собою. Какая пе-

---

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) По организаціи помощи голодающимъ, которую Толстой продолжалъ и въ 1893 году.

[3]) „Царство Божіе внутри васъ“.

[4]) См. выше.

чальная жизнь! Мальчикъ, совершенно неспособный къ ненависти, враждѣ, борьбѣ, пріѣхалъ изъ глуши въ Петербургъ. Онъ усердно занимался наукой, но его потянуло къ литературѣ, къ этому самозванному парламенту, какъ выражается Карлейль. И начинается чортова комедія. Съ 1856 года всѣ мечты литературы—разрушеніе, революція. Начинается брань на всѣхъ и на все, не только на самое гадкое, но и на самое дорогое. Вали все, — послѣ разберемъ! Катковъ, и тотъ восхищался покушеніемъ Орсини [1]). Представьте себѣ, что десять лѣтъ я читаю эти выходки. Каждый мѣсяцъ выходитъ нѣсколько толстыхъ журнальныхъ книгъ, и я вижу, что между строками въ нихъ написано: кровь и огонь! огонь и кровь! Я все понимаю, даже тоньше и вѣрнѣе, чѣмъ ярые почитатели этихъ книгъ. И при этомъ—русское невѣжество, русское легкомысліе, отчаянное русское недоброжелательство и злорѣчіе—да не скоро переберешь всю эту гадость.

Что же я сдѣлалъ? Я сталъ смѣяться надъ ними, сталъ вступаться за то, за что можно было вступаться, за логику, за Пушкина, за исторію, за философію. Шутки мои едва ли многимъ были понятны, и только покрыли мое имя позоромъ. Несчастный Тургеневъ не даромъ печатно сокрушался: «на мое имя легла тѣнь, и я знаю, она съ него не сойдетъ!» И мнѣ пришлось не мало обидъ; не одинъ разъ даже добрые знакомые показывали мнѣ презрѣніе и прекращали знакомство со мною. Но я не каялся и не буду каяться. Развѣ я былъ не правъ? Что было посѣяно, то по немногу взошло и принесло хорошія ягодки. Появились огонь и кровь, которыхъ желала литература. Сперва пожаръ (1862), потомъ выстрѣлъ въ царя (1866)—послѣ этихъ первыхъ попытокъ наступило вдругъ затишье, какъ будто испугъ; но потомъ пошли непрерывно покушенія, убійства, взрывы. До сихъ поръ помню, какъ вечеромъ я глядѣлъ въ окно, въ сторону Зимняго Дворца, и думалъ, что можетъ быть и тамъ теперь закладываютъ динамитъ; на другой день мнѣ разсказывали, что дѣйствительно тамъ произошелъ страшный взрывъ. Наконецъ, въ 1881 царь убитъ на улицѣ и съ нимъ погибъ отъ своей бомбы самъ убійца, Гриневецкій. Такъ и вся партія прихлопнула себя этимъ ударомъ, потеряла силу. Но отъ времени до времени все-таки являются новыя попытки.

Что же это за жизнь, Боже мой! Здѣсь я каждый день читаю въ газетахъ, съ какою ненавистью говорятъ о Россіи; изъ Вашихъ книгъ (есть уже толки о послѣдней книгѣ, Царствіе Божіе между вами—выписано страшное наказаніе мужика генералъ-губернаторомъ) они почерпаютъ не уроки любви, а только новую злобу. А соціалисты въ Цюрихѣ? — — —

[1]) Покушеніе итальянца графа Феличе Орсини на Императора французовъ Наполеона III въ 1858 году. Орсини былъ казненъ.

Но, простите меня, я разболтался, хоть нарочно взялъ маленькій листокъ бумаги. Съ восхищеніемъ думаю, что скоро увижу Васъ, и тогда доскажу, можетъ быть, чего не дописалъ. Лѣченіе въ Эмсѣ подѣйствовало превосходно: я поздоровѣлъ замѣтно и отбываю бодро свою повинность эстетика. Дай Богъ найти Васъ бодрымъ и здоровымъ. Простите мнѣ, если согрѣшилъ, за мою любовь къ Вамъ.

Вашъ неизмѣнный Н. Страховъ.

1893. 15 (3) авг. Мюнхенъ.

Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ [1]), Татьянѣ Львовнѣ, Марьѣ Львовнѣ [2]) и Вѣрѣ Александровнѣ [3]) мои усердные поклоны.

263. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

12-го сентября 1893 г. Петербургъ [4]).

Безбожно виноватъ я передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ! До сихъ поръ не поблагодарилъ Васъ, до сихъ поръ не выразилъ радости о томъ, что нашелъ Васъ въ такой бодрости духа и тѣла и что столько теплоты было въ Вашихъ разговорахъ со мной. Я все больше и больше понимаю, какъ Вы добры. Но я — грѣшный человѣкъ: пріѣхавши сюда, пришелъ я безъ всякой причины въ тяжелое настроеніе, отъ котораго никакъ не могъ отдѣлаться. Кажется, оно наконецъ проходитъ, и я начинаю спокойно ходить по старой колеѣ. Познакомился съ Волынскимъ [5]): лично онъ мнѣ понравился гораздо больше, чѣмъ его статьи. Прочиталъ Мимочка отравилась [6]); разговоры дочери съ матерью—прелесть; но зачѣмъ безпорядокъ въ разсказѣ? Мнѣ обѣщали, что познакомятъ меня съ авторомъ. Видѣлся со Стасовымъ [7]): онъ въ величайшемъ возбужденіи отъ Вашего письма. Онъ очень много говорилъ, но все-таки я ничего не узналъ; хотя нѣсколько догадываюсь. Перечиталъ Ваше Не-дѣланіе въ С. Вѣстникѣ [8]). Направленіе у Васъ, какъ всегда, удивительно вѣрно и чисто.

---

[1]) Кузминскія.

[2]) Дочери Толстого.

[3]) Писано послѣ посѣщенія Ясной Поляны.

[4]) Критикъ и публицистъ Акимъ Львовичъ Флексеръ (псевд. „Волынскій“); род. въ 1863 г., здравствуетъ понынѣ.

[5]) Повѣсть В. Микуличъ (Лидіи Ивановны Веселитской, род. 1857, здравствуетъ понынѣ), появившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“ 1893 г., № 9 № и 10 и служащая окончаніемъ ея трилогіи („Мимочка—невѣста“ и „Мимочка на водахъ“). Толстой зналъ лично Л. И. Веселитскую, которая посѣтила въ маѣ 1893 г. Ясную Поляну и произвела на Толстого впечатлѣніе „очень умной и серьезной женщины“ (Письма Толстого, т. I, стр. 226), а про ея повѣсть онъ выразился: „хорошо, но есть преувеличенія и подражанія самой себѣ“ (Письма Толстого къ женѣ, М. 1913, стр. 457).

[6]) Владиміръ Васильевичъ, библіотекарь Публичной Библіотеки, художественный критикъ, большой почитатель Толстого, который въ 1893 г. привѣтствовалъ его по случаю его юбилея („Новости“ 1893 г., № 35).

[7]) 1893 г., кн. IX, стр. 281—304.

А объ Дюма услышалъ я на-дняхъ отъ одного юноши, бывшаго въ Парижѣ, что онъ дѣйствительно совершенно измѣнился въ образѣ мыслей, бранить свою Dame aux camélias и т. п. [1]). Составилъ я, наконецъ, и планъ своихъ занятій; осенью напишу три статьи: въ Р. Вѣстникѣ о Шопенгауэрѣ, въ Р. Обозрѣніи объ исторіи философіи [2]), въ Вопросахъ философіи—о времени и числѣ. Обо всемъ этомъ много думано, и постараюсь разсказать свои думы какъ можно яснѣе и занимательнѣе. Такъ я себя подогрѣваю, хватаясь за всякіе поводы къ писанію; но чувствую, что нѣтъ и не будетъ у меня прежняго задора, что на меня все больше нападаетъ равнодушіе. Хорошо помню я Ваши совѣты: писать самое важное и нужное и сосредоточиваться долго на одномъ предметѣ; но не могу я справиться съ собою. Вы говорили, что хотите писать о необходимости вѣрить въ Бога для твердой нравственной жизни. Вотъ чудесная тема! Не оставляйте ее; въ Вашихъ прежнихъ писаніяхъ у Васъ есть безподобныя страницы о Богѣ, напр., въ Исповѣди. Когда въ Эмсѣ я собирался писать о философіи вообще, то хотѣлъ говорить и о различіи умовъ; напр., Вундтъ [3]) или Кавелинъ [4])—совершенно неспособные къ философіи люди, хотя много писали философскаго; а другіе, не писавшіе спеціально по философіи, напр., Л. Н. Толстой, обнаруживаютъ глубоко философскій складъ ума [5]).

Простите меня. Искренно прошу Васъ объ этомъ, чувствуя себя такимъ слабымъ и негоднымъ. А здоровье мое вполнѣ хорошо. Только старость все не проходитъ, какъ Вы однажды сказали. Эмсъ сдѣлалъ свое дѣло, и я чувствую свое горло и глотку совсѣмъ другими.

---

[1]) 22-го іюня 1893 г. Толстой писалъ Н. Н. Ге: „Еще написалъ статью о письмахъ Зола и Дюма о современномъ состояніи умовъ. Мнѣ показалось очень интересно: глупость Зола и пророческій художественный поэтическій голосъ Дюма. Пошлю въ „Сѣверный Вѣстникъ“ и въ парижскій журналъ Жюля Симона „Revue de famille“ (Письма Толстого, т. I, стр. 223 и 178).

[2]) Статья Страхова на эту тему явилась въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ (см. ниже, письмо № 268).

[3]) Знаменитый физіологъ, психологъ и философъ Вильгельмъ-Максъ Вундтъ (род. 1832), профессоръ Лейпцигскаго Университета.

[4]) Извѣстный публицистъ, юристъ и историкъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (род. 1818, ум. 1885).

[5]) Эту же мысль о томъ, что тогда какъ Катковъ и Кавелинъ, „при всей энергіи своего ума, не обладали настоящимъ философскимъ даромъ, хотя область философіи ихъ сильно привлекала“, и, наоборотъ, „Л. Н. Толстой, никогда не писавшій спеціально о предметахъ этой области, часто обнаруживаетъ въ своихъ писаніяхъ истинно-философскіе пріемы мышленія“,—высказалъ Страховъ въ предисловіи къ своему сборнику „Философскіе очерки“, С.-Пб. 1895, стр. VII.

Мои усердные поклоны Софьѣ Андреевнѣ (не въ Москвѣ ли?), Татьянѣ Андреевнѣ [1]), Татьянѣ Львовнѣ и Маріѣ Львовнѣ [2]).

Вашъ неизмѣнно преданный

1893. 12 сент. Спб. Н. Страховъ.

264. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

30-го сентября 1893 г. Петербургъ.

Только что я хотѣлъ послать Вамъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, свой фельетонъ [3]), какъ получилъ Вашу записочку [4]), въ которой Вы его хвалите. Не могу Вамъ выразить, какъ мнѣ было пріятно воображать, что Вы читаете мою статью. Ее напечатали не безъ затрудненія, и она сдѣлала маленькую сенсацію. Но опять я былъ удивленъ тѣмъ, какъ трудно понимаются самыя простыя мысли. Казну считаютъ общимъ достояніемъ, т. е., что каждый имѣетъ на нее право.

Сейчасъ же я пустился отыскивать книгу Гексли [5]). Оказалось, что она уже плыветъ въ самый исправный здѣшній магазинъ; я заказалъ, чтобы мнѣ ее доставили, и недѣли черезъ полторы получу и пришлю Вамъ. Прочиталъ я и статью Р. Мысли [6]), составленную, очевидно, моимъ пріятелемъ Тимирязевымъ [7]). Очень любопытно, что Вы скажете объ этомъ предметѣ. Вы пишете: какъ глупо! А между тѣмъ статья блистаетъ всякою ученостію, англійскою фантазіею и англійскимъ остроуміемъ. Но христіанство онъ какъ-то проглядѣлъ. Странное теперь время! Всѣ говорятъ о нравственности, и кажется, въ самомъ дѣлѣ, нашъ вѣкъ менѣе безнравственъ, чѣмъ другія времена. Но никто не знаетъ, въ чемъ истинная нравственность. Объ этикѣ пишутъ безъ конца, все отыскиваютъ настоящіе принципы и настоящую систему. «Лучшіе умы»,—сказано было не-

---

[1]) Кузминской.

[2]) Дочери Толстого.

[3]) „Гдѣ спасеніе для избиваемыхъ младенцевъ? (Письмо въ редакцію)“ за подписью Н. Н. С.—въ „Новомъ Времени“ отъ 22-го сентября 1893 г., № 6310. Касалось вопроса о конкурсныхъ экзаменахъ въ спеціальныя высшія учебныя заведенія, при которыхъ много молодыхъ людей въ эти заведенія не попадали по малочисленности вакансій. Страховъ предлагалъ, какъ выходъ, развить частную инициативу въ дѣлѣ образованія.

[4]) Она неизвѣстна.

[5]) Томасъ-Генри Гёкели (род. 1825, ум. 1895), извѣстный естествоиспытатель, профессоръ анатоміи и физіологіи и Президентъ Royal Society; здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду его вышедшее въ 1893 году сочиненіе „Evolution and ethics“.

[6]) „Эволюція и этика. (Рѣчь Томаса Гёкели)“—„Русск. Мысль“ 1893 г., кн. 9, стр. 108—129. Рѣчь Гёкели переведена и снабжена нѣкоторыми примѣчаніями и подписана иниціалами: К. А. Т.

[7]) Профессоромъ К. А. Тимирязевымъ, съ которымъ полемизировалъ Страховъ въ 1887—1889 г. (см. выше).

давно въ Вѣстн. Европы,—«заняты этимъ дѣломъ». Но, кажется, они только хотятъ помирить то, что никакъ не мирится.

Понемножку я втягиваюсь въ писанье. Буду писать объ Исторіи философіи [1]), а другую статью объ Шопенгауэрѣ. Все продолжаю быть здоровымъ. Накопилось столько дѣлъ, что страхъ подумать; но знаю, что нужно стряхнуть свою лѣнь и подойти поближе, чтобы страхъ пропалъ.

Простите меня. Дай Вамъ Богъ всего добраго.

Вашъ неизмѣнно любящій

1893. 30 сент. Спб. Н. Страховъ.

265. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

29-го октября 1893 г. Петербургъ.

Прежде всего очень извиняюсь передъ Вами, безцѣнный Левъ Николаевичъ, что такъ поздно послалъ Вамъ Гёксли [2]). Я хотѣлъ сдѣлать поскорѣе, а отъ этого и вышло дольше. Теперь же пишу Вамъ по поводу замѣчательныхъ отзывовъ объ Васъ Куно Фишера въ его новой книгѣ Arthur Schopenhauer. Посудите сами, что онъ пишетъ:

Стр. 110. Es ist eine sehr bemerkenswerthe Thatsache, dass zwei anerkannte und unwiderrufliche Grössen aus dem letzten Drittel unseres Jahrhunderts die Sache Schopenhauers zu der ihrigen gemacht und unter dem Bann seiner Werke gestande haben: der berühmteste Musiker des Zeitalters (дѣло идетъ объ Рихардѣ Вагнерѣ) und der berühmteste Schriftsteller Russlands, der durch seine religiöse Gesinnung-und Handlungweise noch interessanter und merkwürdiger ist, als durch seine Dichtungen. Graf Leo Tolstoi, nach der Vollendung seiner militärischen und in Anfängen seiner litterarischen Laufbahn, schrieb an seinen Freund Fet-Schenschin, den nachmaligen Uebersetzer des Philosophen: «Ein unwandelbares Entzücken an Schopenhauer und eine Reihe geistiger Genüsse durch ihn haben mich erfasst, wie ich sie nie bisher empfunden. Ich weiss nicht, ob ich die Meinung je ändern werde, aber gegenwärtig finde ich, dass Schopenhauer der genialste der Menschen ist. Es ist eine ganze Welt in einem unglaublich kleinen und schönen Spiegelgebilde». Noch im Jahre 1890 sei Schopenhauers Bildniss das einzige Porträt in seinem Studirzimmer gewesen [3]).

Но еще важнѣе слѣдующее мѣсто:

Стр. 123. (Показавши, что Шопенгауэръ ничуть не исполнялъ тѣхъ ученій, которыя самъ проповѣдывалъ, Куно Фишеръ говоритъ):

---

[1]) См. ниже, въ письмѣ № 268.

[2]) См. предыдущее письмо.

[3]) Vgl. Grisebach VI, Seite 212, Anmrk. (Это ссылка на новое образцовое изданіе сочиненій Шопенгауэра).

«Moral predigen ist leicht, Moral begründen ist schwer». Weit schwerer als beides, ist sie verkörpern! Daher sind die ächten Werke der Reli, gion, insbesondere Religionsstiftungen so selten, dass selbst die Werke des Genies dagegen häufig sind. Ohne seine Heilslehre in dem eigenen Leben und Leibe zu personificiren und dadurch in der anschaulichsten Form zu offenbaren, ist alle Moral und Religion, die man lehrt, mag man sie nun predigen oder begründen, doch am Ende nur «Wortkram». Dies ist es, was heutzutage einen Mann, wie Leo Tolstoi, vermocht hat, aus der pessimistischen Heilslehre sich zum wirklichen Heiland zu flüchten und zu t h u n, was die Bergpredigt fordert.

Тутъ меня восхищаетъ и Ваша слава (К. Фишеръ—классическій и очень обдуманный писатель), и то вѣрное направленіе, которое она получила. Вы поставлены образцомъ, и Вы дѣйствительно образецъ правильнаго отношенія къ нравственности и религіи. Что всего удивительнѣе—Куно Фишеръ, чтобы объяснить противорѣчіе жизни и ученія Шопенгауэра, подробно излагаетъ мысль, что это былъ человѣкъ съ х у д о ж е с т в е н н о ю натурой, имѣвшій въ себѣ много а к т е р с к а г о. Странно, что К. Ф. не вспомнилъ, что Вы даже великій мастеръ въ художествѣ, и что, слѣдовательно, его объясненіе никуда не годится. У нѣмцевъ сплошь и рядомъ встрѣчается, что по мыслямъ человѣкъ очень возвышенъ, а по [натурѣ] жизни—жалкій филистеръ. Только это не общее правило, а особенность нѣмецкой натуры. У русскихъ это не такъ, что Вы и доказываете собою.

Ну, извините меня. Я знаю, что Вы не очень любите такія извѣстія. Я вспоминаю, какъ я разъ привезъ Вамъ цѣлую пачку вырѣзокъ изъ газетъ, гдѣ упоминалось и прославлялось Ваше имя, а Вы, не читавши, бросили всю пачку въ огонь. Между тѣмъ, Шопенгауэръ до послѣдняго дня жизни съ жадностью читалъ все, что о немъ писалось, и все плакался, что пріятели не все ему присылаютъ, гдѣ упоминается его имя. Куно Фишеръ по этому случаю говоритъ: Die Ruhmbegierde, soll Plato gesagt haben, ist das letzte Kleid, das man ablegt. Dieses Kleid hat Schopenhauer nie abgelegt, in und mit ihm ist er gestorben (стр. 119).

«Разумѣется, слова К. Ф—а объ Васъ требуютъ разныхъ поправокъ, но я смотрю на главное. Да можетъ быть и съ этими извѣстіями я тоже запоздалъ?

Есть у меня еще просьба къ Вамъ. Не пришлете ли мнѣ Вашего О т ч е т а [1]), какъ онъ напечатанъ въ «Русск. Вѣдомостяхъ»? Странно раздался Вашъ голосъ о страданіяхъ и горѣ и о любви къ ближнему, когда всѣ ликовали о пріемѣ нашихъ моряковъ во Франціи.

---

[1]) О помощи голодающимъ; объ этихъ отчетахъ Толстого см. въ статьѣ В. А. Розенберга: „Л. Н. Толстой и „Русскія Вѣдомости“ въ книгѣ „Русскія Вѣдомости“. Сборникъ статей“, М. 1913, стр. 178—186, гдѣ помѣщены и снимки съ рукописей Толстого, относящихся къ отчетамъ его.

Меня очень тронули десять Вашихъ строкъ, перепечатанныхъ изъ Отчета; вѣроятно онѣ тронули и многихъ другихъ. Ваша книга Царствіе Божіе встрѣчена тихо, но очень враждебно, какъ и слѣдовало ожидать. Цензура объявила, что это самая вредная книга изъ всѣхъ, которыя ей когда-нибудь пришлось запрещать. О, Вы дѣлаете чудеса, безцѣнный Левъ Николаевичъ! Вы будите спящій духъ, Вы одинъ говорите живыя слова и они неотразимо дѣйствуютъ. По поводу Недѣланія всѣ встрепенулись и отозвались. На половину отзывы мнѣ понравились,—не содержаніемъ, а своимъ очень почтительнымъ тономъ; этотъ тонъ все еще непривычная новость.

Самъ я продолжаю быть здоровымъ и теперь какъ-то растормошился, или оживился. Пишу усердно объ Исторіи Философіи и готовлюсь писать объ Шопенгауэрѣ. (Видите—я Васъ слушаюсь?)

Дай Вамъ Богъ здоровья и силъ, и свѣтлаго духа! Усердно кланяюсь Софьѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Андреевнѣ [1]), Татьянѣ Львовнѣ и Марьѣ Львовнѣ [2]).

Душевно преданный и неизмѣнно любящій

1893. 29 окт. Спб. Н. Страховъ.

P. S. Кто такая Евгенія Сопѣгина въ Тулѣ? Я получилъ отъ нея безтолковое письмо; я спрашивалъ объ ней Софью Андреевну въ письмѣ, которымъ благодарилъ за посылку мнѣ новаго изданія и которое адресовалъ въ Москву,—отчего оно, видно, и не дошло.

266. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

8-го ноября 1893 г. Петербургъ.

Получилъ Ваше дорогое письмо [3]), безцѣнный Левъ Николаевичь, сейчасъ же я съѣздилъ къ Ухтомскому [4]), но увы!—перевода Гальмерса у него не оказалось. Онъ ѣздилъ въ Китай и усердно занимается Китаемъ,—вотъ откуда и слухъ, что у него можетъ быть найдется Гальмерсъ. Сегодня я побываю въ книжномъ магазинѣ и выпишу Вамъ эту книгу.

Ваши слова о славѣ и смерти очень меня тронули, и, кажется, я вполнѣ ихъ понимаю. Ваша слава всегда меня восхищаетъ, какъ побѣда тѣхъ началъ, которыя считаю лучшими и высшими. На юбилеѣ Григоровича [5]) чтеніе Вашего письма дѣйствительно было одною

---

[1]) Кузминская.

[2]) Дочери Толстого.

[3]) Оно неизвѣстно.

[4]) Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій, поэтъ и публицистъ, нынѣ редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[5]) Письмо, которымъ Толстой привѣтствовалъ Дмитрія Васильевича Григоровича по поводу 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, напечатано въ Сборникѣ писемъ Толстого подъ редакціей П. А. Сергѣенко, т. I, стр. 223—224.

живою минутою восторга среди всякихъ формальныхъ и искусственныхъ чествованій.

Пишу свою статью съ большимъ напряженіемъ, и все недоволенъ своимъ писаніемъ. Но—такъ и быть, хоть какъ-нибудь да скажу свою мысль—времени вѣдь ужъ не много остается. Слава Богу, до сихъ поръ Эмсъ дѣйствуетъ прекрасно, и я здоровъ. А Васъ я всегда теперь воображаю въ томъ чудесномъ видѣ, какъ оставилъ въ Ясной. Дай Богъ, дай Богъ! Простите меня. Марьѣ Львовнѣ [1]) сердечный поклонъ.

Вашъ неизмѣнно преданный и любящій

1893. 8 ноября. Спб. Н. Страховъ.

Приходилъ ко мнѣ вчера Антонъ Антоновичъ Васильевъ. Помните ли Вы его? Онъ наканунѣ отъѣзда за границу и просилъ денегъ. Каюсь—я отказалъ ему, больше всего по его рѣчамъ, хотя мнѣ очень хотѣлось не отказывать.

267. Н. Н. Страховъ — Л. Н. Толстому.

15-го марта 1894 г. Петербургъ.

Сейчасъ былъ у меня Гальперинъ-Каминскій [2]) и мнѣ понравился, но не очень. Онъ проситъ Вашихъ писемъ, безцѣнный Левъ Николаевичь, и мнѣ стало страшно за это мое сокровище. Почему онъ не привезъ отъ Васъ записочки въ двѣ-три строки? Тогда бы я безпрекословно отдалъ ему по Вашему разрѣшенію. А теперь я въ раздумьи и, чтобы выгадать время, сказалъ, что напишу Вамъ. Усердно прошу Васъ, успокойте меня, черкните мнѣ двѣ строчки: отдавать или нѣтъ? [3])

Какъ много у меня набралось писать Вамъ! Цѣлый мѣсяцъ думаю: вотъ это нужно написать Льву Николаевичу и вотъ это, и это... завтра же примусь писать.

---

[1]) Толстой.

[2]) Илья Даниловичъ, переводчикъ нѣкоторыхъ произведеній Толстого и другихъ русскихъ писателей на французскій языкъ. См. „Полемику о письмахъ Л. Н. Толстого къ гр. А. А. Толстой“ съ г. Гальперинымъ-Каминскимъ въ „Толстовскомъ Ежегодникѣ 1912 г.“, М. 1912, стр. 275—295. Здѣсь приведено письмо г. Гальперина, въ которомъ онъ заявляетъ, что на его просьбу, Страховъ, не дожидаясь разрѣшенія Толстого, „безъ возраженія передалъ ему письма Толстого и позволилъ ему сдѣлать копіи съ нихъ“ (стр. 278), но онъ успѣлъ переписать лишь часть писемъ (стр. 279); тутъ же онъ приводитъ письмо Толстого отъ 16—23-го марта 1894 г., въ которомъ Толстой высказываетъ сомнѣніе въ томъ, что Страховъ разрѣшитъ печатать письма (стр. 280). См. слѣдующее письмо.

[3]) Узнавъ, что Гальперинъ-Каминскій обращался къ графинѣ А. А. Толстой съ просьбою дать ему письма къ ней Толстого, послѣдній высказывалъ надежду, что графиня ему въ томъ отказала (Толстовскій Музей, т. I, стр. 374).

Дай Вамъ Богъ здоровья! Самъ я здоровъ, насколько могу быть здоровымъ.

Вашъ неизмѣнный

1894. 15 марта Спб. Н. Страховъ.

P. S. Прошу потому, что я тупъ на людей, а Вы проницательны.

268. Н. Н. Страховъ—Л. Н. Толстому.

20-го марта 1894 г.

Вчера я получилъ Ваше письмо [1]), безцѣнный Левъ Николаевичь, въ то время, когда у меня сидѣлъ Гальперинъ и я уже готовъ былъ отдать ему Ваши письма. Я принялся отговариваться, полу-солгалъ, полу-обѣщалъ и не далъ писемъ. Конечно, онъ не замышляетъ ничего дурного, но онъ навязчивъ, какъ еврей, и тупъ въ своихъ понятіяхъ, какъ французъ. Большой пользы отъ него ожидать нельзя. Я постарался и постараюсь выгородить Васъ. Онъ говорилъ, что получилъ отъ графини Александры Алексѣевны [2]) копіи съ Вашихъ писемъ. Будетъ съ него! Пусть нанижетъ книжку ходячихъ фразъ съ ходячими пріемами глубокомыслія и тонкости. Онъ довольно уменъ, но ничуть не подготовленъ для пониманія Васъ и русской литературы. Для него это—чужая область.

А вечеромъ вчера пришелъ ко мнѣ Платонъ Кусковъ (помните его стихи?) [3]). У него съ мѣсяцъ назадъ умерла жена и объ этой смерти я все хотѣлъ написать Вамъ. Они жили почти такъ, какъ Позднышевъ со своей женой [4]), вѣчно ревновали и подъ конецъ дошли до большаго охлажденія. А у нихъ двѣ дочери замужемъ, два сына студенты и еще трое дѣтей. Въ послѣдній разъ, какъ я у нихъ обѣдалъ, жена стала горько жаловаться. (У нихъ все дѣлалось открыто, и они оба болтливы, такъ что горе ихъ не казалось серіознымъ). Жена жаловалась, что она всю жизнь жила въ одиночествѣ, что мужъ не входилъ въ ея вопросы и мысли, и она сама должна была все рѣшать и обдумывать. Меня поразила ея искренняя, горячая рѣчь, и мужъ не нашелся, что сказать. Черезъ двѣ-три недѣли послѣ этого обѣда она заболѣла, она,—считавшаяся самымъ здоровымъ членомъ семьи. Наконецъ она слегла, пролежала недѣли двѣ и умерла. Болѣзнь—разстройство сердца, мучительная, но не очень, безъ бреда и забытья, и смерть—мгновенная, безъ агоніи. И вотъ въ эти двѣ недѣли (мнѣ все подробно разсказывали) происходило самое лучшее, что только было въ жизни этой семьи. За больною ухаживали не-

---

[1]) Оно не извѣстно.

[2]) Т. е. графини Александры Андреевны Толстой; см. предыдущее письмо.

[3]) Поэтъ Платонъ Александровичъ Кусковъ (ум. 15-го августа 1909 г.), пріятель Страхова.

[4]) Изъ „Крейцеровой Сонаты“.

усыпно, самоотверженно мужъ и дѣти,—и она поняла, какъ ее любятъ. Она прежде не вѣрила ни любви мужа, ни любви дѣтей, а тутъ приходила въ умиленіе отъ ихъ заботъ и была необыкновенно счастлива тѣмъ, что ея подозрѣнія и вражда растаяли безъ слѣда. Эта болѣзнь и смерть пробудила во всѣхъ самыя лучшія чувства.

Когда я шелъ на выносъ, то думалъ: хорошо, что естественный эгоизмъ такъ силенъ въ людяхъ, а не то, послѣ такой потери, мужу, влюбленному тридцать лѣтъ въ свою жену, пришлось бы пропасть отъ горя. И, точно, все прошло благополучно. Кусковъ говорилъ мнѣ, что упрекаетъ себя за то, что мало страдаетъ, что ему порой кажется стыдно жить, что онъ удивляется, когда находятъ на него минуты, въ которыя онъ забываетъ о смерти жены. Онъ прибавлялъ, что вообще не хорошо, что у людей такъ мало страданій, что вѣдь только въ страданіяхъ человѣкъ начинаетъ почеловѣчески мыслить и чувствовать. Разсказамъ о женѣ у него нѣтъ конца. Вчера онъ говорилъ, что всегда самъ обрѣзывалъ у нея ногти на ногахъ, необыкновенно, по его сужденію, красивыхъ. Но въ послѣдніе два года вражда дошла до того, что это обрѣзываніе ногтей прекратилось. Когда же больная почувствовала прежнее, и даже лучшее настроеніе любви, она просила мужа обрѣзать ей ногти,—и онъ вспоминалъ объ этомъ съ большой отрадой.

Простите мнѣ блѣдность этого разсказа, но Кусковъ и его жена для меня живыя лица, хорошо знакомыя, и я готовъ радоваться, что эта смерть была такимъ благополучіемъ.

Теперь я совершенно погруженъ въ печатаніе Фета [1]); оно, наконецъ, кончается, и скоро я буду свободенъ. Все больше и больше влюбляюсь въ эти стихи и все лучше ихъ понимаю. Болѣзнь Марьи Петровны очень меня огорчаетъ; дай Богъ, чтобы сбылось предвѣщаніе Говорухи [2]), который пишетъ, что увѣренъ въ выздоровленіи, несмотря на толки докторовъ [3]). А что Вы скажете о Говорухѣ? Онъ пишетъ, что плѣненъ Вами, что съ Вами разговаривалъ. Въ немъ есть черта, которая его портитъ,—очень тонкая ходульность, а несомнѣнно—человѣкъ съ умомъ и характеромъ.

Ваши нѣсколько страницъ о свободѣ воли [4]) содержатъ

---

[1]) Т. е., собранія „Лирическихъ стихотвореній А. А. Шеншина-Фета“, вскорѣ вышедшаго, въ 2-хъ частяхъ.

[2]) Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, критикъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

[3]) Марья Петровна Шеншина, рожд. Боткина, въ это время уже скончалась, о чемъ Страховъ получилъ извѣстіе 21-го марта (В. В. Розановъ. Литературные изгнанники, т. I, С.-Пб. 1913, стр. 377).

[4]) Статья Толстого „Къ вопросу о свободѣ воли. (Изъ неизданнаго сочиненія)“ напечатана была въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 1 (21), Январь 1894 г., стр. 1—7. По мнѣнію Страхова въ письмѣ къ Н. Я. Гроту, статья Толстого „очень отрывочна, но очень интересна и глубоко затрогиваетъ вопросъ“ („Н. Я. Гротъ“, С.-Пб. 1911, стр. 254).

такую вѣрную и отчетливо формулированную мысль, что я восхищался Вашею проницательностью. Что значитъ—не только мыслить, но и руководиться чувствомъ, душою! Мнѣ приходило на мысль написать толкованіе на эти страницы. Относительно своей статьи объ исторіи философіи я успокоился: всѣ ее хвалятъ [1]). Очень горжусь, что сдѣланъ почетнымъ членомъ Общества вмѣстѣ съ Вами [2]). И, если ужъ пошло дѣло о честолюбіи, то честь не малая! Въ послѣднее время чувствую себя здоровымъ и зароились у меня планы—написать то и другое [3]). Конечно, все о важнѣйшихъ предметахъ. Вы пишете, что философія не очень же необходима, если тридцать лѣтъ ее отвергали. Но я такъ поставилъ, что говорю о фактахъ, объ исторіи. А дѣйствительно, у меня недостаетъ важнаго пункта: какое значеніе имѣла и имѣетъ философія въ жизни людей? Мнѣ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ кончить статью этимъ вопросомъ.

Объ Микуличъ [4]) напишу Вамъ въ слѣдующій разъ. Съ какимъ наслажденіемъ читаю это настоящее писаніе, не выдуманное, не фальшивыя бумажки, какъ выражается мой пріятель Стахѣевъ (купеческаго рода).

---

[1]) Статья Страхова „О задачахъ исторіи философіи“ (помѣчена 16-мъ ноября 1893 г.), написанная по поводу двухъ книгъ его одноименника, Николая Николаевича Страхова (преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи): „Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени“ (Харьк. 1893) и „Ученіе о Богѣ по началамъ разума (въ общедоступномъ изложеніи), М. 1893; она была напечатана въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“ 1894 г., кн. 1 (21), Январь, стр. 1—34, и перепечатана потомъ въ сборникѣ Страхова „Философскіе очерки“, С.-Пб. 1895, стр. 432—480. „Нѣсколько замѣчаній“ о философіи самого Н. Н. Страхова—статья Э. Л. Радлова—была помѣщена въ 1896 г. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (ч. 305. іюнь, отд. II. стр. 339—361).

[2]) Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 24-го января 1894 г. Толстой былъ выбранъ (25 избирательными и 5 неизбирательными шарами) Почетнымъ его членомъ, какъ и Страховъ (21 избир. и 9 неизбир.; „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 23, стр. 457). Благодарственное письмо Страхова къ Н. Я. Гроту (отъ 31-го января 1894 г.) за честь, которую Гротъ ему „оказалъ и устроилъ“ избраніемъ этимъ, см. въ книгѣ: Н. Я. Гротъ, С.-Пб. 1911, стр. 255—256.

[3]) Въ 1894 г., въ изданіи Л. Ѳ. Пантелѣева, Страховъ выпустилъ 2-е изданіе перевода книги Ипполита Тэна „Объ умѣ и познаніи“ и издалъ 2-е изданіе своей книги „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“; кромѣ того, въ мартовской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ Страховъ напечаталъ (ч. 292, отд. II. стр. 184—185) рецензію на сочиненіе К. Д. Ушинскаго „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи“, вышедшее тогда 8-мъ изданіемъ, сокращеннымъ подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера и Л. Н. Модзалевскаго, а въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“—статью (возраженіе В. С. Соловьеву): „Историческіе взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевскаго“ (стр. 154—183).

[4]) См. выше.

Простите меня, и дай Вамъ Богъ здоровья и всякаго благополучія! Усердные поклоны Софьѣ Андреевнѣ, Марьѣ Львовнѣ, а если пріѣхали Парижскіе странники,—то Татьянѣ Львовнѣ и Льву Львовичу [1]). Его совершеннолѣтіе—опять вѣдь хорошо!

Вашъ неизмѣнно любящій и преданный

Н. Страховъ.

1894. 20 марта Спб.

На этомъ письмѣ прекращается серія писемъ Страхова, переданныхъ Обществу Толстовскаго Музея графинею С. А. Толстою. Но были и позднѣйшія его письма; одно изъ нихъ, относящееся къ сентябрю-октябрю 1894 г. и не оконченное, напечатано И. П. Матченкомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1901 г. (кн. 6, стр. 458—460), а объ одномъ письмѣ конца 1895 г. упоминаетъ самъ Толстой въ письмѣ къ женѣ своей изъ Москвы отъ 28-го декабря 1895 г., говоря, что отъ Страхова онъ получилъ письмо, въ которомъ тотъ „жалуется на мертвенность Петербурга и на рабскую подлость людей. На него даже не похоже". Вскорѣ послѣ этого, 24-го января 1896 года, Страховъ скончался, послѣ операціи рака. Посѣщавшій въ то время Толстого въ Москвѣ проф. В. Ѳ. Лазурскій въ своей интересной статьѣ: „Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ. (Изъ личныхъ воспоминаній)", свидѣтельствуетъ, что Толстой „отзывался о Страховѣ съ большою любовью и уваженіемъ, особенно указывалъ на его всестороннюю образованность и очень хотѣлъ знать, какъ умиралъ его старый другъ. Со словъ близкихъ родныхъ ему сообщили, что Страховъ не зналъ о приближеніи смерти, такъ какъ ему не говорили о томъ, что ракъ уже распространился на легкія. Послѣдними словами Страхова были: „Ну, я отдохнулъ, теперь поработаю". Онъ умеръ безъ всякой агоніи" („Русская быль", серія III.—I. Л. Н. Толстой. Біографія, характеристики, воспоминанія. (Жизнь. Личность. Творчество). Сборникъ статей: П. И. Бирюкова, В. В. Каллаша, проф. В. Ѳ. Лазурскаго, П. А. Сергѣева и Н. И. Тимковскаго, М. 1910, стр. 156). Б. Модзалевс

БИБЛІОТЕКА ЧИНОВЪ МОСКОВСКАГО ПОЧТАМТА. Б № 1024

Просятъ съ книгою обращаться БЕРЕЖНО.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ Московск. Обл. Библиотеки

[1]) Дѣти Толстого.

2

23/1